B-02

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

2472

Проверено 1948 г.

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

Книга восемьдесятъ четвертая.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

восемьдесятъ четвертой книги Временника Лицея.

Журналы засѣданій Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея 28 августа, 13 сентября, 12 и 18 октября, 2 ноября и 18 декабря 1899 г. . . . . 1—38

Акты города Романово-Борисоглѣбска 1627—1690 г.г. и. д. экстраординарнаго профессора *И Я. Гурлянда* . . . 1—IV+1—36

Система философіи права. Краткій очеркъ исторіи философіи права проф. Берлинскаго Университета А. Лассона, переводъ съ нѣмец. Ширяевой подъ редакціей и съ предисловіемъ приватъ-доцента *Н И. Палієнко* 1—VII+104

Понятіе процесса въ наукѣ гражданскаго судопроизводства (вступительная лекція) приватъ-доцента *В. М. Гордона* . . 1—19

Система русскаго гражданскаго судопроизводства (конспектъ лекцій) *В. М. Гордона* 1—79

Организація лишенія свободы въ Сѣверной Америкѣ, переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *В. Н. Ширяева* . . . 1—II+1—84

Исторія Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ (1803—1899 г.г.), 2-е изд., *К. Д Головщикова* . . 1—104

Юридическая библіографія—выпускъ 57-й.

1899 года, Августа 28 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго* присутствовали: ординарный профессоръ *В. Г. Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей *Н. А. Тихвинскій*, и. д. доцента *М.. М. Катковъ*, приватъ-доценты: *А Р. Свирщевскій*, *И. Я. Гурляндъ* и *В. А. Юшкевичъ*

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили**: представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 9 и 20 сего августа за №№ 18.873 и 19.773, коими увѣдомляетъ, что г. управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ оставить студентовъ Лицея на соотвѣтствующихъ курсахъ еще на одинъ годъ: 1 курса—Бѣляшевскаго Александра, Каратыгина Владиміра; 2 курса—Кишкина Ивана, Павловскаго Николая, Соколова Александра, Черныха Владиміра; 3 курса—Александрова Вячеслава, Александрова Петра, Губаржевскаго Виктора, Протопопова Николая, Семиградова Ивана, Страхова Петра, Щипанова Константина, барона Штакельберга Вольдемара; 4 курса - Безсмертнаго Николая, Воронцова-Вельяминова Виктора, Гурьева Сергѣя, Залѣскаго Александра и Монкевича Эдгара. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

3) Прошенія студентовъ Лицея: 3 курса Щипанова Константина и 4 курса Лимберга Балдуина о выдачѣ имъ, какъ достигшимъ 27-лѣтняго возраста, удостовѣреній для представленія въ подлежащія воинскія присутствія при исходатайствованіи дополнительной отсрочки отбыванія воинской повинности до окончанія образованія ихъ въ Лицеѣ. **Опредѣлили:** Выдать Щипанову и Лимбергу просимыя ими удостовѣренія, указавъ въ оныхъ, что полный курсъ наукъ въ Лицеѣ они могутъ окончить — первый къ іюню 1901 года, а послѣдній въ іюнѣ 1900 г.

4) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ (въ томъ числѣ изъ Духовныхъ Семинарій по повѣрочному экзамену): Алексѣевскій Александръ изъ Архангельской семинаріи, Альтовскій Вячеславъ Костромской семинаріи, Амбросовскій Александръ Витебской семинаріи, Анагорскій Петръ Костромской семинаріи, Андреевъ Николай изъ Московскаго университета (Московской 6-й гимназіи), Башуровъ Викторинъ изъ Московскаго университета (Красноярской гимназіи), Бернардъ Иванъ Московскаго университета (Калужской гимназіи), Болдыревъ Александръ Литовской семинаріи, Варварчукъ Павелъ Ярославской гимназіи, Верховскій Павелъ Костромской семинаріи, Вершинскій Павелъ Минской семинаріи, Гладкій Аѳанасій Черниговской семинаріи, Горошковъ Матвѣй Ярославской гимназіи, Донецкій Ѳеодоръ Московскаго университета (Московской 1-й гимназіи), Дрейзинъ Михаилъ Литовской семинаріи, Запрудскій Іоиль Ярославской семинаріи, Затонскій Дмитрій Воронежской семинаріи, Звѣревъ Александръ Московской семинаріи, Зосимовскій Викторъ Тверской семинаріи, Кабалкинъ Александръ изъ Томскаго университета (Омской гимназіи), Катрановъ Владиміръ Екатеринославской семинаріи, Качевскій Владиміръ Смоленской семинаріи, Качевскій Иванъ Смоленской семи-

наріи, Коварскій Мордухъ Ковенскій гимназіи, Кореневъ Авраамъ Екатеринославской гимназіи, Корсунскій Михаилъ Ярославской семинаріи, Кутыревъ Александръ изъ Московскаго университета (Таганрогской гимназіи), Лебедевъ Николай Костромской семинаріи, Левицкій Владиміръ Подольской семинаріи, Левкоевъ Ѳеодоръ Тамбовской семинаріи, Львовъ Петръ, Князь, изъ Московскаго университета (Калужской гимназіи). Люльковскій Константинъ Литовской семинаріи, Мельгуновъ Александръ Елатомской гимназіи, Михайловскій Николай Тверской семинаріи, Моревъ Иванъ Ярославской семинаріи, Надеждинъ Борисъ изъ Лѣсного Института (Ярославской гимназіи). Нахшенъ Хаимъ Житомірской гимназіи, Новосельскій Михаилъ Полтавской семинаріи, Образцовъ Юрій Тверской семинаріи, Орловъ Ѳеодоръ Орловской семинаріи, Островскій Иванъ Костромской семинаріи, Островскій Константинъ Лѣсного института (Ярославской гимназіи), Остроумовъ Симонъ изъ Томскаго университета (Вологодской семинаріи), Пересвѣтовъ Борисъ Кіевскаго университета (Бѣлоцерковской гимназіи), Перцевъ Александръ Донской семинаріи, Петровъ Александръ Вологодской гимназіи, Подгоренскій Димитрій Воронежской семинаріи, Покровскій Владиміръ Владимірской семинаріи, Покровскій Петръ Тверской семинаріи, Похилевичъ Андрей Воронежской семинаріи, Прозоровскій Аркадій Московскаго университета (Владимірской гимназіи), Прозоровъ Алексѣй Ярославской семинаріи, Просяниченко Евгеній Кіевской семинаріи, Ржаницынъ Александръ Вологодской семинаріи, Рождественскій Николай Тверской семинаріи, Савенко Михаилъ Черниговской семинаріи, Соколовъ Александръ Ярославской гимназіи, Соколовъ Вячеславъ Ярославской семинаріи, Соколовъ Михаилъ Смоленской семинаріи, Соснинъ Александръ Ярославской семинаріи, Сперанскій Сергѣй Ярославской семинаріи, Ста-

ниловскій Борисъ Ярославской гимназіи, Тучапскій Леонидъ Кіевской семинаріи, Чайко Петръ Черниговской семинаріи, Шаховской Сергѣй, Князь, Уфимской гимназіи, Шишинъ Василій Рязанской семинаріи, Юрковъ Владиміръ Екатеринославской семинаріи, Яковлевъ Петръ Костромской семинаріи, Яновскій Георгій Екатеринославской семинаріи; на 2 й курсъ: Валевскій Иванъ Варшавскаго университета (Сѣдлецкой гимназіи), Доброхотовъ Борисъ Московскаго университета (Владимірской гимназіи), Панинъ Анатолій Казанскаго университета (Ларинской гимназіи); на 3-й курсъ: Бѣгичевъ Димитрій Московскаго университета (Поливановской гимназіи), Гуглинскій Степанъ Московскаго университета (Кѣлецкой гимназіи), Дьяченко Іосифъ Новороссійскаго университета (1-й Кіевской гимназіи), Коссовскій Максимъ Московскаго университета (2-й Виленской гимназіи), Массальскій Владиміръ Московскаго университета (Ставропольской гимназіи); на 4-й курсъ: Блезе Владиміръ Московскаго университета (гимназіи Креймана), Гагаринъ Константинъ, Князь, Московскаго университета (Лицея Цесаревича Николая), Герасимовъ Павелъ Московскаго университета (Херсонской гимназіи), Каганъ Мендель Петербургскаго университета (гимназіи Человѣколюбиваго Общества), Капканщиковъ Николай Московскаго университета (Лицея Цесаревича Николая), Поповъ Александръ Московскаго университета (Новочеркасской гимназіи), Харламовъ Леонидъ Московскаго университета (Рязанской гимназіи), Шемаевъ Иванъ Казанскаго университета (2-й Казанской гимназіи), Щукинъ Михаилъ Московскаго университета (Тверской гимназіи). **Опредѣлили**: принять къ свѣдѣнію.

5) По выслушаніи прилагаемаго при семъ отзыва ординарнаго профессора Э. Н. Берендтса о кандидатскомъ сочиненіи Ткаченко Димитрія подъ заглавіемъ „Борьба

съ пьянствомъ", — **опредѣлили**: утвердить Ткаченко въ искомой степени кандидата юридическихъ наукъ, въ чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

6) Окончившимъ въ нынѣшнемъ году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи сочиненія Чернышемъ Діонисіемъ таковое представлено на тему: „Финансово-Статистическій очеркъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи", которое **опредѣлили**: передать для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту А. Р. Свирщевскому.

7) Къ предстоящему 30 сего августа Лицейскому акту изготовлена приватъ-доцентомъ И. Я. Гурляндомъ рѣчь: „О древне-русской Ямской гоньбѣ", а г. Директоромъ — лѣтопись Лицея за истекшій учебный годъ. **Опредѣлили**: одобрить то и другое для произнесенія на актѣ и напечатать во Временникѣ Лицея.

8) Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ заявилъ о необходимости пріобрѣсти для Лицейской Библіотеки ненаходящееся въ продажѣ изданіе Министерства Юстиціи: „Проэктъ Высочайше утвержденной Редакціонной Комиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія (обязательства)". **Опредѣлили**: просить Редакціонную Комиссію по составленію Гражданскаго Уложенія при Министерствѣ Юстиціи о высылкѣ для Лицейской Библіотеки названнаго изданія.

9) Составлено прилагаемое при семъ росписаніе для чтенія въ Лицеѣ лекцій въ $1^{899}/_{900}$ учебномъ году. **Опредѣлили**: росписаніе это утвердить.

(Приложеніе къ ст. 5).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Окончившій въ 1898 году Демидовскій Юридическій Лицей съ правомъ на полученіе степени кандидата Д. Ткаченко представилъ въ качествѣ кандидатской диссертаціи разсужденіе подъ заглавіемъ: „Борьба съ пьянствомъ". Разсмотрѣвъ всѣ формы этой борьбы, принятыя втеченіе послѣднихъ столѣтій на Западѣ Европы, въ Америкѣ и у насъ, въ Россіи, остановившись въ особенности на полицейскомъ значеніи казенной винной монополіи и на Готенбургской системѣ продажи спиртныхъ напитковъ, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что лишь распространеніе просвѣщенія приведетъ къ уничтоженію пьянства. Всѣ другія мѣры борьбы имѣютъ только палліативный характеръ Разсужденіе написано весьма удовлетворительно; авторъ добросовѣстно изучилъ не только книжную, но и журнальную литературу. Свою способность правильно и логично излагать научныя мысли онъ доказалъ уже два года тому назадъ работою на премію на тему по Полицейскому праву.

На основаніи вышеизложеннаго имѣю честь ходатайствовать о признаніи его достойнымъ искомой имъ степени.

Ординарный профессоръ *Э. Берендтсъ.*

1899 17/VIII.

1899 года, Сентября 13 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *Э. П. Берендтсъ*, *В. Г. Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей *Н. А. Тихвинскій*, и д. доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты: *А. Р. Свирщевскій*, *В. А. Юшкевичъ и М. П. Чубинскій*.

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили**: представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) На основаніи § 1-го Библіотечныхъ Правилъ происходило избраніе въ въ члены комиссіи для ревизіи Лицейской Библіотеки. Кромѣ членовъ Правленія, входящихъ въ составъ комиссіи на основаніи Правилъ, избранными оказались приватъ доценты: В. А. Юшкевичъ и Е. Д. Синицкій. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

3) Прошеніе студента Лицея, 2 курса, Павловскаго Николая о выдачѣ ему, какъ достигшему 27 лѣтняго возраста, удостовѣренія для представленія въ Шацкое уѣздное по воинской повинности Присутствіе при исходатайствованіи дополнительной отсрочки по отбыванію воинской повинности до окончанія образованія въ Лицеѣ **Опредѣлили**: Выдать Павловскому просимое удостовѣреніе, указавъ въ ономъ, что студентъ этотъ полный курсъ наукъ въ Лицеѣ можетъ окончить къ іюню мѣсяцу 1902 года.

4) Г. Директоръ завилъ Совѣту, что 21 сего сентября исполнится 50 лѣтъ службы бывшаго Директора сего Лицея, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, М. Н. Капустина, и потому предложилъ почтить юбиляра поднесеніемъ ему отъ имени Лицея адреса въ слѣдующей редакціи:

„ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Михаилу Николаевичу Капустину.

Отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Полвѣка Вашего служенія наукѣ и народному просвѣщенію постоянно свидѣтельствовало о той высотѣ, на которой Вы стоите, какъ ученый, педагогъ и администраторъ. Вы всегда шли въ уровень съ развитіемъ Западно-Европейской науки, всегда были вѣрны тѣмъ просвѣтительнымъ идеаламъ и мѣропріятіямъ, благодаря которымъ такъ высоко поставлено дѣло народнаго просвѣщенія въ наиболѣе культурныхъ государствахъ. Все это составляетъ достояніе не только Вашего ума, но и сердца, что такъ хорошо извѣстно всѣмъ близко Васъ знающимъ; а къ таковымъ принадлежитъ конечно и Демидовскій Юридическій Лицей, который 13 лѣтъ состоялъ подъ Вашимъ управленіемъ, который признаетъ Васъ первымъ своимъ устроителемъ и дорожитъ доселѣ многими Вашими завѣтами, данными Лицею на пользу его благосостоянія.

Сердечно радуемся, что въ настоящій юбилейный Вашъ день мы можемъ выразить Вамъ нашу признательность и пожеланія о продолженіи Вашего служенія народному просвѣщенію еще на многіе годы“.

Опредѣлили: Одобривъ редакцію адреса, послать оный своевременно въ Петербургъ М. Н. Капустину.

5) По заявленію приватъ-доцента М. П. Чубинскаго **Опредѣлили** напечатать во Временникѣ Лицея сочиненіе его „Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ области Уголовнаго права".

6) Окончившій въ 1898 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученіе степени кандидата юридическихъ наукъ, по представленіи сочиненія, Герцъ Гвидонъ нынѣ таковое представилъ подъ заглавіемъ: „Историческое развитіе переводнаго векселя въ Западной Европѣ". **Опредѣлили**: Передать это сочиненіе для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту И. Я. Гурлянду.

7) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1 курсъ — Вишневскій Евгеній изъ Елатомской гимназіи, Грохольскій Владиславъ Воронежской гимназіи, Ламанскій Иванъ изъ Юрьевскаго университета (Вологодской семинаріи), Лебедевъ Всеволодъ изъ Казанскаго университета (Саратовской гимназіи), Покровскій Петръ Тверской семинаріи, Селенгинскій Николай Томскаго университета (Черниговской семинаріи), Шипинъ Валеріанъ Московскаго университета (Виленской 1-й гимназіи); на 2 курсъ: Григорашъ Николай Томскаго университета (Екатеринославской семинаріи), Злагостевъ Валеріанъ Харьковскаго университета (2-й Херсонской гимназіи). Игнатьевъ Викторъ Кіевскаго университета (Кіевской 1-й гимназіи), Лапчинскій Владиміръ Московскаго университета (Минской гимназіи), Рудневъ Александръ Московскаго университета (Ставропольской гимназіи); на 3-й курсъ: Миткевичъ Янъ-Губертъ Одесскаго университета (Ревельской гимназіи). Шидловскій Александръ Московскаго университета (2-й Тифлисской гимназіи) и на 4 курсъ: Клюковской Иванъ Петербургскаго университета (Рязанской гимназіи) **Опредѣлили**: записать объ этомъ въ журналъ.

1899 года, Октября 12 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *Э. Н. Берендтсъ*, *В. Г. Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей *П. А. Тихвинскій*, и. д. экстраординарнаго профессора *П. П. Соколовъ*.

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложенія г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 21 и 24 минувшаго сентября и 8 сего октября за №№ 22195, 22751 и 24166, коими увѣдомляетъ, что Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра разрѣшаетъ бывшимъ студентамъ Лицея: 3 курса Воробьеву Александру и 4 курса Рязанову Николаю и Хотинскому Виталію остаться въ Лицеѣ на соотвѣтствующихъ курсахъ еще на одинъ годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію

3. Г. Директоръ заявилъ Совѣту о полученіи имъ отъ Кіевскаго Городского Воинскаго Присутствія увѣдомленія, что приватъ-доцентъ Лицея М. П. Чубинскій, какъ записавшійся по отбыванію воинской повинности, вольноопредѣляющимся, долженъ нынѣ же и немедленно поступить на военную службу. По обсужденіи Совѣтъ **опредѣлилъ:** Предпринять ходатайство предъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ о Всемилостивѣйшемъ перечисленіи г.

Чубинскаго изъ категоріи лицъ, записавшихся по отбыванію воинской повинности на правахъ вольноопредѣляющихся въ категорію отбывающихъ воинскую повинность по жребію, о чемъ увѣдомить и Кіевское Воинское Присутствіе.

4. Прошенія студентовъ Лицея 4 курса Гурьева Сергѣя и Заіончковскаго Мечислава объ исходатайствованіи имъ, какъ достигшимъ 27-лѣтняго возраста ,дополнительной отсрочки по отбыванію воинской повинности до окончанія образованія въ Лицеѣ. **Опредѣлили**: выдать Гурьеву и Заіончковскому отъ Совѣта удостовѣренія для представленія въ подлежащія Воинскія Присутствія, при чемъ въ удостовѣреніяхъ этихъ указать, что вышепоименованные студенты могутъ окончить полный курсъ наукъ въ Лицеѣ къ іюню мѣсяцу 1900 года.

5. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ: на 1 курсъ—Ивенскій Леонтій изъ Ковенской гимназіи, на 2-й курсъ: Воржскій Сергѣй Московскаго университета (Рыбинской гимназіи), Корниловичъ Евгеній Петербургскаго университета (6-й Петербургской гимназіи), Македонскій Константинъ Варшавскаго университета, Розановъ Николай Томскаго университета (Владимірской семинаріи), на 3-й курсъ: Барановичъ Францискъ Московскаго университета (1-й Виленской гимназіи), Варпаховскій Викторъ Московскаго университета (Вяземской гимназіи), Пигаревъ Василій Московскаго университета (Лицея Цесаревича Николая), Трунцевскій Михаилъ Московскаго университета (Тамбовской гимназіи) и Тютчевъ Николай Московскаго университета (Лицея Цесаревича Николая). **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

1899 года. Октября 18 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *Э. П. Берендтсъ*, *В. Г. Щегловъ*, профессоръ богословія, протоіерей *П. Л. Тихвинскій*, и. д. экстраординарнаго профессора *П. П. Соколовъ*, и. д. доцентовъ: *М. А. Литинскій* и *М. М. Каткосъ*, приватъ-доценты: *А. Р. Свирщевскій*, *А. В. Шмидтъ*, *И. Я. Гурлянд*ъ, *В. А. Юшкевичъ*, *С. П. Никоновъ*, *М. П. Чубинскій*.

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Препровожденную при отношеніи Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 16 Августа сего года за № 19.493, прилагаемую при семъ журналѣ копію съ выписки журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 6 Іюля 1899 года за № 1410 съ заключеніемъ по отчету оставленнаго при Лицеѣ стипендіата Владиміра Гагена о научныхъ его занятіяхъ въ теченіе 1898 года. **Опредѣлили:** принять къ свѣдѣнію.

3) Г.г. профессорами и преподавателями Лицея, на на основаніи § 3 инструкціи преподавателямъ, представлены слѣдующіе учебные планы для чтенія лекцій въ $1^{899}/_{900}$ учебномъ году: ординарнымъ профессоромъ В. Г. Щегловымъ: „Имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что въ наступающемъ академическомъ $^{1899}/_{1900}$ году я

буду читать курсъ энциклопедіи права по программѣ, выработанной въ этой наукѣ. Изложенію общихъ вопросовъ права, общей его теоріи, будетъ предшествовать краткій очеркъ теоріи философіи права въ древности (особенно ученіе Платона и Аристотеля) и новое время (школы права). Одинъ часъ въ недѣлю я намѣренъ посвятить практическимъ занятіямъ—чтенію и комментированію „политики" Аристотеля. Курсъ институцій римскаго права будетъ излагаться мною согласно съ принятой въ наукѣ римскаго права системою (личное право, семейное, имущественное—вещное и обязательственное право, наслѣдственное и гражданское процессуальное право) въ связи съ чтеніемъ избранныхъ мѣстъ изъ институцій Гая. Что касается всеобщей исторіи права, преподаваніе которой поручено мнѣ Совѣтомъ Лицея, то я буду излагать его въ системѣ, выработанной мною въ прежніе годы чтеній съ необходимыми измѣненіями въ разныхъ частяхъ курса, которыя вызываются появившимися за послѣднее время изслѣдованіями въ области сравнительнаго правовѣдѣнія. Такимъ образомъ послѣ введенія, гдѣ идетъ рѣчь о задачахъ, методѣ и литературѣ науки всеобщей исторіи права слѣдуетъ въ моемъ курсѣ изложеніе періода донаціональнаго (примитивнаго) состоянія права, какъ исходнаго момента въ дальнѣйшемъ историческомъ, національномъ образованіи права на Востокѣ и въ античномъ мірѣ (періодъ узко-національнаго образованія права) и въ новое время (періодъ универсально-національнаго образованія права). Изученіе права въ древнемъ и новомъ мірѣ основывается на источникахъ — законодательныхъ памятникахъ у древнихъ и новыхъ народовъ. — Приватъ-доценты В. А. Юшкевичъ по гражданскому праву, Е. Д. Синицкій — уголовному процессу и М. П. Чубинскій — уголовному праву объяснили, что чтеніе лекцій студентамъ въ текущемъ учебномъ году будутъ производить сообразно утвержден-

нымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программамъ для испытаній въ государственныхъ комиссіяхъ; приватъ-доцентомъ С. П. Никоновымъ представлены: планъ лекцій по русскому гражданскому праву, часть II-я—права обязательственныя, семейныя и наслѣдственныя, и программа по *исторіи римскаго права*. Всѣ остальные наличные преподаватели Лицея, какъ-то: заслуженный ординарный профессоръ С. М. Шпилевскій по *исторіи русскаго права*, ординарный профессоръ Э. А. Берендтсъ—государственному и административному праву, протоіерей Н. А Тихвинскій—богословію, и. д. экстра-ординарнаго профессора П. П. Соколовъ—церковному законовѣдѣнію, и. д. доцента М А. Линнинскій—исторіи русскаго права и гражданскому процессу, М. М. Катковъ—римскому праву, приватъ-доценты А. Р. Свирщевскій—финансовому праву и политической экономіи, А. В. Шмидтъ—международному праву, И. Я. Гурляндъ—торговому праву заявили, что чтеніе по преподаваемымъ ими наукамъ въ наступившемъ году они будутъ вести согласно планамъ, утвержденнымъ въ прошломъ учебномъ году примѣнительно къ программамъ, установленнымъ для испытательныхъ комиссій.—**Опредѣлили**: съ прописаніемъ изложеннаго и съ приложеніемъ доставленныхъ приватъ-доцентомъ Никоновымъ плана и программы представить чрезъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія къ утвержденію.

4) Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, по выслушаніи циркулярнаго предложенія Господина Министра Народнаго Просвѣщенія за № 17.287, вошелъ въ подробное разсмотрѣніе вопроса о мѣрахъ, которыя должны быть приняты Совѣтомъ для точнаго исполненія преподанныхъ въ циркулярѣ Министерства указаній. Что касается прежде всего близкаго общенія преподавателей со студентами на почвѣ научныхъ занятій, то Совѣтъ

нашелъ, что Лицей въ этомъ отношеніи поставленъ въ весьма благопріятныя условія, и общеніе такого именно характера, которое согласно указаніямъ циркуляра должно быть признано особенно желательнымъ и полезнымъ,— издавна установилось въ Лицеѣ. Благодаря относительной малочисленности студентовъ и вслѣдствіе всего склада жизни въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, какимъ является Ярославль, между преподавателями и студентами сама собою возникаетъ близость на почвѣ умственныхъ потребностей, которымъ остальные члены общества мало причастны. Преподаватели и внѣ учебныхъ занятій въ Лицеѣ поддерживаютъ постоянное общеніе со студентами, знакомятся съ ихъ нуждами и запросами, возникающими у каждаго студента въ самый моментъ вступленія въ новую для него обстановку академической жизни. Съ перваго же курса, соотвѣтственно спеціальности, къ которой студентъ оказывается наиболѣе расположеннымъ, онъ находитъ себѣ руководителя въ лицѣ того или другаго преподавателя. Указанному сближенію въ значительной мѣрѣ способствуютъ правила о занятіяхъ, обязательныя для студентовъ Лицея. По силѣ этихъ правилъ каждый студентъ долженъ представить къ февралю мѣсяцу письменную работу на одну изъ темъ, предложенныхъ Совѣтомъ въ началѣ года, или же изучить не менѣе двухъ научныхъ сочиненій по предметамъ, читаемымъ на курсѣ. При занятіяхъ по изготовленію курсовыхъ сочиненій, изъ которыхъ лучшія награждаются денежными преміями, равно какъ и при изученіи предложенныхъ къ прочтенію книгъ, между преподавателями и студентами происходятъ частныя собесѣдованія, дающія возможность преподавателю заранѣе, задолго до экзаменовъ, вполнѣ ознакомиться съ умственными способностями, степенью прилежанія и другими качествами большаго числа студентовъ. Студенты съ своей стороны этимъ путемъ при-

выкаютъ къ постоянному руководительству со стороны преподавателей, охотно обращаясь къ послѣднимъ за разъясненіями по всякаго рода вопросамъ, часто и не неимѣющимъ непосредственнаго отношенія къ учебнымъ занятіямъ. Когда въ истекшемъ году начались безпорядки во многихъ изъ нашихъ университетовъ, то и среди студентовъ Лицея замѣчалось нѣкоторое броженіе, въ особенности когда въ Ярославль стали прибывать, высланные изъ университетскихъ городовъ за участіе въ безпорядкахъ. Благодаря близости отношеній, установившейся въ Лицеѣ между учебнымъ начальствомъ и студентами, начавшееся броженіе было своевременно замѣчено, всякія недоразумѣнія, способныя поддерживать безпокойное настроеніе въ менѣе устойчивыхъ студентахъ, въ самомъ началѣ были разъяснены, и этимъ былъ данъ отпоръ попыткамъ вовлечь студентовъ Лицея къ участію въ прискорбныхъ событіяхъ, причинившихъ такой вредъ учащейся молодежи въ университетахъ Совѣтъ не можетъ не приписать близкому общенію, существующему въ Лицеѣ между преподавателями и студентами того, что ни въ прошломъ году, ни ранѣе, мирная академическая жизнь не нарушалась здѣсь никакими волненіями или безпорядками. Въ виду всего означеннаго Совѣтъ Лицея, по выслушаніи циркуляра Министерства и принявъ къ руководству данныя въ немъ указанія относительно того характера, которымъ должны отличаться отношенія преподавателей къ студентамъ, счелъ долгомъ просить преподавателей стараться и на будущее время сохранить установившійся въ Лицеѣ порядокъ этихъ отношеній, цѣлеооообразность котораго для всесторонняго воспитанія и образованія студенческой молодежи, вполнѣ подтверждается результатами, достигнутыми Лицеемъ во все время его существованія, какъ высшей юридической школы. Относительно мѣръ по организаціи способовъ поддержанія въ студентахъ

умственныхъ и литературно-художественныхъ интересовъ, Совѣтъ нашелъ, что нѣкоторые изъ этихъ способовъ имѣются уже въ Лицеѣ. Въ 1881 г. при Лицеѣ, безъ всякаго пособія отъ казны, былъ устроенъ для небольшого числа студентовъ интернатъ. Въ интернатъ принимаются студенты по строгому выбору, выдающіеся по своему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Они пользуются, взамѣнъ стипендій, помѣщеніемъ, одеждою и столомъ. Бываютъ случаи, что представляется возможнымъ принять въ интернатъ извѣстное количество и своекоштныхъ студентовъ. Такъ какъ интернатъ помѣщается въ зданіи Лицея, то за живущими въ этомъ интернатѣ существуетъ постоянный и бдительный надзоръ. Въ интернатѣ существуетъ большой рекреаціонный залъ, въ которомъ студентамъ разрѣшается иногда собираться для занятій музыкою, пѣніемъ и т. подоб. Здѣсь студенты, поющіе въ хорѣ, спѣваются. Образованный изъ студентовъ хоръ поетъ во время богослуженій въ Лицейской церкви. Къ сожалѣнію, развитію музыкальнаго образованія среди студентовъ отчасти препятствуетъ недостаточность средствъ, которыя могли бы быть удѣляемы до сихъ поръ на это дѣло Было бы, напр., въ высшей степени полезно пріобрѣсти, кромѣ имѣющейся уже въ интернатѣ рояли, нѣкоторые другіе музыкальные инструменты, а также пригласить образованнаго и опытнаго преподавателя, который бы руководилъ студенческимъ хоромъ и другими ихъ занятіями музыкою. Когда студенты того заслуживаютъ своимъ поведеніемъ, Директоромъ разрѣшается, обыкновенно на масляной недѣлѣ, устройство музыкально-танцовальнаго вечера въ помѣщеніи интерната. На этомъ вечерѣ присутствуютъ представители высшаго ярославскаго общества, Директоръ и всѣ преподаватели съ ихъ семьями, что служитъ сближенію студентовъ съ мѣстнымъ обществомъ и отвлекаетъ ихъ отъ развлеченій, не соотвѣтствующихъ

ихъ званію и вредныхъ въ воспитательномъ смыслѣ. Состоящее при Лицеѣ Попечительство о недостаточныхъ студентахъ, для пополненія своихъ средствъ, ежегодно устраиваетъ музыкально-литературный вечеръ, поручая завѣдывать всѣми приготовленіями по вечеру одному изъ преподавателей Лицея Подъ руководствомъ этого преподавателя студенты вырабатываютъ программу литературной и музыкальной части вечера и участвуютъ, засимъ, въ исполненіи отдѣльныхъ номеровъ программы во время вечера, который всегда проходитъ съ большимъ успѣхомъ, безъ какихъ либо замѣшательствъ и непристойныхъ со стороны студентовъ манифестацій. Такъ какъ всѣ эти развлеченія устраиваются учебнымъ начальствомъ и происходятъ не иначе какъ подъ руководствомъ инспектора, или кого-либо изъ преподавателей, то они не мѣшаютъ занятіямъ студентовъ и способствуютъ развитію въ нихъ литературно-художественныхъ вкусовъ и добронравныхъ привычекъ. Рядомъ съ этимъ студенты имѣютъ не мало случаевъ доставить себѣ и умственное развлеченіе. Нѣкоторые изъ нихъ охотно занимаются изученіемъ археологіи, работая въ мѣстной Архивной Коммиссіи. Благодаря тому, что Коммиссія состоитъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ профессоровъ Лицея, студентамъ крайне облегченъ доступъ къ довольно значительному собранію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, имѣющемуся при Коммиссіи. При ознакомленіи съ памятниками студенты пользуются указаніями и совѣтами Предсѣдателя Коммиссіи, который, состоя преподавателемъ Лицея, съ особенною готовностію поддерживаетъ въ студентахъ любовь къ занятіямъ древностями. Въ 1896 году при Лицеѣ открылось Ученое Юридическое Общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ Директора Лицея, членами - учредителями котораго являются всѣ преподаватели Лицея. Хотя студенты не участвуютъ въ

Обществѣ въ качествѣ членовъ, но весьма интересуются докладами, читаемыми въ Обществѣ большею частію преподавателями Лицея. Аккуратно посѣщая Собранія Общества, студенты часто потомъ обсуждаютъ бывшія пренія и обращаются къ преподавателямъ за разъясненіями по поводу происходившаго въ Обществѣ. По условіямъ, въ которыхъ проходитъ жизнь студентовъ въ Ярославлѣ, существующихъ способовъ къ поддержанію въ нихъ умственныхъ и литературно-художественныхъ интересовъ, повидимому, достаточно, о чемъ можно заключить, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что до настоящаго времени среди студентовъ Лицея не замѣчалось стремленія къ организаціи какихъ-либо кружковъ или обществъ съ литературными или художественными задачами Если бы въ будущемъ обстоятельства сложились иначе и явилась потребность въ новыхъ организаціяхъ, кромѣ существующихъ теперь, для доставленія студентамъ способовъ съ пользою проводить время, свободное отъ учебныхъ занятій, то Совѣтъ, принимая къ руководству указанія, изложенныя въ циркулярѣ Министерства, не преминетъ принять зависящія отъ него мѣры къ поощренію подобнаго рода организацій Переходя къ разсмотрѣнію мѣръ, которыя требуется принять для точнаго исполненія преподаннаго въ циркулярѣ Министерства, относительно устройства практическихъ занятій, Совѣтъ нашелъ, что таковыя занятія входили всегда въ программу Лицейскаго преподаванія въ дополненіе и развитіе излагаемаго на лекціяхъ. Практическія занятія въ Лицеѣ, какъ можно думать, получили развитіе ранѣе, чѣмъ на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ. Двѣ учебныя книги, составленныя въ 70-хъ годахъ и служащія до настоящаго времени руководствомъ въ дѣлѣ устройства практическихъ занятій, были изданы по опредѣленію Совѣта для нуждъ студентовъ Лицея бывшими профессора-

ми Лицея: М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и Н. Д. Сергіевскимъ. Совѣтъ имѣетъ въ виду Хрестоматію по Исторіи Русскаго права—перваго и Сборникъ казусовъ по Уголовному праву—второго изъ названныхъ ученыхъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени отдѣльные преподаватели Лицея удѣляли часть времени, положеннаго на преподаваніе различнаго рода упражненій со студентами, имѣющее цѣлію вызвать активное ихъ участіе въ усвоеніи преподаваемыхъ съ каѳедры научныхъ положеній. Такія упражненія всегда возбуждали и возбуждаютъ интересъ въ студентахъ и оказываются весьма полезными въ качествѣ педагогическаго пріема. До сихъ поръ, однако, представлялось невозможнымъ дать практическимъ занятіямъ надлежащее развитіе; ихъ приходится устраивать въ учебные часы, почему въ занятіяхъ могутъ принимать участіе лишь одного какого-либо курса студенты, такъ какъ для студентовъ другихъ курсовъ въ то же время происходитъ чтеніе обязательныхъ лекцій. Между тѣмъ, было бы весьма полезно организовать дѣло такимъ образомъ, чтобы студенты высшихъ курсовъ участвовали въ занятіяхъ по предметамъ, ими уже пройденнымъ, совмѣстно со своими младшими товарищами, что могло бы служить для старшихъ повторительнымъ курсомъ къ вящему усвоенію изученныхъ ими въ свое время предметовъ. Необходимость устройства практическихъ занятій внѣ учебныхъ часовъ въ то время, когда студенты освобождаются отъ другихъ своихъ занятій, вызывается и другими соображеніями. Въ настоящее время по многимъ каѳедрамъ въ Лицеѣ имѣется всего одинъ преподаватель, которому приходится выполнять иногда обширный учебный планъ и посвящать чтенію лекцій большее число часовъ сравнительно съ тѣмъ, которое обязательно для даннаго преподавателя въ зависимости отъ его профессорскаго ранга. По Инструкціи для про-

фессоровъ и преподавателей Лицея ординарный профессоръ обязанъ читать не менѣе шести лекцій въ недѣлю, экстра-ординарный не менѣе четырехъ и доцентъ не менѣе трехъ, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ нѣкоторые профессоры и доценты читаютъ большее число часовъ въ виду невозможности при иныхъ условіяхъ выполнить учебный планъ. Такое положеніе вещей лишаетъ Совѣтъ возможности возлагать на преподавателей новый лишній трудъ по веденію практическихъ занятій. Совѣтъ могъ бы прибѣгнуть къ этому лишь въ томъ случаѣ, если бы практическія занятія производились внѣ учебныхъ часовъ и если бы руководительство этими занятіями почиталось дополнительнымъ трудомъ, особо вознаграждаемымъ, хотя бы въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ вознаграждается чтеніе по вакантнымъ каѳедрамъ, т. е. по 200 рублей за годовой часъ. Положить такое же вознагражденіе за практическія занятія представлялось бы тѣмъ болѣе справедливымъ, что означенные преподаватели не получаютъ гонорара, подобно преподавателямъ всѣхъ русскихъ университетовъ, и, по отсутствію высшихъ учебныхъ заведеній въ городѣ, не имѣютъ возможности восполнять весьма ограниченное содержаніе, получаемое по службѣ въ Лицеѣ. Денежныя средства, для желательной постановки практическихъ занятій, необходимы также и въ виду того, что, располагая таковыми средствами, Совѣтъ могъ бы пригласить для веденія занятій, за особое вознагражденіе, лицъ, не принадлежащихъ къ составу Лицея, напр., изъ чиновъ мѣстнаго судебнаго вѣдомства, если бы оказались подходящіе къ тому кандидаты, извѣстные Совѣту научными познаніями и практической опытностью въ той или другой области практическаго правовѣдѣнія. Такъ какъ въ циркулярѣ Министерства имѣется указаніе, что на устройство практическихъ занятій будутъ отпущены особыя суммы и такъ какъ въ зави-

симости отъ размѣра суммъ, которыя предназначаются для означенной цѣли на долю Лицея, практическимъ занятіямъ можетъ быть дано большее или меньшее развитіе на представленныхъ выше основаніяхъ, то Совѣтъ, не входя въ настоящее время въ детальную разработку вопроса, **опредѣлилъ**: ходатайствовать предъ Его Высокопревосходительствомъ, Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, объ ассигнованіи соотвѣтствующей суммы Лицею, въ ряду юридическихъ факультетовъ, на устройство практическихъ занятій. Возбуждая настоящее ходатайство, Совѣтъ считаетъ долгомъ представить, что Лицей, занимая, по числу наличныхъ студентовъ, второе мѣсто между нашими юридическими факультетами, не считая столичныхъ, имѣетъ не менѣе учебныхъ нуждъ, чѣмъ эти факультеты. Нужды эти возрастаютъ съ каждымъ годомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ преподаванія и увеличеніемъ числа слушателей, между тѣмъ Лицей остается съ тѣми же незначительными средствами, которыя были опредѣлены при его основаніи, тридцать лѣтъ тому назадъ. По ассигнованіи суммы Министерствомъ на устройство практическихъ занятій, послѣднія будутъ организованы немедленно на новыхъ основаніяхъ, въ дополненіе къ тѣмъ занятіямъ, которыя ведутся въ настоящее время въ Лицеѣ.

5) Разсматривали прошенія студентовъ Лицея о назначеніи имъ стипендій. Сообразивъ относительное достоинство ихъ по оказаннымъ на испытаніяхъ успѣхамъ, поведенію и бѣдности и данную бухгалтеромъ справку о числѣ стипендій и состояніи стипендіальныхъ суммъ, **опредѣлили**: А) Изъ 20 Демидовскихъ стипендій: а) оставить десять за получавшими въ истекшемъ учебномъ году Бенедиктовымъ Михаиломъ, Богословскимъ Александромъ, Ефремовымъ Александромъ, Заіончковскимъ Мечиславомъ, Наумовымъ Иваномъ, Нуромскимъ Сергѣемъ, Лазовскимъ

Викторомъ, Соколовымъ Владиміромъ, Теляковскимъ Гавріиломъ и Юрине Тенисомъ, и б) вновь назначить, съ 16 августа, стипендіи студентамъ: 4 курса—Петропавловскому Александру, 3 курса—Бѣлякову Михаилу, Давыдовскому Ивану, Попову Григорію, Лебедеву Аркадію, Поройкову Владиміру и 2 курса—Кузнецову Якову и Соколову Владиміру. Б) на счетъ тѣхъ-же суммъ оставить за прежде жившими въ интернатѣ студентами: Любимовымъ Иваномъ и Надеждинымъ Михаиломъ. В) Изъ благотворительныхъ стипендій назначить съ 1 сентября: Генералъ-маіора Болдырева—Сосновскому Николаю, котораго, какъ и въ прошломъ году, оставить въ интернатѣ, Топленинова—студенту 2 курса Сперанскому Николаю, Преосвященнаго Леонида—оставить за Аристовымъ Александромъ, Соколова—предоставить студенту 2 курса Архангельскому Виктору и Макиной—2 курса Массальскому Димитрію, Г) На счетъ процентовъ съ капитала Н. Н. Демидова помѣстить въ интернатъ студентовъ 2 курса—Готовцева Александра и Хрѣновскаго Льва Д) На сумму, внесенную Почетнымъ Попечителемъ Лицея П. А. Демидовымъ, оставить жившаго въ интернатѣ Бѣлокрылина Петра. Е) Изъ образовавшихся отъ стипендій остатковъ (§ 12. ст. 3-я) 207 р 99 к. назначить къ единовременной выдачѣ въ пособіе студентамъ: Акулину Николаю, Ламанскому Сергѣю, Милославову Павлу, Невскому Сергѣю, Преображенскому Георгію, Пучковскому Василію, Свѣтлозарову Евгенію, Студитскому Павлу и Торопову Сергѣю по 23 руб. 11 коп. каждому. Ж) Копію съ настоящаго постановленія передать въ Правленіе Лицея для удовлетворенія прописанныхъ выше студентовъ стипендіями помѣсячно З) Списокъ стипендіатовъ сообщить Инспектору и Библіотекарю.

6) На основаніи § 25 Правилъ, представлены въ Совѣтъ Лицея г.г. профессорами и преподавателями слѣдую-

щія темы для сочиненій студентамъ на преміи въ 1899—1900 учебномъ году: 1) ординарнымъ профессоромъ В. Г. Щегловымъ—А) по Энциклопедіи права: a) „Ученіе Аристотеля о правѣ и государствѣ“, b) „Отличіе взглядовъ школы естественнаго права отъ воззрѣній исторической школы права“, c) „Ученіе Іеринга о правѣ и государствѣ“ и d) „Отношеніе права и государства къ обществу“; Б) по Институціямъ Римскаго права: a) „Вліяніе jus gentium на образованіе древняго римскаго права и b) „Отношеніе possessio къ proprietas“; В) по Всеобщей Исторіи права: a) „Рабство въ древнемъ мірѣ“, b) „Отношеніе семьи къ собственности въ древности“, c) „Англійскій феодализмъ въ отличіе отъ континентальнаго“ и d) „Общія черты въ развитіи Германскаго и Славянскаго права“. 2) приватъ-доцентомъ А. Р. Свирщевскимъ—по Политической Экономіи и Наукѣ о финансахъ: a) „Характерныя черты финансовой системы феодальнаго періода“, b) „Реформа прямого обложенія въ Пруссіи“ и c) „Денежная реформа въ Россіи“. 3) И. д. доцента М. А. Липинскимъ—А) по исторіи Русскаго права: a) „Воинскій Уставъ Петра Великаго“, b) Дворянскіе наказы депутатовъ въ Екатерининскую Коммиссію“, c) „Верховный Тайный Совѣтъ“ и d) „Мѣстное Управленіе по учрежденію о губерніяхъ“; Б) по Гражданскому Судопроизводству: a) „Какіе споры по нашему законодательству считаются спорами о правахъ гражданскихъ?“, b) „Владѣльческіе иски“. c) Устраненіе судьи“ и d) „Судебные сроки“. 4) Приватъ-доцентомъ В. А. Юшкевичемъ по Гражданскому праву: a) „Вводъ во владѣніе (исторія его и значеніе въ дѣйствующемъ правѣ)“ и b) „Вводное право по праву Римскому, важнѣйшимъ иностраннымъ законодательствамъ и Русскому гражданскому праву“ 5) С П. Никоновымъ—А) по Гражданскому праву: a) „Одностороннее обѣщаніе“, b) „Юриди-

ческое положеніе несовершеннолѣтнихъ по Русскому праву"; Б) по исторіи Римскаго права: a) „Отхожіе промыслы въ Римѣ" и b) „Comitia tributa" и 6) Е. Д. Синицкимъ по Уголовному процессу: a) „Преданіе суду (по ученіямъ доктрины и по дѣйствующему праву—иностранному и русскому") и b) „Заключительное слово предсѣдателя (по ученіямъ доктрины и по дѣйствующему праву иностранному и Русскому). По остальнымъ предметамъ, какъ-то: Государственному и Административному праву, Церковному праву, Международному, Римскому, Торговому и Уголовному праву темы остаются, данныя на истекшій 1898—99 учебный годъ. **Опредѣлили**: Темы утвердить и объявить о нихъ студентамъ.

7) Прошенія студентовъ 4 курса Лицея: Воронцова-Вельяминова Виктора, Гурьева Сергѣя и Заіончковскаго Мечислава объ исходатайствованіи имъ, какъ достигшимъ 27-лѣтняго возраста, дополнительной отсрочки по отбыванію воинской повинности до окончанія образованія въ Лицеѣ. **Опредѣлили**: Выдать просителямъ Воронцову-Вельяминову, Гурьеву и Заіончковскому надлежащія удостовѣренія для представленія въ воинскія присутствія, указавъ въ этихъ удостовѣреніяхъ, что названные выше студенты могутъ окончить полный курсъ наукъ въ Лицеѣ къ іюню мѣсяцу 1900 года.

8) Представлены своевременно окончившими курсъ наукъ въ Лицеѣ кандидатскія сочиненія: Константиновымъ Петромъ—«Спичечный налогъ» и Налбандовымъ Михаиломъ «Объ узуфруктѣ», которыя **опредѣлили**: передать для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ: первое—приватъ-доценту А. Р. Свирщевскому, а второе—и. д. доцента М. М. Каткову.

9) По выслушаніи прилагаемаго при семъ отзыва приватъ-доцента И. Я. Гурлянда о кандидатскомъ разсужденіи окончившаго въ 1898 году курсъ наукъ въ Ли-

цеѣ Герца Гвидона, подъ заглавіемъ: «Историческое развитіе переводнаго векселя въ Западной Европѣ», **опредѣлили**: Утвердить Герца Гвидона въ степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

10) На основаніи § 2 Правилъ Библіотеки Лицея, утвержденныхъ г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа 8 іюня 1896 года, происходило въ настоящемъ засѣданіи избраніе въ члены Библіотечной коммиссіи и избранными оказались: ординарный профессоръ В. Г. Щегловъ, и. д. экстра-ординарнаго профессора П. П. Соколовъ и приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій. **Опредѣлили**: записать объ этомъ въ журналъ.

11) Представленное студентомъ Преображенскимъ Георгіемъ сочиненіе на премію подъ заглавіемъ: „Рабство въ древнемъ мірѣ". **Опредѣлили**: передать, для разсмотрѣнія и сообщенія Совѣту отзыва, ординарному профессору В. Г. Щеглову.

12) И. д. экстра-ординарнаго профессора П. П. Соколовъ заявилъ о желаніи читать Церковное право, сверхъ назначенныхъ по росписанію четырехъ часовъ въ недѣлю, еще 5-й, въ четвергъ отъ 10 до 11 часовъ.—**Опредѣлили**: принять къ свѣдѣнію.

13) На основаніи § 50 правилъ, утвержденныхъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 Іюля 1897 г., для экзаменовъ въ декабрѣ мѣсяцѣ вновь поступившимъ въ нынѣшнемъ году студентамъ, желающимъ освободиться на второе полугодіе отъ платы за слушаніе лекцій,— **опредѣлили**: назначить предметы: Энциклопедію права, Исторію Русскаго права и Исторію Римскаго права.

14) По возбужденному въ Совѣтѣ вопросу о порядкѣ выписки книгъ для студенческаго отдѣла библіотеки **опредѣлили**: двѣ трети суммы, назначаемой ежегодно для сту-

денческаго отдѣла библіотеки употреблять на пріобрѣтеніе учебниковъ и сборниковъ положительныхъ законодательствъ. Списки этихъ книгъ, по указаніямъ преподавателей, представляются инспекторомъ на окончательное рѣшеніе въ Библіотечную Коммиссію, въ которую приглашается и инспекторъ. Полученныя такимъ образомъ книги инспекторъ заноситъ въ каталогъ.

15) Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ на 1-й курсъ: Линденблитъ Гирша изъ 2-й Виленской гимназіи, Розаліонъ — Сошальскій Александръ — бывшій студентъ Лицея, Цвѣтковъ Иванъ — Юрьевскаго университета (Оренбургской гимназіи); на 2-й курсъ: Богдановичъ Димитрій — бывшій студентъ Лицея, Кедровъ Михаилъ — Московскаго университета (Ѳеодосійской гимназіи); на 3-й курсъ: Андреевъ Николай — Московскаго университета (Вятской гимназіи) и Ландышевъ Николай — Петербургскаго университета (Саратовской гимназіи). — **Опредѣлили**: принять къ свѣдѣнію.

(Приложеніе къ ст. 2).

Копія.

На подлинной рукою Его Высокопревосходительства, Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, написано: „Соласенъ $\frac{13}{VII}$".

Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 6 Іюля 1899 г. (№ 1410).

Въ засѣданіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 6 Іюля 1899 года слушали (ст. II) мнѣніе объ отчетѣ оставленнаго при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ стипендіатомъ для приготовленія къ каѳедрѣ Административнаго права, кандидата юридическихъ наукъ Владиміра Гагена, который, по объясненію

Попечителя округа, оставленъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію, срокомъ на два года, съ 1 Января 1898 года, по каѳедрѣ Полицейскаго права, съ содержаніемъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по 600 рублей въ годъ.

Отношеніе Попечителя, вмѣстѣ съ отчетомъ Гагена, съ отзывомъ объ отчетѣ ординарнаго профессора Лицея, г. Берендтса, и копіею данной Гагену инструкціи, Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 19 мая, за № 21, препровождено, по приказанію Г. Министра, на разсмотрѣніе Ученаго Комитета.

Разсмотрѣвъ, по порученію Ученаго Комитета, настоящее дѣло, имѣю честь доложить слѣдующее:

Какъ видно изъ приложеннаго къ отчету отзыва ординарнаго профессора г. Берендтса, оставленный при Лицеѣ г. Гагенъ въ своихъ занятіяхъ слѣдовалъ данной ему инструкціи и указаніямъ названнаго профессора. Избравъ, по совѣту послѣдняго, спеціальнымъ вопросомъ для своихъ занятій въ отчетномъ году весьма важный вопросъ объ отвѣтственности государства за противоправныя дѣйствія своихъ должностныхъ лицъ, г. Гагенъ отнесся къ изученію его съ должнымъ вниманіемъ и добросовѣстностью, что явствуетъ изъ представленнаго имъ отчета о занятіяхъ за 1898 годъ, которыя профессоръ Берендтсъ признаетъ добросовѣстными и систематичными.

Присоединяясь къ такому заключенію руководившаго занятіями магистранта профессора, не могу, съ своей стороны, не отмѣтить, что трудъ г. Гагена свидѣтельствуетъ объ основательномъ его знакомствѣ съ избранною дисциплиною и солидной начитанности его въ области Полицейскаго права.

Ученый Комитетъ, обсудивъ вышеизложенное, полагалъ-бы признать научныя занятія стипендіата Владиміра

Гагена, за отчетный періодъ, весьма успѣшными и настоящій отчетъ о нихъ вполнѣ удовлетворительнымъ, хотя и не подлежащимъ печатанію.

Опредѣлено: представить объ этомъ на благоусмотрѣніе Его Высокопревосходительства, Господина Министра Народнаго Просвѣщенія.

За Правителя дѣлъ (подписалъ) *К. Берентъ.*

№ 6[illegible]7
7 Іюля 1899 г.

Вѣрно: Дѣлопроизводитель N.

(Приложеніе къ стр. 9).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Приватъ доцента Лицея Ильи Яковлевича Гурлянда отзывъ о диссертаціи Герца Гвидона „Прошлое векселя переводнаго".

Г. Герцъ, написавъ изслѣдованіе о прошлыхъ судьбахъ векселя, не коснулся, по его словамъ, исторіи русскаго векселя потому, что не нашелъ никакихъ данныхъ, отличающихъ исторію русскаго векселя отъ исторіи векселя западно-европейскаго. Эта коренная ошибка автора опредѣляетъ въ достаточной степени все послѣдующее изложеніе. Не съумѣвъ разобраться въ особенностяхъ русскаго векселя, авторъ недостаточно внимательно отнесся и къ рекомендованнымъ ему матеріаламъ по исторіи векселя въ Италіи, Германіи, Франціи и Англіи. Гораздо удовлетворительнѣе справился авторъ со спеціальной частью своей задачи, т. е. съ анализомъ переводнаго векселя и съ исторіей таковаго. Принимая во вниманіе къ

тому же несомнѣнную начитанность автора, а также и проявленное имъ при составленіи диссертаціи трудолюбіе, рѣшаюсь ходатайствовать предъ Совѣтомъ о присужденіи Герцу степени кандидата юридическихъ наукъ.

Приватъ-доцентъ *И. Гурляндъ.*

1899 года, Ноября 2 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарный профессоръ *Э. Н. Берендтсъ*, и. д экстра-ординарнаго профессора *П. П. Соколовъ*, и. д доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты: *А. Р. Свирщевскій*, *А. В Шмидтъ*, *С. П. Никоновъ.*

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ,— **опредѣлили**: представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 19 минувшаго Октября, за № 25.598, разрѣшающее напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта Лицея 3 Сентября, 13 Октября 1 и 10 Ноября, 1 и 13 Декабря 1897 года. **Опредѣлили**: принять къ исполненію.

3) По выслушаніи прилагаемаго при семъ отзыва приватъ-доцента А. Р Свирщевскаго о кандидатскомъ сочиненіи Константинова Петра: —„Спичечный налогъ“, **опредѣлили**: утвердить Константинова въ степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

4) Прошеніе студента Лицея, 3 курса, Владиміра Замятнина объ исходатайствованіи ему, какъ достигшему 27-лѣтняго возраста, дополнительной отсрочки по отбыванію воинской повинности до окончанія образованія въ Лицеѣ, — **опредѣлили**: выдать Замятнину надлежащее удостовѣреніе для представленія въ Воинское Присутствіе, указавъ въ этомъ документѣ, что названный студентъ можетъ окончить полный курсъ наукъ въ Лицеѣ къ іюню мѣсяцу 1901 года.

5) Г. Директоръ заявилъ, что 7 сего ноября исполнится 50 лѣтъ службы профессора Богословія Лицея и настоятеля Лицейской церкви, Протоіерея Н. А. Тихвинскаго, и предложилъ почтить юбиляра поднесеніемъ ему отъ имени преподавателей Лицея адреса въ слѣдующей редакціи:

Достоуважаемый

Отецъ Протоіерей!

Преподаватели Демидовскаго Юридическаго Лицея привѣтствуютъ Васъ, своего дорогого и старѣйшаго товарища, въ день 50-лѣтія Вашего учительства Закону Божію. Подвигомъ Вашей жизни является просвѣщеніе юношества христіанскимъ ученіемъ о вѣрѣ и жизни, раскрытіе пути къ сознательному общенію съ Господомъ и Церковію. Вы—учитель добрый и сильный; благодаря присущимъ Вамъ духовнымъ дарованіямъ, Ваше учительское слово исходитъ изъ глубины сердца, живущаго вѣрою въ Бога. Дарованную Вамъ, по благодати Божіей, высокую христіанскую одухотворенность Вы соединяете съ обширнымъ научнымъ богословскимъ познаніемъ, что дѣлаетъ Васъ вполнѣ достойнымъ представителемъ каѳедры Богословія въ высшемъ учебномъ заведеніи и авторомъ ученаго труда, выдающагося въ новѣйшей Богословской ли-

тературѣ, названнаго Вами: — „Чтенія по православному христіанскому Богословію“. Настоящее наше самое искреннее и сердечное привѣтствіе Вамъ мы соединяемъ съ надеждою, что Божественный промыслъ продолжитъ надолго Ваше высокополезное церковно-учительское служеніе.

Опредѣлили: одобривъ редакцію адреса, поднести оный въ юбилейный день Н. А. Тихвинскому.

6) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея на 3 курсъ принятъ имъ князь Михаилъ Чавчавадзе изъ Петербургскаго университета (2-й Тифлисской гимназіи). — **Опредѣлили**: принять къ свѣдѣнію.

(Приложеніе къ ст. 3).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОТЗЫВЪ.

О сочиненіи Петра Константинова, „Спичечный акцизъ въ первое 8-лѣтіе своего существованія въ Россіи 1889 - 1896 гг.,“ представленномъ для полученія степени кандидата юридическихъ наукъ.

Въ означенной работѣ г. Константиновъ, на основаніи отчетовъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ, прослѣживаетъ развитіе законоположеній о спичечномъ акцизѣ, анализируетъ ихъ вліяніе на состояніе спичечной промышленности и опредѣляетъ отраженіе происшедшихъ въ послѣдней измѣненій на поступленіе дохода, извлекаемаго казною отъ обложенія спичекъ. Сочиненіе г Константинова представляетъ вполнѣ удовлетворительную и полную разработку имѣвшагося въ его распоряженіи оффи-

ціальнаго матеріала и, по моему мнѣнію, можетъ быть признано заслуживающимъ утвержденія автора въ искомой имъ степени кандидата правъ.

Приватъ-доцентъ *А. Свирщевскій.*

1899 года, Декабря 18 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: *В. Г. Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей *Н. А. Тихвинскій*, и д. доцента *М. А. Липинскій*, приватъ-доценты: *А. Р. Свирщевскій*, *И. Я. Гурляндъ*, *В. А. Юшкевичъ и М. П. Чубинскій.*

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 9 минувшаго ноября за № 27.402, коимъ увѣдомляетъ, что объ испрошеніи ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія на перечисленіе магистранта Чубинскаго, по отбыванію воинской повинности, изъ вольноопредѣляющихся въ жеребьевые, было сдѣлано представленіе объ этомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія; управлявшій же онымъ Г. Товарищъ Министра сообщилъ, что, въ виду сдѣланнаго Министерству Народнаго Просвѣщенія указанія о невозможности возбуждать подобныя ходатайства, самому Чубинскому надлежитъ непосредственно обратиться со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ въ Канцелярію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, по принятію прошеній.— **Опредѣлили**: принять къ свѣдѣнію.

3) Отношеніе директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ 7 сего Декабря за № 2221, о безплатной высылкѣ, для библіотеки курсовъ, издаваемаго Лицеемъ Временника.—**Опредѣлили**: высылать Временникъ въ библіотеку названныхъ курсовъ, начавъ высылку съ 21-й книги

4) Отношеніе Императорскаго Берлинскаго Университета, отъ 1 Декабря за № 1069, сообщающее, что Университетъ, не располагая изданіями юридическаго и историческаго содержанія, не можетъ принять предложеніе Лицея объ обмѣнѣ таковыми изданіями, выраженное въ сообщеніи отъ 10 Октября сего года.

5) Для сочиненій на золотую медаль текущаго учебнаго года **опредѣлили**: оставить данную въ истекшемъ учебномъ году—„Античное право по сравненію въ Восточнымъ“, и вновь одобрить тему, предложенную приватъ-доцентомъ В. А. Юшкевичемъ, по соглашенію его съ приватъ-доцентомъ С. П. Никоновымъ,—„Право рыбной ловли по общему русскому гражданскому праву“.

6) По заявленію приватъ-доцента Лицея В. А. Юшкевича **опредѣлили**: напечатать во Временникѣ Лицея: 1) Рѣчь его предъ диспутомъ при защитѣ диссертаціи на степень магистра и 2) „Руководящія начала къ занятіямъ по русскому гражданскому праву“.

7) Прошенія окончившихъ въ текущемъ 1899 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: Гребенщикова Георгія, Кабека Петра, Корзюкова Николая, Леонгардта Николая, Палатникова Николая, Сипко Вячеслава, Тарновича Георгія, Торна Константина, Шерешевскаго Рафаила и Юшкевича Бориса объ отсрочкѣ имъ представленія въ Совѣтъ кандидатскихъ диссертацій, такъ какъ представить таковыя въ узаконенный Правилами шестимѣсячный срокъ они не имѣли возможности по болѣзни

и другимъ обстоятельствамъ. По обсужденіи **опредѣлили**: всѣмъ поименованнымъ выше лицамъ предоставить, для изготовленія названныхъ работъ, новый полугодичный срокъ, но не далѣе, какъ до 1 іюня предстоящаго 1900 года, о чемъ имъ и объявить; Иннокентію же Іодловскому, какъ подавшему также прошеніе о продленіи ему срока для представленія кандидатской работы, отказать въ виду того, что курсъ наукъ въ Лицеѣ онъ окончилъ только съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

8) По выслушаніи прилагаемаго при семъ отзыва ординарнаго профессора В. Г. Щеглова о сочиненіи студента 2 курса Георгія Преображенскаго на тему — „Рабство въ древнемъ мірѣ“, представленномъ на соисканіе денежной преміи, **опредѣлили**: удостоить Преображенскаго за это сочиненіе малой преміи въ размѣрѣ 25 рублей, о чемъ сообщить Правленію Лицея для выдачи студенту Преображенскому назначенной суммы.

9) По расмотрѣніи въ настоящемъ засѣданіи Совѣта доставленнаго въ оный библіотекаремъ списка русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, **опредѣлили**: выписать на предстоящій 1900 годъ журналы и газеты по составленному г. библіотекаремъ списку.

10) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ: на 1-й курсъ: Доливо-Добровольскій Александръ изъ Московскаго университета (Астраханской гимназіи), Клириковъ Борисъ—Московскаго университета (Ярославской гимназіи); на 2 й курсъ: Никольскій Владиміръ изъ Харьковскаго университета (Сумской гимназіи), Пашковичъ Вацлавъ—Варшавскаго университета, Посниковъ Александръ—Московскаго университета (Поливановской гимназіи); на 3-й курсъ: Гавриловъ Павелъ—Петербургскаго университета (Воронежской гимназіи), Косыревъ Николай—Петербургскаго университета (гимназіи Креймана); на 4-й курсъ: Кедровъ Вонифатій—

Московскаго университета (гимназіи при Петропавловскомъ училищѣ), Кайранскій Моисей изъ Петербургскаго университета и Швецовъ Михаилъ—Московскаго университета (Вологодской гимназіи).—**Опредѣлили** принять къ свѣдѣнію.

(Приложеніе къ ст. 8)

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи студента 2 курса Демидовскаго Юридическаго Лицея Георгія Преображенскаго: „Рабство въ древнемъ мірѣ", представленномъ на соисканіе преміи.

Студентъ 2 курса Георгій Преображенскій начинаетъ свою работу:—„Рабство въ древнемъ мірѣ" опредѣленіемъ понятія рабства и указаніемъ на слѣды, оставшіеся отъ него въ новомъ мірѣ. Послѣ объясненія причинъ происхожденія рабства во всемъ древнемъ мірѣ авторъ переходитъ къ изученію рабства на Востокѣ, въ древней Индіи, Египтѣ, Персіи и Китаѣ, причемъ останавливается на нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ (напр., относительно рабства въ Индіи). Преображенскій описываетъ положеніе рабовъ во всѣхъ указанныхъ странахъ Востока и, въ заключеніе исторіи здѣсь рабства, указываетъ на главные моменты въ развитіи восточнаго рабства, которое сначала составляло громадный классъ, а потомъ становится предметомъ роскоши, доступнымъ лишь богатымъ классамъ.

Переходя къ античному міру, авторъ сочиненія изображаетъ, на основаніи Иліады Гомера и разсказовъ Ѳукидида и др. историковъ, происхожденіе рабства въ Греціи, опредѣляетъ численность рабовъ въ Греціи, говоритъ о занятіяхъ рабовъ, на которыхъ здѣсь, благодаря обще-

му въ античной жизни презрѣнію къ труду, взваливали всевозможныя работы, ихъ юридическомъ и общественномъ положеніи въ разные періоды Греческой исторіи, объ образѣ жизни рабовъ, разбираетъ извѣстную теорію Аристотеля о рабствѣ, который старался оправдать его съ античной точки зрѣнія, и, послѣ замѣчанія о вольноотпущенникахъ въ Греціи и въ заключеніе разсмотрѣнія здѣсь института рабства, указываетъ на его послѣдствія для общественнаго развитія древней Греціи.

Обращаясь къ древнему Риму, Преображенскій находитъ здѣсь много общихъ съ Греціей чертъ въ происхожденіи и положеніи рабовъ, обращаетъ вниманіе на особенности въ исторіи развитія рабства въ Римѣ, на различіе между частными и общественными рабами, на юридическое положеніе рабовъ и ихъ общественную роль Послѣ необходимыхъ замѣчаній о Римскихъ вольноотпущенникахъ, авторъ считаетъ также нужнымъ указать на гибельныя послѣдствія рабства для всего политическаго и соціальнаго быта древняго Рима, гибель котораго объясняется въ значительной степени институтомъ рабства.

Въ заключеніе всей своей работы о рабствѣ въ древнемъ мірѣ, Преображенскій указываетъ на то значеніе, какое имѣло рабство въ общемъ, культурномъ развитіи всего древняго міра, для котораго рабство принесло гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

Къ недостаткамъ работы студента Преображенскаго относится неправильное разсмотрѣніе понятія рабства — юридическаго института древности до подведенія подъ него всякаго рода зависимости, въ особенности въ экономической жизни общества. Авторъ также забываетъ сравнить положеніе рабовъ въ античномъ мірѣ, древней Греціи и Римѣ съ состояніемъ рабовъ на Востокѣ Но за то самый вопросъ о рабствѣ во всей древности изученъ Преображенскимъ во всѣхъ его деталяхъ и на осно-

ваніи извѣстныхъ въ литературѣ источниковъ (Иліады, Одиссеи, Политики Аристотеля, сочиненій: Діодора, Страбона, Геродота, Өукидида, Тацита, Плинія и др.) и пособій (послѣдованій о рабствѣ Ингрэма, Липперта, Летурно и др.). Изложеніе предмета ведется авторомъ послѣдовательно и живо. Въ виду этихъ указанныхъ достоинствъ труда студента Преображенскаго, я полагаю возможнымъ наградить автора *малой преміей*

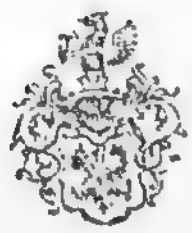
Ординарный Профессоръ
Демидовскаго Юридическаго Лицея *В. Щегловъ.*

И. Я. ГУРЛЯНДЪ.
Проф. Демид. Юрид. Лицея.

АКТЫ

ГОРОДА РОМАНОВА-БОРИСОГЛѢБСКА

1627—1690 г.г.



Ярославль.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . I—IV

I. Акты Борисоглѣбской ловецкой слободы 1627—1672 г.г. 1—15

II. Дѣло по иску Романовцевъ къ кн. Шедякову и кн. Кутумову о возвратѣ 27 человѣкъ обратно на посадъ. Актъ 1690 г. 15—28

III. Документы по дѣлу монастырскихъ крестьянъ Спасскаго монастыря о лугѣ. 1647—1684 г г. . . . . 28—34

Указатели . . . . . 35—37

А. Личный . . . . . 35—37

Б. Географическій 37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемые акты извлечены нами изъ собранія Ярославской Ученой Архивной Комиссіи, куда они были въ текущемъ еще году переданы городскимъ управленіемъ уѣзднаго города Ярославской губерніи Романова-Борисоглѣбска.

По содержанію печатаемые акты распадаются на три группы: 1) акты Борисоглѣбской дворцовой ловецкой (рыбной) слободы; 2) актъ, заключающій въ себѣ приговоръ Расправной Палаты по дѣлу между Романовцами посадскими людьми и сосѣдними помѣщиками о возвратѣ на посадъ жившихъ за помѣщиками крестьянъ, бывшихъ ранѣе посадскими, и 3) документы по дѣлу о лугѣ, захваченномъ крестьянами одной деревни Спасскаго монастыря у бобылей сосѣдней деревни того же монастыря.

Всѣхъ актовъ въ нашемъ сборникѣ семь. Всѣ принадлежатъ къ XVII вѣку, преимущественно—ко второй его половинѣ. За исключеніемъ документовъ третьей группы, всѣ документы—подлинники и притомъ прекрасно сохранившіеся.

Акты первой группы—грамоты Борисоглѣбской слободы, вѣдавшейся въ Приказѣ Большого Дворца. Населеніе этой слободы составляли рыболовы, ловившіе на царскій обиходъ за оброкъ рыбу. Къ слободѣ были приписаны оброчныя рыбныя воды съ правомъ для слободы монопольной ловли. Слобода образовалась, вѣроятно, раньше 16 вѣка, такъ какъ извѣстна уставная грамота ей съ ссылками на грамоту еще

великаго князя Василія Ивановича [1]) Если къ печатаемымъ нами актамъ присоединить грамоту отъ 13 ноября 1613 года, напечатанную въ А. Арх. Эксп., III, № 14 [2]) и сопоставить съ грамотой Рыбной слободѣ (теперешнему г. Рыбинску) отъ 30 января 1679 г., напечатанной въ Акт. Арх. Эксп., IV, № 233, то для возстановленія исторіи Борисоглѣбской рыбной слободы, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, едва-ли понадобятся многіе иные матерьялы. [3])

Вторую группу, какъ уже упомянуто, составляетъ одинъ документъ. Это—грамота изъ Золотой Расправной Палаты отъ 1690 г. по судному дѣлу Романова посада—истца съ князьями Шедяковымъ и Кутумовымъ—отвѣтчиками о возвратѣ на посадъ цѣлаго ряда посадскихъ людей, жившихъ за князьями въ крестьянахъ въ селѣ Богородскомъ и деревнѣ Александровой, подошедшихъ близко къ посаду. Этому акту мы склонны придавать несомнѣнное значеніе Вопросъ, который освѣщается имъ, получилъ уже въ литературѣ опредѣленную постановку, [4]) но мы не знаемъ документа, который бы такъ законченно изображалъ намъ какъ самое ядро вопроса, такъ и всѣ соприкасающіяся и сопровождающія явленія. Какъ извѣстно, еще до Уложенія правительство старалось законодательнымъ путемъ защитить посады отъ сосѣдей-землевладѣльцевъ, имѣвшихъ многіе способы стягивать къ себѣ посадское населеніе и тѣмъ

---

[1]) А. А. Э. I, 324. Въ собраніи Романовскихъ актовъ, поступившихъ въ Ярославскую Ученую Архивную Комиссію, находимъ и оригиналъ, съ котораго указанная грамота воспроизведена въ Актахъ Археографической Экспедиціи.

[2]) Подлинникъ, съ котораго воспроизведена эта грамота, также находится теперь въ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи.

[3]) Дальнѣйшую судьбу Борисоглѣбскихъ рыбныхъ ловель узнаемъ изъ дѣлъ, хранящихся въ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи: до 1712 г. слобода считалась дворцовой оброчной; въ 1712 г. и по 1720 г. рыбныя ловли сдавались на откупъ желающимъ; въ 1727 г. по указу 27 марта рыбныя ловли были отданы Борисоглѣбской слободы ратушѣ въ вѣчное владѣніе съ платой въ казну по 28 рублей $1^1/_4$ коп. въ годъ. Въ 1752 г., однако, за накопившіяся на слободѣ недоимки, рыбныя ловли были сданы правительствомъ снова въ откупъ, пока общимъ закономъ 31 іюля 1762 года откупа рыбныхъ ловель не были повсемѣстно уничтожены.

[4]) Детально разработанъ этотъ вопросъ у Лаппо-Данилевскаго Организація прямого обложенія, стр. 169—179.

ослаблять податную способность посадскихъ людей, а вмѣстѣ и нарушать прямые интересы фиска. Но только съ Уложенія такая дѣятельность правительства получила полное выраженіе: въ 19-ой главѣ мы находимъ рядъ статей, не оставляющихъ сомнѣнья, что защита посадовъ въ сказанномъ направленіи отнынѣ должна была стать одной изъ задачъ финансовой политики Московскаго государства. Дѣло, которое мы печатаемъ, цѣликомъ основано на толкованіи и примѣненіи 19-ой главы Уложенія. Исходъ дѣла (процессъ былъ выигранъ посадомъ) показываетъ, что еще въ концѣ вѣка финансовая политика, выраженная Уложеніемъ, въ этой, по крайней мѣрѣ, своей части оставалась въ полной силѣ.

Для изучающихъ исторію русскаго процесса печатаемый нами документъ имѣетъ значеніе уже тѣмъ, что въ немъ наглядно можно прослѣдить какъ разныя стадіи процесса, такъ и пріемы приведенія, а также и оцѣнки судомъ доказательствъ. Въ частности укажемъ на тотъ интересный фактъ, что въ документѣ находимъ указаніе на значеніе общей ссылки не на лицо, какъ это обыкновенно излагается въ ученьи объ общей ссылкѣ [1]), а на законъ. Какъ видно изъ печатаемаго акта, истецъ слался на 1, 2, 3, 8, 13 и 20 статьи 19 главы Уложенья; отвѣтчикъ, хотя и оговорилъ, что эти статьи дѣлу неприличны, но слался на тѣ-же статьи. Но такъ какъ эти статьи, по мнѣнію судей, „они отвѣтчики написали имъ (истцамъ) къ оправданью, а себѣ къ винѣ", то отвѣтчики должны были подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ общей ссылки; какъ указываютъ судьи, ссылаясь на Уложеніе, „после обчей ссылки никакихъ словъ принимать не вѣлено". [2]) Можно думать, что тутъ мы встрѣчаемся съ развитіемъ 167 и 168 статей X главы Уложенія. Въ частности, наконецъ, укажемъ еще на то, что печатаемый документъ даетъ матерь-

---

[1]) См. Дмитріевъ, Исторія судебн. инстанц., стр. 404—405, Владимірскій-Будановъ, Обзоръ ист. рус. пр., изд. 3-ье, стр. 660.

[2]) Оговариваемся, однако, что, если не точно такія, то подобнаго рода указанія уже попадались въ актовой литературѣ. См., напримѣръ, Акты Ѳедот.—Чехов., т. II, стр. 149, 181.

ялъ для вопроса о роли Расправной Палаты, какъ апелляціонной инстанціи.

Третью группу составляютъ челобитныя и рѣшенія по нимъ властей Спасскаго монастыря по дѣлу о лугѣ, который отбивали у монастырскихъ бобылей крестьяне сосѣдней монастырской-же деревни. Эти акты не имѣютъ прямого отношенія собственно къ г. Романову, хотя и поступили изъ городского-же архива, но печатаются нами потому, что въ нихъ встрѣчаемъ указаніе на бобыльскаго старосту. Указаніе приведено въ документѣ глухо, но и въ этомъ видѣ заслуживаетъ, конечно, вниманія.

Къ изданію прилагаемъ указатели. Въ отличіе отъ указателей нашихъ предшествовавшихъ изданій исключаемъ въ указателѣ лицъ имена крестьянъ. Для печатаемыхъ документовъ перечень этихъ именъ не можетъ представлять никакого интереса.

I.

Акты Борисоглѣбской ловецкой слободы 1627—1672 г.г.

№ 1. Грамота отъ 6 іюля 1627 г изъ Приказа Большого Дворца.

Отъ Царя і Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русіи въ Ярославской уѣздъ въ нашу дворцовую въ ловецкую въ Борисоглѣбскую слободу приказщику Ѳилипу Лошакову. Били намъ челомъ нашеи дворцовые Борисоглѣбские слободы староста Первушка Дементъевъ і во всѣхъ Борисоглѣбцовъ рыбныхъ ловцовъ мѣсто, а сказалъ: по нашему указу ловятъ они истари про нашъ обиходъ свѣжую красную рыбу по рекѣ по Волге вверхъ і внизъ, и съ обѣихъ де сторонъ реки Волги прилегли монастырьские и княженецкие и дворянские и детей боярскихъ вотчинные земли, и какъ де они рыбные ловцы пристанутъ гдѣ на берегъ неводовъ и перевѣсей сушить и починивать и ѣсть на себя сварить, и тѣхъ де монастырьскихъ и княженецкихъ и дворянскихъ и детей боярскихъ вотчинъ люди и крестьяне зъ берегу ихъ збиваютъ и подъ нѣводы и подъ сѣти сохъ и дровъ чѣмъ сварити ѣсть усѣчь не даютъ. И какъ де они весною погонятъ плоты хоромной лѣсъ и дрова, и они де имъ съ плотами и съ судами такъ же къ берегу приставать и хвататца не даютъ. А истари де отъ верхнево Волсково устья и до нижнево устья до Астарахани ходятъ по рекѣ по Волге суды болшие и меншие вверхъ і внизъ и плоты всякой лѣсъ гоняютъ и приставаютъ вездѣ къ берегамъ и дрова секутъ и отъ тово никому ни отъ ково заповеді и продажъ и убытковъ никакихъ не бывало. Да тѣ жъ де монастырские и дворянские и детей боярскихъ люді и крестьяне поклепавъ ихъ напрасно емлютъ по нихъ рыбныхъ ловцовъ наши зазывные грамоты и продаютъ и убыточатъ ихъ напрасно для тово чтобъ ихъ съ неводами

и съ сѣтми и съ плотами къ берегу приставать не припустить и говорятъ имъ, что де они рыбные ловцы съ помлинки къ нимъ и съ свѣжею рыбою не приходятъ, а ныне де въ Волге рыбы стало скудно; и про нашъ де обиходъ рыбы они уловити сполна не успѣютъ, и они де ѣздятъ на реку на Шексну, и на Рыбную, и на Мологу по многие годы и тамъ про нашъ обиходъ свѣжую красную рыбу покупаютъ. И намъ бы ихъ пожаловать велѣти імъ по рекѣ по Волге вверхъ по обе стороны реки на берегу противъ всякихъ людей помѣстей и вотчинъ съ судами и съ плоты приставать і дрова и сохи сѣчь и сѣти сушить беспенно і велѣті бъ о томъ дати имъ нашу грамоту, чтобъ имъ убивства и продажи и убытка никоторово впередъ отъ тово не было ни отъ ково. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Борисоглѣбские слободы рыбные ловцы учнутъ плыті по рекѣ по Волге для нашеі рыбные ловли вверхъ і внизъ, плоты гонять лѣсъ и дрова, и ты бъ имъ рыбнымъ ловцомъ съ судами и съ плоты на рекѣ на Волге на берегу противъ монастырьскихъ и боярскихъ и дворянскихъ и детей боярскихъ і всякихъ людей помѣстей и вотчинъ велѣлъ приставати і сѣти сушить, и дрова чѣмъ ѣсть варить и сохи на чомъ сѣти сушити велѣлъ беспенно, чтобъ имъ оттово насилства и продажъ и убытковъ ни отъ ково не было. А прочѣтъ сю нашу грамоту отдалъ бы еси Борисоглѣбские слободы старосте Первушке Дементьіву і всѣмъ рыбнымъ ловцомъ впередъ для іныхъ нашихъ приказныхъ людей, а у себя съ сей нашей грамоты оставилъ списокъ слово въ слово. Пісанъ на Москвѣ. Лѣта 7135 году июля въ 6 день.

На оборотѣ: Царь і Великій Князь Михаилъ Федоровичъ всеа Русіі. По скрѣпамъ приписъ: Діакъ Гарасимъ Мартемяновъ. Справа — подъячего Васки Ратаева. Помѣта: «пошлінъ взято 25 алтынъ». Сохранилась черновосковая печать Большого Дворца; она въ толстомъ ободкѣ бѣлаго воска.

№ 2. Грамота отъ 13 іюля 1631 г. изъ Приказа Большого Дворца.

Отъ Царя і Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі въ Ярославской уѣздъ въ нашу въ дворцовую въ Борисоглѣбскую слободу приказщику Булгаку Плиш-

кину. Писалъ еси къ намъ въ нынешнемъ во 139 году маия въ 30 день, погорѣло въ Борисоглѣбскоі слободѣ рыболовскихъ восмъдесятъ четыре двора со всѣми іхъ животы і въ торгу лавки погорѣли, а Борисоглѣбские слободы староста Ѳторишка Ларионовъ билъ намъ челомъ і во всѣхъ Борисоглѣбские слободы погорѣлыхъ крестьянъ мѣсто, а сказалъ: въ нынешнемъ де во 139-мъ году маия въ 30 день погорѣло у нихъ въ Борисоглѣбскои слободѣ лутчихъ, середнихъ і молотчихъ людей восмъдесятъ четыре двора и лавки всѣ погорѣли со всѣми іхъ животы, и намъ бы ихъ пожаловати велѣти імъ даті въ нашихъ денежныхъ доходехъ і въ лавочномъ оброке даті лготы. А въ Приказе Болшого Дворца въ писцовыхъ книгахъ Перѳиля Секирина да подячего Григоря Соѳонова нынешнего 139-го году написано: въ Борисоглѣбскои слободѣ посацкихъ лутчихъ и середнихъ и молотчихъ людей сто семъдесятъ восмъ дворовъ, а людей въ нихъ сто восмъдесятъ человекъ, въ живущемъ полсохи, денежныхъ всякихъ доходовъ, оброковъ и пошлинъ и за дворецкого доходъ и его тиуновъ дватцать четыре рубли и два алтына три денги, а ямскихъ денегъ и за посошной ямъ, что платили преже сего Борисоглѣбские слободы крестьяне четырехъ рублевъ осми алтынъ дву денегъ въ тѣхъ книгахъ не написано, а толко тѣ ямские денгі приложить къ оброчнымъ денгамъ, и того будетъ дватцать восмъ рублевъ одиннатцать алтынъ. Да зъ Борисоглѣбские жъ слободы съ лавокъ и съ онбаровъ оброчныхъ денегъ по прежнему окладу и съ прибылыми восмъ рублевъ пятнатцать алтынъ полчетверты денги. и обоего зъ Борисоглѣбской слободы денежныхъ всякихъ доходовъ і съ лавокъ оброчныхъ денегъ тритцать шесть рублевъ дватцать шесть алтынъ полчетверты денги И іметца подъ погорѣлыми крестьяны денежныхъ доходовъ, оброковъ и пошлинъ і за дворецкого доходъ и его тиуновъ і за намѣсничъ кормъ во лготе двенатцать рублевъ да съ лавокъ оброчныхъ денегъ восмъ рублевъ пятнатцать алтынъ; и обоего во лготе дватцать рублевъ пятнатцать алтынъ полчетверты денги. І по нашему указу Борисоглѣбские слободы погорѣлымъ крестьяномъ старосте Ѳторышку Ларионову съ товарыщи дано лготы въ нашихъ денежныхъ доходехъ сентября съ

1-го числа 140 году сентября жъ по 1 число 142 году на два года, а въ лавочномъ оброке на годъ. І какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Борисоглѣбские слободы на погорѣлыхъ крестьянехъ на Вторышке Ларионове съ товарыщи нашихъ оброчныхъ денежныхъ всякихъ доходовъ во лготные годы не правилъ, а какъ лготные годы отойдутъ, і ты бъ имъ наши денежные всякие доходы велѣлъ платить Борисоглѣбские слободы со крестьяны по прежнему А прочетъ сю нашу грамоту і списавъ съ неѣ списокъ слово въ слово оставилъ у себя, а подлинную сеѣ нашу грамоту отдалъ погорѣлымъ крестьяномъ Ѳторышку Ларионову съ товарыщи. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7139 году июля въ 13 день.

На оборотѣ: Царь і Великій Князь Михаило Федоровичъ всеа Русіи. По склейкамъ приписъ дьяка: Діакъ Максимъ Чирковъ. Справа—подъячего Аникейки Иванова. Сохранилась черновосковая печать Приказа Большого Дворца.

№ 3. Грамота отъ 20 марта 1648 г. изъ Приказа Большого Дворца.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіі въ Ярославской уѣздъ въ нашу дворцовую Борисоглѣбскую слободу прикащику Гаврилу Парѳеньеву. Били намъ челомъ нашие дворцовые Борисоглѣбские ловецкие слободы староста Ѳедотко Матвѣевъ і во всѣхъ Борисоглѣбские слободы крестьянъ мѣсто, а въ челобитной ихъ написано: въ прошломъ де во 154-мъ году били они намъ челомъ на Романовцевъ на посацкихъ людей и Романовского уѣзду на княженецкихъ и дворянскихъ и детей боярскихъ на вотчинныхъ и на помѣстныхъ крестьянъ на Шестачка Яковлева съ товарыщи на тритцать на трехъ человѣкъ, что де они Шестачко бьютъ намъ челомъ ложно и называютца рыбными ловцами, чтобъ имъ въ рѣке въ Волге въ ихъ въ Борисоглѣбскихъ і въ Норскихъ въ оброчныхъ водахъ ловитъ красная рыба съ которыхъ водъ платятъ они намъ рыбной оброкъ, хотя ихъ тѣмі рыбными ловлями насилствомъ завладѣть. И по нашему указу велено въ рекѣ въ Волге оброчными рыбными ловлями Борисоглѣбские слободы крестьяномъ

владѣть по прежнему, а Романовцомъ посацкимъ людемъ и уѣзднымъ крестьяномъ Шестачку Яковлеву съ товарыщи въ тѣ рыбные ловли вступатца и рыбы никакой ловить имъ не велѣно, потому что тотъ Шестачко Яковлевъ съ товарыщи осмнатцать человекъ Романовцы посадцкие люди живутъ на Романове на посаде и тягло тянутъ съ посадцкими людми, а не рыбные ловцы, а пятнатцать человѣкъ, которые называютца рыбными ловцами, крестьяне пашенные и живутъ на тяглѣ за разными помѣщики. І въ рекѣ Волге Романовцомъ посадцкимъ людемъ и Романовского уѣзду крестьяномъ всякихъ чиновъ людемъ рыбныхъ ловель не указано, а ловятъ де въ рекѣ въ Волге отъ Ярославля вверхъ рекою Волгою и до Мологи реки нашихъ дворцовыхъ ловецкихъ слободъ крестьяне и рыбной оброкъ платятъ. А на нево де Шестачка съ товарыщи рыбново оброку не положено и нашие грамоты у нево нѣтъ А прежде сего тѣ Романовцы посадцкие люди і уѣздные крестьяне Шестачко Яковлевъ съ товарыщи въ тѣхъ оброчныхъ водахъ лавливалі всякую красную рыбу насилствомъ и ихъ побивали и грабилі и снасти у нихъ отнималі. А прикащикъ имъ для своеи корысти въ оброчныхъ водахъ рыбу ловить веливалъ и заповедною рыбою прикащикъ и они корыстовались, а къ намъ съ поварамі отпускивалі стерлядокъ ушныхъ по десяти и по дватцати на годъ. И ныне де тѣ Романовцы посадцкие люди и уѣздные крестьяне Шестакъ Яковлевъ съ товарыщи въ тѣ ихъ оброчные рыбные ловли вступаютца и рыбу хотятъ ловить насилствомъ, потому что де у нихъ на тѣ ихъ рыбные ловли нашие грамоты не дано. И намъ бы ихъ пожаловать въ тѣ ихъ оброчные рыбные ловли Романовцомъ посадцкимъ людемъ и уѣзднымъ крестьяномъ вступатца и рыбы ловить не велѣть, а велѣти бъ имъ дать нашу грамоту. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ въ рекѣ въ Волге отъ Ярославля вверхъ рекою Волгою и до Мологи реки рыбными ловлями велѣлъ владѣть (на верху вписано: будетъ прежъ сево тѣми рыбными ловлями владѣли) и рыбу ловить нашихъ дворцовыхъ Борисоглѣбские и Норские ловецкихъ слободъ всѣмъ крестьяномъ и нашъ рыбной оброкъ

платить по прежнему. А Романовцомъ посадцкимъ людемъ и Романовсково уѣзду крестьяномъ Шестачку Яковлеву съ товарыщи въ тѣ оброчные рыбные ловлі вступатца и рыбы ловить насилствомъ не велѣлъ и берегъ того накрепко, чтобъ Романовцы посадцкие люди и уѣздные крестьяне і всякихъ чиновъ люди въ рекѣ въ Волге рыбы утайкою не ловилі и налогъ ни какихъ имъ не чинилі. А прочетъ сеѣ нашу грамоту и списавъ съ неѣ списокъ оставилъ у себя, а подлинную отдалъ нашие дворцовые Борисоглѣбские ловецкие слободы крестьяномъ впредь для иныхъ нашихъ приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7156 году марта въ 28 день.

На оборотѣ: Государева грамота о рыбныхъ ловцахъ і тое рыбну грамоту на нынешнихъ Государей подписать объ Романовскихъ рыбныхъ ловцахъ.

Грамота по склейкамъ за приписью дьяка Смирново Богданова, справа—подъячего Ивашки Парфѣева.

№ 4. Грамота отъ 19 іюня 1659 г. изъ Приказа Большого Дворца.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михаиловича всеа великия и малыя і бѣлыя Росиі Самодержца на Романовъ воіводе нашему Григорью Григорівичю Колединскому. Въ приказе Болшого Дворца въ приходной окладной рыбной книге нынешняго 167 году написано: Романовские рыбные ловцы Гришка Андрѣевъ, Шестачко Яковлевъ, Гришка Троѳимовъ, Сенка Семеновъ, Микитка Ѳрмолинъ, Івашко Немировъ, Петрушка Усовъ, Еѳимко Родионовъ, Абрамко Исаевъ, Івашко Григоревъ, Ѳедка Гусевъ, Стенка Лукъяновъ, Любимко Яковлевъ, Оѳонка Трубниковъ, Сергушка Осиповъ, Якушко Гомоза, Андрюшка Терентьевъ, Івашко Василевъ всего осмнатцать человекъ, живутъ на Романове на посаде, а ловятъ рыбу на нашъ Великого Государя обиходъ мережамі трегубицамі въ рекѣ Волге безурочно какие рыбы Богъ пошлетъ и привозятъ въ Борісоглѣбскую слободу и отдаютъ старосте. А изъ Борісоглѣбские слободы тое рыбы привозятъ къ намъ Великому Государю къ Москве повару. А снастей у нихъ рыбныхъ по мереже у человека, а иныхъ снастей у нихъ никакихъ нѣтъ. Да въ Романовскомъ же уѣзде

на Святеозере Островского монастыря въ деревне Копылове живутъ рыбные ловцы Меншичко Семеновъ, Томилко Ѳедоровъ, а ловятъ мережамі трегубцамі съ весны и до заморозовъ, а иныхъ снастей у нихъ нѣтъ; и отдаютъ рыбу Романовскимъ рыбнымъ старостамъ. Да въ Романовскомъ же уѣзде въ селцѣ Савинскомъ князь Василевъ крестъянинъ Пронского Нежданко Поздѣевъ ловитъ мережею трегубицею жъ съ весны и до заморозовъ и отдаетъ Романовскимъ рыбнымъ старостамъ Да на рекѣ на Ите на помѣстной землѣ за помѣщики рыбные ловцы ловятъ свѣжую красную рыбу и отдаютъ Романовскимъ же рыбнымъ старостамъ: за Ѳедоромъ Івановымъ сыномъ Сербинымъ Івашко Симоновъ, за Смоляниномъ за Дружиною Довотчиковымъ Осипко Семеновъ. Ортюшка Троѳимовъ, за Буклѣемъ Дмитреівымъ сыномъ Тургенева Богдашка Андрѣевъ, Дружинка Клементъевъ, за князь Аѳонасемъ Козловскимъ Бажѣнко Григорьевъ, Ортюшка Даниловъ, Янка Степановъ ловятъ мережамі трегубицами и кереводы, за Іваномъ Сербинымъ Якушко Григоръевъ, за вдовою Анною Микулаівскою женою Селиванко Ѳоминъ, Томилко Ѳоминъ, за княземъ Даниломъ княжъ Григоръівымъ сыномъ Гагаринымъ Троѳимко Клементъівъ, Пятунка Клементъівъ; і всего на рекѣ на Ите рыбныхъ ловцовъ тринатцать человекъ, а у нихъ тринатцать мережъ трегубныхъ да четыре мережи кереводныхъ, а иныхъ никакихъ снастей у нихъ нѣтъ. А ловятъ съ весны и до заморозовъ всѣ рыбные ловцы отъ Семиона Святого отъ Слюды внизъ по рекѣ по Волге Пречистые Богородицы до Толгского монастыря и до Креста что стоитъ близко монастыря на берегу Волгі рекі, а на другой сторонѣ ниже того по врагъ сухой каменникъ на пятдесятъ на одну версту. А въ книгахъ Кормового Дворца стряпчего Андрѣя Ноксинскаго 165 году написано: Романовского уѣзду рекі Иті и селца Савинского рыбныхъ ловцовъ улову принято и послано къ намъ Великому Государю къ Москве съ поварамі осетръ, лосось, пять бѣлыхъ рыбицъ, шесть стерлядей середнихъ, двѣ стерляди меншихъ, а Романовцовъ посацкихъ людей улова рыбы въ приеме не обявилось; а въ прежнихъ годѣхъ до 165 году Романовцовъ посацкихъ людей и Романовского уѣзду села Савинского

и съ рекі Иті рыбныхъ ловцовъ платежу рыбного въ приходныхъ окладныхъ книгахъ ничего не сыскано. А въ приходной же книге нынешняго 167 году написано: по писцовымъ книгамъ Перѳиля Секирина да подячего Григорья Соѳонова 139 году Борісоглѣбские слободы рыбные ловцы платятъ на нашъ обиходъ на Кормовой Дворецъ свѣжие красные рыбы по тритцаті осетровъ, по дватцаті по пяті бѣлыхъ рыбицъ, по дватцаті стерлядей болшихъ, по пятдесятъ стерлядей середнихъ, по осмидесяті стерлядей меншихъ на годъ, а ловятъ оні красную рыбу отъ вешняго до осенняго лду въ Волге рекѣ по одному берегу рекі Волгі съ ихъ сторону отъ рѣчкі отъ Яновкі да отъ рѣчкі Солдогі внизъ по Волге до рѣчкі до Иті на сорокъ на две версты, съ рѣчкамі и со стокі, да въ рѣчке въ Ядоме да въ Ядоме жъ Меншомъ да въ рѣчке Печахте, да Норские слободы рыбные ловцы платятъ на нашъ обиходъ свѣжие красные рыбы урокомъ по трі осетра, по семнадцаті бѣлыхъ рыбицъ, по пятнатцаті стерлядей болшихъ, по тритцаті по пяті стерлядей середнихъ, по пятідесяті стерлядей меншихъ на годъ. А ловятъ оні тое красную рыбу отъ вешнего до осеннего лду по одному берегу рекі Волгі по московской сторонѣ, отъ Семиона Святаго отъ Слюды отъ рѣчкі Яновкі внизъ къ Ярославлю Пречистые Богородицы до Толгского монастыря на пятдесятъ верстъ. И ныне билі челомъ намъ Великому Государю Романовцы посацкие люди соцкой Гришка Хабаровъ і во всѣхъ посацкихъ людей мѣсто: въ прошломъ во 166 году переписалъ у нихъ на Романове Кормового Дворца стряпчей Андрѣй Ноксинской ловецкихъ детей, которые остались после морового повѣтрия лѣтъ осмі и менші, а которые поболе, и тѣхъ ловецкихъ детей выслалъ на Волгу рыбы ловить на нашъ обиходъ четырехъ человекъ, и тѣ ловецкие дѣті рыбные ловлі і водъ не знаютъ, а снасті рыбные передралі, і изодрали снасті старого ловца Стенкі и отъ нихъ Ортюшка удавился, а иные де исъ ловецкихъ детей розбрелись и ныне де у нихъ на нашъ обиходъ рыбы ловить нѣкому. А прежъ сего тою Романовскою рыбною ловлею по нашему указу и по грамоте исъ Приказу Болшого Дворца владѣлі Борісоглѣбцы лѣтъ зъ десять и болші. И намъ бы ихъ Ве-

ликому Государю пожаловать велѣть тое Романовскую рыбную ловлю снять по прежнему нашему указу тѣмъ же Борисоглѣбцамъ, потому что у нихъ на нашъ обиходъ рыбы ловить нѣкому. А Борісоглѣбские слободы земской староста Захарко Кузминъ і во всѣхъ Борісоглѣбские слободы рыбныхъ ловцовъ мѣсто билъ челомъ намъ Великому Государю, а въ челобитной ихъ написано: ловятъ де оні на насъ Великого Государя свѣжую красную рыбу въ рекѣ Волге по старинѣ и по грамоте блаженные памяти отца нашего Великого Государя Царя і Великого Князя Михаіла Ѳодоровича всеа Русні въ которыхъ водахъ имъ Борисоглѣбцамъ велено ловить про нашъ Великого Государя обиходъ красную рыбу, а опрочъ ихъ Борісоглѣбцевъ никому въ тѣ воды въезжать не велено для того что де на нихъ Борісоглѣбцовъ наложенъ рыбной оброкъ болшой; а ныне де въ ихъ указные воды въезжаютъ монастырские и помѣщиковы і вотчинниковы крестьяня и Романовцы посацкие люді и рыбу ловятъ, а къ нашему Великого Государя саду рыбы оні Романовцы не возятъ и продаютъ рыбу въ тай исъ погребцовъ и імъ Борісоглѣбцамъ чинятца силны. А которые де воды подошлі поблиску ихъ Романовцовъ і помѣщиковъ противъ ихъ земель, и ихъ де Борісоглѣбцовъ рыбныхъ ловцовъ на свой берегъ не пущаютъ и бъютъ и мережи портятъ і во всемъ чинятца силны. И намъ бы Великому Государю ихъ Борісоглѣбцовъ рыбныхъ ловцовъ пожаловать велѣть дать нашу Великого Государя грамоту. Да Борісоглѣбцы жъ подали наши Великого Государя двѣ грамоты, а въ грамоте 156 году за приписю дъяка нашего Смирново Богданова написано: били челомъ намъ Великому Государю Борісоглѣбские слободы староста Ѳедотко Матвѣівъ і во всѣхъ Борісоглѣбские слободы крестьянъ мѣсто: въ прошломъ де во 154 били де челомъ они намъ Великому Государю на Романовцовъ посацкихъ людей и Романовского уѣзду на княженецкихъ и дворянскихъ и детей боярскихъ, на вотчинныхъ и на помѣстныхъ крестьянъ на Шестачка Яковлева съ товарыщи на тритцать на трехъ человекъ, что де оні Шестачко бьютъ челомъ намъ Великомъ Государю ложно и называютца рыбнымі ловцамі, чтобъ имъ въ рекѣ Волге въ ихъ Борісоглѣб-

скихъ і въ Норскихъ въ оброчныхъ водахъ ловить красная рыба, съ которыхъ водъ платятъ оні нашъ рыбной оброкъ, хотя ихъ тѣмі рыбнымі ловлямі насилствомъ завладѣть. И по нашему Великого Государя указу велено въ рекѣ Волге оброчнымі рыбнымі ловлямі Борісоглѣбские слободы крестъяномъ владѣть по прежнему, а Романовцомъ посацкимъ людемъ и уѣзднымъ крестъяномъ Шестачку Яковлеву съ товарыщі въ тѣ рыбные ловлі вступатца и рыбы никакой ловить имъ не велено, потому что тотъ Шестачко Яковлевъ съ товарыщі осмнатцать человекъ Романовцы посацкие люди живутъ на Романове на посаде и тягло тянутъ съ посацкимі людмі, а не рыбные ловцы, а пятнатцать человекъ, которые называютца рыбнымі жъ ловцамі крестъяня пашенные и живутъ на тяглѣ за рознымі помѣщики і въ рекѣ Волге Романовцомъ посацкимъ людямъ и Романовского уѣзду крестъяномъ всякихъ чиновъ людемъ рыбныхъ ловель не указано, а ловятъ де въ рекѣ въ Волге отъ Ярославля вверхъ рекою Волгою и до Мо(ло)ги реки нашихъ дворцовыхъ ловецкихъ слободъ крестъяня и рыбной оброкъ платятъ, а на нево де Шестачка съ товарыщі рыбного оброку не положено и нашие грамоты у нево нѣтъ. А прежъ де сего тѣ Романовцы посацкие люди и уѣздные крестъяня Шестачко Яковлевъ съ товарыщі въ тѣхъ оброчныхъ водахъ лавлівалі всякую красную рыбу насилствомъ и ихъ побивалі и грабилі и снасти у нихъ отымали, а прикащикъ имъ для своей корысті въ оброчныхъ водахъ рыбу ловить велівалъ и заповедною всякою рыбою прикащикъ и оні корыстовались, а къ намъ Великому Государю съ поварамі отпускивалі стерлядокъ ушныхъ по десяті и по двенатцаті И ныне де тѣ Романовцы посацкие люди и уѣздные крестъяня Шестачко Яковлевъ съ товарыщі въ тѣ ихъ оброчные рыбные ловлі вступаютца и рыбу хотятъ ловить насилствомъ, потому что де у нихъ на тѣ ихъ рыбные ловлі нашие грамоты не дано. И по нашему Великого Государя указу въ рекѣ Волге отъ Ярославля вверхъ рекою Волгою и до Мологи реки рыбнымі ловлямі велено владѣть будетъ напередъ сего тѣмі рыбнымі ловлямі владѣлі и рыбу ловили нашихъ дворцовыхъ Борісоглѣбские и Норские ловецкихъ

слободъ всѣмъ крестъяномъ и рыбной оброкъ платить по прежнему, а Романовцомъ посацкимъ людемъ и Романовского уѣзду крестъяномъ Шестачку Яковлеву съ товарыщі въ тѣ оброчные рыбные ловлі вступатца и рыбы ловить насилствомъ не велено, а того велено беречь накрепко, чтобъ Романовцы посацкие люди и уѣздные крестъяня і всякихъ чиновъ люди въ рекѣ Волге рыбы утайкою не ловилі и нало(го)въ никакихъ не чинили. Да 157 году въ нашей грамоте за приписю дьяка нашего Івана Ѳедорова написано: билі челомъ намъ Великому Государю Борісоглѣбские жъ слободы староста Лукашко Гавриловъ і во всѣхъ посацкихъ людей мѣсто: платятъ де они на нашъ обиходъ на Кормовой Дворецъ Волги реки съ оброчныхъ своихъ рыбныхъ ловель рыбной оброкъ осетры, шевриги, бѣлые рыбицы, стерляди свѣжие не противъ своей силы, потому что они люди бѣдные и пашенъ и сенныхъ покосовъ и иныхъ никакихъ угодей у нихъ нѣтъ, отъ хлѣбной дорогови(зны) и отъ всякихъ скотинъ частыхъ падежей одолжалі, а иные рыбные ловцы поустарѣлі и многие люди померлі и имъ де досталнымъ рыбнымъ ловцомъ про нашъ обиходъ рыбы ловить стало нѣкемъ и рыбного оброку платить нѣчемъ, и тѣ де ихъ воды отъ нихъ отдалѣлі, а стороннихъ людей они въ тѣ свои рыбные ловлі всякихъ чиновъ рыбныхъ ловцовъ для своіво одиночества безъ нашего указу призвать и рыбы съ ними ловить не смѣютъ. И намъ бы ихъ пожаловать для ихъ безлюдства и скудости велѣти бъ имъ въ тѣ оброчные рыбные ловлі призвать рыбныхъ ловцовъ стороннихъ людей и рыбу ловить беспенно, чтобъ имъ въ нашемъ рыбномъ оброке зъ женамі и зъ детмі стоя на правеже замучнымъ не быть. И по нашему указу Борісоглѣбские слободы на нашъ обиходъ рыбу осетры, белуги, шевриги, бѣлые рыбицы, стерляди болшие съ рыбными ловцами въ ихъ оброчныхъ водахъ велено ловить неоплошно съ великимъ радѣнемъ днемъ и ночю и присылать къ намъ къ Москве почасту и помногу. А будетъ имъ Борісоглѣбцамъ рыбнымъ ловцамъ рыбная ловля однимъ за одиночествомъ не вь силу, велено имъ къ той рыбной ловле призвать въ свои оброчные рыбные воды охочихъ волныхъ рыбныхъ ловцовъ, хто имъ будетъ надобенъ и

кому въ рыбной ловле вѣрятъ. И тѣ наши грамоты даны имъ съ прочетомъ. Да Борісоглѣбцы жъ подали записи, а въ записяхъ написано: въ прошломъ во 164 году далі запись Борісоглѣбские слободы старосте і всѣмъ Борісоглѣбцамъ боярина нашего Василья Івановича Стрешнева села Савинского крестъяня Любимко да Володка Григоръівы въ томъ, что въ томъ году ловить имъ на нашъ обиходъ въ рекѣ Волге свѣжую красную рыбу снастямі, неводомъ и плавинцамі и аханы свяскою двемя лотками, а что имъ Богъ пошлетъ рыбы осетровъ и стерлядей і бѣлыхъ рыбицъ, и тое рыбу привозить къ нимъ въ Борісоглѣбскую слободу къ нашему саду и отдавать земскому старосте и целовалникомъ. А за ту рыбу имать имъ у Борісоглѣбцовъ денги по нашей указной ценѣ, а на сторону имъ рыбы не продавать. А другую запись далі Романовского уѣзду князь Григорья княжъ Аѳонасіва сына Козловского усть реки Иті крестьяня Любимко Яковлевъ да Ортюшко Андрѣівъ, что имъ въ томъ же во 164 году ловить на нашъ обиходъ рыбу плавинцамі да частикомъ четырмя лотками, а что Богъ учнетъ посылать рыбы, и тое рыбу привозить въ Борісоглѣбскую слободу къ нашимъ садомъ и отдавать земскому жъ старосте и целовалникомъ; а имъ за тое рыбу имать у нихъ денги по указной же ценѣ; а на сторону имъ рыбы не продавать. І какъ къ тебѣ ся наша Великого Государя грамота придетъ, и ты бъ съ Романовцовъ противъ прежнего нашего указу рыбную ловлю снялъ и на Романове по многие торговые дні велѣлъ кликать биричю, чтобъ въ воды, которые даны въ рекѣ Волге по прежнимъ нашимъ грамотамъ къ Борісоглѣбской слободѣ Романовцы посацкие люди и околнихъ селъ и деревень помѣщиковы і вотчинниковы люди и крестъяня въ тѣхъ ихъ водахъ рыбы никакие насилствомъ не ловилі і въ тѣ ихъ воды съ рыбнымі снастямі не въезжалі; да и самому тебѣ того смотрѣть и беречь накрепко, чтобъ Романовцы посацкие и уѣздные люди нашею заповедною красною свѣжею рыбою не торговалі и по дружбе никому не давалі и сами не корыстовались. А буде Романовцы или чьѣ люди и крестъяня учнутъ въ тѣхъ ихъ водахъ рыбу ловить насилствомъ, а на тѣхъ людей учнутъ тебѣ Борісоглѣбцы извещать, и ты бъ

тѣхъ людей велѣлъ имать и сажать въ тюрму, а исъ тюрмы вынмая чинилъ наказане билъ батогі бесъ пощады, чтобъ иным впредь такъ дѣлать было неповадно. А будетъ которые люди учнутъ нашею заповедною рыбою торговать и по погребамъ держать на друг(ихъ) или про себя, и ты бъ тѣхъ людей имая потому жъ сажалъ въ тюрму. Да о томъ писалъ къ намъ Великому Государю къ Москве, а отписки велѣлъ подавать въ Приказе Болшого Дворца околничему нашему Ѳедору Михайловичю Ртищеву да думному нашему дворянину Григорью Михайловичю Аничкову да дякомъ нашимъ Игнатю Матвѣіву да Андрѣю Селину да Григорѣю Старкову. А будетъ Романовцы посацкие и уѣздные люди учнутъ въ тѣ воды съ рыбными снастями въезжать и рыбу учнутъ насилствомъ ловить или хто станетъ нашею заповедною красною свѣжею рыбою торговать, а ты въ томъ учнешь имъ норовить, а намъ Великому Государю будетъ про то вѣдомо, и тебѣ за то быть отъ насъ Великого Государя въ опале. А прочетъ сю нашу Великого Государя грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставилъ у себя, а подлинную нашу грамоту отдалъ бы еси Борісоглѣбские слободы земскому старосте Захарку Кузмину съ товарыщі впредь для иныхъ нашихъ воіводъ и приказныхъ людей. Пісанъ на Москвѣ. Лѣта 7167 году июня въ 19 день.

По скрѣпамъ припись дьяка Григорія Старкова. Справа — подъячего Ивашки Балакшина. На грамотѣ имѣется черноросковая печать Приказа Большого Дворца.

№ 5. Грамота Ростовскаго митрополита Іоны отъ 19 мая 1672 г.

Благословение преосвященного Ионы митрополита Ростовского и Ярославского въ Ярославской уѣздъ въ Государеву дворцовую ловецкую Борисоглѣбскую слободу попомъ Івану Григореву, Осипу Ѳедорову съ товарыщи. Били вы намъ челомъ съ прихожаны своими тое жъ Борисоглѣбские слободы и подали челобитную за руками, а въ челобитной вашей написано: въ прошломъ де во 178 году благословили мы васъ воздвигнути церковь во имя Воскресения Христа Бога нашего, да намъ же бы васъ пожаловаті благословить ныне построить въ томъ

же храме подле Воскресенія Христова исъ теплого каменного храма престолъ Бориса и Глѣба перенести вверхъ, а въ того мѣсто исъ теплого храма деревянного перенести Николы Чюдотворца да съ того жъ храма Воскресения Христова благословити бъ васъ построить на папертяхъ два предѣла, по правую сторону Благовѣщение Пречистые Богородицы, а по лѣвую сторону Святыхъ Апостолъ Петра и Павла. И мы васъ пожаловалі благословилі церкві Воскресения Христова предѣлъ построить надъ папертьмі по правую сторону Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, а по левую сторону Николы Чюдотворца и о томъ дать наше благословение святые антимисы. І какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, і вамъ бы по нашему указу и по сей нашей грамоте велѣть у церкви Воскресения Христова на папертяхъ построить два предѣла, въ предѣле престолъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, а въ другомъ предѣле престолъ Чюдотворца Николы. А на основание тѣхъ предѣловъ говорили бы есте молитвы и пѣли молебны і воду святили и святою водою кропили. А какъ тѣ предѣлы обложатъ и совершатъ и церковное строеніе сполнятъ, і вы бъ взяли въ Ростове у соборного Пречистенского протопопа Луки зъ братею наше благословение святые два антимиса и призвали бъ вы изъ Ярославля соборного протопопа Никиту или попа да дякона того жъ собору, и тѣ предѣлы освятили и Божественную литургію соборне служилі и молили Господа Бога и Пречистую Его Матерь і Святого Славнаго Пророка и Претечю Крестителя Іоанна и Святыхъ Небесныхъ Силъ Михаила и Гавриіла и протчихъ Святыхъ Небесныхъ Бесплотныхъ Силъ и всѣхъ Святыхъ о благостояниі Святыхъ Божиіхъ церквей, о мире и о тишине всего мира и о вселенскомъ устроенниі, и о Государеве Цареве і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Россиі Самодержца многолѣтномъ здравиі, и о его Государеве Царице а нашей Государыне і Великой Княгине Наталіе Кириловне многолѣтномъ здравиі, и о благовѣрномъ и благородномъ царевиче і великомъ князе Ѳеодоре Алексѣевиче многолѣтномъ здравиі, и о благовѣрномъ и благородномъ царевиче і великомъ князе Іоанне Алексѣевиче многолѣт-

номъ здравиі, и о благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Ирине Михайловне, и о благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Анне Михайловне, и о благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Татьяне Михайловне многолѣтномъ ихъ здравиі, и о благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Евдокъе Алексѣевне, и о благовѣрной и благородной царевне и великой княжнѣ Марѳе Алексѣевне, и благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Соѳие Алексѣевне многолѣтномъ ихъ здравиі, и о благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Екатерине Алексѣевне, и о благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Маріе Алексѣевне, и о благовѣрной и благородной царевне і великой княжнѣ Ѳеодосие Алексѣевне многолѣтномъ ихъ здравиі, и о святѣйшихъ вселенскихъ патриархахъ многолѣтномъ ихъ здравиі и о душевномъ спасениі, и о христолюбивомъ воинстве, и о всенародномъ православномъ христианстве. Да четыредесятницы бъ вы попы въ тѣхъ предѣлахъ по освященниі служили по вся дни, а впредь бы служилі потому жъ по преданию и по правиломъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отцовъ яко же достоитъ неотложно ничтожъ. А престолы бъ вы учредить велѣлі въ тѣхъ предѣлахъ посреди олтарей, а къ стѣне престоловъ и предѣловъ не прідѣлываті. А подъ церковнымъ помостомъ высподи іныхъ предѣловъ и престоловъ не придѣлываті жъ. Писанъ въ Ростове. Лѣта 7180 году маия въ 19 день.

На грамотѣ сохранилась святительская красновосковая печать.

II.

Дѣло по иску Романовцевъ къ кн. Шедякову и кн. Кутумову о возвратѣ 27 человѣкъ обратно на посадъ. Актъ относится къ 1690 г.

Отъ Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия і малыя и бѣлыя Росиі самодержцевъ на Романовъ стол-

нику нашему і воеводе Кандратью Тихановичю Зыкову да подячему Василю Совѣтову. Въ прошломъ во 194 году въ Приказе Болшово Дворца искалъ Романовецъ посацкой человекъ Аѳонка Кузминъ і вмѣсто всѣхъ Романовцовъ посацкихъ людѣй на столникѣ на князь Григорье Шедякове да на князь Ѳедоре Кутумове: въ прошлыхъ де годѣхъ збежали съ Романова съ посаду посацкие люди і которые написаны по торговымъ промысломъ и по ремеслу и по близости і по старинѣ по сыску Алексѣя Чепчюгова Якушко, Сенка Ѳедоровы съ товарыщи, двадцать семь человекъ, а живутъ за нимъ князь Григорьемъ і князь Ѳедоромъ въ селѣ Богороцкомъ да въ деревне Александровской. А вмѣсто князь Григорья Шедякова і князь Ѳедора Кутумова въ отвѣте Сенка Старчевской сказалъ: те де крестьяне, которыхъ написали Романовцы бѣглыми, Якушко и Сенка Ѳедоровы съ товарыщи и отцы ихъ и дѣды на Романове въ посаде не живали, а жили отцы ихъ и дѣды и они Якушко съ товарыщи въ помѣстье Джанъ Мурзы Юсупова княжова въ селѣ Богороцкомъ въ деревне Александровской і крѣпки имъ отвѣтчикомъ тѣ крестьяня по писцовымъ 135 и 136 да по переписнымъ книгамъ 154 годовъ; а после Джанъ Мурзы то помѣстье въ вотчине за ними отвѣтчики. А торговыми никакими промыслы они Якушко съ товарыщи не промышляли и ныне не промышляютъ, а работаютъ они въ селѣ Богороцкомъ і въ деревне Александровской кузнечное, а не на Романове. Истецъ слался на Уложенье девятой надесять главы на первую на вторую, на третьюю, на осмую, на третюю надесять, на двадесятую статьи, что велено у всякихъ чиновъ людей зъ земѣль которые слободы въ посаде и близко и около посадовъ со всѣми жителі по торговымъ промысломъ на Москвѣ взять въ сотни, а въ городѣхъ въ посады въ тягло і въ службы безлѣтно и безповоротно, а бѣглыхъ посацкихъ людѣй велено иматъ въ посады не по однѣмъ отцамъ и по сродичамъ, и для того посыланы въ городы сыщики, а на Романовъ присланъ Алексѣй Чепчюговъ. І то село Богороцкое и деревни Александровской жителей тѣхъ отвѣтчиковъ по торговымъ промысломъ и по близости, а бѣглыхъ по старинѣ написалъ въ посадъ Романова города, и то

село по близости написалъ же къ посаду. Да и потому тѣ бѣглые посацкие люди крепки имъ въ посадъ: Кирюшки Ѳедорова дѣдъ, а Петрушки Лазорева прадедъ Алешка Василевъ сынъ Кузнецъ да Тимошки Никитина зъ братьями дѣдъ Петрушка Василевъ сынъ Кузнѣцъ Алешкинъ братъ родной написаны въ дозорныхъ книгахъ 129 году Алексѣя Шапилова і въ списку съ сотной грамоты, а въ межевыхъ писцовыхъ книгахъ Юрья Редрикова 135 году онъ Алешка написанъ старинным Романовцомъ посацкимъ человекомъ. Отвѣтчикъ Сенка на Уложенье на тѣ вышеписанные статьи слался жъ и сказалъ, что тѣ статьи къ судному ихъ дѣлу і къ помѣснымъ і вотчиннымъ крестьяномъ не приличны, а приличны де къ ихъ исцовымъ посацкимъ деламъ; а ихъ де отвѣтчиковыхъ крестьянъ во 157 году Алексѣй Чепчюговъ написалъ въ посадъ по стачке съ Романовцы посацкими людми за ихъ грацкою межею, а поля де съ ихъ посацкою землѣю сошлись; и сверхъ того слался отвѣтчикъ по обчей ихъ исцове ссылке на Уложенье же девятой же надесять главы на пятую, на девятую, на пятую на десять, первой на десятъ главы на первую на десятъ статьи. Истецъ сказалъ: написаны де тѣ отвѣтчики Якушко Ѳедоровъ съ товарыщи въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова на Романове въ посаде по торговымъ промысломъ а иные по старинѣ, а на писцовые и на переписные отвѣтчиковы книги и на Уложенье, на кои статьи отвѣтчикъ слался, онъ истецъ не слался, для того что учинилась у него исца съ нимъ отвѣтчикомъ по ево исцове ссылке на Уложенье обчая ссылка. А въ памяти исъ Посолского приказу написано: въ дозорныхъ книгахъ Алексѣя Шапилова 129 году на Романове на посаде на островку противъ Коприны горы на Новинкахъ написанъ Алешка Васильевъ сынъ Кузнецъ, а брата ево Петрушки Васильева не написано; а въ межевыхъ книгахъ Юрья Редрикова 135 и 136 и 137 годовъ написано: какъ онъ писалъ на Романове выгонную посацкую землю, а у того межевого дѣла Романовецъ посацкой человекъ Алешка самапалной мастеръ въ роспросе сказалъ, что онъ истари былъ Романовецъ посацкой человекъ, а после жилъ въ селѣ Богороцкомъ за Сеюшъ Мурзой Юсуповымъ. Въ Помѣсномъ приказе въ

Романовскихъ писцовыхъ книгахъ Юрья Редрикова 135 и 136 годовъ въ Городцкомъ стану въ помѣстье написано: за Сеюшъ Мурзою Юсуповымъ княжова село Богороцкое, а въ немъ крестьянъ: Ларка Ѳедоровъ, Костка Максимовъ, Емелка, Ѳедка Алексѣевы дѣти Кузмины, Гордѣйко Осиповъ прозвище Худякъ зъ детми зъ Гришкою, Косткою, Матюшка, Васка Ермолаевы, Петрушка Василевъ, Климка Петровъ, Еустратко Андрѣевъ прозвище Осмакъ, Ѳетка Малютинъ; бобылей: Харитонко Макаровъ, Игнашко, Ганка Кирьяковы, Оска Михайловъ съ пасынкомъ Карпункою Григорьевымъ, Кондрашко Кузминъ; деревня Александровская, а въ ней крестьянъ Макарко, Ермолко Івановы прозвище Хама, у Ермолки сынъ Любимка. Въ переписныхъ книгахъ князя Микиты Мезецкаго 154 году за Джанъ Мурзою Юсупова село Богороцкое, а въ немъ бобылъ Сенка Андрѣевъ сынъ прозвище Пѣгой съ сыномъ Куземкою, Емелка Алексѣевъ зъ детми, съ Ѳатюшкою, съ Максимкомъ да со внучаты съ Омелкою Івановымъ, бобылъ Гришка Гордѣевъ сынъ Худякъ зъ детми съ Игнашкомъ, съ Кирилкомъ, съ Ѳедкою, Петрушка Василевъ съ сыномъ Микиткою, Лазарко Емеляновъ съ сыномъ Петрушкою, бобылъ и полникъ Кондрашка Кузминъ зъ детми съ Мартюшкою, съ Исачкомъ, съ Мишкою, Ѳетка Гавриловъ, Еѳтюшко Еѳтиѳѣевъ, Костка Гордѣевъ сынъ Худяковъ съ сыномъ Якимкомъ, бобылъ Харитонко Макаровъ, у него живетъ бобылъ же Ѳетка Пантелѣевъ сынъ прозвище Малютинской, Ігнашка Кирьяновъ съ сыномъ Івашкомъ, Гаврилко Кирьяновъ зъ детми съ Семкою, съ Івашкомъ, съ Васкою, съ Степкою, Ѳетка Алексѣевъ сынъ Кузнецъ зъ детми съ Мишкою, съ Ѳеткою, съ Якушкомъ, съ Кирюшкою, Оска Михайловъ съ пасынкомъ Карпункою Григорьевымъ, у него сынъ Власко, да ихъ села жъ Богороцкова бобыль Климка Петровъ сынъ Белобородовъ зъ детми съ Куземкою, съ Макаркомъ, съ Івашкомъ, съ Исачкомъ; деревня Александровская, а въ ней Ѳетка, Ѳилка Четвертинские, у Ѳетки дѣти Пантюшка, Агаѳонко, Ермолко Івановъ прозвище Хама зъ детми зъ двема Демками да со внукомъ Емелкою Дементьевымъ. Въ памяти исъ Костромские Чети написано: Въ Костромской Чети въ делахъ Сыскного при-

казу написано: въ 157 и во 158 и во 159 и во 160 годѣхъ по указу отца нашего Великихъ Государей блаженные памяти Великого Государя Царя і Великого Князя Алексѣя Михаиловича всеа великая и малыя и бѣлыя Росиі самодержца и по докладнымъ выпискамъ за помѣтами думныхъ дьяковъ написано: велено по сыщиковымъ строелнымъ книгамъ слободы и села и деревни по близости съ торговыми и ремѣсленными всякихъ чиновъ людми на Москвѣ въ городѣхъ і крестъянъ бобылей взять въ тягло безъ лѣтъ и безъ сыску гдѣ кто живѣтъ по торговлі и промысломъ и по ремеслу, і во 157 году по тому отца нашего Великихъ Государей блаженные памяти Великого Государя указу изъ Сыскново приказу на Романовъ посыланъ Алексѣй Чепчюговъ. а въ книгахъ ево Алексѣевыхъ написано: въ Романовскомъ уѣзде которые села и деревни блиско посаду и около посаду, и тѣхъ селъ и деревень земли сошлись съ выпусками животинными Романова города; і которые изъ Сыскного приказу отписаны ремесленные и промышленные люди і которые въ Романове городе всякими торгами промышляютъ, а до указу тѣ люди въ посадъ не взяты села Богороцкова у Джанъ Мурзы Юсупова Емелка Александровъ зъ детми съ Ѳадѣйкою съ Максимкомъ, у Ѳадѣйка дѣти Гришка, Івашко, Авдокимка. у нихъ же въ захребѣтникахъ Емелка Івановъ, Петрушка Васильевъ съ сыномъ Никиткою и со внукомъ Сидоркомъ, Ѳедка Александровъ зъ детми съ Мишкою съ Ѳадкаю, съ Якушкомъ, съ Кирюшкою, Лазарко Емельяновъ съ сыномъ Петрушкою, вдова Палашка Карпова съ сыномъ Карпункою, со внучаты со Власкомъ, съ Микишкою, Івашко Ігнатьевъ да Макарко Маркеловъ прозвище Третьяковъ зъ детми съ Карпункою, съ Івашкою, съ пасынкомъ Давыдкомъ Тимоѳѣевымъ, Сенка Андрѣевъ съ сыномъ Куземкою, Кондрашка Кузминъ зъ детми съ Мартюшкою, съ Исачкомъ, съ Мишкою, Ѳедка Гавриловъ, Еѳтиѳѣйко Еѳтиѳѣевъ, Климка Петровъ зъ детми съ Куземкою, съ Марчкомъ, съ Івашкомъ, съ Исачкомъ, Ѳедка Степановъ зъ детми съ Івашкомъ, съ Панкою, Гришка Гордѣевъ сынъ Худяковъ зъ детми съ Игнашкомъ, съ Кирюшкою, съ Ѳедкою; деревня Александровская, а въ ней торговые люди: Ѳедка Ѳедотовъ зъ

братомъ Ѳилкою, у Ѳедки дѣти Агаѳонко, Пантелейка, да Ѳедка Івановъ, Ермолко Івановъ зъ детми зъ Демкою, съ Осташкомъ, у Демки дѣти Минка, Ѳилка. Да въ томъ же во 157 же году писалъ къ отцу нашему Великихъ Государей блаженные памяти къ Великому Государю съ Романова Алексѣй Чепчюговъ, земские де старосты написалі ему въ росписи розныхъ всякихъ чиновъ людей которые села и деревни отъ посадовъ по версте и по полуторе и по две, а тѣ села и деревни позадъ ихъ выгонной старинной земли нялись, а въ наказе ему написано: кои села и деревни блиско посадовъ и тѣхъ селъ и деревень дворы съ дворами сошлись съ посацкими дворами, и блиско де посаду пришло село Богороцкое Джанъ Мурзы Юсупова, и то селе съ ремесленнымі людми и со крестьяны и зъ бобыли отписалъ онъ Алексѣй за насъ Великихъ Государей. Да во 193 году по челобитью Романовцовъ посацкихъ людей ихъ же Романовцы бѣглые посацкие люди, которые живутъ у князя Григорья Шедякова и у князя Ѳедора Кутумова въ селѣ Богороцкомъ да въ деревне Александровской Гришка Худяковъ съ товарыщи тринатцать человекъ роспрашиваны, а въ расиросе изъ нихъ многие сказали, что уроженцы отцы ихъ и они Романова города, а иные въ селѣ Богороцкомъ и въ деревне Александровской, а промышляютъ и торгуютъ товары і кормятца ремесломъ и живутъ на Романове (вписано на верху: а иные въ селѣ Богороцкомъ) і въ деревне Александровской И противъ вышеписанныхъ писцовыхъ Юрья Редрикова 135 и 136 и переписныхъ князя Никиты Мезецкого 154 годовъ въ селѣ Богороцкомъ написано: Еустратко Андрѣевъ прозвище Осмакъ да Ѳетка Малютинъ; а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Ѳетка Гавриловъ торгуетъ сырейнымъ товаромъ; а по исцове улике тотъ Ѳетка Якушку и Сенке отецъ; Гордѣйко Осиповъ прозвище Худякъ зъ детми зъ Гришкою, съ Косткою; а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Гришка жъ Гордѣевъ сынъ Худяковъ, у него дѣти Игнашка, Кирюшка, Ѳедка, промышляютъ въ Романове въ винокурныхъ мастерахъ; по исцове улике тотъ Гордѣйка Гришке отецъ; Петрушка Васильевъ съ сыномъ Никиткою и со внукомъ Сидоркомъ; а по исцове улике тотъ

Петрушка Тимошке зъ братьями дѣдъ, а Микитка отецъ, а дѣти ево Микиткины Тимошка, Сенка, Максимко родились после сыску Алексѣя Чепчюгова, истари посацкие люди; Лазарко Емеляновъ съ сыномъ Петрушкою. а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Лазарка жъ съ сыномъ Петрушкою дѣлаютъ кузнечное, а изстари посацкие люди, а по исцове улике у Лазарка дѣти Аношка, Меркушка родились после переписи Алексѣя Чепчюгова; бобыль і полникъ Кондрашка Кузминъ зъ детми съ Мартюшкою, съ Исачкомъ, съ Мишкою, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Кондрашка Кузминъ зъ детми съ Мартюшкою, съ Исачкомъ, съ Минкою, і Мартюшка торгуетъ на Романове сырейнымъ товаромъ, а по исцове улике у Мартюшки сынъ Мирошка, родился после переписи Алексѣя Чепчюгова; Еѳтюшка Еѳтиѳѣевъ, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Еѳтиѳѣйка жъ Еѳтиѳѣевъ, а торгуетъ сырейнымъ товаромъ, у него сынъ Гришка; Ѳедка Алексѣевъ сынъ Кузнецъ зъ детми съ Мишкою, съ Ѳедкою, съ Якушкомъ (вверху надписано: съ Кирюшкою), а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Ѳедка жъ Александровъ, у него дѣти Мишка, Ѳедка, Якушка, Кирюшка Кузнецы, а изстари Романовцы посацкие люди; Оска Михайловъ съ пасынкомъ Карпункою Григорьевымъ, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова вдова Палашка Карпова, у неѣ сынъ Карпушка, у Карпушки дѣти Власко, Микишка, у него жъ Карпушки сынъ Карпушка (на верху вписано: крашенники), по исцове улике родился после Олексѣевыхъ книгъ Чепчюгова; бобылъ Сенка Андрѣевъ сынъ прозвище Пѣгой съ сыномъ Куземкою. а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Сенка жъ Андрѣевъ сынъ Сапожникъ съ сыномъ Куземкою; Игнашка Кирьяковъ съ сыномъ Івашкомъ, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Івашко Игнатевъ Портной мастеръ; Емелка Алексѣевъ зъ детми съ Ѳатюшкою, съ Максимкомъ да со внучаты съ Омелкою Івановымъ, съ Івашкомъ да зъ Гришкою да съ Овдокимкомъ Ѳатьяновыми, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Емелка жъ Александровъ. у нево дѣти Ѳатка, Максимко, у Ѳадейка дѣти Гришка, Івашка, Авдокимка Кузнецы, у нихъ же въ захребѣтникахъ Емелка Івановъ, а изстари Романовцы посацкие люди,

торгуютъ въ посаде своею лавкою; Ѳедка, у него дѣти Панка, Івашка, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Ѳетка жъ Степановъ, у него дѣти Івашка, Панка, торгуютъ масломъ; Ѳетка, Ѳилка Ѳедоровы дѣти Четвертинские, у Ѳетки дѣти Пантюшка, Агаѳонко, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Ѳетка Ѳедоровъ зъ братомъ Ѳилкою, у Ѳетки дѣти Агаѳонко, Пантелѣйко, торгуютъ солодомъ на Романове; Ермолка Івановъ, прозвище Хама зъ детми зъ двемя Демками да со внукомъ Емелкою Дементьевымъ, а въ Олексѣевыхъ книгахъ Чепчюгова Ермолка жъ Івановъ, у нево дѣти Демка, Осташка, торгуютъ сологомъ, у Демки дѣти Минка, Ѳилка, да у Демки жъ дѣти Кирюшка, Стенка, по исцове улике они Кирюшка и Стенка родились после переписи Алексѣя Чепчюгова. Да въ Олексѣевыхъ же книгахъ Чепчюгова въ селѣ Богороцкомъ написано: Маркѣлко Маркѣловъ прозвище Третьякъ, у него дѣти Карпунка, Івашко да пасынокъ Давыдка Тимоѳѣевъ Портные мастеры, а за отвѣтчики ево Маркѣлка въ писцовыхъ і въ переписныхъ книгахъ не написано. І въ нынешнемъ во 198 году генваря въ 23 день по приговору думного нашего дьяка Гаврила Ѳедоровича Деревнина велѣно по указу отца нашего Великихъ Государей блаженные памяти Великого Государя и по соборному Уложенью на которые исцовы статьи была ончая ссылка и по Алексѣевымъ книгамъ Чепчюгова и по исковой челобитной бѣглымъ посацкимъ людемъ и крестьяномъ, и бобылямъ, которые живутъ за столники за князь Григорьемъ Шедяковымъ и за князь Ѳедоромъ Кутумовымъ въ селѣ Богороцкомъ і въ деревне Александровской по торговымъ промысломъ и по ремеслу і по старинѣ Ѳедке Гаврилову зъ детми съ Якушкомъ, съ Сенкою, Гришке Гордѣеву сыну Худякову зъ детми съ Игнашкомъ, съ Кирюшкою, съ Ѳедкою, Петрушке Васильеву съ сыномъ Микиткою, со внучаты съ Тимошкою, съ Сенкою, съ Максимкомъ, Сидорку съ сыномъ Миткою жъ, Лазарку Емелянову зъ детми съ Микиткою, съ Петрушкою, съ Аношкою, съ Меркушкою, Кондрашке Кузмину зъ детми съ Мартюшкою, съ Исачкомъ, съ Мишкою, со внучаты съ Митрошкою, Еѳтюшки Еѳтиѳѣеву съ сыномъ Гришкою, Ѳед-

ке Александрову зъ детми съ Мишкою, съ Ѳедкою, Якушке, Кирюшке Кузнецамъ, вдове Палашке Карпове съ сыномъ Карпушкою, со внучаты со Власкомъ, съ Микишкою, съ Карпушкою, Сенке Андрееву съ сыномъ Куземкою, Івашке Игнатеву, Емелке Александрову зъ детми съ Ѳедкою, съ Максимкомъ, со внучаты зъ Гришкою, съ Івашкомъ, съ Овдокимомъ, съ приімышомъ Емелкою Івановымъ, Ѳедке Степанову зъ детми съ Івашкомъ, съ Панкою, Макарке Маркѣлову прозвище Третякову зъ детми съ Карпункою, съ Івашкомъ, съ пасынкомъ Давыдкомъ Тимоѳѣевымъ, Ѳедке Ѳедотову зъ братомъ Ѳилкою зъ детми съ Агаѳонкомъ, съ Пантелѣйкомъ, съ Івашкомъ, Ермолке Іванову зъ детми зъ Демкою, съ Осташкою, со внучаты съ Минкою, съ Ѳилкою, съ Кирюшкою, съ Стенкою, быть по прежнему на Романове въ посаде, а князю Григорью Шедякову і князю Ѳедору Кутумову по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ въ тѣхъ крестьянехъ и въ бобыляхъ отказать і вывезті ихъ зъ женами і зъ детми и со внучаты и со всѣми ихъ животы на Романовъ въ посадъ, а которые врознь розведены и тѣхъ велено сыскать и отдать потому жъ въ посадъ. И генваря въ двадесятъ осмый день изъ Приказу Болшого Дворца на Романовъ къ воеводе къ Семену Шокурову посылана о томъ наша Великихъ Государей грамота. И ѳевраля въ пятый на десятъ день писалъ къ намъ Великимъ Государемъ воевода Семенъ Шокуровъ: по той де нашей Великихъ Государей грамоте посылалъ онъ Романовского отставного дворянина Ѳедора Сюкѣшева съ подячимъ въ Романовской уѣздъ въ вотчину князь Григоря Шедякова і князь Ѳедора Кутумова въ село Богороцкое і въ деревню Александровскую і въ той вотчине велѣлъ беглецовъ Романовцевъ посацкихъ людей по торговымъ ихъ промысломъ и по ремеслу которые ныне есть въ лицахъ сыскать и переписать ихъ на лицо по имяномъ зъ женами и зъ детми и со внучаты и со всѣми ихъ животы подлинно въ книги, а которыхъ нѣтъ и про тѣхъ велѣлъ распросить, тѣхъ бѣглыхъ Романовцовъ посацкихъ людей і велѣлъ написать особъ статьею, и по той переписи всѣхъ пересмотря на лицо зъ женами и зъ детми, всего девяносто пять человекъ отдалъ въ Романовъ въ посадъ въ тягло

Романовцомъ посацкимъ людемъ земскому старосте Архипу Ярину съ товарыщи съ росписскою. Да марта въ осмый надесятъ день нынешнего жъ 198 году били челомъ намъ Великимъ Государемъ князь Григорей Шедяковъ да князь Ѳедоръ Кутумовъ: въ Романовскихъ де писцовыхъ Юрья Редрикова 135 и 136 да въ переписныхъ книгахъ 154 годовъ написано: въ помѣстье за Сеюшъ да за Джанъ Мурзами Юсуповыми княжево село Богороцкое да деревня Александровская съ крестьяны и зъ бобыли, а после того то село и деревня Александровская была за князь Іваномъ Джанъ Мурзинымъ сыномъ Юсупова княжево, и то село и деревня справлена ему князю Івану въ вотчину, і въ переписныхъ книгахъ 186 году то село и деревня съ крестьяны написаны за нимъ князь Іваномъ, а после ево князь Івана то село и деревня даны женамъ ихъ, а имъ князь Григорью Шедякову да князь Ѳедору Кутумову онъ князь Іванъ шуринъ. І въ прошломъ во 194 году въ Приказе Болшого Дворца искали на нихъ князь Григоре і князь Ѳедоре Романовцы посацкие люди того села Богороцково и деревни Александровой крестьянъ ихъ Якушка да Сенки Ѳедоровыхъ детей съ товарыщи дватцати семи человекъ и іхъ детей и братей и племянниковъ и сосѣдей, бутто бежали съ Романова съ посада дѣды и отцы ихъ и бутто по сыску Алексѣя Чепчюгова велено имъ по торговымъ и ремесленымъ промысломъ быть имъ въ посаде і въ тяглѣ, а тѣ де крестьяня и отцы ихъ и дѣды въ посаде на Романове не живали, а жили отцы ихъ и дѣды въ томъ селѣ Богороцкомъ і въ деревне Александровской. І въ писцовыхъ і въ переписныхъ книгахъ въ томъ селѣ і въ деревне написаны они имянно, а торговыми никакими промыслы не промышляли и ныне не промышляютъ же, а толко у нихъ и ремеслства работаютъ кузнечное і хто чему умѣетъ въ томъ же селѣ и въ деревне какъ и у протчиковъ вотчинниковъ и помѣщиковъ крестьяне. А въ прошломъ во 157 году какъ посыланъ былъ на Романовъ Алексѣй Чепчюговъ для сыску посацкихъ и ремѣсленыхъ людей, и то село приписалъ было къ Романову и того села Богороцкого и деревни Александровы крестьянъ написалъ въ посадъ многихъ для своей корысти и по стачке съ ними Романовцы посац-

кими людми, а то де село Богороцкое за ихъ градцкимъ и посацкимъ выгономъ и за рвомъ и за межею и за гранми, отъ посаду въ полуверстѣ, а деревня Александровская и ныне за ними князь Григорьемъ і князь Ѳедоромъ, а крестьяня де, которыхъ искали на нихъ Романовцы, і ныне живутъ въ томъ селѣ і въ деревне Александровой, а на посаде тѣ ихъ крестьяне дворами не живали и лавками не сиживали и торгомъ не торгуютъ. И челобитья тѣхъ Романовцовъ со 157 по 194 годъ не бывало. І въ нынешнемъ де во 198 году по приговору думного нашего дьяка Гаврила Ѳедоровича Деревнина велено по тому судному дѣлу и по Уложенью тѣхъ ихъ крестьянъ изъ села Богороцково и із деревни Александровской взять и быть на Романове въ посаде по сыску и по книгамъ Алексѣя Чепчюгова і вывести ихъ въ посадъ зъ женами и зъ детми и со внучаты и со всѣми ихъ животы которые ныне въ живыхъ или гдѣ розвезены въ иные деревни, а имъ де князь Григорью і князь Ѳедору по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ велено отказать для того которыхъ бутто помѣщиковъ і вотчинниковъ села и деревни поблиску посадовъ, а крестьяня и бобыли торгуютъ въ городѣхъ всякими товары и ремѣсленые люди и тѣхъ людей по торговымъ ихъ промысломъ и по ремеслу свозить въ городы на посады и быть въ тяглѣ і въ службе съ посацкими людми врядъ, и бутто по опчей ссылке, что они слались на Уложенье, а опчие де ссылки у нихъ не было, а слались де они на писцовые и на переписные книги и на Уложенье, которые стати приличны къ ихъ князь Григорьевымъ і князь Ѳедоровымъ крестьяномъ, а не къ посацкимъ людямъ; а въ Уложенье де въ 19 главѣ въ осмой статье напечатано: которые въ городѣхъ на посадехъ и около посадовъ патриарши і властелинские и монастырские и боярские і всякихъ чиновъ людѣй вотчины и помѣстья а владѣютъ они тѣми вотчиннами и помѣстьями по дачамъ и по крепостямъ, а сошлись тѣ вотчины і помѣстья съ посады дворы зъ дворами или блиско посадовъ, и тѣ вотчинны і помѣстья велено взять на насъ Великихъ Государей и устроить къ посадомъ податми и службами, а противъ тѣхъ взятыхъ вотчинъ и помѣстей велено давать въ(ы)и-

номъ мѣсте изъ дворцовыхъ селъ. А то де ихъ село Богороцкое и деревня Александровская отъ Романова города отмежевана и нынѣ по дачамъ за ними князь Григорьемъ і князь Ѳедоромъ, а къ посаду не приписано і никогда де крестьяня ихъ въ посаде не бывали и ничемъ не промышляли. Да въ Уложенье жъ въ той же главѣ напечатано: которые слободы патриарши і властелинские и монастырские и боярские і всякихъ чиновъ людей около Москвы и тѣ слободы со всякими промышлеными людми опричь кабалныхъ людей потомужъ взять въ посадъ, а пашенныхъ крестьянъ будетъ обявятца старинные и ісъ тѣхъ слободъ велено свести въ свои вотчины, а будетъ у нихъ лавки и погребы и соляные варницы и імъ то велено продать тяглымъ людемъ и въ посады тѣхъ крестьянъ писать не вѣлено жъ І не токмо де что старинныхъ крестьянъ изъ селъ и ізъ деревень отимать у нихъ велено, которые въ бегахъ бываютъ, изъ беговъ велено отдавать, по Уложенью жъ и по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ всякихъ чиновъ людямъ безъ урочныхъ лѣтъ. И тѣ де указы и писцовые и переписные книги отставлены і велено тѣхъ ихъ крестьянъ отнять у нихъ напрасно; чтобъ намъ Великимъ Государемъ пожаловать ихъ велѣть то ихъ судное дѣло взнесть въ Росправную Палату къ бояромъ нашимъ ко князю Якову Никитичю Одоевскому съ товарыщи и по тому судному дѣлу указъ учинить по Уложенью и по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. И апрѣля въ 4 день нынешнего жъ 198 году по нашему Великихъ Государей указу и по приговору бояръ нашихъ князя Якова Никитича Одоевского съ товарыщи велено быть тому (наверху вписано: дѣлу) по приговору думного нашего дьяка Гаврила Ѳедоровича Деревнина съ товарыщи: генваря двадесятъ третьяго числа нынешнего 198 году отвѣтчикомъ столникомъ князь Григорью Шедякову і князь Ѳедору Кутумову въ тѣхъ посацкихъ людехъ і во крестьянехъ отказать и спорное ихъ князь Григорьево і князь Ѳедорово челобитьѣ отставить для того, что у нихъ князь Григорья і князь Ѳедора съ (ы) исцы съ Романовцы посацкими людми въ Уложенье въ девятой на десятъ главѣ на статьи учинилась обчая ссылка. Да и сами они отвѣтчики въ спорномъ своемъ челобитьѣ на-

писали: въ Уложене де въ девятой на десять главѣ въ осмой статѣ напечатано: которые въ городѣхъ на посадехъ и около посадовъ патриарши і властелинские и монастырские и боярские і всякихъ чиновъ вотчины и помѣстья а владѣютъ они тѣми вотчинами і помѣстьями по дачамъ і по крепостямъ а сошлись тѣ вотчины и помѣстья съ посады дворы зъ дворами і блиско посадовъ, и тѣ вотчины и помѣстья велено взять на насъ Великихъ Государей. И то они отвѣтчики написали имъ Романовцомъ къ оправданию, а себѣ къ винѣ А на которые статьи въ Уложенье жъ они отвѣтчики слались, а истецъ не слался, для того по Уложенью после обчей ссылки никакихъ словъ принимать не вѣлено, і тѣхъ статѣй і выписывать не довелось. А тотъ нашъ Великихъ Государей указъ и боярской приговоръ за помѣтою думного нашего дьяка Протася Івановича Никиѳорова. І какъ къ вамъ ся наша Великихъ Государей грамота придетъ, и вы бъ темъ посацкимъ людемъ і крестьяномъ, которые выведены изъ за князь Григорья Шедякова, и изъ за князь Ѳедора Кутумова по нашему Великихъ Государей указу и по соборному Уложенью и по приговору бояръ нашихъ князя Якова Никитича Одоевского съ товарыщи и по строелнымъ книгамъ Алексѣя Чепчюгова по торговымъ промысломъ по старинѣ и по близости крестьяне взять изъ села Богороцкова и изъ деревни Александровской зъ женами и зъ детми и со внучаты велѣли жить на Романове и въ посаде и тягло і всякие подати платить и службы служить съ посацкими людми врядъ. А князь Григорью Шедякову і князь Ѳедору Кутумову по писцовымъ 136 и 137 и по переписнымъ книгамъ 154 годовъ въ тѣхъ крестьянехъ і въ бобыляхъ отказать, для того что у нихъ князь Григорья і князь Ѳедора съ ними псцы на Уложенье учинилась обчая ссылка: по Уложенью которые помѣщиковы і вотчинниковы села і деревни блиско посадовъ. а крестьяня и бобыли торгуютъ въ городахъ всякими товары и ремѣсленые люди, и тѣхъ людей по торговымъ ихъ промысломъ и по ремеслу велено свозить въ городы въ посады и быть въ тяглѣ съ посацкими людьми врядъ, а спорные ихъ князь Григорьіево і князь Ѳедорово челобитьѣ по тому Уложеню и по об-

чей ихъ исцове и отвѣтчикове ссылке оставлено. А которые исъ тѣхъ крестьянъ и бобылѣй не вывезены и тѣхъ велѣли вывесть по прежнему въ посадъ, а кто имяны вывезены будутъ, о томъ къ намъ Великимъ Государемъ писали, а отписку и імянную роспись велѣли подать боярину нашему Петру Аврамовичу Лопухину съ товарыщи. А прочетъ сю нашихъ Великихъ Государей грамоту велѣли съ неѣ списать списокъ да тотъ списокъ за рукою оставить у себя въ съѣзжей избѣ, а сю нашу Великихъ Государей грамоту отдали Романова города земскому старосте Архипу Гаврилову, по чему темъ взятымъ посацкимъ людемъ впредь въ посаде житъ. А дана ся наша Великихъ Государей грамота имъ Романовцамъ посацкимъ людемъ изъ нашие Великихъ Государей Золотые Палаты по челобитной земского старосты Архипа Гаврилова за помѣтою думного жъ нашего дьяка Протася Івановича Никиѳорова. Пісанъ на Москвѣ. Лѣта 7198 года іюля въ 5 день.

Припись по склейкамъ дьяка Ефима Кощѣева. Справа—подъячего Самойлы Гололобова.

III.

Документы по дѣлу монастырскихъ крестьянъ Спасскаго монастыря о лугѣ. 1647—1684 г.г.

Списокъ съ челобитные. Государю архимандриту Никандру и Государю строителю Еѳрѣму зъ братьею бьетъ челомъ села (не достаетъ). Умилостивитися Государь Архимандритъ Никандръ, строитель Еѳрѣмъ зъ братьею, пожалуйте насъ сиротъ своихъ Благовѣщенскихъ слободцкихъ крестьянъ тѣмъ лужкомъ Долгимъ на выпускъ по старинѣ и по писцовымъ книгамъ по прежнему, чтобъ намъ исъ . ... и животинишку бъ нашему безъ выпуску голодною смертью не померети. Государи, смилуитеся.

На подлинои челобитнои подписано

155 г. апрѣля въ 22 день. По приказу властей Спаского монастыря архимандрита Никандра и строителя Ефрѣма Квашнина зъ братею села Новаго Благовѣщенского приказщику Василъю Плеснинскому по сей челобитной сыскать про лужекъ Долгой, что за поповою пашнею: прежъ сего тотъ лужекъ Благовѣщенъской слободѣ на выпускъ данъ ли ізстари і почему ныне деревенъские крестьяня тотъ лужекъ на монастырь косятъ; і будетъ тотъ лужекъ ізстари былъ Благовѣщенской слободѣ на выпускъ і ныне почему на томъ лужку деревенские крестъяня на монастырь сѣна укашивали? І по сыску чево дове(де)тца і по старѣнѣ тѣмъ лужкомъ велѣть владѣть Благовѣщенскимъ слободцкимъ крестьяномъ на выпускъ. Подписалъ на челобитнои по приказу строителя Еѳрѣма Кирилко Петровъ

Списокъ съ челобитнои. Государю архимандриту Паѳнотию зъ братъю. Бьютъ челомъ сироты ваши села Благовѣщенского старостишка Карпунка Ѳоминъ да выборные люди Елѳимко Кондратевъ, Івашко Мининъ і всѣ мирские люди. Въ нынѣшнемъ, Государи, во 190-мъ году по вашему властинскому указу приѣзжалъ къ намъ сиротамъ вашимъ соборной старецъ Ѳиларетъ Долгова лугу розвесть деревни Антоновские Агапида Емельянова съ товарыщи отъ ихъ полевые земли і по вашему, Государи, властинскому указу онъ соборной старецъ Ѳиларетъ (съ) старожилы крестьяны тотъ лужекъ Долгой отъ ихъ Агапа съ товарыщи полевые розмѣрялъ і розвелъ. Умилостивитеся, Государи, пожалуйте насъ сиротъ своихъ учините свой властинской указъ, чтобъ намъ сиротамъ тѣмъ Долгимъ лугомъ на выпускъ впредь по старому владѣть. Государи, смилуйтеся, пожалуйте.

На подлинной челобитнои подписано: 190-го году июля въ 1 день власти сей челобитной слушавъ приказали по тому розводу какъ розвелъ соборной старецъ Ѳиларетъ Ушатого Жаряпинъ съ старожилыми крестьяны городбу поставить въ осень какъ съ той земли хлѣбъ

будетъ снятъ і та земля будетъ порожня. Припись у подлинного властинского указу соборного старца Ѳиларета Ушатого Жеряпина.

Списокъ съ челобитные. Государю отцу нашему священноархимандриту Игнатию і Государю келарю старцу Ѳиларету зъ братею. Бьютъ челомъ сироты ваши села Благовѣщенского староста Івашко Родионовъ съ товарыщи всей слободы. Жалоба, Государи, намъ деревни Анто (но)-вскои на крестьянъ на Агапида Пастухина съ товарыщи. По вашему Государи, властинскому указу отведенъ намъ было Долгову лугу скотинишкамъ на выпускъ и они, Агапидъ съ товарыщи, вашему властинскому указу учинились непослушны і взорали подъ пашню того нашего Долгова лугу половину і тѣмъ насъ істеснили напрасно. Умилостивитеся, Государи, пожалуйте насъ сиротъ своихъ, велите, Государи, намъ тѣмъ лугомъ владѣть какъ ты Государь келарь старецъ Ѳиларетъ намъ сиротамъ отвелъ. Государи, смилуйтеся.

Списокъ съ подлиного указу съ подписки 191 году августа въ 10 день. По благословенію архимандрита Игнатия Корсакова і по приказу келаря старца Ѳиларета Ушатого Жерянина зъ братьею села Борисоглѣбского приказщику Семену Бурнышеву. По сей челобитной досмотрить скотинного выпуску Долгова лугу, да буде деревни Антоновской крестьяня Агапидко Пастаухинъ съ товарыщи у Благовѣщенскихъ крестьянъ тово Долгова лугу насилствомъ по прежнему прихватили і къ своей землѣ взорали; і тебѣ бъ велѣть имъ Агапу отъ тое земли отказати, а велѣть тою землею владѣти Благовѣщенскимъ крестьяномъ какъ имъ отведено напередъ сего, чтобъ впредь о томъ челобитя не было. У подлинного властинского указу припись келаря старца Ѳиларета.

Списокъ скаски 191 году августа въ 11 день. Села Благовѣщенского староста Вавило Гавриловъ да крестьянинъ Конанъ Осиповъ, выслушавъ властинской указъ подписную челобитную, слугѣ Семену Бурнышеву про прежную спорную розводную землю сказали: въ прошломъ де во 190 мъ году маня въ день приѣзжалъ де для того земляного розводу соборной старецъ Ѳиларетъ Ушатой Жеряпинъ, что ныне келарь, розвесть спорную землю села жъ Благовѣщенского бобылского старосты Ивана Вавилова съ товарыщи да деревни Антоновской крестьянъ Агапидка Емелянова съ товарыщи, і въ тое де пору мы, Вавило да Конъ, межъ ими спорную землю розошли, а по розходу нашему досталась та спорная земля бобылскому старосте Ивану Вавилову съ товарыщи въ Долгому лугу владѣть. І ныне мы, Вавило да Конанъ, слугѣ Семену Бурнышеву по прежнему своему розводу тое спорную землю указали і розошли при немъ; въ Долгому жъ лугу бобылскому старосте Ивану Вавилову съ товарыщи владѣть. То наша скаска. А скаску писалъ того жъ Спаскова монастыря села Благовѣщенского церковной дьячекъ Петрушка Борисовъ. А позади подлинной скаски писано: къ сей скаске Благовѣщенской слободы Егорька Васильевъ вмѣсто старосты Вавила Гаврилова да Конана Осипова по ихъ велению руку приложилъ.

Списокъ зъ досмотру 191 году августа въ 11 день. По властинскому указу по подписной челобитной Спасково жъ монастыря служка Сенка Бурнышевъ досматривалъ села Благовѣщенского земли бобылского старосты Ивана Вавилова съ товарыщи, что переорали і прихватили и городбу учинили крестьяня деревни Антоновской Агапидко Емельяновъ съ товарыщи. А по досмотру они Агапидко Емельяновъ съ товарыщи насильствомъ своимъ земли переорали і прихватили къ своему полю і городбу учинили насильствомъ, і имъ Агапидку съ товарыщи по властинскому указу и по подписной челобитной отъ старинной земли Долгова лугу отъ переораной земли отказалъ, а владѣть велѣлъ по властинскому жъ указу тою землю бобылскому старосте Ивану Вавилову съ товарыщи.

А на досмотре были старожилы староста Вавило Гавриловъ да Конанъ Осиповъ. А досмотръ писалъ того жъ Спаскова монастыря села Благовѣщенского церковной дьячекъ Петрушка Борисовъ. А позан(д)и досмотру написано: къ сему досмотру слушка Сенка Бурнышевъ руку приложилъ.

Списокъ со властинского указу 192 году августа въ 14 день. Власти сего челобитя слушавъ приказали въ Благовѣщенское послать слугу Ивана Ростовца і велѣли противъ сего челобитя во всемъ дать очную ставку, а съ очной ставки въ прихватной луговой сель(с)кой землѣ на кого посшлютца и іми розыскать; а по розыску буде обявитца что они у нихъ после розводу келаря старца Ѳиларета Ушатого Жеряпина той ихъ выпускной земли что насилствомъ взорали бе(зъ) указу, и імъ за то учинить монастырское смирение, взявъ на монастырской дворъ бить п(б)атоги нещадно, да на нихъ же за непослушание монастырские пени і велѣть палы противъ прежнихъ властинскихъ указовъ по тому прежнему отводу кругъ тѣхъ ихъ селскихъ выпусковъ лугу Долгова отгородъ при себѣ поставить тотчасъ. И о всемъ указъ учинить, а за чѣмъ указъ вскорѣ учинить невозможно і то дѣло за руками і пеннымъ денгамъ подклея по сею челобитною роспись привесть съ собою въ монастырь і положить передъ нами. У подлинного властинского указу приписъ келаря старца Ѳиларета Ушатого Жеряпина.

Списокъ скаски 192 году августа въ 16 день. Села Благовѣщенского деревни прежние третие крестьяня Вавило Гавриловъ да деревни Клокова Конанъ Осиповъ, выслушавъ властинского указу подписную челобитную сказали слугѣ Ивану Ростовцу про прежнюю старинную розводную землю въ прошломъ де во 190-мъ году маия въ день, приѣзжалъ де для того земляного розводу соборной старецъ Ѳиларетъ Ушатой Жеряпинъ, что ныне келарь, розвесть спорную землю села жъ Благовѣщенского бобылского старосты Ивана Созонова съ товарыщи да де-

ревни Антоновской крестьянъ Агапидка Емельянова съ товарыщи, і въ тое пору мы Вавило да Конъ межъ ими спорную землю розошли, а по росходу нашему досталась та спорная земля бобылскому старосте Ивану Созонову съ товарыщи въ Долгому лугу владѣть. І ныне мы Вавило да Конанъ слугѣ Ивану Ростовцу по прежнему своему розводу же спорную землю указали і розошли въ Долгому жъ лугу бобылскому старосте Ивану Созонову съ товарыщи владѣть. А того Долгова лугу переоранои земли въ длину сто пятдесять четыре сажени, отъ первые сваи на другую сваю сызноди поперегъ тое жъ переораноп земли Долгова лугу двенатцать сажень съ аршиномъ, въ другомъ мѣсте на третю сваю шестнатцать сажень два аршина, въ третемъ мѣсте на четвертую сваю девятнатцать сажень полтретя аршина, въ четвертомъ мѣсте на пятую сваю дватцать сажень съ аршиномъ, въ пятомъ мѣсте на сваю восмь сажень И ныне при насъ третихъ слуга Иванъ Ростовецъ плугомъ борозду проѣхать велѣлъ по тому мѣсту какъ прежь сего келарь съ нами третими ту землю розвелъ. А въ другомъ мѣсте рубежу не знаемъ, а перелогомъ вновь лознягъ. А прежъ сего онъ Вавило тотъ лугъ на монастырь кашивалъ. То ихъ і скаска. А позади подлинной скаски написано: къ сей скаске Благовѣщенской попъ Доментиянъ вмѣсто третихъ Вавила Гаврилова да Конана Осипова по ихъ челобитю руку приложилъ.

Списокъ скаски. 192 году августа въ 17 день села Благовѣщенского крестьяня деревни Клокова Никита да Василей Ісаевы, деревни Митинской Михайло Никитинъ, Андрей Кириловъ, деревни Мартынова Паноилей Ѳилиновъ, деревни Починокъ Евфимей Михайловъ, выслушавъ властинской указъ подписную челобитную, слугѣ Ивану Ростовцу сказали: были де мы села жъ Благовѣщенского по выбору старосты Івана Созонова съ товарыщи да деревни Антоновской крестьянъ Агапида Емелъянова съ товарыщи въ нынешнемъ во 192 году, что онъ Агапидъ да Макаръ съ товарыщи другимъ полемъ церковные земли прихватили и взорали рубежу перелогу въ

концѣ въ ширину на поларшина а въ другомъ конце на аршинъ, а въ длину отъ церковные земли по меже на десять сажень а поперегъ четыре аршина двѣ четверти. А старого рубежу они третие не знаютъ какъ прежъ сего городба была. І ту прихватную землю церковную и Долгова лугу отъ деревьни Антоновской слуга Иванъ Ростовецъ розвелъ. То ихъ і скаска. А позади тое скаски написано: къ сей скаске Благовѣщенской попъ Дементиянъ вмѣсто третихъ Никиты Исаева съ товарыщи по ихъ челобитю руку приложилъ.

А подлинное очная ставка і сыскъ и подлинные скаски за руками въ монастырѣ.

Списокъ мѣже Долгому лугу, сколко въ длину и поперегъ Государевыхъ мѣрныхъ саженъ.

Отъ церковные земли въ длину по середъ Долгова лугу до пахонные земли і до угодей Максима Петровича двѣсти двацеть четыре сажени.

Въ преднемъ въ концѣ отъ деревни Антоновъской отъ пахонной земли подле церковной земли да Борисоглѣбской слободы до церковные земли до писцовые ямы і грани сто дватцеть одна сажень.

А въ среди того лугу отъ деревни Антоновской съ отвотною землею Борисоглѣбские жъ слободы до церковные жъ земли до писцовые ямы і грани сто дватцеть полторы сажени.

Въ нижнемъ концѣ того лугу отъ деревни Антоновской и отъ писцовые ямы и отъ грани ямские до Борисоглѣбской церковной земли до писцовые жъ ямы і грани сто десять саженъ.

И по сему дѣлу указано приказщику Ипату Тарасову межъ то (ю) ст(и)орною землею впредь для спору и убытковъ межу учи(нить) здѣлать.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫЙ.

Алексѣй Михайловичъ, царь, 4, 6, 14, 19.
Анна Михайловна, царевна, 15.
Аничковъ Григорій Михайловичъ, думный дворянинъ, вѣдалъ Прик. Больш. Дворца (1659 г.), 13.

Балакшинъ Ивашка, подъячій Прик. Большого Дворца (1659 г.), 13.
Богдановъ Смирной, дьякъ Прик. Большого Дворца (1648 г.), 6, 9.
Борисовъ Петрушка, церк. дьячекъ, 31, 32.
Бурнышевъ Семенъ, приказч. монаст. села, 30—32.

Гавриловъ Архипъ, земскій староста г. Романова, 28
Гагаринъ Данилъ Григорьевичъ, кн., Романовск. помѣщикъ, 7.
Гололобовъ Самойла, подъячій, 28.
Григорьевъ Иванъ, попъ, 13.

Дементьевъ Первушка, староста Борисоглѣбской слободы, 1. 2.
Деревнинъ Гаврила Ѳедоровичъ, думный дьякъ (1690 г.), 22, 25, 26.
Довотчиковъ Дружина, Романовск. помѣщикъ 7.
Доментіянъ, попъ, 33, 34.

Евдокія Алексѣевна, царевна, 15.
Екатерина Алексѣевна, царевна, 15.
Ефремъ, строитель Спаск. мон. въ Ярославлѣ (1647 г), 28, 29 см. Квашнинъ.

Зыковъ Кондратій Тихоновичъ, стольникъ, воевода Романовскій (1690 г.), 16.

Ивановъ Аникейка, подъячій Прик. Больш. Дворца (1631 г.), 4.
Игнатій, архимандритъ Спасск. мон. въ г. Ярославлѣ (1683 г.), 30; см. Корсаковъ.
Ирина Михайловна, царевна, 15.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царевичъ, 14; царь, 15.
Іона, митрополитъ Ростовск. и Ярославск. (1672 г.), 13.

Квашнинъ Ефремъ см. Ефремъ.
Козловскій Афанасій, кн., Романовск. помѣщикъ, 7.
Григорій Афанасьевичъ, кн., Романовск. помѣщ., 12.
Колединскій Григорій Григорьевичъ, воевода Романовскій (1659 г.), 6.
Корсаковъ Игнатій, см. Игнатій.
Кощеевъ Ефимъ, дьякъ, 28.
Кутумовъ Ѳедоръ, кн., помѣщикъ Романовскій, 16, 20, 22—27.

Ларіоновъ Вторый, староста Борисогл. слободы, 3, 4.
Лопухинъ Петръ Абрамовичъ, бояринъ, 28.
Лошаковъ Филиппъ, приказчикъ Борисоглѣбской слободы, 1.
Лука, протопопъ Пречистенск. собора въ Ростовѣ, 14.

Мартемьяновъ Герасимъ, дьякъ Прик. Большого Дворца (1627 г.), 2.
Марья Алексѣевна, царевна, 15.
Марѳа Алексѣевна, царевна, 15.
Матвѣевъ Игнатій, дьякъ Прик. Больш. Дворца (1659 г.), 13.
Матвѣевъ Ѳедотко, староста Борисогл. слободы, 4.
Мезецкій Никита, кн., переписывалъ Романовъ въ 1646 г., 18, 20.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 1, 2, 4, 9.

Наталья Кирилловна, царица, 14.
Никандръ, архимандритъ Спасск. мон. въ Ярославлѣ (1647 г.), 28, 29.
Никита, протопопъ Ярославск. собора, 14.
Никифоровъ Протасій Ивановичъ, думный дьякъ, 27, 28.
Покспинскій Андрей, стряпчій (1657 г.), 7, 8.

Одоевскій Яковъ Никитычъ, бояринъ, 26, 27.

Парфѣевъ Ивашка, подъячій Приказа Большого Дворца (1648 г.), 6.
Пафнутій, архимандритъ Спасск. мон. въ г. Ярославлѣ (1682 г.), 29.
Петровъ Кирилко, мон. слуга, 29.
Петръ Алексѣевичъ, царь, 15.
Плесниискій Василій, монастырск. села приказчикъ, 59.
Плишкинъ Булгакъ, приказч. Борисогл. слободы, 3.
Пронскій Василій, кн., Романовск. помѣщикъ, 7.

Ратаевъ Васька, подъячій Прик. Большого Дворца (1627 г.), 2.
Редриковъ Юрій, писалъ Романовъ въ 1627 г., 17, 18, 20, 24,
Ростовецъ Иванъ, монаст. слуга, 32—34.
Ртищевъ Ѳедоръ Михайловичъ, окольничій, вѣдалъ Прик. Больш. Дворца (1659 г.), 13.

Сафоновъ Григорій, подъячій, писалъ Борис. слоб. въ 1631 г., 3, 8.
Секиринъ Перфилій, писалъ Борис. слоб. въ 1631 г., 3, 8.
Селинъ Андрей, дьякъ Прик. Больш. Дворца (1659 г.), 13.
Сербинъ Иванъ, Романовск. помѣщикъ, 7.
Ѳедоръ Ивановичъ, Романовск. помѣщикъ, 7.
Совѣтовъ Василій, подъячій, 16.
Софья Алексѣевна, царевна, 15.
Старковъ Григорій, дьякъ Прик. Больш. Дворца (1659 г.), 13.
Стрешневъ, Василій Ивановичъ, бояринъ, Романовск. помѣщ., 12.
Сюкѣшевъ Ѳедоръ. дворян., 23.

Тарасовъ Ипатъ, монаст. села приказчикъ, 34.
Татьяна Михайловна, царевна, 15.
Тургеневъ Буклѣй Дмитріевичъ, Романовск. помѣщикъ, 7.

Ушатого-Жарянинъ Филаретъ см. Филаретъ.

Филаретъ, соборный старецъ, потомъ келарь Спасск. мон. въ Ярославлѣ, 29—32. См. Ушатого-Жарянинъ.

Чепчуговъ Алексѣй, писалъ г. Романовъ въ 1645 г. 16, 17, 19—22, 24, 25, 27.
Чирковъ Максимъ, дьякъ Прик. Больш. Дворца (1631 г.), 4.

Шапиловъ Алексѣй, дозиралъ Романовъ въ 1621 г., 17.
Шедяковъ Григорій, кн., стольникъ, помѣщ. Романовскій, 16, 20, 22—27.
Шокуровъ Семенъ, воевода Романовскій (1699 г.), 23.

Яринъ Архипъ, земскій староста г. Романова, 24.

Юсуповъ Джанъ Мурза, пом. Романовскій, 16, 18—20, 24.
Иванъ Джанъ Мурза, кн., пом. Романовск., 24.
Сеюшъ Мурза, пом. Романовскій, 17, 18, 24,

Ѳедоровъ Иванъ, дьякъ Прик. Большого Дворца, (1649 г.), 11
Осипъ попъ, 13.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царевичъ., 14.
Ѳедосья Алексѣевна, царевна, 15.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

Александровская, дер., 16, 18, 19. 20. 22—27.
Антоновская, дер. 29, 31, 33, 34.
Астрахань, гор., 1.

Благовѣщенское, село, 28—34.
Богородское, село, 16—20, 22—27.
Бориса и Глѣба придѣлъ въ Воскрес. церкви въ Борисогл. слоб., 14.
Борисоглѣбская слобода 1—14.
Борисоглѣбское, село, 30.

Волга, рѣка, 1, 2, 4—12.
Воскресенская церковь, въ Борисогл. слободѣ, 13, 14.

Ить, рѣка, притокъ Волги, 7, 8, 12.

Клоково, дер., 32, 33.
Коприна гора, близъ Романова, 17.
Копылова, дер. Романов. уѣзда, 7.

Мартынова, дер., 33.
Митинская, дер., 33.
Молога, рѣка, 2, 5, 10.
Москва, гор., 2, 4, 6, 7, 11, 13, 16, 19.

Норская слобода, 4, 5, 8, 10.

Островскій монастырь на Святоозерѣ, 7.

Петра и Павла придѣлъ въ Воскрес. церкви въ Борисогл. слоб., 14.
Печахта, рѣчка, 8.
Починокъ, дер., 33.
Пречистенскій соборъ въ Ростовѣ, 14.

Романовъ. городъ, 6, 12, 15, 16, 17, 19, 20, 23, 24, 28.
Романовскій уѣздъ, 4—7, 12, 19.
Ростовъ, гор., 14, 15.
Рыбная, рѣка, 2.

Савинское, село Роман. уѣзда, 7, 12.
Симеона св. на Слюдѣ церковь, 7, 8.
Солдога, рѣчка, 8.
Спасскій монастырь, въ г. Ярославлѣ. 29—34.

Толгскій монастырь, 7, 8.

Шексна, рѣка, 2

Ядомь, рѣчка, 8.
Меншой, рѣчка, 8.
Яновка, рѣчка, 8.
Ярославль, гор., 5, 8, 10, 14.
Ярославскій уѣздъ, 1, 2, 4, 13.

АДОЛЬФЪ ЛАССОНЪ
Профессоръ Берлинскаго Университета.

СИСТЕМА ФИЛОСОФІИ ПРАВА.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ФИЛОСОФІИ ПРАВА.

Переводъ съ нѣмецкаго изданія 1882 года,

Н. П. ШИРЯЕВОЙ

подъ редакціей и съ предисловіемъ приватъ-доцента
Демидовскаго Юридическаго Лицея

Н. И. ПАЛІЕНКО.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы.
Предисловіе.	
Предметъ философіи права	1
Исторія философіи права.	
Періоды исторіи философіи права . . .	27
Софисты	29
Сократъ	33
Платонъ	35
Аристотель	40
Циники и Стоики	55
Киренаики и Эпикурейцы	56
Скептики	59
Неоплатоники	60
Цицеронъ	60
Римскіе юристы	62
Философія права въ средніе вѣка . . .	66
Ѳома Аквинскій	68
Вильгельмъ Оккамъ	73
Марсилій Падуанскій	73
Эпоха возрожденія	75
Жанъ Боденъ	75
Іезуиты	75
Монархомахи	76
Гуго Гроцій	78
Гоббесъ	79
Спиноза	81
Пуфендорфъ	84
Томазій	86
Вольфъ	87
Локкъ	88
Бентамъ и Милль	89
Руссо	90
Кантъ	91
Фихте	94
Гегель	98
Новѣйшая философія права	103

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая настоящій переводъ исторіи философіи права, какъ она изложена въ „Системѣ Философіи права“ извѣстнаго германскаго ученаго, профессора Берлинскаго Университета, Адольфа Лассона, мы имѣли въ виду дать нашимъ слушателямъ краткое, но обстоятельное руководство къ изученію основныхъ философскихъ воззрѣній на право и государство въ исторіи.

По дѣйствующему уставу Демидовскаго Юридическаго Лицея исторія Философіи права не входитъ въ число предметовъ, обязательно преподаваемыхъ въ Лицеѣ.

Между тѣмъ огромное значеніе этой науки въ общей системѣ юридическаго образованія, и крайняя необходимость изученія ея для болѣе обстоятельнаго знанія и пониманія общихъ началъ права, излагаемыхъ при прохожденіи курса энциклопедіи права, иначе общей теоріи права, заставляетъ преподавателя послѣдняго предмета удѣлить часть отведеннаго ему для преподаванія времени хотя бы краткому изложенію основныхъ историко философскихъ системъ права.

Поэтому мы рѣшились предпринять настоящій переводъ очерка исторіи философіи права одного изъ извѣстныхъ новѣйшихъ философовъ-юристовъ, проф. Лассона, такъ какъ при всей сжатости изложенія его очеркъ исторіи философіи права является, по нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворительнымъ изъ всѣхъ прочихъ столь же краткихъ очерковъ предмета, существующихъ въ отечественной литературѣ. Основныя философскія воззрѣнія, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ мыслителей различныхъ эпохъ изложены въ немъ съ достаточной обстоятельностью, равно какъ и переданъ общій характеръ ихъ міровоззрѣнія.

Мы старались придать переводу возможную безъ ущерба для ясности мысли и правильности языка близость къ подлиннику. Выпуская нѣсколько обильныя цитаты мѣстъ изъ сочиненій древнихъ писателей, мы руководились тѣмъ соображеніемъ, что эти цитаты источниковъ, сравнительно мало доступныхъ слушателямъ, могли бы затруднить безъ особой нужды чтеніе текста. Ссылки же на мѣста изъ сочиненій болѣе позднихъ мыслителей среднихъ и новыхъ вѣковъ мы по практическимъ соображеніямъ рѣшили удержать и въ переводѣ.

Далѣе изложенію очерка исторіи философіи права мы предпослали переводъ, предшествующаго этому очерку у проф. Лассона, параграфа о „предметѣ философіи права", такъ какъ въ немъ содержится изложеніе основныхъ воззрѣній автора на право и государство, исторію философіи которыхъ онъ затѣмъ излагаетъ.

„Система Философіи права" Лассона написана подъ значительнымъ вліяніемъ философскихъ идей Гегеля. Это сказывается и въ большой наклонности автора къ утвержденію чисто апріорныхъ и абстрактныхъ началъ.

Отвергая и обстоятельно критикуя идею такъ называемаго „естественнаго права", Лассонъ въ то же время принимаетъ совершенно апріорно существованіе идеи справедливости самой по себѣ, независимой отъ человѣческаго мнѣнія и произвола, коренящейся въ высшихъ принципахъ міра, въ видѣ всеобщаго, всегда себѣ равнаго, свободнаго отъ противорѣчія формальнаго начала, указываемаго практическимъ разумомъ. Примѣненіе этого начала къ даннымъ природой человѣческимъ отношеніямъ создаетъ право (стр. 215 Системы). Мы видимъ такимъ образомъ, что Лассонъ вновь открываетъ дверь тому вѣчному, неизмѣнному закону естественнаго права, которое онъ такъ энергично отвергаетъ въ своей книгѣ.

Утверждая затѣмъ, что справедливость признается философіей права только чисто формальнымъ, лишеннымъ содержанія, отвлеченнымъ началомъ, черпающимъ свое содержаніе изъ конкретныхъ условій дѣйствительной жизни, къ которой оно примѣняется, Лассонъ въ то-же время въ другихъ мѣстахъ книги различаетъ матеріальную справедливость и формальную (стр. 229), при чемъ

подъ справедливостью понимаетъ качество субъекта постоянно въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ мыслью и волей подчинять себя существу вещи и лежащему въ немъ закону (стр. 228—229). Если въ такомъ случаѣ человѣкъ самъ находитъ общее положеніе примѣнимое ко всѣмъ одинаковымъ случаямъ, то тутъ мы имѣемъ дѣло съ матеріальной справедливостью, если же онъ это общее положеніе, какъ, напримѣръ, судья, извлекаетъ изъ установленнаго внѣшняго порядка, то это будетъ формальной справедливостью. Матерьальная и формальная справедливость могутъ совпадать и расходиться.

Какъ мы видимъ, въ это понятіе справедливости вводится уже значительный элементъ субъективиной оцѣнки и трудно усмотрѣть, въ чемъ же заключается эта справедливость, о которой выше было сказано Лассономъ, что она представляетъ собой чисто формальное начало, идею всегда себѣ равнаго, свободнаго отъ противорѣчій всеобщаго начала. Во всякомъ случаѣ, это нѣчто иное, чѣмъ формальный категорическій императивъ нравственнаго, диктуемый практическимъ разумомъ у Канта.

Между тѣмъ этотъ неопредѣленный критерій справедливости Лассонъ часто примѣняетъ къ оцѣнкѣ различныхъ правовыхъ идей. Потому, какъ справедливо, замѣчаетъ Бергбомъ (Bergbohm: Jurisprudenz und Rechtsphilosophie 1892 стр. 281), Лассонъ при оцѣнкѣ, напримѣръ, ученій греческой философіи скорѣе одобряетъ теоріи тѣхъ, кто поддерживаетъ естественно правовыя начала, чѣмъ тѣхъ, кто ихъ отвергаетъ Но въ тоже самое время Лассонъ въ своей системѣ настаиваетъ на необходимости разсматривать право съ строго положительной точкизрѣнія, и вотъ почему, какъ на это указываетъ Гирке (Deutsche Litteraturzeitung 1882 № 33 S. 1191), въ системѣ философіи права Лассона замѣчается непримиримый разладъ между стремленіемъ къ отвлеченному праву разума и къ матеріалистически окрашенному историческому праву.

Лассонъ вездѣ въ своей философіи права справедливо настаиваетъ на строго положительномъ характерѣ права. Но право, по его мнѣнію, основано на государственномъ установленіи и неразрывно связано съ государствомъ. Одно безъ другого существовать не могутъ (стр. 37). Право

это совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ и установленныхъ высшей государственной властью принудительныхъ нормъ, предписывающихъ людямъ дѣйствія и упущенія. (стр. 21—22, 37). Государство является правовымъ учрежденіемъ. Государство, общество людей, обладающее организованной высшей властью, является источникомъ всякаго принужденія (ср. также стр. 292—293, гдѣ государство опредѣляется уже какъ извѣстнымъ образомъ организованная воля). Власть государства и осуществляемое ею принужденіе служатъ праву (стр. 283). Вся государственная дѣятельность состоитъ въ правообразованіи и защитѣ права. Далѣе Лассонъ считаетъ суверенитетъ необходимымъ признакомъ государства (стр. 389 слѣд.) и, исходя далѣе изъ понятія права, какъ нормъ внѣшне-принудительныхъ, не признаетъ международнаго права правомъ.

Мы не можемъ согласиться съ воззрѣніемъ германскаго ученаго на право, какъ на нормы внѣшне-принудительныя, съ его взглядомъ, что нѣтъ права внѣ государства, что право устанавливается лишь государственной властью, что международное право не можетъ быть признано правомъ. Эти воззрѣнія основательно отвергаются теперь многими выдающимися учеными въ области науки права. Споренъ также въ наукѣ и вопросъ о суверенитетѣ, какъ необходимомъ признакѣ государства. Нельзя также принять формулу, что вся дѣятельность государства сводится къ правообразованію и защитѣ права, если не понимать слишкомъ широко самый терминъ „право“.

Мы не касаемся здѣсь другихъ мыслей проф. Лассона, изъясненныхъ имъ въ его „системѣ“, такъ какъ въ нашемъ изданіи перевода имѣемъ дѣло лишь съ исторіей философіи права и хотѣли лишь вкратцѣ указать основныя воззрѣнія германскаго ученаго на право, необходимыя для болѣе основательнаго пониманія его сужденій о различныхъ философскихъ системахъ, но должны замѣтить, что эти воззрѣнія проф. Лассона не лишаютъ его историческій очеркъ философіи права тѣхъ достоинствъ, сжатости, но обстоятельности изложенія основныхъ философскихъ идей главнѣйшихъ мыслителей въ области ученій о правѣ и госу-

дарствѣ, въ виду которыхъ мы и рѣшились рекомендовать этотъ краткій курсъ нашимъ слушателямъ въ качествѣ руководства къ изученію исторіи философіи права.

Мы позволяемъ себѣ также надѣяться, что переводомъ этого краткаго очерка исторіи философіи права, написаннаго однимъ изъ видныхъ современныхъ представителей науки философіи права въ Германіи, мы принесемъ и нѣкоторую пользу нашей отечественной юридической литературѣ, столь небогатой трудами въ области философіи права.

Н. Паліенко.

Ярославль.
1 февраля 1902 г.

ПРЕДМЕТЪ ФИЛОСОФІИ ПРАВА.

Предметомъ философіи права является право. Подъ правомъ мы понимаемъ совокупность общепризнанныхъ въ человѣческомъ общежитіи и для всѣхъ обязательныхъ предписаній, касающихся дѣйствій или упущеній людей, такъ что 1) въ сомнительныхъ случаяхъ имѣется положеніе, изъ котораго исходитъ разъ навсегда обязательное рѣшеніе, относительно того, что должно быть признаваемо правомъ и 2) существуетъ надежная сила, способная принудить къ исполненію предписаній волю имъ противорѣчащую. Такимъ образомъ право дѣйствуетъ только тамъ, гдѣ при всемъ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ дѣйствій существуетъ, несмотря на всѣ нарушенія, твердо возстановляемый порядокъ, который поддерживается общепризнанными и обладающими принудительною силой правилами человѣческаго поведенія. Такимъ образомъ необходимымъ условіемъ бытія права является существованіе въ обширномъ обществѣ *высшей власти*, обладающей авторитетомъ регулировать право и въ то же время имѣющей физическую силу въ случаѣ нужды принудительнымъ путемъ возстановлять согласный съ правомъ порядокъ. Такой обладающій высшей силой для созданія и охраненія права союзъ называется *государствомъ*. Право и государство нераздѣльны между собой. Не существуетъ права внѣ государства и государства — не для охраны права. Философія права является поэтому философіею права и государства, какъ одного цѣльнаго предмета.

1. Слово „право", какъ въ общежитіи, такъ и въ наукѣ, имѣетъ чрезвычайно много разнообразныхъ значеній, какъ потому, что, подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ одно и то же понятіе, указываютъ существенно

различные отличительные признаки его, такъ потому еще, что и относительно самого понятія, обозначаемаго этимъ словомъ, нѣтъ единогласія; а гдѣ нѣтъ точнаго опредѣленія, одинъ никогда не можетъ знать, что собственно подразумѣваетъ другой, употребляя терминъ «право». Въ началѣ нашего изложенія мы можемъ лишь бѣгло и въ общихъ чертахъ охарактеризовать предметъ, который мы подвергаемъ философскому изслѣдованію; всѣ болѣе точныя опредѣленія и доказательства справедливости этихъ, хотя и самыхъ общихъ положеній, мы должны отложить до дальнѣйшаго изслѣдованія. Но намъ представляется необходимымъ съ самаго начала настолько выяснить предметъ нашего изслѣдованія, чтобы, по крайней мѣрѣ, видно было, о чемъ, собственно, будетъ идти рѣчь и около чего будетъ вращаться изслѣдованіе. Потомучто тотъ, кто имѣетъ иное понятіе о правѣ, будетъ имѣть и другое представленіе о философіи права и вслѣдствіе этого не найдетъ у насъ того, что обыкновенно причисляютъ къ философіи права и, наоборотъ, можетъ встрѣтить у насъ то, что остается незатронутымъ въ другихъ работахъ по философіи права; пониманіе и распредѣленіе частныхъ вопросовъ всегда обусловлено основнымъ воззрѣніемъ на предметъ и его отличительные признаки.

2. Терминъ „право" въ общежитіи является прежде всего выраженіемъ для цѣлаго ряда явленій, свойственныхъ различнымъ областямъ. Правомъ называютъ все положительное, особенно хорошее, полезное, цѣлесообразное, пристойное, справедливое, истинное, все, что встрѣчаетъ одобреніе и расположеніе. Правая рука — самая полезная рука. Правое слово—самое пристойное слово. Правъ тотъ, кто говоритъ истину или даетъ самый цѣлесообразный совѣтъ; правъ въ своихъ дѣйствіяхъ тотъ, кто выказываетъ милосердіе, великодушіе, преданность, благодарность, самопожертвованіе, вѣрность. Правъ и тотъ, кто придерживается пристойныхъ формъ, разумно уступаетъ, во время умѣетъ медлить или спѣшить.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ правомъ называется все хорошо обоснованное, безупречное въ дѣйствіяхъ человѣка, направленныхъ на достиженіе внѣшнихъ благъ; правомъ называется также полномочіе совершать такое дѣйствіе

или требовать отъ другихъ его совершенія. Каждый имѣетъ право на то, что ему разумнымъ образомъ принадлежитъ, когда для ограниченія его воли и власти нѣтъ достаточнаго основанія; онъ поступаетъ по праву, когда держится въ предѣлахъ этого своего права, и не по праву, когда онъ изъ этихъ предѣловъ выходитъ. Правомъ называется еще совокупность всѣхъ опредѣленій, касающихся того, на что каждый имѣетъ право и на что онъ таковаго не имѣетъ, и совершеніе чего составляетъ право или не-право. Такъ человѣкъ имѣетъ право на природу; онъ имѣетъ право пользоваться по своему усмотрѣнію, однако безъ излишней жестокости, животными, убивать ихъ, потреблять въ качествѣ пищи. И каждое существо вообще имѣетъ какъ стремленіе, такъ и право, поскольку это въ его власти, утверждаться въ своемъ бытіи; все живое, въ особенности человѣкъ, имѣетъ право жить, дышать, всевозможными средствами достигать личнаго блага. Спиноза въ этомъ смыслѣ говоритъ о правѣ рыбъ плавать, о правѣ крупныхъ рыбъ поѣдать мелкихъ. Сообразно съ этимъ человѣкъ имѣетъ естественныя, прирожденныя права, нарушать которыя несправедливо; такъ даже животное имѣетъ право на жалость къ себѣ со стороны человѣка, на мягкость и осторожность въ обращеніи съ нимъ. 3) Еще больше суживается значеніе слова тамъ, гдѣ оно примѣняется къ взаимнымъ отношеніямъ людей при обмѣнѣ благъ. Право опредѣляется здѣсь случайнымъ заработкомъ, заслугой или годностью. Каждый по праву обладаетъ и удерживаетъ въ силу простого факта владѣнія или держанія то, чѣмъ владѣть и держать никто другой не имѣетъ большого, чѣмъ онъ, основанія, и каждый имѣетъ справедливое притязаніе на то, что является соотвѣтствующимъ эквивалентомъ затраченнаго труда, принесенной жертвы, отданнаго блага. Въ этомъ смыслѣ правомъ называютъ все справедливое; вопросъ же о томъ—что́ справедливо—рѣшается въ данномъ случаѣ не яснымъ понятіемъ, а живущимъ въ человѣкѣ правовымъ чувствомъ, естественнымъ, прирожденнымъ, пріобрѣтеннымъ черезъ воспитаніе, унаслѣдованнымъ чувствомъ справедливости. По этому воззрѣнію справедливо, чтобы тотъ, кто не трудится, не имѣлъ и куска хлѣба,

справедливо, чтобъ лицо, изобрѣвшее полезный предметъ и обладало имъ; справедливо, если вознагражденіе прямо пропорціонально количеству затраченнаго труда; справедливо, если добродѣтель вознаграждается, а порокъ наказывается. Сообразно съ этимъ мѣриломъ для сужденія о справедливомъ и въ обыденной рѣчи за каждымъ признается или отрицается то или другое опредѣленное право, возникаетъ въ душѣ представленіе о правѣ, какъ совокупности такихъ общихъ нормъ справедливости.

3. О правѣ въ какомъ-либо изъ вышеуказанныхъ значеній въ нашемъ изложеніи нѣтъ и рѣчи. Нѣтъ никакой связи между понятіемъ права и только что указаннымъ значеніемъ слова „права", ни съ значеніемъ его въ обычномъ представленіи и словоупотребленіи. Понятіе о справедливости и отношеніе права къ справедливости будетъ обсуждаться въ послѣдующемъ изложеніи; тогда то и окажется, что если справедливость и является однимъ изъ моментовъ права, тѣмъ не менѣе оба они, право и справедливость, по своей сущности кореннымъ образомъ различаются между собой. Право, какъ таковое, не является еще справедливымъ, а справедливость сама по себѣ не есть еще право. Мы считаемъ полезнымъ, придерживаясь обыденнаго употребленія слова, указать—какимъ неяснымъ и неудовлетворительнымъ представляется понятіе о справедливомъ въ обычномъ сознаніи, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда понятіе о правѣ и справедливости пожелали-бы отождествить, право вообще пришлось бы искать не въ опредѣленномъ бытіи, а въ химерахъ субъективнаго усмотрѣнія и самыхъ разнообразныхъ индувидуальныхъ воззрѣній и представленій, такъ какъ ссылка на справедливость—вѣрное средство покалебать всякое твердое рѣшеніе и сокрушить всякую твердую точку опоры при существующемъ правовомъ порядкѣ. Мы обладаемъ простымъ средствомъ узнать, что такое право. Мы обращаемся къ судьѣ и то, что судья постановитъ въ видѣ окончательнаго приговора, каждый обязанъ признать и на томъ успокоиться. Желающіе же во чтобы то ни стало видѣть торжество справедливости, противополагаютъ приговору судьи нѣчто другое, высшее, и именно прежде всего истинный смыслъ и духъ дѣй-

ствующаго закона, въ сравненіи съ которымъ приговоръ судьи, насколько онъ не согласенъ со смысломъ и духомъ, также, очевидно, долженъ быть признанъ не справедливымъ, потому что справедливымъ является прежде всего то, что соотвѣтствуетъ закону. Но друзья справедливости не удовлетворяется и этимъ. Существующій законъ, опредѣляющій право и неправо для человѣческихъ отношеній, самъ подвергается оцѣнкѣ съ точки зрѣнія соотвѣтствія его справедливости, какъ она представляется правовому чувству и правовому сознанію обыкновеннаго современнаго человѣка; тутъ легко, однако, можетъ случиться, что дѣйствующій законъ окажется несправедливымъ и противорѣчащимъ требованіямъ правового сознанія. Но это правовое сознаніе само ни въ какомъ случаѣ не является высшей инстанціей для сужденія о томъ, что справедливо, — потому что оно непостоянно и подлежитъ въ теченіи историческаго процесса сильнѣйшимъ измѣненіямъ. Многое, вѣдь, что въ настоящее время считается справедливымъ, считалось прежде несправедливымъ или, весьма вѣроятно, будетъ считаться таковымъ у слѣдующихъ поколѣній. Поэтому для познанія справедливости нужно пойти дальше того, что считается справедливымъ съ точки зрѣнія современнаго правового чувства человѣка, и обратиться къ абсолютно справедливому, существующему не въ какой-либо дѣйствительности, но лишь въ субъективныхъ мнѣніяхъ людей. Такимъ образомъ стремленіе всѣ отношенія разсматривать съ точки зрѣнія ихъ справедливости въ концѣ концовъ отнимаетъ всякій объективный и дѣйствительный масштабъ, имѣвшій какіе-либо шансы сдѣлаться общепризнаннымъ. Большинство утопическихъ фантазій относительно формъ семьи и имущественнаго строя, государства и власти, коренятся въ подобныхъ мечтаніяхъ и представленіяхъ объ идеальной справедливости. Конструкція, исходящая изъ мнѣнія о справедливомъ, самый вѣрный путь ко всякаго рода фантазіямъ и нелѣпостямъ и иногда оканчивается совершеннымъ помѣшательствомъ; этому пути всего больше любятъ слѣдовать хитрецы и честолюбцы, спекулирующіе на глупости людей и льстящіе ихъ фантазіи, чтобы сѣять смуты и разрушенія.

4. На такой шаткой почвѣ философія права становиться не можетъ. Въ философіи права не можетъ быть и рѣчи о правѣ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ значеній. Для нея остается однако еще послѣднее и самое ограниченное значеніе слова, которое она и имѣетъ исключительно въ виду. Среди всевозможныхъ законодательствъ, правилъ и предписаній, относящихся къ человѣческимъ дѣйствіямъ, мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности одно законодательство совершенно особаго и опредѣленнаго свойства, внѣшними признаками очень легко отличимаго отъ другихъ. Выше мы отмѣтили эти признаки: къ нимъ относятся общепризнанная обязательность, возможность въ случаѣ сомнѣнія на счетъ его смысла и значенія добиться надежнаго и примѣнимаго рѣшенія и наличность исключительно для его охраны предназначенной физической власти, могущей въ случаѣ нужды принудить къ исполненію его требованій. Характеризующееся этими признаками законодательство въ обыденной рѣчи обозначается точно также терминомъ право; только при этомъ обыкновенно отсутствуетъ сознаніе коренного отличія этой только что упомянутой сферы явленій отъ всего другого, что также называютъ правомъ. Мы выдвигаемъ собственно лишь это значеніе и терминомъ «право» мы обозначаемъ только эту группу явленій; въ остальныхъ отношеніяхъ мы будемъ придерживаться народной рѣчи, не опасаясь, что черезъ это можетъ возникнуть путаница понятій, такъ какъ всякій легко можетъ отличить техническое употребленіе слова отъ нетехническаго. Мы предоставляемъ другимъ, конечно, свободу употреблять слово «право», какъ имъ угодно и подразумѣвать подъ этимъ словомъ самое разнообразное; для насъ же, при научныхъ словоупотребленіяхъ является первой обязанностью предупредить могущія возникнуть, благодаря многозначительности термина, смѣшеніе и неясность понятія тѣмъ, что технически мы употребляемъ слово въ совершенно спеціальномъ значеніи.

Правомъ мы называемъ, слѣдовательно, только то законодательствъ, которому свойственны вышеприведенные признаки. То, что не имѣетъ этихъ формальныхъ признаковъ, не будетъ такимъ образомъ правомъ въ нашемъ смыслѣ.

Всякое право при нашемъ словоупотребленіи является правомъ положительнымъ, дѣйствующимъ или дѣйствовавшимъ; оно до тѣхъ поръ дѣйствительное право, пока дѣйствуетъ, и перестаетъ имъ быть, какъ скоро теряетъ примѣненіе. Что не получило признанія и не можетъ быть признано, то, что въ необходимыхъ случаяхъ не обладаетъ для своего осуществленія физической мощью, можетъ называться правомъ во всякомъ другомъ смыслѣ слова; въ томъ же значеніи, въ какомъ мы употребляемъ слово, оно не можетъ быть названо правомъ. Нѣтъ права, дарованнаго природой: право дается только путемъ установленія. Никто не обладаетъ естественными правами; обладающій же извѣстными правами пріобрѣлъ ихъ черезъ объективно существующее право, черезъ передачу, уступку. Философія права занимается только этимъ положительнымъ, признаннымъ, обязательнымъ, принудительнымъ правомъ и ничѣмъ инымъ, хотя бы его и называли правомъ.

5. Можетъ быть возможно усумниться въ достаточности научныхъ основаній опредѣлять предметъ философіи права такъ, какъ сдѣлали это мы. Во всякомъ случаѣ, намъ должна быть предоставлена полная свобода въ выборѣ предмета, который мы хотимъ изслѣдовать, подразумѣвая однако, что этотъ объектъ реальный, а не воображаемый.

Наблюдаемую въ общемъ во всѣхъ человѣческихъ обществахъ и во всѣ времена реальность права въ указанномъ нами смыслѣ не легко подвергнуть сомнѣнію, равно какъ не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ объектъ опредѣляется посредствомъ указанныхъ формальныхъ признаковъ, вполнѣ достаточныхъ для каждаго разумнаго и опытнаго человѣка. Иные будутъ, можетъ быть, оспаривать, что для объекта, который мы имѣемъ въ виду, эти признаки существенны и будутъ сущность этого объекта искать въ другихъ свойствахъ; на это можетъ отвѣтить лишь дальнѣйшій ходъ изложенія. Вопросъ о правильности нашего опредѣленія можетъ быть рѣшенъ только путемъ доказательства, что, именно, указанный нами составъ признаковъ устанавливаетъ объектъ совершенно особаго вида и значенія для всего міра явленій человѣ-

ческой жизни. О понятіи права можно спорить до безконечности; вопросъ свелся бы только къ словопренію, если бы одни, называя однимъ и тѣмъ же словомъ гораздо большую массу явленій, въ существенныхъ чертахъ не считали бы ихъ однородными, въ то время какъ другіе изъ этой массы не выдѣляли бы гораздо болѣе узкій кругъ, который они существенно отличаютъ отъ всего того, что также слыветъ за право. Мы придерживаемся мнѣнія послѣднихъ и опредѣляемъ понятіе о правѣ также, какъ и многіе другіе, напримѣръ, Рудольфъ фонъ Іерингъ, который правомъ называетъ совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ и единственнымъ критеріемъ права считаетъ признаніе и осуществленіе его судьей (Der Zweck im Recht B. I 1877, S. 318, 337). Примѣняя только къ этому болѣе узкому кругу явленій названіе «право», и дѣлая его предметомъ науки, занимающейся только имъ, мы утверждаемъ, что этотъ предметъ отличается отъ всѣхъ другихъ свойствами, настолько существенными, что большая часть того, что имѣетъ значеніе для него и является его послѣдствіемъ, не имѣетъ значенія ни для чего другого и не изъ чего другого не вытекаетъ. Дальше будетъ видно, насколько правы мы въ своемъ утвержденіи. Относительно названія и слова мы слѣдовательно не споримъ. Если другіе не склонны называть этотъ объектъ правомъ и его философское изслѣдованіе — философіей права, примѣняя это названіе къ другому предмету и другой наукѣ, мы ничего противъ этого возразить не можемъ. Это было бы въ концѣ концовъ вопросомъ словоупотребленія и оставалось бы ждать, не придутъ ли иные при иномъ употребленіи слова къ болѣе точнымъ результатамъ, къ такимъ, которые больше совпадаютъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей.

6. Положеніе, что право отлично отъ справедливости и что оно въ этомъ различіи само по себѣ является важнымъ объектомъ научнаго изслѣдованія, было установлено лишь постепенно. Болѣе старыя воззрѣнія, не стѣсняясь, исходятъ изъ того положенія, что право тождественно съ справедливостью. Если мы утверждаемъ, что право существуетъ не отъ природы, а въ силу уста-

новленія, то этотъ взглядъ не должно смѣшивать съ другимъ, по которому справедливости отъ природы не существуетъ, что сама справедливость установлена людьми, основана на произвольномъ усмотрѣніи и взглядѣ на полезное и цѣлесообразное. Мы еще совершенно не разрѣшили вопроса, о томъ гдѣ коренится справедливость — въ природѣ, или только въ установленіи; вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ дальше. Уже между древними по этому поводу шелъ оживленный споръ; оба противоположныя воззрѣнія содержатъ однако нѣчто двойственное и неясное, именно потому, что для древнихъ право и справедливость сливались въ нераздѣльное понятіе. Въ то время какъ Гераклитъ около 500 г. утверждалъ, что всѣ человѣческіе законы происходятъ отъ божественнаго высшаго закона разумной необходимости, Архелай, который былъ старше Сократа и, можетъ быть, былъ его учителемъ, придерживался мнѣнія, что различіе между справедливымъ и позорнымъ существуетъ не отъ природы, а покоится на человѣческомъ установленіи. Что касается софистовъ, Платонъ приписываетъ Протагору мнѣніе, что справедливо и честно въ каждомъ случаѣ то, что представляется таковымъ каждому отдѣльному государству, причемъ оно будетъ справедливымъ и честнымъ до тѣхъ поръ только, пока это признаетъ государство. Критію приписывается мнѣніе, что люди жили якобы вначалѣ безъ закона и права, подобно животнымъ, а законы только позднѣе были даны умными людьми для того, чтобы предупредить насильственныя дѣянія. Ликофронъ, бывшій, повидимому, ученикомъ Горгія, производитъ законъ изъ договора, которымъ взаимно обезпечиваютъ каждому свое. Другіе софисты настойчиво утверждаютъ даже, что справедливое, какъ оно опредѣляется закономъ, противорѣчитъ природѣ; такъ Калликлъ и Полосъ, изъ которыхъ послѣдній абсолютную беззаконность признаетъ единственно справедливой отъ природы и сообразно съ этимъ считаетъ законъ, господствующій въ государствѣ, противорѣчащимъ предписаніямъ природы, несправедливымъ и происходящимъ изъ произвольнаго установленія; точно также Гиппій смотритъ на законъ какъ на властнаго повелителя, принуждающаго людей ко многому, что противно природѣ.

По воззрѣнію софистовъ высшее право тамъ, гдѣ высшая власть; государство и право слѣдовательно хитро придуманное изобрѣтеніе для того, чтобы установить искусственное равенство между болѣе сильными и болѣе слабыми, что противно естественному праву сильнѣйшаго; природа требуетъ скорѣе войны всѣхъ противъ всѣхъ, въ которой затѣмъ сама собой выпала-бъ на долю сильнѣйшаго бо́льшая власть. Этимъ софистическимъ мнѣніямъ Сократъ противопоставилъ объективный законъ разума въ природѣ вещей и признавалъ государство и его законъ основывающимися на этомъ разумѣ, такъ что они существуютъ не въ силу произвольнаго установленія, а въ силу природы. Далѣе Платонъ, величайшій учитель всѣхъ временъ, съ творческимъ глубокомысліемъ разработалъ въ видѣ цѣлой системы ученіе, которое никогда не потеряетъ своего значенія для человѣчества, именно, что нравственно доброе есть единственный постоянный законъ разумнаго самосознанія и находится въ гармоніи съ творческимъ принципомъ міра. Въ діалогѣ «Критонъ» Платонъ высказываетъ, что законы государства также представляютъ часть мірового порядка и родственны вѣчнымъ божественнымъ установленіямъ. Также Аристотель думаетъ, что законы происходятъ изъ разума, что существуетъ объективно справедливое, выраженіемъ котораго служатъ законы, что господство законовъ—господство божества и разума. Государство существуетъ въ силу природы, человѣкъ—предрасположенное къ государству существо, государство, по его мнѣнію, возникло раньше индивидуума; безъ государства человѣкъ -- не человѣкъ, а самое дикое изъ всѣхъ животныхъ. Аристотель опровергаетъ также взглядъ софистовъ, что не можетъ существовать справедливаго отъ природы, какъ какъ законы измѣнчивы и въ разныхъ государствахъ различны; онъ проводитъ различіе между справедливымъ отъ природы и положительнымъ правомъ. Положительное право развивается постепенно по мѣрѣ того, какъ совершенствуется политика, и находится въ зависимости отъ мѣняющихся условій, которымъ оно должно соотвѣтствовать. Ни Платонъ, ни Аристотель не упустили поэтому изъ виду, что положительное

право должно содержать также такія составныя части, которыя противорѣчатъ принципу справедливости, но такъ какъ въ терминологіи понятіе о правѣ и справедливости не различались между собой и положительное право представлялось однимъ изъ видовъ справедливости, то всѣхъ выводовъ изъ этого положенія они не сдѣлали. Аристотель въ особенности подчеркиваетъ различіе между естественнымъ правомъ, всегда одинаковымъ, и правомъ, происходящимъ путемъ особаго установленія; онъ сознаетъ также, что законъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ является очень несовершеннымъ осуществленіемъ справедливости, признаетъ существованіе такого закона, который можетъ быть названъ справедливымъ лишь относительно, лишь при наличности извѣстныхъ условій и учрежденій, напр. остракизмъ. Но съ другой стороны онъ опять считаетъ справедливымъ все, что соотвѣтствуетъ положительнымъ законамъ; формально справедливое (νόμιμον) и матеріально справедливое (ἴσον); справедливость въ смыслѣ нравственности, какъ совокупность всѣхъ добродѣтелей, и справедливость, какъ особая добродѣтель въ жизненныхъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, сливаются у него въ одно. Стоики основаніе нравственной жизни видѣли въ послушаніи общему міровому разуму и собственной разумной природѣ человѣка и нашли въ справедливомъ отъ природы прообразъ всѣхъ положительныхъ законовъ Правда, мудрецъ не связанъ положительнымъ закономъ и возвышается надъ нимъ, стремясь къ вѣчному прообразу. Наоборотъ Аристиппъ, основатель Киренаической школы, видѣвшій правду и добро только въ удовольствіи, возобновилъ ученіе, по которому нѣтъ справедливаго отъ природы, а лишь благодаря установленіямъ и привычкѣ, а Эпикуръ, который впервые возвелъ принципъ пользы въ высшее мѣрило добра и добродѣтели, смотрѣлъ на законъ, какъ на результатъ произвольно сложившагося человѣческаго общенія и договора, который заключили между собой добровольно соединяющіеся для взаимной защиты люди. Поэтому существуетъ лишь положительное право, содержаніе котораго зависитъ отъ извѣстныхъ условій, для которыхъ оно должно быть полезно; и законы перестаютъ быть обязательными, какъ

скоро дѣлаются безполезными. Ученіе Эпикура возродилось вновь у Англичанъ, особенно со времени Бентама и его школы. Такъ какъ мы въ этой школѣ можемъ открыть много фразъ и мало продуктивныхъ мыслей, то для насъ вполнѣ достаточно упомянуть о ней здѣсь, не возвращаясь опять къ ней впослѣдствіи. Цицеронъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ эпикурейцевъ и рѣзко подчеркиваетъ мнѣніе, что право коренится въ глубинѣ человѣческаго существа, что законъ покоится на присущемъ природѣ высшемъ разумѣ, что существуетъ право не установленное, а самой природой первоначально данное, право независимое отъ мнѣній, возвышающееся надъ произволомъ, неизмѣнное и вѣчное, которое коренится въ свойственномъ всѣмъ людямъ правосознаніи, въ совѣсти человѣка, вложенной въ него самой природой, причемъ, во всякомъ случаѣ, и кое что чисто положительное, принимаемое сначала въ цѣляхъ предусмотрительности и цѣлесообразности, перешло затѣмъ въ привычку и, наконецъ, вмѣстѣ съ справедливымъ отъ природы было освящено закономъ и религіей. Этотъ положительный законъ, который мѣняется съ теченіемъ времени, колеблется въ ту и другую сторону, не заслуживаетъ собственно названія закона; къ истинному праву и настоящей справедливости онъ относится какъ тѣнь къ реальному предмету. Если онъ повсемѣстно дѣйствуетъ, является jus gentium, онъ въ качествѣ положительнаго права соотвѣтствуетъ справедливому отъ природы; если же дѣйствіе закона ограничивается національными рамками, jus civile, то онъ долженъ быть исправленъ сообразно съ первымъ. Цицерону такъ же не удалось провести ясное различіе между правомъ и нравственностью, какъ и точно разграничить право отъ справедливости; вообще же онъ, подобно стоикамъ, больше другихъ древнихъ авторовъ приближается къ теоріи естественнаго права новѣйшихъ писателей. Въ среднихъ вѣкахъ самостоятельнаго изслѣдованія относительно происхожденія права не предпринималось. У Ѳомы Аквинскаго въ его ученіи, построенномъ на основахъ воззрѣній Аристотеля, проявляются очень различныя вліянія; однако надо отдать ему справедливость—онъ лучше, чѣмъ кто-либо до него

разграничивалъ справедливость отъ положительнаго права; онъ признаетъ естественный законъ: послѣдній проистекаетъ изъ участія людей въ вѣчномъ, божественномъ міровомъ законѣ, который со времени грѣхопаденія болѣе или менѣе ясно отражается въ человѣческомъ духѣ. Право содержитъ условія человѣческаго общежитія, свойственнаго природѣ человѣка, и тѣмъ самымъ отличается отъ божественнаго откровенія, служащаго вѣчному блаженству. Право существуетъ, какъ положительное право, какъ lex humana, которое отчасти, въ качествѣ jus gentium возникло изъ естественнаго права изъ lex naturalis, отчасти, какъ jus civile, — благодаря чисто человѣческому установленію; послѣднее находитъ свое оправданіе въ томъ, что для измѣнчивыхъ человѣческихъ отношеній постоянно является необходимымъ издавать новые законы. Въ положительномъ правѣ находится однако наряду съ справедливымъ и несправедливое. Относительно рѣзкое разграниченіе справедливаго отъ положительнаго права, какъ оно проведено у Ѳомы Аквинскаго, не встрѣчается въ болѣе позднее время и даже еще у писателей естественнаго права. Происхожденіе государства изъ договора отдѣльныхъ инвидуумовъ между собой и совокупности индивидуумовъ съ носителемъ верховной власти казалось понятнымъ само собой, какъ и то, что опредѣленное содержаніе этого договора основывается на общей для всѣхъ природѣ человѣка и вещей и познается здравымъ разумомъ и даже, что сама природа побуждаетъ заключать такой договоръ. Такимъ образомъ ученіе естественнаго права стоитъ въ близкомъ соприкосновеніи съ ученіемъ Эпикура, несмотря на отсутствіе внѣшней исторической связи между ними. Для Гроція природа человѣка является принципомъ, здравый разумъ — источникомъ познанія права; однако государство возникаетъ, по его мнѣнію, изъ договора, такъ какъ вѣрность договору есть первая заповѣдь естественнаго права и все право въ государствѣ исходитъ лишь изъ молчаливаго или выраженнаго договора. Содержаніе этого договора и образуется тѣмъ, что онъ называетъ естественнымъ правомъ. Правда, онъ признаетъ положительное право (jus voluntarium), отличающееся отъ права естественнаго, но совершенно не знаетъ,

что ему съ этимъ понятіемъ дѣлать дальше; это только воспроизведеніе Аристотеля, какъ вообще въ прерывистомъ и тяжеломъ ходѣ мыслей Гроція большею частью замѣчается простое воспроизведеніе кого-нибудь и притомъ часто неправильно понятое и невѣрно изложенное. Гоббесъ создалъ ученіе о такомъ естественномъ состояніи, въ которомъ еще нѣтъ законовъ, но существуетъ естественное право всѣхъ на все; природа и разумъ предписываютъ выйти изъ такого состоянія войны всѣхъ противъ всѣхъ и перейти къ такому гражданскому порядку, который основывается на договорѣ. Гражданскій строй требуетъ высшей власти, воля которой неограниченная даже никакимъ закономъ только и имѣетъ силу и устанавляетъ—что, именно, должно считать правомъ. Такимъ образомъ и здѣсь все положительное право признается происходящимъ посредственно изъ договора. Наряду съ этимъ Гоббесъ признаетъ однако неизмѣнный, естественный законъ, тождественный съ нравственнымъ закономъ, цѣлью котораго является охранять міръ и устранять распри. Этотъ естественный законъ уничтожается въ государствѣ и замѣняется положительнымъ закономъ; однако существуютъ границы, внѣ которыхъ грѣшно повиноваться положительному закону, противорѣчащему даннымъ отъ Бога естественному разуму или божественному откровенію. Но и въ такомъ случаѣ закрещены возстаніе и открытое неповиновеніе; изъ несоотвѣтствія между религіозными убѣжденіями и положительнымъ закономъ вытекаетъ обязанность радостно принимать мученическій крестъ. Спиноза признаетъ также, какъ и Гоббесъ, естественное «право», но оно лишено средствъ обезпеченія и защиты. По мнѣнію Спинозы, сила и право нераздѣльны отъ природы, но не обезпечены; чтобы обезпечить свою власть и тѣмъ самымъ свое право, люди, путемъ договора, переходятъ къ государственному строю, гдѣ естественное право силы хотя и не уничтожается, но ограничивается цѣлями согласной и мирной жизни. Пуфендорфъ различаетъ естественное и положительное право; первое происходитъ изъ разумныхъ и общественныхъ наклонностей человѣка и создаетъ условія для мирнаго общежитія, второе исходитъ изъ простой воли

законодателя и соотвѣтствуетъ потребностямъ извѣстнаго общественнаго строя, различіе относится собственно только къ откровенному божественному праву; человѣчеекое право же, строго говоря, — исключительно положительное право. Законодатель опредѣляетъ что должно являться принудительной обязанностью и что должно быть предоставлено совѣсти и нравственному чувству. Только тѣ опредѣленія естественнаго права имѣютъ силу во всѣхъ государствахъ, которыя являются условіемъ для сохраненія внутренняго мира; кромѣ того, естественное право заполняетъ пробѣлы положительнаго права. Отличіе права отъ справедливаго остается при этомъ совершенно неяснымъ. Утверждается только, что справедливое существуетъ прежде всякаго государственнаго опредѣленія права; отношеніе положительнаго права къ этому справедливому остается неразрѣшенной загадкой. Томазій отличаетъ естественное право отъ положительнаго. Первое находится путемъ мышленія, послѣднее должно быть именно обнародовано, первое предписываетъ больше въ формѣ совѣта, второе — повелѣніе властителя; первое — неизмѣнно, послѣднее – измѣнчиво. Естественное право является нормой для положительнаго. Положительное право тамъ, гдѣ оно погрѣшаетъ противъ собственно естественнаго права, которое запрещаетъ оскорбленіе другихъ, не имѣетъ никакой обязательной силы; и наоборотъ, въ видахъ цѣлесообразности оно можетъ установлять то, что естественное право оставляетъ открытымъ. Мнѣніе, что право и государство произошли изъ договора, было господствующимъ въ прошломъ столѣтіи. Правда Монтескьё думалъ, что законы по своему существенному содержанію вытекаютъ изъ природы вещей, изъ самобытнаго разума, всѣмъ міромъ повелѣвающаго, что существуетъ прежде всякаго положительнаго закона идеальная справедливость, что кромѣ законовъ, которые люди сами себѣ создали, существуютъ еще такіе, которые своимъ бытіемъ не обязаны людямъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ правовыхъ и государственныхъ отношеніяхъ есть элементъ относительнаго, мѣняющійся подъ вліяніемъ природы и исторіи. Послѣднюю точку зрѣнія, въ особенности, выдвигалъ нѣкогда скептическій духъ Монтэня, который въ многообразіи дѣй-

ствующаго положительнаго права у различныхъ народовъ не могъ открыть общеобязательнаго и поэтому оспаривалъ существованіе закона, основаннаго на самой природѣ человѣка; всякое сужденіе о справедливомъ основывается скорѣе на воспитаніи и привычкѣ. Въ полную противоположность такому скептицизму съ одной стороны, и ученію объ относительномъ осуществленіи справедливаго путемъ права съ другой, Кантъ и его послѣдователи приписывали мыслящему разуму власть установлять единственное, общее для всѣхъ право. Основаніемъ государства а равно и права Кантъ признаетъ абсолютныя требованія практическаго разума; онъ строитъ государство исключительно на первоначальномъ договорѣ, который, хотя и не можетъ быть доказанъ исторически, но является постулятомъ разума; существуетъ такимъ образомъ право, исходящее изъ чистаго разума, а также наряду съ нимъ положительное право въ видѣ законодательства, санкціонированнаго внѣшней волей. Можно представить себѣ положительное право, содержащее лишь естественные законы; поскольку же оно уклоняется отъ естественнаго права, оно будетъ закономъ, но не правомъ, потому что критерій, которымъ опредѣляются право и безправіе, лежитъ въ чистомъ разумѣ. І. Г. Фихте со своей стороны признаетъ государство естественнымъ состояніемъ человѣка, хотя въ основаніе государства онъ ставитъ договоръ. Всякое право—право чистаго разума и основывается на апріорномъ понятіи. Правовой законъ возможенъ только въ государствѣ, законы же государства должны быть ничѣмъ инымъ какъ реализированнымъ естественнымъ правомъ. Положительное право не есть право, какъ скоро оно не построено на разумѣ. Гегель видитъ разумную необходимость права въ томъ, что оно представляетъ собой сущность свободной воли, осуществленіе свободы во внѣшнемъ бытіи и выводитъ изъ понятія свободы также въ частностяхъ опредѣленія права, которыя съ необходимостью вытекаютъ изъ понятія о немъ Онъ признаетъ, однако, что право есть въ то же время положительное право, по формѣ потому, что имѣетъ силу въ государствѣ, по содержанію потому, что соотвѣтствуетъ особенностямъ національнаго характера и исто-

рическимъ условіямъ жизни народа, а также потому, что должно быть примѣняемо къ встрѣчающимся на практикѣ случаямъ и, наконецъ, должно сосредоточиваться въ болѣе или менѣе произвольныхъ, количественныхъ опредѣленіяхъ. Естественное право сильно однако отличается отъ положительнаго, но не настолько, чтобы противорѣчить ему. Сила и тиранія являются лишь случайными въ положительномъ правѣ; съ другой стороны, въ историческомъ обоснованіи не слѣдуетъ искать оправданія опредѣленій положительнаго права; положительно правовое можетъ быть вполнѣ обосновано условіями и существующими учрежденіями и все таки быть само по себѣ несправедливымъ или неразумнымъ. Хотя Гегель въ силу своихъ основныхъ воззрѣній и долженъ былъ дойти до пониманія органическаго характера права и имманентной разумности историческаго правообразованія, но онъ не дошелъ до этого въ силу того, что слишкомъ тѣсно былъ связанъ съ положеніями естественнаго права. Въ полное противорѣчіе естественно-правовому воззрѣнію вступила впервые лишь философія права *исторической школы*. Правда, одинаково неясный, какъ въ принципѣ, такъ и изложеніи учебникъ Гуго (учебникъ естественнаго права какъ философіи положительнаго права. 1799) можетъ лишь условно служить ея показателемъ.

Только по замыслу его философія права является философіей положительнаго права. Въ частностяхъ онъ не старается доказать связи опредѣленій положительнаго права съ общимъ состояніемъ культуры народовъ или съ идеей права, находящей въ нихъ свое историческое воплощеніе, а занимается невѣроятно поверхностными размышленіями по поводу важнѣйшихъ правовыхъ институтовъ, доказывая ихъ пользу или вредъ, оцѣнивая ихъ съ точки зрѣнія чисто внѣшнихъ основаній за и противъ. Такъ онъ доказываетъ правомѣрность и пользу рабства; наоборотъ, перечисляетъ невыгоды происходящія отъ частной собственности, которую онъ ни въ какомъ случаѣ не считаетъ необходимымъ учрежденіемъ, отрицаетъ бракъ и защищаетъ умерщвленіе дѣтей и тому подобныя странныя вещи. Такъ по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ къ крѣпостному праву и феодальному

строю онъ довольствуется такимъ сомнительнымъ утѣшеніемъ, что это молъ сдѣлалось признанной частью положительнаго права и потому справедливо. Это его способъ оправдывать существованіе временнаго т. е. положительнаго права по отношенію къ постоянному праву, праву чистаго разума.

Точку зрѣнія исторической школы на нашъ вопросъ гораздо лучше представляетъ въ своемъ сочиненіи курсъ институцій Пухта, 1841, хотя и онъ страдаетъ недостаточной ясностью понятій. Пухта выводитъ право вообще изъ человѣческой способности хотѣнія, изъ свободы, какъ съ самаго начала данное людямъ господство надъ землей; послѣ грѣхопаденія появилось безправіе, раздѣленіе правового господства и фактическаго и защита безправія въ своеобразныхъ національныхъ формахъ. Настоящее правообразованіе начинается лишь съ появленіемъ народовъ, изъ которыхъ каждый сообразно съ народнымъ характеромъ создаетъ свое собственное право, но въ то же время существуетъ единый процессъ образованія у всего человѣчества, въ которомъ каждый народъ имѣетъ свою долю участія и въ которомъ правовое понятіе пріобрѣтаетъ все большую ясность и отчетливость. Всякое дѣйствующее право и слѣдовательно положительное, своеобразное право, выраженіе общаго правоваго убѣжденія, общей воли членовъ одного правового союза, и осуществленное въ организмѣ государства, которое, подобно праву, есть продуктъ народнаго духа, возникло не путемъ договора или подобно произведенію природы, но основано на Божественномъ порядкѣ и выработано національной волей. Только Шталь, наконецъ, далъ вопросу рѣшительную формулировку: всякое право является положительнымъ по своему содержанію и значенію; право и положительное право— понятія равнозначущія; не существуетъ иного права, кромѣ положительнаго. Но это положительное право подчинено требованію, чтобы оно соотвѣтствовало мысли и предписаніямъ Божественнаго мірового порядка Послѣднія противопоставляются положительному праву какъ справедливое, разумное, но не какъ само право. Существуютъ такимъ образомъ требованія разума по отношенію къ праву, но нѣтъ права разума, подобно тому какъ нѣтъ

естественнаго права. Этому разумному требованію право можетъ прямо противорѣчить, не переставая отъ этого быть правомъ, точно также какъ само по себѣ справедливое или разумное не можетъ сдѣлаться только благодаря этому когда либо правомъ (Философія права). Мы думаемъ, что самое существенное въ этомъ воззрѣніи на природу права сдѣлалось общепризнанымъ достояніемъ науки. Смѣшеніе конечно не научно. Аренсъ напр. находитъ поверхностнымъ взглядъ, не признающій силы ни за какимъ другимъ правомъ, кромѣ установленнаго, положительнаго (Естественное право I Стр. 366) и въ этомъ отношеніи къ нему могутъ присоединиться нѣкоторые изъ современныхъ философовъ права. Но это не должно вводить въ заблужденіе.

7. Взглядъ, котораго придерживаемся мы, состоитъ въ томъ, что независимо отъ всякихъ человѣческихъ мнѣній и произвола, существуетъ *идея справедливости*, коренящаяся въ высшихъ принципахъ міра, но право никогда не можетъ быть дано отъ природы, но должно быть создано. Изслѣдовать — въ какомъ отношеніи стоитъ эта идея справедливаго къ положительному праву, составляетъ одну изъ задачъ философіи права. Далѣе, по нашему мнѣнію, государство нераздѣльно связано съ правомъ, такъ что ни одно изъ нихъ не можетъ существовать и быть мыслимымъ безъ другого. Здѣсь это лишь бѣглое опредѣленіе, которое дальше должно быть доказано. Но смыслъ его мы должны здѣсь объяснить нѣсколько подробнѣе. Государствомъ мы называемъ обладающее верховною властью общество, дѣятельностью котораго является — осуществленіе права. Мы разумѣемъ при этомъ, что всякая дѣятельность государства направляется на право, на созданіе, осуществленіе и постоянное возстановленіе правового порядка, и что государство по своей сущности и идеѣ должно во всемъ, что оно дѣлаетъ, установлять и осуществлять право. Какія бы цѣли государство ни преслѣдовало, оно тѣмъ самымъ всегда создаетъ или охраняетъ какую либо правовую форму. Причемъ это не является идеаломъ, къ которому государство стремится, а всегда государство съ самаго начала ничего другого не дѣлало, кромѣ установленія и охраненія права. Это является само собой по-

нятнымъ слѣдствіемъ того, что въ нашемъ употребленіи слово „право“ обозначаетъ ничто иное, какъ всякія дѣйствующія въ государствѣ положенія. Обыкновенно различаютъ три главныхъ цѣли, которыя въ отдѣльности или всѣ вмѣстѣ должны составлять предметъ государственной дѣятельности: цѣль права, благосостоянія и культуры. При этомъ подъ цѣлью права подразумѣваютъ защиту частнаго права (ср. напр. Шульце Введеніе въ германское государственное право 1867 § 36) Такого различія мы не признаемъ. Право въ нашемъ смыслѣ—не только частное право. Совершенно непонятно, почему благосостояніе, духовная культура и всякая другая культура, не можетъ проводиться въ формѣ закона. Тѣмъ, что право обозначается какъ форма для всей дѣятельности государства, отнюдь не сказано все о какой либо особой цѣли, которую оно преслѣдуетъ или исключаетъ; это значитъ только, что государство, какую бы цѣль оно ни преслѣдовало, достигаетъ ее въ формѣ права. Разсмотрѣніе вопроса, съ какимъ содержаніемъ имѣетъ дѣло государство въ свойственной ему формѣ права, остается поэтому совершенно въ сторонѣ и нами не затрогивается

8. Что государство главнымъ своимъ содержаніемъ имѣетъ право, оставалось вначалѣ вслѣдствіе вышеуказаннаго смѣшенія различныхъ самихъ по себѣ понятій права и справедливости скрытымъ въ томъ воззрѣніи, что главнымъ содержаніемъ государства является справедливость, изъ чего дальше слѣдовало, что оно вообще преслѣдуетъ всѣ истинно человѣческія цѣли, всякую добродѣтель и нравственность. Существенное формальное опредѣленіе, что вся дѣятельность государства необходимо облекается въ форму права, отступило на задній планъ въ человѣческомъ вниманіи, обращенномъ на изслѣдованіе содержанія этихъ цѣлей. Однако будетъ вполнѣ цѣлесообразно здѣсь же привести важнѣйшія теоріи о цѣляхъ государства. Древніе приписываютъ государству всеобъемлющую задачу. Такъ для Платона государство—человѣкъ въ большомъ размѣрѣ; цѣль государства состоитъ въ добродѣтели и счастьи цѣлаго. Подобно тому же Аристотель опредѣляетъ цѣль государства какъ правую, счастливую и совершенную жизнь, которая состоитъ въ полномъ осу-

ществленіи добродѣтели и развитіи всѣхъ человѣческихъ способностей. Предупрежденіе взаимнаго безправія и содѣйствіе обмѣну внѣшнихъ благъ не составляетъ еще, по его мнѣнію, государства, а лишь полная общность жизни ряда поколѣній въ цѣляхъ совершенной и самоудовлетворяющейся жизни. Поэтому государство, которое не по имени только таково, должно направить воспитаніе гражданъ къ добродѣтели; въ противномъ случаѣ оно сдѣлалось бы лишь оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ подобно международному союзу. Государственное искусство такимъ образомъ высшее искусство и распространяется на все человѣческое благо, какъ таковое; оно обнимаетъ всѣ другія цѣли и стремится достичь всего нравственнаго, хорошаго и прекраснаго; оно должно сдѣлать гражданъ добродѣтельными, способными на все хорошее. Въ противоположность Платону и Аристотелю, для которыхъ цѣлью государства является усовершенствованіе всѣхъ сторонъ человѣческаго существа, у Эпикурейцевъ, не признававшихъ идеальнаго призванія человѣка а вмѣстѣ съ этимъ государства, послѣднее впервые ограничивается скудной задачей обезпеченія каждаго въ отношеніи другого посредствомъ общеобязательнаго закона; это тотъ же самый взглядъ, который много позднѣе былъ положенъ въ основаніе теоріи естественнаго права о государствѣ. Древнехристіанское воззрѣніе, какъ оно (умолчимъ объ Августинѣ) представляется у Ѳомы Аквинскаго, противопоставляетъ земную, гражданскую добродѣтель истинной, христіанской добродѣтели, и государство—церкви. Государство существуетъ по причинѣ человѣческой слабости и недостатковъ и должно заботиться о земной добродѣтели и земномъ благополучіи, но въ то же время охранять церковь и культъ (Summa. tleol 195 .сл De reg. princ. I, 4 сл.) Теорія естественнаго права также родственна этому теологическому взгляду на призваніе государства, какъ и Эпикурейскому. По мнѣнію Гроція, государство—общество для обезпеченія права и общей пользы (De j. b. ac p. I, 1). Совершенно аналогично опредѣлялъ цѣль государства уже Цицеронъ, но понималъ подъ вліяніемъ ученія Аристотеля общую пользу шире, чѣмъ счастье вообще, и задачей государства, столь

же выставлялъ попеченіе о добродѣтели, какъ и о внѣшнихъ интересахъ (De Republ. I, 25. De Legg. II, 5) У послѣдователей естественнаго права государство ограничивается наоборотъ лишь частно правовыми интересами, только одни при этомъ думаютъ больше о строгой формѣ права, другіе же о болѣе слабой формѣ попеченія объ общемъ благѣ со стороны правительственной власти въ государствѣ. Въ такомъ случаѣ государство служитъ у Пуффендорфа или Гоббеса цѣлямъ общаго міра и безопасности, у Локка цѣлямъ защиты собственности, увеличенія національнаго благосостоянія, улучшенія жизни и цѣлямъ земледѣлія и увеличенія населенія—по мнѣнію другихъ. Почти также смотритъ Кантъ, считая государство соединеніемъ массы людей, подчиненныхъ правовымъ законамъ (метафизическія основы ученія о правѣ § 45) или Фихте, который цѣлью государства считаетъ взаимное обезпеченіе правъ всѣхъ людей (Естественное право § 16), потому что и они, думая о правѣ, имѣютъ въ виду только частные интересы, обезпечиваемые принудительнымъ путемъ. Однако особенная заслуга Канта состоитъ въ томъ, что подъ государственной дѣятельностью онъ разумѣетъ только защиту формально развитого права и энергично отрицаетъ сомнительную форму отеческаго деспотизма, заботящагося по своему усмотрѣнію о благѣ своихъ подданныхъ. У Фихте во 2-мъ періодѣ его философіи происходитъ переходъ къ значительно иному взгляду на государство, по которому однако государство не выполняетъ всѣхъ высшихъ цѣлей человѣчества, какъ это думали Платонъ и Аристотель, но тѣмъ не менѣе онъ ставитъ его въ непосредственное отношеніе къ этимъ высшимъ цѣлямъ. Такому болѣе жизненному понятію о государствѣ, правда въ очень неопредѣленной и расплывчатой формѣ, положилъ начало еще Эдмундъ Бёркъ. По его мнѣнію, государство—не только общеніе въ предметахъ, служащихъ лишь грубому, матеріальному существованію кратко длящейся и преходящей природы, а союзъ для всѣхъ наукъ, искусствъ, всякой добродѣтели и совершенства, союзъ соединяющій не только живыхъ людей, но также умершихъ и будущихъ. Каждый государственный договоръ - лишь особая добавка къ вели-

кому первоначальному договору вѣчнаго мірового порядка соединяющаго низшія существа съ высшими, видимый міръ съ невидимымъ (Размышленія о французской революціи).

Съ большой ясностью и проницательностью въ понятіяхъ Фихте оцѣниваетъ право и государство, какъ условія для проявленія нравственности. Государство—надзиратель за нравственностью. Высшія отрасли культуры разума, правда, никогда не могутъ быть цѣлями государства; но оно должно создавать внѣшніе обычаи и нравственность и путемъ нравственнаго воспитанія, создаваемаго имъ, должно сдѣлаться вмѣстѣ со всѣмъ принужденіемъ излишнимъ. Шеллингъ въ неразработанныхъ, и лишь набросанныхъ указаніяхъ сдѣлалъ однако такъ много по вопросу о сущности государства, что послѣдующіе писатели остались подъ его вліяніемъ. По мнѣнію Шеллинга, государство не ограничивается преслѣдованіемъ отдѣльныхъ внѣшнихъ цѣлей, оно вообще не что либо искусственно установленное или преднамѣренное, не является средствомъ или чѣмъ нибудь условнымъ и зависимымъ, а представляетъ внѣшній организмъ свободно достигнутой гармоніи необходимости и свободы, искусное произведеніе природы; содержаніе его состоитъ въ томъ, чтобы быть непосредственнымъ, видимымъ изображеніемъ абсолютной жизни и такимъ образомъ выполнять всѣ задачи (Чтеніе о методѣ академическаго преподаванія 10-е чт.) Съ подобнымъ же преувеличеніемъ развиваетъ Гегель идею государства, какъ чего то самого по себѣ разумнаго и признаетъ систему права царствомъ осуществленной свободы, міромъ духа, вытекающимъ изъ самаго духа; государство, поэтому, для него—божественная воля, сущій духъ развившійся до дѣйствительной формы и организаціи, воплощеніе нравственной идеи, нравственный духъ, видимая и сама по себя ясная субстанціональная воля, мыслящая и познающая себя и выполняющая то, что знаетъ, и по скольку знаетъ. Приписывать государству что либо еще большее во всякомъ случаѣ уже невозможно. Еще болѣе теологизирующее направленіе поставило государство въ большую связь съ божественнымъ откровеніемъ. Особенно

Шталь разсматриваетъ государство съ точки зрѣнія нравственнаго царства какъ возвысившійся надъ людьми, авторитетъ, имѣющій назначеніе способствовать всей жизни народа и исполненію божескихъ заповѣдей (филос. права II, 2, § 1) Высшей цѣлію государства являются право и справедливость, какъ порядокъ жизни народа для поддержанія божественнаго мірового порядка, въ особенности 10 заповѣдей. Въ его дѣятельность входитъ вся совокупность человѣческой общественной жизни, поскольку дѣло касается внѣшняго порядка и косвеннаго попеченія о цѣляхъ общественной жизни; напротивъ, внутренняя, нравственная жизнь человѣка лежитъ внѣ его компетенціи.

9. Относительно правильности или неправильности этихъ взглядовъ на государство можно быть различнаго мнѣнія. Это нисколько не измѣняетъ положенія, что всякая государственная дѣятельность вытекаетъ изъ образованія и защиты права. Все, что государство проводитъ, принимаетъ, именно, благодаря этому характеръ права, и государство ничего не можетъ сдѣлать, не сообщивъ этому правового характера. Такимъ образомъ государство, какъ таковое, институтъ права. Совершенно въ другомъ, болѣе образномъ значеніи, употребляютъ слово право, когда къ государству предъявляютъ, требованіе, что оно должно быть *правовымъ государствомъ*. Гнейстъ замѣчаетъ, что Робертъ-фонъ-Моль пустилъ въ ходъ слово, именно, въ этомъ смыслѣ (R. v. Mohl: Geschichte und Litteratur der Staatswiss. 1 297). Въ такомъ употребленіи слова правовое государство—такое государство, которое побѣдоносно поддерживаетъ прочное зданіе формально вполнѣ развившагося частнаго и публичнаго права, утвержденнаго въ гармоніи съ правовымъ сознаніемъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей противъ постоянно вторгающихся своекорыстныхъ общественныхъ интересовъ, и которое, чтобы сдѣлать это для себя возможнымъ, выработало съ высшимъ совершенствомъ соотвѣтственные институты. Такимъ образомъ полной противоположностью правового государства является такое, высшая власть котораго какимъ либо образомъ служитъ общественнымъ интересамъ отдѣльныхъ классовъ и ихъ корыстнымъ цѣлямъ, отчасти потому, что равное для всѣхъ право не достаточно

разработанно, отчасти потому, что существующіе институты не вполнѣ удовлетворительны для того, чтобы воспрепятствовать преобладанію интересовъ надъ равнымъ, неизмѣннымъ, справедливымъ правомъ (Ср. О. Бэръ: Правовое государство 1864; въ особенности Р. Гнейстъ: Правовое государство изд. 1878). Правовое государство въ такомъ смыслѣ идеалъ достижимый; оно обозначаетъ государство, имѣющее цѣлью высшее формальное и матеріальное развитіе какъ публичнаго такъ и частнаго права. Такая цѣль, конечно, въ высшей степени достойна стремленія къ ея достиженію. Но такъ какъ мы говоримъ о правѣ въ менѣе широкомъ значеніи, то для насъ государство, создающее право, не отдаленный идеалъ, а съ самаго начала существующая дѣйствительность. Потому мы считаемъ правомъ не только совершенно развитое, но и несовершенно, насколько оно какъ положительное правило имѣетъ силу въ государствѣ, не только длящееся и постоянное опредѣленіе, но также и рѣшеніе, произнесенное въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ компетентнымъ учрежденіемъ по порученію высшей власти, насколько это рѣшеніе является окончательнымъ и для приведенія его въ исполненіе имѣется физическая сила въ государствѣ. Но если право обозначаетъ вообще только положительное опредѣленіе государства, хотя, правда, въ самомъ широкомъ объемѣ, то, очевидно, что каждое государство является правовымъ государствомъ и въ этомъ для него нѣтъ ничего новаго, привходящаго, но необходимо содержится уже въ самомъ его понятіи. Но термину правовое государство слѣдуетъ оставить то значеніе, которое укоренилось за нимъ въ наукѣ.

Исторія философіи права.

Исторію философіи права нельзя въ общемъ отдѣлить отъ исторіи этики, такъ какъ до послѣдняго времени различіе права и остальныхъ областей этики еще не выяснено или, по крайней мѣрѣ, ясно не выражено. Систематическое мышленіе объ этическихъ предметахъ появляется сперва у Грековъ и, именно, со времени Сократа, и берущихъ отъ него начало философскихъ школъ. Первая эпоха философіи права начинается здѣсь и кончается вмѣстѣ съ греческой философіей. Предметомъ мышленія въ эту эпоху служитъ, именно, справедливость и то, какъ она выражается въ государствѣ, государственныхъ формахъ и публичномъ правѣ. Въ этикѣ какъ и въ философіи права съ самаго начала образуются два направленія, идеалистическое и сенсуалистическое. Идеалистическое направленіе этики досттигло въ философіи Платона и Аристотеля впервые своего высшаго выраженія; отраженіемъ его была этика стоической школы. Сенсуалистическое направленіе выразилось въ философіи Эпикура и въ отношеніи основныхъ воззрѣній на этическіе вопросы существенно не отличается отъ такого же направленія въ настоящее время.

Вторая эпоха философіи права длится отъ конца древнихъ вѣковъ до Канта. Въ ней должно различать періодъ среднихъ вѣковъ, возрожденіе и время рѣшительнаго господства доктрины Естественнаго права, отъ Гроція до Канта.

Средніе вѣка никогда не имѣли самостоятельной философіи права. Болѣе всего занимались въ это время взаимнымъ отношеніемъ государства и церкви, духовной и свѣтской власти; разсуждали о правовомъ отношеніи властвующаго къ подданнымъ, Императора къ другимъ

правителямъ, и все это преимущественно съ точки зрѣнія богословско-догматической и подъ вліяніемъ традиціонныхъ воззрѣній классической древности, при чемъ не исходили изъ конечныхъ началъ, но ограничивались предположеніемъ естественнаго права и служеніемъ практическимъ интересамъ. Заслуга болѣе самостоятельной разработки ученія Аристотеля и въ этой области принадлежитъ Ѳомѣ Аквинскому. Нѣсколько самостоятельнѣе развивалось ученіе о государствѣ и государственной власти въ періодъ возрожденія и реформаціи; ученіе о суверенитетѣ и происхожденіи государства получили въ то время болѣе прочныя формы. Зачатки новыхъ ученій впервые встрѣчаются у Гуго Гроція, сдѣлавшаго первую, но, конечно, еще безпомощную попытку достигнуть всеобщаго познанія права путемъ чистаго мышленія. У примыкающей къ Гроцію школы учителей естественнаго права характерны четыре черты: 1. Они сдѣлали попытку обосновать философски не только публичное право, но и частное право и смотрѣли на первое какъ на средство и условіе осуществленія частнаго права;

2. Болѣе серьезно стремились отдѣлить право, какъ особую форму этики, отъ морали;

3. Находили основанія права въ отдѣльныхъ внѣшнихъ полезностяхъ и прирожденныхъ влеченіяхъ человѣческой природы;

4 Примыкая къ обычному со времени среднихъ вѣковъ воззрѣнію, единственно истиннымъ правомъ и абсолютнымъ требованіемъ для всѣхъ человѣческихъ отношеній признавали обнаруженное путемъ размышленія естественное право.

Третій періодъ исторіи философіи права начинается съ Канта, который впервые вновь въ общей системѣ философіи по образцу школы Сократа основывалъ право не на отдѣльныхъ полезностяхъ или влеченіяхъ, но на неизмѣнныхъ основаніяхъ практическаго разума и строго отдѣлялъ право отъ морали.

Въ школѣ Канта образовалось при послѣдовательномъ развитіи ея и подъ вліяніемъ идей Монтескье, Гердера и Бёрка, историческое воззрѣніе на право, по которому право отлично отъ справедливости и осуществляется лишь

въ видѣ пололожительнаго права, но это положительное право является органическимъ выраженіемъ народнаго духа, и въ всемірно-историческомъ процессѣ правообразованія разныхъ народовъ идея справедливости осуществляется все болѣе совершеннымъ образомъ

1. Греческій періодъ—классическій и въ области философіи права; всѣ проблемы и попытки ихъ разрѣшенія появляются здѣсь въ ихъ простѣйшей естественнѣйшей и самой непосредственной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собой концентрированное извлеченіе изъ общей исторіи человѣческой мысли. Поэтому мы будемъ подробнѣе излагать греческую философію и болѣе кратко послѣдующую.

Поводомъ къ появленію у Грековъ собственной этической философіи было ослабленіе прежней наивной и непосредственной преданности національнымъ нравамъ и правовоззрѣнію, вызванное просвѣщеніемъ общественной мысли и субъективнымъ анализомъ,—процессъ, наиболѣе ярко отразившійся въ ученіяхъ софистовъ. Софисты сами еще не создали никакой философіи права, но они расшатали спокойную вѣру въ обязательную силу правовыхъ и нравственныхъ началъ. Средствомъ для этого служили у нихъ ссылки на различіе субъективныхъ мнѣній, для которыхъ нѣтъ никакого мѣрила истины, на неустранимое разнообразіе чувственныхъ воспріятій. Такимъ образомъ они впервые высказали рядъ мыслей, которыя съ тѣхъ поръ постоянно повторяются и которыя лучше всего можно охарактеризовать, именно, здѣсь при ихъ первомъ появленія.

Въ основѣ воззрѣній софистовъ на право лежитъ то, что можно назвать ихъ теоріей познанія—склонность къ сенсуалистическому субъективизму. Такъ какъ они не видѣли никакихъ общихъ началъ въ разнообразіи человѣческихъ мнѣній и совершенно отдѣляли сознаніе индивидума отъ сознанія всѣхъ другихъ, то высшей инстанціей для нихъ въ области теоретической было ощущеніе и мнѣніе индивидума, а въ практической области его влеченіе и желаніе.

По этому они признавали отсутствіе законовъ и войну всѣхъ противъ всѣхъ естественнымъ состояніемъ лю-

дей, а государство съ его законами объявляли противуестественнымъ. Именно, они указывали, что въ то время какъ согласно съ природой, чтобы каждый жилъ по своему усмотрѣнію, чтобы въ спорѣ рѣшала сила и лишь предѣлы силы признавались предѣлами произвола, государство стремится посредствомъ общей для всѣхъ нормы сгладить естественное различіе сильныхъ и слабыхъ и естественное преимущество сильнаго (Калликлъ). Оправданіе государства можетъ быть найдено лишь въ томъ случаѣ, если сильный находитъ въ немъ средство увеличить свою мощь и обезпечить удовлетвореніе своихъ желаній, но это бываетъ лишь тогда, когда сильный властвуетъ и закономъ считается то, что соотвѣтствуетъ выгодѣ властвующаго (Ѳразимахъ) Быть въ состояніи по желанію вредить другому, не боясь возмездія, является самымъ желаннымъ положеніемъ для сильнаго и онъ достигаетъ его, если онъ получаетъ въ свое распоряженіе всю силу и законы государства (Полосъ). Такимъ образомъ воззрѣніе софистовъ возвеличиваетъ деспотію въ азіятскомъ духѣ. Греческое закономѣрное государство не удовлетворяетъ субъективизму мысли, такъ какъ законъ представляетъ собой нѣчто общее, а общее не признается этимъ субъективизмомъ и въ то время какъ софистическая мысль разлагаетъ греческое государство, она противопоставляетъ идеализму послѣдняго свою идею варварскаго одичанія, какъ высшую, подобно тому какъ у насъ сенсуалистически утилитарный соціализмъ предпочитаетъ хозяйственному строю культурнаго міра варварство коммунистическаго хозяйства.

Характерная черта софистическаго воззрѣнія состоитъ въ отрицаніи всеобщаго и общеобязательнаго Отрицаніе объективно справедливаго основано на отрицаніи объективно истиннаго, но, именно, поэтому и было невозможно связное изслѣдованіе правовыхъ понятій на основѣ такого воззрѣнія. Протагоръ, назвавшій, какъ извѣстно, человѣка—мѣрой всѣхъ вещей, считалъ справедливымъ и истиннымъ всякое мнѣніе, такъ какъ каждое мнѣніе для него было одинаково истиннымъ. Горгій признавалъ всякое мнѣніе ложнымъ, по крайней мѣрѣ недалекъ былъ отъ вывода, что единственно вѣрнымъ при-

знакомъ практическаго поведенія является удовлетвореніе желаній; ученики его и извлекли этотъ выводъ изъ его ученій.

Во всякомъ случаѣ, это не мѣшало софистамъ примкнуть въ частностяхъ къ господствующему воззрѣнію. Протагоръ написалъ сочиненіе о государствѣ и Платонъ даже заимствовалъ у него кое-что .(Діалогъ Лаерція IX, 55; III, 57) Горгій отклонилъ отъ себя званіе учителя добродѣтели. Но онъ училъ съ большимъ искусствомъ, какъ различна добродѣтель мужчины и женщины, мальчика и старика, свободнаго и раба, какъ для каждой задачи, положенія, возраста, существуетъ особая добродѣтель. Нельзя считать вполнѣ непослѣдовательнымъ обѣщаніе софистовъ, именно, дать спеціальное руководство къ добродѣтели, даже если бы они въ ἀρετή видѣли лишь одну практическую способность, которую они, во всякомъ случаѣ, имѣли въ виду. Разъ въ произволѣ заключается практическій принципъ и границы произвола сводятся, по ихъ мнѣнію, къ фактическому предѣлу силы, то прежде всего надлежитъ сдѣлать человѣка сильнымъ. Но главнѣйшій элементъ силы заключается въ превосходствѣ разума, и софисты поэтому учили прежде всего краснорѣчію.

Даже добродѣтель въ собственномъ смыслѣ слова, самообладаніе, щедрость, храбрость, являются также элементомъ силы, поэтому нельзя считать удивительнымъ въ ученіи софистовъ, если нѣкоторые изъ нихъ, какъ Продикъ, цѣнили чувство права и нравственное чувство и порицали распущенность нравовъ, но если сильный добродѣтеленъ, то желаніе сильнаго, замѣняющее право, направлено къ истинной и постоянной пользѣ сильнаго, и эта истинная польза весьма сходна съ тѣмъ, что съ иной точки зрѣнія называется добромъ. И такъ даже тотъ, кто признаетъ основнымъ началомъ не разумность факта но случайное усмотрѣніе, вынужденъ въ силу послѣдовательности мысли признавать какую-либо общую норму праваго.

То же противорѣчіе встрѣчается еще и въ другихъ положеніяхъ софистовъ. Положеніе софистовъ гласитъ: по природѣ нѣтъ ничего не справедливаго; каждая постоян-

ная объективная норма, имѣющая цѣлью ограничить усмотрѣніе, основана на произволѣ и справедливо можетъ быть отвергнута сильнымъ, такъ какъ нѣтъ никакого разумнаго основанія, чтобы сильный отраничивалъ себя въ удовлетвореніи своихъ желаній. Но скорѣе это означаетъ: существуетъ по природѣ справедливое и, именно, чтобы каждый слѣдовалъ своему усмотрѣнію, поскольку онъ силенъ для этого; существуетъ объективно разумная норма, именно та, что единственная фактическая граница усмотрѣнія—сила—является также и единственно правомѣрной границей. Такъ выражаются софисты. Они хотятъ упразднить право, а хотятъ учить праву произвола лица, обладающаго силой или, выражаясь неточно, праву силы; разумный законъ состоитъ въ томъ, чтобы этотъ разумный законъ не дѣйствовалъ. Это воззрѣніе находится въ постоянномъ внутреннемъ противорѣчіи, т. е. отрицаетъ то, что устанавливаетъ, и устанавливаетъ то, что отрицаетъ.

Всеобщее и необходимое существуетъ всегда лишь въ силу разума и для него. Кто не допускаетъ всеобщаго разумнаго въ познаніи, для того не можетъ быть ничего разумнаго и въ поведеніи, и только путемъ непослѣдовательности можетъ онъ признать что-либо всеобщимъ въ области фантазіи, прекраснаго и въ произведеніяхъ искусства. По этому различіе въ логическихъ основахъ воззрѣній обусловливаетъ и различіе направленій въ этикѣ вообще и философіи права въ частности. Тѣ, которые, ищутъ познанія истины, находятъ ее въ идеяхъ разума, и, благодаря лишь имъ вѣдь возможенъ и самый опытъ, всегда будутъ признавать также объективныя и безусловно вѣрныя идеальныя нормы поведенія и находить основу ихъ въ практическомъ разумѣ. Напротивъ тѣ, которые видятъ въ чувственномъ воспріятіи послѣдній критерій и во внѣшнемъ опытѣ единственно надежный матеріалъ для всегда относительной увѣренности, всегда будутъ отрицать также способность и назначеніе человѣка къ практической разумности и всеобщую норму замѣнять относительной пользой сообразно съ естественнымъ влеченіемъ и желаніемъ человѣка и безконечнымъ случайностями его внѣшнихъ отношеній и потому всегда призна-

вать лишь извѣстный средній выводъ сообразнымъ съ нормой, особенно достойнымъ желанія. Какое изъ этихъ двухъ направленій заслуживаетъ сочувствія, ясно изъ простого разсужденія Идеалистическое направленіе знаетъ, что оно дѣлаетъ; сенсуалистическое — нѣтъ. Въ дѣйствительности же и послѣднее всегда ссылается на разумъ, который оно въ принципѣ изгоняетъ. Противники идейнаго познанія и друзья безъидейнаго опыта тѣмъ не менѣе постоянно размышляютъ при помощи идей, такъ какъ иначе они ничего не могли бы сказать. Они сами устанавливаютъ всеобщія нормы въ тоже же время, какъ ихъ отрицаютъ, хотя бы и такъ, что объявляютъ безправіе правомѣрнымъ и разумнымъ состояніемъ. Какъ бы тамъ ни было, но нѣчто, хотя бы случайное желаніе и его соединеніе съ силой, и они должны признавать разумнымъ основаніемъ и признавать право, хотя бы оно было основано на томъ, что не должно быть никакого права. Невозможно вѣдь отрѣшиться отъ разума разъ вообще мыслятъ и говорятъ. Даже кто отрицаетъ разумъ, объявляетъ все таки разумнымъ самое отрицаніе разума. Въ этомъ противорѣчіи и заключается неосновательность того направленія, которое его не можетъ избѣжать.

2. *Сократъ* Этимъ, именно, воспользовались Сократъ и его послѣдователи для опроверженія ученія софистовъ. Они нашли подходящее средство для побѣды надъ ошибочными субъективными мнѣніями софистовъ въ томъ, безъ чего вообще не существуетъ мышленія, въ понятіи о вѣчно себѣ тождественномъ, всеобщемъ и необходимомъ. У нихъ также сохранился духъ свободнаго критическаго отношенія къ правомѣрности традиціонно существующаго; но находя объективно справедливое въ отвлеченномъ познаніи, они признали его и въ практической жизни людей. Въ этомъ смыслѣ прежде всего Сократъ является основателемъ науки о нравственномъ. Цицеронъ образно говоритъ о Сократѣ, что онъ отвлекъ философію отъ небеснаго пространства и ввелъ ее въ города людей и даже въ ихъ домашнюю жизнь и заставилъ ее заняться жизнью и характеромъ людей, добромъ и зломъ. Tuscul. V, 4). Отвлеченнаго познанія Сократъ искалъ путемъ опредѣленія и индукціи и первый научилъ, искусному примѣне-

нію этихъ методовъ. Какъ въ объективномъ порядкѣ онъ видѣлъ возвышающееся надъ всякой случайностью субъектовъ вѣчное и абсолютное, такъ и въ человѣкѣ онъ признавалъ нѣчто божественное, пріобщающее его къ абсолютному разуму. (Xenoph Memorab. IV, 3, 14). Поэтому всякая норма жизненнаго поведенія имѣетъ отвлеченный характеръ, а благо, добродѣтель обладаетъ отвлеченной всеобщностью. Однако у Сократа это воззрѣніе, благодаря легко возможному смѣшенію понятій, превратилось въ сомнительное положеніе, что добродѣтель познаваема, что она заключается въ знаніи; никто, обладая знаніемъ, не можетъ поступать неправо. (Аристотель Ником. Этика III, 11; VI, 13; VII, 3. Xenoph. Memorab. III. 9, 4). Вѣрнымъ является не ученіе Сократа о добродѣтели, какъ знаніи, но его выводъ, что подобно тому, какъ существуетъ объективная, разумная законность въ управляемомъ мудростью и Провидѣніемъ внѣшнемъ мірѣ, такъ и человѣкъ, членъ этого закономѣрнаго міра долженъ подчиниться разумному порядку вещей, и въ этомъ заключается его добродѣтель (Xenoph. Memorab. I, 6, 9; II, 2, 6; III, 8; IV, 4, 20; 8, 6) Назначеніе человѣка состоитъ въ свободѣ мыслящаго духа; она достигается господствомъ надъ чувственностью (Тамъ же IV, 5, 6. Аристот. Ником. Этика VII, 3). Изъ этого слѣдуетъ далѣе, что государство и его законы основаны на природѣ человѣка и вещей, они являются не произвольнымъ изобрѣтеніемъ, но существенной, составной частью вѣчнаго мірового порядка, и что законъ государства связываетъ человѣка посредствомъ присущей ему какъ и человѣку разумности (тамъ же II. 1, 12; IV, 4, 5; 15). Законы эти частью неписанные и имѣютъ божественное происхожденіе и общеобязательный характеръ; частью являются опредѣленными законами даннаго государства. Повиноваться какъ тѣмъ, такъ и другимъ составляетъ высшую обязанность. Отъ закона зависитъ какъ благо всего цѣлаго, такъ и отдѣльнаго индивидума; справедливость есть законность (тамъ же IV, 4, 12; 15). Наилучшее господство то, которое осуществляется согласно съ законами (тамъ же IV, 6, 12). Эти именно идеи въ ихъ основныхъ элементахъ получили всемірно-историческое значеніе.

Но онѣ все еще представляли лишь начало, зерно, нуждавшееся въ дальнѣйшемъ развитіи. Сократъ самъ не былъ въ состояніи развить въ частностяхъ, согласно съ своимъ основнымъ воззрѣніемъ, разумное содержаніе объективной нормы для человѣческой воли; вмѣсто этого онъ постоянно обращаетъ вниманіе лишь на одну внѣшнюю полезность и цѣлесообразность

Платонъ. Основныя нравственныя воззрѣнія Платона. Заслуга Платона состоитъ въ томъ, что онъ вполнѣ развилъ принципы Сократа; именно по этой причинѣ платонизмъ въ исторіи развитія человѣческой мысли не представляетъ собой лишь одно изъ подобныхъ же явленій, но вѣчный типъ человѣческой мысли вообще. Исходная точка у него та же, что и у Сократа: самопознаніе чистаго мышленія въ присущей ему разумности, находящее себѣ выраженіе лишь въ строгой формѣ понятія. Путь къ всеобщему необходимому познанію истины ведетъ „отъ понятій къ понятіямъ черезъ понятія," не принимая во вниманіе чувственныхъ воспріятій. (Государство VI, 511, B).

Истинно сущее познается лишь путемъ отклоненія отъ призраковъ чувственности, философія есть, именно, такой подъемъ души изъ океана чувственныхъ воспріятій, причемъ все чуждое себѣ она отбрасываетъ подобно тому, какъ отбрасываетъ океанъ раковины, песокъ и водоросли. (Федонъ 64. Государство X, 611 Д). Истинно сущее — то, что служитъ собственно объектомъ мышленія и облекается въ форму представленія. Этимъ всегда себѣ равнымъ общимъ являются идеи, какъ прообразы, все же существующее частное, только отраженіе ихъ. Идеи постигаются лишь путемъ чистаго мышленія; во главѣ же идей стоитъ идея блага, подобно солнцу, порождающая жизнь и познаніе. Она—цѣль, основаніе и причина всѣхъ вещей, самъ Божественный разумъ. (Государство VI, 508; VII, 517, B). Этотъ Божественный разумъ присущъ человѣку, нравственная задача котораго состоитъ въ освобожденіи разума отъ области чувственнаго и доставленіи ему полнаго господства въ самомъ человѣкѣ (Федонъ 66 слѣд). Быть свободнымъ — значитъ по-

виноваться разуму. Если душа находится въ такомъ повиновеніи, требуемомъ ея разумной сущностью, она здорова, и это здоровье въ то же время истинное счастье (Государство I, 353, Горгій 504). Добро именно то, что соотвѣтствуетъ разумному существу души; она носитъ форму идеи, разумной всеобщности, и поэтому истинная добродѣтель представляетъ собой не внѣшнюю только привычку, безпринципную и скоропреходящую, подверженную ошибкамъ и зависящую отъ внѣшнихъ соображеній, но покоится на знаніи (Менонъ 99; Государство VII, 534). Вотъ высшій принципъ этого воззрѣнія: подобно тому, какъ въ познаніи существуетъ исключительно одно объективно всеобщее, точно также въ поступкахъ существуетъ исключительно одна объективная разумность.

Исходя изъ этого принципа, Платонъ опровергаетъ софистическое обоснованіе справедливости на прихотяхъ силы. По своей разумной природѣ человѣкъ ничего иного не можетъ желать, кромѣ объективнаго блага; только въ благѣ онъ можетъ найти удовлетвореніе (Горгій, 467 сл.). Истиннымъ зломъ является только несправедливость; она болѣзнь души, потому что тогда состояніе души противорѣчитъ ея существу. Цѣлью человѣка должно быть не удовлетвореніе прихотей, не состояніе довольства, такъ какъ все это несущественно, случайно, совершающееся и преходящее, не имѣетъ бытія, въ то время какъ существо, призванное къ разуму, можетъ найти удовлетвореніе лишь въ бытіи, въ вѣчномъ (Филебъ 53 слѣд.). Основаніе права такимъ образомъ не можетъ корениться въ силѣ уже по одному тому, что множество всегда могущественнѣе одного, который слѣдовательно долженъ былъ бы подчиниться усмотрѣнію большинства; истинная же власть состоитъ не въ удовлетвореніи прихотей, но въ господствѣ надъ ними, а преданность удовольствіямъ скорѣе означаетъ безсиліе (Горгій 488, 507 слѣд.). Право силы сдѣлало бы кромѣ того невозможнымъ всякое общеніе жизни; такъ какъ только благодаря закону разумной всеобщности, благодаря порядку, существуетъ міръ (Государство I, 351).

Поэтому справедливый человѣкъ считаетъ величайшимъ зломъ несправедливость; онъ чтитъ законъ и право, составляющіе для души то, что гимнастика и медицина для тѣла; онъ съ радостью подвергается наказанію, которое является лекарствомъ для болѣзни души, между тѣмъ какъ увѣренность въ ненаказуемости правонарушенія была бы неминуемой гибелью для нея (Горгій 470 сл., 477 сл., 504 сл.). Ни пріятное, ни удовлетвореніе прихотей истинная цѣль человѣка,—а благо, законъ разума; не жизнь высшее благо, но выполненіе жизненнаго долга (тамъ же 512 Критонъ 47). Истинное счастье состоитъ въ здоровьи, въ силѣ, красотѣ души, въ гармоніи и благоустройствѣ внутренней жизни. По этому справедливый и не стремится къ внѣшней земной славѣ, которая сама по себѣ не имѣетъ цѣны; истинная слава состоитъ въ томъ, чтобы предстать предъ вѣчнымъ судьей съ здоровой душой (Горгій 526).

Ученіе Платона о государствѣ. Платонъ не пытался опредѣлить отличительный характеръ государства и его законовъ въ области этики. Для него государство является скорѣе носителемъ всей нравственной жизни и государственный законъ не различается отъ нравственнаго. Задача государства состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать гражданъ добродѣтельными; поэтому политика—высшее изъ всѣхъ искусствъ. (Горгій 464, Государство VII. 490 сл.). Однако понятіе о субъективности совѣсти развито у Платона уже настолько, что вопросъ объ отношеніи доброй воли къ положительному закону составляетъ задачу изслѣдованія. Въ діалогѣ „Критонъ“ говорится, что законъ въ отношеніи къ интересамъ отдѣльнаго лица имѣетъ абсолютно обязательную силу, если только не привходитъ вопросъ о болѣе высокой нравственной обязанности; что сопротивленіе закону, даже несправедливому, было бы неблагодарностью и нарушеніемъ договора; что тотъ, кто нарушаетъ законы, врагъ людей и боговъ, потому что законы отдѣльнаго государства родственны вѣчнымъ божественнымъ законамъ (49 сл.). Наоборотъ въ Апологіи, гдѣ наказанію, угрожаемому закономъ, противопоставляется не интересъ, а нравственное чувство—выдвигается нравственная необходимость во имя совѣсти

нести наказаніе и въ выполненіи указаннаго Богомъ призванія повиноваться больше Богу, чѣмъ людямъ (29 сл.) Впрочемъ, Платонъ не проводитъ различія между формальнымъ правомъ и матеріальной справедливостью, ни между нравственностью и правомъ. Для него ясно только, что законы составляютъ условіе всего человѣческаго. Люди должны имѣть законы и жить по законамъ, въ противномъ случаѣ они ничѣмъ не будутъ отличаться отъ самихъ дикихъ животныхъ; источникомъ закона является Богъ и природа, содержаніемъ его—разумъ (Законы. IX 874; X 889). Справедливое Платонъ опредѣляетъ какъ равное и, не изслѣдуя подробно этого понятія, проводитъ аналогію между нимъ и математической закономѣрностью, разумно организующей небо и землю, весь міръ вообще (Горгій 508). Государство по его мнѣнію,—человѣкъ въ большомъ размѣрѣ и, желая изслѣдовать сущность справедливаго, Платонъ направляетъ свой взоръ на формы государства, потому что здѣсь вслѣдствіе величія отношеній справедливое и несправедливое познается легче, чѣмъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. (Государство II, 368). Человѣкъ совершенно поглощается государствомъ. «Вы сами, созданіе дня, не принадлежите себѣ, еще меньше принадлежитъ Вамъ Ваше имущество. Вы и ваше имущество принадлежите всему роду, тому, что было до васъ и тому, что будетъ послѣ васъ, весь же родъ, вмѣстѣ со всѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ, принадлежитъ государству». (Законы XI, 923). Господство въ государствѣ принадлежитъ мудрому, тому, кто больше всего освѣдомленъ въ добромъ и справедливомъ, царственному мужу, духъ котораго чистѣйшее осуществленіе идеи, а если бы истиннаго правителя можно было бы такъ же вѣрно различить по тѣлу и душѣ, какъ королеву пчелъ, то его правленіе было бы несомнѣнно самымъ лучшимъ. Но такъ какъ это невозможно, то нужно довольствоваться такимъ государствомъ, въ которомъ управляютъ законы, хотя они имѣютъ тотъ недостатокъ что вслѣдствіе своей неподвижности, безжизненности какъ постоянныя нормы не подходятъ къ безконечному разнообразію отдѣльныхъ случаевъ и одинаково нормируютъ неодинаковое. Во

всякомъ случаѣ, государство законовъ несравненно предпочтительнѣе того, гдѣ рѣшающее значеніе имѣетъ произволъ, будь то произволъ отдѣльныхъ лицъ или одного человѣка. (слѣд. 294 Политика 301). Въ идеальномъ государствѣ, которое Платонъ воздвигаетъ въ своей Политикѣ, онъ, дѣйствительно, вручаетъ власть мудрецамъ, получающимъ особое воспитаніе и обрѣтающимъ въ занятіяхъ наукой и государственными дѣлами свое единственное призваніе. За то у нихъ нѣтъ ни семьи, ни собственности и для управляемыхъ остается лишь частная жизнь безъ какого бы то ни было участія въ общественныхъ дѣлахъ Построенное на такомъ основаніи государство — справедливое государство. На землѣ его нельзя найти; но его прообразъ могутъ видѣть въ небесахъ тѣ, кто имѣетъ для этого глаза. Реализація такого государства есть условіе для уничтоженія зла, подъ игомъ котораго стонутъ люди. «Пока философы не будутъ царями или существующіе правители и цари — основательно философствовать; пока власть въ государствѣ и любовь къ наукѣ не будутъ нераздѣльно связаны, и не будутъ устранены отъ всякаго участія въ управленіи тѣ которые стремятся лишь къ одной, не имѣя въ виду другой: до тѣхъ поръ не будетъ спасенія отъ золъ какъ государству, такъ и человѣческому роду". (Государство V, 473). Но такое государство могло бы существовать лишь у боговъ или ихъ сыновъ. Поэтому по мнѣнію Платона, слѣдуетъ удовлетвориться лишь относительно лучшимъ государствомъ, которое онъ и пытался изобразить подъ конецъ своей жизни онъ въ сочиненіи «О законахъ». Въ этомъ государствѣ хорошіе законы должны замѣнять философскій геній правителя, но законы должны сообразоваться съ особенностями страны и народа (Законы V, 747).

У Платона впервые въ исторіи мы встрѣчаемъ съ бо́льшей послѣдовательностью развитое ученіе о государствѣ и публичномъ правѣ. Характернымъ для Платона является чисто античное воззрѣніе, что индивидуумъ стоитъ въ полномъ подчиненіи къ общему. Личность не уважается, самостоятельной сферы частнаго права не существуетъ. Поскольку вообще допускается собственность и обмѣнъ, это происходитъ исключительно въ интересахъ

государства, при которыхъ отдѣльная личность съ ея счастьемъ и склонностями не принимается въ разсчетъ. На измѣнчивыя историческія условія Платонъ вниманія не обращаетъ Онъ рисуетъ всеобщій прототипъ государства, построеннаго на идеѣ справедливости, подобно тому, какъ опредѣляетъ идеалъ знанія безъ идеи историческаго развитія. Правящихъ и управляемыхъ раздѣляетъ такая же стѣна, какая отдѣляетъ знаніе отъ невѣжественныхъ представленій. Само знаніе имѣетъ однако своимъ предметомъ трансцедентное вѣчное, состоящее къ міру чувственному исключительно въ отрицательномъ отношеніи. Какая несомнѣнная аналогія вытекаетъ изъ всего этого между идеальнымъ государствомъ Платона и іерархическимъ зданіемъ римской церкви, это талантливо доказалъ Е. Целлеръ въ своемъ трудѣ „Государство Платона въ его значеніи для послѣдующаго времени".

3. *Аристотель.* Этика и философія государства Платона получили во всѣхъ отношеніяхъ дальнѣйшую разработку у его великаго ученика – Аристотеля, давшаго полное и окончательное развитіе ученію Сократа. Аристотель держался того общаго положенія, что знаніе основывается на отвлеченномъ мышленіи; но онъ больше Платона наблюдалъ отдѣльныя явленія и факты, чтобы болѣе надежнымъ путемъ составить понятіе о нихъ. Отвлеченную сущность и конкретное проявленіе вещей онъ не признавалъ, подобно Платону, находящимися лишь во внѣшнемъ, отрицательномъ отношеніи другъ къ другу, а пытался установить ихъ внутреннюю связь. Понятіе, идея, имѣетъ творческую силу и запечатлѣвается въ предметахъ путемъ процесса образованія. Понятіе это форма, субстратъ которой составляетъ матерія; процессъ какъ имманентное матеріи цѣлесообразное движеніе исходитъ изъ формы и вновь приходитъ къ ней, какъ къ цѣли. Исходнымъ началомъ и цѣлью является божество, чистая форма, самопознающій разумъ. Процессъ проходитъ безконечное число ступеней, пока сопротивленіе матеріи не будетъ постепенно преодолѣно. Высшее существо земного міра — человѣкъ по своей сущности духъ, но еще находящійся подъ властью природы; назначеніемъ человѣка является развитіе его разумныхъ свойствъ въ познаніи

и желаніи и достиженіе этой цѣли составляетъ его счастье. Какъ познаніе постепенно развивается изъ чувственнаго воспріятія черезъ представленіе и воспоминаніе, такъ разумное желаніе развивается изъ инстинкта путемъ привычки, упражненія. Аристотеля интересуетъ какъ процессъ образованія вещей, такъ и процессъ ихъ познанія. Въ полную противоположность Платону онъ обращаетъ больше вниманія на многообразіе явленій и мнѣній; онъ съ неутомимымъ рвеніемъ собираетъ факты изъ всѣхъ сферъ жизни и въ каждомъ отдѣльномъ явленіи стремится найти творческую силу идеи. Наибольшее значеніе для насъ изъ сочиненій Аристотеля представляетъ; Никомахова этика (при чемъ Евдемическая этика представляетъ отчасти ея дальнѣйшую разработку, а Magna Moralia по своему существенному содержанію является извлеченіемъ изъ послѣдней съ слѣдами вліянія стоической философіи). Политика, которая или не была окончена или дошла до насъ лишь въ отрывкахъ: оба сочиненія принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ, которыя когда либо создавалъ человѣческій геній. Аристотель впервые изслѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ, входящихъ въ области этики, значительно и далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ въ ясности, исчерпывающимъ богатствомъ и внутреннимъ содержаніемъ своихъ воззрѣній; значеніе и цѣнность сдѣланнаго имъ не можетъ также сравняться ни съ чѣмъ послѣдующимъ.

Мы можемъ, именно, допустить, что нѣмецкая наука нашего столѣтія со времени обновленія научной мысли Кантомъ и работъ исторической школы права и философія Гегеля сдѣлала лишь постольку дальнѣйшій успѣхъ въ сравненіи съ ученіемъ Аристотеля, поскольку она восприняла его начала, дополнивъ и преобразовавъ ихъ въ одну цѣльную систему философскаго знанія Аристотель держится общихъ съ Сократомъ и Платономъ теоретическихъ основъ познанія, которыя, впрочемъ, онъ болѣе широко понимаетъ и основательнѣе разрабатываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляетъ съ ними убѣжденіе, что нравственное имѣетъ не только условное значеніе для отдѣльныхъ полезностей, но представляетъ безусловную и абсолютную цѣнность въ непосредственной связи съ высшимъ

благомъ. Разница между его взглядомъ на нравственность и взглядами его предшественниковъ состоитъ главнымъ образомъ только въ томъ, что онъ на общемъ съ ними основаніи построилъ и развилъ обширную систему ученія объ этикѣ. Ходъ его мыслей мы можемъ обрисовать лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ

Всякая человѣческая дѣятельность, учитъ Аристотель, имѣетъ цѣль; цѣли различныхъ дѣятельностей находятся между собой въ отношеніи взаимнаго превосходства и подчиненія и постепенный рядъ этихъ цѣлей оканчивается *высшей цѣлью*, ради которой стремятся ко всѣмъ остальнымъ, но которая служитъ сама по себѣ предметомъ стремленія Эта наивысшая изъ цѣлей— разумное совершенство всѣхъ способностей и силъ человѣка—достигается господствомъ разума надъ чувственностью. Отъ этого совершенства нельзя отдѣлить его субъективнаго рефлекса, эвдомоніи, которою каждый человѣкъ обладаетъ въ такой степени, въ какой свойственны ему добродѣтель и благоразуміе, опредѣляющія его дѣятельность. (Этика Ником. I). Добродѣтель, какъ постоянное, соотвѣтственное разуму, свойство, не дается намъ отъ природы; отъ природы дается намъ лишь способность къ добродѣтели, которая укрѣпляется привычкой и обращается въ характеръ, дѣлающійся какъ бы второй природой человѣка, въ силу котораго добро творится лишь ради добра. Знаніе добродѣтели не достаточно и оказываетъ лишь незначительное вліяніе на нравственную жизнь (Тамъ же II, 1; 3—6) Добро и зло коренятся скорѣе въ волѣ, а воля свободна. Человѣкъ и только человѣкъ является основой своихъ дѣйствій, отвѣтственъ за свое поведеніе, отвѣтственъ не только за то, что онъ совершилъ, но за представленія, побужденія и мотивы, которые онъ въ себѣ питаетъ, за весь свой нравственный складъ (Тамъ же III, 7) Естественное свойство, какъ таковое, не заслуживаетъ ни похвалы, ни порицанія; для нравственной оцѣнки важно лишь только, что человѣкъ самъ изъ себя сдѣлалъ. Но для того, чтобы сдѣлать себя нравственнымъ, человѣку нужна привычка и вмѣстѣ съ тѣмъ помощь и руководство извнѣ. (Тамъ-же II, 4; IV, 15; VII, 1; 9).

Это руководство ему доставляется прежде всего *государствомъ*; государство воспитываетъ человѣка для добродѣтели (Тамъ же X, 10). По этому политика есть высшее искуство, цѣль ея—все человѣческое благо, какъ таковое. Политика должна дѣлать гражданъ добродѣтельными, способными на все доброе; поэтому она обнимаетъ собою всѣ человѣческія цѣли, все нравственное, благое и прекрасное вообще. Государство регулируетъ дѣятельность своихъ гражданъ посредствомъ *законовъ*; задача закона состоитъ въ направленіи людей путемъ привычкикъ добру. Награда и наказаніе должны устранять наклонность ко злу и поддерживать влеченіе къ добру; потому что всѣ поступки нуждаются въ мотивахъ, а стремленіе къ добру и является мотивомъ нравственныхъ поступковъ (тамъ же III, 1; 7; II, 2; X, 10). Какъ сама добродѣтель, такъ и искусство законодательства состоитъ въ томъ, чтобы научить людей правильно относиться къ этимъ влеченіямъ и руководствоваться разумнымъ мотивомъ въ своихъ поступкахъ. Законъ имѣетъ поэтому двойное свойство; съ одной стороны, онъ исходитъ отъ разума, съ другой, имѣетъ принудительную силу; онъ равно необходимъ для всѣхъ возрастовъ жизни, такъ какъ управлять массой всегда скорѣе возможно путемъ принужденія чѣмъ путемъ воспитанія, скорѣе съ помощью угрозы, наказаніемъ, чѣмъ поддержаніемъ влеченія къ доброму. Законъ предписываетъ всѣ добродѣтели, а также мужество и самообладаніе и управляетъ всей нравственной жизнью (Magna Moral I, 34). Если бы это возможно было осуществить, то всего лучше было бы государству взять на себя заботу обо всѣхъ нравственныхъ дѣятельностяхъ какъ это приблизительно и было у Лакедемонянъ. (Этика Ником. X. 10; II, 2; III, 1, 7), потому что не слѣдуетъ думать, что какой бы то ни было гражданинъ принадлежитъ самому себѣ; всѣ принадлежатъ государству (Пол. VIII, 1).

Содержаніе закона составляетъ справедливое.

Аристотель впервые поставилъ себѣ задачей обстоятельно выяснить понятіе справедливаго и съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ почти не поднимался не говоря уже о его дальнѣйшей разработкѣ. (Этика Ником. V) Справедливое находится въ непосредственной связи съ высшими зако-

нами мірового порядка вообще. Принципъ справедливаго составляетъ *равенство* въ его примѣненіи къ *благамъ*, составляющимъ предметъ желаній людей, и въ обладаніи которыми или лишеніи ихъ заключается внѣшнее счастье или несчастье; сюда относятся: самосохраненіе, имущество и честь. Справедливый масштабъ при распредѣленіи благъ по принципу равенства вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливаетъ совершенство и счастье государственнаго союза какъ въ его цѣломъ, такъ и въ частяхъ Что противорѣчитъ равенству, то противно природѣ и слѣдовательно и справедливому Требованіе равенства основывается на существенномъ равенствѣ соединившихся въ государство лицъ. Что имѣетъ силу для одного, то является обязательнымъ и для всѣхъ; каждый долженъ ограничивать свои стремленія ко благамъ соображеніями объ интересахъ всѣхъ остальныхъ лицъ Никто не можетъ произвольно вторгаться въ сферу владѣнія другого; если же такое посягательство совершилось, то справедливость требуетъ возстановленія порядка, существовавшаго до такого нарушенія. Равенство, составляющее понятіе о справедливомъ, частью, *прямое равечство*, которое господствуетъ при обмѣнѣ благъ, гдѣ каждый получаетъ обратно столько, сколько самъ отдаетъ; частью же это *равенство пропорціональное*, распредѣленіе благъ соотвѣтственно достоинствамъ лицъ. Прямое равенство, какъ уравнивающая справедливость (δικ ιον διορθοτικ ν) имѣетъ силу главнымъ образомъ въ области частно-правовыхъ отношеній, которыхъ Аристотель только въ этомъ мѣстѣ и касается. Для установленія такого равенства блага должны быть соизмѣримы по своему количеству и должна быть найдена ихъ цѣнность, которая обусловливается потребностью въ нихъ. Не предметы, а потребность подлежитъ измѣренію. Безъ обмѣна не существуетъ общежитія, безъ равенства не можетъ быть обмѣна, безъ измѣренія нѣтъ равенства. Поэтому и создали путемъ соглашенія деньги, какъ мѣрило цѣнности, посредствомъ котораго соразмѣряется подлежащее обмѣну. Деньгами измѣряется всякая цѣнность; поэтому деньги являются всеобщимъ посредникомъ всякаго обмѣна. Такъ какъ цѣнность денегъ обладаетъ относительнымъ постоянствомъ, то они обезпечи-

ваютъ и въ будущемъ возможность обмѣна; поэтому каждая цѣнность должна быть выражена въ деньгахъ, всякое имущество должно имѣть денежную цѣну, мѣновую стоимость Далѣе равенство пропорціональное является принципомъ справедливаго при распредѣленіи благъ, *распредѣляющей справедливостью* (δίκαιον διανεμητικόν); она имѣетъ мѣсто прежде всего тамъ, гдѣ блага должны быть распредѣлены между всѣми имѣющими притязаніе, а также при наказаніи; она основывается на томъ положеніи, что равнымъ должно быть удѣлено равное, а неравнымъ — неравное, но всѣ соизмѣряются по общему масштабу достоинства Особенно для наказанія имѣетъ значеніе то положеніе, что справедливое никогда не можетъ заключаться въ простомъ воздаяніи. Возмездіе должно осуществляться не по принципу отвлеченнаго равенства, а смотря по обстоятельствамъ, и этимъ держится государство; если бы не существовало возмездія за безправіе, то наступило бы рабство. Поэтому наказаніе служитъ въ то же время леченіемъ зла и воспитательнымъ средствомъ противъ злой воли. (Этика Ником. X, 2, 10. Реторика I, 10).

Справедливость основана на разумѣ и природѣ вещей. Законъ, какъ санкція справедливаго, является предписаніемъ разума и практическаго смысла, его характерное свойство — всеобщность и разумная форма. Законъ — чистый разумъ, свободный отъ чувственныхъ желаній; господство закона обозначаетъ, такимъ образомъ, господство божества и разума, тогда какъ къ господству человѣка всегда присоединяются чувственныя желанія и страсть. Господство закона поэтому лучшее господство и верховная власть лица должна только тогда служить дополненіемъ къ нему, когда законъ по своей природѣ недостаточенъ. Законы существуютъ только среди свободныхъ, а свобода только при законѣ. (Этика Ником. III, 15—16; V, 10; X, 10). Верховная власть служитъ охранительницей закона и наградой ея служитъ исключительная честь; если же она добивается большаго, то обращается въ тиранію. Тамъ, гдѣ идетъ споръ о правѣ, судья, какъ олицетворенная справедливость, произноситъ рѣшеніе. Какъ справедливость является серединой между крайностями избытка и недо-

статка, такъ и судья представляетъ собой искателя этой справедливой середины, является справедливымъ посредникомъ (тамъ же V, 7). При этомъ слѣдуетъ какъ можно больше предоставить закону и какъ можно меньше усмотрѣнію судьи. Потому что законодатель проницательнѣе и законъ болѣе зрѣло обдуманъ, чѣмъ отдѣльный приговоръ судьи. Законъ установляетъ общія, постоянныя формы; судъ и неродное собраніе подвергаются въ данномъ случаѣ игрѣ страстей и интересовъ (тамъ же II, 15, слѣд. Риторика I, 1). Изъ этихъ положеній, направленныхъ отчасти противъ Платона, видно, что Аристотель вѣрно уловилъ характеръ правового государства.

Существуетъ справедливое отъ природы и установленное положительное право. Справедливое отъ природы тоже измѣнчиво, неизмѣнно лишь у боговъ живущихъ всегда въ одномъ и томъ же постоянномъ состояніи; но существуетъ правда, какъ постоянная норма, непреложное требованіе, коренящееся отчасти въ разумной природѣ человѣка — съ одной стороны и въ постоянныхъ условіяхъ внѣшней природы — съ другой. Положительное право, напротивъ, справедливо только отчасти при извѣстныхъ каждый разъ условіяхъ, къ которымъ оно должно примѣняться, какъ общая для нихъ норма, право это же вытекаетъ каждый разъ изъ особой цѣли, которую ставитъ себѣ законодательство даннаго государства и потому можетъ быть и матеріально несправедливымъ. Если цѣлью законодательства является общее благо, совершенство цѣлаго и его частей, то законъ справедливъ, какъ конкретное осуществленіе справедливаго, и поэтому отъ природы существуетъ лишь одно государственное устройство вполнѣ удовлетворяющее идеальной нормѣ. Если же законодательство ставитъ другіе цѣли, интересы отдѣльныхъ лицъ и классовъ начинаютъ оказывать рѣшающее вліяніе и въ результатѣ возникаетъ право несоотвѣтствующее справедливости. По своему источнику право частью писанное, частью неписанное. Неписанное право обнимаетъ также нормы, представляющія собой справедливое отъ природы, но сюда относится также народный обычай, который еще могущественнѣе и дѣйствительнѣе писаннаго закона. Обязатель-

ность права ограничивается однимъ общественнымъ союзомъ или распространяется на многіе. (Этика Ником. V, 10; VIII, 15; X, 10. Реторика I, 10; 13—15).

Такъ какъ положительное право осуществляетъ правду (das Gerechte) лишь не совершенно, то въ качествѣ дополненія выступаетъ справедливость [1]) (das Billige). Справедливость есть сама правда и отличается не отъ нея, но отъ установленнаго права. По отношенію къ положительному закону справедливость представляетъ собой лучшее осуществленіе правды и, именно, въ двоякомъ отношеніи, отчасти потому, что она представляетъ собой лучшее право, чѣмъ положительно установленное, отчасти потому, что она лучше, чѣмъ вообще можетъ быть право.

Справедливость является во *первыхъ* лучшимъ правомъ тогда, когда, положительно установленное право случайно обнаружитъ свойственные ему слабыя стороны. Законодатель могъ что нибудь не предусмотрѣть, пропустить, ошибится въ выраженіи; тогда слѣдуетъ обратиться отъ буквальнаго смысла къ намѣренію закона и истинному мнѣнію законодателя; въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ рѣшить такъ, какъ рѣшилъ бы законодатель, если бы онъ былъ на лицо или такъ, какъ онъ опредѣлилъ, если бы предвидѣлъ данный случай. *Во вторыхъ* справедливость лучше чѣмъ правб вообще, такъ какъ она, отправляясь отъ установленнаго закона, стремится къ правдѣ. Законъ неизбѣжно отстаетъ отъ своего назначенія быть выраженіемъ правды, уже по той причинѣ что имѣетъ форму общей нормы. Именно, поэтому отъ закона ускользаетъ иногда опредѣленіе частностей и онъ, можетъ притязать лишь на среднее рѣшеніе вопроса. Вина здѣсь не на сторонѣ закона или законодателя, но коренится въ самой природѣ вещей и въ характерѣ практической жизни, это—существенный недостатокъ, присущій всякому положительному закону, какъ таковому.

---

[1]) Здѣсь справедливость понимается нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ выше у Аристотеля; именно, въ смыслѣ примѣненія началъ идеальной правды къ положительному закону. Примѣч. редак. перевода.

Въ сравненіи съ нимъ справедливость ближе къ неизмѣнной нормѣ правды, къ справедливому отъ природы, и тѣмъ исправляетъ недостатокъ положительнаго права; которое измѣнчиво и своимъ происхожденіемъ обязано установленію. (Этихъ никомак V, 14; Реторика I, 13, 15).

Какъ законъ самъ можетъ вполнѣ гармонировать или нѣсколько противорѣчить правдѣ, такъ справедливость въ качествѣ человѣческаго свойства имѣетъ двоякій характеръ. Справедливость обозначаетъ или готовность человѣка осуществлять объективную правду въ свободныхъ поступкахъ, или она обозначаетъ настроеніе и образъ дѣйствій, соотвѣтствующій положительному закону. Въ послѣднемъ смыслѣ она можетъ также обозначать лишь формальную законность тамъ, гдѣ существующій законъ не соотвѣтствуетъ нормѣ правды. При совершенномъ государственномъ устройствѣ законъ и нравственныя требованія совпадаютъ; здѣсь, слѣдовательно, матеріальная и формальная правда представляютъ одно и то же. Напротивъ, при несовершенномъ государственномъ устройствѣ, гдѣ абсолютная правда и приспособленные къ извѣстнымъ условіямъ законы расходятся между собой, законность (νομιμον) и матеріальная правда, выражающаяся въ равенствѣ, также различны между собой, а потому тутъ можетъ возникнуть также различіе между добродѣтелью и законностью (Ником. Этик. V, 1—3; 5; 9). Преслѣдованію буквы закона противопоставляется добродѣтель справедливости, состоящая въ томъ, чтобы не настаивать на своемъ строгомъ правѣ въ ущербъ другимъ. Впрочемъ, Аристотель употребляетъ одно и то же слово справедливость, то въ вышеуказанномъ болѣе узкомъ смыслѣ, то въ болѣе широкомъ. Въ ограниченномъ смыслѣ справедливость опредѣляетъ практическое поведеніе по отношенію къ другимъ людямъ по вопросу о внѣшнихъ благахъ; въ болѣе широкомъ смыслѣ подъ справедливостью подразумѣвается нравственность вообще, она включаетъ всѣ добродѣтели, даже тѣ, которыя человѣкъ сохраняетъ по отношенію къ самому себѣ. Точно разграничить нравственность отъ права Аристотелю не удалось уже вслѣдствіе его неустойчивой терминологіи.

Такая же двойственность присуща и несправедливости. Неправда противорѣчитъ или справедливому отъ природы или положительному закону. Съ особенной тщательностью развиваетъ Аристотель то положеніе, что добровольно никто не можетъ сносить неправды и никто не можетъ совершить ее по отношенію къ самому себѣ. Но такъ какъ Аристотель недостаточно строго разграничиваетъ право отъ нравственности, то прибавляетъ, что неправда по отношенію къ самому себѣ возможна въ переносномъ смыслѣ: именно, такъ какъ разумная часть души стоитъ въ такомъ же отношеніи къ неразумной, какъ господинъ къ подчиненному, то и въ этомъ случаѣ, въ одномъ лицѣ соединяются въ извѣстной степени двѣ воли, изъ которыхъ одна можетъ быть обижена другой. (Тамъ же V, 10, 15).

Какъ Аристотель основываетъ справедливость на разумной природѣ человѣка и на вѣчныхъ законахъ мірового порядка, такъ и государство, это высшее осуществленіе справедливаго, онъ выводитъ не изъ случайнаго усмотрѣнія или произвола, а изъ природы людей и вещей. Люди уже по естественному влеченію стремятся другъ къ другу, естественная симпатія притягиваетъ ихъ другъ къ другу. Человѣкъ созданъ для общественной жизни, для государства. Это доказывается способностью рѣчи, природной способностью различать добро отъ зла, правду отъ неправды (Ником. Этик. VIII; Пол. I; III, 6). Въ силу природы люди соединяются въ семейные союзы; они образуютъ общества для общей работы въ цѣляхъ добыванія жизненныхъ благъ; они основываютъ государства для достиженія не отдѣльныхъ цѣлей, а всѣхъ человѣческихъ цѣлей вообще, и не временно, а на долгій періодъ. Совмѣстная жизнь людей обусловливается отношеніемъ между властвующими и подчиненными. Въ семейныхъ союзахъ властвуютъ сначала старѣйшіе, затѣмъ слѣдуетъ образованіе общинъ, а послѣднія представляютъ переходную ступень къ государству. Государство представляетъ собой соединеніе многихъ общинъ въ одно совершенное цѣлое, имѣющее то, чего никогда не можетъ имѣть отдѣльная личность, а именно—достаточную силу для поддержанія себя и своихъ членовъ, автаркію. Государство вмѣстѣ

съ тѣмъ—совокупность гражданъ въ числѣ необходимомъ для независимой совмѣстной жизни, общеніе родовъ и селеній для жизни совершенной, самодовлѣющей. (Полит. III, 1; 10) Государство создалось отъ природы а не въ силу договора и существуетъ прежде индивидуума; это не мѣшало однако лучшимъ людямъ примѣнять свой умъ, способности, для его основанія и организаціи, вслѣдствіе чего человѣчество обязано имъ своими высшими благами. *Цѣлью государства является* совершенное и счастливое существованіе, проходящее въ добродѣтельной дѣятельности и соотвѣтственномъ внутреннемъ удовлетвореніи (Пол. I, 1 слѣд., III, 9; 10. VII, 8). Истинное государство, которое не по имени только таковое, должно ставить себѣ цѣлью прежде всего добродѣтель гражданъ; въ противномъ случаѣ это былъ бы лишь международный союзъ въ цѣляхъ оборонительныхъ и наступательныхъ. Люди вступили въ государственный союзъ не только для защиты частнаго права и собственности; не только для жизни, но ради всѣхъ человѣческихъ цѣлей вообще, не только для взаимной защиты и обмѣна благъ, но для взаимнаго нравственнаго воспитанія. Конечно, общественный союзъ, отъ природы предназначенный къ зависимости, не можетъ быть названъ государствомъ. Государство существуетъ для поддержанія мира и потому должно обладать властью и имуществомъ достаточнымъ для самозащиты въ случаѣ войны; оно должно быть могущественно и внушать страхъ для того, чтобы охранять свою самостоятельность. Но государство не предназначено исключительно или главнымъ образомъ для войны; это породило бы насиліе и властолюбіе и отучило бы гражданъ отъ умѣнія сохранять миръ. Главная задача состоитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать изъ гражданъ могучихъ воиновъ, а государству доставить побѣды, но въ томъ чтобы подготовить гражданъ къ миру и досугу Строить государство на войнѣ и завоеваніяхъ значитъ забывать о правѣ. Политика не есть искуство неограниченно властвовать, совершать несправедливое, дѣлать то, чего ради своихъ интересовъ не сдѣлали бы. Дѣятельность государства должна направляться не на внѣшнюю сторону, а на внутреннюю, на благо своихъ гражданъ. Поэтому

для своей самозащиты государство старается сообщить своимъ гражданамъ не только мужество и настойчивость, но также чувство справедливости, самообладаніе, научное образованіе, такъ какъ самая желательная жизнь для отдѣльной личности и для государства состоитъ въ одномъ и томъ же. Правда, подобно тому, какъ растенія предназначены для животныхъ, а животныя для людей, точно также низшія человѣческія расы предназначены для высшихъ, и если тѣ, которымъ отъ природы надлежитъ быть подчиненными другимъ, не захотятъ подчиняться, то по отношенію къ нимъ война является вполнѣ справедливой (Полит. II. 6; 7. III, 4; 9).

Въ противоположность Платону Аристотель признаетъ за сферой частныхъ отношеній людей полную самостоятельность въ отношеніи къ государству. Прежде всего *семья* основывается на установленной самой природой необходимости. Бракъ имѣетъ своимъ существеннымъ содержаніемъ не только продолженіе рода, но общность всѣхъ жизненныхъ цѣлей и взаимное дополненіе. Мужъ и жена а равно родители и дѣти одарены неравными способностями, а въ семьѣ, какъ въ государствѣ существуютъ естественныя отношенія господства и подчиненія Женщина по роду и степени отличается отъ мужчины, ея воля не самостоятельна, добродѣтель ея ограничивается обязанностями въ домашней сферѣ. Поэтому господствовать долженъ мужъ; но женѣ принадлежитъ особый, самостоятельный кругъ дѣятельности, такъ что ихъ общеніе подобно отношенію свободныхъ въ государствѣ, что и представляетъ собой родъ аристократіи. Рабское положеніе женщинъ служитъ признакомъ, что и мужчины стоятъ не выше. Наоборотъ, дѣти не имѣютъ никакихъ правъ по отношенію къ отцу, между тѣмъ какъ долгъ отца заботиться о благѣ своихъ дѣтей. Отношенія между отцомъ и сыномъ и сыномъ поэтому напоминаютъ монархію, отношенія же дѣтей между собой—тимократію (Ником. Этик. VIII, 14. Политик. I, 2; 5; 13 III, 4). Точно также государство оставляетъ свободной и сферу *хозяйственныхъ отношеній*. Государство есть единство многихъ равныхъ между собой лицъ для взаимнаго дополненія. Для истиннаго единства требуется единство различ-

ныхъ; эти различные должны обладать индивидуальной самостоятельностью, а потому и исключительною собственностью.

Частная собственность также коренится въ природѣ человѣка; она отвѣчаетъ какъ требованіямъ справедливости, такъ и цѣлесообразности. Любовь къ себѣ есть справедливое естественное чувство; только ея вырожденіе, эгоизмъ, является недостойнымъ. Въ состояніи имущественнаго коммунизма было бы совершенно невозможно жить по человѣчески. Только частная собственность дѣлаетъ возможной радость, проистекающую изъ владѣнія и пріобрѣтенія Если тутъ близокъ соблазнъ эгоизма, то съ другой стороны дается побужденіе къ добродѣтельной любви къ себѣ, возможность оказывать симпатію и поддержку другъ другу.

Поэтому частная собственность должна представлять правило, симпатія же преслѣдовать относительную общность благъ. Вездѣ съ исключительной принадлежностью исчезаетъ любовь. Человѣка влечетъ больше всего къ тому, что онъ называетъ своимъ и что ему дорого досталось. Объ общемъ заботятся съ меньшимъ интересомъ. Испорченность человѣка сказалась бы и при коммунистическомъ владѣніи, и даже въ еще большей степени. Не собственность является источникомъ большей части зла, а честолюбіе. Тираномъ становятся не для того, чтобы не мерзнуть. Только чернь видитъ главный центръ тяжести въ соціальныхъ вопросахъ владѣнія; для болѣе благородныхъ несравненно важнѣе почетъ и политическая власть. Страсть, для удовлетворенія которой живетъ толпа, безгранична по своей природѣ, а низость людей ненасытна Поэтому несравненно важнѣе уравнять страсти, чѣмъ блага. Продолжительное равенство благъ однако недостижимо, такъ какъ нельзя урегулировать ни рожденія дѣтей, ни движимаго имущества, стремиться къ этому было бы заблужденіемъ, потому что если неравнымъ удѣлить равное, то это значитъ сдѣлать лучшихъ людей врагами государственнаго строя. Свои заботы слѣдуетъ направить скорѣе на то, чтобы неимущая масса не потерпѣла несправедливаго обращенія, и чтобы съ другой стороны она не пріобрѣла слишкомъ большого влія-

нія. Не желательно, чтобы государство распадалось на богатыхъ и бѣдныхъ, которые находятся въ борьбѣ между собой. Зерно государства образуетъ зажиточное среднее сословіе, и въ немъ долженъ лежать центръ тяжести политической власти. (Полит. II, 2—7; IV, 11.). Вполнѣ греческимъ является то глубокое презрѣніе, которое Аристотель питаетъ къ сословію ремесленниковъ.

Ремесленникъ живетъ какъ бы въ рабствѣ, только рабомъ онъ является не отъ природы, а въ силу занятія. Тѣ, которые занимаются низкимъ трудомъ, неспособны къ гражданской добродѣтели, а потому и къ праву гражданства; въ правильно; устроенномъ государствѣ ремесленнику не дарует ся право гражданства. (Пол. I, 13; III, 5 IV, 11).

Что же касается государства, то оно основывается на справедливости и послѣдняя является его душой. (Тамъ же I, 2). Государство имѣетъ прежде всего опредѣленное устройство; подъ этимъ подразумѣвается порядокъ властей въ государствѣ. Такихъ властей Аристотель насчитываетъ три: совѣщательную, исполнительную и судебную. (IV, 14). Государственный строй, основные законы, опредѣляютъ составъ государственныхъ должностей, носителя верховной власти, высшую цѣль даннаго государства. Далѣе государство имѣетъ *законы* т. е. опредѣленія, хотя и отличающіяся отъ основныхъ, но согласныя съ ними; сообразно съ ними управляютъ и подавляютъ могущія произойти нарушенія. (I, 2. II, 8; 9) Гражданиномъ государства является тотъ, кто активно участвуетъ въ управленіи т. е. кто можетъ быть призваннымъ къ совѣщательной или судебной должности. Государственнымъ дѣйствіемъ будетъ только то, которое совершается въ силу государственнаго устройства компетентными органами. (III, 1). Характеръ государственнаго строя опредѣляется тѣмъ, кто является носителемъ верховной власти: отдѣльное лицо, классъ или совокупность гражданъ. Если государственное устройство, какъ это должно быть, имѣетъ цѣлью своей достиженіе общаго блага, оно называется монархіей, аристократіей и политіей; если же, напротивъ, оно направлено на служеніе интересамъ правителя, то получаются три формы: тиран-

нія, олигархія и демократія (III, 6; 9. IV, 4, 8; 11. Ником. этик VIII, 12). Каждой сторонѣ въ государствѣ должно быть предоставлено вліяніе, сообразно съ тѣмъ, насколько она способствуетъ достиженію цѣлей и прочности государства. Удѣлять путемъ законодательства болѣе слабой сторонѣ искусственное преобладаніе — неосновательная софистика. Имѣетъ полное основаніе преимущество благородныхъ, свободныхъ; точно также образованіе, богатство, правовое чувство, военная доблесть, даютъ право на исключительное положеніе.

Но ни одинъ классъ населенія, какъ таковой, не можетъ претендовать на господство, никакой исключительный интересъ не можетъ выдвигаться впередъ. Одинъ человѣкъ или нѣсколько могутъ выдѣлиться достоинствами, но не масса, которая самое большее можетъ проявить лишь военныя доблести. Однако большинство въ своей совокупности имѣетъ также нѣкоторыя преимущества сравнительно съ отдѣльнымъ лицомъ или немногими. Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ масса судитъ правильнѣе, чѣмъ отдѣльная личность, и тотъ, интересовъ котораго прежде всего касается дѣло, рѣшаетъ иногда его лучше, чѣмъ спеціалистъ. Массу труднѣе также подкупить, подобно тому, какъ труднѣе возмутить большее количество воды, чѣмъ меньшее. Поэтому, конечно, массу слѣдуетъ устранить отъ управленія, но не устранять ея отъ совѣщательной и судебной дѣятельности, и ей долженъ принадлежать контроль надъ правительствомъ. Здоровье государства зависитъ главнымъ образомъ отъ хорошаго воспитанія народа и отъ надлежащей подготовки тѣхъ, кто осуществляетъ власть (Пол 15. IV, 12. V, 9. III, 4. 11. VIII, 1). Правленіе должно быть разное сообразно съ различіемъ людей и отношеній; при различныхъ условіяхъ различно и справедливое и цѣлесообразное. Во всякомъ случаѣ правитель долженъ быть ограниченъ закономъ (III, 17. V, 5—10). Мы обходимъ молчаніемъ тѣ совѣты, основанные на глубокой проницательности, богатыхъ наблюденіяхъ и опытѣ, которые Аристотель даетъ по вопросамъ государственнаго устройства, и его замѣчанія объ

историческомъ процессѣ государствъ при различныхъ формахъ правленія, потому что, какъ ни интересно это съ точки зрѣнія исторіи и практической политики, но, собственно для философіи права не можетъ имѣть значенія.

4. Циники, стоики. Древняя философія права и государства достигла въ ученіи Аристотеля своего высшаго развитія. Идеи циниковъ и стоиковъ не представляютъ дальнѣйшаго успѣха въ этомъ отношеніи. По ученію циниковъ (начиная съ Антисѳена, 444—370 до Р. Х.) — добродѣтель мудреца состоитъ въ свободѣ отъ всякихъ потребностей; мудрый удаляется отъ внѣшняго міра и углубляется въ самого себя. У него нѣтъ отечества, его отечество—весь міръ. Всѣ стремленія направлены къ достиженію простоты естественнаго состоянія; враждебное отношеніе ко всякой культурѣ выражается въ отрицаніи государства, брака, собственности.

Стоики (начиная съ Зенона, выступившаго въ 308 г. въ Аѳинахъ въ качествѣ главы школы) развиваютъ дальше эту идею космополитизма. Высшимъ благомъ признаютъ они дѣятельность, согласную съ разумомъ и въ то же время съ природой, такъ какъ такая дѣятельность гармонируетъ съ разумомъ, управляющимъ міромъ. Эта согласная съ разумомъ и природой жизнь есть добродѣтель, которая слѣдовательно одна и та же для всѣхъ разумныхъ существъ; законъ ея основанъ на міровомъ разумѣ и соединяетъ разумныя существа, какъ таковыя. Изъ міроваго разума вытекаютъ законы нашего поведенія, благодаря имъ мы находимся въ соединеніи и правовомъ общеніи съ богами и людьми. Существуетъ только *одна* справедливость, только *одинъ* законъ для всѣхъ разумныхъ существъ. Міръ—общая родина, общее отечество боговъ и людей, всѣ люди члены одного организма и между собой братья, поскольку Богъ является отцомъ всѣхъ.

Положительныхъ изслѣдованій о государствѣ и правѣ послѣ всего вышесказаннаго отъ стоиковъ ожидать нельзя. Стоическій идеалъ добродѣтели, какъ совершенной мудрости, сводится къ апатіи, къ свободѣ отъ всякихъ аффектовъ. Такой мудрецъ не занимается государственными дѣлами; въ государствѣ мудрыхъ не существуетъ ни брака,

ни семьи, ни храмовъ, ни суда, ни денегъ. Такъ какъ отъ природы всѣ люди братья, то идеаломъ является всемірное государство, обнимающее все человѣчество.

Ближайшаго интереса къ изслѣдованію явленій современной имъ государственной жизни у стоиковъ не могло быть.

5. Киренаическая школа. Эпикурейцы. Новое, своеобразное воззрѣніе на этическія отношенія, находящееся въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ стоиковъ, мы встрѣчаемъ у Эпикурейцевъ. Уже киренаики (начиная съ Аристиппа 430—350) исходили изъ чисто сенсуалистической теоріи познанія и цѣль каждаго поступка видѣли въ полученіи удовольствія, которое одно только является благомъ. Такъ какъ намъ извѣстны лишь наши чувствованія, а не чувствованія другихъ людей, то мы безусловно ограничены предѣлами нашей индивидуальности и для насъ ни въ какомъ случаѣ не существуетъ ничего общепризнаннаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познанія. Сообразно съ этимъ ничего нельзя назвать общепризнаннымъ и въ отношеніи справедливости и несправедливости. Нѣтъ ничего справедливаго отъ природы и только путемъ установленія и привычки возникаетъ представленіе о справедливомъ. Если цѣлью поступковъ является только личное удовольствіе, то противно здравому смыслу трудиться для цѣлей внѣ лица лежащихъ, какъ то для отечества. Эти зачатки нашли дальнѣйшее развитіе у Эпикура (341—270). Для Эпикура мало значитъ мышленіе съ его логическими формами, онъ придаетъ значеніе лишь показаніямъ чувствъ. Удовольствіе есть единственное благо, страданіе единственное зло. Однако Эпикуръ понимаетъ удовольствіе отрицательно—какъ свободу отъ страданія, а добро, сообразно съ этимъ лишь какъ свободу отъ зла. Настроеніе мудреца заключается въ атараксіи—безмятежности. Не всѣ удовольствія равноцѣнны: удовольствіе духа стоитъ выше чувственнаго и нужно избирать истинное удовольствіе. Поэтому проницательность—драгоцѣннѣйшее благо, а добродѣтель – средство для того, чтобы продолжительное время сохранить состояніе удовольствія. Наслаждаться тѣмъ, чѣмъ возможно, при этомъ имѣть небольшія потребности, быть скромнымъ и умѣреннымъ, сво-

боднымъ отъ страстныхъ желаній и заботъ, вотъ что значитъ быть мудрымъ и добродѣтельнымъ. По отношенію къ другимъ мудрецъ сострадателенъ и миролюбивъ; онъ питаетъ дружелюбныя чувства, предпочитаетъ быть оказывающимъ благодѣянія, чѣмъ принимающимъ ихъ, все это ради пользы и потребности, такъ какъ добродѣтель не есть сама цѣль, но средство для достиженія удовольствія.

И такъ былъ провозглашенъ принципъ, который съ тѣхъ поръ нашелъ такое широкое распространеніе и пріобрѣлъ многочисленныхъ послѣдователей: принципъ *утилитаризма*. Основное его предположеніе одно и то же, а именно, что слѣдуетъ принимать во вниманіе лишь индивидуумовъ и ихъ эгоистическія стремленія, что сущность человѣческой индивидуальности состоитъ въ чувственномъ воспріятіи и что не существуетъ всеобщихъ законовъ разума. Основываясь на этомъ, Эпикуръ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ и вывелъ государство и право изъ договора. Если существуютъ въ дѣйствительности только индивидуумы, и истинное значеніе и силу имѣютъ лишь ихъ чувственныя стремленія, то государственный союзъ и организующій его законъ можно выводить только изъ договорной воли индивидуумовъ, отказавшихся ради взаимной пользы отъ своей естественной свободы и обѣщавшихъ взаимно оберегать интересы другъ друга. По природѣ интересы людей находятся въ постоянномъ столкновеніи, потому что одинъ наслаждается тѣмъ, чего лишенъ другой. Поэтому природа сама указываетъ на исходъ изъ постояннаго и взаимно угрожающаго опаснаго положенія: она побуждаетъ къ заключенію охранительнаго договора, который всѣмъ доставляетъ величайшую выгоду, потому что обезпечиваетъ каждаго отъ насилій другихъ. Содержаніе этого договора люди основываютъ на благоразуміи, на соображеніи о самомъ полезномъ. Природа предписываетъ общеніе съ другими и заключеніе договора съ той цѣлью, чтобы сдѣлать возможнымъ и полезнымъ это общеніе; но то, къ чему обязываютъ себя люди въ этомъ договорѣ, не вытекаетъ изъ природы или всеобщаго разума, но изъ произвольнаго соглашенія Только такимъ путемъ одно начинаетъ считаться справедливымъ а другое не-

справедливымъ, и единственнымъ мотивомъ воздержанія отъ несправедливыхъ поступковъ является страхъ передъ наказаніемъ, или, какъ презрительно выражается относительно этого стоикъ Эпиктетъ: не воровать плохо, а быть пойманнымъ. Эпикуръ сдѣлалъ еще дальнѣйшіе выводы, а именно, что законъ, оправданіе котораго заключается въ его полезности, въ тотъ же моментъ теряетъ свою силу, какъ только дѣлается безполезнымъ. Этимъ самымъ отъ правовой нормы совершенно отнимается характеръ постоянной обязательности и сужденіе о силѣ закона превращается въ субъективное мнѣніе о полезномъ.

Нѣтъ надобности обстоятельно опровергать принципъ утилитаризма въ томъ видѣ, какъ его развили эпикурейцы, отъ которыхъ онъ перешелъ и къ новѣйшимъ школамъ. Съ точки зрѣнія пользы можно защищать все, даже самое превратное; потому что различнымъ людямъ полезно различное и даже съ приблизительной вѣроятностью нельзя установить средней нормы полезнаго для большинства лицъ и случаевъ. Эпикуръ напр. признавалъ полезнымъ собственность и былъ противъ общности имущества; наоборотъ, бракъ и семью онъ отрицалъ, такъ какъ они противны интересамъ мудраго человѣка. Польза, какъ и удовольствіе непостоянны и преходящи; на нихъ всего меньше можно основывать право, которое по своей природѣ есть постоянная и твердо установленная норма. Кромѣ того это воззрѣніе совершенно непослѣдовательно. Оно оспариваетъ существованіе всеобщаго начала, какъ строгаго требованія практическаго разума, и въ то же время при оцѣнкѣ справедливаго принимаетъ во вниманіе это начало, но въ видѣ всеобщаго масштаба пользы. Индивидуумъ и его чувственныя желанія признаются единственнымъ предметомъ, который познается посредствомъ опыта, а какъ разъ, именно, индивидуумъ и его чисто чувственный элементъ не могутъ быть поняты исключительно опытнымъ путемъ. Однимъ словомъ, подобно тому какъ сенсуалистическая теорія познанія находится въ постоянныхъ самопротиворѣчіяхъ, изъ которыхъ не можетъ выйти, вслѣдствіе какой то вялости мышленія и неспособности объяснить логическую природу понятій, съ которыми все время имѣетъ дѣло, такъ и сенсуали-

стическая этика и философія права коренятся въ слабости мышленія, и не смотря на постоянныя ссылки на опытъ, упорно отрицаютъ самые достовѣрные факты дѣйствительности; онѣ не могутъ также на основаніи своихъ предположеній объяснить ни одного явленія представляющаго собой канву нашихъ правовыхъ и нравственныхъ отношеній. Что же касается мнѣнія, что государство и право происходятъ изъ произвола индивидуумовъ, взаимно обязывающихся договоромъ, то несостоятельность такого взгляда видна уже изъ того, что договоръ имѣетъ смыслъ только тамъ, гдѣ существуетъ и дѣйствуетъ законъ, предписывающій соблюденіе договора, такъ что послѣдній можно вывести изъ права, но ни въ какомъ случаѣ нельзя выводить право изъ договора.

6. *Скептики. Неоплатоники.* Противорѣчіе между Платоно-Аристотелевскимъ и софистико-эпикурейскими воззрѣніями осталось вплоть до настоящаго времени типичнымъ для всѣхъ философскихъ ученій объ этикѣ во обще и о правѣ и государствѣ въ особенности. Продуктивность греческаго ученія въ области нашего вопроса почти исчерпана въ только что изложенныхъ нами ученіяхъ. Скептицизмъ, обозначавшій начало упадка и разложенія научной культуры Греціи, не могъ дать ничего истинно новаго. Онъ видитъ счастье въ афазіи, въ воздержаніи отъ всякаго опредѣленнаго сужденія, и отказывается отъ опредѣленнаго рѣшенія вопроса о справедливомъ. Тимонъ (325—235) отрицаетъ существованіе въ дѣйствительности справедливаго и несправедливаго. Карнеадъ (214—129) возвращается къ изученію софистовъ о правѣ сильнѣйшаго. Справедливо поступать значитъ, по его мнѣнію, поступать неблагоразумно и приносить въ жертву воображенію единственно вѣрное, личную выгоду. Также повиновеніе государственнымъ законамъ основано на благоразуміи, соображеніи собственной выгоды, а не на справедливости, поскольку въ понятіи о справедливости заключается требованіе подчиненія закону даже вопреки личному интересу.

Среди десяти положеній, съ помощью которыхъ скептики пытались доказать невозможность познанія, находимъ одно, указывавшее на различіе законовъ и обы-

чаевъ въ различныхъ государствахъ, откуда вытекаетъ, что справедливости самой по себѣ не существуетъ

Неоплатонизмъ, послѣдняя форма греческой философіи, имѣлъ слишкомъ неземное и трансцедентное направленіе, чтобы подвергнуть право и государство обстоятельному разсмотрѣнію. Онъ утверждаетъ, что всѣ дѣйствія людей тяготѣютъ къ земному и низменному, почему добрымъ и мудрымъ не слѣдуетъ заниматься какимъ бы то ни было образомъ государственными дѣлами или признавать земное отечество, благо котораго могло-бы ихъ радовать, а гибель – огорчать

7. *Цицеронъ* Римляне, безъ сомнѣнія, являются классическимъ народомъ въ отношеніи разработки права; но въ области философіи права они не создали чего-либо существеннаго Для этого имъ слишкомъ недоставало чисто теоретическаго интереса и творческой силы отвлеченнаго мышленія. Свою философію они заимствовали у грековъ; но при свойственномъ имъ практическомъ направленіи наука превращается у нихъ въ міровую и житейскую мудрость. Этимъ легко объясняется то, что болѣе сильное вліяніе оказали на нихъ пріемы стоиковъ съ одной стороны и эпикурейцевъ съ другой и что, напротивъ, они могли усвоить лишь нѣкоторые идеи Платона и Аристотеля. Особенно для благороднѣйшихъ умовъ со склонностью къ риторическому идеализму, нѣкоторыя изъ идей Платона были ближе, чѣмъ отвлеченное ученіе стоиковъ о добродѣтели. Собственно представителемъ философіи права у римлянъ едва ли кого другого можно считать, кромѣ *Цицерона* (106—43), книги котораго: De Republica (написанная въ 54—52 г., но дошедшая до насъ въ отрывкахъ), De Legibus (написана въ 52, но не доведенная до конца) De Officiis, написанная въ 44 г.) разсматриваютъ, именно, съ философской точки зрѣнія государство, право, нравственную жизнь. Цицеронъ здѣсь проявляетъ также мало оригинальности, какъ и въ другихъ мѣстахъ, но его искусство изложенія, благородная теплота его стремленій къ доброму и хорошему, и нигдѣ не оставляющее его, чувство мѣры образованнаго ума, во всѣ вѣка создавали ему много приверженцевъ и оказали существенное вліяніе на образъ мыслей послѣдующихъ

поколѣній. Доходить путемъ строгаго мышленія до конечныхъ принциповъ—не въ его духѣ; всего охотнѣе онъ ссылается на показанія развитого чувства, на общее убѣжденіе людей, на факты опыта и изъ разнообразныхъ взглядовъ выбираетъ эклектическимъ путемъ тѣ, которые болѣе всего соотвѣтствуютъ развитому нравственному чувству. Такъ, право онъ выводитъ изъ природы человѣка и изъ разума управляющаго міромъ, а также изъ эстественной симпатіи, привязывающей людей другъ къ другу. Особенно, онъ отвергаетъ мнѣніе, что право происходитъ изъ произвола и разумнаго соглашенія. Свое начало законъ получаетъ не тогда, когда онъ записанъ, но имѣетъ силу тотчасъ по своемъ возникновеніи, а возникъ онъ одновременно съ божественнымъ разумомъ. Нравственность и право сливаются у него поэтому въ одно понятіе. Справедливость, являющуюся у него основаніемъ всѣхъ добродѣтелей, онъ характеризуетъ, какъ понятіе равенства. Одно справедливое есть истинно полезное; несправедливость сдѣлала бы общежитіе, къ которому человѣкъ склоненъ отъ природы, невозможнымъ. Прежде всякаго писаннаго закона существуетъ естественный законъ, коренящійся въ самомъ божественномъ порядкѣ міра; въ немъ коренится jus gentium, право, одинаково дѣйствующее у многихъ народовъ, между тѣмъ какъ положительное право извѣстнаго государства, jus civile, зависитъ отъ соображенія и отъ цѣлесообразности, данныхъ мѣстныхъ и временныхъ условій Часто такое положительное право вовсе не заслуживаетъ имени права, которое должно быть оставлено для вѣчнаго закона, даннаго самой природой. Подобно праву и государство основано на природѣ человѣка а не создается имъ произвольно. До появленія государства и всякаго правового порядка люди жили въ состояніи, гдѣ рѣшала только сила. Перейти изъ такого состоянія къ государству заставили людей нестолько потребность и соображенія пользы, сколько естественное стремленіе къ общежитію, проявляющееся послѣдовательно на различныхъ ступеняхъ: въ семьѣ, въ государствѣ въ имперіи, основанной на общности языка, въ союзѣ человѣчества, наконецъ въ идеальномъ общеніи боговъ съ людьми. Цѣль государства составляетъ

общее благо, его сущность состоитъ въ общности права и въ попеченіи объ общихъ интересахъ. Respublica значитъ res populi. Правительство должно знать, что оно является представителемъ государства. Назначеніе правительства — быть олицетвореніемъ закона, между тѣмъ какъ законъ до извѣстной степени есть не живое и отвлеченное правительство.

Довольно удачное соединеніе важнѣйшихъ выводовъ греческой философіи относительно права и государства, выраженное у Цицерона въ популярной формѣ, оказалось способнымъ въ качествѣ общепринятаго мнѣнія перейти въ сознаніе людей и сдѣлаться чѣмъ то само собою понятнымъ. Такое значеніе имѣли долгое время воззрѣнія Цицерона. Послѣ него въ этой области Римляне ничего выдающагося больше не сдѣлали. Римскіе юристы перестали удѣлять вниманіе философской теоріи права. Въ практической разработкѣ своей правовой системы они стремились наполнить формальное право возможно болѣе богатымъ содержаніемъ на основахъ матеріальной справедливости; для этого они ссылались на право, коренящееся въ природѣ вещей и живущее, какъ законъ природы, въ сознаніи людей. Такъ они говорили, частью, о *правовыхъ отношеніяхъ*, какъ то: бракѣ, семейныхъ отношеніяхъ, къ которымъ природа сама направляетъ живыя существа; частью, о *правовомъ воззрѣніи*, данномъ самой природой, присущемъ природному складу человѣка, которое имѣетъ одинаковую силу для всѣхъ людей, сохраняется у всѣхъ народовъ, и такъ какъ оно происходитъ отъ божественнаго Провидѣнія, то остается всегда незыблемымъ и неизмѣннымъ. Они признаютъ природу вещей (naturalis ratio), изъ которой само собой вытекаетъ правовое опредѣленіе для разумнаго сужденія, рѣшающаго вопросъ о матеріальной справедливости. Природа вещей есть отчасти *логическая послѣдовательность* понятій, отчасти *требованіе реальныхъ отношеній*, предъявляемое здравому смыслу. Съ послѣдней точки зрѣнія, въ силу природы вещей нѣкоторые предметы неспособны представлять собой частную собственность, точно такъ же противно природѣ, чтобы двое лицъ владѣли однимъ и тѣмъ же предметомъ подобно тому, какъ двое не могутъ

занимать одно и то же мѣсто, равно какъ не дѣйствителенъ въ силу природы вещей договоръ объ исполненіи невозможнаго. Въ этомъ же смыслѣ не отеческая власть, а бракъ и кровное родство коренятся въ природѣ вещей. Въ смыслѣ же логической послѣдовательности, напротивъ, ни природа вещей, ни положительное право не допускаютъ пользованія потребляемыми вещами.

Если бы постановленіе сената допустило пользованіе всѣми имущественными объектами, а также и деньгами, то оно при этомъ не имѣло бы въ виду идти противъ природы вещей, а подразумѣвало бы только пользованіе въ переносномъ смыслѣ, а не въ собственномъ.

Отъ этого естественнаго права отличается *положительное право*, которое въ качествѣ jus gentium является общимъ для всѣхъ народовъ, отчасти въ качествѣ jus civile представляетъ собой исключительно право одного народа. Оба вида положительнаго права въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ отклоняются отъ права даннаго самой природой, такъ какъ на нихъ въ то же время вліяютъ соображенія цѣлесообразности и потребности въ измѣнчивыхъ условіяхъ человѣческаго существованія; въ общемъ jus gentium стоитъ однако ближе къ естественному праву. Въ этихъ взглядахъ отражаются очевидно еще положенія Аристотеля, но строгое примѣненіе этихъ понятій въ ихъ собственномъ смыслѣ, лежало внѣ нуждъ и потребностей римской юриспруденціи. Возвращаясь къ естественному правовому воззрѣнію, въ особенности въ той формѣ, какую оно получило въ jus gentium, къ справедливому отъ природы, къ требуемому самой природой вещей, смягчали формальную строгость унаслѣдованнаго права, которое въ своемъ строгомъ примѣненіи и послѣдовательности слишкомъ рѣзко противорѣчило бы матеріальной справедливости, особенно, въ виду сильно измѣнившихся хозяйственныхъ и культурныхъ условій. Въ этомъ отношеніи ссылка на естественное право является также принципомъ справедливости, который проявляется въ осторожномъ примѣненіи къ данному случаю строгихъ требованій формальнаго права и въ избѣжаніи безполезной и несоотвѣтствующей принципу справедливости жестокости. (Ср. собр. источ. у Leist'a: Реальныя основы и ма-

теріалы права 1877 с. 195). Признавалось такимъ образомъ существованіе *справедливости отъ природы*, которую стремится осуществлять право и которую не слѣдуетъ упускать изъ виду при разработкѣ права; особенное вниманіе обращали на это тамъ, гдѣ было важно, чтобы установленія положительнаго права, при примѣненіи ихъ къ извѣстнымъ отношеніямъ, не могли превратиться въ абсурдъ. Такъ, съ точки зрѣнія естественнаго права справедливо, если никто не будетъ обогащаться путемъ причиненія вреда и на счетъ другихъ. Изъ справедливаго отъ природы слѣдуетъ, что принудительныя обстоятельства оправдываютъ просрочку. Законъ природы не допускаетъ, чтобы воровство оставалось беззаказаннымъ. Отъ природы всѣ люди свободны; рабство есть институтъ jus gentium и противорѣчитъ природѣ. Построенное кѣмъ нибудь на нашей землѣ переходитъ по естественному праву въ нашу собственность, потому что составляетъ принадлежность земли то, что на ней стоитъ. Точно также естественное правовое чувство, равно какъ и положительное право, вызвало постановленіе, что положеніе третьяго лица безъ его вѣдома и воли можно только улучшать, но не ухудшать.

Признаніе справедливаго отъ природы особенно благотворнымъ является при толкованіи закона въ цѣляхъ его смягченія. Строгая послѣдовательность положительнаго права не можетъ устранить естественныхъ правъ. Ни послѣдовательность правовыхъ положеній, ни благопріятное толкованіе въ виду соображеній справедливости, не допускаетъ, чтобы то, что установлено ради людей, превращалось въ стѣснительное обремененіе ихъ, вслѣдствіе преувеличенной строгости толкованія въ ущербъ ихъ выгодѣ. Не должно, конечно, пренебрегать строгими формами права, но тамъ, гдѣ того требуетъ справедливость, надо приходить на помощь потерпѣвшему путемъ милостиваго толкованія. Въ томъ случаѣ, когда кто нибудь безъ своей вины подвергнется обману, напр., благодаря хитрости противной стороны, хорошій судья въ силу справедливой снисходительности (ut et ratio et aequitas postulabit) скорѣе возобновитъ производство дѣла, чѣмъ допуститъ себя до неоправдываемой жестокости Справедливость требуетъ

чтобы строгому правовому положенію противопоставлялся интересъ, напр. при зачетѣ. Зачетъ, компенсація, требуется потому, что люди больше заинтересованы въ томъ, чтобы не платить чѣмъ вновь взыскивать уплаченное. Справедливость не допускаетъ, чтобы кто нибудь былъ осужденъ, не будучи выслушанъ, поэтому извинительна отсрочка. Справедливо предоставить слово тому, кто говоритъ за отсутствующаго и берется доказать его невиновность. Опредѣленно противопоставляются другъ другу требованія справедливости и строгая послѣдовательность формальнаго права. То, что требуетъ справедливость, есть также объективно существующее; оно лежитъ въ naturalis ratio и представляетъ собой справедливое отъ природы въ противоположность формальному праву. Справедливое отыскивается субъективно посредствомъ правового чувства, путемъ гуманнаго образа мыслей, препятствующаго примѣнять положительное право съ безполезной и ненужной жестокостью. Цѣлые правовые институты, какъ Restitutio in integrum, Naturalis obligatio, правовая помощь при Laesio enormis, основываются въ этомъ смыслѣ на справедливости, которая должна осуществляться въ границахъ положительнаго права. Все это представляетъ однако не философское разсужденіе о происхожденіи и сущности права, а является лишь ближайшимъ и легко понятнымъ выраженіемъ практической разработки и развитія дѣйствующаго права съ точки зрѣнія коренящейся въ живомъ правовомъ чувствѣ матеріальной справедливости. Въ силу этого опредѣленно признается справедливое, заключающееся въ природѣ вещей и отражающееся въ человѣческомъ сознаніи, предъявляется требованіе и къ положительному праву о согласованіи его съ матеріально справедливымъ настолько, насколько это возможно безъ ущерба для основного свойства права — строгой формальной послѣдовательности. Единственная и ни съ чѣмъ несравнимая слава римскихъ юристовъ заключается въ томъ, что они не только равно признали и высоко оцѣнили оба требованія, формальной строгости и возможно богатаго содержанія матеріальной справедливости, но и сумѣли ихъ поддержать и осуществить на практикѣ, хотя надо признаться что они не сильны были въ сферѣ философской

мысли, а стремились выполнить высшіе принципы своей великой задачи больше съ помощью здраваго такта и тонкаго пониманія природы жизненныхъ отношеній, чѣмъ путемъ строго отвлеченнаго изслѣдованія высшихъ принциповъ. Недоразумѣнія, которыя впослѣдствіи возникли по поводу ихъ выраженій, напр. ius naturale и lex naturalis, не могутъ быть имъ поставлены въ вину и они не являются за нихъ отвѣтственными.

8 *Философія права въ средніе вѣка.* Періодъ, слѣдовавшій за античной философіей вплоть до Канта, былъ по существу въ высшей степени безплоденъ для философіи права; въ особенности это относится ко времени, продолжавшемуся до движеній эпохи реформаціи. Конечно, съ появленіемъ германскихъ народовъ и христіанства у народовъ, занявшихъ первое мѣсто на аренѣ міровой исторіи, появилась масса новыхъ и плодотворныхъ мотивовъ, оказавшихъ рѣшительное вліяніе на развитіе права публичнаго и частнаго, но чисто теоретическіе интересы были недостаточно сильны, чтобы направить философскую мысль на разрѣшеніе проблемы государства и права только ради ея самой, а гдѣ такой интересъ къ чистой теоріи и могъ проявиться, тамъ плодотворности мысли препятствовалъ общій характеръ мышленія въ ту эпоху, зависимость отъ авторитетовъ древняго міра съ одной стороны и отъ церковной догмы съ другой. Кромѣ того, право, входя въ область этики, стояло въ такомъ непосредственномъ отношеніи къ религіи, что эпоха, находящаяся всецѣло подъ вліяніемъ теологіи, не легко допускала изслѣдованіе права иначе, какъ въ связи съ богословской догматикой. Всѣ теоріи той эпохи, касающіяся права и государства, проникнуты практическими тенденціями. Размышленіе вращается около публичнаго права, около происхожденія, сущности и предѣловъ государственной верховной власти, ея отношенія къ церкви и церковной власти; съ такими политическими теоріями выступали въ великой борьбѣ партій, волновавшей міръ; въ этой борьбѣ поднимались вопросы объ универсальномъ и національномъ государствѣ, о главенствѣ императорской или папской власти, о закономѣрныхъ границахъ королевской или княжеской власти и т. под. Придержи-

вались извѣстныхъ теорій, не доходя до конечныхъ принциповъ; нѣкоторыя предположенія казались вполнѣ установленными. такъ—гипотеза естественнаго права, которое возможно было открыть лишь посредствомъ разума, и гипотеза происхожденія всего существующаго права путемъ договора свободныхъ лицъ, вступившихъ въ государственный союзъ, причемъ каждый объяснялъ сообразно со своимъ партійнымъ положеніемъ яко-бы согласныя съ природой и само собой понятныя положенія этого права. При этомъ не умѣли различать дѣйствующій правовой порядокъ и право, выведенное путемъ отвлеченнаго мышленія и признаваемое естественнымъ и само собой понятнымъ, не стѣснялись приписывать этому естественному праву полную силу дѣйствующаго правопорядка. Такимъ образомъ въ этихъ размышленіяхъ нѣтъ ничего не только философско-обоснованнаго, но и вообще истинно научнаго. Хотя эти политическія теоріи сильно вліяли на практику государственной жизни, на образованіе воззрѣній о справедливомъ и желательномъ въ государственной жизни и тѣмъ самымъ на весь историческій процессъ образованія государства, все же съ точки зрѣнія чистой теоріи онѣ представляютъ незначительный интересъ. Съ самаго начала существовали одни и тѣ же разногласія во мнѣніяхъ, которыя до конца прошлаго столѣтія постоянно выставлялись и взаимно опровергались, и крайне незначительно число новыхъ точекъ зрѣнія, которыя въ теченіе многихъ столѣтій придавали по крайней мѣрѣ мѣняющуюся окраску этой борьбѣ воззрѣній.

Ученіе о государствѣ христіанскаго періода отличается отъ античныхъ воззрѣній на этотъ предметъ въ двоякомъ отношеніи: что наряду съ государствомъ существуетъ еще самостоятельно организованная церковь, и что назначеніе человѣка, заключающееся въ уподобленіи Божеству, простирается далеко въ вѣчность, въ область загробнаго міра, за предѣлы государства и всей земной жизни. Человѣкъ не ограничивается государствомъ, добродѣтель его не есть исключительно или главнымъ образомъ гражданская добродѣтель; добродѣтель человѣка носитъ больше трансцедентный характеръ, направлена на трансцедентныя блага вѣчнаго блаженства, на запо-

вѣди и приговоръ Верховнаго Судіи. Теперь не человѣкъ служитъ государству, а государство—человѣку. На первомъ планѣ—отдѣльный человѣкъ, подобіе Божества, имѣющій абсолютное значеніе; государство занимаетъ второстепенное мѣсто и создано человѣкомъ по свободному произволу. По виду это напоминаетъ старую теорію эпикурейцевъ о договорѣ, по содержанію это представляетъ нѣчто совершенно другое. Тамъ высшей цѣлью, которой служитъ государство, является земное довольство; здѣсь государство касается лишь внѣшняго земного существованія человѣка, и лишь по ту сторону жизни раскрывается истинная сущность человѣка, его высшія обязанности и его вѣчное призваніе. При этомъ соотвѣтственно теологической или политической точкѣ зрѣнія спорятъ о томъ, происходятъ ли государство и верховная власть непосредственно отъ Бога, хотя и установляются людьми, или они возникли лишь черезъ посредство церкви и церковной власти въ силу уполномочія Божества. Вопросъ о правомѣрности существованія отдѣльныхъ національныхъ государствъ не возбуждается, а мечтаютъ объ универсальной монархіи всего человѣчества съ мечами духовной и свѣтской власти, изъ которыхъ первый принадлежитъ папѣ, а второй императору, какъ фиктивному преемнику древней римской императорской власти, причемъ о взаимномъ отношеніи равенства или господства этихъ двухъ властей велись споры какъ теоретическіе такъ и на почвѣ фактовъ.

Ѳома Аквинскій. Единственнымъ мыслителемъ среднихъ вѣковъ, на которомъ въ исторіи философіи права слѣдуетъ остановиться, является тотъ же самый великій богословъ, ученіе котораго представляетъ собой высшую точку средневѣковой науки и догматической разработки римско-католическаго церковнаго ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ вліянія философіи Аристотеля: *Ѳома Аквинскій* (1224—1274). Ученіе о государствѣ и правѣ онъ излагаетъ въ трудѣ De regimine principum, въ которомъ книга I и II (главы 1—4), принадлежатъ ему, а остальное—Птоломею Люцензію, и затѣмъ—въ отдѣльныхъ частяхъ его большого сочиненія „Summa theologiae“. Исходный пунктъ его ученія о правѣ составляетъ идея *вѣчнаго*

закона, который въ качествѣ силы, опредѣляющей всю дѣятельность и процессы вселенной, установляется Божественнымъ разумомъ, управляющимъ міромъ. Изъ этого вѣчнаго закона вытекаетъ *естественный законъ*, такъ какъ человѣкъ, въ силу способности, хотя и помраченной вслѣдствіе грѣхопаденія, воспринимать божественный свѣтъ, научился различать добро и зло; именно, всякое разумное существо имѣетъ свою мѣру познанія вѣчнаго закона соотвѣтственно своей большей или меньшей способности воспріятія. Человѣкъ отъ природы является существомъ предназначеннымъ къ общественности, и все, что является необходимымъ условіемъ для поддержанія общенія между людьми,—отвѣчаетъ человѣческой природѣ, такъ напр. уваженіе къ личности и собственности. Сообразно съ этимъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ существуетъ *справедливое отъ природы.* Но человѣкъ предназначенъ въ то же время къ вѣчному блаженству: назначеніе, превышающее естественныя силы человѣка; въ виду чего ему данъ черезъ божественное откровеніе *совершенный законъ*, дополняющій естественное право, такъ какъ лишь Богъ можетъ руководить сердцемъ и образомъ мыслей человѣка а рука человѣческой справедливости не въ силахъ простираться всюду. Въ этомъ божественномъ законѣ одно предписывается, потому что—хорошо, другое запрещается, потому что—дурно; однако иное хорошо, только потому, что предписывается; другое дурно потому, что запрещается. Различіе между закономъ, содержащимся въ Новомъ Завѣтѣ, и закономъ Ветхаго Завѣта состоитъ прежде всего въ томъ, что первый очень мало добавляетъ къ заповѣдямъ естественнаго закона, между тѣмъ какъ Ветхій Завѣтъ содержитъ множество законовъ, касающихся чисто обрядовой стороны. Законъ же, имѣющій силу у людей какъ lex humana, вытекаетъ изъ *практическаго разума*, который подобно теоретическому разуму изъ принциповъ выводитъ слѣдствія. Изъ человѣческихъ законовъ только часть коренится въ естественномъ законѣ, другая часть основана лишь на положительномъ установленіи. Первые, являющіеся условіемъ человѣческаго общежитія, представляютъ собой jus gentium; другіе, поскольку ихъ опредѣляетъ каждое государство по своему

усмотрѣнію, представляютъ jus civile. Законъ всегда имѣетъ свое основаніе въ разумномъ стремленіи къ общему благу, а его характерный признакъ заключается въ томъ, что онъ издается правомѣрной государственной властью. Разъ измѣняются отношенія людей, то можетъ быть измѣненъ и законъ, который долженъ соотвѣтствовать измѣнчивымъ условіямъ жизни. Хотя принципы неизмѣнны, равно какъ и ихъ простыя слѣдствія, какъ они проявляются въ ius gentium. всеобщемъ правѣ человѣчества, но дальнѣйшія опредѣленія, praecepta secundaria, измѣнчивы и, вслѣдствіе поврежденія грѣхопаденіемъ человѣческаго разума, имѣютъ лишь временное, условное значеніе. При этомъ *привычка* также оказываетъ вліяніе на образованіе права; она дѣлаетъ законы устарѣлыми и опредѣляетъ смыслъ существующихъ законовъ. Въ положительномъ правѣ существуютъ справедливые и несправедливые законы. Справедливые—тѣ, которые служатъ общему благу, исходятъ отъ компетентнаго законодателя и справедливо распредѣляютъ блага и повинности.

Государство—продуктъ человѣческой потребности и общественной природы человѣка; въ то же время оно является отраженіемъ Царства Божія, и даже безъ грѣхопаденія оно было бы вызвано человѣческой природой. Его задача: охранять условія внѣшней совмѣстной жизни людей, ограждать отъ несправедливости и посягательства какъ то убійства и воровства, стремиться къ земной добродѣтели и земному благополучію, но заботиться также объ истинномъ служеніи Богу Все человѣчество есть собственно великое Богомъ установленное, государство, подчиненное Богу, какъ единому монарху. Поэтому монархія является лучшей формой правленія Монархъ выше закона, не подлежитъ отвѣтственности передъ подданными а отвѣчаетъ лишь передъ Богомъ и церковью. По отношенію къ монарху не существуетъ никакой принудительной власти, даже тогда, когда онъ дѣлается тиранномъ; принципъ тираноубійства—пагубенъ. Но въ качествѣ необязательнаго требованія, монарху противустоитъ обязанность руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ естественнымъ правомъ.

Государство и его законъ ни въ какомъ случаѣ не являются высшимъ авторитетомъ для человѣка, потому что человѣкъ имѣетъ не только земное назначеніе. Цѣлью государственнаго законодателя является внѣшній миръ между людьми; но существуетъ еще *духовное право*, цѣль котораго составляетъ—спасеніе душъ и нерушимость церкви, установленной для вѣчнаго спасенія, причемъ эти два законодательства могутъ содержать совершенно различныя опредѣленія относительно одного и того же предмета, какъ напр о растовщичествѣ и давности. И вотъ возникаетъ столь важный, но ошибочный выводъ, что, такъ какъ цѣль церкви можетъ считаться имѣющей абсолютно бо́льшее значеніе, чѣмъ цѣль государства, то въ сферѣ внѣшняго порядка земныхъ дѣлъ все относящееся къ государству подчиняется верховному авторитету церкви и ея властямъ. Какъ человѣкъ возвышается надъ неразумными существами, монархъ надъ людьми, такъ церковь поставлена надъ монархомъ. Монархи—вассалы церкви. Римскому папѣ всѣ государи христіанскихъ народовъ должны быть также подчинены, какъ самому Господу Іисусу Христу. Свѣтскіе властители должны защищать церковь, искоренять еретиковъ свѣтской властью. Папѣ принадлежитъ высшая власть, свѣтская и духовная. Во всемъ, что касается спасенія душъ, свѣтская власть подчинена духовной, и ученики Ѳомы, какъ то *Птоломей Люценій и Августинъ Тріумфъ*, опредѣленно заявляютъ, что сюда надо причислить, и все то, что касается попеченія о поддержаніи и увеличеніи общественнаго блага, т. е. въ сущности всѣ государственныя дѣла. Поэтому не будетъ незаконнымъ притязаніемъ, если духовная власть вмѣшается въ свѣтскія дѣла. Если монархъ за отпаденіе отъ вѣры подлежитъ изгнанію, то подданные тотчасъ же освобождаются отъ его власти и съ нихъ снимается клятва вѣрности.

Такъ давали мнимое философское обоснованіе ложному въ сущности идеалу іерархической верховной власти надъ всѣмъ государственнымъ, идеалу клерикальной универсальной монархіи подъ управленіемъ римскаго епископа. При этомъ упускали однако одно изъ виду, именно, что власть, которая должна стоять выше госу-

дарственной власти, сама можетъ сдѣлаться внѣшней государственной властью, такъ какъ въ томъ случаѣ, если она не будетъ имѣть принудительной силы, всѣ ея притязанія будутъ тщетны; но такая государственная власть надъ государственной властью прямо нелѣпа, такъ какъ этимъ уничтожается и низводится съ престола свѣтская власть. Далѣе забывали, что эта государственная власть надъ свѣтской властью, истинно государственной властью, будетъ находиться въ рукахъ священниковъ и считаться церковной властью и должна будетъ употребляться для цѣлей, прямо противорѣчащихъ понятію государства. Эта высшая священническая власть будетъ принуждать своихъ подданныхъ не только къ внѣшнему міру, но и вѣчному блаженству. Но существуетъ широкая область, въ которой неумѣстно принужденіе, управлять которой путемъ принудительныхъ законовъ признается исторіей противнымъ природѣ человѣка и вещей: область совѣсти и трансцедентнаго назначенія человѣка. Однако это, именно, и представляетъ ту область, которую церковно-клерикальное государство считаетъ объектомъ своей дѣятельности, и съ притязаніемъ на абсолютное значеніе создаютъ такимъ образомъ государственную власть, ставящую себѣ цѣлью, подъ предлогомъ, сдѣлать человѣка блаженнымъ отнять у него возможность свободной нравственной дѣятельности а вмѣстѣ съ этимъ и его человѣческое достоинство Этотъ институтъ, который хочетъ вторгнуться на мѣсто государства, достигающаго разумнаго разумными средствами, неизбѣжно дѣлается съ теченіемъ времени нелѣпымъ, что несчастнымъ образомъ выразилось также въ наполняющихъ средніе вѣка историческихъ конфликтахъ между государственной и церковной властями. Отсюда—постоянно стремленіе тонкихъ мыслителей, особенно начиная съ начала XIV-го столѣтія, теоретически доказать самостоятельность и независимость государственной власти по отношенію къ церковной іерархіи Это предпринималось, правда, съ недостатотчными средствами, больше подъ давленіемъ практическихъ стремленій, чѣмъ на строгихъ философскихъ основаніяхъ; поэтому такія стремленія и оказались болѣе плодотворными

для историческаго развитія на почвѣ дѣйствительности, чѣмъ для философской теоріи государства.

Укажемъ на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ защитниковъ этого направленія средневѣковаго ученія о государствѣ: прежде всего великій поэтъ *Данте Алигіери* (1265—1321), который въ своемъ трудѣ, De monarchia, отражающемъ въ себѣ наиболѣе полно средневѣковое міросозерцаніе, оспариваетъ подчиненіе императора папѣ; далѣе *Вильгельмъ Оккамъ* (+1347), глава номиналистическаго направленія, въ цѣломъ рядѣ сочиненій энергично и умно выступавшій въ защиту дѣла Людовика Баварскаго и императорской власти противъ притязаній папы.

У Оккама проявляется уже весь аппаратъ естественнаго права и ученія о договорѣ. Въ первобытномъ естественномъ состояніи все у всѣхъ общее; естественное право побуждаетъ человѣчество къ созданію путемъ договора государства, обнимающаго все человѣчество; посредствомъ договора установляется верховная власть; но народъ сохраняетъ высшее право надъ правителемъ; онъ можетъ судить и низлагать несправедливаго правителя, и то же самое примѣняется по отношенію къ папѣ въ церковной общинѣ Хотя свѣтскій правитель и назначается людьми, тѣмъ не менѣе его власть происходитъ также и отъ Бога, такъ какъ она основана на божественномъ порядкѣ. Посягать на права частныхъ лицъ правитель можетъ только по уважительнымъ причинамъ и ради общей пользы. Потому что и эти частныя права, особенно собственность, коренятся въ естественномъ правѣ и ихъ нельзя выводить лишь изъ государственнаго установленія.

Марсилій Падуанскій. Рѣшительнымъ борцомъ за самостоятельность государства по отношенію къ церкви явился *Марсилій Падуанскій* (+ послѣ 1342) въ своей книгѣ „Defensor pacis (1324)“. И по его мнѣнію, государство возникаетъ путемъ договора, произвольно заключаемаго индивидуумами между собою. Народъ—суверенъ, законодательная власть принадлежитъ народу или, по крайней мѣрѣ, преобладающей части его, представляющей собой народъ. Только потому, что весь народъ не можетъ самъ управлять, онъ назначаетъ себѣ правителя, который власть свою принимаетъ изъ рукъ истиннаго

суверена лишь какъ делегируемую ему должность и занимаетъ по отношенію къ этому суверену подчиненное, служебное положеніе. Онъ обязанъ поэтому отправлять свое служеніе по волѣ и согласно съ мнѣніемъ лицъ, подчинившихся ему, какъ представителю всего цѣлаго; онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности и подвергнуться наказанію. Государство—непосредственный божественный порядокъ, а потому правители—слуги Божіи и власть правителя происходитъ изъ божественнаго установленія; но, оспаривая церковныя притязанія, *Марсилій* впадаетъ однако въ ту же ошибку, въ которую впадали и его противники только въ противоположномъ направленіи Какъ послѣдніе надѣляли церковь высшей государственной властью, такъ онъ приписываетъ государству высшую церковную власть даже тамъ, гдѣ дѣло касается внутренняго распорядка и жизни церкви. Государство обнимаетъ всѣ человѣческія цѣли, на немъ одинаково лежитъ забота о благополучіи людей какъ въ этой такъ и загробной жизни.

Поэтому церковь сама представляетъ собой государственное учрежденіе, все ея имущество—государственное имущество и духовная должность есть государственная. Духовныя лица не должны обладать принудительною властью отчасти потому, что вся принудительная власть принадлежитъ государству, отчасти потому, что Богъ не желаетъ вынужденнаго исповѣданія Его. Что всякое господство установляется волей народа, что народу должна принадлежать законодательная власть и контроль надъ правителемъ, что народъ, какъ высшая власть надъ государемъ, можетъ судить послѣдняго и въ случаѣ приговора низложить, утверждаетъ также *Луполдъ-фонъ-Бебенбургъ* (De iuribus regni et imperii Romanorum. 1340); совершенно аналогично *Ешельбертъ фонъ Фолькерсдорфъ* (De regimine principum 1327; De ortu, progressu et fine Romani imperii 1310) и *Петръ Андлау* (De imperio Romano-Germanico 1460). Великій реставраторъ философіи *Николай Кузанскій* (1401—1464) утверждаетъ въ своемъ трудѣ „Concordantia catholica (1433)“, что люди основываютъ государство путемъ добровольнаго подчиненія, и что обязательная сила законовъ основывается на согласіи лицъ,

подчиненныхъ законамъ, повиноваться имъ. Согласіе людскихъ воль подчиняться государству и его законамъ происходитъ путемъ божественнаго воздѣйствія. Правитель назначается коллективной волей подчиняющихся ему; онъ — представитель общей воли, управитель общаго права. Совокупности гражданъ принадлежитъ законодательная власть, и послѣдняя стоитъ выше правителя. Поэтому правитель можетъ быть судимъ и низлагаемъ народомъ, въ силу всегда дѣйствующаго божественнаго и естественнаго права, такъ что никакое положительное правообразованіе не можетъ противоречить этому естественному праву или уничтожить его.

9) Въ эпоху возрожденія, реформаціи и руководимой іезуитами контръ-реформаціи, образуются три главныхъ теченія въ теоріяхъ о государствѣ и верховныхъ правахъ: строгое ученіе о суверенитетѣ правителя, іезуитское и, наконецъ, антиіезуитское ученіе о народномъ суверенитетѣ, всѣ—на общемъ основаніи естественно правовыхъ воззрѣній. Достаточно вкратцѣ охарактеризовать, какъ эти ученія изложены у главныхъ ихъ представителей.

Единство и нераздѣльность суверенной государственной власти прежде всего подчеркнулъ французъ *Жанъ Боденъ* (1530—1596. De la république 1576). Хотя у него народъ является источникомъ всякой власти, и верховенство народа переносится на правителя, но оно передается ему какъ неограниченная и безусловная власть. Всякое ограниченное властвованіе а слѣдовательно и смѣшанныя формы правленія -- ненормальное явленіе; потому что тогда нѣтъ истиннаго суверена, а слѣдовательно и истиннаго государства. Правитель стоитъ выше закона. Онъ долженъ воздерживаться отъ посягательства на личность и собственность, уважать божественное, естественное право и jus gentium; но права сопротивленія его распоряженіямъ не существуетъ.

Іезуиты. Напротивъ, государственное ученіе іезуитовъ преслѣдовало противоположныя цѣли: по возможности принизить власть правителя въ государствѣ и сдѣлать ее возможно болѣе ограниченной; въ виду этого они создали ученіе о народномъ суверенитетѣ, о правѣ сопротивленія и убійства тиранна, ученіе, нашедшее себѣ

обширное примѣненіе на практикѣ. Государственное верховенство имѣетъ здѣсь чисто свѣтское происхожденіе, и уже въ силу характера своего происхожденія свѣтская власть подчинена непосредственно происходящей отъ самого Бога церковной власти. По мнѣнію *Людовика Молина* (1535—1600. De iustitia et iure 1592), *Беллармина* (1542—1621. De potestate summi ponficis 1610), *Франца Суареца* (1548—1617. De legibus ac Deo legislatore 1613) Juan Mariana (1537—1624. De rege et regis institutione, 1599), право верховной власти возникаетъ изъ воли соединившагося въ государство народа, который въ силу естественнаго права перенесъ власть, первоначально принадлежавшую ему по естественному праву, такъ какъ слабость и безпомощность индивидуумовъ въ первобытномъ состояніи одиночества побудили ихъ къ союзу и установленію власти. Стремленіе и потребность людей соединяться въ союзы основаны на божественномъ порядкѣ, и лишь въ этомъ отношеніи государство и верховную власть слѣдуетъ производить отъ Бога. Первоначальный суверенъ слѣдовательно—народъ и онъ можетъ свободно установлять свой *строй* а также ниспровергать или измѣнять его въ случаѣ нужды. Верховная власть переносится всегда лишь условно. Правитель связанъ закономъ; если онъ нарушитъ отведенныя ему естественнымъ правомъ и договоромъ границы, то народу принадлежитъ естественное право сопротивленія; онъ можетъ тиранна судить, лишить власти, каждому предоставить право его умертвить.

Монархомахи. Совершенно аналогична выдвигаемая такъ называемыми *монархомахами*, теорія, которая также, подобно теоріи іезуитовъ, направлена противъ самостоятельной верховной власти правительства, но не въ интересахъ папы и духовной власти, а въ интересахъ примыкающихъ къ реформаторской религіи партій и для защиты противъ произвольнаго угнетенія совѣсти. Сюда принадлежатъ пресбитерьянецъ *Бухананъ* (1506—1582. De jure regni apud Scotos 1579); гугенотъ *Гумбертъ Ланге* (1518—1581), написавшій подъ именемъ Junius „Brutus Vindiciae contra Tyrannos (1579) и возставшаго противъ угнетавшаго истинную вѣру короля; нѣмецкій кальвинистъ *Іоганнъ Алтузій* (1557—1638. Politica 1603), который въ ка-

чествѣ синдика отстаивалъ вѣрованія и права бюргерства передъ королемъ и рыцарствомъ. *Бухананъ* учитъ, что король избирается народомъ и всю свою власть получаетъ отъ народа. Народъ стоитъ выше короля по достоинству и силѣ; правитель связанъ закономъ и долженъ свою власть употреблять ко благу народа, все это по естественному праву, по Божественному откровенію и по образцу римлянъ. По мнѣнію *Лаше*, правитель лишь должностное лицо государства на основаніи взаимно обязывающаго договора, въ силу котораго ему должно вполнѣ повиноваться, если онъ будетъ управлять хорошо. Что онъ, именно, долженъ такъ управлять, является или молчаливымъ, или выраженнымъ условіемъ; если онъ этого не исполняетъ, договоръ теряетъ силу. Суверенный народъ законодательствуетъ, король долженъ только управлять. Онъ долженъ уважать жизнь и собственность гражданъ; государственная территорія и имущество составляютъ также собственность народа, король лишь управляетъ ими. Права народа не подлежатъ давности и не отчуждаемы; представители народа, получившіе отъ него свои полномочія, представляютъ собой весь народъ; какъ отдѣльныя лица они являются подданными, какъ цѣлое они стоятъ выше короля. Народъ – судья надъ королемъ, онъ можетъ его низложить, подвергнуть наказанію, казнить, если онъ измѣнитъ своимъ обязанностямъ. Аналогичной является теорія *Альтузія* о народномъ суверенитетѣ только она разработана у него съ еще болѣе строгой послѣдовательностью. Онъ надѣляетъ народъ верховными правами во всей нераздѣльности и неотчуждаемости. Народъ путемъ *общественнаго договора* соединился въ государство, путемъ *договора о власти* перенесъ верховную власть. Но послѣдняя въ силу божественнаго и естественнаго права связана положительнымъ закономъ государства и конституціей, и если она не подлежитъ наказанію и принужденію, то по отношенію къ тиранну существуетъ всетаки право сопротивленія и низложенія; потому что вся сумма власти остается неотчуждаемой отъ народа, который въ силу договора только подъ тѣмъ условіемъ принялъ на себя обязательства, что управлять имъ будутъ благочестиво и справедливо, и только

до тѣхъ поръ остается обязаннымъ, пока договоръ соблюдается другой стороной. Среди смутъ государственнаго переворота въ Англіи *Джонъ Мильтонъ* (1608—1674 Defensio pro populo Anglicano 1651) подобнымъ же образомъ защищалъ положеніе о суверенитетѣ народа и о существованіи между народомъ и королемъ договорнаго отношенія, право революціи и сверхъ того, во всякое время принадлежащее народу право измѣнять государственный строй и низлагать правителя. Наконецъ, какъ защитника подобныхъ же теорій слѣдуетъ упомянуть еще *Альджернона Сиднея.* (1622—1683. Discourses of gouvernement. 1683).

10. *Гуго Гроций.* Новый толчекъ ученію о естественномъ правѣ далъ *Гуго Гроций* (1583—1645. De jure belli ac pacis. 1625). Благодаря обширной разработкѣ, ученіе это всецѣло господствовало въ эпоху возрожденія, возникновенія новой философіи и господства здраваго человѣческаго разума, вплоть до нашего столѣтія. Исходной точкой Гроцію служило отвлеченное изслѣдованіе международнаго права, правовой характеръ котораго не подвергался никакому сомнѣнію, которое однако должно было быть выведено изъ естественнаго права, потому что положительнаго права въ этой области не существовало. Такимъ образомъ международное право сдѣлалось прототипомъ правопониманія вообще, и понятіе права опредѣлялось тѣмъ, что въ дѣйствительности никогда не можетъ достигнуть характера истиннаго права. На этомъ основаніи воздвигли въ строгой научной послѣдовательности и преимущественно по теоретическимъ соображеніямъ цѣлую обширную систему, въ которую тѣмъ болѣе охотно вводили частно-правовыя понятія, что отдѣльный индивидуумъ и его внѣшніе интересы должны были признаваться конечной цѣлью и содержаніемъ государства и права. У Гроція самого выступаетъ цѣлый аппаратъ авторитетовъ и примѣровъ, съ которыми и до него имѣли дѣло, но въ основныхъ понятіяхъ нѣтъ никакихъ существенныхъ измѣненій. Его значеніе заключается больше въ толчкѣ, который онъ далъ, чѣмъ въ его въ собственномъ вкладѣ въ науку; въ философскомъ воззрѣніи на право онъ почти не сдѣлалъ

шага впередъ, и принципъ, благодаря которому направленіе исходящее отъ *Гроція* получило названіе *соціальной школы*, именно, попытка отнести правовые институты къ соціальной природѣ человѣка, извѣстенъ съ давнихъ поръ. По мнѣнію *Гроція*, общественная природа людей побуждаетъ ихъ перейти изъ естественнаго состоянія къ общественному договору; право заключается въ томъ, что разумъ признаетъ соотвѣтственнымъ общественной природѣ человѣка. Истиннымъ носителемъ власти является народъ и остается таковымъ и послѣ того, какъ посредствомъ договора о подчиненіи передалъ осуществленіе власти правителю; послѣдній представляетъ особый органъ всего цѣлаго для осуществленія власти. Но народъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права судить или подвергать правителя наказанію; было бы несправедливо признавать право сопротивленія по отношенію къ носителю высшей власти; такое право въ частности можетъ быть установлено путемъ договора, и могло бы случиться, что правитель вслѣдствіе своего образа дѣйствій очевидно лишился бы своего права; но относительно всего этого у Гроція нѣтъ ясныхъ понятій. Онъ постоянно смѣшиваетъ публичное и частное право, заимствуетъ произвольно безъ всякой связи мысли и понятія другихъ и даже основное понятіе естественнаго права онъ при случаѣ превращаетъ въ такое естестественное право, которое противорѣчитъ всѣмъ общественнымъ установленіямъ.

Гоббезъ Отдыхаешь, когда отъ запутаннаго многоглаголанія Гроція переходишь къ *Гоббезу* (1588—1679. De cive. 1642 Leviathan 1651), возстановителю существеннѣйшихъ мыслей ученія Эпикура. Здѣсь встрѣчаешь, по крайней мѣрѣ, ясно выраженный принципъ, сенсуализмъ, и строго послѣдовательное развитіе его. *Гоббезъ* не признаетъ общительной природы человѣка; гражданское общество возникаетъ скорѣе изъ взаимнаго страха, такъ какъ естественное состояніе есть непрерывное столкновеніе эгоизма, война всѣхъ противъ всѣхъ, гдѣ люди лишь въ той мѣрѣ одинаковы по природѣ, что каждый въ состояніи убить другого. Хотя первоначально существуетъ право всѣхъ на все, но оно безполезно, потому что оно не обезпечиваетъ безо-

пасности пользованія; поэтому природа и разумъ предписываютъ искать мира. Для этой цѣли надо отказаться отъ своего права и перенести его, создать государство, обладающее принудительной властью, и этимъ обезпечить дѣйствительность договоровъ. Только такимъ путемъ возникаетъ право и неправо, такъ какъ нѣтъ неправа по отношенію къ тому, съ кѣмъ не заключено договора. Существуютъ, правда, естественныя правовыя положенія, естественный законъ согласный съ даннымъ откровеніемъ, нравственнымъ закономъ, и являющійся неизмѣннымъ, какъ самъ разумъ; онъ основывается на разумной заповѣди самоохраненія и на цѣли поддержанія мира, воздержанія отъ распрей, и выражается въ правилѣ: чего ты не хочешь себѣ, того не дѣлай и другимъ; но эти естественные законы, связывающіе совѣсть, не достаточны для сохраненія мира; въ естественномъ состояніи никто не можетъ ихъ держаться, потому что каждый постоянно подвергается опасности. Поэтому люди должны соединиться, чтобы подчиниться одному, которому они передаютъ всѣ свои права; такъ возникаетъ государство, какъ искуственный продуктъ, какъ часы или какая нибудь другая машина, по своей власти являющееся какъ бы земнымъ Богомъ (Liviathan 19 сл.). Государство вслѣдствіе единства воли образуетъ собой *одно* лицо; государственная власть, въ пользу которой каждый отказался отъ права сопротивленія ей, или путемъ подчиненія болѣе могущественному, или путемъ свободнаго договора, поглощаетъ собою право и личность отдѣльныхъ индивидуумовъ и всего цѣлаго (De cive V, Leviathan 17). Главнымъ при этомъ является принудительная власть; потому что не существуетъ права, пока каждый самъ долженъ себя оберегать. Эта власть неограничена въ рукахъ правителя, равно какъ законодательство и судъ и право запрещать всѣ ученія и мнѣнія, опасныя для мира. Правитель самъ не подлежитъ отвѣтственности и стоитъ выше закона; его власть нераздѣльна и не ограничена также частнымъ правомъ (De cive VI, XII). Въ государствѣ каждый сохраняетъ свободу лишь настолько, насколько она необходима для хорошей и спокойной жизни, а отдаетъ столько, сколько надо для того, чтобы его никто не боялся. Что

должно считаться правомъ и неправомъ, опредѣляетъ правитель; никто не долженъ позволять себѣ судить объ этомъ (тоже XII, 1). Обязанность правителя заботиться о благѣ государства, охранять внѣшній и внутренній миръ, собственность и свободу (тоже XIII, 2—6).

Естественный нравственный законъ, въ особенности десять заповѣдей, признавался идеальнымъ еще до государства, только онъ не могъ выполняться, потому что не существовало никакого обезпеченія; изъ него, какъ запрещающаго нарушеніе договора, вытекаетъ также обязательство повиноваться государственному закону, хотя бы послѣдній и противорѣчилъ естественному закону, который надо тогда истолковывать сообразно съ первымъ (то же XIV, 10). Государство должно также регулировать богослуженіе и само опредѣлять границы своихъ полномочій въ области религіи; толкованіе Священнаго Писанія исходитъ отъ государственной власти (то же XV, 16; XVII, 14, 27). Государство и церковь составляютъ одно и то же (тоже XVII, 21). Высокое значеніе ученія Гоббеза состоитъ въ строгомъ утвержденіи понятія суверенитета, которое у него правда нѣсколько наивно преувеличено, равно какъ въ рѣзкомъ проведеніи противорѣчія между такимъ состояніемъ, гдѣ не существуетъ надежной власти для осуществленія права, и такимъ государственнымъ порядкомъ, который характеризуется именно тѣмъ, что такая власть существуетъ. Этимъ былъ выдвинутъ новый существенный моментъ въ пониманіи права, который раньше никогда не указывался съ такой опредѣленностью и энергіей.

Подобно *Гоббезу Бенедиктъ Спиноза* (1632—1677. Tractatus theologicopoliticus, 1670. Tractatus politicus, недоконченный. Ethica 1677), видитъ въ естественномъ себялюбіи людей основу образованія государства. Однако, онъ отступаетъ отъ *Гоббеза* въ томъ, что выдвигаетъ неотъемлемую разумную природу человѣка, которая ставитъ государственной власти всегда обязательныя для нея границы. Каждое существо имѣетъ право на все то, для чего у него достаточно власти; потому что власть данная отъ природы есть собственная власть Бога, а Богъ имѣетъ высшее право на все. Каждое существо имѣетъ

поэтому право на существованіе и дѣятельность, сообразно съ своимъ естественнымъ назначеніемъ; это относится какъ къ людямъ, такъ и другимъ существамъ.

Въ естественномъ состояніи разумный человѣкъ живетъ сообразно съ разумомъ, чувственный же человѣкъ сообразно съ влеченіями и справедливо считаетъ врагомъ каждаго, кто хочетъ ему мѣшать. Естественное право не запрещаетъ, слѣдовательно, ничего, кромѣ того, что никто не можетъ и не въ силахъ сдѣлать. Но такое состояніе невыносимо, а потому его нужно оставить. (Tract theol. pol. 16. Tract pol. II, 4 слѣд.). Сущность человѣка состоитъ въ стремленіи къ самосохраненію; природа и разумъ предписываютъ себялюбіе, стремленіе къ истинно полезному, ко всему, что ведетъ къ усовершенствованію существа. Добродѣтель состоитъ въ этомъ сообразномъ съ природой поведеніи въ интересахъ самосохраненія, и счастье заключается именно въ томъ, что человѣкъ можетъ утверждаться въ своей сущности. Поэтому добродѣтель является абсолютной цѣлью. Но мы со всѣмъ, что имѣемъ, принадлежимъ къ внѣшнему миру; здѣсь для насъ нѣтъ ничего ближе и полезнѣе другихъ людей подобныхъ намъ. По этому самымъ желательнымъ является, чтобы люди соединялись между собой тѣломъ и душой такъ, чтобы они представляли собой единое тѣло и одну душу и вмѣстѣ стремились бы къ самосохраненію. Разумно поэтому, чтобы никто не желалъ для себя такой пользы, какой онъ не желаетъ для другихъ, чтобы поэтому каждый жилъ справедливо, добросовѣстно и нравственно Такимъ образомъ себялюбіе дѣлается основаніемъ всякой добродѣтели и благочестія (Eth IV, 18). Разумъ предписываетъ, слѣдовательно, вступать въ договорное состояніе, обуздывать произволъ страстей и установлять правовой порядокъ. Такимъ путемъ человѣкъ завоевываетъ свободу; потому что быть свободнымъ, значитъ повиноваться разуму, а слѣдовать страстямъ есть рабство.

Вѣчный законъ природы состоитъ въ томъ, чтобы изъ двухъ благъ выбирать большее, изъ двухъ золъ — меньшее, Всякій договоръ имѣетъ, слѣдовательно, въ виду пользу и теряетъ свою силу, какъ скоро перестаетъ быть полезнымъ. Съ другой стороны, люди скорѣе слѣдуютъ

корыстному чувству, чѣмъ разуму, поэтому каждый постоянно подвергается опасности со стороны другого. Слѣдовательно, для того, чтобы договоръ былъ дѣйствителенъ, нарушителю должно угрожать бо́льшее зло, чѣмъ то, которое онъ хочетъ избѣжать, а это можетъ быть достигнуто лишь путемъ установленія принудительной власти, которой всѣ повинуются добровольно или изъ страха, даже если бы она предписала нѣчто безсмысленное. Эта высшая власть не связана никакимъ закономъ; раздѣленіе ея равносильно было ея уничтоженію; правомъ считается то, что она объявляетъ таковымъ. Слѣдовательно, только въ государствѣ можетъ существовать неправо; государство есть условіе для всего хорошаго. Но сама государственная власть и обязанность ей повиноваться существуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока власть обладаетъ силой, и поэтому обыкновенно она будетъ управлять сообразно съ разумомъ и заботиться объ общемъ благѣ. Скорѣе всего это достигается въ демократіи. Ради общаго блага можно нарушить всѣ частныя права; однако сужденіе о томъ, что необходимо для общаго блага, принадлежитъ только правителю. Послѣдній однако изъ благоразумія не будетъ возбуждать народъ къ возмущенію Гдѣ цѣль государства составляетъ общее благо, гдѣ законы построены на разумѣ, тамъ существуетъ свобода, тамъ сохраняется также равенство естественнаго состоянія, (Tract theol pol 16. Tract. pol IV, 6). Сколько бы человѣкъ ни отказывался отъ своей власти и своихъ правъ, поступиться своимъ человѣческимъ достоинствомъ онъ не можетъ, и въ этомъ государственная власть находитъ свои фактическіе предѣлы; потому что всякое повиновеніе основывается на волѣ и настроеніи людей; на нихъ государственная власть имѣетъ, хотя и могущественное, но не безусловное вліяніе. Надо сдѣлать повиновеніе пріятнымъ даже для неразумныхъ и эгоистическихъ людей Для этой цѣли дѣлались нѣкоторыя попытки: напримѣръ, государственную власть окружали божественнымъ ореоломъ, однако задача эта всегда остается весьма трудной (Tract. theol. pol 17). Благочестіе и богопочитаніе также должно приспособить къ пользѣ государства, къ повиновенію предписаніямъ государственной власти (тоже

19). Но никто не можетъ лишиться права на свободу мысли и сужденія; свободное мнѣніе не можетъ быть подавлено. Если принужденіе въ области вѣры и ученія и является правомъ государственной власти, то оно должно служить къ ея пользѣ и могуществу.

Цѣль государства—свобода, состояніе, при которомъ каждый физически и духовно сообразно съ своимъ назначеніемъ можетъ жить покойно и безопасно. Поэтому должно терпѣть всякое ученіе, которое прямо не задѣваетъ основы всякой государственной жизни (тоже 20). Право государства не простирается на то, къ чему не могутъ человѣка побудить ни награда, ни угроза (Tract. pol. III, 8).

Самуилъ Пуфендорфъ (1632—1694. De jure naturae ac gentium. 1672. De officio hominis et civis 1673) болѣе всего приближался къ Гроцію, отъ котораго онъ заимствовалъ принципъ общественности, но находился также подъ сильнымъ вліяніемъ Гоббеза, и если онъ и удержалъ принципъ общественности, то основаніе его видѣлъ въ эгоистическомъ интересѣ и считалъ страхъ и недовѣріе истинной причиной человѣческаго общежитія (De jure nat. VII, 1). Оригинальнаго и новаго онъ, далъ немного; но давши тонкую систематическую разработку этики на основаніи естественноправовыхъ теорій, онъ предопредѣлилъ господствующую форму ученія на цѣлое столѣтіе и, во всякомъ случаѣ, несравненно болѣе глубоко понялъ нѣкоторыя идеи, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Онъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, попытку точно опредѣлить высшія нравственныя понятія (тоже I). Причину того, что человѣкъ живетъ въ упорядоченномъ закономъ состояніи, онъ видитъ въ разумной природѣ человѣка, въ безпредѣльности его желаній, въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ индивидумовъ и въ слабости и ограниченности человѣческихъ способностей (тоже II, 5—8). Естественное состояніе человѣка было въ высшей степени жалкое. Строго говоря, таковаго собственно никогда не существовало, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, семейный союзъ существовалъ всегда, и первоначальную войну всѣхъ противъ всѣхъ уже потому нельзя допустить, что человѣкъ съ самаго начала былъ надѣ-

ленъ разумною проницательностью. Тѣмъ не менѣе миръ былъ въ высшей степени не надеженъ (тоже II, 2).

Естественное право познается путемъ разсмотрѣнія человѣческихъ способностей, отношеній и склонностей. Человѣку присуще стремленіе къ самосохраненію. Самъ по себѣ онъ безпомощенъ, но силенъ въ союзѣ съ другими людьми, сверхъ того проникнутъ себялюбивыми страстями. Такое существо предназначено къ общественности, и то, что нужно для общественности, относится вмѣстѣ съ тѣмъ къ естественному праву (тоже II, 3, 14 слѣд.). Изъ за взаимнаго недовѣрія, для защиты противъ враждебности людей, отдѣльные вначалѣ семейные союзы перешли къ государственному единенію, потому что естественное право безъ государства не имѣло-бы никакого обезпеченія для своего осуществленія (тоже VII, 1, 6—12). Государство, моральную личность создаютъ люди, установляя власть и обязываясь за себя и потомковъ ей повиноваться. Это происходитъ вначалѣ путемъ договора о союзѣ между отдѣльными индивидуумами, потомъ путемъ рѣшенія относительно формы правленія, которую надо установить, наконецъ, посредствомъ договора о подчиненіи власти, причемъ послѣдняя обязывается заботиться объ общемъ благѣ, а народъ — повиноваться. Такіе договоры должны считаться заключенными не вымышленно, но, по крайней мѣрѣ, молчаливо, потому что государство когда нибудь должно же возникать и не иначе какъ такимъ образомъ. При наличности договора о подчиненіи, правителю принадлежитъ сужденіе о размѣрахъ своихъ обязательствъ, потому въ нарушеніи договора онъ можетъ быть обвиненъ лишь при самомъ очевидномъ неисполненіи обязанности. Такимъ образомъ государство представляетъ собой сложное нравственное лицо, воля котораго, приведенная путемъ договора между многими къ единству, считается волею всѣхъ, такъ что она можетъ употреблять силу и и имущество отдѣльныхъ лицъ для цѣлей общаго мира и безопасности. То, что правитель дѣлаетъ, какъ таковой, дѣлаетъ въ лицѣ его государство; но при всемъ томъ правитель остается и частнымъ лицомъ и дѣйствуетъ, какъ таковое. Народъ же, какъ таковой, никогда не является государствомъ, а лишь массой, безъ единства (тоже VII, 2, 5—20). На

правителѣ лежитъ обязанность изгонять изъ государства религіозныя и другія ученія, которыя угрожаютъ основамъ государства или инымъ какимъ либо образомъ вредятъ государству (то же VII, 4, 9). Верховная власть нераздѣльна; право принужденія по отношенію къ правителю противорѣчитъ идеѣ государства (то же IV, 10—14). Правитель стоитъ выше закона; теорія народнаго суверенитета совершенно нелѣпа. Высшая власть неограничена, но разумное употребленіе ея состоитъ въ пользованіи ею для цѣлей государства, т. е. для безопасности и блага всѣхъ и для возможности безпрепятственно осуществлять естественное право, однако ничто не мѣшаетъ, чтобы высшая власть, въ силу опредѣленнаго договора, была ограничена или перенесена лишь условно, такъ какъ даже и здѣсь желаніе короля представляетъ собой волю государства, нужно заботиться только о томъ, чтобы онъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ не могъ вообще выражать своей воли или, по крайней мѣрѣ, чтобы она осталась безъ всякаго результата. Общественное благо высшій законъ; но если правитель посягаетъ на частныя права безъ необходимости, онъ поступаетъ по отношенію къ гражданамъ несправедливо, и тогда народу, равно какъ и отдѣльнымъ лицамъ, но лишь въ случаѣ крайней нужды, принадлежитъ право самозащиты. Въ остальныхъ случаяхъ право сопротивленія существуетъ только тогда, когда оно было заранѣе обусловлено договоромъ или въ случаѣ очевиднаго нарушенія обязанностей правителя (то же VII, 8, 1—7) Правитель долженъ заботиться объ истинномъ религіозномъ и свѣтскомъ обученіи гражданъ (VII, 9, 4); но яснаго опредѣленія содержанія и границъ свободы преподаванія Пуфендорфъ не даетъ.

Христіанъ Томазій. Продолжателемъ направленія, указаннаго Пуфендорфомъ, является *Христіанъ Томазій* (1655—1728 Fundamenta iuris naturae et gentium 1075; Institutiones iurisprudentiae divinae 1688) одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ ревнителей просвѣщенія, оказавшій въ высшей степени благотворное вліяніе. Ученіе о принципахъ нравственности, благодаря ему, сдѣлало рѣшительный шагъ впередъ. Правда, у этого рѣшитель-

наго защитника sensus communis принципъ утилитаризма ставится во главѣ всего. Цѣль нормъ человѣческаго поведенія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣческую жизнь долговѣчной, истинно пріятной, установить внѣшній и внутренній миръ (Fundam. iur. nat. I, 6, 21 слѣд. 4,38). Отдѣляя нравственное (honestum) отъ пристойнаго (decorum) и справедливаго, онъ отводитъ для права особую область и находитъ удачное и важное послѣдствіями опредѣленіе справедливости въ томъ, что она стремится къ необходимому minimum'у добра и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать maximum'у зла (то же 40 слѣд. 72 слѣд.). Далѣе онъ отмѣчаетъ, что правовыя обязанности характеризуются какъ внѣшнія и совершенныя т. е. принудительныя, что право касается внѣшней свободы и правилъ внѣшняго сосуществованія; формула справедливаго такова: не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь отъ нихъ (то же I, 6; 41; 5, 9). Въ противоположность Гоббезу онъ выдвигаетъ понятіе прирожденныхъ правъ (то же I, 5, 12; 27) Естественное право — божественное установленіе, Богъ вложилъ его въ сознаніе человѣка; но оно имѣетъ скорѣе характеръ совѣта, чѣмъ настоящаго приказа. Настоящимъ, человѣческимъ положительнымъ закономъ является обязательное предписаніе носителя власти (то же I, 4, 54 слѣд. 76—83). Такъ какъ государство имѣетъ задачей только поддержаніе внѣшняго мира, то, насколько позволяетъ ему эта цѣль, оно совершенно не должно касаться религіознаго вѣрованія и долга совѣсти; должно уважать свободу вѣры и лишь обезпечивать внѣшній миръ между религіозными партіями (Inst. iurispr. div. III, 6, 149 слѣд.).

Христіанъ Вольфъ. Заключеніе чисто естественно правовому направленію даетъ *Христіанъ Вольфъ* (1679—1754. Ius naturae; 1740—49; Institutiones iuris naturae et gentium 1754).

Его главнѣйшей особенностью является выведеніе права изъ нравственной обязанности и характеристика права вообще, какъ дозволительнаго закона. Принципъ нравственаго долга, по его мнѣнію, состоитъ въ заповѣди работать надъ самоусовершенствованіемъ; совершенство — единственный источникъ счастья. Стремиться не только

къ личному совершенствованію, но и къ совершенствованію другихъ составляетъ нравственную обязанность, а на то, что составляетъ обязанность человѣкъ имѣетъ и право, и каждый можетъ требовать отъ всѣхъ другихъ уваженія этого права (Ius naturae I, § 170; § 608 слѣд). Какъ существуютъ для всѣхъ дѣйствительныя обязанности, почти также на основѣ ихъ существуютъ прирожденныя и неотчуждаемыя человѣческія права (то же I, § 23 слѣд. 64, 72); въ отношеніи ихъ первоначально всѣ люди равны между собой (то же 89—110). Обязанность предполагаетъ повелѣніе, вытекающее изъ обязанности право — дозволеніе: отсюда различіе нравственности, выражающейся въ leges praeceptivae et prohibitivae, отъ права, выражающагося въ формѣ leges permissivae. Каждый можетъ требовать отъ другихъ, чтобы они способствовали его совершенствованію, насколько это позволяетъ ихъ стремленіе къ собственному совершенству. (то же § 608 слѣд.) Вообще Вольфъ твердо держится различія между внутренними и внѣшними обязанностями, между совершенными т. е. принудительными и несовершенными т. е. непринудительными обязанностями. Внѣшнія обязанности могутъ быть только обязанностями по отношенію къ другимъ и изъ нихъ могутъ вытекать лишь отчасти принудительныя притязанія (то же § 656 слѣд § 904). Тамъ же, гдѣ обязанность зависитъ отъ сужденія другихъ, получается право несовершенное, непринудительное; совершенныя права вытекаютъ только изъ особыхъ основаній обязательства (то же § 906). Указать болѣе опредѣленный критерій для такого различія Вольфъ не могъ

Джонъ Локкъ. Естественно-правовая теорія, что государство основано путемъ свободнаго договора лишь для охраны частныхъ правъ, происходящихъ изъ естественнаго права, выразилась въ особенно яркой формѣ у *Джона Локка* (1632—1704. Two Treaties on governement 1689) въ „Трактатѣ о правительствѣ". Въ естественномъ состояніи не существуетъ господства одного человѣка надъ другими, исключая отцовской власти. Отъ природы всѣ свободны, равны и независимы; подчиненіе другъ другу можетъ быть установлено лишь путемъ свободнаго согласія (Тракт. II, 2). Въ естествен-

номъ состояніи существуетъ право личной свободы и собственность, послѣдняя имѣетъ своимъ основаніемъ трудъ и завладѣніе (то же II, 5). Для охраны этихъ естественныхъ правъ было создано государство; люди ни въ какомъ случаѣ не перенесли всѣхъ правъ на государство, а только карательную власть и правосудіе, но въ предѣлахъ естественныхъ правъ каждаго отдѣльнаго лица и въ цѣляхъ большаго обезпеченія свободы и собственности каждаго. Государство служитъ общему благу, и власть его не распространяется на то, что не является необходимымъ для этого блага. Было бы нелѣпо допускать, что разумное существо должно больше отдать своей первоначальной свободы и равенства, чѣмъ того требуетъ цѣль государства—способствовать общему благу (II, 9; 15). Всякая власть происходитъ отъ народа и снова возвращается къ нему. Народъ является судьей относительно порядка осуществленія власти и во всякое время можетъ обратно ее взять и установить новое правительство. Несправедливые законы не обязательны (II, 11, 14; 19; § 242—243). Право сопротивленія несправедливому осуществленію власти неотчуждаемо, отреченіе отъ него было бы нелѣпымъ (II, 18; 19). Государство должно терпимо относиться ко всякому вѣрованію, ко всякому ученію, исключая атеистовъ, потому что безбожіе не согласуется съ общимъ благомъ (Lett. concerning toleration. 1685).

Бентамъ и Милль. Позднѣйшіе англійскіе мыслители дали мало существеннаго для философіи права. Изъ нихъ достаточно упомянуть главнѣйшихъ: *Іеремію Бентама* (1748 -1832. Traités de législation 1802), который сводилъ всѣ нормы поведенія къ пользѣ и провозглашалъ наибольшее счастье большинства принципомъ всякаго законодательства, и *Джона Стюарта Милля* (1806—1873. On liberty. 1859; Considerations on representative governement, 1861; On utilitarianism 1864), предпринявшаго дальнѣйшую разработку теорій Бентама. Все это лежитъ въ сторонѣ отъ строгаго научнаго пути. У писателей школы Бентама нигдѣ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ вліянія успѣховъ, которые сдѣлало изученіе предмета со времени Гроція.

Жанъ Жакъ Руссо. Историческое завершеніе эпохи ученія объ естественномъ правѣ даетъ *Ж. Ж. Руссо* (1712—1778. Contrat social 1762) не потому, чтобы онъ провозгласилъ существенно новыя идеи, но благодаря тому, что своимъ краснорѣчивымъ изложеніемъ и фанатической односторонностью сообщилъ ходячимъ еще со времени среднихъ вѣковъ идеямъ необыкновенное вліяніе на воспріимчивое поколѣніе. Въ этой теоріи общественнаго договора проявилось все обычное ученіе объ естественномъ состояніи и естественныхъ неотчуждаемыхъ правахъ человѣка, объ образованіи государства путемъ договора между индивидуумами, объ общемъ благѣ т. е. государственной цѣли, ограничивающейся благомъ всѣхъ индивидуумовъ, о народномъ суверенитетѣ и правѣ сопротивленія. Но считая самый союзъ возникшимъ путемъ договора, Руссо отрицаетъ установленіе государственной власти путемъ договора о подчиненіи и превращаетъ государственную власть въ уполномоченнаго смѣняемаго сувереннымъ народомъ, который во всякое время можетъ собраться и устранить повѣреннаго, такъ что каждое правительство дѣйствуетъ лишь временно до ближайшаго народнаго собранія, равно какъ всѣ законы имѣютъ лишь временную силу, пока ихъ не отмѣнитъ народъ, что можетъ произойти въ каждый моментъ. Суверенный народъ не связанъ никакимъ договоромъ, онъ имѣетъ абсолютную власть, и всѣ права индивидуумовъ перешли къ обществу. Этотъ суверенитетъ народа неотчуждаемъ и нераздѣленъ.

Государство, какъ носитель единой воли (volonté générale) въ противоположность волѣ всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ (volonté de tous), представляетъ собой нравственное лицо; однако эта единая совокупная воля выражается лишь въ томъ, въ чемъ согласна воля всѣхъ индивидуумовъ. Суверенъ не можетъ быть представляемъ. Для первоначальнаго общественнаго договора необходимо единогласіе всѣхъ договаривающихся; на послѣдующее же время слѣдуетъ допустить, что каждый молчаливо подчиняется рѣшеніямъ большинства, какъ выраженію воли суверена (IV, 2). Такая форма государства—единственно допустима, всякое отклоненіе будетъ неправомѣрно и недѣйствительно. Государство въ своихъ

цѣляхъ должно установить религію: ученіе о высшемъ существѣ, о будущей жизни, о справедливомъ судѣ, о святости общественнаго договора и законовъ. Принуждать вѣрить государство не можетъ, но невѣрующаго можетъ изгнать, какъ негоднаго гражданина. Въ то же время Руссо требуетъ терпимости по отношенію ко всѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, не затрогивающимъ блага государства, въ особенности, по отношенію къ тѣмъ, которыя сами не грѣшатъ противъ терпимости (IV, 8)

Кантъ. Обновителемъ всей современной науки, какъ со стороны метода, такъ и со стороны содержанія, является *Эммануилъ Кантъ* (1724—1804. Основоположеніе къ метофизикѣ нравовъ 1785. Критика практическаго разума 1788 Метафизическія основы ученія о правѣ 1797). Въ равной степени явился онъ также обновителемъ философіи права

Съ перваго взгляда, Кантъ, повидимому, принадлежитъ къ защитникамъ естественнаго права, такъ какъ нѣкоторыя естественно-правовыя воззрѣнія встрѣчаются также и у него. Но они подверглись у него самымъ кореннымъ измѣненіямъ, и при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что удержаны лишь старый кругъ представленій и рядъ старыхъ терминовъ, понятія же совершенно измѣнены. Кантъ поэтому открываетъ новую эру, особенно по скольку съ него вновь начинается еще несознаемый поворотъ къ *Аристотелю.* Здѣсь достаточно будетъ отмѣтить лишь пункты, съ которыми связано дальнѣйшее развитіе мысли. Разрывъ съ естественнымъ правомъ у Канта выразился въ томъ, что право и государство онъ выводитъ не изъ отдѣльныхъ сторонъ человѣческой природы, не изъ особыхъ потребностей и цѣлей, но только изъ разума, изъ свободы воли и ея категорическаго императива. Въ отдѣльныхъ поступкахъ человѣкъ не можетъ не выражать вмѣстѣ съ тѣмъ общаго положенія, закона: такъ слѣдуетъ, такъ должно поступать.

Эта идея воли кождаго разумнаго существа, какъ общей законодательной воли, представляетъ основной принципъ ученія Канта. Такъ какъ сущность человѣка состоитъ въ его разумности и всѣ нормы для воли вы-

текаютъ только изъ этой его разумности, то воля автономна, т. е. законъ служитъ лишь выраженіемъ разума въ волѣ, и выводить законъ слѣдуетъ только изъ разума, не принимая во вниманіе какихъ-либо другихъ эмпирическихъ побудительныхъ причинъ, какъ напримѣръ, влеченій, склонностей и потребностей. Право имѣетъ поэтому не одну лишь внѣшнюю цѣль; оно является само по себѣ цѣлью, чтобы люди въ общеніи жили по законамъ разума, т. е. чтобы способъ осуществленія воли не допускалъ противорѣчія и былъ бы всеобщимъ, и такимъ образомъ правило, выражающееся въ отдѣльныхъ поступкахъ, способно было бы составить содержаніе общаго законодательства. Право есть та опредѣляемость человѣческихъ дѣйствій, въ силу которой дѣйствіе, разсматриваемое съ точки зрѣнія идеи общей законодательной воли, допускаетъ совмѣщеніе произвола каждаго отдѣльнаго лица съ произволомъ всѣхъ другихъ. (Введеніе въ ученіе о правѣ) При этомъ, здѣсь имѣется въ виду только благо государства, а не благополучіе его гражданъ и ихъ счастіе; цѣлью является самъ разумный порядокъ. Для счастья совершенно невозможно установить какого-либо общаго основанія и законовъ, вслѣдствіе измѣнчивости условія и мнѣній относительно того, въ чемъ каждый видитъ свое счастье. Никакой опытъ не можетъ дать познанія права, оно основывается на апріорныхъ принципахъ (Отношеніе теоріи къ практикѣ).

Второе принципіальное отклоненіе отъ естественнаго права состоитъ у Канта въ томъ, что онъ дѣйствующій правовой порядокъ выводитъ не изъ произвольнаго акта индивидуумовъ въ формѣ договора, но изъ присущаго волѣ разума. (Ученіе о правѣ § 41, 44).

Вступленіе въ государство—результатъ требованія разума; договоръ является лишь идеей разума, а не фактомъ; какъ фактъ онъ былъ бы невозможенъ. Ссылка на договоръ скорѣе есть лишь выраженіе лежащей на законодателѣ обязанности—издавать законы такъ, какъ они возникли бы изъ соединенной воли народа; эта ссылка является вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ разумнаго принципа оцѣнки всякаго публично правового строя. Человѣкъ не поступился частью своей прирожденной внѣ-

шней свободы ради какой-либо одной цѣли, но онъ совсѣмъ покинулъ дикую, беззаконную свободу, чтобы вновь найти свою свободу не въ меньшихъ размѣрахъ въ правовомъ порядкѣ (Отношеніе теоріи къ практикѣ, II, Ученіе о правѣ. § 47).

Такимъ образомъ, законъ происходитъ изъ воли, но не изъ воли эмпирическаго человѣка, а изъ чистой разумной воли идеальнаго человѣка; не народъ, какъ сумма отдѣльныхъ лицъ, создаетъ и охраняетъ право, но общественная справедливость, какъ выраженіе общаго всѣмъ разума (Ученіе о правѣ II, 1. Общ. замѣч. § 1). Если поэтому верховной главой государства и источникомъ законодательства признается самъ соединенный народъ, то у Канта это обозначаетъ, что истиннымъ сувереномъ обязывающимъ отдѣльныхъ лицъ является практическій разумъ, внѣшнимъ выраженіемъ котораго служитъ вытекающій изъ апріорныхъ принциповъ законъ. Кантъ называетъ единственно прочнымъ государственнымъ устройствомъ такое, гдѣ законъ самодержавенъ и не связанъ съ какимъ либо особымъ лицомъ. (Ученіе о правѣ § 47, 52). Наконецъ, въ третьихъ, ученіе Канта рѣзко отличается отъ ученія естественнаго права тѣмъ положеніемъ, имѣющимъ большое значеніе и послѣдовательно вытекающимъ изъ вышеизложенныхъ принциповъ, что признаетъ цѣлью самой по себѣ согласіе данныхъ государственныхъ формъ съ апріорными правовыми принципами, установленіе чисто разумнаго правового порядка, а всякое соображеніе и благѣ и счастьи признаетъ извращеніемъ государственной цѣли. Благо гражданъ, пожалуй, можетъ быть скорѣе достигнуто въ естественномъ состояніи или при деспотическомъ управленіи. Никто не долженъ меня принуждать видѣть свое счастье въ томъ, въ чемъ онъ самъ видитъ благо другихъ людей; это былъ бы величайшій деспотизмъ, какой можно только представить. Свобода человѣческаго достоинства состоитъ въ томъ, что каждый ищетъ свое счастье тѣмъ путемъ, который онъ считаетъ хорошимъ, подразумѣвая при этомъ, что онъ уважаетъ право. Истинное основное правило таково: да царствуетъ справедливость, хотя бы ради этого погибли всѣ плуты въ мірѣ. «Если погибнетъ

справедливость, то людямъ не стоитъ больше жить на землѣ». (Отношеніе теоріи къ практикѣ II. Къ вѣчному миру II; Ученіе о правѣ II. 1; Общ. замѣч. Е. 1).

При всемъ томъ Кантъ все еще отчасти придерживается естественнаго права. Новые принципы облечены не только въ обычную терминологію, но и не проникли вполнѣ во всемъ объемѣ въ сознаніе своего творца. Прежде всего Кантъ по прежнему идеальнымъ государственнымъ устройствомъ считаетъ такое, которое онъ называетъ республиканскимъ строемъ, и идеальнымъ правомъ то, которое, исходя изъ чистаго разума, вездѣ и всегда является истиннымъ правомъ; при выведеніи же отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ, какъ-то: собственности, брака, отеческой власти, обнаруживается поверхностное пониманіе, которое сильнѣйшимъ образомъ противорѣчитъ принципамъ самого Канта. Несмотря на все это, со времени Аристотеля не было другого мыслителя съ подобной энергіей мысли, а также и въ разсматриваемой нами здѣсь спеціальной области никто не имѣлъ большаго значенія для успѣховъ истиннаго знанія, чѣмъ Кантъ.

Фихте. Ближайшимъ продолжателемъ открытаго Кантомъ сокровища знаній является *I. Фихте.* (1762—1814). Уже въ его болѣе раннемъ сочиненіи «Размышленіяхъ о французской революціи» (Beiträge zur Berichtigung des Urtheils über die französische Revolution 1793. Собр. соч т. VI) выясняется, не смотря всѣ естественно-правовыя странности въ стилѣ Руссо, то положеніе, что единственная цѣль государственнаго союза состоитъ въ культурѣ свободы, подъ которой подразумѣвается, во всякомъ случаѣ, лишь политическая свобода и правовое равенство (Собраніе соч. VI, 89 слѣд. 101). Гораздо яснѣе развиваетъ Фихте принципы Канта въ „Основаніи естественнаго права“ (1796. Собр. Соч. т. III), сочиненіи, которое было написано еще ранѣе «Ученія о правѣ» Канта, но подъ вліяніемъ прежнихъ его сочиненій по вопросу о практической философіи. Слѣдующія сочиненія Фихте: „Система нравственнаго ученія (1798 „Собр. Соч.“ т. IV), „Основныя черты современной эпохи“ (1866), „Рѣчи къ германской націи“ (1808 Собр. Соч. т VII), Система ученія о правѣ (1812. Посмертное изд. соч. т. II). „Ученіе о

государствѣ“ (1813. Собр. Соч т IV) указываютъ на постепенное приближеніе Фихте къ болѣе глубокому и живому воззрѣнію. Исходнымъ началомъ для познанія права Фихте также считаетъ практическій разумъ и его свободу. Познаніе права сводится къ тому, чтобы понять общеніе между свободными существами, какъ таковыми; право есть апріорное условіе самосознанія. Каждый долженъ свою свободу ограничивать понятіемъ свободы каждаго другого. Для того, чтобы осуществленіе этого требованія было обезпечено, должна быть принята мѣра, дѣйствующая съ механической необходимостью; послѣдняя заключается въ принудительномъ законѣ. Только тогда возможенъ правовой порядокъ; право существуетъ лишь въ общежитіи и при положительныхъ законахъ. Поэтому не существуетъ естественнаго права въ смыслѣ догосударственнаго права; само государство есть естественное состояніе человѣка и его законы являются ничѣмъ инымъ, какъ реализированнымъ естественнымъ правомъ, въ смыслѣ общаго и единственно разумнаго права (Соб. Соч. III, 9. 11. 92. 112. 142. 148)

Фихте не даетъ вначалѣ иного объясненія существованія такого правового порядка, кромѣ заключенія государственно-гражданскаго договора, какъ намѣреннаго, проявляющагося когда-нибудь во внѣшнемъ мірѣ и лишь путемъ свободнаго самоопредѣленія возможнаго акта всѣхъ. Объектомъ общей воли признается въ началѣ лишь взаимная безопасность; не нравственное начало, а лишь эгоизмъ служитъ при этомъ побудительнымъ мотивомъ; каждый хочетъ общей цѣли только ради своей личной цѣли. Тѣмъ самымъ однако отдѣльная личность дѣлается частью организованнаго цѣлаго и сливается съ нимъ въ одно, но всегда только внѣшнею стороною своего существа. Во всемъ остальномъ человѣкъ остается свободной, только отъ себя зависимой личностью, и лишь для обезпеченія этой свободы существуетъ государственная власть Человѣкъ отъ природы не обладаетъ нравственностью, но его надо воспитывать для нравственности, и онъ самъ себя долженъ воспитывать; въ этомъ лежитъ необходимость правоваго закона. «Человѣчество выходитъ изъ гражданскаго состоянія для того, чтобы съ

абсолютной свободой возвыситься до нравственности; но это возможно лишь послѣ того, какъ человѣкъ пройдетъ черезъ государство (III, 106. 150. 152. 202 слѣд. 148. 206).

Теоріи Фихте о народномъ суверенитетѣ, о правѣ революціи, объ идеальномъ частномъ и публичномъ правѣ, и особенное подчеркиваніе защиты государствомъ частныхъ правъ, еще во всемъ напоминаютъ соотвѣтствующія естественно правовыя ученія. Но у Фихте договоръ признается основаніемъ права и государства не въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ. Въ государственномъ договорѣ человѣкъ подчиняется съ полнѣйшей свободой т. е. онъ подчиняется такому закону, который онъ самъ долженъ бы былъ принять въ силу нормы права и такимъ образомъ подчиниться своей собственной неизмѣнной волѣ. То, что единственно можетъ объединить людей, служа выраженіемъ общаго имъ разума, есть право. Людямъ совершенно не нужно выразить это соглашеніе спеціально, голосованіе можетъ дать лишь весьма неточное выраженіе общей воли. Каждый понятливый человѣкъ, исходя изъ разумной идеи права, можетъ примѣнять норму права къ даннымъ жизненнымъ отношеніямъ, не нуждаясь въ спеціальномъ выраженіи того, въ чемъ всѣ согласны. Для всѣхъ обязательная сила закона создается, такимъ образомъ, путемъ согласія отдѣльныхъ лицъ соединиться съ опредѣленнымъ множествомъ народа въ единое общество (III, 104 107). Въ «Системѣ нравственнаго ученія» признается абсолютнымъ долгомъ совѣсти сединяться съ другими въ государство. Поэтому вначалѣ надо удовлетворяться государствомъ необходимости, которое является первымъ условіемъ постепеннаго приближенія къ разумному и правомѣрному государству (IV, 238 слѣд.). Затѣмъ мысли Фихте все болѣе и болѣе обращаются къ философіи исторіи: государство и право признаются условіями для созданія свободы и осуществленія разумнаго назначенія, а несоотвѣтствующія идеѣ права учрежденія признаются исторически обоснованными, такъ какъ вызываются необходимымъ ходомъ развитія человѣчества. Въ „Основныхъ чертахъ современной эпохи“ Фихте отвергаетъ господствующій

взглядъ, по которому государство должно существовать лишь для защиты частныхъ цѣлей. Государство основывается не на индивидуумахъ и не изъ нихъ состоитъ; его цѣль есть цѣль рода, къ которой оно направляетъ всѣ индивидуальныя силы. Цѣль же рода заключается въ культурѣ, и только для этой цѣли обезпечивается внѣшнее существованіе индивидуумовъ; эта цѣль—общая цѣль, и въ то-же время истинная цѣль всѣхъ индивидуумовъ. Требуется установить всѣ отношенія рода согласно съ закономъ разума. „Цѣль государства—поддержать самого себя и цѣль природы—поставить человѣческій родъ въ такія внѣшнія условія, въ которыхъ онъ съ личной свободой можетъ дѣлаться подобіемъ разума, вполнѣ совпадаютъ". Всякое образованіе исходитъ отъ государства и должно стремиться къ нему. Свободно возвыситься до такой чисто культурной цѣли есть назначеніе человѣческаго рода. Для этого нужно, чтобы каждый сохранялъ сферу свободной дѣятельности. Несовершенныя установленія являются необходимымъ переходомъ къ государственному совершенству, для котораго требуются еще тысячелѣтія. Высшія отрасли культуры разума: религія, наука, добродѣтель, не могутъ, правда, никогда быть непосредственно цѣлями государства; государство, какъ принудительная сила, разсчитываетъ на недостатокъ доброй воли и стремится лишь къ тому, что достигается принужденіемъ, къ внѣшнимъ добрымъ нравамъ и нравственности, которые далеко еще не составляютъ добродѣтели. Только государство не должно нарушать того, что относится къ идеальному назначенію человѣка. Каждый долженъ быть орудіемъ государства и считать этимъ орудіемъ всякого другого; совершенное проникновеніе всѣхъ государствомъ наступаетъ лишь при полномъ равенствѣ правъ всѣхъ, являющемся цѣлью стремленій. (VII, 143—170; 187 слѣд. 221). Въ „Системѣ ученія о правѣ" право разсматривается, какъ фактическое условіе нравственности. Внѣшнія цѣли, которыя даются природой, какъ условія высшей цѣли, наше самосохраненіе и наша безопасность, должны быть достигнуты прежде, чѣмъ нравственный законъ сдѣлается общимъ достояніемъ. Для этого существуетъ право. Госу-

дарство имѣетъ возможность обезпечить появленіе свободы. Государство поэтому стремится къ самоупраздненію, такъ какъ его послѣдней цѣлью является нравственность, которая дѣлаетъ его излишнимъ. Государство слѣдуетъ понимать не только какъ управомоченную принудительную власть, но также какъ обязанную, освободительную силу (посм. изд. соч. II, 498 слѣд. 515 сл. 540 сл.). Въ «Ученіи о государствѣ» мыслитель наряду съ массой фантастическихъ построеній стремится прійти къ болѣе глубокому историческому пониманію правового развитія. Уже въ Рѣчахъ къ германскому народу Фихте говоритъ съ большимъ воодушевленіемъ о народѣ и національности. (Собр. соч VII, 381, 467). Основнымъ положеніемъ въ государствѣ является то, что человѣчество расчленяется на индивидуализированныя народныя группы, въ которыхъ индивидуальнымъ образомъ совершается развитіе къ царству разума и свободы. Единство народа образуется общей исторіей, языкомъ, воззрѣніями и образомъ мыслей; его самостоятельность и свобода состоятъ въ томъ, что народъ указаннымъ процессомъ движенія, исходящимъ изъ него самого, можетъ развиться до обширнаго государства. Если ходъ этого развитія прерывается, чуждая сила навязываетъ народу другую форму культуры, то ему наносится этимъ смертельный ударъ. (Собр. соч. IV, 412; 419). Государство, во всякомъ случаѣ, принудительное установленіе, но такое, что всѣмъ должны быть понятны правомѣрность принужденія и такимъ путемъ послѣдующая его ненужность. Только къ праву слѣдуетъ принуждать, всякое другое принужденіе безусловно противоправно. Только въ государствѣ возможно освобожденіе свободы и разума изъ несвободы и неразумности

Существующія правовыя установленія вызваны лишь необходимостью: лучшія изъ нихъ, какія только теперь возможны, представляютъ лишь переходныя ступени. Установленіе совершеннаго правового порядка дѣло развитія человѣческаго рода (то же 437. 469. 392. 432. 561).

Гегель Окончательные выводы изъ философскихъ началъ права, развитыхъ Кантомъ а послѣ него Фихте, сдѣлалъ *Гегель*. (1770—1831. Энциклопедія философскихъ наукъ 1830 § 483—552. Сочиненія VII, 2. Основы фи-

лософіи права 1821 соч. VIII); Правда, выводы его недостаточно систематичны, страдаютъ односторонностью и не вполнѣ свободны отъ вліянія естественноправовой доктрины. При всемъ томъ философія права Гегеля, въ особенности его ученіе о государствѣ, принадлежитъ къ первому разряду классическихъ произведеній науки всѣхъ временъ. Особенное достоинство мы признаемъ за тремя положеніями философіи права Гегеля: во первыхъ, Гегель имѣетъ то общее съ Кантомъ и Фихте, что начала государства и права онъ не выводитъ изъ внѣшней пользы, а то и другое являются скорѣе абсолютнымъ требованіемъ разума, и именно, практическаго разума; но у Гегеля эта основная точка зрѣнія гораздо глубже обоснована и послѣдовательнѣе развита. Воля, по Гегелю, есть особый способъ мышленія, мышленіе переводящее себя въ дѣйствительность Какъ тяжесть есть главное свойство тѣла, такъ свобода является главнымъ признакомъ воли.

Свобода есть воля, воля безъ свободы—пустое слово. Идея свободы состоитъ въ томъ, что «Я» въ своемъ самоопредѣленіи остается всетаки собой, не переставая удерживать общее. Человѣкъ свободенъ тѣмъ, что онъ можетъ отвлекаться отъ чего угодно, и такимъ образомъ самоопредѣляться и усвоивать всякое содержаніе. Всякое самосознаніе сознаетъ себя какъ всеобщее. Естественная воля опредѣляется стремленіями, желаніями и природными наклонностями; только когда она опредѣляетъ саму себя въ формѣ всеобщности, она является свободной волей. Всеобщность есть содержаніе, предметъ и цѣль воли; свобода это—мышленіе переходящее въ волю. Истинная воля тождественна съ своимъ содержаніемъ; воля хочетъ воли, свобода хочетъ свободы. Воля сознаетъ свою сущность, лишь когда она такимъ образомъ саму себя имѣетъ своимъ объектомъ. Изъ свободы должно вытекать понятіе права. Основа права есть духовное, воля; свобода—его субстанція. Право состоитъ въ томъ, что бытіе вообще является бытіемъ свободной воли. Правовая система есть царство осуществленной свободы, міръ духа, вытекающій изъ него самого, какъ его вторая природа. Въ этомъ смыслѣ Гегель стремится понять и представить государство какъ само по себѣ разумное. (Основы философіи права § 4—29). Право есть

прежде всего отвлеченное право, сферу котораго составляетъ вещное право. Свободная воля проявляется, именно, непосредственно, какъ отдѣльная воля субъекта, имѣющая особыя цѣли, направленныя на открытый внѣшній міръ, сознающая себя и въ сферѣ конечнаго въ то же время безконечной, общей и свободной. Отсюда понятіе о личности. Норма права не требуетъ ничего иного, кромѣ того, чтобы быть личностью и уважать личность въ другихъ; именно, требуетъ прежде всего въ качествѣ дозволительнаго закона и въ отрицательной формѣ—не оскорблять личность. Простая субъективность личности дополняется дѣятельнымъ отношеніемъ къ внѣшнему міру, именно, воля проявляетъ себя въ вещахъ и такимъ образомъ получаетъ реальность.

Такимъ образомъ собственность и всѣ частныя права выводятся не изъ внѣшнихъ цѣлей и полезностей, а только изъ идеи самой личности. (§ 34—41). Во вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить взглядъ Гегеля на государство. Въ государствѣ существуетъ нравственность, какъ субстанція, какъ сила, какъ объективно возникшій разумъ; индивидуумы по отношенію къ нему являются лишь случайностью. Содержаніе нравственности состоитъ въ разумности самой воли; въ законахъ, объективныхъ формахъ нравственности, разумный субъектъ вновь познаетъ свое собственное существо; такимъ образомъ государство есть выраженіе дѣйствительнаго духа семьи и народа (§ 142—157). Основными формами этихъ объективно нравственныхъ силъ являются у Гегеля *семья*, *гражданское общество* и государство. Отдѣленіе Гегелемъ гражданскаго общества отъ государства всегда останется его заслугой, несмотря на всѣ недостатки даннаго имъ опредѣленія общества. Представители естественнаго права сводили понятіе государства къ охранѣ государствомъ частныхъ правъ, въ основѣ которыхъ лежатъ частные интересы. Взглядъ же Гегеля состоитъ въ томъ, что такая охрана частныхъ правъ имѣетъ еще догосударственный характеръ, а государство выполняетъ функціи гораздо болѣе высокаго рода. Напротивъ, гражданское общество, по мнѣнію Гегеля, именно и есть эта система частныхъ интересовъ, поскольку она даетъ матеріалъ для дѣятельности госу-

дарства, но сама по себѣ не представляетъ правовой формы; только Гегель смѣшиваетъ съ этимъ многое, что несомнѣнно имѣетъ государственную природу, какъ правосудіе, полицію и корпораціи. Государство, какъ высшая форма, въ которую облекается нравственность въ своемъ объективномъ бытіи является у Гегеля самой божественной волей, духомъ, развивающимся въ міровую форму и организацію. Онъ имѣетъ свое основаніе въ нравахъ и самосознаніи отдѣльныхъ лицъ. Самосознаніе находитъ свою субстанціональную свободу въ государствѣ, съ которымъ оно срослось мыслью, которое выражаетъ его сущность, и дѣятельность котораго является его цѣлью и произведеніемъ. Государство—безусловно разумное во внѣшнемъ бытіи, абсолютная самоцѣль, и обладаетъ высшимъ правомъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ; государство есть объективная воля, разумное само по себѣ, и безразлично признается ли это разумное отдѣльными лицами и желаютъ ли они его или нѣтъ. Государство представляетъ Божественный путь въ мірѣ; его основа—власть разума, осуществляющагося въ видѣ воли. Суверенитетъ принадлежитъ поэтому государству, а не народу. Государство, какъ вполнѣ конкретная объективность воли, является личностью; послѣдняя лишь воплощается въ одномъ лицѣ, монархѣ (§ 257 слѣд. 278 слѣд.). Такимъ образомъ окончательно разрушается договорная теорія. Государство—духъ, который осуществляется въ мірѣ съ сознаніемъ, въ то время какъ въ природѣ онъ осуществляется лишь какъ спящій духъ; не духъ индивидуумовъ, а объективный духъ, идея, которая реализуется какъ самостоятельная сила, и въ которой отдѣльныя лица являются лишь моментами. Государство поэтому представляетъ организмъ т. е развитіе идеи въ ея частностяхъ. Государственный строй, хотя и возникъ въ предѣлахъ времени, не можетъ быть разсматриваемъ какъ нѣчто искусственное, но какъ нѣчто исключительно самобытное, божественное и постоянное, возвышающее надъ всѣмъ, что создается (§ 269, 273). Третье, что слѣдуетъ отмѣтить у Гегеля, состоитъ въ признаніи разумности каждаго даннаго государства съ его положительно-правовыми формами. Государство суще-

ствуетъ всегда какъ индивидуальное и особое государство, какъ государство извѣстнаго народа, въ тѣснѣйшей связи съ народнымъ духомъ, съ самосознаніемъ народа, въ особенности съ религіей, какъ живымъ источникомъ всѣхъ нравовъ и чувствъ. Каждый народъ имѣетъ свое собственное устройство, которое ему соотвѣтствуетъ и подходитъ; оно представляетъ работу столѣтій, идею и сознаніе разумнаго, поскольку они развились у извѣстнаго народа. Народъ долженъ относиться къ своему и государственному строю съ чувствомъ своего положенія; въ противномъ случаѣ, этотъ строй будетъ существовать внѣшнимъ образомъ, но не будетъ имѣть значенія и цѣны. (§ 274) Существеннымъ моментомъ въ жизни народа является созданіе и поддержаніе имъ своего государства; народъ, не создавшій государства, не имѣетъ исторіи. Въ историческомъ процессѣ духа свобода есть конечная цѣль; таковъ разумъ въ исторіи. Историческіе процессы совершаются въ народахъ черезъ посредство отдѣльныхъ умовъ. Самосознаніе отдѣльнаго народа является носителемъ каждой данной ступени развитія общаго духа, и этому народу принадлежитъ тогда всемірное господство.

Но въ процессѣ развитія міровой духъ возвышается надъ отдѣльнымъ народомъ и предоставляетъ послѣдній распаденію и суду. Такимъ образомъ и несовершенныя государственныя формы также слѣдуетъ считать необходимыми моментами въ развитіи идеи государства и постольку признавать ихъ разумными и правомѣрными. (Соч. VIII, § 341 слѣд. VII, 2 § 545, 548, 552).

Гегель глубже понялъ и ярче изложилъ, чѣмъ кто-либо другой, принципъ историческаго пониманія и оцѣнки права и государства. Изложеніе въ частностяхъ обнаруживаетъ много недостатковъ. Раздѣленіе этики совершенно не удалось, субъективный элементъ нравственнаго не оцѣненъ по достоинству, гордое архитектурное строеніе государства неправильно принято за высшую форму нравственности. Въ частностяхъ Гегель находится еще подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ естественнаго права, что нѣкоторыя формы частнаго и публичнаго права признаетъ вполнѣ выражающими идеальную разумную фор-

му права, представляющими абсолютное право, между тѣмъ какъ онѣ могутъ быть правильно поняты лишь какъ переходныя ступени въ историческомъ развитіи правовой идеи.

Мимоходомъ замѣтимъ, что мѣстами Гегелю можно сдѣлать важныя возраженія, особенно, по вопросу объ абстрактномъ правѣ, противъ юридическаго понимания изображенныхъ правовыхъ институтовъ.

12. Философія права Гегеля является послѣдней имѣющей историческое значеніе философской теоріей права. Единственная философія права, имѣвшая болѣе крупное вліяніе и самостоятельное значеніе изъ появившихся послѣ Гегеля, „Философія права на основѣ христіанскаго міровоззрѣнія“ (1830 4 изд. 1871) *Ф. І. Шталя*, несмотря на полемику противъ Гегеля придерживается въ существенномъ его же принциповъ, лишь исправляя ихъ и послѣдовательнѣе развивая въ частностяхъ. Теологическіе отголоски основываются большею частью лишь на измѣненномъ способѣ выраженія; напротивъ, историческій взглядъ на право и оцѣнка положительнаго права получили значительно лучшую разработку. Мѣстами глубокія, но не систематичныя мысли *Ф. ф. Баадера* о правѣ, государствѣ, обществѣ и церкви сопоставилъ. *Гофманъ* (Основы общественной философіи 2 изд. 1865). Изъ другихъ новѣйшихъ авторовъ по философіи права назовемъ еще въ качествѣ представителей вліятельныхъ направленій слѣдующихъ: *Аренса* (Естественное право или философія права и государства 6 изд Вѣна 1870. 2 т.) и *Редера* (Основы естественнаго права 2 изд. 1860). Оба придерживаются точки зрѣнія философа *Краузе*, который энергично настаиваетъ на органическомъ моментѣ права, основаніе права ищетъ въ нравственности и существѣ Божіемъ и каждому приписываетъ право на исполненіе своего назначенія. *Мишле* (Естественное право или философія права 1866 2 т.) развиваетъ дальше философскія начала Гегеля.

Гейеръ (Исторія и система философіи права 1863) опирается на *Гербарта*, имѣвшаго дурной вкусъ сводить право и всю этику къ извѣстнымъ первоначальнымъ естетическимъ сужденіямъ. *Кирхманъ* (Основныя понятія права и морали 1869) сводитъ на началахъ сенсуа-

листическаго реализма, право и нравственность къ чувствамъ, въ особенности же къ уваженію передъ авторитетомъ

Тренделенбургъ (Естественное право, 2 изд 1868) неяснымъ образомъ старается опереться на *Аристотеля*, но при этомъ упускаетъ изъ виду нѣкоторыя существенныя открытія новѣйшей науки и, несмотря на многія остроумныя замѣчанія, нигдѣ не обнаруживаетъ принципіальной глубины воззрѣнія. *Іерингъ* (Цѣль въ правѣ т. I. 1877) усматриваетъ сущность права въ его пользѣ для порядка различныхъ жизненныхъ отношеній и развиваетъ эту точку зрѣнія съ замѣчательной силой мысли. Настоящій источникъ глубочайшихъ философскихъ познаній о правѣ представляетъ трудъ того же автора, Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія (т I—III, 1873—81).

Шеффле. (Энциклопедія государственной науки строеніе и жизнь соціальнаго тѣла т. IV 1878). Шеффле пытается разсматривать государство съ точки зрѣнія теоріи развитія Дарвина и на первый планъ выдвигаетъ общественную и хозяйственную жизнь Теперь менѣе чѣмъ когда либо существуетъ единая философская теорія о правѣ и государствѣ, которая пользовалась бы общимъ признаніемъ. Хотя современной наукѣ о правѣ слѣдуетъ воздать похвалу за то, что она философски ищетъ болѣе глубокой внутренней связи отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ и положеній, но въ вопросѣ о выведеніи всего права изъ одного высшаго начала царитъ то же разногласіе мнѣній, какъ и въ другихъ областяхъ философской науки. Тѣмъ не менѣе философія права отъ *Аристотеля* до *Гегеля* въ соединеніи съ неутомимымъ историческимъ изслѣдованіемъ дала много прочныхъ основаній и способствовала выясненію понятій, сдѣлавшихся отчасти общимъ достояніемъ. Эти данныя, добытыя предшествующимъ развитіемъ науки, должно добросовѣстно принимать во вниманіе при каждой новой попыткѣ философскаго изслѣдованія права.

Важнѣйшія опечатки.

Напечатано:			Читать:
Стр.	Строка.		
V	13	св. субъективной	субъективной
4	17	св. что если	что, если
6	3	сн. законодательствъ	законодательство
14	11	сн. „право“	право
22	17	св. Естественное право § 16)	(Естественное право § 16)
23	6	сн. себя	себѣ
27	15	св. досттигло	достигло
29	1	св. пололожительнаго	положительнаго
29	12	сн. появленія	появленіе
31	1	св. признакомъ	принципомъ
31	16	св. αρεση'	'αρετη'
32	4	св. отраничивалъ	ограничивалъ
32	2	сн. безконечнымъ	безконечными
39	4	св. Политика	Политикъ
43	3	сн. не поднимался	не поднимался,
48	5	св. Этихъ Никомак.	Этика Никомах.
60	18	сн. нѣкоторые	нѣкоторыя
75	11	св. претиворечитъ	противорѣчитъ
76	4	сн. Junius «Brutus	Junius Brutus
78	17	сн. сдѣлалосъ	сдѣлалось
79	8	сн. че ловѣка	человѣка
83	10	св. было	было бы
91	4	сн. каждого	каждаго

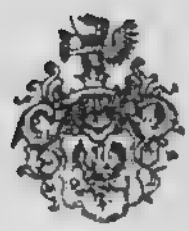
Прив.-Доц. В. М. ГОРДОНЪ.

ПОНЯТІЕ ПРОЦЕССА

ВЪ НАУКѢ

ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

(Вступительная лекція).



ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея
20 Ноября 1901 г. Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ПОНЯТІЕ ПРОЦЕССА

ВЪ НАУКѢ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

(Вступительная лекція).

Когда возникаетъ вопросъ, что представляетъ собою гражданскій процессъ, вниманіе обращается прежде всего на тѣ дѣйствія, которыя совершаются въ теченіи его. Это видимая, усматриваютъ сторона процесса.

Видѣть внѣшнюю сторону не значитъ, конечно, знать самое существо явленія. А между тѣмъ еще и до сихъ поръ во внѣшней оболочкѣ усматриваютъ суть процесса.

Съ полною увѣренностью въ своей правотѣ не находятъ неправильнымъ то опредѣленіе процесса, которое далъ еще въ половинѣ 18-го вѣка Неттельбладтъ. Гражданскій процессъ,—говорилъ онъ,—есть не что иное, какъ искусство; искусство это заключается въ изготовленіи дѣлъ и ловкомъ обращеніи съ ними („die Kunst, Akten anzufertige und mit ihnen geschickt umzugehen"). Съ такой точки зрѣнія задача науки о процессѣ сводилась лишь къ изученію пріемовъ искусства.

Не близко-ли отъ этого воззрѣнія стоятъ и до сихъ поръ тѣ, кто въ процессѣ гражданскомъ замѣчаетъ лишь совокупность дѣйствій, а задачу науки видитъ въ описаніи ихъ (Descriptive Prozesstheorie)?

Такой взглядъ высказанъ еще на дняхъ въ послѣдней книжкѣ „Göttingische gelehrte Anzeigen". Главная задача науки гражданскаго процесса,—говорятъ (Kisch),—заключается въ уясненіи различныхъ дѣйствій участниковъ, въ изслѣдованіи связанныхъ съ дѣйствіями эффектовъ; эта задача вытекаетъ изъ представленія о процессѣ какъ дѣятельности для осуществленія права (Handeln zur Geltendmachung und Verwirklichung von Rechten,—Verfahren, Thätigkeit, Inbegriff von Akten)*).

*) Göttingische gelehrte Anzeigen, 1901, III.

Давно уже, однако, ощущалась, если не вполнѣ отчетливо сознавалась зыбкость такого построенія. Въ послѣднее время это сознаніе становится сильнѣе и сильнѣе.

На каждомъ шагу говорятъ, напримѣръ, „процессъ возникъ". Когда предъявленъ искъ, Вы скажете: возникъ процессъ. Но гдѣ же здѣсь совокупность дѣйствій? Здѣсь лишь одно дѣйствіе.

Вы говорите: „процессъ прекратился". Если процессъ — совокупность дѣйствій, значитъ, до момента прекращенія процесса вся эта совокупность продолжала существовать одновременно? А между тѣмъ имѣлъ мѣсто лишь послѣдовательный рядъ процессуальныхъ событій. Предъявленъ былъ искъ, подано объясненіе на него, введенъ встрѣчный искъ, вступили третьи лица,—а процессъ все тотъ же, одинъ процессъ.

Такимъ образомъ, естественное понятіе о процессѣ связано съ представленіемъ о единствѣ, цѣльности его. Только какъ единое, цѣльное явленіе, процессъ можетъ возникать, развиваться, прекращаться.

Понятіе о единствѣ процесса не можетъ относиться къ совокупности процессуальныхъ дѣйствій. Если въ составъ процесса и входитъ эта совокупность, то, на ряду съ этимъ, процессъ представляетъ и нѣчто другое, что объединяетъ всѣ эти дѣйствія, дѣлаетъ изъ отдѣльныхъ явленій одно цѣлое общее

Нѣтъ сомнѣнія, что, по основной своей идеѣ и конечной цѣли, гражданскій процессъ есть институтъ, установленный закономъ въ возмѣщеніе отсутствующей самозащиты интересовъ, не допустимой при существованіи общественно-государственной организаціи. Государство принимаетъ на себя попеченіе о защитѣ правъ гражданскихъ и охраняемыхъ ими интересовъ. Попеченіе это вручается засимъ дѣятельности спеціальнаго органа—суда.

Гражданскій процессъ, по основному своему значенію, представляетъ, такимъ образомъ, закономъ установленную форму попеченія о частно-правовыхъ интересахъ, т. е. о тѣхъ интересахъ, которые признаются въ гражданскомъ правѣ заслуживающими охраны. *)

*) Такъ опредѣляетъ Wach: Civilprozess ist gesetzlich geregelte Form der staatlichen Privatrechtspflege (Handbuch, I, 3).

Конечно, какъ форма такой активной дѣятельности, гражданскій процессъ связанъ съ производствомъ, рядомъ дѣйствій, которыя необходимы либо какъ условія (предъявленіе иска), либо какъ самый способъ защиты интересовъ.

Все это производство было бы, однако, безцѣльнымъ если бы всѣ дѣйствія, входящія въ его составъ, съ одной стороны, не были результатомъ существованія между участвующими лицами извѣстныхъ правъ и обязанностей, и, съ другой стороны, не вели къ возникновенію новыхъ.

Какое бы значеніе имѣло предъявленіе иска, если бы судъ не былъ обязанъ къ принятію иска, а истецъ не имѣлъ права обращаться къ государственнымъ органамъ за охраною своихъ частныхъ интересовъ?—Судъ, принявъ искъ, не обязанъ-ли поставить о томъ въ извѣстность отвѣтчика?—Не пріобрѣтаетъ-ли отвѣтчикъ права на вступленіе въ отвѣтъ по иску?

Словомъ, за каждымъ дѣйствіемъ процессуальнымъ стоятъ права и обязанности участниковъ. По каждому изъ дѣйствій возникаютъ правоотношенія, т. е. права однихъ и соотвѣтственныя имъ обязанности другихъ.

Такимъ образомъ, кромѣ ряда дѣйствій, гражданскій процессъ заключаетъ въ себѣ и рядъ правоотношеній.

Эти правоотношенія имѣютъ мѣсто ради одного и того же предмета. Таковымъ является разсмотрѣніе исковой претензіи, вытекающей изъ матеріальнаго правоотношенія. Это единство предмета даетъ возможность представить всю массу правоотношеній какъ одно цѣльное правоотношеніе.

Взглядъ на процессъ какъ на правоотношеніе далеко не новъ. По изслѣдованію профессора Гольмстена, мысль эта высказана уже въ 1346 г. нѣкіимъ Іоанномъ Андреемъ. Iudicium est—говоритъ онъ,—actus trium personarum, sc. judicis, rei et actoris.

Не будемъ задаваться вопросомъ, насколько здѣсь выраженъ взглядъ на процессъ какъ правоотношеніе. Во всякомъ случаѣ теорія процесса долгое время не могла дойти до того, чтобы смотрѣть на процессъ такимъ „центральнымъ“ образомъ. Честь установленія такой точки зрѣнія принадлежитъ профессору Оскару Бюлову. Внѣ сомнѣнія, однако

что на этотъ счетъ вполнѣ высказалась уже римская юриспруденція.

Римскіе юристы были далеки отъ того, чтобы смотрѣть на процессъ просто какъ на рядъ одно за другимъ слѣдующихъ дѣйствій сторонъ и суда.

Слово „processus" является лишь въ новолатинскомъ языкѣ; въ источникахъ же употребляется въ совершенно иномъ смыслѣ, лишь въ буквальномъ значеніи. Напримѣръ, въ l. 4 C. 3. 11 говорится о „judex procedens". Но, какъ поясняетъ Бюловъ, здѣсь отнюдь не имѣется въ виду судья, выступающій въ процессѣ. „Judex procedens" означаетъ судью, который не засѣдаетъ въ мѣстѣ нахожденія судебнаго трибунала, но, для разсмотрѣнія даннаго дѣла или совершенія отдѣльнаго дѣйствія, выѣзжаетъ на мѣсто, гдѣ возникъ споръ.

Римская же наука права для нашего понятія „процессъ" знаетъ лишь терминъ „judicium".

Понятіемъ „judicium" рѣзко оттѣняется именно то, что сообщаетъ конструкціи процесса характеръ юридическаго отношенія,—объединеніе процессуальныхъ правоотношеній, свойство юридической связи, охватывающей субъекты процесса.

Юридическая связанность сторонъ черезъ установленіе judicium'а выражена ясно римскими юристами. Черезъ вступленіе въ judicium стороны, читаемъ въ источникахъ, „hujus judicii sententiae se subdiderunt" *). Judicium представляется въ источникахъ, по выраженію Бюлова, какъ капсула (Gehäuse), въ которой заключены данныя матеріальныя правоотношенія, охраняемыя такимъ путемъ отъ внѣпроцессуальныхъ воздѣйствій **). Не будетъ отдаленнымъ уподобленіе тогоже Бюлова, что judicium—это сосудъ, гдѣ происходятъ и само собою должны происходить: рафинировка подлежащаго разрѣшенію матеріально-правоваго дѣла, его юридическій анализъ, раздѣленіе его отдѣльныхъ юридическихъ элементовъ и, наконецъ, окончательное разрѣшеніе по твердо опредѣленнымъ правиламъ.

---

*) L. 3 pr. D 46, 7.—Ср. l. 2 § 5 D 16, 1: quum ex hac re (litis contestatione), subeat condemnationem.

**) Удачно схвачена эта мысль въ l. 139 pr. D 50, 17: actiones semel inclusae judicio salvae permanent.

Эта юридическая необходимость изслѣдованія и разрѣшенія, эта necessitas cognoscendi et judicandi, эта связанность субъектовъ процесса съ результатомъ процессуальнаго производства, эта зависимость матеріально-правоваго состоянія отъ постановленнаго рѣшенія—суть свойства, общія процессуальному отношенію нынѣшняго права и judicium'у права римскаго *).

Прошли, однако, вѣка, раньше, чѣмъ взглядъ на процессъ какъ на правоотношеніе остановилъ на себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ Оскаръ Бюловъ.

Еще никогда,—высказалъ Бюловъ въ своемъ трудѣ. „Die Lehre von den Prozesseinreden und Prozessvoraussetzungen", 1868 г.,—не было сомнѣнія въ томъ, что цивильно-процессуальное право опредѣляетъ права и обязанности, существующія между сторонами и судомъ въ ихъ взаимномъ отношеніи. Но этимъ самымъ выражается, что процессъ есть отношеніе правъ и обязанностей, т. е. правоотношеніе (стр. 1).

Только въ прошломъ году высказалъ Бюловъ свою мысль въ подробностяхъ. Это именно въ статьѣ „Die neue Prozesswissenschaft und das System des Civilprozessrechts" **).

Въ первой своей работѣ Бюловъ изслѣдовалъ примѣненіе своей мысли лишь къ вопросу объ условіяхъ процесса и возраженіяхъ. Но съ этого времени возникла цѣлая школа послѣдователей Бюлова ***). Эта бюловская школа и подвергла мысль своего основателя тщательному анализу. На Западѣ теорія Бюлова можетъ считаться несомнѣнно господствующею, хотя и не общепризнанною. Наиболѣе крупными представителями ея въ настоящее время являются профессоръ Лейпцигскаго университета Адольфъ Вахъ и его ученики: профессора Шмидтъ и Штейнъ. У насъ первымъ послѣдователемъ является профессоръ Гольмстенъ ****).

* * *

*) Zeitschrift für deutschen Civilprozess, томъ 27 (1900 г.), стр. 228.

** Ibid., стр. 201 сл.

***) О Бюловѣ и его школѣ см. Нефедьевъ, Къ ученію о сущности гражданск. процесса, 1891, стр. 81 сл; В. Гордонъ, въ Словарѣ юридическ. и государственн. наукъ, изд. подъ ред. Волкова и Филиппова, статья „Бюловъ и его ученіе".

****) Въ своемъ Учебникѣ русск. гражд. судопроизводства проф. Гольмстенъ даетъ законченное построеніе системы судопроизводства на

Называя процессъ правоотношеніемъ, къ области права процессуальнаго примѣняютъ понятіе чисто матеріальнаго права.

Для наличности правоотношенія гражданское право предполагаетъ двухъ субъектовъ, отношеніе между которыми состоитъ въ томъ, что праву одного изъ нихъ соотвѣтствуетъ обязанность другого, одно лицо является обязаннымъ исполнить то, требовать чего имѣетъ право другая сторона отношенія.

Такъ ли это и въ процессуальномъ отношеніи? Кто, прежде всего, является субъектами его?

По основной идеѣ суда, какъ способа безпристрастнаго разграниченія сталкивающихся интересовъ, для наличности процесса необходимо, кромѣ двухъ спорящихъ сторонъ, участіе и третьяго лица, судьи. Это и отмѣчено въ приведенномъ опредѣленіи: judicium est actus trium personarum.

Эти три лица и являются, необходимо, участниками процессуальнаго правоотношенія.

Если, такимъ образомъ, процессъ является правоотношеніемъ, то отношеніе это можетъ быть только трехсторонним ъ.

Участіе трехъ сторонъ является необходимымъ условіемъ правоотношенія, по скольку оно процессуально.

Не мыслима, поэтому, какъ не согласная съ фактической дѣйствительностью и основной идеею суда, теорія Joseph Kohler'a.

Процессъ, по его ученію, есть отношеніе лишь между сторонами; судъ не участвуетъ въ этомъ отношеніи, ибо участіе въ немъ можетъ быть вызвано наличностью интереса, а судъ не заинтересованъ въ разрѣшеніи процесса *).

Но, во первыхъ, судъ или, правильнѣе, государство въ своей судебной функціи, прямо заинтересованы въ сохраненіи общественнаго порядка и разрѣшеніи, для этого, споровъ въ судебномъ порядкѣ.

принципіальной основѣ своего ученія. Одинъ изъ принциповъ процессуальной науки установленъ и изслѣдованъ имъ въ монографіи „Принципъ тождества" (Юридическ. изслѣдованія, 1894, стр. 251.).

*) J. Kohler. Der Prozess als Rechtsverhältniss, 1888, 6 сл.

Во вторыхъ, пока въ отношеніе двухъ сторонъ не вступитъ третье—судъ, есть споръ, но нѣтъ процесса: участіе суда такъ-же необходимо, какъ и участіе каждаго изъ спорящихъ. Нельзя же начать процесса съ самимъ собою. Нельзя вести процесса, не обращаясь къ суду.

Наконецъ, идея двухсторонняго процессуальнаго отношенія была бы и безполезна, не оправдывала бы цѣли. Выдвигая значеніе процесса какъ правоотношенія, имѣлось въ виду найти то общее, что дѣлаетъ процессъ единымъ и цѣльнымъ. Гдѣ же единство и цѣльность, если не входитъ въ нихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣятельность суда?

Итакъ, субъектами процессуальнаго правоотношенія являются какъ истецъ съ отвѣтчикомъ, такъ и судъ.—

Не смотря на трехсторонній составъ, процессуальное отношеніе является единымъ. Оно едино, хотя и не является единственнымъ. Состоя изъ ряда отношеній, оно лишь сложно, не переставая быть единымъ.

Это не есть правоотношеніе только между сторонами, не есть и правоотношеніе между судомъ и каждой изъ сторонъ. Каждое изъ этихъ отношеній имѣетъ лишь частичное значеніе. Въ составъ процессуальнаго отношенія входитъ рядъ отдѣльныхъ. Но въ каждомъ изъ нихъ проявляются только различныя стороны одного и того-же правоотношенія.

Будучи единымъ, въ теченіи всего производства процессуальное отношеніе остается тождественнымъ само съ собою. Иначе будетъ имѣть другой процессъ, индивидуально отличный отъ перваго, ибо различны будутъ процессуальныя отношенія.

Чѣмъ-же, спрашивается, обусловливается различіе этихъ отношеній?

Признакомъ отличія является то, ради чего возникаетъ процессуальное отношеніе. Таковымъ признакомъ является то матеріальное правоотношеніе, разсмотрѣніе котораго составляетъ предметъ судебнаго разбирательства.

Матеріальное правоотношеніе имѣетъ двоякое значеніе для процессуальнаго: во первыхъ, существованіе перваго есть поводъ для второго: не было бы матеріальнаго правоотношенія, не возникло бы и спора изъ за него, не возникло бы и процессуальнаго отношенія. Во вторыхъ, ради

матеріальнаго правоотношенія, ради авторитетнаго рѣшенія спора о немъ возникаетъ и существуетъ процессуальное.

Индивидуализація процессуальнаго правоотношенія сводится къ индивидуализаціи матеріальнаго правоотношенія. Одно и тоже матеріальное правоотношеніе означаетъ тождество и процессуальнаго. Различіе относительно перваго равносильно различію и во второмъ.

Отсюда и вытекаетъ особый принципъ, именуемый принципомъ тождества. Такъ названъ онъ профессоромъ Гольмстеномъ *).

Принципъ тождества,—опредѣляетъ профессоръ Гольмстенъ,—есть тотъ принципъ, въ силу котораго процессуальное отношеніе можетъ возникнуть лишь въ такомъ случаѣ, когда спорное матеріальное правоотношеніе, являющееся поводомъ его, свободно отъ всякаго внѣшняго тождества; а затѣмъ, разъ возникнувъ, можетъ продолжать свое правомѣрное существованіе лишь подъ условіемъ сохраненія спорнымъ правоотношеніемъ своего внутренняго тождества.

Подъ тождествомъ спорныхъ отношеній разумѣется полное совпаденіе ихъ во всѣхъ элементахъ. Если эти элементы представляются различными въ двухъ или нѣсколькихъ спорныхъ отношеніяхъ, мы говоримъ объ отсутствіи тождества внѣшняго. Внутреннее же тождество имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда одно и тоже спорное провоотношеніе, въ разныя стадіи процесса, является тождественнымъ.

По тождеству матеріальнаго правоотношенія заключаютъ и о тождествѣ процессуальнаго.

Пока матеріальное правоотношеніе не потеряетъ своего внутренняго тождества, остается тѣмъ же самымъ и отношеніе процессуальное.

Если напримѣръ, одинъ изъ спорящихъ умеръ и фактически вышелъ изъ отношенія, но, въ лицѣ наслѣдника, юридически продолжаетъ состоять въ данномъ правоотношеніи, нѣтъ измѣненія по существу и въ томъ процессѣ, который возникъ по поводу и ради этого отношенія. Процессъ послѣ смерти одного изъ тяжущихся, замѣненнаго

---

*) Проф. Гольмстенъ. Принципъ тождества, въ Юридическихъ Изслѣдованіяхъ, 1894, стр. 251 сл.; Учебникъ, изд. 3-е, 1899 г., 129 сл.

его наслѣдникомъ, не перестаетъ быть тѣмъ же процессомъ, сохраняетъ свое внутреннее тождество

Съ другой стороны, если въ одномъ судѣ возникъ процессъ по поводу матеріальнаго правоотношенія, изъ за котораго возникъ уже раньше другой процессъ, имѣется тождество внѣшнее: тождественны поводъ и цѣль, тождественно и процессуальное отношеніе. Противъ новаго процесса будетъ умѣстна exceptio litis pe dentis.

Еще примѣръ. Существуетъ, какъ Вы знаете, правило „ne bis in idem". Когда рѣшеніе вступитъ въ законную силу, не можетъ быть процесса въ отношеніи тождественнаго спорнаго предмета, отыскиваемаго и оспариваемаго тѣми же тяжущимися сторонами и на томъ же основаніи.

Если бы былъ предъявленъ искъ, вопреки этому правилу, процессуальное отношеніе по этому иску было бы во внѣшнемъ тождествѣ съ первоначальнымъ.—

Будучи правоотношеніемъ сложнымъ, процессъ заключаетъ въ себѣ совокупность публично-правовыхъ отношеній, въ которыя вступаютъ субъекты процесса черезъ открытіе процесса. Въ такомъ составѣ процессъ представляется отношеніемъ взаимной юридической связанности между его субъектами—сторонами и судомъ. Бюловъ употребляетъ здѣсь терминъ „связанность" (Gebundenheit).

Этому признаку придается особенное значеніе именно съ цѣлью болѣе рѣзкаго отстраненія отъ процессуальнаго правоотношенія частно-правоваго характера.

Это надо было сдѣлать въ противовѣсъ воззрѣнію на процессъ какъ на перенесенное въ область процесса обязательство права гражданскаго,—„Prozessobligation" *).

Посмотримъ, однако, что общаго въ природѣ процессуальнаго правоотношенія и матеріально-правового отношенія по обязательству.

Подъ обязательствомъ,—Вы знаете,—римское право разумѣетъ „juris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus solvendae rei secundum nostrae civitatis jura" (pr. J. III, 13).

Не подойдетъ-ли подъ это опредѣленіе и понятіе процесса?

---

*) Такой взглядъ проводилъ Buchka. Die Lehre von dem Einfluss des Prozesses auf das materielle Rechtsverhältniss, т. I, 1846, стр. 162.

„Juris vinculum“, имѣется конечно и въ процессѣ: и въ немъ вѣдь заключается юридическая связанность между субъектами. Въ силу этой связанности и надъ субъектами процесса тяготѣетъ „necessitas solvendi“. Она направлена на извѣстный юридическій эффектъ.

„Necessitas“ есть признакъ, наталкивающій на сравненіе съ процессомъ Но это лишь сравненіе, не дающее, однако, основанія для уподобленія и отождествленія

Въ самомъ распредѣленіи „necessitatis“ заключается уже пунктъ полнаго различія.

Въ процессуальномъ отношеніи обязанною является лишь одинъ изъ субъектовъ его, лишь органъ государства — судъ. Другіе же два субъекта стороны являются лишь управомоченными

Ни передъ судомъ, ни передъ другъ другомъ, тяжущіеся не являются юридически обязанными къ процессуальнымъ дѣйствіямъ.

Личная явка на судъ не составляетъ, напримѣръ, обязанности сторонъ. Равнымъ образомъ юридически не обязанъ тяжущійся вступать въ отвѣтъ на заявленія своего противника. Ни судъ, ни сторона не имѣютъ права требовать отъ другой стороны ни признаній, ни доказыванія, ни присяги. Сторона въ процессѣ является лишь управомоченною *).

Впрочемъ, управомоченность эта такого рода, что многіе изъ послѣдователей категорически говорятъ, напримѣръ, объ обязанности, а не о правѣ отвѣтчика вступать въ процессъ.

Ученіе это имѣетъ крупныхъ представителей. Таковы: Degenkolb, Wach, Planck, Plósz **).

Однако, едва-ли можно согласиться съ ихъ взглядомъ.

---

*) Такъ: Bülow въ Archiv für civ. Praxis, т. 62, стр. 10, 59 и въ Busch's Zeitschrift, т. 27, стр. 231;—Laband. Staatsrecht, II, 333;—Гольмстенъ, Учебникъ, 121.

**) Degenkolb, Einlassungszwang und Urteilsnorm, 1877, 15 сл.—Wach въ Archiv für civil. Praxis, т. LXIV, 212, и въ Grünhut's Zeitschrift, VI, 515 и VII, 135.—Planck, Lehrbuch des deutsch. Civilprozessrechts, I (1887), 282.—Plósz, Beiträge zur Theorie des Klagerechts. 1880. 11, 47, 119.—Общій обзоръ ученій см. Langheineken. Der Urteilsanspruch, 1899, стр. 71 сл.

Допустимъ, что отвѣтчикъ не осуществитъ своего права лично представить суду объясненія на требованія истца. Это неосуществленіе права будетъ имѣть слѣдствіемъ ухудшеніе его положенія въ процессѣ и черезъ то, можетъ случиться, ущербъ въ сферѣ матеріальныхъ правъ его.

Но возможность ущерба отъ непользованія правомъ не обращаетъ права въ обязанность. Кто не пользуется своимъ правомъ, тотъ, конечно, осуществляетъ его такъ же, какъ и тотъ, кто пользуется имъ. Положеніе стороны въ процессѣ является правомочіемъ, не смотря на взаимную связанность сторонъ, заключающуюся въ давленіи закономъ опредѣленныхъ результатовъ ихъ дѣйствій въ процессѣ, въ особенности, результатовъ, происходящихъ отъ упущенія сторонъ.

Можно говорить лишь о правѣ сторонъ, не смотря на фактическую возможность вынужденности, сопровождаемой и юридическими послѣдствіями. Но это лишь вынужденность, или, какъ выражается Bülow,—„blosse Verfangenschaft". По скольку, однако, дѣйствія одной стороны не могутъ быть потребованы другою или судомъ, нѣтъ обязанности, есть лишь право.

Иное дѣло—юридическое положеніе суда въ процессѣ.

На судѣ лежатъ дѣйствительныя, чисто процессуально-правовыя обязанности. Онѣ заключаются въ исполненіи обязанности государства оказывать законно требуемое попеченіе о правѣ Въ лицѣ суда дѣйствуетъ само государство.

Здѣсь можно говорить объ обязанности, ибо ему корреспондируетъ и право потребовать ея исполненія.

Обязанности суда представляютъ, однако, своеобразную особенность, отличающую положеніе суда въ процессуальномъ правоотношеніи отъ положенія пассивной стороны въ матеріальномъ правоотношеніи.

Мы сказали, что въ лицѣ суда обязаннымъ является, собственно, государство. Выполняя въ своихъ дѣйствіяхъ обязанность государства, судъ, этимъ самымъ, исполняетъ свой долгъ передъ тѣмъ, отъ чьего имени онъ дѣйствуетъ.

Такимъ образомъ, въ понятіе обязанности суда въ отношеніи тяжущихся входитъ элементъ должностной отвѣтственности передъ государствомъ за правильное выполненіе обязанностей. Судъ является обязаннымъ,

состоя въ то же время органомъ власти, отъ которой исходятъ всѣ права и обязанности.

Въ этомъ пунктѣ и видятъ основаніе противъ взгляда на процессъ какъ на правоотношеніе.

Такъ именно высказался проф. Нефедьевъ. Онъ говоритъ: „Обязательность дѣйствій, совершенныхъ въ силу власти, существенно отличается отъ обязательности дѣйствій, которыя могли бы быть совершены въ силу права. Стороны не имѣютъ права на дѣятельность суда, но обращеніе къ суду съ заявленіемъ является, въ силу закона, побудительной причиной для его дѣятельности“ *).

Позволяю себѣ не согласиться съ такимъ взглядомъ почтеннаго профессора.

Когда стороны обращаются къ суду съ требованіемъ, они управомочены на это по закону. Судъ, уклонившись отъ исполненія требованія стороны, не только нарушилъ бы законъ но и право стороны, на законѣ основанное. Право стороны имѣетъ производный характеръ: оно не было бы правомъ, если бы не стоялъ за нимъ законъ Производна и обязанность суда: онъ обязанъ не потому, что сторона имѣетъ право, а потому, что законъ возлагаетъ на него эту обязанность.

Но таковъ же производный характеръ правъ и обязанностей въ матеріальномъ правоотношеніи. Судъ также обязанъ передъ стороною, какъ и обязанъ должникъ передъ кредиторомъ.

Однако, по характеру правъ и обязанностей процессуальное отношеніе относится не къ сферѣ гражданскаго, частнаго права, но къ области права публичнаго, государственнаго.—

Процессуальное правоотношеніе представляетъ, наконецъ, и еще одну особенность.

Процессъ, какъ его опредѣляетъ Бюловъ, есть правоотношеніе, постепенно двигающееся, переходящее со ступени на ступень въ своемъ развитіи

Процессуальному правоотношенію свойственъ, такимъ образомъ, признакъ движенія.

---

* Проф. Нефедьевъ, Единство гражданскаго процесса. 1892, стр. 16.

Этотъ признакъ и отмѣчается, но одностороннимъ образомъ, когда процессъ характеризуется лишь какъ производство, какъ система дѣйствій. Процессуальныя дѣйствія, разумѣется, необходимы. Но необходимъ и признакъ „правоотношеніе", объединяющій всю массу дѣйствій.

* * *

Понятіе гражданскаго процесса какъ правоотношенія въ указанномъ смыслѣ является, по ученію Бюлова, единственнымъ устоемъ строенія системы цивильно-процесуальнаго права *).

Профессоръ Вахъ, а за нимъ и рядъ послѣдователей, — Ричардъ Шмидтъ, Фридрихъ Штейнъ и др.,—вводятъ, однако, дополненіе къ Бюловской конструкціи процесса. Въ своемъ построеніи процесса они не довольствуются взглядомъ на него какъ на правоотношеніе. Они вводятъ еще новое понятіе „Rechtsschutzanspruch" (**).

Въ процессуальномъ правоотношеніи,—какъ я имѣлъ честь объяснить,—стороны являются управомоченными Какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, имѣютъ право требовать судебной защиты.

Вахъ и его школа представляютъ эту сторону отношенія какъ особое юридическое явленіе.

Процессъ, разсуждаетъ Вахъ, ***) есть средство оказанія справедливой защиты праву. Обращаясь къ суду за этой защитой, истецъ, въ просительномъ пунктѣ исковаго прошенія, выражаетъ притязаніе на то, чтобы—въ защиту его права, государство, въ лицѣ суда, совершило, опредѣленное дѣйствіе. Это притязаніе стороны на дѣйствіе суда и обозначаетъ Вахъ терминомъ „Rechtsschutzantpruch" или, въ примѣненіи спеціально къ судебному рѣшенію,—„Urteilsanspruch".

Это притязаніе, объясняетъ Вахъ, не есть то притязаніе, которое вытекаетъ изъ субъективнаго гражданскаго

---

*) Zeitschrift für deutschen Civilprozess, т. 27, стр. 222.

**) Wach. Handbuch des deutschen Civilprozessrechts, т. I (1885), 19, и Feststellungsanspruch, 1888,—R. Schmidt, Lehrbuch, 1899, стр. 16,—F. Stein въ Birkmeyer's Encyklopedie, 1900, 1175; также въ Gaupt-Stein's Commentar, 1901.—Также: Plank, Lehrbuch, I, § 51; Fitting, Lehrbuch, § 31. Обзоръ у Langheineken'a, cit., 15 сл.

***) Объ этомъ подробнѣе въ моей статьѣ, „Къ ученію объ искахъ о признаніи" (Вѣстникъ Права), 1900, IX, 65 сл.

права. Кто имѣетъ данное гражданское право, имѣетъ право на удовлетвореніе его и на охрану его судомъ. Но не въ силу этого предъявляется „Rechtsschutzanspruch“.

Истецъ можетъ предъявить и такой искъ, который направляется не на охрану своего права, а на охрану себя отъ притязаній другого. Таковъ именно негативный искъ о признаніи. Здѣсь нѣтъ у истца права, которое онъ ограждалъ бы, но есть право потребовать судебной защиты своимъ интересамъ, есть Rechtsschutzanspruch: это не есть право гражданское, но право государственное,—право на актъ государства.

Заключается ли, однако, въ этомъ правѣ что либо иное сверхъ того, съ чѣмъ вступаетъ сторона въ процессуальное отношеніе?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Право, обособляемое Вахомъ, говоритъ Бюловъ, не есть что либо стоящее внѣ процессуальнаго отношенія. Даже и въ предѣлахъ послѣдняго, право на судебныя дѣйствія не имѣетъ самостоятельнаго, изолированнаго положенія въ отношеніи прочихъ частей. Это есть не что иное, какъ самое правоотношеніе, разсматриваемое лишь односторонне съ точки зрѣнія одной стороны, какъ правомочіе, принадлежащее ей въ отношеніи къ суду *).

Въ теоріи Ваха отразилось тоже явленіе, которое замѣчается и въ обязательственномъ отношеніи. Вниманіе сосредоточивается преимущественно на позиціи стороны управомоченной. Гдѣ идетъ рѣчь объ „обязательствѣ“ зачастую говорятъ о „требованіи“, о правѣ требованія. Таковъ привычный оборотъ рѣчи, не поражающій и опытнаго юриста Но, нѣтъ сомнѣнія, это неточность, почти lapsus linguae.

Такого же рода неточность допустили бы мы, если бы, вмѣсто процессуальнаго отношенія, стали бы говорить о правѣ сторонъ требовать судебныхъ дѣйствій.

Здѣсь это еще менѣе возможно. Въ процессуальномъ отношеніи центромъ тяжести,—если вообще искать

---

*) Одинъ изъ послѣдователей оспариваемаго ученія, Ричардъ Шмидтъ прямо и называетъ Rechtsschutzanspruch отношеніемъ. Это, говоритъ онъ, все то отношеніе, которое возникаетъ вслѣдствіе фактическаго вторженія въ отдѣльную сферу матеріальнаго права (Lehrbuch, 1899, стр. 19).

его,—скорѣе является то, къ чему обязанъ судъ передъ стороною, а не то, на что управомочена эта послѣдняя. Помимо этого, если бы выдвигать въ процессуальномъ отношеніи лишь позицію правомочія, оставался бы въ тѣни и другой пунктъ—взаимная юридическая связь между сторонами.

Выдвигая подъ названіемъ „Rechtsschutzanspruch" сторону правомочія, упускаютъ изъ виду, что это лишь одинъ изъ многихъ элементовъ процесссуааьнаго правоотношенія

Выдѣленная часть, сама по себѣ, была бы лишена жизнеспособности: въ особомъ правѣ на судебныя дѣйствія не было бы самаго необходимаго minimum'а опредѣленности. Что это было бы за право,—справедливо возражаетъ Бюловъ,—которое направлялось бы ко всѣмъ государствамъ и ко всѣмъ судамъ всего свѣта?

Да и нѣтъ надобности, чтобы лицо, предъявляющее искъ, имѣло на то какое-либо особое право, кромѣ общегражданской правоспособности. Имѣя уже таковую, оно можетъ всячески пользоваться своимъ положеніемъ въ правѣ. Можетъ вступать въ сдѣлки; на томъ же основаніи можетъ и обращаться за судебной защитой. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія возводить въ особое право то, что составляетъ лишь процессуальное проявленіе возможности располагать своимъ правомъ („eine prozessuale Emanation der individuellen Rechtsbestimmungsmacht" *).

Такимъ образомъ, оказывается излишнимъ вводить въ ученіе Бюлова поправку, предложенную Вахомъ.

* * *

Все изложенное приводитъ къ такому заключенію. Гражданскій процессъ есть трехстороннее правоотношеніе изъ области публичнаго права, отношеніе между судомъ, какъ органомъ государства, истцемъ и отвѣтчикомъ; правоотношеніе это сложно по составу, но едино по тому предмету, ради котораго оно возникаетъ и развивается по мѣрѣ

---

*) Zeitschrit für deufschen Civil prozess, т. 27, 212—223.—Противъ Ваховскаго ученія о Rechtsschutzanspruch высказались: еще Otto Gierke, Deutsches Privatrecht, 1895: это не что иное, какъ „Zubehörung" des Privatrechtsanspruch;—также: Fischer въ Zeitschrift fur deutsch. Civilprozess, X, 406 сл.—Противъ Ваха также Kohler (Prozessrechtliche Forschungen, 63 сл.), отрицающій вообще Verpflichtungsverhältniss между государствомъ и гражданиномъ.

совершенія закономъ установленныхъ процессуальныхъ дѣйствій; совокупность ихъ составляетъ процессуальное производство.

Понятія „процессъ“ и „производство“, такимъ образомъ, не являются тождественными. Отношеніе между ними выражается во взаимной зависимости. Процессъ развивается по мѣрѣ совершенія дѣйствій процессуальнаго производства. Съ другой стороны, дѣйствіями процессуальнаго производства именуются только тѣ изъ дѣйствій, совершаемыхъ судомъ и во время суда, въ порядкѣ которыхъ развивается процессъ.

Судебныя дѣйствія могутъ быть, однако, и внѣпроцессуальными, коль скоро по мѣрѣ ихъ совершенія не развивается процессъ. Къ нимъ относятся дѣйствія охранительнаго и исполнительнаго производствъ; первое направлено къ предупрежденію процесса, второе имѣетъ мѣсто по случаю процесса, уже законченнаго.

Процессуальнымъ же является только тяжебное производство, именуемое спорнымъ въ противуположность внѣпроцессуальному—безспорному.

И процессуальное, спорное, и внѣпроцессуальное, безспорное производства входятъ въ одну и тоже схему судопроизводства, ибо какъ одно, такъ и другое заключаетъ совокупность судебныхъ дѣйствій.

Гражданскій процессъ, какъ правоотношеніе, объединяетъ собою одинъ изъ видовъ судопроизводства, и этимъ самымъ проводитъ грань между тѣмъ и другимъ.

Поэтому въ системѣ чтеній по гражданскому судопроизводству должна быть рѣчь прежде всего о составѣ гражданскаго процесса какъ правоотношенія, засимъ о процессуальномъ производствѣ какъ системѣ дѣйствій, развивающихъ это отношеніе, и, наконецъ, о производствѣ внѣпроцессуальномъ какъ системѣ судебныхъ дѣйствій, не охватываемой гражданско-процессуальнымъ правоотношеніемъ.

* * *

Вотъ, Мм. Гг., существо и содержаніе того предмета, къ изученію котораго предстоитъ Вамъ приступить.

Это одна изъ заключительныхъ Вашихъ штудій въ стѣнахъ Лицея. Занятія гражданскимъ судопроизводствомъ

непосредственно предшествуютъ вступленію Вашему на общественное поприще.

Не всѣмъ, конечно, прійдется примѣнить результатъ этихъ занятій къ судебной практикѣ. Не каждому выпадетъ удѣлъ спеціально-судебнаго дѣятеля.

Но каждый пусть явится просвѣщеннымъ защитникомъ права и справедливости. И въ этомъ случаѣ знакомство съ системой гражданскаго судопроизводства сослужитъ свою службу, облегчитъ Вашу культурную задачу.

Влад. Гордонъ.

Вмѣсто рукописи.

Прив.-Доц. В. М. ГОРДОНЪ.

СИСТЕМА
РУССКАГО ГРАЖДАНСКАГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА

(Конспектъ лекцій).

Выпускъ первый.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ВВЕДЕНІЕ.

Глава первая.

Существо гражданскаго процесса и судопроизводства.

§ 1. Понятіе процесса.

Совокупность дѣйствій, совершаемыхъ въ теченіи процесса, составляетъ только одну внѣшнюю сторону его. Понятіе же о существѣ процесса связывается съ представленіемъ о немъ какъ *единомъ*, цѣльномъ явленіи: только при этомъ условіи можетъ быть рѣчь о возникновеніи, развитіи, прекращеніи процесса.

Понятіе о единствѣ не можетъ относиться къ *совокупности дѣйствій*: о процессѣ говорится уже и тогда, когда на лицо имѣется лишь одно дѣйствіе—предъявленіе иска. Процессъ представляется явленіемъ цѣльнымъ, если смотрѣть на него какъ на одно *правоотношеніе*.

Такое воззрѣніе, не чуждое уже и римскому понятію о judicium, для современнаго процесса проводится школою бюловскою, именуемою такъ по имени ея основателя Оскара Бюлова.

Процессъ представляется правоотношеніемъ трехстороннимъ: между судомъ, истцомъ и отвѣтчикомъ. Это не есть правоотношеніе только между сторонами; не есть оно и правоотношеніе между судомъ и каждою изъ сторонъ. Взаимныя отношенія между ними лишь части, различныя стороны одного и того же отношенія, одного процесса.

Несмотря на сложный составъ, процессъ остается единымъ, ибо всѣ правоотношенія, его составляющія, возникаютъ и существуютъ ради одного и того же предмета. Таковымъ

является разсмотрѣніе исковой претензіи. Единство предмета и сводитъ всю массу правоотношеній въ одно цѣльное правоотношеніе, въ одинъ процессъ.

Процессуальное правоотношеніе, какъ и матеріальное отношеніе по обязательству, заключаетъ признакъ связанности (necessitas solvendi). Но въ порядкѣ распредѣленія правъ и обязанностей между ихъ субъектами процессуальное отношеніе представляетъ особенность.

Истецъ и отвѣтчикъ являются только управомоченными, хотя, быть можетъ, и вынужденными къ осуществленію своего права; вынужденность, однако, не обращаетъ права въ обязанность и потому нельзя говорить объ этой послѣдней, какъ это дѣлаютъ Degenkolb, Wach, Plòsz и др. Обязаннымъ въ процессуальномъ отношеніи является судъ, несмотря на свое значеніе какъ органа власти.

Это значеніе суда, вопреки проф. Нефедьеву, не говоритъ противъ взгляда на процессъ какъ на правоотношеніе. Обязательность дѣйствій въ силу власти такъ же производна по своему характеру, какъ и обязательность въ силу права. Право сторонъ требовать отъ суда дѣйствій не было бы правомъ, если бы не стоялъ за нимъ законъ. Равнымъ образомъ обязанъ и судъ не потому, что сторона имѣетъ право, а потому, что законъ возлагаетъ на него эту обязанность.

Процессуальное правоотношеніе представляетъ еще ту особенность, что оно находится въ состояніи постояннаго развитія по мѣрѣ совершенія процессуальныхъ дѣйствій: поэтому, по опредѣленію Бюлова, процессъ есть отношеніе постепенно движущееся, переходящее со ступени на ступень.

Воззрѣніе на процессъ какъ на правоотношеніе является краеугольнымъ камнемъ построенія системы гражданскаго судопроизводства.

Нѣкоторыми изъ послѣдователей бюловской теоріи предложена поправка. Въ построеніе системы процесса вводятъ, кромѣ воззрѣнія на процессъ какъ на правоотношеніе, также особое понятіе претензіи на судебную защиту, претензіи сторонъ къ государству въ лицѣ суда на совершеніе процессуальныхъ дѣйствій.

Эта поправка, предложенная профессоромъ лейпцигскаго университета Вахомъ, не вводитъ, однако, чего-либо, что не заключалось бы уже въ понятіи правоотношенія. Претензія

на судебную защиту имѣетъ такое же значеніе въ составѣ правоотношенія, какъ право требованія въ составѣ отношенія обязательственнаго: это лишь активная сторона въ составѣ цѣлаго.

Такимъ образомъ, по своему существу, процессъ есть публично-правовое отношеніе между судомъ, какъ органомъ государства, истцемъ и отвѣтчикомъ. Отношеніе это сложно по составу, но едино по тому предмету, ради котораго оно возникаетъ и развивается по мѣрѣ совершенія процессуальныхъ дѣйствій, именуемыхъ въ своемъ составѣ процессуальнымъ производствомъ.

Понятія «процессъ» и «производство» находятся въ отношеніи взаимной зависимости. Съ одной стороны, процессъ развивается по мѣрѣ совершенія дѣйствій процессуальнаго производства. Съ другой стороны, процессуальнымъ производствомъ является совокупность только тѣхъ судебныхъ дѣйствій, въ порядкѣ которыхъ развивается процессъ; процессуальнымъ является лишь тяжебное, исковое производство.

Гражданскій процессъ и развивающее его процессуальное производство не заполняютъ собою всей системы гражданскаго судопроизводства.

Въ составъ ея входитъ также производство внѣпроцессуальное. Это система тѣхъ судебныхъ дѣйствій, которыя не являются стадіями развитія гражданскаго процесса; сюда относятся производства охранительное и исполнительное *).

§ 2. Отношеніе гражданскаго процесса къ смежнымъ явленіямъ

I. Гражданскій процессъ есть правоотношеніе между тяжущимися и *государствомъ* въ лицѣ гражданскаго суда. *Участіе государства* существенно-необходимо для понятія гражданскаго процесса.

При отсутствіи этого признака нѣтъ и гражданскаго процесса.

Внѣ сомнѣнія, что нѣтъ процесса тамъ, гдѣ нѣтъ вовсе посредствующаго лица, судьи. *Самооборона* не есть поэтому процессъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она допускается закономъ какъ защита своего гражданскаго права.

---

*) Объ этомъ подробнѣе въ моей статьѣ „Понятіе процесса въ наукѣ гражданскаго судопроизводства“, Ярославль, 1901 г.

По общему правилу самооборона не допускается, коль скоро является самоуправствомъ. Всякое самоуправство по имуществамъ, хотя бы они и состояли въ незаконномъ владѣніи, строго воспрещается (ст. 690 зак. гражд.). При этомъ имѣются въ виду соображенія объ общественномъ порядкѣ.

Но, съ другой стороны, соображенія объ индивидуальномъ правѣ и необходимости огражденія его отъ насилія, вызываютъ исключенія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается самозащита гражданскихъ правъ внѣ процесса, т. е., безъ обращенія къ государству. Объ этомъ и говорится въ примѣчаніи къ той же 690 ст.: законная оборона отъ насилія не считается самоуправствомъ, когда она не выходитъ изъ предѣловъ, закономъ опредѣленныхъ.

Таковы случаи примѣненія права необходимой обороны (vim vi repellere licet) [960 прим. X. I], возстановленія владѣнія, права удержанія (jus retentionis) [ст. 539, прим. 1, прил. т. X, ч. 1, зак. гражд., ст. 1 и 4, ст. 690 уст. лѣсн.].

Эти случаи составляютъ изъятіе изъ общаго правила о недопустимости самозащиты и необходимости обращенія къ суду. Въ этихъ случаяхъ могъ-бы возникнуть процессъ, но его нѣтъ, коль скоро спорящіе не ищутъ государственнаго посредничества.

2. По отсутствію того же признака—участія государства, нѣтъ гражданскаго процесса и въ *третейскомъ* разбирательствѣ.

Въ этомъ послѣднемъ на ряду съ спорящими выступаетъ и судья. Но судья третейскій не есть органъ государства, онъ лишь частное лицо, избранное на данный случай, сторонами *).

Наше законодательство допускаетъ такое изъятіе изъ общаго начала государственной монополіи въ дѣлѣ суда (ст. 1367 сл. у. г. с.). Третейское разбирательство можетъ имѣть мѣсто у насъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданскій процессъ еще не начатъ: споръ можетъ быть обращенъ къ третейскому разбирательству и тогда, когда уже находится на разсмотрѣніи государственнаго суда.

---

*) Въ третейскомъ судьѣ видитъ судью государственнаго Plósz: черезъ посредство сторонъ, по волѣ государства, переносится и на третейскаго судью государственная функція суда (Klagerecht, 22) Contra: Wach, Handbuch, § 7, Schmidt, Lehrbuch, §23.

Въ уставъ гражданскаго судопроизводства включены правила о третейскомъ разбирательствѣ; сдѣлано это для того, чтобы означить взаимное отношеніе третейскаго разбирательства и гражданскаго процесса—означить случаи изъятія изъ области примѣненія послѣдняго и взаимное вліяніе ихъ, особенно вліяніе третейскаго рѣшенія на рѣшеніе государственнаго суда. Правила о третейскомъ судѣ включены въ уставъ—въ противовѣсъ прежнему отождествленію силы его рѣшеній съ рѣшеніями государственнаго суда.

3. Для понятія гражданскаго процесса существенно, чтобы государство являлось субъектомъ процессуальнаго отношенія въ лицѣ именно ***гражданскаго суда***, назначеннаго къ попеченію о гражданскихъ правахъ частныхъ лицъ.

Въ ту историческую пору, когда нѣтъ различія въ квалификаціи права,—когда есть, однако, уже понятіе о правѣ вообще, можетъ быть рѣчь и о судѣ, но лишь въ общемъ значеніи этого слова, безотносительно къ роду охраняемыхъ правъ.

О процессѣ, спеціально, гражданскомъ можно говорить лишь съ появленіемъ гражданскихъ судовъ.

Для характеристики гражданскаго процесса необходимо провести параллель между судомъ по дѣламъ гражданскимъ и органами сужденія по другимъ дѣламъ.

Дѣла гражданскія не могутъ быть разрѣшаемы ***уголовнымъ судомъ*** и, наоборотъ, судъ гражданскій не можетъ быть надлежащимъ судьею по дѣламъ уголовнымъ.

Таковъ общій принципъ ***наибольшей компетентности.*** Основаніемъ разграниченія является различіе въ тѣхъ ***интересахъ***, въ охранѣ которыхъ заключается цѣль процесса.

Процессъ гражданскій направленъ къ охранѣ интересовъ ***частнаго*** лица и, лишь въ дальнѣйшемъ, къ охранѣ общественнаго порядка.—Въ процессѣ же уголовномъ на первомъ планѣ интересъ общественный, имѣющій, въ дальнѣйшемъ своемъ результатѣ, благо для отдѣльныхъ лицъ.

Это ***основное различіе.*** Оно обусловливаетъ рядъ ***послѣдствій.***

Прежде всего бросается въ глаза различіе въ ***порядкѣ оказанія*** государственно-судебной помощи. Въ процессѣ ***гражданскомъ*** это есть право отдѣльнаго заинтересованнаго лица: безъ иниціативы съ его стороны судъ не приступитъ къ про-

цессуальнымъ дѣйствіямъ: равнымъ образомъ, стороны—хозяева гражданскаго процесса и во все его продолженіе: гражданскому принципу свойственъ принципъ состязательности.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло оказанія судебной помощи въ порядкѣ процесса *уголовнаго*. Государство въ лицѣ уголовнаго суда приступаетъ къ процессуальной дѣятельности, не ожидая иниціативы со стороны пострадавшаго; уголовный судъ является иниціаторомъ ex officio; отсюда говорятъ о слѣдственномъ началѣ въ строѣ уголовнаго процесса.

Различіе—въ *констатированіи фактовъ* какъ основанія для заключенія суда. Въ процессѣ гражданскомъ совершается это не иначе, какъ по заявленіямъ сторонъ и представленнымъ ими доказательствамъ: судъ гражданскій фактовъ и доказательствъ не собираетъ. Процессъ же уголовный весь строится на началѣ инквизиціонномъ, слѣдственномъ: судъ уголовный самъ, черезъ должностныхъ лицъ, принимаетъ всѣ мѣры къ раскрытію истины. Отсюда говорятъ о правдѣ формальной въ процессѣ гражданскомъ и правдѣ матеріальной въ процессѣ уголовномъ.

Наконецъ, со стороны *конструктивной*, различенъ составъ правоотношенія гражданскаго и уголовнаго. Въ этомъ послѣднемъ субъектовъ лишь два—государство и обвиняемый. Роль, аналогичная роли истца, въ уголовномъ процессѣ принадлежитъ самому же государству въ лицѣ обвинителя, прокурора. Государство, такимъ образомъ, въ уголовномъ процессѣ имѣетъ двоякую функцію: и судитъ, и ищетъ судебнаго рѣшенія, обвиняетъ. Трехстороннимъ правоотношеніемъ считаютъ уголовный процессъ лишь при наличности частнаго обвинителя.

Различны и *цѣли* гражданскаго и уголовнаго процессовъ.

Уголовный процессъ имѣетъ цѣлью *наказаніе* виновнаго. Гражданскій же никогда не направленъ на наказаніе отвѣтчика, но лишь къ признанію оспариваемаго права, къ прекращенію дѣйствій отвѣтчика, мѣшающихъ истцу въ пользованіи правомъ, и къ вознагражденію истца за вредъ и убытки. Послѣднее не аналогично денежному штрафу въ процессѣ уголовномъ. Вознагражденія за убытки направлены къ возстановленію нарушеннаго интереса и соразмѣряется съ нимъ. Штрафами же не имѣется въ виду возстановлять интересъ, затронутый правонарушеніемъ: штрафъ не соразмѣряется съ

интересомъ, но съ личнымъ состояніемъ преступности, со степенью опасности и общественнымъ интересомъ въ предупрежденіи подобныхъ нарушеній.

Вотъ основанія принципа большей компетентности.

Примѣненіе его къ разграниченію процесса гражданскаго отъ уголовнаго выражается слѣдующимъ образомъ.

а) Когда во время производства гражданскаго дѣла изъ обстоятельствъ его откроется противозаконное дѣйствіе, требующее уголовнаго изслѣдованія, это изслѣдованіе передается суду уголовному; судъ гражданскій ограничивается производствомъ лишь гражданскаго дѣла; если же отъ приговора уголовнаго зависитъ разрѣшеніе дѣла гражданскаго, судъ гражданскій пріостанавливаетъ свое производство. Такъ: *ст.* 8 *у. г. с.*

б) Равнымъ образомъ, и судъ уголовный выдѣляетъ изъ своего производства вопросы, подлежащіе разрѣшенію въ порядкѣ гражданскаго суда. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ допускается, однако, исключеніе. Въ уголовномъ судѣ можетъ быть, по ст. 5 у. г. с., предъявленъ гражданскій искъ объ удовлетвореніи за вредъ или убытокъ, причиненный преступленіемъ или проступкомъ. Это т. н. гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ. Въ этомъ случаѣ имѣется ***соединенный*** процессъ (Adhäsionsprozess).

в) Для гражданскаго суда обязательно окончательное рѣшеніе уголовнаго по вопросамъ компетенціи этого послѣдняго, и обратно, для суда уголовнаго обязательны таковыя же рѣшенія суда гражданскаго. Такимъ образомъ, рѣшеніе компетентнаго суда имѣетъ ***преюдиціальное*** значеніе для всякаго другого суда по тѣмъ же вопросамъ.

II. Въ процессѣ гражданскомъ, видѣли мы, государство выступаетъ въ лицѣ суда. Есть, однако, случаи, когда государству приходится выступать въ процессѣ также и въ роли заинтересованной стороны. Это именно тѣ случаи, когда разсмотрѣнію суда подвергается вопросъ, въ разрѣшеніи котораго заинтересовано государство какъ ***административная*** единица.

Эта двойственность въ положеніи государства оказываетъ вліяніе на существо такого процесса.

Существо такого процесса заключается въ томъ, что одному органу государства приходится быть судьею о дѣйствіяхъ другого органа того-же государства, о дѣйствіяхъ администраціи.

Бываютъ случаи, когда органы администраціи не преступно—тогда была бы рѣчь объ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ,—но вслѣдствіе неправильнаго разумѣнія закона и своихъ правъ, производятъ неправильныя распоряженія и нарушаютъ этимъ права гражданъ. Напримѣръ, органы административные неправильно взимаютъ налоги, раскладываютъ подати, устанавливаютъ незаконныя повинности и тому подобное.

Разрѣшеніе споровъ по поводу правильности подобнаго рода распоряженій либо передается особымъ органамъ такъ называемой административной юстиціи или же инымъ органамъ правительственной власти, наряду съ другими функціями, либо предоставляется общимъ судамъ.

Что касается нашего права, то административная юстиція устроена у насъ по смѣшанной системѣ. Дѣла административной юстиціи частью подлежатъ гражданскому суду, частью отдѣльнымъ административнымъ учрежденіямъ (административнымъ департаментамъ Сената, губернскимъ присутствіямъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ, по воинской повинности и т. п.).

Судъ гражданскій по стольку является у насъ органомъ административной юстиціи, по скольку гражданское право приходитъ въ столкновеніе съ правомъ, принадлежащимъ государству какъ лицу ***юридическому***, защищающему интересы казны *).

Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда «государство является ***властію***», когда органы администраціи дѣйствуютъ, какъ выражается Сенатъ (ib.), «въ предѣлахъ ***предоставленной ему дѣятельности*** по управленію общественными дѣлами», «въ качествѣ представителей ***власти*** государственной, на коихъ возложено охраненіе установленнаго законами ***порядка*** въ различныхъ частяхъ ***административнаго управленія*** въ видахъ ***пользы общественной***». Требованія, заключающія въ себѣ такого рода дѣйствія, имѣютъ характеръ ***повелѣнія, предписанія***, признаются требованіями безусловными, безспорными, не допускающими возраженій въ состязательномъ порядкѣ,—разумѣется, возраженій противъ ***права***, но не противъ ***дѣйствій*** органа власти.

---

*) Рѣшеніе гражд. кассац. департамента Сената, 1878 г., № 102.

«Допустить и по такимъ требованіямъ состязанія, подчинить и такія требованія формамъ суда, значило бы вовсе отрицать коренной характеръ государственной власти и великое значеніе интереса государственнаго, которому частные интересы должны уступать во всемъ, что касается насущныхъ потребностей государственнаго управленія и государственнаго хозяйства *).

Когда право гражданское затрогивается такого рода требованіями, дѣло подлежитъ, въ силу ст. 1, прим., у. г. с., вѣдѣнію не суда, но правительственныхъ установленій, въ порядкѣ жалобъ по начальству.

«Безспорно,—говорится въ законодательныхъ мотивахъ,—что ни наука, ни практика до сихъ поръ еще *не выработали начала*, на основаніи коего тотчасъ можно было бы различить, какое требованіе государства имѣетъ безусловный характеръ, и какое не имѣетъ его. Это зависитъ отъ особенностей въ устройствѣ общественнаго и экономическаго быта и отъ особенностей въ управленіи каждаго государства». Такъ обстоитъ дѣло и до сихъ поръ.

Сенату приходилось уже много разъ давать разъясненія о безспорномъ характерѣ требованій правительства. Но разъясненія эти были чисто казуистическаго свойства.

Для опредѣленія характера требованія рекомендуется **) обращаться въ каждомъ случаѣ къ тѣмъ спеціальнымъ законоположеніямъ, напримѣръ, къ уставу фабричному и т. п., которыми опредѣляется кругъ вѣдомства и предѣлы власти правительственныхъ установленій. Отсюда и будетъ видно, сдѣлано ли извѣстное распоряженіе въ силу и въ предѣлахъ власти, предоставленной закономъ данному установленію,—т. е., имѣетъ ли его требованіе характеръ безспорнаго.

§ 3. Система гражданскаго судопроизводства.

I. Системой дѣйствій, связанныхъ съ гражданскимъ процессомъ, можетъ быть лишь спорное, тяжебное производство.

Это послѣднее есть, однако, лишь часть системы дѣйствій, совершаемыхъ государствомъ въ лицѣ суда въ попеченіе о частно-правовыхъ интересахъ.

---

*) Законодательные Мотивы къ ст. 244 у. г. с.
**) Анненковъ, Комментарій, I, 16.

Попечительная роль государства была бы не выполнена, если бы попеченіе оказывалось лишь послѣ того, какъ частно-правовая сфера даннаго лица будетъ задѣта.

Государству необходимо принять на себя совершеніе и такихъ дѣйствій, которыя предшествовали бы возникновенію процесса, предупреждая самую возможность его. Равнымъ образомъ, приходится государству учинять дѣйствія въ попеченіе о гражданскомъ правѣ также и послѣ процесса, дабы послѣдній получилъ реальное значеніе.

Государство, въ лицѣ суда, совершаетъ дѣйствія, именуемыя судопроизводствомъ, не только въ качествѣ субъекта процессуальнаго правоотношенія, но и внѣ этого отношенія.

Система дѣйствій, именуемыхъ судопроизводствомъ, является, такимъ образомъ, двойственной въ своемъ составѣ: судопроизводство можетъ быть процессуальнымъ (тяжебное судопроизводство) и внѣпроцессуальнымъ (охранительное и исполнительное производство *).

II. Охранительное производство (1401—1460[12] ст. у. г. с.) является составною частью системы гражданскаго судопроизводства: и охранительное производство заключаетъ въ себѣ совокупность судебныхъ дѣйствій.

Но это не есть производство процессуальное: дѣйствія охранительнаго производства не являются стадіями въ развитіи и движеніи процесса.

Охранительное производство есть система судебныхъ дѣйствій по удостовѣренію или охраненію правъ частныхъ лицъ, когда, въ удостовѣреніе воли ихъ, требуется, по гражданскимъ законамъ, содѣйствіе суда.

За охранительнымъ производствомъ отрицаютъ значеніе судопроизводства въ собственномъ смыслѣ. Сущность гражданскаго процесса,—говоритъ, напримѣръ, проф. Шершеневичъ,—исчерпывается судебнымъ рѣшеніемъ, какъ актомъ распознанія права. Участіе же въ охранительномъ производствѣ возлагается на судъ,—по мнѣнію Шершеневича,—лишь по соображеніямъ ***удобства и цѣлесообразности***. Но въ этихъ случаяхъ,—полагаетъ онъ,—судъ выступаетъ ***не какъ судъ***, а какъ органъ государственной власти, на который, помимо основныхъ обязанностей, возложены еще и другія **).

---

*) См. главу I, § 1.

**) *Шершеневичъ*: Курсъ гражд. права, I, 125 сл.

Такое сужденіе едва-ли правильно уже въ исходномъ пунктѣ. Проф. Шершеневичъ полагаетъ, что задача гражданскаго процесса заключается въ *распознаніи* права.

Нѣтъ, однако, никакого основанія ограничивать въ такой степени задачу суда. По основной идеѣ, въ лицѣ суда государство принимаетъ на себя *попеченіе* о правѣ частныхъ лицъ. Къ функціи же попеченія подойдетъ не только распознаніе права, но и удостовѣреніе или охраненіе правъ. И при охранительномъ производствѣ государство въ лицѣ суда выступаетъ именно какъ *судъ*, выполняющій *основныя* свои обязанности.

Поэтому нельзя сказать, чтобы при охранительномъ производствѣ не было необходимаго элемента для понятія процесса—участія суда. Въ охранительномъ производствѣ функціонируетъ судъ и, при томъ, судъ государственный.

Существенно различается,—говорятъ (проф. Энгельманъ),—охранительное судопроизводство отъ судопроизводства по дѣламъ спорнымъ въ томъ отношеніи, что цѣль его лишь удостовѣреніе правоотношеній, всѣ же способы удостовѣренія, какъ показываетъ опытъ, не могутъ *предупреждать* споровъ, рѣшеніе коихъ цѣль судопроизводства въ собственномъ смыслѣ *).

Но, во-первыхъ, нецѣлесообразность охранительнаго судопроизводства, подлежащая, однако, сильному сомнѣнію,—не есть признакъ для характеристики его существа. Во-вторыхъ, предупреждающее значеніе охранительнаго производства лишь отличаетъ его какъ особый видъ отъ производства возстановительнаго. Въ противуположность послѣднему, возникающему *по случаю* спора, охранительное производство и именуется производствомъ безспорнымъ, т. е., возникающимъ безъ предварительнаго спора (jurisdictio voluntaria въ противуположность jurisdictio contentiosa, procédure gracieuse ou volontaire, freiwilige oder nichtstreitige Gerichtsbarkeit).

Еще менѣе возможно говорить, чтобы при охранительномъ производствѣ судъ не выступалъ какъ судъ, если посмотрѣть съ точки зрѣнія современнаго состоянія и науки, и законодательной политики. Вполнѣ признаются наукою, допускаются иностранными законодательствами и нашимъ уставомъ для губерній Прибалтійскихъ (ст. 1801), проектированы комиссіею по

---

*) Энгельманъ, Учебникъ, 28. Также: Schmidt, Lehrbuch, S. 131.

пересмотру судебныхъ уставовъ такъ называемые иски о признаніи. Посредствомъ нихъ предоставляется искать судебной защиты и въ томъ случаѣ, когда право истца еще не нарушено отвѣтчикомъ, но у истца есть полное основаніе опасаться, что такое нарушеніе состоится и можетъ тогда оказаться не вознаградимымъ, между тѣмъ обращеніе къ суду на случай нарушенія можетъ и *предупредить* таковое. *)

Наука не отвергаетъ за предупредительными исками юридическаго значенія, равнаго искамъ возстановительнымъ: какъ по этимъ послѣднимъ, такъ и по первымъ возникаетъ гражданскій процессъ.

Предупреждающее, такъ сказать профилактическое значеніе отнынѣ не является, такимъ образомъ, исключительною особенностью производства охранительнаго. Оно свойственно и производству исковому, тяжебному. Если судебныя дѣйствія совершаются въ порядкѣ исковомъ, возможны они и въ порядкѣ охранительномъ.

Сомнѣніе въ классификаціи охранительнаго производства какъ одной изъ частей системы судопроизводства возбуждаетъ позиція третьяго участника въ процессуальномъ отношеніи— *отвѣтчика*.

Въ охранительномъ производствѣ нѣтъ отвѣтчика. Таковымъ является вообще лицо, дающее поводъ къ процессу своимъ вторженіемъ въ сферу правъ и интересовъ истца. Коль скоро охранительное производство является безспорнымъ, въ системѣ дѣйствій его нѣтъ мѣста для позиціи отвѣтчика.

Охранительное производство, поэтому, не можетъ быть тою системой, въ порядкѣ которой могъ бы развиваться процессъ. Судопроизводство охранительное—есть производство внѣпроцессуальное. Когда имѣетъ мѣсто охранительное производство, нѣтъ еще гражданскаго процесса.

III. Такимъ образомъ, система гражданскаго судопроизводства слагается изъ ученія о составѣ процесса, ученія о процессуальномъ судопроизводствѣ и ученія о судопроизводствѣ внѣпроцессуальномъ.

---

*) См. мою статью: Къ ученію объ искахъ о признаніи въ „Вѣстникѣ Права“, 1900 г., X.

Глава вторая

Матеріалъ для системы гражданскаго судопроизводства.

Матеріаломъ, изъ котораго слагается система гражданскаго судопроизводства, являются: законы, обычаи, судебная практика и литература.

§ 1. Судебные законы.

Главнымъ источникомъ нашего судопроизводства являются *судебные уставы* 1864 г. (т. XVI, ч. 1 Св. Зак.). Въ частности, организація суда заключается въ учрежденіи судебныхъ установленій, правила судопроизводства—въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Немаловажное значеніе для нашего курса имѣютъ нотаріальное положеніе и уставъ уголовнаго судопроизводства.

Мотивы, на которыхъ основаны положенія судебныхъ уставовъ, разумѣется, весьма важны для уразумѣнія vis ac potestas legis. При *изученіи* судопроизводства необходимо всегда имѣть дѣйствительную волю законодателя. При этомъ, однако, надо различать соображенія *окончательныя*, на основаніи которыхъ принято данное правило въ окончательной редакціи соотвѣтственной статьи, и соображенія *предварительныя*, возникавшія, но не принятыя и не выразившіяся въ законѣ. Соображенія послѣдняго рода важны лишь для исторіи реформы. На практикѣ же возможно пользованіе лишь соображеніями окончательными, отпечатлѣвшимися на буквальномъ смыслѣ закона или же отразившимися на общемъ характерѣ и духѣ его.

Слѣдующимъ законодательнымъ актомъ въ области гражданскаго судопроизводства являются (законы 12 іюля и 29 декабря 1889 года) положенія о земскихъ начальникахъ, правила объ устройствѣ судебной части и правила о производствѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (т. XVI, ч. 1 Свода Законовъ).

Кромѣ того, въ дополненіе къ судебнымъ уставамъ издано не мало *отдѣльныхъ узаконеній*, относящихся частью къ общимъ законамъ Имперіи, частью къ законамъ отдѣльныхъ ея мѣстностей. Судебная реформа 1864 года распро-

странена на всю Россію, но особенности ея примѣненія, напримѣръ, въ Сибири, Прибалтійскихъ губерніяхъ, Варшавскомъ судебномъ округѣ и многихъ другихъ, образуютъ пеструю картину судебныхъ законовъ. Оффиціально всѣ частности не кодифицированы. Пробѣлъ восполняется частными изданіями.

Въ виду такого разнообразія и по времени дѣйствія нашихъ судебныхъ законовъ, и по мѣсту ихъ дѣйствія, и даже отношеніи отдѣльныхъ лицъ, весьма важны извѣстныя уже вамъ изъ курса по энциклопедіи права правила примѣненія разномѣстныхъ и разновременныхъ законовъ.

§ 2. Гражданско-процессуальные обычаи и практика примѣненія закона.

I. Подъ гражданско-процессуальными обычаями разумѣются такія правила, касающіяся процесса суда и судопроизводства, которыя не установлены въ законѣ, но выработаны жизненною практикою и примѣняются въ силу согласнаго убѣжденія въ необходимости ихъ соблюденія. Характерное свойство обычая—онъ *безличенъ*, не имѣетъ опредѣленнаго, видимаго начала.

Гражданско-процессуальные обычаи раздѣляютъ (проф. Гольмстенъ) на самостоятельные и вспомогательные.

Самостоятельными называютъ тѣ обычаи, которые вполнѣ замѣняютъ судебный законъ, а не только восполняютъ его или развиваютъ детали его. Послѣднее же значеніе имѣютъ обычаи вспомогательные.

Самостоятельные обычаи вырабатываются и примѣняются въ практикѣ волостныхъ судовъ.

II. Нельзя предвидѣть и опредѣлять въ законѣ всѣ детали производства. Было бы излишнимъ не ограничиваться въ законѣ основами и принципами. Необходимо, однако, ближайшее приспособленіе и примѣненіе закона къ практикѣ.

Это приспособленіе предоставлено либо высшему судебному управленію, либо самимъ судамъ и учрежденіямъ, которымъ приходится примѣнять законъ.

1. Практика примѣненія закона, по мысли составителей судебныхъ уставовъ, должна бы прежде всего заключаться въ *указахъ* судебныхъ мѣстъ—въ *общемъ* для всѣхъ судебныхъ мѣстъ и въ *особыхъ* для каждаго отдѣльно. Этими на-

казами,—какъ это и выражено въ ст. 166 учрежденія судебныхъ уставовленій.—должны опредѣляться «правила, относящіяся до внутренняго распорядка и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ».

По мысли составителей судебныхъ уставовъ, общій наказъ долженъ былъ составляться и могъ измѣняться не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Такъ было выражено въ первоначальной редакціи ст. 167 у. с. у. Но въ 1885 году это постановленіе измѣнено. Было принято во вниманіе, что мысль о необходимости изданія наказовъ основана на признаніи начала отдѣленія постановленій, имѣющихъ значеніе закона въ строгомъ смыслѣ, отъ распоряженій, относящихся къ способамъ примѣненія и исполненія законовъ,—постановленій чисто инструкціоннаго характера.

На этомъ основаніи законодательный порядокъ изданія общаго наказа отмѣненъ (законъ 20 мая 1851 года). По ст. 167 въ нынѣшней ея редакціи, общій наказъ долженъ составляться въ министерствѣ юстиціи и объявляться во всеобщее свѣдѣніе въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства по предварительномъ обсужденіи соединеннаго присутствія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Сената и утвержденіи, засимъ, общимъ собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ.

Не смотря на измѣненіе въ порядкѣ изданія общаго наказа, до сихъ поръ, однако, онъ не былъ примѣненъ. *Общаго* наказа не существуетъ.

У насъ существуютъ лишь наказы *особые*. Не выходя изъ правилъ, установленныхъ закономъ и общимъ наказомъ, если бы таковой уже существовалъ (ст. 170 у. с. у.), каждое судебное мѣсто имѣетъ право составить для себя проектъ особаго наказа, утверждаемый министромъ юстиціи (169, 171 у. с. у.). По закону (173 у. с. у.) особые наказы должны публиковаться во всеобщее свѣдѣніе.

Однако, какъ установлено комиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ, правило это никогда не соблюдается на практикѣ. На этомъ основаніи комиссія признала желательнымъ вовсе отмѣнить его, сдѣлавъ опубликованіе факультативнымъ.

Конечно, надо думать, это сдѣлано въ виду несовершенствъ въ способахъ опубликованія. Но, разумѣется, нельзя

отрицать всей важности того, чтобы каждый, обращающійся въ данное судебное мѣсто, былъ освѣдомленъ о порядкахъ его, дабы не совершить упущенія, послѣдствія котораго могутъ быть чувствительны.

До изданія общаго наказа, *наказы особые* въ отношеніи къ первому имѣютъ значеніе подготовительнаго матеріала. При существованіи же общаго наказа, особые наказы должны имѣть своимъ назначеніемъ установленіе и опредѣленіе тѣхъ допускаемыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ отступленій отъ общихъ правилъ дѣлопроизводства и внутренняго распорядка, какія обусловливаются исключительно мѣстными особенностями и условіями дѣятельности каждаго изъ судовъ.

Мысль о наказахъ впервые высказана въ 1860 году въ проэктѣ Блудова.

Въ 1865 году уже былъ выработанъ проектъ общаго наказа. Но утвержденіе его было признано преждевременнымъ, впредь до изданія особыхъ наказовъ, въ основаніе которыхъ легли бы указанія практики вновь учрежденныхъ судебныхъ мѣстъ.

Въ 1877 г. вопросъ объ общемъ наказѣ снова поставленъ на очередь. Учреждена особая коммиссія. Труды ея не увѣнчались успѣхомъ.

Таже участь постигла позднѣйшіе проэкты сенаторовъ Завадскаго и Шрейбера. Послѣдній проэктъ не получилъ движенія за введеніемъ реформы 1889 г., въ корнѣ измѣнившей организацію мѣстной юстиціи.

Въ послѣднее время обнаруживается *сомнѣніе*, есть-ли вообще въ настоящую пору *необходимость* въ общемъ наказѣ.

И въ литературѣ, и среди юристовъ-практиковъ убѣжденно говорятъ противъ такой необходимости. За истекшее 30-лѣтіе со времени введенія судебныхъ уставовъ,—говорятъ,—судебныя мѣста вполнѣ освоились съ условіями своей дѣятельности; отсутствіе общаго наказа въ практикѣ никакихъ особыхъ неудобствъ и замѣшательствъ не вызывало: необходимыя правила внутренняго въ судахъ распорядка регулировались и устанавливались отчасти закономъ, отчасти циркулярнымъ распоряженіемъ министерства юстиціи, обычаемъ, особыми наказами, распоряженіями предсѣдателей. Указа-

ніе на разнообразіе особыхъ наказовъ не правильно, ибо главнѣйшія постановленія всѣхъ ихъ въ большинствѣ совершенно одинаковы, ибо одинъ наказъ заимствуется изъ другого. Нѣкоторыя же отличія проистекаютъ отъ административныхъ способностей начальствующихъ лицъ *)

Коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ не согласилась съ такимъ взглядомъ. Отсутствіе во многихъ судебныхъ мѣстахъ особыхъ наказовъ, неодинаковость наказовъ существующихъ, неизвѣстность ихъ для публики—все это, какъ въ интересахъ публики, такъ и въ видахъ обезпеченія дѣятельности самихъ судовъ,—признала коммиссія,—дѣлаетъ и теперь необходимымъ изданіе общаго наказа. Для этого составлена новая коммиссія.

II. Детали порядка судопроизводства опредѣляются, засимъ, министерствомъ юстиціи въ особыхъ *циркуляраxъ*, публикуемыхъ въ «Собраніи узаконеній». Путемъ этихъ циркуляровъ министръ юстиціи осуществляетъ право, предоставленное ему впредь до составленія судебными мѣстами особыхъ для себя наказовъ, «въ правилахъ, относящихся до внутренняго распорядка въ судебныхъ установленіяхъ, дѣлать всѣ тѣ перемѣны, которыя вызваны будутъ указаніемъ практики»; право это обусловлено, однако, тѣмъ «чтобы эти перемѣны ни въ чемъ не противорѣчили правиламъ, вошедшимъ въ судебные уставы» (ст. 173 примѣч. учр. суд. уст).

III. Порядокъ судопроизводства регулируется также *указами правительствующаго сената* по общему собранію 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ и по соединенному присутствію ихъ, вѣдающему на основаніи ст. 119^3 п. 1 учр. суд. уст., дѣла по *надзору* за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства. Опредѣленія общаго собранія публикуются періодически въ особыхъ сборникахъ, опредѣленія соединеннаго присутствія опубликованы только недавно въ спеціальномъ изданіи министерства юстиціи.

IV. Наконецъ, практика примѣненія дѣйствующихъ законовъ по гражданскому процессу заключается въ *рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента сената*.

---

*) Объяснительная Записка къ проекту измѣненій учрежденія судебныхъ установленій, II, 256—258.

Значеніе кассаціонныхъ рѣшеній различается смотря по тому, идетъ-ли рѣчь о рѣшеніи по тому-же дѣлу, по которому оно состоялось, или же идетъ рѣчь о примѣненіи разъясненія, даннаго Сенатомъ по другому дѣлу.

Когда кассаціонный сенатъ отмѣнитъ рѣшеніе апелляціонной инстанціи, онъ обращаетъ дѣло къ новому производству въ другой судъ, равный по степени съ постановившимъ отмѣненное рѣшеніе. Для предупрежденія же неправильности и второго рѣшенія,—разсуждали составители судебныхъ уставовъ,—необходимо, чтобы судъ, постановляющій новое рѣшеніе, подчинялся, въ изъясненіи точнаго разума закона, заключеніямъ кассаціоннаго суда *).

Эта мысль и выражена въ ст. 813 у. г. с. въ разъясненіи точнаго разума закона судебныя установленія *обязаны* подчиняться сужденію сената.

Что это положеніе относится къ тому же дѣлу, которымъ вызвано данное разъясненіе, видно изъ второй части статьи 813: «кассаціонныя жалобы противъ постановленнаго на семъ основаніи *второго* рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не пріемлются». Здѣсь говорится о *второмъ* рѣшеніи, т. е. о рѣшеніи по дѣлу, которое, на основаніи ст. 809, обращено къ новому производству.

Такое значеніе разъясненія сената для вторичнаго разсмотрѣнія дѣла, по которому разъясненіе высказано, вытекаетъ изъ основной идеи кассаціоннаго суда. Кассаціонный судъ долженъ «сосредоточивать въ себѣ высшій судебный надзоръ и быть верховнымъ блюстителемъ правосудія въ Имперіи» **).

Разъ Сенатъ признаетъ неправильнымъ обжалованный способъ примѣненія судомъ закона, теряло бы всякій смыслъ кассаціонное производство, если бы судъ, разсматривающій дѣло послѣ кассаціи, могъ не слѣдовать сужденію Сената.

Значеніе сужденій Сената не основывается, однако, на

---

*) Законодательные мотивы къ ст. 809 у. г. с.
**) Законодательные мотивы къ ст. 792 у. г. с.

высшемъ іерархическомъ положеніи Сената, а на предполагаемой основательности и большей правильности сенатскаго разъясненія. Поэтому, какъ высказалъ тотъ же Сенатъ, если, по воспослѣдованіи рѣшенія Сената, вопросъ, однородный съ возникшимъ по дѣлу, подвергся вновь подробному обсужденію Сената, разрѣшенъ въ другомъ смыслѣ и рѣшеніе опубликовано въ сборникѣ, то оно, а не первое, должно быть принято въ руководство при истолкованіи закона *).

Статья 813 имѣетъ въ виду названный спеціальный случай и вовсе не относится также и къ тѣмъ дѣламъ, по поводу которыхъ данное разъясненіе не было высказано Сенатомъ.

О значеніи рѣшеній Сената въ этихъ случаяхъ говоритъ спеціально сюда относящаяся статья 815 у. г. с.

По статьѣ 815, всѣ рѣшенія и опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, которыми разъясняется точный смыслъ законовъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе для *руководства* къ единообразному истолкованію и примѣненію оныхъ.

Разъясненіе Сената по буквѣ закона, имѣетъ для судовъ значеніе *руководства*, т. е. имѣетъ направляющее, поучающее значеніе, но вовсе не равносильно императивному закону: кассаціонный судъ есть органъ судебной власти, которому законодательная власть не присвоена. Если это руководство, то пользованіе имъ не исключаетъ возможности *критическаго* отношенія къ нему.

Судъ, такимъ образомъ, обязанъ знать это руководство и пользоваться имъ, но отнюдь не обязанъ слѣдовать ему, коль скоро прійдетъ къ убѣжденію, что разъясненіе Сената не имѣетъ подъ собою достаточнаго основанія. Рѣшеніе Сената въ этихъ случаяхъ обязательно для суда лишь въ силу основательности, но не въ виду іерархической роли Сената: imperio rationis, non ratione imperii. Въ такихъ предѣлахъ

---

*) Рѣшеніе гражд. кассац. департамента Правит. Сената 1896 г. № 122.

обязанъ руководствоваться своею практикою и самъ Сенатъ. Іерархическая подчиненность въ этомъ отношеніи не имѣетъ значенія.

§ 3. Литература.

Литература не является въ качествѣ такого непосредственнаго источника для дѣйствующей системы процесса, какъ законъ. Значеніе литературы выражается въ томъ, что черезъ ея посредство проходятъ новыя правовыя идеи и укрѣпляется убѣжденіе въ необходимости введенія въ законъ тѣхъ или иныхъ нормъ. Это значеніе для lex ferenda. De lege lata литература важна для уразумѣнія закона и выясненія правильной постановки правосудія.

Литература по гражданскому судопроизводству, по содержанію своему, можетъ быть раздѣлена на три части: литературу научную, учебную и комментаторскую.

Научная литература направлена къ раскрытію тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ дѣйствующаго законодательства, должны явиться на смѣну ихъ при реформированіи его и тѣхъ теоретическихъ началъ, которые разрозненной массѣ матеріаловъ придаютъ законченную научную систему.

Такого рода литература въ отношеніи къ процессу стала развиваться сравнительно недавно. Дѣятельность въ этомъ направленіи открывается трудомъ Оскара Бюлова «Die Zehre von den Prozesseinrenden und die Prozessvoraussetzungen», 1868 г., указавшаго ту точку зрѣнія, съ которой процессъ и судопроизводство могутъ быть возведены въ одну общую систему цивильно-процессуальнаго права. Въ этомъ теченіи стоятъ Wach, Schmidt Stein, Weissmann, Degenkolb, Plòsz, Menger, Canstein, Ullmann и др., у насъ проф. Гольмстенъ и Нефедьевъ.

Это теченіе все больше и больше отражается и на литературѣ учебной. Она перестаетъ носить описательный характеръ, перестаетъ быть голымъ изложеніемъ дѣйствующаго законодательства. Присоединяясь къ тому или иному принципіальному воззрѣнію на процессъ, новѣйшая учебная литература не посвящаетъ себя объясненію искусства веденія дѣла

въ судебномъ порядкѣ, но стремится къ постановкѣ гражданскаго процесса на такую же почву, какую занимаетъ теперь хотя-бы гражданское право. Послѣднее не строится по законодательнымъ схемамъ, но по такъ называемой Гуго-Гейзевой системѣ. Къ процессу пытаются привить такъ называемую Бюловскую систему.—Явленіями новѣйшей учебной литературы представляются курсы Wach'a, Schmidt'a, Stein'a, Гольмстена и Азаревича. Менѣе замѣтно вліяніе принципіальнаго воззрѣнія на процессъ какъ единое цѣлое у Энгельмана и Малышева. Вовсе не отразилось вліяніе этого направленія на трудахъ г. Исаченко, имѣющихъ, однако, крупное практическое и научное значеніе.

Комментаторская литература обширна и на западѣ, и у насъ.

Въ Германіи заслуживаютъ особеннаго вниманія комментаріи Gaupp-Stein'a и Petersen'a У нихъ въ порядкѣ статей закона изложено все, что было высказано и въ литературѣ, и практикѣ. Для русскаго юриста это великолѣпные первоначальные указатели матеріаловъ для изслѣдованій въ области процессуальнаго права.

По французскому судопроизводству болѣе подробные комментаріи Dalloz'a и Pandectes Françaises.

По австрійскому: Neumann, Commentar zu den Civilprozessgesetzen vom 1 August 1895.

По нашему судопроизводству: литературно-практическій комментарій Анненкова; только практическіе, безъ литературныхъ указаній: комментарій г. Исаченко, сборникъ тезисовъ кассаціонной практики Боровиковскаго, и мною составленный систематизированный сборникъ разъясненій Сената и законодательныхъ мотивовъ.

Въ настоящую пору громадную пользу можетъ принести ознакомленіе съ цѣлой литературой, возникшей по поводу задуманной судебной реформы. Для гражданскаго судопроизводства много матеріала заключается въ объяснительныхъ запискахъ къ проектамъ учрежденія судебныхъ установленій и устава гражданскаго судопроизводства. Въ первой собранъ и обсужденъ матеріалъ данныхъ нашей судебной практики и управленія судебной частью. Еще большій интересъ, пред-

ставляетъ объяснительная записка къ уставу гражданскаго судопроизводства. Здѣсь собраны не только данныя нашей практики, но и вся литература русская и въ громадной массѣ литература иностранная. Несомнѣнно, это цѣнный вкладъ въ науку гражданскаго судопроизводства. Офиціально это продуктъ трудовъ цѣлой коммиссіи. Но de facto коммиссія лишь внесла свои личныя сужденія къ объективно-обоснованному единоличному труду сенатора Гасмана.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Субъекты процессуальнаго отношенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СУДЪ.

Глава первая.

Существо судебной власти и суда гражданскаго.

[§ 1. Отношеніе суда къ верховной судебной власти; надзоръ министра юстиціи. § 2. Отношеніе суда къ законодательной власти.—§ 3. Отношеніе суда къ административно-исполнительной власти].

§ 1. Отношеніе суда къ верховной судебной власти.

Въ первыя времена существованія государственныхъ организацій производство суда находится въ рукахъ того, кто вѣдаетъ и все управленіе государствомъ; *судъ* тогда *нераздѣленъ съ верховною властью.*

Постепенно возрастающая фактическая невозможность совмѣщенія въ однихъ рукахъ суда и верховнаго управленія приводитъ къ отдѣленію *верховной судебной власти* отъ производства суда.

Слагая съ себя непосредственно судебныя функціи, верховная власть, въ отношеніи къ суду, сохраняетъ за собою устройство учрежденій, необходимыхъ для правильнаго производства суда и наблюденіе за ихъ дѣятельностью. Судъ же самый творится спеціальными судебными органами.

Въ такомъ соотношеніи находятся судъ и верховная власть и по нашимъ законамъ.

Верховная власть является въ отношеніи суда лишь въ качествѣ верховно-наблюдательной судебной власти, но сама не производитъ суда.

Органами нашей верховно-судебной власти являются *министръ юстиціи* и *правительствующій сенатъ*.

Имъ предоставляется въ извѣстныхъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, направлять дѣятельность судовъ, назначать и утверждать судебный персоналъ. Объ этомъ въ ст. 254—259[1] учр. суд. уст.

§ 2. Отношеніе суда къ законодательной власти.

Судья, выполняя свою роль, не творитъ права, не предоставляетъ его той или другой изъ сторонъ. Роль суда состоитъ въ томъ, чтобы установить фактическую правду, разъяснить дѣйствительную наличность обстоятельствъ, засимъ изъ всей массы законодательныхъ нормъ найти подходящую къ данному случаю, для того, чтобы вывести заключеніе: кому изъ тяжущихся принадлежитъ по закону оспариваемое право?

Судъ, такимъ образомъ, является не творцемъ права, но *глашатаемъ воли законоподателя* въ *примѣненіи къ данному отдѣльному случаю*. Воля же законодателя, выразившаяся въ законодательной нормѣ, должна быть суду извѣстна: jura novit curia. Судъ не имѣетъ права ни измѣнять законовъ ни оставлять безъ примѣненія.

За неисполненіе этого отвѣчаетъ по ст. 329 сл., 366 сл., 370 и 371 улож. о нак.

Не имѣетъ права судья останавливать рѣшеніе дѣла, ссылаясь на неполноту, неясность, недостатокъ или противорѣчіе въ законахъ (ст. 10 у. г. с.); въ этихъ случаяхъ судьѣ предоставляется руководствоваться общимъ смысломъ закона (ст. 9 у. г. с.).

Въ виду этихъ правилъ судъ свободенъ въ примѣненіи законовъ: онъ руководствуется тѣми законами, которые, *по его разумѣнію*, опредѣляютъ подвергшееся спору право. Въ случаѣ неясности закона суду предоставляется *право толковать* законъ: выяснять духъ закона. Духъ закона—то же право, что и его буква: Ubi eadem legis ratio, ibi eadem legis dispositio. Духъ закона всегда глубже и шире его буквы, онъ вмѣщаетъ больше юридическихъ понятій, чѣмъ его буква. По-

этому толковать законъ означаетъ, по выраженію Савиньи, извлекать изъ него по возможности больше правосознанія: на этомъ основана творческая дѣятельность суда. Напримѣръ практикою созданы наши институты душеприказчичества и др., ввода во владѣніе.

Современному судьѣ приходится и примѣнять волю законодателя, и, предварительно, установлять ее: избирать изъ всей системы объективнаго права соотвѣтственную норму.

Современный судья отличается, такимъ образомъ, отъ римскаго judex'а. Роль послѣдняго заключалась лишь въ томъ, чтобы установить: Si paret или Si non paret. Волю же законодателя указывалъ преторъ. Римскому судьѣ оставалось лишь примѣнить ее, если случай дѣйствительно подходилъ къ ней.

§ 3. Отношеніе суда къ административно-исполнительной власти.

Охраненіе общественнаго порядка могло бы быть достигнуто мѣрами исполнительной власти. Органы ея могли бы направить свою дѣятельность на всякаго правонарушителя.

Однако, возможность нарушенія исполнительною властью предѣловъ необходимости создаетъ необходимость въ предварительномъ опредѣленіи, въ какой мѣрѣ необходимо примѣненіе исполнительной власти. Такимъ органомъ предварительнаго контроля въ отношеніи этой послѣдней и является судъ.

Въ такомъ значеніи судъ является учрежденіемъ, разсчитаннымъ на интересъ не пострадавшаго, а *правонарушителя*.

Это и понятно съ исходной точки зрѣнія идеи суда. Тамъ, гдѣ, при отсутствіи государственно-общественной организаціи, могла бы имѣть мѣсто самозащита и личная расправа, вмѣшивается государство. Принимая на себя защиту лица, ея ищущаго, государство является *безпристрастнымъ* судьею: оно взыщетъ съ правонарушителя, но лишь въ той мѣрѣ, какая необходима дѣйствительно, а не кажется необходимою для лично заинтересованнаго.

Разграниченіе судебной власти отъ исполнительной признается необходимымъ *въ принципѣ*:

До реформы 1889 года это разграниченіе рѣзко проведено было и въ нашемъ законодательствѣ.

По положенію же о земскихъ начальникахъ, органамъ

административнымъ присвоена и судебная власть. Во 1-хъ, земскій начальникъ—и судья, и администраторъ. Во 2-хъ, въ составѣ учрежденій по судебнымъ дѣламъ участвуютъ и лица административнаго вѣдомства. Въ 3-хъ, рѣшенія судебныхъ органовъ (городскихъ судей) обжалуются органамъ административнымъ уѣзднымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ (ст. 111 правилъ о производствѣ дѣлъ). Въ 4-хъ, ревизія дѣлопроизводства совершается административными органами.

Въ нѣкоторой степени смѣшеніе власти судебной съ исполнительною допускается и по судебнымъ уставамъ.

Во 1-хъ судебныя установленія выполняютъ функціи *финансовыхъ* учрежденій: взимаютъ судебныя пошлины (ст. 200 и 874 у. г. с.); взимаютъ денежные штрафы съ неявившихся свидѣтелей и экспертовъ (ст. 91, 92, 383 и 121, 528 у. г. с.).

Во 2-хъ, судебныя установленія выполняютъ и *полицейскія* функціи въ видѣ наблюденія «за охраненіемъ благочинія въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ» (149, 154—157 у. с. у.).

Глава вторая.

Система судебныхъ установленій.

§ 1. Территоріальная пестрота нашей системы.

Въ настоящее время наша система судебныхъ установленій, несмотря на рядъ законоположеній, распространившихъ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 64 г. на всю территорію Россійской имперіи, представляетъ пеструю картину.

Въ отношеніи судебной системы, Россійская территорія можетъ быть раздѣлена на двѣ части:

1) Мѣстности, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, и

2) Мѣстности, на которыя не распространено это положеніе.

Въ мѣстностяхъ перваго рода существуютъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ выборные мировые судьи. Кромѣ того, закономъ 1884 г. установлено, независимо отъ земскихъ

начальниковъ, два различныхъ типа мѣстнаго судьи—городской судья и уѣздный членъ окружнаго суда. На ряду съ этимъ, существуютъ и судебныя установленія, образованныя по судебнымъ уставамъ,—окружные суды и судебныя палаты.

Но и въ прочихъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ установленія 64 года, замѣчается разнообразіе.

Въ однихъ мѣстностяхъ, на ряду съ общими судебными установленіями (окружными судами и палатами), функціонируютъ *независимо* отъ нихъ стоящія мировыя учрежденія. Таковы: Варшавскій судебный округъ, губерніи Прибалтійскія и нѣкоторыя другія мѣстности.

Въ другихъ мѣстностяхъ, хотя цѣльность системы судебныхъ уставовъ не нарушается, но судебныя установленія построены на началѣ *единаго* суда: наряду съ окружными судами и палатами дѣйствуютъ мировые судьи, входящіе, однако, въ одну систему съ общими судебными установленіями. Таковы: Сибирь, Архангельская губернія, Закавказье.

Различіе имѣется и въ отдѣльныхъ явленіяхъ судебной дѣятельности. Кассаціонное производство, напр., ввѣряется то правительствующему сенату, то судебной палатѣ (Иркутской, Омской, Ташкентской и Тифлисской), не говоря уже о кассаціонныхъ функціяхъ губернскихъ присутствій, образованныхъ въ 1889 г.

Слѣдствіемъ такой пестроты является то, что въ предѣлахъ, напр., С.-Петербургской губерніи, мѣстный судъ врученъ судьямъ *пяти* различныхъ типовъ; тутъ функціонируютъ выборный мировой судья, мировой судья по назначенію, земскій начальникъ, городской судья и уѣздный членъ.

Это разнообразіе объясняется особенностями физической природы, культурныхъ и политическихъ условій. Оно вызвано желаніемъ достичь «возможнаго приспособленія судебнаго строя къ требованіямъ народнаго быта».

Какъ ни понятна эта пестрота, какъ ни соотвѣтствуетъ она условіямъ жизни, но имѣетъ дурную сторону—нежелательныя послѣдствія: утратились *простота* и *ясность* закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его *доступность* для обывателей. Разнообразіе въ пріемахъ оказанія судебной защиты не можетъ не вызвать въ населеніи мысли объ отступленіяхъ отъ истинныхъ требованій правосудія. Нельзя оправдать разнообразія и съ точки зрѣнія государственной справедливости:

судъ долженъ быть равный для всѣхъ, независимо отъ территоріи.

Эти соображенія приняты во вниманіе коммиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ, поставившей себѣ задачею, чтобы проектируемая система была примѣнима на всей территоріи, съ тѣми лишь изъятіями, какія необходимы въ виду особенныхъ условій нѣкоторыхъ мѣстностей.

Между прочимъ, проектировано реформировать и то отношеніе, въ которомъ стоятъ *мировыя учрежденія съ общими*. Признано болѣе правильнымъ начало *единой* системы судебнаго устройства, въ которую входили бы, надлежащимъ образомъ между собою связанные, всѣ органы суда, начиная отъ низшихъ степеней мѣстной юстиціи и кончая Правительствующимъ Сенатомъ.

Особо отъ судовъ общей и мѣстной юстиціи, стоятъ *волостные* суды. Существованіе этой категоріи судовъ знаменательно какъ нарушеніе одного изъ устоевъ судебныхъ уставовъ—*безсословности*, съ которой не согласенъ судъ „*равный для всѣхъ*". Волостные суды извѣстны и судебнымъ уставамъ: компетенція ихъ еще болѣе расширена закономъ 1889 г.

§ 2. Начало двухъ инстанцій. Положеніе кассаціоннаго суда.

Система нашихъ судебныхъ установленій построена на началѣ двухъ инстанцій.

Гражданскія дѣла, по ст. 11 у. г. с., подлежатъ разрѣшенію по существу въ двухъ только судебныхъ инстанціяхъ.

Это правило имѣетъ *двоякое* значеніе.

Во 1-хъ, каждое гражданское дѣло, разрѣшенное въ первой инстанціи, можетъ, засимъ, подлежать расмотрѣнію высшаго суда.

Во 2-хъ, окончательное разрѣшеніе дѣла по существу принадлежитъ власти только двухъ инстанцій.

Первое положеніе основывается на мысли о несовершенствѣ созданій рукъ человѣческихъ. Судебное рѣшеніе можетъ имѣть слишкомъ серьезныя послѣдствія для того, чтобы не заботиться о возможно большемъ соотвѣтствіи его матеріальной правдѣ. Цѣлесообразнымъ для этого признается су-

ществованіе, кромѣ первой инстанціи, также апелляціонной, разсматривающей тоже самое дѣло вторично.

Двѣ инстанціи допускаетъ и наше законодательство. Но и оно,—какъ и почти всѣ иностранныя,—отнюдь не допускаетъ еще большаго умноженія судебныхъ инстанцій.

Съ умноженіемъ судебныхъ инстанцій,—высказали составители нашихъ судебныхъ уставовъ,—ослабляется значеніе каждаго органа судебной власти. Судьи и тяжущіеся привыкаютъ считать рѣшеніе суда 1-й инстанціи только первою попыткою къ рѣшенію и необходимою формальностью для начатія дѣла... Нельзя ожидать въ судахъ 1-й степени ни хорошаго устройства, ни развитія судебной практики тамъ, гдѣ, при многочисленности судебныхъ инстанцій, приговоръ ближайшаго суда не имѣетъ истиннаго внутренняго значенія въ глазахъ судей и тяжущихся.

Въ большой долѣ эти соображенія примѣнимы уже и къ апелляціонной, второй инстанціи. Но существованіе ея признается меньшимъ зломъ, чѣмъ полное ея отсутствіе.

Таковымъ не можетъ считаться допущеніе *кассаціонной инстанціи.*

Въ кассаціонномъ производствѣ не заключается продолженія разбирательства судебныхъ инстанцій. Кассаціонная инстанція «судитъ не споръ между тяжущимся о какомъ-либо правѣ гражданскомъ, а вопросъ объ истинномъ смыслѣ закона и правильномъ примѣненіи его къ практикѣ» *).

Глава третья.

Внутренняя организація судебныхъ установленій.

[§ 1. Личный составъ ихъ: 1, судьи; коллегіальные и единоличные судьи; почетные судьи.—2, Органы *при* судѣ состоящіе. § 2. Служебная легитимація судей: условія и порядокъ назначенія; увольненіе—несмѣняемость.—§ 3. Легитимація по отношенію къ данному дѣлу; устраненіе судей].

---

*) Рѣш. гражд. кассац. департамента 1873 г. № 719.

§ 1. Личный составъ судебныхъ установленій.

Личный составъ суда слагается изъ двухъ частей: судей и органовъ, *при* судѣ состоящихъ.

I. По составу *судей*, судебныя установленія раздѣляются на *коллегіальныя* и *единоличныя* или *монократическія*.

Коллегіальными именуются установленія въ которыхъ производство суда возлагается на нѣсколькихъ судей, въ большинствѣ случаевъ, какъ и у насъ, minimum на трехъ судей: tres faciunt collegium *).

Въ судѣ единоличномъ производство суда принадлежитъ лишь одному судьѣ, но не нѣсколькимъ; единоличность не нарушается присутствіемъ при судьѣ лицъ, не имѣющихъ права рѣшительнаго голоса въ постановленіяхъ судьи.

Выборъ той или другой системы—вопросъ спорный. Разборъ соображеній за и противъ сдѣланъ на русскомъ языкѣ въ сочиненіи Филиппова, Судебная реформа. II. ч. 2. стр. 266 сл. Въ этой книгѣ взвѣшены соображенія, высказанныя Бентамомъ въ защиту единоличности суда въ книгѣ «о судоустройствѣ».

Въ нашей законодательной системѣ не отдано исключительнаго предпочтенія ни той, ни другой изъ системъ.

Коллегіальными являются у насъ всѣ суды апелляціонные и изъ судовъ первой инстанціи окружные суды. По уголовнымъ дѣламъ къ коронной коллегіи послѣднихъ присоединяется иногда коллегія присяжныхъ засѣдателей. По гражданскимъ дѣламъ присяжные засѣдатели у насъ не допускаются.

Прочіе же суды 1-й инстанціи являются у насъ единоличными.

Сочетаніе это даетъ возможность, того и другого начала въ нашей системѣ судебныхъ установленій имѣетъ свою добрую сторону—использовавъ преимущества одного начала, устранить, по возможности, дурныя стороны его, воспользовавшись взамѣнъ того преимуществами другого начала.

Внѣ сомнѣнія, *коллегіальное* начало имѣетъ ту *хорошую* сторону, что оно лучше единоличнаго начала обезпечиваетъ *справедливость* и *правильность* рѣшенія дѣла. *Справед-*

---

*) L. 85, D. 50, 16.

ливость больше гарантирована, ибо менѣе возможны подкупъ и одностороннее увлеченіе. Возможна бо̀льшая *правильность*, ибо легче рѣшеніе трудностей уясненія дѣла и примѣненія закона: умъ хорошо, два лучше.

Полное проведеніе коллегіальности встрѣтило, однако, *препятствія*.

Коллегіальный судъ требуетъ гораздо большаго *числа подготовленныхъ судей*, чѣмъ единоличный. Въ интересахъ качественнаго уровня судей необходимо количественное ограниченіе.

Еще менѣе возможенъ высокій качественный уровень, если требовать отъ коллегіальнаго суда, чтобы онъ былъ и *близокъ къ населенію*. т. е. простиралъ свое дѣйствіе на возможно меньшую часть государственной территоріи.

Подъ давленіемъ этихъ соображеній, законодателю пришлось обратиться *къ единоличному началу*, лучше отвѣчающему только что описаннымъ требованіямъ, жертвуя, однако, гарантіей большей правильности и справедливости.

Этой жертвы не сдѣлано, впрочемъ, въ примѣненіи къ судамъ большей важности: къ апелляціоннымъ судамъ, какъ послѣдней инстанціи въ рѣшеніи дѣла, и къ судамъ окружнымъ въ виду *бо̀льшаго экономическаго значенія* ихъ.

Отдавая должное преимуществамъ коллегіальности, нашъ законодатель принялъ мѣры къ возможному *устраненію и дурныхъ ея сторонъ*.

Во 1-хъ, въ коллегіи возможно *подавляющее вліяніе* однихъ надъ другими. Приняты мѣры для парализованія этой возможности: напримѣръ, при постановленіи рѣшенія отбираются мнѣнія *начиная съ младшаго*, предсѣдатель же подаетъ свое мнѣніе послѣ всѣхъ (ст. 697 у. г. с.).

Во 2-хъ, коллегіальность *стѣсняетъ быстроту* и возможность нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствій. Противъ этого допускается возможность отдѣльныхъ порученій одному изъ членовъ: наблюденіе за каждымъ отдѣльнымъ дѣломъ (271 у. г. с.), допросъ свидѣтелей внѣ суда (386 у. г. с.), осмотръ на мѣстѣ (508 у. г. с.); это положеніе еще болѣе расширено закономъ 1897 г.: отдѣльныя порученія могутъ быть возлагаемы не только на члена коллегіи, но даже на единоличныхъ судей (ст. 386, 508 и др. у. г. с.).

Въ 3-хъ, при коллегіальности можетъ оказаться затруд-

нительнымъ, чтобы *число судей въ засѣданіи* всегда было *полное*, вслѣдствіе чего можно опасаться затягиванія дѣлъ изъ-за неприбытія членовъ суда.

Для предупрежденія этого, отсутствующій членъ коллегіи замѣняется другимъ, изъ наличныхъ, начиная съ младшихъ по назначенію (ст. 145 у. с. у.; ср. съ разъясненіемъ соединеннаго присутствія Сената). При невозможности такого пополненія присутствія, можетъ быть приглашаемъ въ окружный судъ утвержденный судебный слѣдователь, а въ Палату—членъ окружнаго суда. Возможно пополненіе черезъ призывъ одного изъ почетныхъ мировыхъ судей, но отнюдь не участковаго (ст. 146 у. с. у.).—

Такимъ образомъ, каждый судья отправляетъ свои судейскія функціи либо единолично, либо коллегіально. При этомъ, во многихъ случаяхъ единоличный судья можетъ выступать и въ качествѣ члена коллегіи: мировой судья единолично судитъ въ 1-й инстанціи, являясь членомъ коллегіи въ инстанціи апелляціонной.

Кромѣ судей съ опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ, нашему законодательству извѣстенъ еще типъ судьи—*почетный мировой судья.*

Исходною мыслью при учрежденіи этой должности было тремленіе доставить возможность наиболѣе просвѣщеннымъ и уважаемымъ лицамъ изъ числа мѣстныхъ жителей содѣйствовать своими знаніями и нравственнымъ авторитетомъ успѣху мѣстнаго правосудія и, при томъ, безвозмездно.

Первоначально должность почетнаго судьи входила въ организацію *мирового* института. Но она *пережила* институтъ мировыхъ судей и по выбору, и отъ правительства. Почетные мировые судьи существуютъ теперь и тамъ, гдѣ нѣтъ мировыхъ участковыхъ судей, но лишь городскіе судьи и земскіе начальники *).

Обязанности почетнаго мирового судьи (ст. 46—50 и 56[1] у. с. у.) заключаются въ единоличномъ мировомъ разбирательствѣ по обоюдному согласію тяжущихся, участіи въ засѣданіяхъ съѣзда мировыхъ судей и окружнаго суда.—

Коллегія судей въ рѣдкихъ случаяхъ представляетъ собою весь данный судъ. Обыкновенно это лишь одно изъ от-

---

*) Проф. Гольмстенъ въ Юридическихъ изслѣдованіяхъ, 528 сл.

дѣленій его или одинъ изъ департаментовъ или даже, по составу присутствующихъ, лишь часть отдѣленія или департамента. Въ общихъ судахъ дѣленіе такое постоянно; въ мировыхъ судахъ оно возможно какъ временное (ст. 55 у. с. у.). Каждое, однако, отдѣленіе или часть его дѣйствуютъ какъ весь судъ, къ которому отдѣленіе принадлежитъ.

II. Вспомогательное значеніе имѣютъ учрежденія и лица, *при судѣ* состоящіе.

Таковы: прокурорскій надзоръ, секретари и канцеляріи, кандидаты на судебныя должности, судебные пристава и разсыльные, присяжные переводчики, нотаріатъ, присяжные и частные повѣренные.

1. **Прокуратура** (ст. 124—136 у. с. с. и 343—347 у. г. с.) учреждена при судебныхъ мѣстахъ; съ ними связана она неразрывно общностью занятій и задачъ, но, не сливаясь съ ними, она представляетъ отдѣльную организацію и отъ суда не зависитъ.

Прокурорскій надзоръ, по мысли составителей судебныхъ уставовъ, не долженъ распространяться на всѣ спорныя *гражданскія* дѣла: это было бы не согласно съ правилами состязательнаго процесса. Наблюденію прокурора подчиняются только тѣ дѣла, въ которыхъ необходимо *особое правительственное попеченіе.*

Цѣль этого попеченія заключается 1) въ охраненіи силы и точнаго разума закона и 2) въ огражденіи интересовъ лицъ, физическихъ и юридическихъ, которыя не могутъ лично явиться на судъ для защиты своихъ правъ.

Кругъ дѣлъ, подлежащихъ попеченію прокурора, опредѣляется *двояко.*

По *однимъ* дѣламъ участіе прокурора *обязательно*; это именно тѣ дѣла, по которымъ требуются по закону предварительныя заключенія прокурора; случаи эти указаны въ ст. 343 у. г. с.; кромѣ того, заключеніе прокурора *обязательно* въ кассаціонномъ производствѣ (ст. 804 у. г. с.), и въ судебно-административныхъ учрежденіяхъ по закону 1889 г. во всѣхъ случаяхъ, когда только требуется участіе прокурора (76,105 пол. о земск. нач., 136 прав. произв.). *По всѣмъ прочимъ* дѣламъ присутствіе чиновъ прокурорскаго надзора въ засѣданіи зависитъ отъ ихъ *усмотрѣнія* (ст. 141 у. с. у.).

Роль прокурора въ гражданскомъ судѣ ограничивается

предъявленіемъ суду предварительныхъ заключеній. Заключеніе это дается словесно, но не письменно; лишь заносится оно въ протоколъ засѣданія. Заключеніе это не подлежитъ повѣркѣ ни со стороны суда, ни со стороны кассаціонной инстанціи. Но оно и не стѣсняетъ судъ въ рѣшеніи дѣла: въ постановленіи рѣшенія прокуроръ не участвуетъ.

И въ литературѣ, и среди судебныхъ дѣятелей высказывается сильное сомнѣніе въ *цѣлесообразности* участія прокуратуры въ гражданскомъ судѣ.

Прокуроръ обремененъ занятіями по основной своей задачѣ—преслѣдованію преступленій, а потому не имѣетъ времени къ изученію гражданскихъ дѣлъ, требующихъ его заключенія; вслѣдствіе этого, заключеніе прокурора часто оказывается безполезнымъ какъ мало обоснованное, особенно при спеціализаціи прокурора въ области уголовныхъ дѣлъ, препятствующей знакомству съ правомъ и процессомъ гражданскимъ.

Вслѣдствіе этого, участіе прокурора является фикціей, къ тому же, фикціей, сопряженной съ затягиваніемъ дѣла. Требованіе закона объ участіи прокуратуры вноситъ замедленіе въ производство: необходимо зачастую отсрочивать засѣданія для выслушанія прокурора по вопросу, возникшему лишь во время засѣданія, и, сверхъ того, посылать дѣла прокурору за 3 дня до слушанія ихъ.

Поэтому предлагалось (Верблоцкій *) вовсе устранить участіе прокурора въ гражданскихъ дѣлахъ или въ значительной мѣрѣ сократить по примѣру Германскаго устава. Къ сожалѣнію *комиссія не рѣшилась* послѣдовать этому голосу, предоставивъ искорененіе недостатковъ участія прокуратуры въ гражданскомъ процессѣ распоряженіямъ министра юстиціи. Въ принципѣ же коммиссія признала участіе прокуратуры цѣлесообразнымъ; въ этомъ смыслѣ высказываются, впрочемъ, и въ литературѣ **), находящей примѣръ достойный подражанія во французскомъ процессѣ.

Участіе прокуратуры въ судѣ гражданскомъ есть результатъ переживанія института вездѣсущаго «ока царева»—губернскихъ прокуроровъ. Въ свое время оно имѣло

---

*) Верблоцкій. Вопросы гражданскаго права и процесса, 1896 г. 387.
**) Малининъ, Убѣжденіе судьи, 1873 г., стр. 29, 57.

полное основаніе—борьбу съ продажностью органовъ власти и незначительными гарантіями добросовѣстности и спеціальной подготовки судей прежняго времени. Теперь же прокурору въ гражданскомъ судѣ, безъ существенной пользы для дѣла, приходится задерживать своимъ участіемъ теченіе гражданскихъ дѣлъ, а въ тоже время задерживать ходъ уголовныхъ дѣлъ, отрываясь отъ участія въ нихъ.

2. Для подготовленія рядовъ судебныхъ дѣятелей существуетъ институтъ *кандидатовъ на судебныя должности* (407—419[1] у. с. у., 80 пол. о земск. нач. и 39 прав. суд.). Состоятъ кандидаты при всѣхъ коллегіальныхъ судахъ, а изъ единоличныхъ—при уѣздныхъ членахъ окружнаго суда. Раздѣляются на младшихъ и старшихъ.

3. Для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ судебныхъ мѣстъ при нихъ имѣются *канцеляріи*, состоящія изъ опредѣленнаго числа секретарей (въ Сенатѣ оберъ-секретарей), помощниковъ секретаря и канцелярскихъ чиновниковъ (ст. 120—123 у. с. у.). Кромѣ дѣлопроизводства по канцеляріи, секретари и ихъ помощники участвуютъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, составляя о нихъ общій журналъ и особый по каждому дѣлу протоколъ (ст. 163 и 164 у. с. у.).

4. Для исполненія судебныхъ рѣшеній существуютъ особыя лица—*судебные приставы*. Они же обязаны исполнять распоряженія предсѣдателя суда по охраненію порядка въ засѣданіи (60—63 у. с. у. и, особенно, 297—312 у. с. у.). Обязанности послѣдняго рода могутъ быть возлагаемы на *судебныхъ разсыльныхъ*, но отнюдь не исполненіе судебныхъ рѣшеній [352[1]—355[5] у. с. у.].

5. По мѣрѣ необходимости, могутъ состоять въ вѣдомствѣ окружныхъ судовъ *присяжные переводчики* [421—429 у. с. у.]. Обязанности ихъ: изготовленіе и повѣрка переводовъ документовъ съ иностранныхъ языковъ.

6. При судебныхъ мѣстахъ состоятъ *присяжные и частные повѣренные* [353—406[19] у. с. у.]. Назначеніе ихъ—занятіе дѣлами по избранію и порученію тяжущихся.

7. Въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а въ случаѣ надобности и въ уѣздахъ состоятъ **нотаріусы** (ст. 420 у. с. у.).

Дѣятельность ихъ заключается въ завѣдываніи нотаріальною частью, т. е., о мысли основныхъ положеній о судоустрой-

ствѣ 1862 г., «совершеніемъ актовъ объ уступкѣ и пріобрѣтеніи имуществъ и о разныхъ обязательствахъ».

Служебное положеніе и дѣятельность нотаріусовъ опредѣлены въ *положеніи о нотаріальной части 14 апрѣля 1866 года*, составляющемъ позднѣйшее добавленіе судебныхъ уставовъ Императора Александра II.

Завѣдываніе нотаріальною частью поручается *нотаріусамъ* [младшимъ] и *старшимъ нотаріусамъ* (ст. 1 нот. пол.), а также, съ нѣкоторыми ограниченіями, мировымъ и городскимъ судьямъ и уѣзднымъ членамъ окружнаго суда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ нотаріусовъ или гдѣ должности ихъ не замѣщены (ст. 2 тамъ-же).—

Старшій нотаріусъ является начальникомъ нотаріальнаго архива.

Таковые архивы существуютъ при каждомъ окружномъ судѣ (но не при иныхъ судебныхъ мѣстахъ). Назначеніе ихъ— храненіе крѣпостныхъ, запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ, а также книгъ, реэстровъ, актовъ, документовъ, печатей нотаріусовъ и лицъ, ихъ замѣщающихъ (ст. 42 нот. пол.).

Старшій нотаріусъ, состоитъ на государственной службѣ и въ своихъ правахъ уравненъ съ членами окружнаго суда (ст. 43 тамъ-же).

Спеціальную функцію старшаго нотаріуса составляетъ утвержденіе актовъ о недвижимыхъ имѣніяхъ, которые, по законамъ гражданскимъ, должны быть совершены крѣпостнымъ порядкомъ (ст. 158 нот. пол.); черезъ это утвержденіе нотаріальный актъ обращается въ крѣпостной (157 нот. пол.). Вѣдѣнію старшихъ нотаріусовъ поручена, такимъ образомъ часть крѣпостная.—

Нотаріальная же часть въ тѣсномъ смыслѣ находится въ вѣдѣніи *нотаріусовъ*, т. е., младшихъ, въ противоположность старшимъ.

Нотаріусами (младшими) могутъ быть только русскіе подданные (но не евреи), совершеннолѣтніе, не опороченные судомъ или общественнымъ приговоромъ и не занимающіе никакой другой должности ни въ государственной, ни въ общественной службѣ (ст. 5 нот. пол.).

Кромѣ этого, желающіе занять должность нотаріуса, подвергаются испытанію въ умѣніи правильно излагать акты и въ знаніи формъ нотаріальнаго дѣлопроизводства и необхо-

димыхъ, для исполненія этой должности, законовъ (ст. 15 тамъ-же).

Засимъ, для обезпеченія взысканій на случай неправильныхъ дѣйствій по должности, кандидатъ въ нотаріусы представляетъ въ окружный судъ залогъ; размѣръ его опредѣляется, по соображенію мѣстныхъ условій, Министромъ Юстиціи, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 8 тамъ же).

Опредѣленіе и увольненіе нотаріусовъ исходитъ отъ старшаго предсѣдателя судебной палаты, по представленію предсѣдателя окружнаго суда (ст. 16 тамъ же).

По служебному положенію младшіе нотаріусы причислены къ государственной службѣ.

Такое положеніе нотаріусовъ,—объяснено въ законодательныхъ мотивахъ,—«доставляя имъ почетъ и важное право огражденія, наравнѣ со всѣми чинами государственной службы, отъ обидъ, оскорбленій и насилія во время исполненія служебныхъ обязанностей, можетъ привлечь въ нотаріусы хорошихъ людей».

Считая нотаріусовъ на государственной службѣ, законъ нашъ не даетъ имъ, однако, права на производство въ чины и на пенсію (ст. 17 нот. пол.).

Не дано имъ права и на содержаніе отъ правительства. Но за всякое должностное дѣйствіе предоставляется нотаріусомъ взимать плату въ свою пользу по добровольному съ обратившимися къ нимъ лицами соглашенію, или, если сего соглашенія не послѣдуетъ, то по особой таксѣ (ст. 208 нот. пол.).

Такимъ образомъ, дѣятельность нотаріуса (младшаго) имѣетъ у насъ характеръ скорѣе частной, чѣмъ служебной дѣятельности: «въ основу этого учрежденія»,—какъ и высказано было въ объясненіяхъ къ проэкту нынѣшняго положенія,—«кладется мысль сдѣлать нотаріусовъ не служебными лицами, но какъ бы людьми промысла».—

Отношеніе нотаріусовъ къ судебнымъ мѣстамъ выражается въ слѣдующемъ.

Во 1-хъ, нотаріусы состоя въ *вѣдомствѣ* того *окружнаго суда*, въ округѣ коего находится его мѣстопребываніе, исполняетъ должностныя свои обязанности только въ предѣлахъ этого округа (ст. 20 и 21 нот. пол.).

Во 2-хъ, нотаріусъ въ своей дѣятельности находится *подъ наблюденіемъ* того окружнаго суда, при которомъ онъ состоитъ (ст. 20 нот. пол.). Въ частности, окружный судъ имѣетъ право надзора за исполненіемъ нотаріусами, какъ младшими, такъ и старшимъ, ихъ обязанностей (ст. 57 нот. пол.), а также право ревизіи книгъ нотаріуса во всякое время, по своему усмотрѣнію черезъ своихъ уполномоченныхъ (ст. 58 нот. пол.).

Въ губерніяхъ *Варшавскаго* судебнаго округа нотаріальная часть находится, подъ наблюденіемъ судебныхъ установленій, въ вѣдѣніи нотаріусовъ, состоящихъ при ипотечныхъ канцеляріяхъ окружныхъ судовъ и мировыхъ судей. Должности же старшаго нотаріуса не учреждено (ст. 219 нот. пол. и 555 у. с. у.). Отчасти нотаріяльныя функціи предоставляются также мировымъ судьямъ и гминнымъ судамъ (ст. 220 тамъ же).

Особенность имѣетъ нотаріатъ и въ губерніяхъ *Прибалтійскихъ*. Здѣсь существуютъ нотаріусы, но нѣтъ старшихъ нотаріусовъ; нотаріальные архивы соединяются съ архивами крѣпостныхъ отдѣленій, состоящихъ, при мировыхъ съѣздахъ, для завѣдыванія ипотечною частью (ст. 374, 236 нот. пол.).

§ 2. Служебная легитимація судей.

I. Основнымъ началомъ въ положеніи суда является *самостоятельность судьи*.

20 Ноября 1864 года былъ данъ указъ Правительствующему Сенату обнародовать Судебные Уставы. «Они вполнѣ соотвѣтствуютъ,»—гласитъ Высочайшій указъ,—«желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую ***самостоятельность***».

Этими словами Высочайшаго указа санкціонированы для русскаго суда тѣ *условія*, при которыхъ только и можетъ быть рѣчь о судѣ и судебной власти. Безъ самостоятельности безцѣльно и самое существованіе суда: тамъ нѣтъ судебной власти, гдѣ нѣтъ у суда *свободы сужденія*.

При этомъ лишь условіи, заключенія суда будутъ исхо-

дить отъ чистой совѣсти какъ на исповѣди, они будутъ выражать волю судебной власти, а не посторонней. Не страхъ наказанія и не ожиданіе награды будутъ руководить судомъ, но одна лишь цѣль—выясненіе правды.

Только такой судъ въ состояніи выполнить завѣтъ того же указа «утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе», а оно «должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Указъ 20 Ноября даровалъ Россіи судъ, давъ суду самостоятельность.

Самостоятельность суда была бы пустымъ звукомъ, если бы не сводилась къ *самостоятельности судей*. Для того, чтобы создать судъ, необходимо было поставить членовъ его въ условіе самостоятельности. Гдѣ нѣтъ судьи, тамъ нѣтъ и суда.

Самостоятельность судей зависитъ, съ одной стороны, отъ порядка и условій ихъ назначенія, съ другой, отъ условій для дѣятельности судей—условій служебныхъ и соціальныхъ.

II. Что касается до **порядка опредѣленія судей** къ должности, то у насъ существуетъ двѣ системы.

Кромѣ системы *правительственнаго назначенія*, дѣйствуетъ у насъ *выборная* система замѣщенія судейскихъ должностей.

Выборная система была допущена судебными уставами относительно *мировыхъ* судей; избраніе ихъ предоставлялось уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, а въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ—городскимъ думамъ. Требовалось, однако, правительственное утвержденіе избранника (ст. 24, 37, 40 у. с. у.)

Основаніе для примѣненія къ мировымъ судьямъ выборнаго начала было слѣдующее.

Мировые судьи, по мысли редакторовъ судебныхъ уставовъ, должны были явиться не простыми рѣшителями спорныхъ дѣлъ, но прежде всего *примирителями и судьями совѣсти*, призванными блюсти и поддерживать, въ предѣлахъ ввѣренной имъ власти, миръ и спокойствіе среди обывателей. Для этого признали необходимымъ обезпечить за мировыми судьями *общее довѣріе и уваженіе* со стороны мѣстныхъ

обывателей. Лучшее же средство къ этому усмотрѣли въ предоставленіи обывателямъ избирать себѣ мировыхъ судей.

Но уже разъубѣдились скоро въ цѣлесообразности выборнаго начала. Въ 1867 г. введены мировые судьи на Кавказѣ, но выборъ замѣненъ назначеніемъ. Наибольшій ударъ выборному началу нанесенъ положеніемъ 1889 г. о земскихъ начальникахъ.

Выборное начало,—пришлось убѣдиться,—не соотвѣтствуетъ судейской несмѣняемости, свободѣ совѣсти судьи и такой независимости, которая дозволяла бы судьѣ руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ только закономъ и чувствомъ справедливости. Выборное начало не только не служитъ гарантіей, но можетъ быть препятствіемъ для безпристрастнаго правосудія.

Въ ряду предположенныхъ преобразованій намѣчено почти полное отреченіе отъ выборнаго начала. «Почти» относится лишь къ почетнымъ мировымъ судьямъ, съ отмѣною, однако нынѣ существующей по (ст. 37 у с. у.) добровольной подсудности почетнымъ мировымъ судьямъ.—

Система *правительственнаго назначенія* судей имѣетъ по нашему законодательству *три* разновидности:

а) Правительство предоставляетъ предварительное избраніе кандидатовъ въ судьи той коллегіи, гдѣ открылась вакансія (213—215 у. с. у.).

б) Назначеніе можетъ производиться центральнымъ органомъ надзора, *Министромъ Юстиціи*; этотъ порядокъ существуетъ у насъ въ видѣ *самостоятельнаго* или въ видѣ *субсидіарнаго* (эвентуальнаго); при послѣднемъ Министръ Юстиціи представляетъ на Высочайшее усмотрѣніе кандидатовъ *на случай* недостатка въ другихъ (38, 215 у. с. у.), представляемыхъ самостоятельнымъ порядкомъ (215 у. с. у.). Исключительно система назначенія судей *центральнымъ органомъ надзора* принята въ законоположеніи 1889 г.

в) *Монархъ* непосредственно можетъ назначать судей; таковъ порядокъ назначенія сенаторовъ.

III. Указаннымъ порядкомъ могутъ быть призываемы къ судейскимъ обязанностямъ лица, удовлетворяющія **законнымъ условіямъ**.

Таковы условія *соціальныя, умственныя, нравственныя* и *физическія*

Къ *соціальнымъ* условіямъ относится прежде всего *русское подданство* (200 у. с. у.).—*Сословное* положеніе не имѣло значеніе для занятія судейскихъ должностей впредь до закона 1889 г., требующаго отъ земскаго начальника принадлежности къ потомственному дворянству, впрочемъ, не съ полною безусловностью (ст. 6 пол. о земск. нач.).—*Имущественное* положеніе, имущественный цензъ является условіемъ для избранія въ мировые судьи (19 п. 3 у. с. у.) съ изъятіемъ для случая единогласнаго избранія (ст. 34 у. с. у.), а также условіемъ и для назначенія въ земскіе назальники (ст. 6 п. 2 пол. о земск. нач.).—Какъ соціальное условіе является *принадлежность къ числу мѣстныхъ жителей*—для мировыхъ судей (19 п. 3 у. с. у.) и, отчасти, для земскихъ начальниковъ (6 п. 2 пол. о земск. нач.).

О *вѣроисповѣданіи* какъ условіи для занятія судейскихъ должностей не говорится въ судебныхъ уставахъ. Объ этомъ говорится лишь въ общихъ правилахъ о службѣ гражданской; это вопросъ вообще вступленія на государственную службу, а не спеціально занятія судейскихъ должностей.—Не могутъ быть избираемы въ судьи *священнослужители* и церковные причетники (22 у. с. у.).—

Умственными условіями занятія судейской должности являются *юридическое образованіе* и *служебный цензъ*.

Безъ юридическаго образованія, «самый честный, самый православный судья съ потомственнымъ цензомъ» *) будетъ плохимъ судьею: здѣсь нужны положительныя свѣдѣнія, а не образъ мыслей и чутье.

Отношеніе между образовательнымъ и служебнымъ цензами двояко.

Служебный цензъ можетъ *замѣнять* собою цензъ образовательный: судейскія должности могутъ быть замѣщаемы, между прочимъ изъ числа лицъ, «доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части» (202 у. с. у.).—Служебный цензъ требуется также *сверхъ* ценза образовательнаго: назначеніе на должность обусловливается предварительною службою извѣстное число лѣтъ;

---

*) Малышевъ, Курсъ гражд. судопроизводства, т I (1874 г), 94.

напримѣръ, по ст. 203, членомъ окружнаго суда можетъ быть назначено лицо, служившее не менѣе 3 лѣтъ по судебной части, въ званіяхъ не ниже секретаря окружнаго суда. Служебный цензъ для назначенія въ судьи опредѣляется лишь временемъ службы, но *не зависитъ отъ чиновъ* (ст. 236 у. с. у.): важность положенія должна зависѣть «не отъ чина»,—пояснено въ законодательныхъ мотивахъ,—а «отъ сущности обязанностей, связанныхъ съ званіемъ судьи».

Въ отношеніи умственныхъ условій меньше требованій предъявляется къ *мировымъ судьямъ* (общее, а не юридическое образованіе *или* 3-лѣтній служебный стажъ [19 п. 2 у. с. у.)] и еще меньше къ *земскимъ начальникамъ* (ст. 15 пол. о земск. нач.).—

Къ условіямъ *нравственнымъ* относится *честь*, не опороченная судомъ или общественнымъ приговоромъ. На этомъ основаніи въ должности по судебному вѣдомству не могутъ быть назначаемы лица, указанныя въ ст. 21 и 201 у. с. у.

По этимъ статьямъ, нравственнымъ условіямъ для занятія судейской должности не удовлетворяютъ, между прочимъ, не только тѣ лица, которыя *подверглись*, по судебнымъ приговорамъ, за противозаконныя дѣянія, заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію, но также «и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за преступленія или проступки, влекущіе за собою такія наказанія, *не оправданы* судебными приговорами» (ст. 201 п. 1).

Къ этой послѣдней категоріи не относятся, однако, тѣ лица, относительно которыхъ состоялись судебные приговоры, не приведенные въ исполненіе за примиреніемъ сторонъ, т. е. по дѣламъ, возбуждаемымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Такое положеніе вытекаетъ изъ значенія частнаго обвиненія сравнительно съ обвиненіемъ публичнымъ.

Основаніемъ для возникновенія дѣла въ порядкѣ публичнаго обвиненія является самый фактъ противозаконнаго дѣйствія; инициатива пострадавшаго не имѣетъ значенія для возбужденія дѣла; разъ противозаконное дѣйствіе имѣло мѣсто, и это констатировано судомъ, одно это уже поражаетъ способность лица къ занятію судейской должности, хотя бы, напр., по Всемилостивѣйшему Манифесту, приговоръ и не былъ приведенъ въ исполненіе; достаточно уже одного того, что состоявшій подъ судомъ не былъ по суду оправданъ.

Иное значеніе имѣетъ судебный приговоръ по дѣлу частнаго обвиненія. Для возникновенія такого дѣла не достаточно, чтобы имѣло мѣсто то дѣйствіе, которое могло бы служить поводомъ для возбужденія частнаго обвиненія. Здѣсь иниціатива обвинителя альфа и омега для дѣла: какъ истецъ въ процессѣ гражданскомъ, такъ и частный обвинитель въ процессѣ уголовномъ хозяинъ дѣла въ каждый данный моментъ. По его ходатайству и возникаетъ дѣло, а равно и *прекращается* «за примиреніемъ».

Каково бы ни было то внутреннее основаніе, которое руководитъ иниціативою обвинителя,—будь то нравственное удовлетвореніе или даже позорная конверсія чести въ звонкую монету,—результатъ одинъ: послѣ примиренія, какъ и до возбужденія частнаго обвиненія, нѣтъ мѣста ни для судебнаго приговора, ни для тѣхъ послѣдствій, которыя связываются съ неоправдательнымъ приговоромъ, если онъ состоится.

Въ противномъ случаѣ, законодатель, предоставивъ, съ одной стороны, данный рядъ дѣлъ свободному усмотрѣнію частнаго обвинителя, съ другой — ограничилъ бы свободу дѣйствій, имъ же самимъ установленную. Но для этого нужна спеціальная оговорка въ законѣ; у насъ же ея не существуетъ. *)

Такое значеніе судебныхъ приговоровъ по дѣламъ частнаго обвиненія принято нашимъ законодателемъ и въ ст. 813 устава о службѣ гражданской (т. III свода законовъ).

Установивъ общее правило о включеніи судебныхъ приговоровъ въ послужные списки, законъ дѣлаетъ въ этой статьѣ оговорку: приговоры по дѣламъ, прекращеннымъ за примиреніемъ сторонъ, не подлежатъ внесенію въ эти списки.

При такихъ условіяхъ, не имѣло бы смысла считать препятствіемъ для занятія судейской должности такія обстоятельства, которыя закономъ прямо игнорируются: quod non est in actis, non est in mundo.—

---

*) Такъ представляется дѣло de lege lata: по дѣйствующему нашему законодательству, по дѣламъ частнаго обвиненія прокурорская власть не принимаетъ никакого участія. Иное, конечно, вліяніе будетъ имѣть неоправдательный приговоръ, если получатъ силу закона измѣненія, проэктированныя коммиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ; свобода частнаго обвинителя, какъ проэктировано, будетъ ограничена: частный обвинитель будетъ имѣть право выступать лишь *наряду* съ прокуроромъ. Тогда, разумѣется, утратитъ свое нынѣшнее значеніе п. I ст. 201; измѣненіе въ этомъ смыслѣ и проэктировано.

Физическія условія вытекаютъ изъ существа судебной дѣятельности, а потому въ законѣ и не опредѣляются особо. И безъ особаго указанія въ законѣ не могутъ быть судьями, напр., слѣпые, глухонѣмые. Нѣтъ общаго правила и о *возрастѣ*, раньше котораго нельзя быть назначеннымъ на должность судьи; спеціальное постановленіе имѣется касательно лишь мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ: для нихъ указанъ 25-лѣтній возрастъ (19 п. 1 у. с. у. и 6 п. 2, 7 п. 1 и 10 пол. о земск. нач.). Несмотря на отсутствіе такого ограниченія для членовъ общихъ судебныхъ установленій, оно фактически существуетъ, разъ выставлены условія образованія и служебнаго ценза.

IV. **Служебное положеніе судей** должно быть таково, чтобы могло гарантировать для судей фактическую возможность правильнаго исполненія обязанностей, а для суда и общества—лучшій контингентъ судей.

Для этихъ цѣлей признается необходимымъ поставить судей въ независимое положеніе какъ по службѣ, такъ и въ окружающемъ обществѣ; отсюда необходимыми условіями для дѣятельности судей являются *независимость служебная* и *независимость соціальная.*

Въ цѣляхъ *соціальной независимости* судей, имъ полагается *опредѣленное матеріальное обезпеченіе* (ст. 238 у. с. у.).

Такимъ путемъ, по мысли составителей судебныхъ уставовъ, судьи «должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы они могли вполнѣ предаться тщательному исполненію своихъ трудныхъ и важныхъ обязанностей, не отвлекаясь, для снисканія средствъ къ жизни, посторонними занятіями и не искали бы себѣ службы внѣ судебнаго вѣдомства». При этомъ было признано «существенно необходимымъ назначить судебнымъ чинамъ такое содержаніе, которое доставило бы имъ не одни средства къ жизни и возможность лишь приличнаго существованія, но и положеніе, соотвѣтствующее важности ихъ призванія». Съ этой цѣлью были назначены оклады, значительно превышавшіе размѣры дореформеннаго содержанія. Теперь, конечно, въ этомъ пунктѣ необходимы измѣненія.

Для удержанія судей на службѣ, приняты мѣры къ тому, чтобы положеніе ихъ могло улучшаться по мѣрѣ службы, не-

зависимо отъ повышенія, затруднительнаго при количественной ограниченности высшихъ ступеней; для этой цѣли установлены были *прибавки* для старѣйшихъ по службѣ членовъ суда; теперь, съ 1 января 1900 г., всѣ они сравнены въ своемъ содержаніи.—Кромѣ содержанія, для матеріальнаго обезпеченія назначаются пенсіи и эмеритура (247 у. с. у.) и деньги на разъѣзды (244 у. с. у.).

Къ соціальной независимости направлено также правило, воспрещающее лицамъ судебнаго вѣдомства занимать другую должность какъ по судебному вѣдомству, такъ и по другимъ, или въ общественной службѣ (ст. 246 у. с. у.).

Въ видахъ судейской независимости воспрещено совмѣстительство, собственно, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ. «Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ должностей по судебному и другому вѣдомствамъ,—по мысли редакторовъ,—можетъ имѣть то послѣдствіе, что такое лицо, принадлежа къ управленію по какому-либо вѣдомству, можетъ въ тоже время быть судьею въ дѣлѣ, возникшемъ изъ сего управленія, и, слѣдовательно, въ дѣлѣ, иногда болѣе или менѣе касающемся его самого» *).

Совмѣстительство же должностей по тому же судебному вѣдомству не допущено по тому основанію, что если бы таковое оказалось бы гдѣ либо фактически возможнымъ, это доказывало бы безполезность одной изъ двухъ исправляемыхъ одновременно должностей **).

Къ *служебной независимости* судей направляется прежде всего начало *несмѣняемости* судей.

Начало это заключается въ томъ, что судьи не могутъ быть увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія.

Это принципъ, признаваемый всѣми законодательствами Европы. Также и у насъ: ст. 243 у. с. у.

Въ принципѣ этомъ видятъ преобладаніе суда надъ правительствомъ, status in statu, видятъ несогласованность его съ коренными основами нашего государственнаго строя; укоряютъ по этому поводу судебное вѣдомство «въ обособленности и какъ бы тенденціозности, не всегда совпадающей со взглядами и намѣреніями правительства».

---

*) Законодательные мотивы къ ст. 246 у. с. у.
**) Ibidem.

Началю несмѣняемости судей,—какъ высказалась коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ,—«ни въ чемъ не касается непосредственнаго проявленія самодержавной воли. По самой сущности самодержавнаго правленія (ст. 1 и сл. зак. осн.), Монархъ Всероссійскій ограничивается только собственною волею. Всѣ постановленія ограничительнаго характера имѣютъ въ виду исключительно *органы правительства подчиненнаго*». *).

Правило о судейской несмѣняемости «направлено исключительно къ огражденію судей отъ всякаго воздѣйствія постороннихъ вліяній и обезпеченію имъ самостоятельнаго и независимаго служебнаго положенія, дабы они имѣли полную возможность спокойно и нелицепріятно, основываясь лишь на точномъ постановленіи закона и убѣжденіи совѣсти, творить судъ».

Принципіальная несмѣняемость имѣетъ въ нашемъ законодательствѣ слѣдующіе *предѣлы*:

Помимо того, что удаленіе судей отъ должности допускается по приговору уголовнаго суда и временное устраненіе—въ случаѣ преданія суду (ст. 243), удаленіе судей возможно у насъ, въ порядкѣ надзора, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Эти случаи предусмотрѣны: въ ст. 295, въ ст. 295^1, въ ст. 295^2, въ ст. 296, въ ст. 228, въ ст. 229, въ ст. 19 пр. 1 п. 2 и ст. 246 у. с. у. въ связи съ ст. 735, 742 уст. о службѣ.

Началю несмѣняемости имѣетъ у насъ и *субъективные* предѣлы. Правомъ несмѣняемости не пользуются у насъ *городскіе судьи* (7 прав. устр. суд. ч.), и *земскаго начальника* (139 пол. земск. нач.).

Наше законодательство, проводя начало несмѣняемости судей, не ставитъ никакихъ предѣловъ для ихъ службы. Вслѣдствіе этого, судейская служба является у насъ безсрочною. Исключеніе составляютъ выборные мировые судьи и волостные судьи.

При составленіи судебныхъ уставовъ былъ поднятъ вопросъ объ установленіи у насъ *предѣльнаго возраста* для судей. Вновь былъ поднятъ тотъ же вопросъ въ

---

*) Объяснительная записка къ у. с. у., II, 285.

1888 г. Но до сихъ поръ рѣшеніе не состоялось. Коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ не признала проэкта о предѣльномъ возрастѣ въ видѣ общаго правила, но нашла необходимымъ увольненіе судей за дряхлостью или по тяжкимъ немощамъ, независимо отъ опредѣленнаго возраста.—Это германская система. Возрастное опредѣленіе дряхлости принято во Франціи.

Наконецъ, къ обезпеченію для судей служебной независимости направлены правила о *наградахъ* и о *чинахъ* (237, 339 и 241 у. с. у.) Предсѣдатели, товарищи ихъ, члены судебныхъ мѣстъ и мировые судьи удостоиваются наградъ единственно по личному усмотрѣнію Императорскаго Величества (ст. 248 у. с. у.).

Правило это постановлено для охраненія судей отъ аттестацій и представленій, могущихъ подорвать довѣріе къ самостоятельности и независимости судей. На дѣлѣ же и нынѣшняя система награжденія орденами не можетъ обходиться безъ аттестацій и потому ставитъ судей въ зависимое положеніе отъ аттестующаго ихъ главы суда.

Подрывается независимость судей, благодаря той же причинѣ—аттестаціямъ, и въ другомъ случаѣ—при *повышеніяхъ по службѣ*. Это можетъ не меньше отзываться на служебной зависимости судей, чѣмъ боязнь увольненія безъ суда.

Члены судебныхъ коллегій пользуются однимъ крупнымъ преимуществомъ сравнительно съ прочими должностными лицами. Они *пользуются вакантнымъ временемъ* (184—185 у. с. у.).

Въ этомъ выразилась заботливость законодателя о томъ, чтобы судья являлся всегда на той высотѣ, которой требуютъ трудныя обязанности. Вакантъ, по мысли законодателя, 1) предупредитъ возможность переутомленія и вызываемыхъ имъ ошибокъ; 2) дастъ возможность слѣдить за развитіемъ современнаго законодательства и юридической науки и совершенствоваться въ своихъ спеціальныхъ познаніяхъ.

Едва-ли однако, съ этой точки зрѣнія не представляется необходимости въ вакантѣ и для единоличныхъ судей. Но противъ этого—фактическая трудность временной замѣны судей «выходящихъ на вакантъ».

§ 3. Составъ суда въ данномъ процессѣ.

Судъ по каждому отдѣльному дѣлу будетъ надлежащимъ, будетъ удовлетворять идеѣ суда, если, прежде всего, будетъ состоять изъ судей, удовлетворяющихъ законнымъ условіямъ назначенія и дѣятельности, если засимъ, будетъ надлежащее число судей, и, если, наконецъ, въ отношеніи спеціально къ данному дѣлу всѣ судьи будутъ способны къ участію въ разбирательствѣ, будутъ стоять внѣ условій, требующихъ ихъ устраненія.

Первыя два условія разсмотрѣны выше. Намъ остается разсмотрѣть вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ *судья не можетъ быть таковымъ по данному дѣлу.*

I. Не можетъ быть судьею по данному дѣлу, во первыхъ, тотъ, кто не облеченъ судейскимъ званіемъ (*абсолютная неспособность*), и, во вторыхъ, тотъ судья, который не способенъ исполнять свои обязанности въ данномъ дѣлѣ (*относительная неспособность*): такой судья не можетъ входить въ составъ извѣстнаго засѣданія, хотя вполнѣ способенъ вообще къ разбирательству дѣлъ подобнаго же рода.

Основаніемъ для относительной неспособности судьи является такое отношеніе судьи къ тяжущимся или къ предмету даннаго дѣла, которое, по *взгляду закона*, дѣлаетъ судью не отвѣчающимъ идеѣ судьи какъ безпристрастнаго государственнаго органа.

Каковы тѣ отношенія, которыя, по взгляду закона, дѣлаютъ судью относительно-неправоспособнымъ, объ этомъ нельзя говорить a priori. Это лишь вопросъ legis latae; каждое законодательство опредѣляетъ эти случаи *путемъ исчерпывающаго перечисленія*, хотя, конечно,—эти случаи могутъ быть одинаковы въ разныхъ законодательствахъ.

У насъ случаи относительной неспособности судьи обозначены въ ст. 195 и 667 у. г. с. и 148 у с. у.

Участіе такого судьи въ дѣлѣ, какъ запрещенное закономъ, дѣлаетъ рѣшеніе недѣйствительнымъ. Во избѣжаніе этого такой судья долженъ быть *устраненъ.* Устраненіе исходитъ либо отъ суда, либо со стороны тяжущихся.

Судъ обязанъ ex officio наблюдать за тѣмъ, чтобы въ его составѣ не было такого судьи, участіе котораго опорочиваетъ рѣшеніе. Поэтому, хотя тяжущимся и предоставляятся право

отвода относительно-неспособныхъ судей, но этотъ отводъ имѣетъ лишь значеніе напоминанія суду о его обязанностяхъ; это является прямымъ послѣдствіемъ, того, что относительно неспособный судья устраняется ex officio, помимо отводовъ со стороны тяжущихся.—

Иначе обстоитъ дѣло, если въ составѣ присутствія окажется *судья подозрительный* (judex suspectus).

Таковымъ является такой судья, который предполагается *сторонами* пристрастнымъ судьею, хотя законъ и не предполагаетъ его таковымъ и потому не считаетъ его относительно-неправоспособнымъ.

Участіе такого судьи не противорѣчитъ закону и не дѣлаетъ рѣшенія недѣйствительнымъ. Въ интересахъ правосудія нельзя не признавать за тяжущимися права на то, чтобы дѣла ихъ разсматривались судьями, которымъ они вполнѣ довѣряютъ; поэтому нельзя не признавать за тяжущимся и права на отводъ судей, подозрѣваемыхъ ими въ пристрастіи, не предполагаемомъ со стороны закона.

Съ такой точки зрѣнія уставы германскій и австрійскій предоставляютъ тяжущимся отводить судей и въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не признаетъ судей относительно-неправоспособными, т. е., и въ случаяхъ подозрительности судей по взгляду тяжущихся, но не закона.

Конечно, осуществленіе этого права исключительно зависитъ отъ воли сторонъ, имѣетъ факультативный характеръ; а потому, если сторона не заявитъ такого отвода, то за судьею остается предположеніе о полномъ его безпристрастіи.

Въ предупрежденіе затягиванія дѣла, заявленіе такого отвода допускается *лишь въ началѣ процесса* въ противуположность отводамъ противъ судей относительно-неправоспособныхъ, допустимыхъ въ теченіи всего производства. Другимъ ограниченіемъ является требованіе *мотивировки* отвода *).

Допустимъ былъ отводъ противъ судей и въ случаяхъ, не указанныхъ въ законѣ, также и по нашему процессу до 64 года (ст. 299, 300, 303 т. X ч. 2).

---

*) Такъ по уставу австрійскому (ст. 19—25 Jurisdictionsnorm; въ ст. 19 прямо различается отводъ судей относительно-неспособныхъ (nach dem Gesetze) и подозрительныхъ (если имѣется „ein zureichender Grund, seine Unbefangenheit in Zweifel zu ziehen"). Также ст. 42 германскаго Civilprozessordnung.

Судебные уставы, въ разрѣзъ съ прошлымъ нашего суда, не допускаютъ устраненія судей внѣ случаевъ, прямо указанныхъ въ законѣ. Нашему дѣйствующему закодательству, извѣстно устраненіе лишь относительно-неправоспособныхъ судей, но не подозрѣваемыхъ сторонами въ возможности пристрастія.

Соображенія, заставившія нашего законодателя отступить отъ прежняго порядка и побуждающія его воздерживаться отъ подражанія примѣру нашихъ западныхъ сосѣдей и не слѣдовать указанію научной литературы, заключаются въ слѣдующемъ.

Государственный Совѣтъ нашелъ, что «предоставленіе тяжущимся слишкомъ широкаго права просить объ устраненіи судей можетъ повести на практикѣ къ заявленію безконечныхъ и самыхъ неосновательныхъ притязаній, служащихъ къ напрасному обремененію судебныхъ мѣстъ, а иногда и къ самому замедленію дѣла». *)

Ту же точку зрѣнія принимаетъ и коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, «принимая во вниманіе, что 35-лѣтній опытъ гласнаго суда не указалъ случаевъ недостаточнаго огражденія безпристрастія судей вслѣдствіе неудовлетворительности или стѣснительности дѣйствующихъ по сему предмету правилъ». **)

II. Устраненіе судей совершается у насъ, по ст. 668, либо по собственному отзыву, либо по просьбѣ одной стороны.

Такимъ образомъ, у насъ существуетъ какъ устраненіе судей, такъ и ихъ *самоустраненіе*.

Представляется спорнымъ, по какимъ основаніямъ допустимо у насъ самоустраненіе? Возможно-ли оно внѣ случаевъ, когда законъ прямо признаетъ судью относительно-неправоспособнымъ? Проф. Нефедьевъ,—къ нему присоединяется и проф. Гольмстенъ,—отвѣчаетъ утвердительно, «хотя бы въ виду того»,—высказываетъ проф. Гольмстенъ, «что законъ перечисляетъ лишь случаи, когда судья «обязанъ» устранить себя, оставляя за нимъ «право» устранить себя и въ другихъ случаяхъ». ***)

---

*) Законодательные мотивы къ ст. 667 у. г. с.
**) Объяснительная записка къ у. г. с., I, 318.
***) Ж. Гр. и Уг. пр., 1886, X, 142.

Едва-ли такое соображеніе правильно. Въ большемъ, конечно, заключается и меньшее. Когда говорятъ «судья *обязанъ* устранить себя», тѣмъ самымъ говорятъ, что онъ *и имѣетъ право* принимать на себя рѣшеніе даннаго дѣла. Но изъ обязательности самоустраненія въ однихъ случаяхъ не вытекаетъ еще право на таковое въ другихъ; такое право было-бы шире по объему той обязанности, о которой говоритъ законъ. Изъ буквальнаго смысла его (ст. 667) вытекаетъ именно обратное: лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ, возможно какъ устраненіе, такъ и самоустраненіе.

Если, однако, не ограничиваться буквальнымъ смысломъ закона, а обратиться къ его духу, надо отвѣтить на поставленный вопросъ утвердительно. Ограниченіе самоустраненія было бы не согласно съ духомъ нашего закона, высоко ставящаго нравственное достоинство судьи, свободу его убѣжденія и безупречное безпристрастіе. *)

Большій просторъ для самоустраненія, чѣмъ для отводовъ объ устраненіи, не стоитъ въ противорѣчіи и съ волей законодателя. Ограниченіе названныхъ отводовъ представляетъ мѣру позитивнаго законодательства, по цѣлямъ практическимъ съузившаго свободу сторонъ въ предъявленіи отводовъ противъ судей. Нельзя быть plus royale que le roi même, нельзя толковать ограниченіе шире его дѣйствительнаго смысла. Законъ ограничилъ свободу *сторонъ*, но не право *судьи* устранять себя *и внѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ*, когда того потребуетъ его судейская совѣсть. **)

Если самоустраненіе возможно у насъ и внѣ случаевъ, указанныхъ въ законѣ, то,—спрашивается,—есть-ли это право судьи, или же судья также обязанъ устраниться въ однихъ случаяхъ, какъ и въ другихъ?

Анненковъ говоритъ что въ обоихъ случаяхъ имѣется въ виду лишь *право* судьи.

Но это прямо противорѣчитъ закону, говорящему объ *обязанности* устранять себя въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.

---

*) Малининъ, Убѣжденіе судьи, 55.

**) Также: Анненковъ, Опытъ комментарія, III, 341.

Для правильнаго рѣшенія вопроса надо отличать случаи это рода отъ случаевъ, въ законѣ не указанныхъ.

Въ виду прямого указанія закона, не можетъ быть и сомнѣнія въ обязательности для судьи устранять себя въ случаяхъ перваго рода.

Что же касается другихъ, закономъ не указанныхъ, то отвѣтъ слѣдуетъ изъ общаго духа закона. Наше законодательство, какъ уже сказано, направлено къ огражденію нравственнаго достоинства и свободы совѣсти судьи. Согласно этому, самоустраненіе судьи дѣло лишь его усмотрѣнія и совѣсти, т. е. вопросъ его *права*, а не обязанности. *)

III. Французскому законодательству и отчасти нашему уголовно-процессуальному законодательству (246 у. уг. с.) извѣстно *устраненіе суда въ полномъ составѣ.*

Такой институтъ нашему гражданскому судопроизводству не извѣстенъ. Устраненіе суда въ цѣломъ составѣ возможно лишь при условіи, что *отводъ* будетъ заявленъ *противъ каждаго* изъ членовъ суда въ отдѣльности. Не возможно у насъ ни устраненіе суда въ цѣломъ составѣ, ни его самоустраненіе **).

Институтъ устраненія судей направленъ къ огражденію правосудія отъ пристрастія судей и, черезъ то, къ достиженію законности состава присутствія. Къ этой послѣдней цѣли и направлена статья 148 у. с. у., имѣющая въ виду составъ коллегіи со стороны служебно-коллегіальной независимости членовъ суда.

При устраненіи судей имѣется въ виду независимость отъ дѣла и тяжущихся, здѣсь—взаимная независимость членовъ коллегіи другъ отъ друга ***).

IV. Правила объ устраненіи судей распространяются и на *прокуроровъ* (679—680 у. г. с.), во избѣжаніе того «косвеннаго вліянія на разрѣшеніе дѣла», которое можетъ оказать прокуроръ, давая свое предварительное заключеніе.

---

*) Такъ и Нефедьевъ, Устраненіе судей, 161 сл.

**) Рѣш. гражд. кассац. департамента Правит. Сената 1892 г. № 694.

***) См. объ этомъ: Анненковъ, III, 274 318 и Гольмстенъ въ Ж. Гр. и Уг. пр. 1884 г., I.

Глава четвертая.

Внѣшнее соотношеніе судовъ гражданскихъ.

[§ 1. Компетенція суда и ея виды.—Вѣдомство судовъ гражданскихъ.—§ 3. Гражданская подсудность.—§ 4. Послѣдствія нарушенія компетенціи суда.[

§ 1. Компетенція суда.

Внѣшнее отношеніе, въ которомъ находится одинъ гражданскій судъ къ другому, можетъ быть *тройко*.

Это можетъ быть отношеніе *функціональное* или по инстанціи, *объективное* или по роду дѣлъ, и *локальное*, по мѣсту дѣйствій суда.

Функціональное отношеніе обусловливается тѣми функціями, какія выполняетъ одинъ судъ въ отношеніи къ другому, значеніемъ производства и рѣшенія одного суда для другого.

Въ функціональномъ отношеніи находятся суды различныхъ инстанцій: судъ 1-й инстанціи къ суду апелляціонному и къ инстанціи кассаціонной.

Окружный судъ, напримѣръ, находится въ функціональномъ отношеніи къ судебной палатѣ: функція перваго въ отношеніи къ палатѣ заключается въ томъ, чтобы быть первою инстанціею для дѣлъ, разсматриваемыхъ палатою въ качествѣ инстанціи апелляціонной.

Функціональное отношеніе нашихъ судебныхъ установленій выражается въ томъ, что дѣла первой инстанціи пересматриваются апелляціонною; въ этой послѣдней могутъ быть разсматриваемы лишь дѣла, прошедшія первую инстанцію; только по окончаніи производства въ той и другой функціонируетъ инстанція кассаціонная.—

Объективно опредѣляется отношеніе черезъ обозначеніе точно опредѣленнаго рода дѣлъ. Объективно опредѣляется отношеніе одного рода къ другому, какъ говорится, что данный родъ дѣлъ подлежитъ разрѣшенію того, а не другого суда.

Въ объективномъ отношеніи судьи раздѣляются на однородные и разнородные. Разнородными являются, напр., окружный судъ и волостной; однородными—мировые судьи различныхъ участковъ.

Объективно-опредѣленный кругъ дѣятельности даннаго суда, т. е. кругъ, опредѣленный родомъ дѣлъ, кругъ, отдѣ-

ляющій власть одного суда отъ другого *разнороднаго*, именуется *вѣдомствомъ* суда.—

Отношеніе между судами однородными опредѣляется третьимъ изъ указанныхъ способовъ,—территоріально, по мѣсту дѣйствій, черезъ указаніе опредѣленнаго судебнаго округа.

Округъ опредѣляетъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію даннаго суда, а не другого съ нимъ *однороднаго* Локально опредѣленный кругъ дѣятельности образуетъ *подсудность* даннаго судебнаго мѣста.

Мѣра судебной власти учрежденія, опредѣленнаго однимъ изъ названныхъ способовъ, именуется *компетенціею* учрежденія.

Согласно этому, *функціональною компетенціею* учрежденія является мѣсто его въ системѣ инстанцій.

Объективною компетенціею называется *вѣдомство* даннаго суда въ ряду разнородныхъ.

Наконецъ, *локальная* или, иначе, субъективная, *компетенція* опредѣляетъ *подсудность* дѣлъ данному суду, а не другому, съ нимъ однородному. *)

Терминологія, впрочемъ, не установилась. Въ нашемъ законодательствѣ говорится о подсудности какъ въ смыслѣ, только-что установленномъ,—такъ и въ смыслѣ вѣдомства. Въ обоихъ случаяхъ употребляется терминъ «подсудность»; въ первомъ случаѣ говорятъ о подсудности мѣстной или личной (persönliche, örtliche Zuständidkeit), во второмъ—о подсудности по роду дѣлъ.

О функціональной компетенціи была уже рѣчь раньше. Остается разсмотрѣть вопросы о вѣдомствѣ гражданскихъ судовъ и о подсудности.

§ 2. Вѣдомство судовъ гражданскихъ.

Вѣдомство судовъ гражданскихъ опредѣляется черезъ исключеніе изъ него тѣхъ дѣлъ, которыя спеціальными постановленіями закона отнесены къ вѣдомству судовъ особенныхъ.

---

* Такое разграниченіе компетенціи суда дѣлаетъ профессоръ Лейпцигскаго университета, Адольфъ Вахъ см. Wach, Handbuch des deutschen Civilprozessrechts, I (1885), 347 сл.

I. Къ вѣдомству *особенныхъ судовъ* относятся:

1. *Вѣдомство духовныхъ судовъ.* Духовному суду подвѣдомы: дѣла объ уничтоженіи брака (149 ст. уст. консист.), споры духовенства о церковномъ имуществѣ и дѣла по безспорнымъ обязательствамъ духовенства (148 ib).

2. *Вѣдомство судовъ коммерческихъ* (43—45 уст. суд. торг.), составляютъ, во первыхъ, дѣла по торговымъ сдѣлкамъ,—т. е. по сдѣлкамъ о товарѣ съ цѣлью торговли, цѣною иска свыше 150 руб., и, во вторыхъ, дѣла по векселямъ на сумму свыше 500 р.

3. *Вѣдомство судовъ волостныхъ*, образованныхъ по Положенію *19 февраля 1861 г.*, составляетъ споры крестьянъ цѣною иска не свыше 100 р.—Вѣдомство волостныхъ судовъ по правиламъ *12 іюля 1889 г.*, составляютъ дѣла не только крестьянъ, но и мѣщанъ, имѣющихъ постоянное жительство въ селеніи, по искамъ о движимости не свыше 300 р., о крестьянскихъ надѣлахъ безъ ограниченія цѣны (ст. 15 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ,—приложеніе къ ст. 93, прим. 3, общ. пол. о крестьянахъ,—особое приложеніе къ т. IX свода зак.).

4. Вѣдомство *административныхъ учрежденій*, облеченныхъ судебною властью: казенныхъ управленій, судебно-административныхъ присутствій и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Казеннымъ управленіямъ подвѣдомы дѣла между частными лицами и государствомъ въ качествѣ правительственной власти, а не юридическаго лица, казны (ст. 1—2 у. г. с.); въ послѣднемъ случаѣ дѣла эти подвѣдомы судамъ гражданскихъ на особыхъ условіяхъ, указанныхъ въ ст. 1282—1315 у. г. с. *)

Судебно-административныя присутствія окружнаго суда (по ст. 1320 у. г. с.,—съ участіемъ вице-губернатора и двухъ должностныхъ лицъ мѣстной администраціи), судебной палаты (по ст. 242 и 1321 у. г. с.) и Сената (соединенное присутствіе 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ) вѣдаютъ, во 1-хъ, дѣла по пререканіямъ о подсудности между администраціей и судомъ и, во 2-хъ, дѣла о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства и служащихъ по выборамъ.

*) См. стр. 9—11.

Министерству Иностранныхъ Дѣлъ подвѣдомы денежныя требованія русскихъ подданныхъ къ лицамъ, принадлежащимъ къ иностраннымъ посольствамъ (ст. 225 у. г. с.). Лица эти пользуются правомъ внѣземельности и потому изъяты отъ подчиненія общему правилу, по которому дѣла иностранцевъ въ Россіи подвѣдомы русскимъ судебнымъ установленіямъ (ст. 224).

II. Вѣдомство *отдѣльныхъ гражданскихъ судовъ*. За изъятіями, сдѣланными закономъ для особыхъ судовъ, всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій (ст. 1 у. г. с.).

Вѣдомство каждаго изъ нихъ въ отдѣльности опредѣляется двоякимъ путемъ.

Во 1-хъ, *окружнымъ судамъ* подвѣдомы всѣ иски, не подлежащіе вѣдомству мировыхъ судей (ст. 202 у. г. с.), и, разумѣется, гдѣ, вмѣсто мировыхъ судей, введены другіе судебные органы,—иски, не подлежащіе вѣдомству этихъ новыхъ учрежденій.

Обозначеніе это, однако, не полно. Есть дѣла, не входящія въ вѣдомство мировыхъ и ихъ замѣняющихъ судовъ, но и не входящія въ вѣдомство окружнаго суда въ качествѣ 1-й инстанціи. Таковы, напр., дѣла о взысканіи вознагражденія за убытки съ должностныхъ лицъ (ст. 1317, 1330[2] и 1331 у. г. с.), подвѣдомственныя въ 1-й инстанціи судебной палатѣ или Сенату, а не окружнымъ судамъ.

Во 2-хъ, вѣдомство прочихъ судовъ опредѣляется по перчневой системѣ.

III. Вѣдомство *мировыхъ судовъ* опредѣляется частью позитивными признаками—въ 29 у. г. с., частью отрицательными—въ ст. 31 и 39 у. г. с.

Вѣдомству мирового судьи подлежатъ:

1. Иски цѣною *не свыше 500 руб.* по п.п. 1 и 2 ст. 29 у. г. с. и не свыше 2000 руб. по ст. 1462 у. г. с. (для Закавказья, Сибири, Туркестана, Архангельской и Черноморской губерній),—за *исключеніемъ*: а) исковъ о правѣ на недвижимость въ силу формальнаго акта (п. 1 ст. 31 у. г. с.) и б) дѣлъ, въ коихъ истцемъ или отвѣтчикомъ, но не третьимъ лицемъ, является казенное управленіе; это исключеніе не дѣлается для исковъ о защитѣ владѣнія независимо отъ цѣны

иска и о потравахъ (п. 2 ст. 31 у. г. с.), а также и для исковъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (ст. 1289 прим. 2 у. г. с.).

2. Иски о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ (п. 3 ст. 29 у. г. с.), на сумму не свыше 50 руб. (въ силу ст. 667 т. X ч. 1).

3. Иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе 6 мѣсяцевъ (п. 4 ст. 29 у. г. с.). Сюда же относятся споры о возстановленіи земельныхъ границъ (прил. I къ ст. 1400, ст. 11 у. г. с.).

4. Иски о правѣ участія частнаго, когда со времени его нарушенія прошло не болѣе года (п. 5 ст. 29 у. г. с.).

5) Просьбы объ обезпеченіи доказательствъ по искамъ на всякую сумму (п. 6 ib.), хотя бы и изъятымъ изъ мировой подсудности*).

6. Дѣла въ охранительномъ порядкѣ производства объ охраненіи открывшагося наслѣдства (1401 у. г. с. и сл.).

Засимъ, *не подлежитъ* вѣдомству мирового судьи:

1. дѣла, подвѣдомыя волостнымъ судамъ, развѣ стороны, по соглашенію, предоставятъ дѣло разбору мирового судьи (п. 3 ст. 31 у. г. с.).

2. споры о привилегіяхъ на открытія и изобрѣтенія (п. 4 ст. 31).

3. дѣла вѣдомства мировыхъ судей, если встрѣчный искъ выходитъ изъ вѣдомства ихъ (ст. 39 у. г. с.)

и 4. дѣла межевыя (ст. 1 прил. I къ ст. 1400 у. г. с.).

IV. *Вѣдомство земскихъ участковыхъ начальниковъ и городскихъ судей* (ст. 20—21 прав. произв.) не равно вѣдомству мировыхъ судей. Сравнительно съ послѣдними оно ограничено исками по обязательствамъ и договорамъ и о движимости, а также о вознагражденіи за убытки цѣною не свыше *300* рублей (п. 4 ст. 20 прав. произв.).

V. *Вѣдомство уѣзднаго члена окружнаго суда* составляютъ дѣла вѣдомства мировыхъ судей, за исключеніемъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ или городскимъ судьямъ (ст. 29 прав. суд.).

---

*) По разъясненію Сената,—рѣш. гражд. кассац. департамента 1895 г. № 9.

§ 3. Гражданская подсудность.

Гражданская подсудность опредѣляется по мѣстности, на районъ которой простирается власть даннаго суда, а не другого съ нимъ однороднаго, т. е. одинаковаго по организаціи и роду подвѣдомственныхъ дѣлъ.

Въ отношеніи къ гражданской подсудности дѣлъ данному суду, компетенція его простирается на опредѣленную территорію, *округъ или участокъ* суда.

Подсудность дѣлъ зависитъ отъ принадлежности къ территоріи власти даннаго суда, къ его округу.

Признаки принадлежности дѣла къ той или иной территоріи являются *основаніями подсудности*, ибо они служатъ основаніемъ для распредѣленія дѣлъ по ихъ подсудности.

I. Признаки принадлежности дѣла къ округу суда, т. е. основанія подсудности бываютъ *личныя* или *объективныя*

Личнымъ основаніемъ подсудности является принадлежность *тяжущагося* къ составу населенія округа даннаго суда.

Объективнымъ основаніемъ подсудности является нахожденіе спорнаго *имущества* въ предѣлахъ даннаго округа.

Одно и тоже дѣло можетъ быть подсудно одновременно нѣсколькимъ судамъ; въ этомъ случаѣ будетъ *подсудность кумулятивная*.

Отношеніе личнаго и объективнаго основаній подсудности таково, что ни одно изъ нихъ не можетъ имѣть общаго значенія въ сравненіи съ другимъ въ качествѣ основанія особеннаго.

Личнымъ основаніемъ подсудности является у насъ въ видѣ общаго правила мѣсто *постояннаго жительства отвѣтчика*, forum rei (ст. 32 и 203 у. г. с.; 22 прав. произв.).—Выдвигая такое основаніе, законъ имѣетъ въ виду огражденіе интересовъ отвѣтчика.

Постоянное мѣстожительство,—опредѣляетъ ст. 204 у. г. с.,—полагается тамъ, гдѣ кто, по своимъ занятіямъ, промысламъ, или по своему имуществу, либо по службѣ военной или гражданской, имѣетъ осѣдлость или домашнее обзаведеніе,—короче, ubi guisgue negotia sua agit.

Въ этомъ опредѣленіи обозначены тѣ признаки, изъ которыхъ выводится заключеніе, что у даннаго лица имѣется animus suəpəs fixam habendi.

Съ такой точки зрѣнія *мѣсто службы* должностного лица (ст. 1325, 1331 у. г. с., 331 и 429 у. с. у., 64 пот. пол.) не представляется какимъ-либо особымъ основаніемъ подсудности, но лишь частичнымъ случаемъ примѣненія подсудности по мѣсту постояннаго жительства.

При разнородности человѣческой дѣятельности, возможно существованіе нѣсколькихъ мѣстъ «постояннаго жительства». Въ такомъ случаѣ каждое изъ нихъ является личнымъ основаніемъ подсудности.

Если отвѣтчикъ, по роду своихъ занятій или промысловъ,—предусматриваетъ ст. 205 у. г. с.,—не живетъ постоянно въ одномъ мѣстѣ, но имѣетъ осѣдлость или обзаведеніе въ разныхъ мѣстахъ, то *истцу* предоставляется *выбрать* изъ числа сихъ мѣстъ то, гдѣ онъ можетъ застигнуть отвѣтчика.

Личнымъ основаніемъ подсудности, кромѣ того, можетъ служить мѣстожительство даже и не отвѣтчика, а *истца*.

Послѣднее допускается по дѣламъ брачнымъ (ст. 1339 у. г. с.).—

Основаніемъ подсудности можетъ быть не постоянные мѣстожительства отвѣтчика, но *мѣсто временнаго пребыванія* (ст. 206),—впрочемъ, отвѣтчику въ этомъ случаѣ предоставляется право перевода дѣла въ судъ по мѣсту постояннаго своего жительства (207 у. г. с.) съ ограниченіями, указанными въ ст. 207, 208 и 580 у. г. с.

Не можетъ быть основаніемъ подсудности мѣсто *кратковременной остановки* по случаю проѣзда. (ст. 206). Отъ временнаго пребыванія отличается она а) по продолжительности пребыванія и б) по цѣли пребыванія.

Основаніемъ подсудности можетъ быть не только мѣсто постояннаго жительства въ моментъ предъявленія иска, но и прежнее, *послѣднее мѣсто жительства*.

Такъ это имѣется въ нѣсколькихъ *случаяхъ*.

Иски о наслѣдствѣ (ст. 215 у. г. с.) должны быть предъявляемы по мѣсту *послѣдняго*, передъ смертью, постояннаго жительства наслѣдника *)

Мѣсто *послѣдняго*, извѣстнаго истцу, жительства отвѣтчика служитъ также основаніемъ подсудности для исковъ

---

*) Рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго Департамента Сената 1885 г. № 131.

противъ лицъ, которыя находятся за-границею или мѣсто жительства которыхъ истцу не извѣстно, если при томъ, нѣтъ у отвѣтчика недвижимаго имѣнія или оно истцу не извѣстно (ст. 210 у. г. с.).—

Личнымъ основаніемъ подсудности можетъ быть мѣсто постояннаго жительства не самого отвѣтчика, но и его *законнаго представителя.* Это именно въ случаѣ, если самъ отвѣтчикъ не обладаетъ процессуальною дѣеспособностью. Иначе потеряло бы силу правило, что за такихъ лицъ ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ ихъ родные и опекуны (ст. 19 у. г. с.).

Также относительно *юридическихъ лицъ:* основаніемъ подсудности является мѣсто нахожденія ихъ органа (ст. 1288, 1305; также: 35 и 220; ср. 36 и 221 у. г. с.).—

Объективное основаніе (forum rei sitae) опредѣляетъ подсудность дѣлъ о всякомъ правѣ на *недвижимость*, а также объ убыткахъ, причиненныхъ имѣнію, и по закладнымъ на такія имѣнія крѣпостямъ. Сюда же относятся и иски по дѣламъ наслѣдственнымъ. *)

Въ этихъ случаяхъ основаніемъ подсудности является мѣсто нахожденія имѣнія (ст. 212—215 у. г. с.)

Если, однако, идетъ рѣчь объ имуществѣ недвижимомъ *совокупно съ движимымъ*, объективное основаніе кумулируется съ личнымъ (ст. 219 у. г. с.). Нѣтъ раціональнаго основанія основанія въ пользу такого правила.—

Личное и объективное основанія опредѣляютъ подсудность въ видѣ *общаго* правила, а потому можно именовать ихъ ихъ основаніями *общими*, въ отличіе отъ *особенныхъ*, установленныхъ закономъ для отдѣльныхъ спеціально случаевъ.

II. *Особенными* основаніями являются слѣдующія. а, мѣсто изложенія договора; б, мѣсто совершенія договора; в, мѣсто правонарушенія; г, forum connexilatis; е, forum conventionis; ж, мѣсто, избранное по усмотрѣнію истца.

Мѣсто исполненія договора (forum solutionis) является основаніемъ для опредѣленія подсудности при условіяхъ, когда мѣсто исполненія выговорено въ самомъ договорѣ или когда исполненіе договора можетъ послѣдовать лишь въ опредѣленномъ

---

*) Спорно пониманіе словъ „мѣсто открытія наслѣдства“. *Сенатъ* разумѣетъ здѣсь мѣсто послѣдняго, передъ смертью наслѣдодателя, постояннаго его жительства (1885/131).—Иначе смотритъ проф. *Гольмстенъ*: мѣсто нахожденія наслѣдства, въ виду ст. 1226 X, 1 и 1401 у. г. с.

мѣстѣ (ст. 209 у. г. с.). Отдѣльный случай примѣненія послѣдняго условія предусмотрѣнъ въ ст. 36[1] у. г. с.—относительно исковъ изъ договора о наймѣ сельскихъ рабочихъ.

Мѣсто заключенія договора (forum contractus) является основаніемъ опредѣленія подсудности лишь *въ случаяхъ*, когда отвѣтчикъ находится за-границей и когда не извѣстно его мѣстожительство внутри имперіи, если, при томъ, нѣтъ у отвѣтчика недвижимости или объ этомъ неизвѣстно истцу. Основаніе это представляется на усмотрѣніе истца наряду съ другими основаніями (ст. 210 у. г. с.).

Мѣсто правонарушенія (torum delicti commissi)—для исковъ объ убыткахъ, причиненныхъ правонарушеніемъ.

Въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ общаго правила о подсудности по этому основанію. Есть лишь частичныя указанія случаевъ примѣненія его.

Таковы случаи: исковъ изъ нарушенія *авторскихъ* правъ (ст. 217 у. г. с.); 2, исковъ объ убыткахъ, причиненныхъ *казенными управленіями* (ст. 1388, 1305 у. г. с.); 3, исковъ объ убытковъ отъ дѣйствія *должностныхъ лицъ* (1317, 1330[2] у. г. с.); 4, объ убыткахъ, причиненныхъ *желѣзною* дорогою (127 у. ж. д.); 5, объ убыткахъ отъ *преступленія*, ст. 5 у. г. с.)*); 6, объ убыткахъ, причиненныхъ недозволенными дѣйствіями *повѣренныхъ* при веденіи дѣлъ (ст. 404 учр. суд.).

Соображенія о частичности указаній и о значеніи разбираемаго основанія подсудности какъ основанія особеннаго, приводятъ къ выводу о примѣнимости его лишь къ случаямъ, спеціально въ законѣ указаннымъ. Въ прочихъ же случаяхъ исковъ, имѣющихъ основаніемъ недозволенное дѣяніе, подсудность должна опредѣляться по одному изъ общихъ основаній личному или объективному.

Таково положеніе вопроса de lege lata.

Что же касается lex ferenda, то, несомнѣнно, желателенъ иной порядокъ. Для облегченія изслѣдованія и доказыванія основанія, въ искахъ ex delicto цѣлесообразно опредѣленіе

---

*) Мѣсто правонарушенія опредѣляетъ подсудность такихъ исковъ лишь уголовному суду, но не гражданскому. Вопросъ этотъ спорный Въ указанномъ смыслѣ высказываются проф. *Гольмстенъ* (Учебникъ, 66) и *Побѣдоносцевъ* (Суд руководство, тезисъ 40). Contra: *Малышевъ* (Учебникъ, I, 173—174); также: Объяснительная записка къ проэкту у. г. с., I, 81.

подсудности именно по мѣсту delicti commissi во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода исковъ. Въ пользу этого говоритъ и примѣръ *германскаго* устава. По ст. 32 его, всѣ иски ex delicto подсудны суду, въ округѣ коего совершилось правонарушеніе.

Это именно направленіе принимаетъ и нашъ проектъ, возводя частичные случаи примѣненія forum delicti commissi въ общее правило для всѣхъ исковъ, вытекающихъ изъ правонарушеній, поскольку, однако, не произошло отсюда ущерба для недвижимости, когда примѣняется общее объективное основаніе подсудности. Предположено, впрочемъ, предоставить примѣненіе forum delicti commissi на усмотрѣніе истца: онъ можетъ предъявить искъ и по общему личному основанію подсудности.

Особеннымъ основаніемъ подсудности является также мѣсто разсмотрѣнія другого иска, находящагося въ связи съ предъявляемымъ (forum connexitatis).

Цѣли установленія этого основанія: 1, экономія труда, времени и издержекъ и, 2, лучшее разрѣшеніе дѣла.

Эффектъ примѣненія этого основанія—опредѣленіе подсудности одного дѣла не по самостоятельному основанію, но въ зависимости отъ подсудности другого.

Таковы случаи предъявленія встрѣчнаго иска (ст. 226 у. г. с.; ср. 38 и 39 у. г. с.), иска къ несостоятельному (ст. 223 у. г. с.), иска объ изъятіи вещи отъ описи и ареста (1092 у. г. с.) и др. Наконецъ основаніемъ подсудности является также мѣсто, установленное соглашеніемъ сторонъ (forum conventionis et prorogationis).

Цѣль—доставить тяжущимся судъ лучшей репутаціи въ ихъ глазахъ.

Случаи допустимости—всѣ дѣла, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимостяхъ (ст. 228); основанія исключенія: (ст. 228, § 3).

Условія пророгаціи: 1, путемъ нея можетъ быть установляема подсудность *лишь судовъ 1-й степени*: въ огражденіе общаго порядка, не допускается измѣненіе постепенности инстанцій; 2, нельзя по пророгаціи обращаться къ другому *разнородному* суду, можно лишь къ однородному (ст. 228 и 37 у. г. с.); 3, нельзя пророгировать и къ *иностранному* суду, какъ это было разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ*).

*) Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1890 г. № 26.

Форма пророгаціи безразлична; возможна и молчаливая пророгація,—когда истецъ, безъ предварительныхъ переговоровъ нарушаетъ законное основаніе подсудности, отвѣтчикъ, не возражая, вступаетъ въ дѣло (ст. 227 у. г. с.).

Примѣры. 1. Два купца, заключивъ договоръ о распространеніи однимъ товаровъ другого, установили за рѣшеніемъ споровъ по этимъ дѣламъ, какъ и по другимъ обращаться въ Московскій окружный судъ.

Споръ возникъ. Истецъ обращается въ Московскій коммерческій судъ. Отвѣтчикъ возражаетъ о пророгаціи. Можетъ-ли быть уважено возраженіе? Нѣтъ, ибо пророгація не можетъ относиться къ суду *иного* рода.

2. Между тѣми же лицами возникъ споръ о неустойкѣ вслѣдствіе несвоевременной доставки вина для личнаго потребленія. Истецъ обращается въ судъ Ярославскій. Отвѣтчикъ вступаетъ. Можетъ-ли судъ et officio указать на нарушеніе пророгаціи?

Иначе: Истецъ обращается въ судъ Московскій. Отвѣтчикъ возражаетъ. Можетъ-ли истецъ заявить о своемъ нежеланіи обращаться въ иной судъ, кромѣ закономъ указаннаго? Нѣтъ, ибо pacta sunt servanda, хотя бы то были соглашенія, направленыя къ измѣненію законнаго порядка подсудности, если, конечно, положеніе это по закону допустимо.

Для нѣкоторыхъ дѣлъ указано *альтернативное основаніе* для опредѣленія подсудности.

Такимъ порядкомъ опредѣляется подсудность иска къ нѣсколькимъ лицамъ (субъективное соединеніе) или къ одному и тому же о нѣсколькихъ недвижимостяхъ (объективное соединеніе исковъ).

По нашему процессу (ст. 218 у. г. с.) въ обоихъ случаяхъ истцу предоставляется, на его выборъ, предъявить общій искъ въ одинъ изъ судовъ, коимъ дѣло можетъ быть подсудно. Также и по ст. 33, предусматривающей субъективное соединеніе исковъ.

Нашъ уставъ принялъ въ этомъ случаѣ французское направленіе въ опредѣленіи подсудности; но у насъ полный

---

*) [На развитіе терминовъ не вліяетъ тождество или различіе основаній иска; такъ думаетъ *Анненковъ*. Contra: *Линнскій*. Къ толкованію ст. 218 и 258 у. г. с., въ Ж. Гр. и Уг. Пр. 1888, V, 20 сл. Также: Условія субъективнаго соединенія исковъ, ibid, 1886, VII, 89 сл.].

просторъ данъ выбору истца въ обоихъ случаяхъ, по французскому же—лишь въ первомъ случаѣ субъективнаго соединенія исковъ.

Правило ст. 218,—полагаютъ составители судебныхъ уставовъ,—имѣетъ преимущество простоты: ибо со всякимъ другимъ началомъ соединялись бы изслѣдованія и споры, безъ особой выгоды для отвѣтчика.

Альтернативно указано основаніе для подсудности и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: 1, когда отвѣтчикъ имѣетъ нѣсколько domicilium'овъ (ст. 205 у. г. с.), 2, для исковъ противъ обществъ и товариществъ (ст. 221); 3, для исковъ о нарушеніи авторскихъ правъ (ст. 217); 4, для исковъ о совокупности движимаго и недвижимаго (ст. 219) и др.

III. *Пререканіемъ* о подсудности называется споръ между однимъ *судебнымъ* установленіемъ съ другимъ *судебнымъ же* или *административнымъ* установленіемъ о томъ, кому изъ нихъ должно быть подсудно данное дѣло.

Когда ни одно изъ спорящихъ установленій не принимаетъ даннаго дѣла къ своему разсмотрѣнію, говорятъ о *пререканіи отрицательномъ*. Когда оба признаютъ дѣло себѣ подсуднымъ, имѣется *положительное пререканіе*.

Каждое судебное мѣсто, по ст. 229 у. г. с., само рѣшаетъ: подлежитъ-ли предъявленный искъ его вѣдомству; также и по ст. 237 у. г. с. *Судебнымъ мѣстомъ* дается, такимъ образомъ, полная *самостоятельность* въ установленіи своей компетенціи ad hoc; ни въ какомъ случаѣ, говоритъ далѣе таже 229 ст., судебное мѣсто не должно представлять высшему суду о разрѣшеніи своихъ пререканій.

Если же возникнетъ таковое, выходъ изъ затрудненія предоставляется *инициативѣ заинтересованныхъ лицъ*: дѣла о пререканіяхъ,—гласитъ ст. 232 у. г. с.,—возникаютъ не иначе, какъ по частной жалобѣ *одной изъ сторонъ*.

Куда, однако, должны быть направлены такого рода «жалобы», въ законѣ не указано.

При сравненіи редакціи ст. 232 у. г. с. съ редакціею ст. 43 у. г. с. и 16 правилъ для земскихъ начальниковъ, нельзя не заключить, что и подъ «частною жалобою» ст. 232 разумѣется, то же, что и въ двухъ другихъ статьяхъ, т. е. не что иное какъ «*просьба объ указаніи подлежащаго суда*».

Въ законѣ указано обращаться съ этого рода просьбами

«къ одному изъ тѣхъ *установленій, между которыми возникло пререканіе*».

Къ такому именно заключенію приходитъ Коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ; въ такомъ именно смыслѣ и проэктировано пояснительное дополненіе къ нашему уставу.

Иной порядокъ указываетъ г. *Исаченко*: «частная жалоба» подается въ ту апелляціонную инстанцію, которой подчинены «оба пререкающихся суда».—Въ виду отсутствія въ законѣ такого именно правила и несогласія его съ другими статьями закона, къ тому же вопросу относящимися, нельзя признать подобный взглядъ правильнымъ.

Споренъ вопросъ о срокѣ, въ теченіи котораго возможна жалоба по вопросу о пререканіи. Одни стоятъ за двѣ недѣли въ виду ст. 785 (Анненковъ). Другіе высказываются за безсрочность (Исаченко).

Получивъ такую просбу, установленіе препровождаетъ ее, съ своимъ объясненіемъ, на разсмотрѣніе того установленія, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе пререканія о подсудности.

Такой порядокъ указанъ прямо въ ст. 43 у. г. с. и явствуетъ изъ общаго правила о принесеніи частныхъ жалобъ (ст. 784 у. г. с.).

Пріостановивъ производство дѣла, судъ, коему подана просьба, представляетъ ее *въ высшую надъ собою инстанцію* (230, 236, 236[1], 236[2], 40—42[1] у. г. с.).

Постановленія по просьбамъ о разрѣшеніи пререканія о подсудности подлежатъ *всѣ обжалованію*.

По проекту предполагается изъять отъ обжалованія тѣ изъ постановленій, коими указывается подсудность, признать ихъ окончательными; обжалованію должны подлежать лишь тѣ опредѣленія, кои ограничиваются признаніемъ дѣла не подсуднымъ ни одному изъ пререкающихъ установленіемъ.

Пререканіе о подсудности между судебными установленіями можетъ возникнуть лишь послѣ постановленія всѣми пререкающимися установленіями опредѣленій относительно своей компетенціи по данному дѣлу и частныя лица принесутъ свои жалобы.

Въ этомъ отношеніи отличается пререканіе судебныхъ мѣстъ съ правительственными.

Пререканіе между ними *возникаетъ* не только по жа-

лобѣ частнаго лица (ст. 241), но уже тогда, когда судъ постановитъ свое опредѣленіе о подсудности, а правительственное установленіе, признавая въ этомъ нарушеніе своей компетенціи, сообщитъ о семъ суду черезъ прокурора (ст. 240 у г. с.). Прокуроръ здѣсь лишь передаточная инстракція.

Возбужденіе пререканія въ этомъ случаѣ возможно *въ теченіи* всего производства дѣла въ судѣ и даже послѣ постановленія рѣшенія *).

Пререканіе это подлежитъ разрѣшенію судебной палаты (ст. 242) и, по вопросу о пререканіи, возбужденному въ самой Судебной палатѣ, разрѣшенію Сената (ст. 243 и 244). Разрѣшенію ихъ подлежатъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя пререканія этого рода **).

§ 3. Послѣдствія нарушенія компетенціи суда.

Правила о компетенціи имѣютъ частью абсолютный характеръ, частью относительный.

Въ первомъ случаѣ судъ обязанъ слѣдить за выполненіемъ ихъ ex officio, независимо отъ отводовъ, которые имѣли бы значеніе лишь напоминаній.—Неисполненіе этого рода правилъ есть поводъ для кассаціи. Эти случаи указаны у насъ въ п. п. 1 и 2 ст. 584 у. г. с. Отводъ какъ напоминаніе можетъ быть заявляемъ во всякое время.

Въ прочихъ случаяхъ, когда примѣненіе правилъ о подсудности, имѣетъ лишь относительное значеніе—лишь при условіи требованія этого со стороны заинтересованнаго,—самъ судъ безъ отвода не имѣетъ права возбуждать вопросъ о нарушеніи компетенціи. Отводъ имѣетъ самостоятельное значеніе и можетъ быть заявляемъ въ теченіе указаннаго закономъ времени (ст. 574 и 575 у. г. с.).

Наконецъ, есть случаи, когда судъ не имѣетъ лишь *повода* возбуждать ex officio вопросъ о нарушеніи компетенціи.

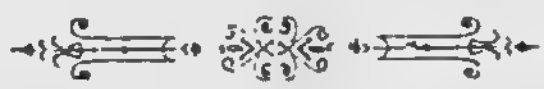
Это тѣ случаи, когда подсудность по роду дѣла зависитъ отъ разъясненія обстоятельствъ дѣла. Напримѣръ, это возможно, когда мировому судьѣ предъявляется искъ о вознагражденіи за

---

*) Рѣшеніе Гражд. Касс. Департамента Сената 1872 г. № 707.

**) Опредѣленіе Общ. Собранія 1-го и Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената 1893 года № 28.

вредъ и убытки, когда во время предъявленія иска количество ихъ не можетъ быть положительно извѣстно (п. 2 ст. 29 у. г. с); если бы выяснилось, что количество превышаетъ 500 р., судья долженъ былъ бы признать себя некомпетентнымъ къ рѣшенію дѣла; пока же этого не выяснилось, нѣтъ *повода* къ изъятію дѣла изъ вѣдомства мирового судьи *).



*) Рѣшеніе Гражд. Касс. Департамента Сената 1895 г. № 87.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Существо гражданскаго процесса и судопроизводства

§ 1. Понятіе процесса. Значеніе совокупности дѣйствій для понятія процесса. Признакъ единства въ воззрѣніи на процессъ какъ на правоотношеніе. Субъекты этого правоотношенія. Составъ его; сложность и единство; пунктъ объединенія. Necessitas solvendi въ процессуальномъ правоотношеніи; отличіе отъ отношенія обязательственнаго: распредѣленіе правъ и обязанностей между судомъ и тяжущимися; вліяніе на юридическую конструкцію процесса. Признакъ движенія въ понятіи процесса Значеніе воззрѣнія на процессъ какъ на правоотношеніе для системы судопроизводства; поправка Ваха; ея оцѣнка. – Взаимное отношеніе между понятіями „процессъ“ и „производство“; производство процессуальное и внѣпроцессуальное. 3—5.

§ 2. Отношеніе гражданскаго процесса къ смежнымъ явленіямъ:

I. Къ *самообороне*; признакъ отличія отъ нея процесса: участіе государства въ лицѣ судьи; случаи допустимой самообороны: отношеніе къ самоуправству; законная оборона отъ насилія. . 5—6.

II. Къ *третейскому разбирательству*; признаки отличія: участіе судьи, но не государства; допустимость третейскаго разбирательства по нашему закону (ст. 1667 у. г. с.); цѣли включенія въ нашъ законъ правилъ о третейскомъ судѣ . . . . 6—7.

III. Къ *процессу уголовному*. Основное различіе; ограждаемые интересы. Порядокъ оказанія судебной помощи; состязательное и слѣдственное начала въ строѣ суда Констатированіе фактовъ; фор-

Стр.

мальная и матеріальная правда. Конструкція процесса. Цѣли процесса; признаніе права; наказаніе виновнаго; штрафъ и вознагражденіе за убытки. Примѣненіе принципа наибольшей компетентности; выдѣленіе изъ производства гражданскаго—вопросовъ компетенціи уголовнаго суда и обратно; изъятіе: гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ; преюдиціальное значеніе рѣшеній компетентнаго суда. . . . . 7 - 9.

IV. Къ *административной юстиціи.* Двойственная роль государства. Кругъ дѣлъ органовъ административной юстиціи; неправильность административнаго распоряженія: характеръ ея (преступность или неправильность въ разумѣніи закона?). Система административной юстиціи по нашему праву. Когда судъ гражданскій является у насъ органомъ административной юстиціи? „Безспорныя требованія“ государства: судъ или „правительственныя“ установленія компетентны къ рѣшенію дѣлъ о безспорныхъ требованіяхъ (ст. 1, прим., у. г. с.)? Есть-ли общія начала для опредѣленія характера требованія? Практическій пріемъ опредѣленія. . 9—11.

§ 3. Система гражданскаго судопроизводства.

I. Процессъ и тяжебное производство. Частичное значеніе этого послѣдняго въ общей системѣ судопроизводства; прочія части ея; отношеніе ихъ къ процессу; виды внѣпроцессуальнаго производства. . . . . 11—12.

II. Положеніе *охранительнаго производства* въ системѣ судопроизводства. Общее понятіе. Роль суда въ охранительномъ производствѣ; ученіе проф. Шершеневича; задача процесса: распознаніе права или попеченіе о правѣ? Предупреждающее значеніе охранительнаго производства; составляетъ ли это характерную особенность охранительнаго производства или же свойственно оно и производству исковому?—Отвѣтчикъ при охранительномъ производствѣ? Процессъ и охранительное производство; внѣпроцессуальное значеніе въ системѣ судопроизводства. . . . . 12—14.

III. *Составъ* системы гражданскаго судопроизводства. 14

Стр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Матеріалъ для системы гражданскаго судопроизводства.

§ 1. *Судебные законы.* Правила объ организаціи суда. Правила судопроизводства Значеніе законодательныхъ мотивовъ; соображенія окончательныя и предварительныя. . . . . 15—16.

§ 2. Гражданско-процессуальные обычаи и практика примѣненія закона.

I. *Обычаи* самостоятельные и вспомогательные. 16.

II. *Практика примѣненія закона.* 1. *Наказы* судебныхъ мѣстъ; общій и особые. Значеніе ихъ для распорядка въ судебныхъ мѣстахъ (ст. 166 у. с. у.). Порядокъ составленія и измѣненія общаго наказа; законодательный порядокъ? Существуетъ ли общій наказъ?—Отношеніе особыхъ наказовъ къ общему. Обнародованіе особыхъ наказовъ. Значеніе особыхъ наказовъ для будущаго общаго.—Исторія наказа; основательно-ли сомнѣніе въ необходимости наказа?— 2. *Циркуляры* министерства юстиціи; значеніе ихъ; отношеніе къ правиламъ судебныхъ уставовъ (173, прим.. у. с. у.).—3. *Указы* Правительствующаго *Сената.*—4. *Рѣшенія гражданскаго* кассаціоннаго департамента *Сената.* Значеніе ихъ: для того же дѣла, по которому рѣшеніе состоялось (ст. 813 у. г. с.), и для другихъ дѣлъ (ст. 815 у. г. с.). . . . . 16—22.

§ 3. *Литература.* Научная литература; Бюловъ. Учебная литература. Комментаторская литература. Матеріалъ законодательныхъ работъ . . . 22—24

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Субъекты процессуальнаго отношенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СУДЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Существо судебной власти и суда гражданскаго.

Стр.

§ 1. Отношеніе суда къ верховной судебной власти. Постепенное отдѣленіе верховной власти отъ производства суда. Функціи нашей верховной судебной власти; ея органы (ст. 254—259[1] у. с. у.). . . . . 25—26.

§ 2. Отношеніе суда къ законодательной власти. Роль суда; установленіе фактической правды: примѣненіе закона. Воля законодателя; презумпція ея извѣстности суду; уголовныя послѣдствія измѣненія или непримѣненія законовъ. Случаи неполноты или противорѣчія въ законахъ (ст. 10 и 9 у. г. с.; свобода суда въ примѣненіи закона; право толкованія (элементъ творчества). Положеніе современнаго судьи въ отношеніи къ закону сравнительно съ положеніемъ римскаго судьи . . . . . 26—27.

§ 3. Отношеніе суда къ административно-исполнительной власти. Предварительное опредѣленіе мѣры примѣненія исполнительной власти; интересъ не пострадавшаго, а правонарушителя. Разграниченіе судебной власти и исполнительной въ принципѣ и на практикѣ; отношеніе властей по положенію о земскихъ начальникахъ; финансовыя (874 у. г. с). и полицейскія (149 у. с. у.) функціи . . . . . 27—28.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Система судебныхъ установленій.

§ 1. Территоріальная пестрота нашей системы. Система судебныхъ устеновленій въ мѣстностяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ

Стр

начальникахъ, и въ мѣстностяхъ, гдѣ оно не введено. Различіе въ соотношеніи общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій (независимость и единство). Различіе въ организаціи кассаціоннаго производства. Положительная сторона разнообразія въ системѣ установленій; нежелательныя послѣдствія его. Обособленное положеніе волостныхъ судовъ; отношеніе ихъ къ принципу суда „равнаго для всѣхъ“ . . . . . 28—30

§ 2. Начало двухъ инстанцій. Двоякое значеніе этого начала (11 у. г. с.; необходимость двукратнаго разсмотрѣнія дѣла по существу; недопустимость умноженія судебныхъ инстанцій. Положеніе кассаціонной инстанціи; предметъ ея сужденія: споръ между тяжущимися или вопросъ о смыслѣ и примѣненіи закона? . . . . 30—31.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внутренняя организація судебныхъ установленій.

§ 1. Личный составъ судебныхъ установленій.

I. Составъ судей. Классификація судебныхъ установленій по составу судей. Коллегіальные и единоличные суды. Сочетаніе ихъ. Хорошія стороны коллегіальнаго начала; справедливость и правильность рѣшенія. Препятствія для примѣненія коллегіальности: подготовка судей, близость суда къ населенію. Необходимость единоличнаго начала; опасныя послѣдствія его. Дурныя стороны коллегіальнаго начала и мѣры противъ нихъ; взаимное вліяніе членовъ коллегіи; быстрота судебныхъ дѣйствій; полнота состава суда.—Типы судей въ зависимости отъ состава суда. Почетный мировой судья; исходная мысль учрежденія этой должности; отношеніе ея къ мировому институту; обязанности почетнаго мирового судьи (46—50 и 56¹ у. с. у.).—Коллегія судей и судъ; взаимное отношеніе между ними: коллегія судей какъ количественная часть суда и, въ отношеніи къ дѣлу, какъ весь судъ . . . . . 32—35.

II. Учрежденія и лица, при судѣ состоящія.

1. Прокуратура. Отношеніе ея къ суду; общность задачъ; независимость. Назначеніе про-

Стр.

куратуры въ процессѣ гражданскомъ. Цѣли правительственнаго попеченія; законъ; интересы участниковъ процесса. — *Кругъ* гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ попеченію прокурора. Случаи обязательнаго участія его въ гражданскомъ процессѣ; предварительное заключеніе прокурора (343 у. г. с.); кассаціонное производство; судебно-административныя учрежденія 1889 г. Случаи факультативнаго участія прокурора (141 у. с. у.). *Роль* прокурора въ процессѣ гражданскомъ; предъявленіе заключеній; значеніе ихъ для суда; повѣрка ихъ судомъ и кассаціонною инстанціею? — Цѣлесообразность участія прокуратуры въ гражданскомъ процессѣ . . . . . 35 - 37.

2 Кандидаты на судебныя должности. При какихъ судахъ состоятъ они? . . . . 37.

3. Канцеляріи. Назначеніе. Составъ. Роль секретаря въ канцеляріи и на судѣ . . . 37.

4. Судебные пристава и разсыльные. Назначеніе ихъ; исполненіе судебныхъ рѣшеній; охраненіе порядка въ засѣданіи . . . 37.

5. Присяжные переводчики. Обязанности ихъ . . . . . 37.

6. Присяжные и частныя повѣренные. Назначеніе ихъ . . . . . 37.

7. Нотаріусы. Назначеніе ихъ; въ чемъ заключается завѣдываніе нотаріальною частью? Законы, регламентирующіе положеніе и дѣятельность нотаріусовъ. Кому поручается завѣдываніе нотаріальною частью? — *Старшій нотаріусъ.* Отношеніе его къ нотаріальному архиву; назначеніе этихъ архивовъ. Служебное положеніе старшаго нотаріуса. Спеціальная функція его; крѣпостная часть. — *Нотаріусы* (младшіе); предметъ ихъ вѣдѣнія. Условія назначенія; испытаніе; залогъ. Порядокъ назначенія и увольненія. Служебное положеніе; права государственной службы; правительственное содержаніе или задѣльная плата? — Отношеніе нотаріуса къ суду; кругъ дѣятельности; наблюденіе суда. — Особенности нотаріата въ Варшавскомъ округѣ и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ . . . . 37—40.

§ 2. Служебная легитимація судей.

I. Самостоятельность судей въ организаціи суда. 40 - 41.

II. Порядокъ опредѣленія судей. *Выборная* система. Кругъ примѣненія. Основаніе для примѣненія. Цѣлесообразность выборнаго начала? Система *правительственнаго назначенія;* разновидности ея . . . . . 41—42.

Стр.

III. Условія опредѣленія судей. 1. Соціальныя условія: подданство: сословное положеніе; имущественное положеніе; принадлежность къ числу мѣстныхъ жителей; вѣроисповѣданіе; служебное положеніе.—2. *Умственныя* условія; юридическое образованіе; служебный цензъ; взаимное отношеніе между ними: служебный цензъ: значеніе времени службы, независимость отъ чиновъ; умственныя условія для мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ.—3. *Нравственныя* условія (21 и 201 у. с. у.).— 4. *Физическія* условія; возрастъ . . . . . 42—46.

IV. Служебное положеніе судей. *Соціальная независимость* судей; матеріальное обезпеченіе (содержаніе, прибавки); совмѣстительство? — *Служебная независимость*: несмѣняемость (243 у. с. у.); оцѣнка ея de lege ferenda; предѣлы несмѣняемости; субъективные предѣлы ея. – *Безсрочность* судейской службы; предѣльный возрастъ. Награды. Чины. Повышеніе по службѣ. Вакантъ . . . . 46—49.

§ 3. Составъ суда въ данномъ процессѣ.

I. *Устраненіе судей.* Абсолютная и относительная неспособность судьи къ исполненію обязанностей. Основаніе относительной неспособности, взглядъ закона. Случаи относительной неспособности судей (195 и 667 у. г. с., 148 у с. у.). Отъ кого должно исходить устраненіе судьи: отъ суда или отъ тяжущихся? Значеніе отвода судьи со стороны тяжущихся.—Подозрительный судья въ процессѣ; усмотрѣніе сторонъ. Вліяніе участія такого судьи на рѣшеніе. Право тяжущихся отводить судей, по ихъ взгляду подозрительныхъ; факультативной характеръ этого отвода Ограниченія въ правѣ отвода подозрительныхъ судей; моментъ; мотивировка. Допустимо-ли у насъ устраненіе судей *внѣ случаевъ*, прямо указанныхъ въ законѣ? Соображенія законодателя, побудившія его не допускать такого устраненія . . . . . 50—52.

II. *Самоустраненіе судей.* Допустимость этого по нашему закону (ст. 668 у. г. с.). Основанія для самоустраненія; возможно ли оно также и внѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Есть-ли самоустраненіе судей—право ихъ, или же обязанность? Въ случаяхъ, закономъ указанныхъ? Такъ-ли и въ другихъ случаяхъ? . . . . . 52—54.

III. Устраненіе *суда въ полномъ составѣ.* Отводъ противъ каждаго изъ судей. Законность состава присутствія съ точки зрѣнія ихъ служебно-

Стр.

коллегіальной независимости (ст. 148 у. с. у.); въ чемъ отличіе правилъ о законности состава коллегіи отъ правила объ устраненіи судей? . . 54.

IV Устраненіе прокуроровъ (679--680 у. г. с.); „косвенное вліяніе" ихъ на дѣло . . . . 54.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внѣшнее соотношеніе судовъ гражданскихъ.

§ 1. Компетенція суда и ея виды. Троякое отношеніе между гражданскими судами. Функціональное отношеніе; инстанціи. Объективное отношеніе; вѣдомство (разнородныхъ) судовъ. Локальное отношеніе; подсудность (однородныхъ) судовъ 55—56.

§ 2. Вѣдомство судовъ гражданскихъ.

I. Вѣдомство особенныхъ судовъ: духовныхъ, коммерческихъ, волостныхъ судовъ и административныхъ учрежденій: казенныхъ управленій, судебно-административныхъ присутствій и министерства иностранныхъ дѣлъ. . . . . 57.

II. Вѣдомство *отдѣльныхъ* гражданскихъ судовъ. Вѣдомство *окружнаго* суда и всѣхъ прочихъ. 58.

III Вѣдомство *мировыхъ* судовъ . . . . . —

IV. Вѣдомство земскихъ участковыхъ начальниковъ и городскихъ судей. . . . . 59.

V. Вѣдомство уѣзднаго члена окружнаго суда. . . . . —

§ 3. Гражданская подсудность.

I. Общія основанія подсудности. *Личное* основаніе. Постоянное мѣстожительство (204 у. г. с.); мѣсто службы; мѣстожительство истца. Мѣсто временнаго пребыванія. Мѣсто кратковременной остановки? Послѣднее мѣстожительство? Мѣстожительство законнаго представителя.—*Объективное* основаніе подсудности (ст. 212—215 у. г. с.); кумуляція объективнаго основанія съ личнымъ. . 60—62.

II. Особенныя основанія подсудности. Мѣсто исполненія договора (209 у. г с.). Мѣсто заключенія договора (210 у. г. с.).—Мѣсто правонарушенія; отдѣльные случаи примѣненія этого основанія; общее правило?—Forum connexitatis; цѣли установленія этого основанія.—Forum conventionis s.prorogatniois; цѣль; случаи допустимости; условія;

Стр.

форма пророгаціи.—Альтернативное основаніе подсудности при субъективномъ и объективномъ соединеніяхъ исковъ; другіе случаи примѣненія альтернативно указанныхъ основаній подсудности. . 62—66.

III. Пререканіе о подсудности. Общее понятіе. Отрицательное и положительное пререканія; самостоятельность судебныхъ мѣстъ въ установленіи своей компетенціи. Инициатива заинтересованныхъ въ разрѣшеніи пререканій; „просьба объ указаніи подлежащаго суда"; куда подается она? Срокъ. Пересылка просьбы въ то установленіе, которое компетентно къ разрѣшенію пререканія. Кто разрѣшаетъ пререканіе? Обжалованіе постановленій по просьбамъ о разрѣшеніи пререканія.— Отличіе пререканій между судебными и правительственными установленіями; моментъ возникновенія (240 у. г. с.); предѣльный срокъ; кѣмъ разрѣшаются? . . . . . 66—68.

§ 3. Послѣдствія нарушенія компетенціи суда. Абсолютное и относительное значеніе компетенціи суда Характеръ отводовъ о некомпетентности. Поводъ для возбужденія вопроса о нарушеніи компетенціи суда. . . . . 68—69.

Оскаръ Гинтрагеръ.

ОРГАНИЗАЦІЯ лишенія свободы въ Сѣверной Америкѣ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
подъ редакціей
В. Н. Ширяева.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-лит. Э. Г. ФАЛЬКЪ, Духов. ул., с. д.
1901

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея
Директоръ **С. Шпилевскій.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Америка уже съ давнихъ поръ служитъ образцомъ постановки тюремнаго дѣла. Еще въ XVIII вѣкѣ она обратила на себя вниманіе опытами по устройству образцовыхъ пенитенціарныхъ заведеній. Въ Америкѣ возникли и развились почти всѣ болѣе извѣстныя системы тюремнаго заключенія: *Пенсильванская или келейная, Обурнская или система молчанія* и наконецъ наиболѣе распространенная въ настоящее время *система отдѣленія.* По образцу американскихъ построена большая часть пенитенціарныхъ заведеній въ Западной Евромѣ.

Жизнь не оправдала радужныхъ надеждъ, возлагаемыхъ когда-то на образцовыя тюрьмы, и внушительный ростъ преступности побуждаетъ искать новыхъ путей для борьбы съ этой соціальной болѣзнью.

Современная наука уголовнаго права, считая главной причиной преступности неудовлетворительность соціальныхъ условій, придаетъ особенное значеніе мѣрамъ предупредительнымъ и стремится съ одной стороны ограничить случаи примѣненія лишенія свободы, особенно краткосрочнаго, съ другой организовать наказаніе лишеніемъ свободы такъ, чтобы покидающій тюрьму, послѣ отбытія въ ней наказанія, не представлялъ уже болѣе опасности для общества.

Выраженіемъ этихъ стремленій являются *институтъ условнаго осужденія или система испытанія* и т. н. *неопредѣленные приговоры.*

Обѣ эти мѣры точно также возникли на американ-

ской почвѣ, но въ то время какъ институтъ условнаго осужденія, благодаря всеобщему признанію его полезности, получаетъ съ каждымъ годомъ все большее распространеніе, неопредѣленные приговоры, въ виду ихъ рѣзкаго противорѣчія съ установившимися взглядами, находятся еще, такъ сказать, подъ подозрѣніемъ; къ результатамъ примѣненія ихъ только присматриваются, не рѣшаясь испробовать у себя.

Большая часть работы O. Hintrager'a „Amerikanisches Gefangnis-und Strafenwesen", переводъ которой мы здѣсь предлагаемъ, посвящена какъ разъ этимъ двумъ вопросамъ, привлекающимъ въ настоящее время вниманіе тюрьмовѣдовъ.

Авторъ даетъ историческій очеркъ возникновенія условнаго осужденія и системы неопредѣленныхъ приговоровъ и оцѣнку ихъ, на основаніи непосредственнаго изученія результатовъ примѣненія этихъ мѣръ борьбы съ преступностью.

Наряду съ этимъ въ работѣ Hintrager'a съ достаточной полнотой изображены и другія стороны американской тюремной жизни.

Такимъ образомъ въ результатѣ получается довольно подробная и интересная картина организаціи лишенія свободы въ Сѣверной Америкѣ.

Съ изданіемъ закона $^{10}/_{12}$ іюня 1900 года объ отмѣнѣ ссылки тюремное заключеніе заняло въ Россіи центральное мѣсто въ карательной системѣ.

Правильная постановка тюремнаго дѣла является для насъ теперь вопросомъ настоятельной необходимости и опытъ страны, далеко ушедшей впередъ въ разрѣшеніи этого вопроса, можетъ оказать намъ большую услугу.

В. Ширяевъ.

9 Мая 1901 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Обитателямъ пенитенціарныхъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ живется въ общемъ лучше, чѣмъ заключеннымъ въ нашихъ тюрьмахъ. Они окружены тамъ бо́льшимъ попеченіемъ, пользуются бо́льшими удобствами и свободой, чѣмъ у насъ. Они ежедневно получаютъ мясо и ничѣмъ не ограничены въ потребленіи хлѣба, кромѣ своего аппетита, а въ большинствѣ штатовъ имъ кромѣ того выдается, за счетъ государства, еще табакъ и сахарный сиропъ—возбуждающія средства, излюбленныя американцами, нуждающимися постоянно въ возбужденіи нервовъ. Чистота поддерживается прекрасными, большею частью съ новѣйшими усовершенствованіями, банями съ ваннами и душами. Я не встрѣтилъ ни одного заведенія, гдѣ каждый заключенный, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ недѣлю не бралъ бы ванны. Большинство тюремъ обладаетъ обширными гимнастическими залами, многочисленными приборами, какіе у насъ имѣются не во всякомъ свободномъ заведеніи. Свѣтлые большіе залы, паровое отопленіе, электрическое освѣщеніе, ватеръ-клозеты и плевальницы въ камерахъ, часто дорогая система вентиляціи и прежде всего замѣчательная чистота, которая вообще въ Америкѣ лучше поддерживается, чѣмъ у насъ, не придаютъ американской тюрьмѣ той гнетущей, мрачной и зловонной атмосферы, которую такъ часто можно встрѣтить въ нашихъ тюрьмахъ. Когда я въ одной тюремной кухнѣ обратилъ вниманіе, что кухонный столъ былъ чисто выскобленъ, какъ только что выстроганная доска, мнѣ отвѣтили: „чистота—

самое главное, чего мы требуемъ". Во многихъ тюрьмахъ ради этого употребляется бѣлая окраска; въ одной тюрьмѣ имѣются на дверяхъ камеры бѣлыя таблички для указанія имени заключеннаго, подъ стекломъ. Во всѣхъ мастерскихъ сдѣланы приспособленія для мытья одновременно нѣсколькихъ лицъ.

Въ удовлетвореніи умственныхъ потребностей заключенный также пользуется большими удобствами и большой свободой. Тюремныя библіотеки иногда очень богаты: Эльмирскій реформаторій напр. имѣетъ около 4000 томовъ; въ Charlstown'ѣ въ Massachusets'ѣ—больше 7000, въ Joliet близъ Чикаго—16000 томовъ, между ними всѣ нѣмецкіе классики на нѣмецкомъ и англійскихъ языкахъ. Напечатанный въ тюремной типографіи каталогъ вывѣшивается обыкновенно въ каждой камерѣ и заключенный выписываетъ заглавіе желаемой книги на грифельной доскѣ. Писчія принадлежности, состоящія большею частью изъ записной книжки и карандаша, имѣютъ всѣ заключенны, главнымъ образомъ для того, чтобы во всякое время сдѣлать имъ возможнымъ сношенія съ органами тюремной администраціи или священникомъ. Тѣ и другіе для этой цѣли въ разныхъ мѣстахъ заведенія имѣютъ почтовые ящики, ключи отъ которыхъ держатъ у себя. Въ государственныхъ тюрьмахъ Нью-Іорка заключенные имѣютъ право вести личные переговоры съ членами высшаго тюремнаго управленія, посѣщающими ежемѣсячно тюрьмы. Этимъ правомъ личныхъ переговоровъ пользуются очень широко и оно служитъ хорошимъ средствомъ контроля надъ тюремнымъ персоналомъ.

Воскресные дни проходятъ въ американскихъ тюрьмахъ также болѣе пріятно и свободно. Кромѣ проповѣди священника и общаго пѣнія, тюремное богослуженіе состоитъ изъ пѣнія заключенныхъ хоромъ или соло отдѣльными заключенными. Иногда присоединяется еще церковный хоръ изъ го-

рода или окрестностей съ участіемъ молодыхъ дѣвушекъ и подпѣваетъ заключеннымъ; неудивительно поэтому, что заключенные протестанты, кромѣ своего богослуженія, посѣщаютъ церковныя службы католиковъ и наоборотъ; принужденія ходить въ церковь нѣтъ ни въ одномъ заведеніи. Кромѣ богослуженія различныхъ вѣроисповѣданій въ воскресные дни устраиваютъ еще небольшіе концерты или представленія и затѣмъ обыкновенно читается какой либо докладъ свѣтскаго характера, за которымъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ слѣдуетъ свободное обсужденіе его слушателями. Докладчики выбираются тюремной администраціеймежду извѣстными ей учеными; отъ такихъ импровизированныхъ предложеній сказать рѣчь въ странѣ съ свободнымъ словомъ никто не гарантированъ.

Въ воскресные дни обыкновенно также выходитъ тюремная еженедѣльная газета, получающая все большее распространеніе въ тюремныхъ заведеніяхъ Союза; вѣдь газета— это утренняя и вечерняя молитва свободнаго американца. Тюремная газета печатается въ тюремной типографіи заключенными и ими же составляется; она подчинена, конечно, цензурѣ администраціи и содержитъ, главнымъ образомъ, выдержки изъ другихъ газетъ по поводу выдающихся событій въ Соединенныхъ Штатахъ и за границей, въ особенности извѣстія изъ области тюрьмовѣдѣнія (напр. пренія на съѣздахъ международнаго союза криминалистовъ); затѣмъ общеобразовательныя свѣдѣнія и статьи этическаго, національно-экономическаго и, смотря по преобладающему въ заведеніи духу, религіознаго содержанія. Вторая часть заключаетъ въ себѣ, большею частью, извѣстія, касающіяся самого заведенія: о составѣ заключенныхъ, о пріемѣ и освобожденіи: о переводахъ въ низшій или въ высшій разрядъ; здѣсь же помѣщаются свѣдѣнія о томъ, какія работы производятся въ различныхъ отдѣленіяхъ, одобренія и выговоры учителя или администраціи, результаты испытаній въ заведеніи, свѣдѣнія о другихъ тюрь-

мах, вопросы и обмѣнъ мнѣній заключенныхъ по поводу предметовъ школьнаго преподаванія и т. п. Тюремная газета имѣетъ цѣлью главнымъ образомъ встряхивать заключенныхъ, пробуждать въ нихъ постоянно интересъ и даже тщеславіе. „Поднимись! поднимись!" гласитъ, напримѣръ, заглавіе недавно появившейся въ очень хорошо издаваемой газетѣ Эльмирскаго реформаторія статьи, содержащей призывъ къ хорошему поведенію, такъ какъ къ Рождеству должна быть дарована амнистія за дисциплинарные проступки. Эта же газета печатаніемъ небольшого плана желѣзныхъ дорогъ спеціально имѣетъ въ виду напомнить заключеннымъ о свободѣ.

Послѣ всего сказаннаго можно было бы подумать, что попасть въ тюрьму въ Америкѣ является нѣкоторымъ удовольствіемъ. Относительно этого нѣтъ никакого сомнѣнія и въ Америкѣ сильно жалуются на то, что жизнь въ тюрьмахъ дѣлаютъ слишкомъ пріятной. Въ тюрьмѣ для малолѣтнихъ въ Huntingdon'ѣ (Пенсильванія) въ мастерскихъ находятся электрическіе вѣера для освѣженія при работѣ заключенныхъ въ жаркіе мѣсяцы американскаго лѣта. Эти чувствительныя затѣи проявляются особенно тамъ, гдѣ слабонервныя дамы-патронессы участвуютъ въ попеченіи о мѣстахъ заключенія; такъ въ штатѣ Массачузетсъ дамы-благотворительницы пресерьезно жаловались на то, что заключенные не имѣютъ въ камерахъ качалокъ (chaise long).

И однако американскія тюрьмы не популярны и заключенные не распѣваютъ: „У честнаго заботы и труды, у насъ же здѣсь готовы кровъ и пища", потому что и свободный человѣкъ живетъ въ Америкѣ лучше, чѣмъ у насъ. Даже рабочій имѣетъ здѣсь такой разнообразный и обильный столъ, какой не всегда встрѣчается у насъ въ буржуазныхъ домахъ. Когда во время большой стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Чикаго священникъ и его жена въ рабочемъ городкѣ желѣзнодорожнаго короля

Пульманна выпустили воззваніе о пожертвованіи, чтобы помочь „нуждѣ города г. Пульманна“ въ немъ, между прочимъ, было сказано: „есть цѣлыя семьи въ городѣ г. Пульманна, которыя уже нѣсколько мѣсяцевъ не видали на своемъ хлѣбѣ масла“, а личное посѣщеніе города г. Пульманна ясно показало мнѣ всю относительность понятій благосостоянія и бѣдности. Въ Соединенныхъ Штатахъ и живутъ лучше; рабочій, большею частью, имѣетъ здѣсь собственный домъ и вовсе не считаетъ роскошью заводить ковры, печку, удобную мебель и въ томъ числѣ нѣсколько качалокъ. Его жена одѣвается по модѣ. Женщинъ безъ шляпокъ также рѣдко встрѣтишь здѣсь на улицахъ, какъ мужщинъ—съ ручными тачками или тяжелой ношей. Что прежде всего бросается въ глаза американцу при посѣщеніи имъ Европы—это жалкіе, оборванные люди съ ручными тачками на улицахъ въ большихъ городахъ; европейца, проѣзжающаго черезъ Соединенные Штаты, удивляетъ, что жены и дочери cowboys и горныхъ рабочихъ такъ-же элеганто и модно одѣты, какъ жена владѣльца рудниковъ; ему странно видѣть продавщицъ и фабричныхъ работницъ съ моднымъ журналомъ въ рукахъ. Однажды я, по приглашенію одного благотворительнаго комитета, принималъ участіе въ пикникѣ на пароходѣ по Миссисипи, устроенномъ въ пользу бѣдныхъ негритянскихъ дѣтей города С. Луи. Былъ прекрасный теплый лѣтній день. Когда я увидѣлъ собравшихся на пароходѣ нѣсколько сотъ негритянскихъ дѣтей съ ихъ родственниками въ свѣтлыхъ платьицахъ, съ шляпами на головѣ, я спросилъ одну даму изъ состава комитета, дѣйствительно ли эти люди бѣдны. „Ну, столько-то средствъ, чтобы одѣться чисто, у нихъ еще есть“. Проѣзжая черезъ роскошные лѣса, покрывающіе долину Миссисипи, на право и на лѣво отъ поѣзда видишь лежащіе на землѣ гиганты—деревья; они лежатъ здѣсь со времени постройки дороги и гніютъ, какъ гніетъ вообще

большая часть лѣсного валежника даже вблизи городовъ. На одной фермѣ средней величины въ городѣ Iowa хозяйка фермы собираетъ яица въ травѣ около курятника ровно столько, сколько ей требуется для обѣда, о сохраненіи остальныхъ она не заботится. Здѣсь вообще не безпокоятся о мелочахъ и экономія преобладаетъ, главнымъ образомъ у переселенцевъ. Судьи и присяжные въ залѣ суда имѣютъ возлѣ себя опахала, приводимыя въ движеніе электричествомъ, чтобы въ жаркіе дни освѣжать себя; адвокатъ получаетъ отъ суда, въ какомъ угодно количествѣ, бумагу, карандаши и копіи безъ всякой платы.

Въ странѣ, гдѣ вся жизнь построена по такому широкому масштабу, никто не совершаетъ мелкихъ кражъ. Въ американскихъ городахъ, даже крупныхъ, можно видѣть положеннымъ на верху почтоваго ящика все, что не входитъ черезъ отверстіе ящика. Но въ то время какъ по отношенію къ мелочамъ процвѣтаетъ такая честность и довѣріе, не могутъ съ достаточной прочностью построить кладовыя въ банкахъ и обезпечить сохранности цѣнныхъ посылокъ, отправляемыхъ по почтѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Это всеобщее богатство и благосостояніе, имѣющее необходимымъ послѣдствіемъ лучшій образъ жизни отдѣльныхъ лицъ, отражается и на американскихъ тюрьмахъ, которыя даже по внѣшнему виду часто мало походятъ на мѣста заключенія. Но съ другой стороны это благосостояніе дѣлаетъ свободу еще желаннѣе.

Кому хорошо живется, тотъ болѣе склоненъ къ шуткѣ и веселію: этимъ свойствомъ отличаются американцы, которымъ кромѣ того большая личная свобода и молодость страны сообщили юношескій, часто наивный образъ мышленія. Въ Соединенныхъ Штатахъ очень много искренняго смѣха. Бодрый, жизнерадостный, нѣсколько развязный тонъ слышится во всей жизни, которая своей свободой даетъ большой просторъ для

рѣзкихъ перемѣнъ и различныхъ случайностей. Особенно это выражается въ тонѣ ежедневной прессы, для которой нѣтъ ничего столь высокаго и святого, надъ чемъ бы она при случаѣ не посмѣялась.

Въ американской литературѣ и музыкѣ также мало серьезнаго; даже церковныя мелодіи поются здѣсь на радостные, веселые мотивы. Даже въ такой серьезный моментъ, когда представители колоній готовились къ борьбѣ съ Англіей за свою независимость, Веніаминъ Франклинъ не могъ удержаться отъ шутки и на замѣчаніе одного члена собранія, что колоніи должны быть тѣсно связаны между собой и держатся другъ друга, отвѣтилъ: „Да, мы должны вѣшаться другъ на друга, иначе каждый изъ насъ будетъ повѣшенъ“.

Поэтому въ американской тюрьмѣ видишь больше и веселыхъ лицъ и радостныхъ дней. Считается вполнѣ естественнымъ, что въ заведеніяхъ для малолѣтнихъ дѣтей ведущіе себя хорошо обыкновенно играютъ на свободѣ. Въ пріютѣ для малолѣтнихъ въ Рочестерѣ (въ Нью-Іоркѣ) въ капелѣ устроены театральныя кулисы, алтарь стоитъ на рельсахъ для того, чтобы по желанію его можно было передвинуть. Оркестръ или хоры, составленные изъ заключенныхъ, имѣются въ очень многихъ заведеніяхъ, особенно въ предназначенныхъ для малолѣтнихъ преступниковъ; они мнѣ часто доставляли удовольствіе исполненіемъ „Wacht am Rhein“ или какой либо другой нѣмецкой пѣсни. Даже высшіе органы тюремной администраціи не избѣгаютъ при служебномъ посѣщеніи побывать на веселомъ концертѣ, устроенномъ заключенными. Въ заведеніи для малолѣтнихъ въ Westboro (Массачузетсъ), при прохожденіи мимо, одѣтаго въ форму оркестра заключенныхъ директоръ замѣтилъ: „молодцы готовятся къ празднику въ сосѣднемъ мѣстечкѣ; тамъ нѣтъ своей музыки и меня просили, чтобы я послалъ туда на день нашъ оркестръ“.

Когда однажды въ заведеніи Эльмиры одинъ нѣмецъ, говоря объ выдрессированности нѣмецкаго войска, между прочимъ описывалъ, какъ пѣхота беретъ большія препятствія въ видѣ стѣны и т. п., директоръ въ отвѣтъ выразилъ надежду, что заключенные постараются усвоить всѣ преимущества нѣмецкой военной дрессировки „за исключеніемъ проклятаго нѣмецкаго фокуса перелѣзать черезъ стѣны".

Этотъ элементъ здороваго юмора, проникающій американскую жизнь даже въ тюрьмѣ, въ меньшей степени проявляется только въ одномъ штатѣ—Пенсильваніи. Здѣсь, несмотря на великій американскій процессъ смѣшенія, нижне-германское населеніе еще много сохранило своей тяжеловѣсности, строго-консервативнаго духа и родной языкъ, вслѣдствіе чего только здѣсь примѣняется еще система одиночнаго заключенія.

Въ то время какъ во всѣхъ остальныхъ штатахъ Союза система одиночнаго заключенія отошла въ область прошлаго и мѣста заключенія устроены такимъ образомъ, что заключенные весь день проводятъ въ общихъ мастерскихъ и столовыхъ и только въ теченіе вечера и ночи находятся въ одиночныхъ камерахъ, въ штатѣ Пенсильванія система одиночнаго заключенія встрѣчаетъ еще горячихъ защитниковъ. Правда и здѣсь эта система утратила уже значительную степень прежней своей строгости, напр. часто въ одну камеру помѣщаютъ двоихъ, тѣмъ не менѣе въ существенныхъ пунктахъ продолжаютъ ея придерживаться, какъ это доказываетъ произведенная два года назадъ постройка образцовой одиночной тюрьмы въ Гольмесбергѣ.

Отмѣченное выше бодрое, жизнерадостное міросозерцаніе, заслоняя собою такъ часто въ судахъ и тюрьмахъ серьезность положенія, въ то же время благопріятствуетъ и содѣйствуетъ проведенію многихъ реформъ.

На реформы смотрятъ здѣсь довольно легко и прежде всего мало обсуждаютъ ихъ со стороны принципіальной. Такъ обѣ реформы, такъ называемое условное осужденіе и система неопредѣленныхъ приговоровъ, описанію которыхъ будетъ посвящена особая часть дальнѣйшаго изложенія, обязаны своимъ введеніемъ, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что законодатель, отбросивъ всякія сомнѣнія, рѣшилъ „попробовать" въ твердой увѣренности, что здравый смыслъ истолкователей и исполнителей закона сумѣетъ смягчить на практикѣ возможные недостатки реформы. Это относится также къ третьему нововведенію—законамъ о преступникахъ привычки, которые въ уголовномъ законодательствѣ Соединенныхъ Штатовъ уже въ теченіе 10 лѣтъ пріобрѣтаютъ все большее распространеніе. Это нововведеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія у насъ въ Германіи, потому что оно является шагомъ къ осуществленію такъ часто предъявляемаго у насъ требованія провести въ уголовномъ законѣ коренное различіе между случайнымъ и привычнымъ преступникомъ (ср. Sichard, обзоръ журналовъ тюрьмовѣдѣнія т. XXVII стр. 192 ff). Законъ 1887 г. устанавливаетъ, что лицо, обвиняемое въ учиненіи преступленія, подвергавшееся три раза наказанію, срокомъ не менѣе трехъ лѣтъ каждый разъ, должно быть приговорено судомъ въ качествѣ привычнаго преступника къ 25 годамъ заключенія въ исправительномъ домѣ. Случаевъ примѣненія этого закона бываетъ всего по нѣскольку въ годъ и изъ годичныхъ отчетовъ государственныхъ тюремъ Массачузетса видно, что судьи часто не примѣняютъ его, несмотря на наличность условій, требуемыхъ для примѣненія даннаго закона. Еще большей строгостью отличается законъ о привычныхъ преступникахъ 1898 г. штата Кентуки. Онъ наказываетъ пожизненнымъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ преступника, подвергавшагося раньше 3 раза наказанію.

Эти реформы не только были вызваны представителями тюремной администраціи, но, благодаря ихъ вліянію, были приняты нѣкоторыя отдѣльныя постановленія. Тюремное дѣло вообще еще мало централизовано, вслѣдствіе чего тюремному персоналу предоставлена большая свобода. Напр. онъ, большею частью, самъ устанавливаетъ весь внутренній распорядокъ и только для утвержденія представляетъ его высшему тюремному управленію. Послѣднее, представляя собой учрежденіе государственное, состоитъ обыкновено изъ нѣсколькихъ лицъ, по назначеніи или по выбору, часто мало освѣдомленные въ тюремномъ дѣлѣ. Кромѣ того мѣста въ тюремномъ управленіи часто даются въ награду за службу по выборамъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ лучшія силы вообще мало идутъ на правительственную службу—несчастье, помочь которому стараются прежде всего солидные нѣмцы. Высшее тюремное управленіе стоитъ во главѣ только государственныхъ тюремъ, персоналъ которыхъ оно обыкновенно и назначаетъ, между тѣмъ какъ по отношенію къ другимъ пенитенціарнымъ заведеніями въ государствѣ, учреждаемымъ городами, главное управленіе имѣетъ только право общаго надзора. Лица, стоящія во главѣ тюремъ, мужщины и женщины, не только не получили юридическаго образованія, по большею частью не имѣютъ вообще высшаго научнаго образованія, они обладаютъ за то основательными практическими свѣдѣніями по тюремному дѣлу, такъ какъ они должны избираться изъ среды тюремнаго персонала. Хорошій надзиратель можетъ со временемъ занять мѣсто начальника заведенія.

Въ связи главнымъ образомъ съ этой практической подготовкой и направленіемъ лицъ тюремнаго персонала находится то обстоятельство, что американскія тюрьмы вообще походятъ больше на промышленныя заведенія. Надъ боль-

шинствомъ изъ нихъ возвышается большая труба, а паровыя машины, электрическіе проводы, собственное добываніе газа, широкое примѣненіе для работъ часто весьма дорогихъ машинъ придаютъ заведенію видъ крупной фабрики. Слѣдствіемъ производства, особенно развивавшагося благодаря усердію директоровъ, было созданіе такой конкуренціи свободному труду, что рабочіе союзы возстали противъ тюремныхъ работъ. Прочной организаціи этихъ союзовъ, большому количеству ихъ, а также тому обстоятельству, что политическія партіи въ Соединенныхъ Штатахъ предпочитаютъ жить въ мірѣ съ рабочимъ, чтобы заручиться его голосомъ, чѣмъ вступать съ нимъ въ борьбу, слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что производительный трудъ въ тюрьмахъ все болѣе и болѣе ограничивался закономъ. Это достигалось обыкновенно такимъ образомъ, что изъ всѣхъ находящихся въ тюрьмѣ заключенныхъ занятіе производительнымъ трудомъ предоставляется только опредѣленному небольшому % (5%—10%) Такой законъ дѣйствуетъ въ настоящее время во многихъ штатахъ, напр. въ Пенсильваніи; въ другихъ мѣстностяхъ были приняты законы, запрещающіе продажу продуктовъ тюремнаго труда, такъ какъ въ законодательныхъ собраніяхъ никто не осмѣлился поднять голосъ противъ благопріятнаго для рабочихъ предложенія.

Чтобы выйти изъ такого созданнаго законодательствомъ безпомощнаго положенія, штаты Массачузетсъ и Нью-Іоркъ нашли способъ, который примѣняется тамъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ успѣхомъ. Въ этихъ штатахъ въ тюрьмахъ могутъ заниматься производствомъ только такихъ предметовъ, которые въ противномъ случаѣ должны бы были пріобрѣтаться непосредственно на доходы отъ налоговъ, слѣдовательно только предметы, необходимые для употребленія въ государственныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ. Поэтому въ тюрьмахъ, кромѣ предметовъ необходимыхъ для собствен-

наго употребленія, изготовляются школьныя парты и столы, стулья и качалки, шкафы для канцелярій, кровати, матрацы, ковры, одежда для государственныхъ госпиталей, лечебницъ для душевно-больныхъ и т. п. Тюремная типографія занимается не только печатаніемъ нужныхъ для заведенія бумагъ, но изготовляетъ бланки для другихъ учрежденій и исполняетъ другія казенныя печатныя работы. Въ штатѣ Массачузетсъ имѣется особое должностное лицо, руководящее казенными работами въ тюрьмахъ. Завѣдующій, сообразно съ условіями, существующими въ различныхъ тюремныхъ заведеніяхъ и нуждами казенныхъ учрежденій, распредѣляетъ работу между отдѣльными тюрьмами. Если извѣстное учрежденіе или заведеніе имѣетъ надобность въ предметѣ, изготовляемомъ въ мѣстахъ заключенія государства, то оно должно со своимъ требованіемъ обращаться къ завѣдующему работами (а не къ директору даннаго заведенія), который затѣмъ отправляетъ заказъ въ данное заведеніе для непосредственнаго выполненія. Этотъ способъ употребляется съ той цѣлью, чтобы завѣдующій тюремными работами всегда могъ устранить скопленіе заказовъ въ одномъ заведеніи, а, по возможности, распредѣлялъ бы ихъ равномѣрно между различными заведеніями. Если заказы почему либо не выполнены, то завѣдующій работами увѣдомляетъ объ этомъ сдѣлавшее заказъ учрежденіе и послѣднее пріобрѣтаетъ послѣ этого право выполнить заказъ съ помощью свободнаго труда. Когда тюремный трудъ сталъ все болѣе и болѣе ограничиваться законодательствомъ, начальники тюремъ обратили свое вниманіе на гимнастику и военныя упражненія, чтобы не оставлять заключенныхъ безъ дѣла. Во многихъ заведеніяхъ скоро была введена вполнѣ военная организація и строгая военная дисциплина, выгодными сторонами которыхъ для тюремнаго режима начальники воспользовались въ сильной степени. Заключенному не только точно предписы-

вались мѣсто въ мастерской и манера держать себя съ предупрежденіемъ о дисциплинарномъ взысканіи въ случаѣ, если онъ будетъ смотрѣть по сторонамъ, оборачиваться назадъ или выдвигаться изъ ряда, но ему указывалось также, въ какой рукѣ онъ долженъ держать шапку при входѣ въ столовую; въ пріютѣ для малолѣтнихъ въ Рочестерѣ заключенные раздѣваются и ложатся въ постель по командѣ, въ извѣстномъ порядкѣ.

Эта строгая дисциплина, которая поддерживается не многими вооруженными револьверомъ надзирателями и стоитъ въ такомъ странномъ противорѣчіи съ предоставленными заключеннымъ въ другихъ отношеніяхъ свободой и удобствами, дѣлаетъ американскія тюрьмы, несмотря на все, непріятными и непопулярными; для поддержанія строгой дисциплины, начальникъ тюрьмы прибѣгаетъ къ энергичнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ до наказанія розгами включительно, не задумываясь долго о законности этой мѣры, пока въ одинъ прекрасный день онъ не встрѣтитъ въ газетахъ изображенія себя и своихъ дѣяній и не поплатится должнымъ образомъ. О такихъ тюремныхъ скандалахъ за послѣдніе годы можно было часто читать въ американскихъ ежедневныхъ изданіяхъ, такъ какъ печать стремится пробудить общій интересъ къ тюремному дѣлу, посылая время отъ времени репортеровъ въ большія тюрьмы и распространяя свѣдѣнія о событіяхъ, происходящихъ за тюремными стѣнами.

Потребность широкой гласности во всѣхъ областяхъ, составляющая одну изъ главныхъ основъ американской жизни, дѣлаетъ для тюремной администраціи невозможнымъ запирать свое заведеніе передъ любопытными посѣтителями; большею частью директоры тюремъ гордятся своими заведеніями и охотно показываютъ ихъ даже посѣтительницамъ, а путемъ широкаго распространенія обстоятельно составленныхъ, часто иллюстрированныхъ, ежегодныхъ отчетовъ заведенія стремятся создать себѣ имя.

Обширная, богатая страна, полная живыхъ силъ и свободныхъ юношескихъ стремленій, но не зрѣлая и неясная еще въ нѣкоторыхъ глубокихъ вопросахъ! Эти черты Сѣверо-Американскаго Союза отразились и на состояніи его тюремъ.

II.

Заведеніе въ Эльмирѣ и система неопредѣленныхъ приговоровъ.

I. Эльмира.

Между многочисленными за послѣднее время предложеніями, вызванными недовольствомъ существующими системами лишенія свободы и желаніемъ ихъ реформы, ни одно не вызвало такого живого обмѣна мнѣній, какъ система неопредѣленныхъ приговоровъ.

Мысль замѣнить судебное опредѣленіе срока наказанія опредѣленіемъ его органами, приводящими приговоръ въ исполненіе, достаточно рѣшительна, чтобы тотчасъ же раздѣлить лицъ, интересующихся вопросомъ на два противоположные лагеря.

Въ Европѣ, Сѣверной Америкѣ, даже въ Австраліи и Японіи люди науки и практики взвѣсили доводы за и противъ и теоретическій споръ, повидимому, исчерпалъ всѣ положительные и отрицательные доводы. *)

Какъ противники, такъ и обенно защитники неопредѣленныхъ приговоровъ ссылались на то, что въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ неопредѣленные приговоры (indeterminate sentance) примѣняются на практикѣ

---

*) Мысль, въ сущности не новая; уже Баварское Уложеніе 1813 г, составленное Фейербахомъ, предусматриваетъ приговоръ къ наказанію исправительнымъ домомъ на неопредѣленное время, новый проэктъ швейцарскаго уголовнаго кодекса также усвоилъ эту мысль.

уже съ 1877 г.; всѣми добытыми на основаніи этого опыта данными и тѣ, и другіе пользуются для подкрѣпленія своихъ собственныхъ взглядовъ.

Спорящія стороны прежде всего обратили вниманіе на созданное въ штатѣ Нью-Іоркъ, съ цѣлью примѣненія системы неопредѣленныхъ приговоровъ, заведеніе Эльмиры, [1]) и постоянно цитируютъ сочиненія тѣхъ, кто писалъ объ немъ. Изъ значительнаго числа послѣднихъ, какъ меня увѣряли въ Эльмирѣ, никто не былъ на мѣстѣ дольше нѣсколькихъ дней, большинство же писало только на основаніи годичныхъ отчетовъ заведенія. Несмотря на эти съ одной стороны скудные, съ другой—требующіе большой осторожности при пользованіи источники большинство защитниковъ неопредѣленныхъ приговоровъ представляли Эльмиру и по ея имени часто называемую систему, какъ блестящее доказательство достоинства новаго принципа.

Такимъ образомъ для полнаго выясненія вопроса не достаетъ одного: знакомства съ системой Эльмиры и ея проведеніемъ ка практикѣ. Попытаться изобразить это я и хочу въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи. Я пріѣхалъ въ Эльмиру не будучи ни защитникомъ, ни противникомъ системы неопредѣленныхъ приговоровъ и здѣсь во время моего пребыванія, съ 7 Марта по 3 Апрѣля 1899 г., при ежедневныхъ посѣщеніяхъ заведенія и личныхъ сношеніяхъ съ директоромъ его, M. Brockway, тюремными служащими и заключенными имѣлъ широкую возможность заняться изученіемъ ея. Исторія Эльмирскаго реформаторія есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія неопредѣленныхъ приговоровъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Она заслуживаетъ особаго вниманія еще по тому, что показываетъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ коренныя ре-

---

[1]) По образцу Эльмирскаго реформаторія были созданы заведенія въ шт. Массачузетсѣ, Пенсильваніи, Иллинойсѣ, Огіо, Индіанѣ и Миносотѣ.

формы могутъ быть дѣломъ одного лица, не занимающаго при этомъ какого либо виднаго поста.

Закономъ 9 Мая 1876 г. разрѣшено учрежденіе въ Штатѣ Нью-Іоркъ въ г. Эльмирѣ новаго пенитенціарнаго заведенія New-Iork State Reformatory; управленіе этимъ заведеніемъ поручено 5 лицамъ, постояннымъ жителямъ Эльмиры, которые несутъ службу какъ почетную, затѣмъ были выработаны дальнѣйшія постановленія относительно будущаго управленія заведеніемъ. Въ заведеніе должны быть принимаемы только лица мужского пола въ возрастѣ отъ 16—30 лѣтъ, приговоренныя къ наказанію въ первый разъ. Въ названномъ законѣ не было никакихъ указаній ни на неопредѣленность приговоровъ, ни на условное освобожденіе заключеннаго. И то, и другое было введено въ штатѣ Нью-Іоркъ лишь закономъ 24 Апрѣля 1877 г. Послѣдній законъ возникъ слѣдующимъ образомъ.

Законъ 1876 года представлялъ правленію право назначать директора заведенія, а въ случаѣ надобности и смѣщать его, а послѣдній, въ свою очередь, имѣетъ право назначать и смѣнять служащихъ въ своемъ заведеніи. Поэтому три дня спустя, послѣ изданія закона 1876 года, 5 членовъ правленія назначили директоромъ заведенія М-га Brockway, пріобрѣвшаго своими взглядами симпатіи и съ самаго начала бывшаго душой всего начинанія.

Послѣ открытія въ 1876 заведенія правленіе его въ своемъ первомъ годовомъ отчетѣ, издаваемомъ въ началѣ каждаго года, представило на утвержденіе законопроэктъ, разработанный М-г Brockway, содержаніе котораго въ существенныхъ чертахъ было слѣдующее. Приговоръ о заключеніи преступника въ „New-Iork Reformatory" не долженъ опредѣлять срока заключенія; тюремная администрація должна быть уполномочена освобождать или задерживать заключеннаго, сообразно съ постановленіями изданной ею инструкціей.

Это нововведеніе было основано на слѣдующихъ соображеніяхъ. (Отчетъ Эльмиры 1877 года стр. 9).

Только путемъ замѣны опредѣленныхъ приговоровъ неопредѣленными заключенному отрѣзывается всякій иной путь къ освобожденію, кромѣ пути его личной пригодности для свободы. Лишь этимъ способомъ можно отвлечь заключеннаго съ самаго начала его пребыванія въ заведеніи отъ просьбъ и надеждъ на помилованіе, отъ подсчитыванія дней, остающихся до освобожденія, направивъ все его вниманіе на свою подготовку и воспитаніе. Существующій законъ, по которому заключенный хорошимъ поведеніемъ можетъ сократить срокъ своего наказанія, основанъ на этой же мысли, но онъ недостаточенъ, потому что, хотя онъ и можетъ вполнѣ обезпечить порядокъ и дисциплину, но не въ силахъ сразу переломить дурныя наклонности и направленіе ума.

Необходимымъ выводомъ изъ этой основной мысли, естественно, является заведеніе, имѣющее характеръ принудительной школы, въ которой можно было бы воспользоваться какъ средствомъ исправленія могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ мотивовъ — стремленіемъ къ свободѣ, тѣмъ самымъ мотивомъ, который до сихъ поръ представлялъ сильнѣйшее препятствіе для исправленія.

На возраженіе, что эта система вызоветъ въ заключенномъ склонность къ лицемѣрію, слѣдуетъ отвѣтить, что при опытномъ тюремномъ персоналѣ это средство въ теченіе продолжительнаго срока совершенно не достигаетъ цѣли. Предлагаемая реформа не отличается особой суровостью по отношенію къ заключенному, такъ какъ фактически срокъ освобожденія всецѣло зависитъ отъ самого заключеннаго. Къ тому же долгъ передъ обществомъ заставляетъ не ранѣе выпускать преступника на свободу, пока онъ не покажетъ, что это можетъ быть исполнено безопасно, а до этого момента заключенный не можетъ претендовать на свободу. Въ пре-

доставленіи такой широкой власти тюремному правленію не заключается никакой опасности, такъ какъ каждые 1/2 года составляются доступные каждому отчеты и кромѣ того губернаторъ штата имѣетъ право помилованія.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній былъ изданъ законъ 24 Апрѣля 1877 года, который однако въ своихъ важнѣйшихъ пунктахъ не соотвѣтствовалъ проэкту M-r'a Brockway. Законодатель усумнился ввести абсолютно неопредѣленные приговоры и установилъ въ качествѣ максимальнаго срока заключенія указанный за данное преступное дѣяніе въ законѣ maximum, въ остальныхъ же частяхъ существенно не отклонился отъ проэкта.

Этотъ и другіе законы, касающіеся неопредѣленныхъ приговоровъ и Эльмиры составили вмѣстѣ законъ 25 Іюня 1887 г., въ силу котораго условія заключенія въ Эльмиру представляются въ слѣдующемъ видѣ: усмотрѣнію компетентнаго суда предоставляется отправлять посудимаго въ возрастѣ отъ 16—30 лѣтъ, совершившаго впервые преступное дѣяніе, караемое исправительнымъ домомъ, въ Эльмирскій реформаторій.

Приговоръ гласитъ, что обвиняемый за данное преступленіе приговаривается къ заключенію въ Elmira Reformatory согласно съ правилами этого заведенія. Досрочное или окончательное освобожденіе зависитъ отъ рѣшенія совѣта, который имѣетъ полную власть издавать инструкцію и слѣдить за дисциплиной въ заведеніи, которое по закону должно преслѣдовать цѣли исправленія.

Но вернемся къ самому заведенію. Населеніе въ немъ 25 Марта 1899 г. состояло изъ 1510 заключенныхъ. Изъ нихъ 59%—въ возрастѣ 16 и 20 лѣтъ, 34%—въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, 9%—въ возрастѣ 25—30 лѣтъ. По характеру преступной дѣятельности, они распредѣлялись такимъ образомъ: 92,6%—за имущественныя посягательства, 6,8%

за преступленія противъ личности, 0,6%—за посягательство на общественное спокойствіе. На практикѣ въ Эльмирскій реформаторій попадаютъ лица старше 30 лѣтъ и рецивидисты, такъ какъ они обманываютъ судъ, а полицейскій контроль для установленія личности въ Соединенныхъ Штатахъ примѣняется только въ самомъ незначительномъ объемѣ. Свѣдѣнія о личности судъ обыкновенно получаетъ отъ самого обвиняемаго. Справокъ о судимости и свѣдѣній о поведеніи обыкновенно не имѣется, да было бы и трудно требовать этого относительно столь большого количества вступающихъ въ заведеніе лицъ. Каждый вновь вступающій въ заведеніе преступникъ, моется, получаетъ обмундировку и водворяется въ камеру и на слѣдующій день послѣ прибытія въ заведеніе представляется начальству заведенія, которое путемъ разспросовъ въ теченіе 15—20 минутъ получаетъ свѣдѣнія о его личности, о его родителяхъ и родныхъ, о его прошлой жизни и т. д. Во время этихъ разговоровъ обращается особенное вниманіе на различныя умственныя и другія ненормальности въ семьѣ вновь поступающаго; самое преступленіе при этихъ разспросахъ играетъ небольшую роль. По словамъ M-га Brockway онъ спрашиваетъ о преступленіи для того, чтобы имѣть возможность судить о его нравственныхъ качествахъ и его чуткости, если онъ не могъ составить объ этомъ заключеніе по инымъ обстоятельствамъ. Вообще же говоря, само преступное дѣяніе для него безразлично, равно какъ не имѣетъ значенія и то обстоятельство, виновенъ или невиновенъ заключенный въ преступленіи, за которое онъ осужденъ. Напримѣръ первый заключенный, при допросѣ котораго я присутствовалъ и который былъ осужденъ за грабежъ, учиненный въ полночь въ публичномъ домѣ въ Нью-Іоркѣ, отрицалъ свою виновность. M. Brockway отвѣчалъ: я не спрашиваю Всъ о томъ, совершили вы или нѣтъ грабежъ, Вы въ 12 ч. ночи были въ такомъ домѣ и этотого достаточно, чтобы Вы попали суда-

Послѣ этого директоръ призываетъ новичка къ благонравному поведенію, настоятельно указывая на возможные результаты неопредѣленнаго приговора.

Я привожу здѣсь подобное обращеніе директора къ нѣсколькимъ доставленнымъ одновременно въ заведеніе арестантамъ, такъ какъ оно ярко характеризуетъ систему „предѣльный срокъ заключенія для двоихъ изъ васъ $2^1/_2$ года, для 3 человѣкъ—5 лѣтъ, для двоихъ—10 лѣтъ и для одного—20 лѣтъ. Вы знаете, что можете быть продержаны здѣсь до истеченія этого предѣльнаго срока, но вы знаете и то, что можете быть отпущены отсюда и черезъ *годъ*. Представьте себѣ: 5 лѣтъ, 10 лѣтъ, 20 лѣтъ какой долгій срокъ! Но вѣдь вполнѣ отъ васъ зависитъ, какъ себя вести и исполните ли вы всѣ три условія досрочнаго освобожденія".

Затѣмъ заключенный представляется учителю, который, провѣривъ его познанія, тутъ же опредѣляетъ его въ одинъ изъ классовъ, и врачу, который изслѣдуетъ его тѣлосложеніе, здоровье, способность для занятій выбраннымъ мастерствомъ и для военной службы; послѣ всего этого заключенный становится членомъ большого аппарата заведенія, который придуманъ такъ тонко и на столько сложенъ, что описаніе его представляется мнѣ нелегкой задачей.

Какъ многочисленны предписанія и правила, которыя должны соблюдаться заключенными, видно изъ вручаемаго каждому заключенному при его вступленіи въ заведеніе „инструкціи для заключенныхъ"; она содержитъ 32 печатныхъ страницы. Основной принципъ всей системы таковъ: „трудомъ и хорошимъ поведеніемъ заслужишь ты свою свободу, которой ты лишился". Любовью къ свободѣ пользуются здѣсь при всякомъ случаѣ, какъ побудителемъ и рычагомъ, чтобы подвинуть заключеннаго къ дѣятельности. Цѣль такого принудительнаго воспитанія—есть исправленіе заключеннаго. „protection by reformation" по мѣткому выраженію M-r'a Bro-

ckway. Изъ человѣка, показавшаго, что онъ не можетъ пользоваться свободой гражданина, не злоупотребляя ею, долженъ быть сдѣланъ честный, обладающій для жизненной борьбы физическими и духовными силами гражданинъ. Прошлое должно быть похоронено, поэтому въ заведеніи почти никогда не говорятъ о прошломъ; имѣетъ значеніе лишь настоящее и будущее.

а) Забота о физическомъ развитіи.

Исходя изъ того положенія, что хорошее состояніе здоровья заключеннаго поднимаетъ его нравственно и что попеченіе о физическомъ здоровьѣ благотворно вліяетъ и на духовную жизнь, въ Эльмирѣ на физическое здоровье обращается особенное вниманіе. Въ виду того, что заключенный обыкновенно долгое время передъ вступленіемъ въ заведеніе находился подъ стражей въ плохо содержимыхъ мѣстахъ заключенія, первый мѣсяцъ его пребыванія въ заведеніи посвящается почти исключительно попеченію объ укрѣпленіи здоровья, для чего передъ обѣдомъ въ рекрутскомъ отдѣленіи заключенный обучается согласно всѣмъ правиламъ военной дисциплины, установленной въ арміи Соединенныхъ Штатовъ: послѣ обѣда онъ занимается въ гимнастическомъ залѣ свободными упражненіями и съ помощью разнообразныхъ приборовъ развиваетъ мускулы, а въ прилегающей къ гимнастическому залу купальнѣ беретъ ванну и подвергается въ случаѣ надобности массажу. Какъ много обращаютъ здѣсь вниманія на индивидуальныя свойства, видно изъ того, что врачъ, которому, разумѣется, принадлежитъ высшій надзоръ, сообщаетъ завѣдующимъ гимнастическимъ отдѣленіемъ о плохо развитыхъ органахъ того или другого заключеннаго и даетъ необходимыя наставленія.

Военное обученіе заключенныхъ въ заведеніи своимъ происхожденіемъ обязано закону 1888 г., запретившему про-

изводительныя тюремныя работы въ государствѣ. Чтобы занять чѣмъ либо людей, прибѣгли къ военной выучкѣ. Скоро нашли, что послѣдняя представляетъ превосходное, воспитательное средство и въ настоящее время военная организація является существенной составной частью всей системы.

Ежедневно, въ послѣобѣденное время, въ 4 часа происходятъ военныя упражненія всего тюремнаго полка, въ составъ котораго, за исключеніемъ немногихъ освобожденныхъ, благодаря какому нибудь физическому недостатку, входятъ всѣ заключенные; военная выправка несомнѣнно видна въ осанкѣ нѣкоторыхъ и манерѣ ихъ держать себя

Къ области воздѣйствія на духовную сторону съ помощью физическихъ средствъ относятся еще слѣдующіе два опыта, оба—продукты современнаго естественно-научнаго міросозерцанія.

Два года назадъ въ заведеніи образовано особое отдѣленіе для тѣхъ, которые выказали въ школѣ особую неспособность къ математикѣ или обнаружили неумѣнье владѣть собой (многочисленныя дисциплинарныя взысканія), или же, наконецъ, оказались слабоумными или тупыми. Переводъ въ это отдѣленіе происходитъ по распоряженію директора заведенія послѣ предварительныхъ совѣщаній съ врачемъ. Занятія заключенныхъ въ этомъ отдѣленіи заключается въ составленіи рисунковъ, геометрическихъ чертежей, выдѣлываніе по образцу этихъ рисунковъ фигуръ, моделей и т. д. изъ картона, дерева, желѣза или глины.

Эта разработанная до деталей система, заключающаяся въ постепенномъ переходѣ отъ простого къ болѣе сложному, имѣетъ цѣлью путемъ равномѣрной и точной дѣятельности рукъ воспитательнымъ образомъ вліять на соотвѣтствующіе двигательные центры мозга и вызывать болѣе быстрый и точный процессъ мышленія.

Это отдѣленіе, насчитывающее теперь около 500 чело-

вѣкъ (manual training school) въ заведеніи часто въ шутку называется „мозговой фабрикой“. Такой manual training school имѣется въ большинствѣ новыхъ заведеній для малолѣтнихъ.

Другимъ опытомъ подобнаго же рода является введенный недавно въ заведеніи особый классъ діэты. Путемъ опредѣленнаго способа питанія, точно предписаннаго врачемъ, извѣстными химическими составными частями кушаній стараются воздѣйствовать на организмъ, главнымъ образомъ укрѣплять слабыхъ и недостаточно питавшихся людей, доводить ихъ до нормальнаго вѣса.

в) Духовное развитіе.

На школу смотрятъ здѣсь, разумѣется не какъ на благодѣяніе или на привиллегію. Каждый заключенный обязанъ ее посѣщать и долженъ обнаружить необходимые успѣхи при испытаніяхъ, если желаетъ получить свободу. Поэтому въ заведеніи сдѣлалось обычнымъ, что при первомъ испытаніи передъ главнымъ учителемъ вновь поступающій выставляетъ себя, какъ можно болѣе невѣжественнымъ. Несмотря на то, что программа школы не превышаетъ обычной программы народной школы, она въ настоящее время имѣла, (считая съ особымъ классомъ для тѣхъ, кто долженъ былъ еще учиться англійскому языку), 26 отдѣленій; такъ стараются индивидуализировать обученіе, чтобы облегчить достиженіе возможныхъ успѣховъ. Въ низшемъ классѣ довольно большой % учащихся изучаетъ азбуку, въ высшемъ преподаются политическая экономія и этика. Въ концѣ каждаго мѣсяца производятся письменныя испытанія изъ пройденнаго въ теченіе мѣсяца, отъ успѣшности которыхъ зависитъ переходъ въ слѣдующій классъ, а главное переводъ въ высшій разрядъ. Поэтому заключенные относятся къ ученью въ большинствѣ случаевъ съ большимъ вниманіемъ.

Особеннымъ саблазномъ для перевода въ высшіе классы служитъ предоставленная обоимъ высшимъ классамъ привиллегія участія въ бесѣдахъ. На этихъ вечернихъ бѣсѣдахъ заключеннымъ предоставляется большая свобода, которую они часто еще болѣе расширяютъ. Съ діалектической ловкостью и нерѣдко съ поразительнымъ остроуміемъ тутъ разбирается и критикуется слабость каждаго утвержденія или доказательства какъ учителя, часто принимающаго участіе въ бесѣдѣ, такъ и тюремныхъ служащихъ. Преимущества, получаемыя путемъ такого умственнаго возбужденія и упражненія, настолько высоко цѣнятся, что на возможность нарушенія дисциплины почти не обращается вниманія. Другую хорошую сторону эти вечернія бесѣды представляютъ въ томъ отношеніи, что онѣ даютъ возможность администраціи заведенія познакомиться съ общимъ настроеніемъ заключенныхъ. Поэтому ниже я подробнѣе остановлюсь на этихъ дискуссіяхъ.

Кромѣ библіотеки, насчитывающей около 4000 томовъ, пользованіе которой предоставлено обоимъ высшимъ разрядамъ (еженедѣльно—одна книга), средствами для поднятія нравственнаго уровня являются вокресныя богослуженія и тюремная газета, о чемъ уже было упомянуто во введеніи.

c) Ремесленное образованіе.

Обученіе ремесламъ въ Эльмирскомъ реформаторіи обставлено такъ-же богато и разносторонне, какъ физическое и нравственное воспитаніе заключеннаго.

Въ штатѣ Нью-Іоркъ дѣйствуетъ то основное положеніе, установленное въ 1894 г., что тюремный трудъ не долженъ конкурировать со свободнымъ. Послѣдствіемъ этого было то, что тюремныя заведенія штатовъ, не имѣя возможности изготовлять заказы для общественныхъ зданій или учрежденій, превратились въ родъ ремесленныхъ школъ. Въ Эльмирѣ

обучаютъ 38 различнымъ ремесламъ и мастерствамъ. Продукты работы, если возможно, снова перерабатываются или уничтожаются, или ихъ раздаютъ заключеннымъ и ихъ родственникамъ. Заключеннаго прежде всего обучаютъ тому ремеслу, съ помощью котораго, по его мнѣнію, онъ послѣ освобожденія всего скорѣе можетъ найти заработокъ; очень часто однако онъ изучаетъ въ заведеніи нѣсколько ремеслъ.

Цѣлью этого образованія является, какъ можно лучше, вооружить заключеннаго для борьбы съ конкуренціей, дать ему возможность зарабатывать себѣ средства къ существованію. Разумѣется, это обученіе также принудительно. Для опредѣленія степени успѣховъ въ ремесленной школѣ производятся испытанія, на основаніи которыхъ допускается переходъ къ болѣе сложной работѣ и переводъ въ слѣдующій разрядъ. Заслуживаетъ вниманія въ отношеніи индивидуализаціи режима въ заведеніи тотъ фактъ, что въ ремесленной школѣ каждый заключенный экзаменуется отдѣльно, когда онъ или его учитель найдетъ, что онъ настолько подвинулся впередъ, что можетъ выдержать испытаніе. Ему дѣлаютъ заказъ на опредѣленный срокъ, въ продолженіе котораго онъ долженъ его выполнить.

Эти богатыя и разнообразныя воспитательныя средства, какія только богатая страна можетъ предоставить преступнику, не получая за это никакого прямого возмѣщенія, *) присвоили расположенному на холмѣ, внѣ города Эльмиры, заведенію названіе „College on the Hill". **)

Какъ уже было упомянуто, заключенный постепенно переходитъ изъ разряда въ разрядъ; если же онъ желаетъ

*) Въ Эльмирѣ заключенный стоитъ въ годъ въ среднемъ около 150 долларовъ. Въ штатѣ Нью-Іоркъ не существуетъ закона, по которому обладающій средствами заключенный долженъ самъ покрывать расходы, въ продолженіе срока отбытія наказанія: относительно существованія подобнаго закона въ другихъ штатахъ я ничего не могъ узнать.

**) Школа на холмѣ.

заслужить свободу, то, кромѣ необходимыхъ успѣховъ въ школѣ и работахъ, онъ долженъ хорошо себя вести т. е. онъ не долженъ подвергаться дисциплинарному взысканію болѣе опредѣленнаго числа разъ.

d) Поддержаніе дисциплины.

Поддержаніе дисциплины соотвѣтственно съ военнымъ духомъ заведенія находится въ рукахъ 2-хъ офицеровъ тюремнаго полка и поставлено вполнѣ на военную ногу.

Каждый надзиратель и каждый имѣющій болѣе высокую военную степень можетъ докладывать о каждомъ занимающемъ низшую по чину должность. Для этой цѣли онъ постоянно имѣетъ при себѣ особые бланки (доклады, рапорты), которые онъ заполняетъ и отпускаетъ въ имѣющійся въ каждой мастерской или корридорѣ почтовый ящикъ. Каждое утро ящики вскрываются и сотни такихъ докладовъ попадаютъ въ канцелярію 2-го офицера, который распредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: рапорты о поведеніи раздѣляютъ на три категоріи; только первая категорія, содержащая въ себѣ указаніе на тяжкіе дисциплинарные проступки, влечетъ за собой деградацію (переводъ въ низшій разрядъ), почему о нихъ офицеръ тотчасъ же сообщаетъ директору и получаетъ отъ него соотвѣтствующее распоряженіе. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ судятъ заочно и заключенному въ его кондуитную книгу заносятъ на дебетъ 25 или 10 центовъ [1]), смотря по тяжести проступка. Какое это имѣетъ значеніе, будетъ указано ниже.

О назначенномъ наказаніи заключенный извѣщается съ помощью такого же бланка, какъ и рапортъ, въ которомъ только не указывается имени сдѣлавшаго донесеніе. Хотя теоретически заключенному принадлежитъ право обжалованія

---

[1]) Центъ равняется 1,9 коп.

каждаго дисциплинарнаго взысканія, но онъ пользуется имъ только тогда, когда проступокъ особенно важенъ или если онъ совершилъ уже столько второстепенныхъ и третьестепенныхъ проступковъ, что слѣдующій проступокъ долженъ повлечь за собой переводъ его въ низшій разрядъ. Кромѣ того заключенный можетъ ждать разсмотрѣнія своей жалобы лишь въ томъ случаѣ, если онъ заявилъ ее письменно и съ достаточно обоснованнымъ для разслѣдованія изложеніемъ обстоятельствъ дѣла.

Въ качествѣ взысканій примѣняются кромѣ того лишеніе или ограниченіе въ пищѣ, прикованіе за руки къ стѣнѣ на ночь такимъ образомъ, чтобы заключенный не могъ ни лечь, ни присѣсть и, наконецъ, розги. Въ 1894 г. директоръ заведенія за примѣненіе слишкомъ строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ и особенно тѣлесныхъ наказаній былъ временно отставленъ отъ должности и было предпринято подробное разслѣдованіе тюремныхъ порядковъ. Многія крупныя газеты повели большую компанію противъ порядковъ этого заведенія, не достигнувъ однако своей цѣли, удаленія директора. Та же исторія повторилась весной нынѣшняго года. New Iork Herald помѣщалъ иллюстрированныя описанія дурного обращенія съ заключенными и печаталъ показанія ихъ и уволенныхъ изъ заведенія служащихъ. Результатомъ предпринятаго губернаторомъ штата слѣдствія былъ новый составъ правленія и отмѣна тѣлеснаго наказанія.

Если заключенный, несмотря на всѣ указанныя средства неисправится, то онъ зачисляется въ классъ „неисправимыхъ“, о положеніи которыхъ будетъ сказано ниже.

е) Классификація.

Въ заведеніи существуютъ 4 разряда, которые различаются по цвѣту платья; каждый новичекъ зачисляется во 2-й разрядъ, носящій темно-сѣрое платье, которое при хорошемъ

поведеніи мѣняется на синее, а въ случаѣ дурного на красное. Синіе—это благонравные, красные—худшіе.

Въ то время какъ для перевода въ разрядъ синихъ требуется шесть мѣсяцевъ хорошаго поведенія, т. е. заключенный въ продолженіе этого періода долженъ хорошо себя вести и проявить хорошіе успѣхи въ школѣ и работѣ, доказательствомъ чего служитъ установленное количество марокъ, не менѣе какъ по 3 марки за поведеніе, ученіе и работу, всего, слѣдовательно, 9 марокъ, переводъ въ разрядъ красныхъ вызывается тяжелымъ дисциплинарнымъ проступкомъ, особеннымъ непослушаніемъ или такимъ неоднократнымъ нарушеніемъ правилъ, которое свидѣтельствуетъ о равнодушномъ отношеніи заключеннаго къ своей судьбѣ или полномъ отсутствіи у него самообладанія.

Различіе между разрядами, кромѣ платья, состоитъ еще въ обстановкѣ камеръ. При каждой перемѣнѣ разряда заключенному отводится камера въ соотвѣтствующемъ разряду зданіи. Кромѣ того заключенному 1-го разряда разрѣшается во время обѣда разговаривать, имѣть на 1 часъ дольше вечеромъ освѣщеніе въ камерѣ, они могутъ получать повышеніе въ тюремномъ полку и, наконецъ, принимать участіе въ воскресныхъ вечернихъ собесѣдованіяхъ.

Съ другой стороны находящіеся въ разрядѣ красныхъ не имѣютъ права переписки и свиданій. Стоимость содержанія для всѣхъ трехъ разрядовъ въ общемъ одинакова. „Неисправимые“ содержатся въ отдѣльномъ зданіи, въ строгомъ одиночномъ заключеніи, безъ всякихъ занятій, съ допущеніемъ только получасовой прогулки на воздухѣ въ случаѣ хорошей погоды. Содержаніе ихъ значительно скуднѣе, чѣмъ остальныхъ заключенныхъ, а камеры, получающія свѣтъ изъ корридоровъ, вслѣдствіе идущей по периламъ галлереи частой рѣшеткѣ, довольно темны. Эту рѣшетку нашли необходимымъ устроить для предотвращенія попытокъ сброситься съ галлереи внизъ.

Для того, чтобы заключенный былъ всегда оріентированъ относительно своего положенія, ему выдается особая книга, куда онъ собственноручно записываетъ всѣ полученныя имъ марки. Книга эта, соотвѣтственно купеческому духу американца, ведется на подобіе торговыхъ книгъ съ отдѣлами прихода и расхода. Такое веденіе книгъ, тѣсно связанное съ фикціей, что каждый заключенный содержится на счетъ своего заработка, имѣетъ особенное значеніе въ виду § инструкціи, требующаго, чтобы заключенный ко дню своего освобожденія имѣлъ сумму денегъ, достаточную для покрытія расходовъ на проѣздъ до предполагаемаго мѣста служенія и на содержаніе тамъ въ первое время.

Кромѣ этого для полученія условнаго освобожденія по инструкціи необходимо еще: хорошее поведеніе въ теченіе 12 мѣсяцевъ, довѣріе со стороны тюремнаго начальства и наконецъ пріисканіе постояннаго занятія изученнымъ въ заведеніи мастерствомъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собой, какъ это видно изъ изложеннаго, тонко разработанную и продуманную систему, при помощи которой заключенный долженъ перевоспитать себя. При помощи страха и наказанія, надежды на награду, а, главное, благодаря постоянно напоминаемому и напечатанному въ кондуитной книгѣ каждаго заключеннаго положенію: „Вы можете здѣсь пробыть максимальный срокъ заключенія, если не исправитесь; при дѣйствительномъ и удовлетворительномъ исправленіи вы черезъ годъ можете быть условно освобождены“, заключеннаго постоянно побуждаютъ дѣятельно стремиться къ освобожденію. Если заключенный въ теченіе мѣсяца не получилъ необходимаго количества марокъ за хорошее поведеніе, то ему, въ случаѣ повторенія этого на слѣдующій мѣсяцъ, угрожаетъ переводъ въ низшій разрядъ; онъ получаетъ при этомъ печатное предостереженіе, въ которомъ его настоятельно побуждаютъ къ исправленію.

Если и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ заключенный не получилъ нужнаго количества марокъ, онъ снова получаетъ извѣщеніе съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ и надписью: „это послѣднее предостереженіе". Такимъ способомъ думаютъ побудить человѣка и вывести изъ могущаго охватить его равнодушія.

f) Освобожденіе.

Постановленія объ досрочномъ и окончательномъ освобожденіи, называемыя „Parole" исходятъ отъ Совѣта заведенія. Онъ собирается отъ времени до времени и разрѣшаетъ представленія тюремной администраціи объ освобожденіи на основаніи имѣющихся свѣдѣній объ личности представленнаго къ освобожденію. Какъ скоро рѣшеніе объ освобожденіи постановлено, заключенному дозволяется писать своимъ роднымъ или друзьямъ о пріисканіи ему работы. Послѣ пріисканія подходящаго мѣста „голубей выпускаютъ летѣть", какъ выражается M-r Brockway. Освобожденный получаетъ постановленіе объ освобожденіи (Parole) слѣдующаго содержанія: „такъ какъ Совѣтъ питаетъ довѣріе къ вамъ и вашему характеру и хочетъ испытать вашу способность, онъ даруетъ Вамъ условное освобожденіе на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Вы должны отправиться прямо на мѣсто службы и оставаться тамъ въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ;

2) Перемѣнить ваше мѣстожительство или занятіе Вы можете только съ согласія Совѣта;

3) Въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ или дольше, пока Совѣтъ Васъ окончательно не освободитъ, вы должны 1-го числа каждаго мѣсяца посылать Совѣту по почтѣ увѣдомленіе о себѣ, подписанное г-номъ N; это увѣдомленіе, кромѣ общихъ свѣдѣній о вашемъ положеніи и окружающихъ васъ условіяхъ должно содержать въ себѣ также свѣдѣнія о томъ,

имѣли ли Вы безпрерывный заработокъ въ продолженіе мѣсяца, а въ случаѣ перерыва—почему?; сколько Вы израсходовали денегъ и сколько сберегли?

4) Вы должны вести себя во всѣхъ отношеніяхъ порядочно, избѣгать порочнаго и дурного общества и воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ;

5) По прибытіи на ваше мѣстожительство Вы по возможности скорѣе должны явиться къ г-ну N и предъявить ему эту бумагу. По истеченіи 6 мѣсяцевъ Вы должны получить рекомендательный отзывъ отъ г. N для того, чтобы Васъ окончательно освободили

Совѣтъ заведенія относится къ Вамъ съ живымъ участіемъ. Вы не должны опасаться сообщать Совѣту, если Вамъ придется потерять мѣсто или если по болѣзни Вы будете не въ состояніи работать. Въ теченіе этого періода досрочнаго освобожденія Вы можете полагаться на помощь и поддержку Совѣта и тюремной администраціи".

Какъ видно изъ этого акта, для полнаго освобожденія требуется хорошее поведеніе въ продолженіе по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ послѣ досрочнаго освобожденія и сообщеніе свѣдѣній о себѣ тюремной администраціи въ началѣ каждаго мѣсяца. Первое условіе въ виду того, что полицейскій надзоръ отсутствуетъ, существуетъ только на бумагѣ; послѣднее выполняется такимъ образомъ, что освобожденный предъявляетъ свое письмо лицу, заранѣе указанному совѣтомъ и получившему отъ совѣта увѣдомленіе, послѣ чего письмо вмѣстѣ съ отзывомъ послѣдняго отсылается тюремной администраціи. Чтобы показать освобожденному, что связь его съ заведеніемъ не порвалась и о немъ не забыли, освобожденный получаетъ на свое увѣдомленіе слѣдующій отвѣтъ: „Извѣщаю Васъ о полученіи вашего письма со свѣдѣніями за прошлый мѣсяцъ. Совѣтъ призналъ ихъ удовлетворительными.

Если Вы будете писать 1-го числа слѣдующаго мѣсяца.

я надѣюсь, что вы будете имѣть возможность сообщить, что Ваше матеріальное положеніе улучшилось и что Вы вели себя во всѣхъ отношеніяхъ хорошо.

Yours truly

B.

Директоръ заведенія *).

Если условно освобожденный не представитъ свѣдѣній о себѣ или не выполнитъ предъявленныхъ ему при освобожденіи условій, Совѣтъ можетъ сдѣлать постановленіе объ его арестѣ и снова вернуть его въ заведеніе за несоблюденіе „parol'я", предполагая конечно, что Совѣтъ получилъ увѣдомленіе о неисполненіи „parol'я".

Съ возвращеннымъ обратно въ заведеніе поступаютъ обыкновенно такъ же, какъ если бы онъ вступалъ въ первый разъ; онъ долженъ, слѣдовательно, снова пройти всѣ ступени лѣстницы, ведущей къ свободѣ.

Если условно освобожденный въ продолженіе 6 мѣсяцевъ выполнялъ всѣ поставленныя ему при освобожденіи условія, то онъ получаетъ окончательную свободу путемъ письменнаго увѣдомленія, въ которомъ, между прочимъ, выражается надежда, что освобожденіе послужитъ ему на пользу.

g) Результаты системы.

Годовые отчеты заведенія содержатъ между прочимъ свѣдѣнія относительно того, сколько освобожденныхъ, начиная съ открытія заведенія, можно считать исправившимися. Впервые такое вычисленіе было сдѣлано въ отчетѣ за 1881 г., слѣдовательно уже 4 года спустя послѣ изданія закона о

*) Обычная форма вѣжливости въ Соединенныхъ Штатахъ не опускается даже по отношенію къ преступнику.

неопредѣленныхъ приговорахъ, при чемъ исправившіеся сосоставляли 84%; въ годовомъ отчетѣ за 1898 г. количество исправившихся достигаетъ уже 88,2%. Эти цифры составляются такимъ образомъ, что кромѣ тѣхъ, которые хорошо себя вели въ теченіе 6 мѣсяцевъ и аккуратно присылали о себѣ сообщенія, исправившимися считаются также условно освобожденные, аккуратно присылающіе о себѣ свѣдѣнія въ данное время, а равнымъ образомъ половина тѣхъ, которые не даютъ ничего о себѣ знать. Такіе способы подсчета произвольны и не должны быть допустимы; примѣненіе ихъ можно объяснить лишь цѣлями рекламы заведенія. Тотъ фактъ, что освобожденный въ теченіе 6—8 мѣсяцевъ послѣ своего освобожденія ежемѣсячно присылаетъ о себѣ сообщенія тюремной администраціи и въ продолженіе упомянутаго промежутка времени не попалъ снова въ тюрьму, вовсе еще не можетъ служить доказательствомъ его исправленія. Какъ извѣстно изъ практики большая часть случаевъ рецидива падаетъ на первые 2 года послѣ освобожденія.

Къ сожалѣнію подсчета рецидивистовъ не ведется, благодаря чему невозможно произвести полную оцѣнку системы заведенія. Такъ какъ справокъ о прежней судимости, подобно существующимъ въ Германіи, въ Соединенныхъ Штатахъ не ведется, а замѣняющая ихъ система удостовѣренія личности Бертильона находится еще въ зачаточномъ состояніи, то свои заключенія о предшествующей судимости тюремная администрація дѣлаетъ почти исключительно на основаніи собственныхъ показаній осужденнаго.

Кажется чего бы легче вести статистику того, сколько освобожденныхъ изъ Эльмиры попадаетъ въ другія тюрьмы, по крайней мѣрѣ въ штатѣ Нью-Іоркъ, однако до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Помимо вышеуказаннаго трудность веденія статистики рецидива заключается еще въ томъ, что въ вѣдѣніи госу-

дарства находятся только тюрьмы, устроенныя и содержимыя на государственный счетъ. Несмотря однако на то, что можно было бы вести статистику хотя бы относительно бывшихъ воспитанниковъ Эльмиры, находящихся въ трехъ государственныхъ тюрьмахъ штата Нью-Іорка, до сихъ поръ не дѣлается даже этого. Попытка опредѣлить по книгамъ трехъ государственныхъ тюремъ Нью-Іорка, по крайней мѣрѣ, число тѣхъ, которые дали показаніе о своемъ пребываніи раньше въ Эльмирѣ,—не удалась. Послѣ моего посѣщенія государственной тюрьмы въ Обурнѣ, гдѣ я 4 Апрѣля 1899 г. среди 1083 заключенныхъ нашелъ 79 человѣкъ прежнихъ воспитанниковъ Эльмиры, было сдѣлано распредѣленіе тюремнаго населенія во всѣхъ трехъ Нью-Іоркскихъ государственныхъ тюрьмахъ такимъ образомъ, что Sing—Sing предназначена для осужденныхъ впервые, Обурнская тюрьма для рецидивистовъ, осужденныхъ во 2-й разъ, а Клинтонъ—для судившихся болѣе 2-хъ разъ.—Установить число тѣхъ, кто послѣ освобожденія изъ Эльмиры за предѣлами штата Нью-Іорка снова были подвергнуты наказанію лишеніемъ свободы, въ настоящее время невозможно.

Такимъ образомъ практическое значеніе системы Эльмиры приходится оцѣнивать исключительно съ теоретической точки зрѣнія, не принимая во вниманіе ея конечныхъ результатовъ.

Какъ наука по началу данной линіи или движенія можешь опредѣлить дальнѣйшее направленіе, точно такъ же *дѣйствіе системы на заключеннаго* въ заведеніи даетъ основаніе для опредѣленія вліянія ея послѣ освобожденія.

Естественнымъ послѣдствіемъ мысли, лежащей въ основѣ системы, является то, что стремленіе къ исправленію тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше maximum наказанія. Тѣ преступленія и проступки, за учиненіе которыхъ судъ имѣетъ право приговаривать къ заключенію въ Эльмиру, влекутъ за собой по

уголовному кадексу Нью-Іорка лишеніе свободы на срокъ до $2^1/_2$ лѣтъ, 10, 15 и 20 лѣтъ. Кромѣ заключенныхъ на такіе максимальные сроки наказанія въ заведеніи находится небольшое количество заключенныхъ на опредѣленный срокъ (Union State prisoners), т. е. осужденныхъ судомъ Союза за поддѣлку монетъ, почтовыя преступленія и т. д. *). Послѣдняя категорія заключенныхъ, (т. е. на опредѣленный срокъ), равно какъ и заключенные съ максимальнымъ срокомъ въ $2^1/_2$ года не обнаруживаютъ стремленія къ исправленію— это въ Эльмирѣ никѣмъ не отрицается. Хорошимъ поведеніемъ и успѣхами они не пріобрѣтаютъ ничего или весьма немного, а потому не обнаруживаютъ и стремленія къ исправленію.

Наоборотъ наиболѣе усилій проявляютъ приговоренные съ высокимъ максимальнымъ срокомъ, такъ называемые „неопредѣленные". Нервное безпокойство и постоянно напряженное состояніе замѣтны во всѣхъ чертахъ и движеніяхъ заключенныхъ въ Эльмирѣ. Тюремный режимъ не способствуетъ увеличенію ихъ вѣса. Для уясненія душевнаго состоянія, которое долженъ испытывать осужденный на неопредѣленный срокъ, слѣдуетъ представить себѣ вліяніе подобнаго положенія на настроеніе свободнаго человѣка. Каково наше состояніе духа, когда не извѣстенъ исходъ изъ постигающаго насъ непріятнаго положенія! Чѣмъ неизвѣстнѣе будущее, чѣмъ непріятнѣе настоящее, тѣмъ сильнѣе напряженіе, которое можетъ превратиться въ нравственную пытку. Этотъ психологическій фактъ подтверждается практикой Эльмиры.

---

*) Уголовное право Союза не знаетъ неопредѣленныхъ приговоровъ. Осужденныхъ Союзнымъ судомъ отправляютъ въ ближайшую государственную или графскую тюрьму и Союзъ платитъ расходы по содержанію, такъ какъ за исключеніемъ недавно открытой тюрьмы въ Fort Leavenworth Союзъ не имѣетъ своихъ особыхъ тюремъ.

Врачъ Эльмиры увѣрялъ меня, что заключенные съ самаго начала живутъ въ постоянномъ страхѣ и волненіи; нервныя разстройства и душевныя болѣзни представляютъ здѣсь явленіе обычное. Въ одномъ (написанномъ по нѣмецки письмѣ), содержаніе котораго было непонятно просматривавшему его надзирателю, я между прочимъ прочиталъ слѣдующія строки, обращенныя къ отцу заключеннаго, живущему въ Германіи: „Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я не имѣлъ ни одного спокойнаго часа; я все время такъ волнуюсь, приходится постоянно быть подъ страхомъ, такъ какъ малѣйшая оплошность можетъ повлечь за собой продолженіе заключенія еще на лишній годъ“.

Тюремный режимъ, кромѣ характера самой системы, зависитъ главнымъ образомъ отъ лица, стоящаго во главѣ тюрьмы. Если онъ человѣкъ снисходительный, мягкій, то стѣсненій меньше; если онъ строгъ и сухъ, стѣсненія увеличиваются. Въ Эльмирѣ имѣетъ мѣсто послѣднее.

M-r Brockway человѣкъ властный, его даже прозвали въ Нью-Іоркѣ „the Zar“. Какъ съ самаго начала онъ былъ основателемъ всего предпріятія, такъ и теперь онъ составляетъ его душу. Вся система—отраженіе личности Brockway'я. Онъ съ самаго начала долженъ былъ защищать свое заведеніе и лежащіе въ его основѣ принципы противъ постоянныхъ нападокъ какъ со стороны прессы, такъ и законодательныхъ органовъ. Крѣпкаго тѣлосложенія и сохранившій, несмотря на преклонный уже возрастъ, всѣ духовныя силы онъ привыкъ всюду проводить свою волю. Священникъ Эльмиры, придя однажды въ заведеніе для проповѣди, похлопалъ M-r Brockway'я по плечу со словами: „Ну, какъ поживаете, Ваше Всемогущество?“

Вполнѣ понятно, что установленный такимъ человѣкомъ тюремный режимъ содержитъ въ себѣ не мало требованій. Жизнь заключеннаго въ Эльмирѣ представляется суровымъ

испытаніемъ во всѣхъ отношеніяхъ и считается общепризнаннымъ тотъ фактъ, что заключенные предпочитаютъ Эльмирѣ государственныя тюрьмы, и ведутъ себя часто такимъ образомъ, чтобы въ качествѣ неисправимыхъ добиться перевода въ государственныя тюрьмы. На одной вечерней бесѣдѣ за урокомъ этики одинъ заключенный говоря о воспитаніи, высказалъ между прочимъ слѣдующее: „мы воспитываемся здѣсь для жизненной борьбы; да, для борьбы“: вслѣдствіе недвухсмысленнаго подчеркиванія послѣдняго слова многіе громко разсмѣялись, послѣ чего заключенный улыбаясь, повторилъ: „Да, это борьба“! Оглушительный смѣхъ и одобреніе! Намека нельзя было не понять.

Цѣлью вышеизложеннаго была не критика веденія дѣла въ заведеніи или личности его руководителя, а только желаніе показать, какъ многое зависитъ при системѣ неопредѣленныхъ приговоровъ отъ личности директора заведенія, гораздо больше, чѣмъ при всякой другой тюремной системѣ. При неопредѣленныхъ приговорахъ это условіе особенно опасно. Лица, стоящія во главѣ мѣстъ заключенія, всегда находятся въ опасности допустить превышенія; это—только естественное послѣдствіе ихъ положенія. Въ виду этого является особенно рискованнымъ предоставлять имъ такое широкое полномочіе при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи или продолженіи срока заключенія. Кто настолько безпристрастенъ, чтобы сознательно или безсознательно не злоупотребить этой властью, если она долго будетъ находиться въ его рукахъ! Какъ легко съ цѣлью добиться послушанія, прибѣгнуть къ угрозѣ: „Я оставлю васъ здѣсь до предѣльнаго срока, если вы не исполните того-то или того-то“, какъ это дѣйствительно имѣло мѣсто въ Эльмирѣ, судя по даннымъ произведеннаго въ 1894 году слѣдствія.

Къ этому присоединяется еще другое соображеніе. По опыту извѣстно, что чѣмъ дольше начальникъ тюрьмы имѣ-

етъ общеніе съ заключеннымъ, тѣмъ болѣе онъ склоненъ забывать его дѣяніе и, если у него доброе сердце, онъ скоро почувствуетъ къ заключенному и состраданіе. Ближайшимъ результатомъ этого при системѣ неопредѣленныхъ приговоровъ будетъ опасность преждевременнаго освобожденія заключеннаго.—Однако я нѣсколько отклонился отъ темы; я показалъ дѣйствіе неопредѣленныхъ приговоровъ на тюремное управленіе, а я хотѣлъ показать вліяніе ихъ на заключеннаго и такимъ образомъ подойти ближе къ вопросу о томъ, исправляетъ ли эта система заключеннаго?

Какъ видно изъ вышеизложеннаго система Эльмиры энергично примѣняетъ разнообразныя средства для достиженія исправленія заключеннаго. Сюда входятъ содѣйствіе физическому развитію и обученіе ремесламъ, крайне разнообразное и соотвѣтствующее силамъ каждаго, строгая военная дисциплина при выполненіи всѣхъ многочисленныхъ правилъ и предписаній.

Но всѣ эти воспитательныя средства укрѣпляютъ главнымъ образомъ физически и умственно, но не вырабатываютъ нравственной стойкости. Въ кондуитной книгѣ заведенія весьма часто въ счетѣ расхода (т. е. отрицательнаго поведенія) арестанта встрѣчается число, заключенное въ кругъ. Это означаетъ, что директоръ заведенія въ отношеніи даннаго арестанта, выражаемый этимъ числомъ недостатокъ въ поведеніи, занятіяхъ въ школѣ или работѣ по снисхожденію, не принялъ въ разсчетъ, т. е. подарилъ арестанту требуемое количество балловъ. Директоръ прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ для того, чтобы соотвѣственно отмѣтить слабость каждаго арестанта; мѣра эта, кстати сказать, даетъ директору возможность во всякое время самому составлять соотвѣтственные цифровые результаты своей системы. Кромѣ этого спеціальнаго примѣненія снисхожденія практикуется еще общая амнистія дисциплинарныхъ проступковъ два раза въ годъ.

Оба эти мѣропріятія суть результаты крайней строгости этой системы для заключеннаго. Если бы амнистіи не существовало, какъ меня увѣряли многіе тюремные служащіе, большинство заключенныхъ ходило бы постоянно въ красныхъ курткахъ. Многіе арестанты въ красныхъ курткахъ на мои вопросы о состояніи ихъ счетовъ и марокъ и причинахъ его неполности отвѣчали: „я не успѣваю въ школѣ", или „я не могу выработать требуемое число балловъ", и всѣ эти кандидаты надѣялись на амнистію, которая должна была ободрить упавшихъ духомъ вслѣдствіе неудачъ. Напротивъ среди заключенныхъ, одѣтыхъ въ синій костюмъ, я нашелъ гораздо больше физической, а главное умственной силы. Всего удобнѣе можно познакомиться съ господствующимъ среди заключенныхъ этой категоріи настроеніемъ на воскресныхъ бесѣдахъ въ классѣ этики.

Надлежащее значеніе этой мѣры можетъ быть понято только путемъ сравненія ея съ американской жизнью за предѣлами тюремныхъ стѣнъ. Тамъ часто и во многихъ мѣстахъ устраиваются публичныя и частныя обсужденія по поводу политическихъ, нравственныхъ, соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ. Какъ скоро какой либо вопросъ возбуждаетъ въ обществѣ или печати интересъ, онъ тотчасъ же дѣлается предметомъ обсужденія въ частныхъ клубахъ, ферейнахъ и школахъ. Поэтому ничего нѣтъ необыкновеннаго въ томъ, что и въ тюрьмахъ обсужденіе употребляется какъ образовательное средство. Уже было упомянуто, что свобода рѣчи на этихъ бесѣдахъ довольно широка. Подобно всей атмосферѣ тюрьмы характеръ этихъ бесѣдъ очень своеобразенъ. Арестанты предпочитаютъ говорить о порокѣ, о преступленіи, о жизни въ тюрьмѣ, но не серьезно, а стараясь обратить все въ концѣ концевъ въ шутку. Другая склонность заключенныхъ, которую нельзя не замѣтить во время этихъ бесѣдъ, это желаніе переспорить учителей и должно-

стныхъ лицъ заведенія и, по возможности, ихъ высмѣять. Заключенные—большіе софисты и хитрецы, поразительно искусны въ діалектикѣ и очень начитанны, благодаря богатой библіотекѣ заведенія; нерѣдко они на самомъ дѣлѣ или только съ внѣшней стороны одерживали побѣду надъ своимъ учителемъ или чиновникомъ заведенія. Вообще пускаться въ пренія съ заключенными для учителя дѣло весьма рискованное; я былъ свидѣтелемъ, какъ одному изъ учителей заключенный сказалъ въ лицо, что его взглядъ „нелѣпъ", а другой учитель вызвалъ всеобщій смѣхъ слушателей, когда онъ попытался опровергнуть указанія заключеннаго на недостатки одного, дѣйствительно неудачнаго закона. Эти примѣры, представляющіе своеобразный контрастъ со строгой военной дисциплиной Эльмиры во всемъ остальномъ, я привожу только для того, чтобы охарактеризовать духъ, царящій между заключенными перваго разряда. Когда директоръ заведенія пригласилъ однажды Марка Твена прочитать что нибудь заключеннымъ, великій юмористъ отвѣтилъ: „У меня есть кое что подходящее, но я сначала прочту въ городѣ, и если оно тамъ произведетъ на публику впечатлѣніе, тогда я рискну выступить и въ вашемъ заведеніи".

Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня вечерними собесѣдованіями, я былъ очень склоненъ согласиться съ мнѣніемъ, которое мнѣ высказывали многіе заключенные въ синихъ курткахъ, равно какъ и прежніе питомцы Эльмиры, переведенные въ другія тюрьмы: „Не думайте, что арестанты въ синихъ курткахъ—все исправившіеся; это просто наиболѣе ловкіе".

Врачъ заведенія въ своемъ отзывѣ пошелъ еще дальше; „Не лучшій, а наиболѣе хитрый выходитъ раньше изъ заведенія. Заключенные дѣлаются скрытными. Не одинъ директоръ изучаетъ заключенныхъ, но и они его. Однимъ словомъ заключенные не исправляются, а приспособляются".

У меня недостаточно опытности и времени для наблюденій, чтобы сдѣлать относительно этого выводъ, но на основаніи четырехъ недѣльнаго пребыванія въ Эльмирѣ я вынесъ такое убѣжденіе, что отзывъ врача по отношенію къ большинству вполнѣ правиленъ. Въ правильности этого взгляда меня укрѣпило еще то соображеніе, что создаваемая самой системой сортировка наиболѣе способныхъ, увеличиваетъ для директора заведенія опасность впаденія въ обманъ, М-г Brockway прекрасный знатокъ людей и директоръ заведенія, но онъ не обезпеченъ отъ обмана: 11 Іюня 1899 г. Greene былъ освобожденъ, какъ исправившійся, а при выходѣ изъ заведенія у него нашли похищенную имъ книгу.

Къ вышеуказанному заключенію приводитъ и чисто теоретическое изслѣдованіе вопроса, можетъ ли вообще жизнь въ подобномъ учрежденіи съ его дисциплиной, школой и работой исправить и нравственно перевоспитать характеръ человѣка? Только свободная жизнь можетъ развивать нравственныя силы и характеръ человѣка образуется въ морѣ житейскомъ. Жизнь заведенія какъ разъ лишаетъ свободы, которая вмѣстѣ со всѣми ея соблазнами представляетъ подходящую почву и пробный камень для проявленія добродѣтели. Соблюденіе правилъ, имѣющихъ болѣе или менѣе формальный характеръ, благодаря тому, что они касаются главнымъ образомъ внѣшней стороны, служатъ такъ же мало доказательствомъ измѣненія настроенія заключеннаго, какъ и ежемѣсячное писаніе писемъ условно освобожденныхъ директору заведенія. Даже въ Эльмирскомъ заведеніи, гдѣ все организовано на подобіе свободной жизни, до личнаго заработка арестанта включительно, и тамъ ничего болѣе не достигаютъ, какъ подчиненія арестантовъ уставу заведенія. Таково уже лежащее во всякомъ видѣ лишенія свободы проклятіе, что оно одной рукой разрушаетъ то, что создаетъ другой,—его не избѣгъ и Эльмирскій реформаторій.

Но этимъ не исчерпывается однако сужденіе объ Эльмирѣ. Было бы несправедливо пройти молчаніемъ тѣ стороны системы, которыя даютъ результаты менѣе сомнительные, прежде всего строгую индивидуализацію въ обращеніи съ заключенными, отдѣленіе исправимыхъ отъ неисправимыхъ, (причина, побуждающая многихъ судей посылать заключенныхъ въ Эльмиру только съ той цѣлью, чтобы тамъ опредѣлили, къ первымъ или послѣднимъ онъ принадлежитъ); наконецъ соединеніе строгаго режима съ воспитаніемъ для свободной жизни. Заключенный, оставляющій Эльмиру является прекрасно подготовленнымъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи для борьбы за существованіе; уже это одно многихъ спасетъ отъ тюрьмы. Несмотря на это, едва ли можно разсчитывать на широкое распространеніе этой системы вслѣдствіе крайней дороговизны ея съ одной стороны и крайне широкихъ полномочій, представляемыхъ ею тюремной администраціи—съ другой.

2. Примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ въ другихъ заведеніяхъ.

Въ то время какъ въ штатѣ Нью-Іоркъ система неопредѣленныхъ приговоровъ по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ къ заключенію въ государственную тюрьму, санкціонирована закономъ всего два года назадъ, въ Массачузетсѣ еще въ 1884 году открыто было заведеніе, подобное Эльмирѣ, вблизи извѣстнаго въ американской освободительной войнѣ городка Concord и вмѣстѣ съ этимъ одновременно былъ изданъ законъ, по которому лица мужского пола, осужденные за какое нибудь нарушеніе могутъ быть заключаемы въ тюрьму на срокъ не болѣе 2-хъ лѣтъ, а осужденные за проступокъ—на срокъ не свыше 5 лѣтъ. Хотя режимъ заведенія организованъ совершенно по образцу Эльмиры, тѣмъ не менѣе оно существенно отличается отъ сво-

его прототипа. Средній возрастъ заключенныхъ—около 20 лѣтъ, и проступки, влекущіе за собой заключеніе въ Concord, большею частью незначительной тяжести.

Благодаря болѣе низкому maximum'у наказанія, напряженіе силъ заключенныхъ не такъ сильно, какъ въ Эльмирѣ, и заведеніе имѣетъ характеръ школы, обставленной со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ американскихъ учебныхъ заведеній. Относительно исправительнаго воздѣйствія этого заведенія отъ судей и представителей тюремнаго управленія мнѣ приходилось слышать только выраженія сомнѣнія.

Въ штатѣ Массачузетсъ образованіе поставлено наиболѣе основательно, чѣмъ на остальной территоріи Союза, поэтому попытки ввести указанную реформу лишенія свободы здѣсь были встрѣчены съ большимъ скептицизмомъ и опытъ былъ произведенъ въ небольшемъ размѣрѣ. Устройство заведенія въ Concord не было плодомъ общаго желанія или убѣжденія въ принципіальной правильности системы неопредѣленныхъ приговоровъ,но здѣсь, какъ и въ Эльмирѣ, какъ вообще часто имѣетъ мѣсто въ американскомъ законодательствѣ „кто нибудь одинъ стоялъ за проведеніе закона".

Очень поучительны наблюденія, сдѣланныя надъ государственной тюрьмой въ Charlstown въ штатѣ Массачузетсѣ послѣ введенія системы неопредѣленныхъ приговоровъ.

Законъ 1892 года установилъ такой порядокъ приговоровъ, что судъ долженъ опредѣлить только minimum (не менѣе $2^1/_2$ лѣтъ) и maximum срока наказанія, Совѣту же, надзирающему за тюрьмами, представляется право освобождать заключеннаго въ теченіе этого промежутка времени. Законъ этотъ уже въ 1898 году былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что прежнее свободное усмотрѣніе относительно освобожденія заключеннаго сдѣлалось обязательнымъ по отбытіи minimum'а наказанія при условіи хорошаго поведенія. Практическое примѣненіе системы неопредѣленныхъ приго-

воровъ привело здѣсь, слѣдовательно, скоро къ праву заключеннаго на освобожденіе по истеченіи minimum'а срока наказанія, на что указывалъ уже Wach въ своей книгѣ о реформѣ наказанія лишеніемъ свободы. Это измѣненіе закона стало необходимымъ по тому, что Совѣтъ боялся отвѣтственности за освобожденіе заключенныхъ и, несмотря на представленія со стороны директора тюрьмы, долго держалъ ихъ въ заключеніи, а такъ же по тому, что вслѣдствіе неизвѣстности своей будущей судьбы заключенные и ихъ родные приходили въ сильное волненіе, такъ что часто случались нервныя разстройства.

Такое же какъ въ Concord существуетъ заведеніе въ Huntingdon'ѣ въ Пенсильваніи, гдѣ оно было устроено по образцу Эльмиры; это принудительно—воспитательное заведеніе для совершившихъ впервые правонарушеніе въ возрастѣ отъ 15—25 лѣтъ; средній возрастъ заключенныхъ въ заведеніи 19 лѣтъ и большинство изъ нихъ приговорено на срокъ не болѣе 3-хъ лѣтъ и немногіе до 10 лѣтъ.

Здѣсь, какъ и въ Эльмирѣ, приговоренныхъ къ наказанію съ высокимъ maximum'омъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ держатъ весь срокъ; показавшіе же себя неисправимыми переводятся въ одну изъ государственныхъ тюремъ и оттуда по опредѣленію тюремной администраціи освобождаются, такъ какъ по словамъ директора заведенія въ Huntingdon'ѣ „судья не хотѣлъ ихъ приговорить къ maximum'у наказанія и было бы жестоко держать ихъ до истеченія всего срока".

Законы остальныхъ штатовъ Союза, гдѣ введена система неопредѣленныхъ приговоровъ, какъ и учрежденія, въ которыхъ они примѣняются, представляютъ точную копію Нью-Іоркскаго образца, только болѣе поздняго возникновенія. Въ штатѣ Michihan, законъ, вводящій неопредѣленные приговоры по образцу Нью-Іоркскаго закона, былъ объявленъ высшей судебной инстанціей противорѣчащимъ конституціи.

III.

Условное осужденіе въ штатѣ Массачузетсъ.

Подобно неопредѣленнымъ приговорамъ такъ называемое условное осужденіе представляетъ проэктъ улучшенія существующей системы наказанія лишеніемъ свободы, который въ Германіи живо обсуждается и подвергается крикикѣ, а за послѣднее время принятъ нѣкоторыми германскими государствами по примѣру другихъ европейскихъ государствъ.

Условное осужденіе есть также продуктъ современнаго взгляда, стремящагося къ возможной индивидуализаціи мѣръ борьбы съ преступностью. Съ помощью этого института долженъ быть положенъ предѣлъ прежней строгости и суровости закона, примѣняемаго ковсѣмъ безъ различія по одинаковому шаблону. Судья долженъ произнести свой приговоръ, но исполненіе приговора при условіи хорошаго поведенія пріостанавливается въ надеждѣ на будущее помилованіе. Какъ и при неопредѣленныхъ приговорахъ здѣсь должна быть строгая индивидуализація каждаго отдѣльнаго случая и прежде всего должны быть приняты во вниманіе болѣе или менѣе практическіе соображенія, а не строгіе выводы закона; вмѣсто взгляда назадъ, на преступное дѣяніе взоръ долженъ быть направленъ впередъ, на будущее виновника преступнаго дѣянія. Поэтому эта реформа такъ же предъявляетъ большія требованія къ тому лицу, которому будетъ довѣрено ея примѣненіе. Неопредѣленный приговоръ требуетъ самой широкой индивидуализаціи отъ тюремной администраціи. условное осужденіе—отъ суда.

Въ условномъ осужденіи, какъ сильно оно у насъ не видоизмѣнилось, съ перваго взгляда можно увидѣть продуктъ американскихъ условій. Уже болѣе 20 лѣтъ дѣйствуетъ оно подъ названіемъ „Probation Systems"—системы испытанія" въ штатѣ Массачузетсъ и другихъ, напр. въ Нью-Іоркѣ.

Для уясненія „системы испытаній", какъ она теперь примѣняется въ штатѣ Масссачузетсъ необходимо представить себѣ ея возникновеніе и развитіе.

Въ 70-хъ годахъ при разсмотрѣніи дѣлъ въ Бостонскомъ полицейскомъ судѣ стали появляться два человѣколюбивыхъ лица M-r John Augustus и тюремный священникъ Cook, по прозвищу „дядя Cook". Оба они занимались тѣмъ, что до или во время разбирательства дѣла знакомились съ находящимися въ заключеніи, съ ихъ личностью, главнымъ образомъ путемъ бесѣды для того, чтобы при рѣшеніи дѣла оказать судьѣ содѣйствіе доставленіемъ необходимыхъ свѣдѣній, указаніемъ и т. п. Это участіе частнаго лица безъ всякаго оффиціальнаго положенія при судебномъ слѣдствіи объясняется структурой и порядками послѣдняго.

Производство въ американскомъ уголовномъ судѣ чуждо формальностей и ведется устно. Судья не излагаетъ письменно почти ничего, даже мотивовъ приговора; очень мало записываетъ и секретарь.

Судъ ежедневно засѣдаетъ публично и этимъ исчерпывается вся его дѣятельность. Вслѣдствіе отсутствія письменнаго предварительнаго производства, дѣятельность уголовнаго судьи главнымъ образомъ заключается въ постановленіи опредѣленій относительно наложенія ареста, въ разсмотрѣніи и рѣшеніи подготовленнаго уголовнаго дѣла.

О представленіи свидѣтелей должны заботиться должностныя лица, возбуждающія преслѣдованіе или обвиняемый или самъ заинтересованный свидѣтель. Большинство въ осо-

бенности маловажныхъ дѣлъ, такъ какъ они разсматриваются судомъ мѣста ихъ учиненія, разбирается въ тотъ же день или нѣсколько дней спустя. Такое мало подготовленное, можно даже сказать почти импровизированное разбирательство, естественно лишено всякой формальности; это качество производства дѣлъ еще болѣе усиливается упрощенными и прежде всего направленными на достиженіе практическихъ результатовъ пріемами американцевъ.

Камеры низшихъ американскихъ судовъ съ ихъ пестрымъ составомъ посѣтителей производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ эти многочисленные дѣти народа пришли къ судьѣ, чтобы съ нимъ какъ съ отцомъ подѣлиться своимъ горемъ, высказать свои жалобы и найти у него помощь. Часто поэтому и манера судьи держать себя имѣетъ характеръ отеческій, равно какъ и дѣлаемыя имъ наставленія и приговоры. Одинъ судья въ Бостонскомъ муниципальномъ судѣ (уголовный судъ первой инстанціи) при постановленіи приговора произносилъ напр. только: „6 мѣсяцевъ" или „я хочу ему назначить 6 мѣсяцевъ". Послѣ этого секретарь объявлялъ, что судъ приговорилъ обвиняемаго за данное преступное дѣяніе къ такому то наказанію. Отмѣтка секретаря: „6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія" на оборотной сторонѣ обвинительнаго акта составляетъ весь протоколъ судебнаго разбирательства.

Строгой устностью и отсутствіемъ формальностей въ производствѣ съ одной стороны, а такъ же недостаткомъ свѣдѣній у судьи относительно личности и прошлаго обвиняемаго—съ другой легко объясняется то обстоятельство, что судья при всѣхъ его широкихъ полномочіяхъ при постановкѣ рѣшенія встрѣчаетъ съ радостью всякій представившійся ему источникъ свѣдѣній и указаній, могущій способствовать произнесенію цѣлесообразнаго приговора. Я говорю *цѣлесообразный*, потому что мысль о цѣлесообразности при-

говора стоитъ у американскаго судьи на первомъ планѣ, а вопросъ о справедливости—на второмъ. Какъ я имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, судья постоянно спрашиваетъ себя: какъ повліяетъ мой приговоръ на обвиняемаго? Часто мнѣ приходилось слышать сомнѣніе, высказываемое судьей: „Что мнѣ съ вами дѣлать?“ или „какъ поступить съ тѣмъ то?“ И очень часто мысль о семьѣ обвиняемаго оказывала болѣе сильное вліяніе на приговоръ, чѣмъ соображенія справедливости.

Дѣятельность обоихъ друзей человѣчества,—вернемся къ прерванной нити нашего изложенія,—кромѣ оказанія содѣйствія судьѣ доставленіемъ полезныхъ свѣдѣній, состояла еще въ томъ, что они въ нѣкоторыхъ наиболѣе, по ихъ мнѣнію, подходящихъ случаяхъ, особенно при привлеченіи къ суду несовершеннолѣтнихъ и лицъ еще не судившихся, представляли судьѣ ручательство въ ихъ хорошемъ поведеніи.

Въ виду принимаемаго ими на себя обязательства наблюдать время отъ времени за обвиняемымъ, оберегать его отъ возможнаго вреднаго вліянія, пристроить его куда нибудь и т. д., однимъ словомъ сдѣлать все, чтобы отвлечь его со скользкаго пути, судья большею частью постановлялъ отложить рѣшеніе дѣла или на опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго поручитель снова долженъ доставить свѣдѣнія о своемъ питомцѣ, или на неопредѣленный срокъ (put on file) и отпускалъ обвиняемаго на свободу.

Результатъ этой дѣятельности—большею частью освобожденіе обвиняемаго отъ наказанія—привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, особенно въ виду того обстоятельства, что въ это время вслѣдствіе значительнаго увеличенія случаевъ примѣненія лишенія свободы, главнымъ образомъ краткосрочнаго, возникъ вопросъ о его реформѣ. По предложенію одного сенатора, въ 1878 году былъ изданъ законъ объ учрежденіи въ Бостонѣ должности т. н. „probation officers“.

Кругъ обязанностей этихъ должностныхъ лицъ по закону заключался въ томъ, „чтобы они присутствовали на засѣданіяхъ уголовнаго суда, знакомились съ дѣяніемъ подсудимыхъ и рекомендовали судамъ примѣненіе системы испытанія по отношенію къ такимъ подсудимымъ, на исправленіе которыхъ можно разсчитывать безъ примѣненія наказанія". Кромѣ того probation officer долженъ время отъ времени навѣщать находящагося на испытаніи освобожденнаго и оказывать ему ту помощь и ободреніе, которыя способны удержать его отъ учиненія дальнѣйшихъ правонарушеній.

Уже въ 1880 году былъ изданъ законъ, уполномочивавшій всѣ города штата учредить такихъ probation officers. Но распространеніе этой мѣры подвигалось впередъ довольно медленно, такъ какъ города возражали противъ уплаты содержанія этимъ должностнымъ лицамъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1889 году, оказалось, что только въ 20 городахъ были введены probation-officers и что лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ они оказались дѣятельными. Поэтому въ 1891 году былъ изданъ законъ, по которому назначеніе probation-officers было предоставлено суду—порядокъ, примѣняемый въ штатѣ Массачузетсъ до сихъ поръ.

Сущность этого закона заключается въ слѣдующемъ:

Каждый уголовный судъ низшей инстанціи долженъ назначать probation-officer'а, которому для исполненія его служебныхъ обязанностей предоставляются всѣ права полицейскаго чиновника. Probation-officer долженъ ознакомиться съ каждымъ дѣломъ, которое предстоитъ разобрать данному суду и на основаніи этого ознакомленія можетъ предложить суду подвергнуть обвиняемаго испытанію. На основаніи этого предложенія судъ можетъ отдать заключеннаго подъ надзоръ probation-officer'а на такой срокъ и на такихъ условіяхъ, какія признаетъ наиболѣе подходящими. Объ этомъ постано-

вленіи суда probation-officer долженъ сообщить условно осужденному письменно. Probation-officer долженъ вести списокъ всѣхъ лицъ, о которыхъ онъ наводилъ справки и которые поручены его наблюденію съ указаніемъ всѣхъ принимаемыхъ имъ мѣръ. Судъ всегда имѣетъ право уволить probation-officer'а отъ должности.

Законъ 1898 года предоставилъ и судамъ высшей инстанціи назначать probation-officer'а, но воспользовались ли эти суды предоставленнымъ имъ правомъ, мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Дѣятельность probation-officer'а, которая, какъ видно изъ вышесказаннаго, дѣлится на разслѣдованіе и надзоръ, выражается въ г. Бостонѣ въ слѣдующемъ:

Рано утромъ probation-officer отправляется въ находящееся при судѣ мѣсто предварительнаго заключенія, куда доставляются задержанные наканунѣ или ночью, имѣя съ собой карточки, заполненныя производившимъ арестъ полицейскимъ чиновникомъ, въ которыхъ содержатся наиболѣе существенныя свѣдѣнія о личности подсудимаго и обстоятельствахъ его дѣла. Съ этими данными probation-officer ходитъ изъ камеры въ камеру и спрашиваетъ арестованныхъ о мѣстѣ жительства, прежней судимости, условіяхъ работы и относительно всѣхъ другихъ обстоятельствъ, способныхъ выяснить вопросъ объ исправленіи и постоянныхъ занятіяхъ даннаго лица. Съ результатами этого разслѣдованія, которые онъ вкратцѣ у себя записываетъ, probation-officer отправляется въ свою канцелярію, чтобы просмотрѣть тамъ свѣдѣнія о личности, особенно о прежней судимости и приговорахъ суда по прежнимъ дѣяніямъ даннаго обвиняемаго, если, конечно, такія свѣдѣнія имѣются въ книгахъ probation-officer'а.

Книга probation-officer'а состоитъ изъ поименнаго списка, въ который относительно каждаго обвиняемаго вносятся краткія свѣдѣнія о личности, прежней судимости и поведеніи.

Этотъ списокъ, начатый съ введеніемъ системы испытанія въ Массачузетсѣ, заключаетъ въ себѣ, разумѣется, имена только тѣхъ лицъ, которыя уже были когда либо арестованы и дѣянія которыхъ были разслѣдованы probation-officer'омъ. Такъ какъ для каждаго обвиняемаго, относительно котораго еще нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ книгахъ, отводится новый листъ, то этотъ списокъ дѣлается съ каждымъ годомъ все болѣе полнымъ сводомъ данныхъ о личности, судимости и поведеніи. Потребность въ цѣлесообразномъ отправленіи правосудія вызвала эту мѣру, не примѣняемую больше ни въ одномъ штатѣ Союза.

Если въ книгахъ probation-officer'а не имѣется никакихъ свѣдѣній и приходится довольствоваться только показаніями арестованныхъ, которыя очень часто бываютъ невѣрны, то является необходимость въ дальнѣйшемъ собираніи справокъ: probation-officers направляются тогда въ указанныя арестованнымъ мѣста ихъ постояннаго жительства, чтобы тамъ отъ сожителей по дому, сосѣдей и т. д. получить желаемыя свѣдѣнія.

Къ открытію судебнаго разбирательства probation-officers возвращаются изъ разныхъ мѣстъ и имѣютъ возможность сообщить судьѣ не только свѣдѣнія относительно прежней судимости, имѣющіяся въ ихъ книгахъ, но и много другихъ фактовъ, касающихся личности обвиняемаго. Насколько эти свѣдѣнія нужны судьѣ, показываетъ то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ судьи послѣ допроса свидѣтелей, передъ произнесеніемъ своихъ приговоровъ, спрашиваютъ probation-officer'а: „Знаете ли Вы что нибудь относительно этого человѣка?“ или „Что извѣстно Вамъ относительно этого лица?“ Probation-officer излагаетъ все, что ему извѣстно относительно подсудимаго и его дѣянія и при этомъ указываетъ судьѣ на умѣстность или безполезность примѣненія въ данномъ случаѣ системы испытанія.

Послѣ опредѣленія судьи „подвергнуть подсудимаго испытанію" для probation-officer'а начинается другая часть его дѣятельности—наблюденіе и оказаніе поддержки отданному на испытаніе. На карточкѣ, вручаемой осужденному probation-officer'омъ, изложены условія, которымъ испытуемый долженъ подчиняться въ теченіе періода испытанія. Въ Бостонѣ эта карточка гласитъ слѣдующее: „Судъ постановилъ подвергнуть Васъ испытанію для того, чтобы дать Вамъ возможность исправиться безъ примѣненія наказанія и предохранить васъ отъ тюрьмы, однако подъ условіемъ и на основаніи вашего обѣщанія:

1) хорошо себя вести.

2) во время періода испытанія каждый мѣсяцъ доставлять о себѣ свѣдѣнія probation-officer'у.

Если это обѣщаніе вы нарушите, то будете преданы суду для примѣненія къ вамъ наказанія".

Въ городѣ Кембриджѣ прибавляется еще условіе, что отпущенный на испытаніе долженъ воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Кромѣ того судьѣ, въ силу принадлежащихъ ему полномочій, имѣющихъ характеръ родительскаго попеченія, предоставлено право присоединять новыя условія, кажущіяся ему въ данномъ случаѣ почему либо наиболѣе подходящими.

Такъ напр. одинъ судья по отношенію къ буянамъ и пьяницамъ ставитъ часто условіе, чтобы они въ опредѣленные дни недѣли, вечеромъ въ 9—10 являлись на квартиру probation-officer'а.

Продолжительность испытательнаго періода зависитъ отъ усмотрѣнія суда; въ Бостонѣ онъ равняется 5 недѣлямъ при учиненіи нарушенія и 6 мѣсяцамъ при учиненіи проступка. Судья можетъ этотъ срокъ въ каждую минуту удлинить, въ особенности при неблагопріятномъ отзывѣ probation-officer'а.

Дѣятельность probation-officer'а по надзору должна за-

ключать въ себѣ соединеніе авторитетной полицейской власти съ попеченіемъ и оказаніемъ помощи. Съ одной стороны онъ не только уполномоченъ но даже обязанъ задержать находящагося на испытаніи и представить его суду для исполненія приговора, если найдетъ, что это необходимо въ интересахъ авторитета закона или самого испытуемаго. съ другой стороны онъ долженъ помогать послѣднему совѣтомъ, доставленіемъ работы, указаніемъ благотворительныхъ учрежденій, чтобы такимъ образомъ предохранить его отъ рецидива.

Дѣятельность probation-officer'а не ограничивается при этомъ однимъ наблюденіемъ за личностью испытуемаго она состоитъ также напр. въ томъ, что у подверженныхъ страсти къ спиртнымъ напиткамъ и не обезпечивающихъ вслѣдствіе этого содержанія семьи онъ отбираетъ заработанныя деньги и посылаетъ ихъ семьѣ.

Что подобная дѣятельность требуетъ много силъ и времени, очевидно само собой; поэтому probation-officers получаютъ хорошее содержаніе и число ихъ постоянно увеличивается. Тѣмъ не менѣе въ силу самого характера дѣятельности объемъ ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не можетъ быть великъ. Нельзя же къ каждому испытуемому приставить няньку; поэтому въ настоящее время probation-officer относительно большинства своихъ питомцевъ ограничивается тѣмъ, что онъ обязываетъ ихъ являться къ нему въ опредѣленные сроки и представлять ему о себѣ отчетъ. Кромѣ того въ случаѣ надобности, онъ посѣщаетъ, конечно въ штатскомъ платьѣ *), квартиру находящагося на испытаніи и наводитъ тамъ справки; это дѣлается по большей части случайно, при обходѣ города.

*) Probation-officers, хотя и снабжены полицейской властью, ходятъ всегда въ штатскомъ платьѣ и носятъ подъ сертукомъ установленный въ Соединенныхъ Штатахъ полицейскій знакъ. Кромѣ probation-officers—мужчинъ введены probation-officers женщины.

Что касается результатовъ этой системы въ штатѣ Массачузетсъ, то, разумѣется, мнѣнія относительно этого раздѣлились. Главный доводъ *противъ* системы, приводимый Wach'-омъ въ его книгѣ „Реформа наказанія лишеніемъ свободы", выставляется и судьями Массачузетса, именно, что осужденный, особенно несовершеннолѣтній, часто держится такого взгляда, что онъ избѣжалъ наказанія и поэтому утрачиваетъ чувство уваженія къ закону. Одинъ американскій судья выразился поэтому поводу такимъ образомъ: „каждый молодецъ думаетъ, что онъ имѣетъ право совершить безнаказанно по крайней мѣрѣ одинъ проступокъ".

Вполнѣ естественно, что рѣзкое различіе между приговоромъ и приведеніемъ его въ исполненія для неспеціалиста не вполнѣ понятно. Даже между судьями, какъ мнѣ казалось, существуетъ разногласіе относительно того, является ли отдача на испытаніе приговоромъ съ отсрочкой его исполненія или это отсрочка самого приговора, въ силу которой американскій судья имѣетъ возможность отложить произнесеніе приговора in infinitum. Самъ законъ выражается по этому поводу нѣсколько двухсмысленно. Другое возраженіе противъ системы въ томъ видѣ, какъ она въ настоящее время примѣняется, заключается въ указаніи на краткость срока испытанія.

Преобладающее мнѣніе находитъ однако, что выгодныхъ сторонъ въ новой системѣ больше, чѣмъ невыгодныхъ. Послѣднія статистическія данныя о результатахъ probation-system относятся къ 1895 г.; изъ отчета Commissioners of Prison за 1895 годъ (стр. 252), гдѣ эти данныя были приведены, отмѣтимъ слѣдующее:

Число отданныхъ на испытаніе въ отчетномъ году равнялось 5427 человѣкамъ; изъ нихъ 4082 были привлечены къ отвѣтственности за пьянство, 329—за кражи, 213—за тѣлесное поврежденіе, 110—за нерадѣніе къ семьѣ („drunkeness"

and neglect of family"—уголовно наказуемыя дѣянія по закону Массачузетса и другихъ штатовъ союза), всѣ остальные большею частью за менѣе важные проступки всякаго рода. По возрасту: 1459 человѣкъ были старше 30 лѣтъ и 33 моложе 10 лѣтъ. Что касается послѣднихъ, то надо замѣтить, что мысль считать ребенка ниже извѣстнаго предѣльнаго возраста уголовно невмѣняемымъ совершенно чужда, какъ американскому законодательству, такъ и всему міровоззрѣнію американца. Судья въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ рѣшить вопросъ о наличности вмѣняемости—новое доказательство господства начала индивидуализаціи. Отчетъ даетъ также цифровыя данныя относительно результатовъ примѣненія системы испытанія.

Изъ отчета видно, что въ оканчивающемся 30 сентября 1895 года отчетномъ году въ г. Бостонѣ были условно осуждены и отданы на испытаніе всего 1161 обвиняемыхъ; 137—нарушили поставленныя имъ условія, 223—сбѣжали, 38—совершили во время испытательнаго періода новыя преступленія, 128 человѣкамъ былъ удлиненъ срокъ испытанія, наконецъ въ 519 случаяхъ констатировано было или хорошее поведеніе, или дѣло было отложено судомъ на неопредѣленное время. *)

Если вообще по самой природѣ вещей нельзя одними цифровыми данными съ достаточной достовѣрностью опредѣлить результаты системы испытанія, то тѣмъ болѣе упомянутая судебная практика ничего не можетъ дать для бо-

*) Только такимъ образомъ я могу перевести чисто американскій судебный обычай „to place a case on file" на нашъ юридическій языкъ. Этотъ удивительный для насъ обычай я нашелъ почти во всѣхъ судахъ, которые я посѣтилъ. Судья просто откладываетъ дѣло „ad acta" (on file), прокуроръ прибавляетъ къ этому, можетъ быть, еще свое „n. p." (nolo prosequi) и дѣло прекращается на нѣсколько лѣтъ. Однако это имѣетъ мѣсто только при маловажныхъ, немного или совсѣмъ не затрагивающихъ общественный интересъ уголовныхъ правонарушеніяхъ.

лѣе или менѣе надежнаго заключенія объ успѣхахъ условнаго осужденія.

Вся система имѣетъ скорѣе характеръ произвольнаго, руководимаго практическими соображеніями попеченія объ обвиняемомъ, чѣмъ стройной организаціи.

Относительно преимуществъ основной мысли всѣ согласны и нельзя оспаривать, что не только организація веденія поименныхъ списковъ составляетъ большой шагъ Массачузетса впередъ въ сравненіи съ другими штатами союза, гдѣ судья почти ничего не знаетъ о личности подсудимаго, но что и наблюденіе, и покровительство probation-officer'овъ приноситъ много пользы. Благотворной сдержкой для преступника должно служить сознаніе, что за нимъ стоитъ человѣкъ, а не ненавистный Дамокловъ мечъ въ видѣ предстоящаго отбытія наказанія. Что подсудимые предпочитаютъ немедленное наказаніе условному осужденію—фактъ общеизвѣстный. Отмѣченное выше обстоятельство, что главный % примѣненія условнаго осужденія падаетъ на случаи пьянства не служитъ доказательствомъ недостатка самой системы, но только ея примѣненія на практикѣ.

Въ своемъ стремленіи искоренить страсть къ пьянству тюремное общество въ Массачузетсѣ выработало вскорѣ послѣ законодательнаго введенія системы испытанія проэктъ закона, по которому probation-officer долженъ изслѣдовать многочисленые случаи арестованныхъ за пьянство и обращать на нихъ особое вниманіе.

Такимъ образомъ произошло, что вся система служитъ почти исключительно для борьбы съ пьянствомъ и что многіе изъ probation-officers видятъ въ этомъ главную свою задачу. Посѣщая суды въ другихъ мѣстахъ, я могъ убѣдиться, что чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ—очень распространенная въ Бостонѣ привычка, но я не нахожу успѣшнымъ вышеуказанный способъ борьбы съ ней.

Вслѣдствіе того, что почти вся система направлена исключительно на борьбу съ пьянствомъ, вліяніе probation-officers не распространяется на подсудимыхъ, не заключенныхъ подъ стражу; правда, задержаніе является здѣсь въ большинствѣ случаевъ правиломъ, такъ какъ примѣненіе его не обусловливается случаями учиненія преступленія или наличностью опасности побѣга и вступленія въ соглашеніе со свидѣтелями; отъ послѣдственнаго задержанія освобождается только тотъ, кто можетъ представить суду требуемое поручительство. Однако нѣтъ достаточнаго логическаго основанія, почему и эти случаи не должны подлежать вѣдѣнію probation-officer'a.

Такимъ образомъ картина все еще имѣющей характеръ опыта системы не обладаетъ той ясностью и гармоніей красокъ, которую можно было бы желать. Идеи, способствующія образованію этой реформы, все еще ожидаютъ дальнѣйшей разработки, за что принялись въ настоящее время довольно энергично. То обстоятельство, что уже теперь судьи свыклись съ системой и сумѣли съ выгодой ею пользоваться, надо въ большой степени приписать ихъ собственному здравому смыслу, который даже непрактическую теорію сумѣетъ сдѣлать практичной. Ни одинъ американскій законъ не содержитъ въ себѣ строгой регламентаціи, предоставляя всегда большой просторъ личному усмотрѣнію судьи. *)

---

*) **Примѣчаніе.** Институтъ условнаго осужденія или системы испытанія, исторіи возникновенія и современному положенію котораго въ шт. Массачузетсъ посвящено предшествующее изложеніе, получилъ въ настоящее время широкое распространеніе. Слѣдуетъ замѣтить, что названіе этого института „условнымъ осужденіемъ", употребляемое между прочимъ и въ настоящемъ переводѣ, представляется далеко не точнымъ, такъ какъ обвинительный приговоръ, осужденіе по всѣмъ, по крайней мѣрѣ, европейскимъ кодексамъ (въ Массачузетсѣ, какъ видно изъ словъ Hintrager'a, это представляется вопросомъ спорнымъ), усвоившимъ этотъ институтъ, произносится обыкновенно безусловно, съ опредѣленіемъ даже наказанія, отсрочивается только примѣненіе послѣдняго. Кромѣ термина „условнаго осужденія", являющагося въ литературѣ наиболѣе распро-

---

страненнымъ, въ законодательствахъ употребляются и другія названія: условный приговоръ (норвежское законодательство), условное помилованіе (гессенъ-дармштадтское), отсрочка исполненія приговора (французское) и др. Наиболѣе правильныхъ и точнымъ намъ представляется названіе, даваемое этому институту профессоромъ И. Я. Фойницкимъ, „условно-погасительная отсрочка исполненія приговора о наказаніи". (Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. II, стр. 576, прим.).

Изображенная г. Hintrager'омъ система испытанія носитъ названіе, по мѣсту своего происхожденія, *американской*. Кромѣ нея начало погасительной отсрочки наказанія выразилось въ другихъ формахъ, отличающихся другъ отъ друга довольно существенными чертами; такъ извѣстна:

1) *англійская система*, при которой отсрочка наказанія необходимо соединяется съ представленіемъ залога или денежнаго поручительства въ хорошемъ поведеніи и не нарушеніи мира;

2) *франко-бельгійская система*, при которой не примѣняется ни надзора, ни поручительства: судья произноситъ приговоръ, назначаетъ наказаніе и откладываетъ его примѣненіе на извѣстный срокъ, въ теченіе котораго осужденный долженъ воздерживаться отъ учиненія новыхъ правонарушеній, въ противномъ случаѣ онъ подвергается наказанію за старое и новое дѣяніе вмѣстѣ;

3) *австро-германская система*, имѣющая характеръ условнаго помилованія, при которой разрѣшеніе вопроса объ отпускѣ осужденнаго предоставляется органамъ судебной администраціи, а окончательное освобожденіе отъ наказанія послѣ удовлетворительнаго искуса принадлежитъ верховной власти въ порядкѣ помилованія.

Подробности организаціи „условнаго осужденія" въ различныхъ законодательствахъ, „института справедливости, человѣчности и государственной полезы", какъ охарактеризовалъ его первый съѣздъ русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ, можно найти въ довольно обширной русской литературѣ по этому вопросу, изъ которой отмѣтимъ: Піонтковскій—Объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія, Одесса 1894. Жижиленко „Условное осужденіе по иностраннымъ законодательствамъ" (Жур. Мин. Юст. 1897 г. № 5) Гогель—Условное осужденіе въ Германіи (Жур. Мин. Юст. 1897 г. № 1). Его-же. О желательности и возможности введенія въ Россіи условнаго осужденія (Жур. Мин. Юст. 1899 г. № 7). Отчетъ о 1-мъ съѣздѣ русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ, гдѣ этотъ вопросъ подвергался подробному обсужденію главнымъ образомъ съ точки зрѣнія примѣнимости института условнаго осужденія къ условіямъ русской жизни (Жур. Мин. Юст. 1899 г. № 2).

В. Ш.

IV.

Отдѣльныя стороны тюремной организаціи.

I. Тюремная постройка.

Американскія тюрьмы, за исключеніемъ тюремъ въ Пенсильваніи, построены всѣ безъ исключенія такимъ образомъ, что корпусы съ кельями окружены стѣнами и находятся подъ одной съ ними крышей. Большія окна въ стѣнахъ, окружающихъ корпусъ съ кельями, пропускаютъ свѣтъ и воздухъ въ широкіе корридоры, куда выходятъ двери келій, которыя, слѣдовательно, расположены внутри зданія въ два ряда, примыкая другъ къ другу, такъ сказать, изголовьями. Въ то время, какъ у насъ корридоръ расположенъ обыкновенно между двумя рядами келій, въ американскихъ тюрьмахъ корридоръ расположенъ вдоль внѣшней стѣны зданія, вокругъ внутренняго корпуса съ кельями.

Свѣтъ проходитъ въ камеру черезъ желѣзную рѣшетчатую дверь, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ кромѣ того черезъ рѣшетчатое отверстіе, находящееся около двери; такъ что оконъ на улицу въ кельяхъ совсѣмъ нѣтъ. Выгоды этой системы состоятъ въ возможности равномѣрнаго согрѣванія келій и корридора (послѣднее производится съ помощью парового и духового отопленія), равно какъ и въ томъ, что въ корридорѣ слышенъ всякій шумъ, производимый въ кельѣ, и заключенный постоянно находится подъ наблюденіемъ черезъ рѣшетчатую дверь. Въ Эльмирѣ ночная стража беззвучно проѣзжаетъ на велосипедѣ по длиннымъ корридорамъ.

Понятно, что при такой системѣ тюремныхъ построекъ производство работъ въ кельяхъ не возможно. Въ заведеніяхъ, построенныхъ по пенсильванской системѣ, двери келій на ночь остаются нѣсколько пріотворенными и заперты предохранительными цѣлями для того, чтобы всякій производимый въ кельяхъ шумъ былъ слышенъ въ проходѣ.

Вентиляція, которая во всѣхъ американскихъ тюрьмахъ очень хороша, производится съ помощью трубъ, которыя проходятъ изъ каждой кельи въ вентиляціонное пространство, шириной около одного метра, отдѣляющее собой два ряда келій, откуда воздухъ проходитъ въ находящіеся на крышѣ вентиляторы. Въ тюрьмѣ для несовершеннолѣтнихъ въ Рочестерѣ (Нью-Іоркѣ) большіе электрическіе вентиляторы работаютъ съ такимъ успѣхомъ, что даже тотчасъ послѣ того, какъ арестантъ отправилъ свои естественныя потребности въ кельѣ не остается никакого запаха.

Такъ какъ тюремныя постройки производятся большею частью самими заключенными, причемъ матеріаломъ служитъ кирпичъ, то для безопасности требуется нѣкоторое усиленіе охраны. Кромѣ обыкновенной ночной стражи внутри зданія, по окружной стѣнѣ расположены часовые съ заряженнымъ оружіемъ. По той же причинѣ нѣкоторые замки у келій имѣютъ сложную конструкцію. Довольно часто употребляется такъ же идущая вдоль всего ряда келій желѣзная полоса, съ помощью которой всѣ камеры одного ряда могутъ быть открыты за одинъ разъ.

Большинство новыхъ тюремъ расположены довольно далеко отъ городовъ и часто соединены съ ближайшимъ вокзаломъ собственной вѣткой желѣзной дороги; заведеніе Concord имѣетъ собственные локомотивы.

Въ то время, какъ квартира директора тюрьмы находится внѣ стѣнъ тюрьмы, помѣщенія для занятій администраціи находятся большею частью въ центрѣ заведенія.

Должностныя лица не всегда имѣютъ отдѣльныя комнаты, а подобно большой конторѣ всѣ служащіе работаютъ вмѣстѣ или отдѣляются другъ отъ друга стеклянной перегородкой.

Въ большинствѣ тюремъ существуютъ паровыя машины и электрическое освѣщеніе, многія тюрьмы имѣютъ собственный водопроводъ, свои машины для добыванія газа; въ болѣе крупныхъ тюрьмахъ устроенъ телефонъ для переговоровъ съ самой тюрьмѣ.

Кромѣ обыкновенныхъ ваннъ въ тюрьмахъ имѣется много ваннъ съ душами, отдѣленныхъ другъ отъ друга шиферной стѣной, а въ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ устраиваются, большею частью по сосѣдству съ гимнастическимъ заломъ, бассейны для плаванія, Мастерскія большею частью очень крупныхъ размѣровъ, почему надзирателей требуется немного; для лучшаго наблюденія послѣдніе находятся, обыкновенно, на возвышеніи.

Кельи въ тюрьмахъ, построенныхъ по пенсильванской системѣ, очень обширны, а въ остальныхъ тюрьмахъ—сравнительно не велики, такъ какъ предназначены лишь для пребыванія ночью.

Въ камерахъ устроены или ватеръ-глозеты, при чемъ трубы всегда наполнены водой, чтобы воспрепятствовать сообщенію другъ съ другомъ заключенныхъ, или чаще употребляются деревянные ночные горшки съ плотно закрывающейся крышкой. Эти ночные горшки каждое утро арестанты гуськомъ относятъ въ особо-отведенное мѣсто, опорожняютъ ихъ, выполаскиваютъ, дезинфицируютъ паромъ или химическимъ составомъ, за тѣмъ на время рабочихъ часовъ правильными рядами ставятъ ихъ въ отдѣльной части тюремнаго двора.

Очень практично составлены таблицы со свѣдѣніями о составѣ заключенныхъ и распредѣленіи ихъ; такія таблицы имѣются не только въ отдѣльныхъ флигеляхъ, но и для всего

заведенія въ кабинетѣ тюремнаго начальства. На доскѣ начерченъ планъ флигеля, при чемъ на каждой клѣткѣ соотвѣтствующей извѣстной кельѣ, прикрѣпляется карточка, въ которой проставлены всѣ важнѣйшія данныя относительно обитателя этой кельи (имя, №, день вступленія, вѣроисповѣданіе, планъ занятій и т. д.). Одинъ взглядъ на эту таблицу даетъ возможность тотчасъ оріентироваться особенно относительно того, гдѣ въ каждый отдѣльный моментъ находится заключенный. Если въ тюрьмѣ существуютъ различные разряды, то они отличаются разными цвѣтами карточекъ. На такой же доскѣ изображается распредѣленіе обязанностей низшаго тюремнаго персонала.

Для показанія ежедневнаго состава заключенныхъ служитъ кромѣ того большая доска, съ цифрами, вродѣ доски, вывѣшиваемыхъ въ церквахъ для указанія № пѣснопѣнія. №№ камеръ крупными цифрами изображены на двери кельи; въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ №№ указаны кромѣ того еще подъ поломъ галлереи, идущей около камеръ верхняго этажа, такъ что изъ ниже лежащаго корридора можно опредѣлить положеніе каждой кельи.

2. Внутренній распорядокъ и дисциплина.

Во многихъ тюрьмахъ срокъ наказанія считается лишь со дня вступленія въ тюрьму *)—новое доказательство того, что американцы не обращаютъ вниманія на мелочи. Заключенный при вступленіи получаетъ печатную книжку, содержащую описаніе внутренняго распорядка и постановленія относительно предварительнаго освобожденія, а въ нѣкото-

*) **Примѣчаніе.** Срокъ наказанія лишеніемъ свободы для подсудимаго, находящагося въ заключеніи, считается обыкновенно или со дня постановленія приговора, или со дня вступленія приговора въ силу; см. ст. 968 уст. уг. суд., art 24 code penal franç., §§ 481, 482 St. P. Ord.

В. Ш.

рыхъ новыхъ тюремныхъ заведеніяхъ выдается еще книга, въ которую каждый мѣсяцъ заносятся его отмѣтки, успѣхи или погрѣшности.

Росписаніе внутренняго порядка, обыкновенно, очень обширно, такъ какъ оно указываетъ арестанту все до мельчайшихъ подробностей; эти предписанія обыкновенно составляются въ формѣ прямого обращенія къ заключенному: „Выдолжны дѣлать то-то и то-то". Дисциплина строго военная, военные приказы и сигналы очень часто употребляются въ тюрьмахъ.

Уже во введеніи было указано, что рѣзкимъ противорѣчіемъ всѣмъ этимъ строгостямъ является предоставленіе заключеннымъ такихъ льготъ, какъ напр. довольно распространенное куреніе табака и чтеніе газетъ.

Обычай посѣщеній келій въ Америкѣ—неизвѣстенъ. Даже въ тюрьмахъ пенсильванской системы руководствуются тѣмъ соображеніемъ взгляда, что, если заключенный желаетъ говорить съ представителемъ администраціи, то онъ долженъ самъ итти къ нему. Для этой цѣли, какъ уже было указано, администрація и духовныя лица въ тюрьмѣ имѣютъ свои почтовые ящики, въ которые заключенные очень часто опускаютъ просьбы о посѣщеніи для бесѣды. Такой порядокъ объясняется прежде всего большей самостоятельностью и въ среднемъ болѣе высокимъ уровнемъ развитія отдѣльныхъ лицъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Однако часто случается, что заключенныхъ посѣщаютъ не принадлежащія къ тюрьмѣ лица, главнымъ образомъ напр. дамы благотворительницы и духовныя лица; такъ напр. тюремкое общество въ Allegheny имѣетъ для этого особыхъ двухъ священниковъ.

3. Дисциплинарныя наказанія и ихъ примѣненіе.

Дисциплинарныя наказанія въ общемъ тѣже, что и у насъ, лишеніе правъ и льготъ или различныя ограниченія и

стѣсненія. Наложеніе ихъ просто, быстро и энергично. Заключенный обыкновенно *тотчасъ же* препровождается къ лицу, завѣдующему дисциплинарной частью (а не директору) и тотчасъ же подвергается наказанію, при чемъ въ маловажныхъ случаяхъ его даже не допрашиваютъ. Опредѣленій, которыя могли бы ограничить произволъ должностныхъ лицъ при назначеніи дисциплинарныхъ наказаній, почти не существуетъ.

Хотя тѣлесное наказаніе въ Соединенныхъ Штатахъ и уничтожено, тѣмъ не менѣе оно кое гдѣ примѣняется, но подъ условіемъ, чтобы „оно не причиняло ущерба здоровью". При дисциплинарномъ производствѣ и наложеніи дисциплинарныхъ наказаній, разумѣется, не составляется никакихъ протоколовъ; дѣлается только отмѣтка въ документахъ заключеннаго или примѣненная мѣра заносится въ списокъ дисциплинарныхъ наказаній.

Часто встрѣчается обычай, что надзиратели ведутъ списки, въ которыхъ перечислены всѣ возможные дисциплинарные проступки; въ случаѣ учиненія какого либо проступка надзиратели дѣлаютъ соотвѣтствующую отмѣтку, подчеркивая данный проступокъ и записывая мѣсто и время его учиненія, и имя виновнаго. Вслѣдъ затѣмъ заключенный увѣдомляется о назначенномъ ему наказаніи и его причинѣ. Практичному, часто безпощадному примѣненію дисциплинарныхъ наказаній надо приписать тотъ фактъ, что дисциплина въ американскихъ тюрьмахъ въ большинствѣ случаевъ очень хороша.

4. Производство работъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ примѣняется какъ подрядная система (sistème d'entreprise), такъ и система хозяйственная (sistème de règie), производство работъ за свой счетъ; пер-

вая система практикуется однако почти только въ южныхъ штатахъ *).

Основнымъ правиломъ организаціи тюремнаго труда является то, что все необходимое для заведенія, по мѣрѣ возможности, изготовляется самими заключенными; это правило проводится въ американскихъ тюрьмахъ разносторонне и послѣдовательно. Начиная отъ тюремныхъ построекъ и кончая чулками и обувью, все дѣлается самими заключенными. Принадлежащая заведенію ферма доставляетъ зерновой хлѣбъ, въ тюрьмѣ его мелютъ и пекутъ хлѣбы; паровые котлы для машинъ, доставляющихъ электричество для освѣщенія и другихъ цѣлей, выдѣлываются самими заключенными. Въ заведеніи для несовершеннолѣтнихъ въ Huntingdon'ѣ (въ Пенсильваніи) заключенные однѣми своими силами изъ изгото-

---

*) **Пиммѣчаніе.** Практика тюремнаго дѣла знаетъ нѣсколько системъ организаціи тюремнаго труда. Лучшей системой въ пенитенціарномъ отношеніи т. е. наиболѣе отвѣчающей цѣлямъ тюремнаго труда представляется *sistème de règie-хозяйственная система*, при которой тюремное управленіе является организаторомъ и полнымъ хозяиномъ тюремныхъ работъ; оно пріобрѣтаетъ матеріалъ и орудія производства, распредѣляетъ работу и заботится о сбытѣ продуктовъ производства. Распредѣляя работы сообразно съ силами и наклонностями заключенныхъ, эта система въ тоже время требуетъ особыхъ способностей и отъ тюремнаго персонала и создаетъ опасность превратить тюремное заведеніе въ промышленное предпріятіе, успѣшно конкуррирующее со свободнымъ трудомъ.

При *sistème d'entreprise* частный предприниматель покупаетъ у государства рабочую силу заключенныхъ. Выборъ работы и распредѣленіе ея между заключенными вполнѣ зависитъ отъ предпринимателя, который руководствуется при этомъ, конечно, соображеніями личными, часто не согласными съ задачами тюремной организаціи, вслѣдствіе чего самое занятіе трудомъ не оказываетъ на заключеннаго благотворнаго вліянія.

Наконецъ при *системѣ отдѣльныхъ заказовъ.* (*Accordsystem, travail sur commande*) когда тюремное управленіе беретъ на себя исполненіе различныхъ заказовъ отъ казенныхъ учрежденій и частныхъ лицъ и само руководитъ всѣми работами въ тюрьмѣ, въ значительной мѣрѣ устраняются невыгоды предъидущей системы и затрудненія, сопряженныя съ системой хозяйственной.

В. Ш.

вленнаго ими самими кирпича выстроили новый флигель для келій. Въ тюремномъ заведеніи въ South-Boston свѣтильный газъ добывается въ самомъ заведеніи. Въ заведеніи въ Glen Mills (Пенсильванія) шестнадцатилѣтніе мальчики сами шили себѣ одежду на швейныхъ машинахъ Зингера. Устройство дорогъ, мостовъ, прорытіе каналовъ вблизи заведенія очень часто лежитъ на обязанности заключенныхъ.

Далѣе заключенные работаютъ для государственныхъ и общественныхъ учрежденій, чтобы, какъ было указано выше, не создавать конкуренціи свободному труду. Въ нѣкоторыхъ штатахъ для этой цѣли въ учрежденія разсылаются иллюстрированные, напечатанные въ самихъ тюрьмахъ прейсъ-куранты изготовляемыхъ предметовъ.

Въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ не практикуется тотъ исходъ, о которомъ мы упомянули во введеніи, тюремныя работы, вслѣдствіе строгихъ запрещеній закона находятся въ плачевномъ состояніи. Въ Allegheny заключенные, чтобы убить время, занимаются производствомъ кукольной мебели изъ бумаги.

5. Попеченіе о здоровьѣ.

Продовольствіе, какъ одна изъ сторонъ попеченія о здоровьѣ, находится подъ руководствомъ и наблюденіемъ врача. Тюремный врачъ, обыкновенно, не занимается частной практикой, а большею частью живетъ въ заведеніи и только ему посвящаетъ все свое время. Онъ точнымъ образомъ опредѣляетъ степень питательности продуктовъ, потребляемыхъ заключеннымъ. Какъ много обращается вниманія на хорошее питаніе, кромѣ уже указаннаго во введеніи, видно изъ того, что въ большинствѣ заведеній устроены обширные ледники для сохраненія мяса и проч. въ свѣжемъ видѣ.

Врачъ обыкновенно завѣдуетъ аптекой тюрьмы, всѣ болѣе

крупныя тюрьмы имѣютъ свои аптеки. Въ заведеніи для несовершеннолѣтнихъ въ Westboro (Массачузетсъ) врачъ осматриваетъ напр. время отъ времени ротъ у заключенныхъ и контролируетъ чистоту и уходъ за зубами. Объ обширныхъ и усердно посѣщаемыхъ ваннахъ и гимнастическихъ приспособленіяхъ было уже говорено въ началѣ.

6. Попеченіе объ умственномъ развитіи

Школьному обученію въ американскихъ тюрьмахъ придаютъ огромное значеніе. Это зависитъ какъ отъ того, что заключенные очень часто обнаруживаютъ большіе пробѣлы въ элементарномъ образованіи и такъ какъ значительная часть ихъ иностранцы, то оказываются не свѣдующими въ англійскомъ языкѣ, такъ и отъ того, что американецъ вообще придаетъ большое значеніе образованію. Слово „education“ одно изъ самыхъ употребительныхъ словъ въ американской жизни, хорошее образованіе составляетъ главное желаніе каждаго и положеніе, что знаніе—сила представляется общепризнаннымъ. Это выражается особенно въ богатствѣ средствъ, употребляемыхъ на образовательныя цѣли и въ безплатности обученія нетолько въ народныхъ школахъ, но и въ гимназіяхъ. Въ виду того же съ давнихъ поръ условіемъ для включенія какой либо территоріи въ Союзъ Штатовъ является отведеніе извѣстнаго участка земли для цѣлей народнаго образованія.

Школьное обученіе разсматривается по этому болѣе какъ обязанность, чѣмъ привиллегія. Чтобы устранить совпаденіе часовъ работы съ часами школьнаго обученія послѣднее ведется большею частью отъ 7—9 часовъ вечера. Этимъ прекрасно заполняются часы, въ теченіе которыхъ обыкновенно въ тюрьмахъ не могутъ устроить ничего дѣльнаго. Въ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ на школьныя занятія, разумѣется, употребляется еще часть дня.

Чтобы установить возможно разностороннѣе важную, особенно при тюремномъ обученіи, классификацію учениковъ, не употребляя для этого слишкомъ большого количества учащихъ, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ (не только предназначенныхъ для несовершеннолѣтнихъ) приглашаютъ для этой цѣли частныхъ лицъ изъ ближайшаго города или поручаютъ вести занятія заключеннымъ съ болѣе высокимъ уровнемъ образованія. Передъ каждымъ урокомъ такіе преподаватели получаютъ отъ штатнаго тюремнаго учителя инструкцію. Во время учебныхъ занятій присутствуетъ постоянно надзиратель. Заведеніе въ Joliet (Illinois) при 526 чел. въ среднемъ заключенныхъ имѣетъ 24 различныхъ класса.

Предметы преподаванія тѣ же, что въ народныхъ школахъ, но часто, въ особенности въ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ, программы расширяются.

Какъ въ свободныхъ школахъ, такъ и въ тюремныхъ прежде всего обучаютъ для практической жизни; кромѣ элементарныхъ свѣдѣній тутъ сообщаются свѣдѣнія объ государственномъ устройствѣ и управленіи, о судѣ, свѣдѣнія по народному хозяйству, о взиманіи податей; затѣмъ преподаютъ физіологію и анатомію, предметы, которые вовсе не настолько трудны, чтобы ихъ нельзя было сдѣлать понятными и для непосвященнаго, далѣе—коммерческую бухгалтерію, стенографію, кромѣ того обучаютъ письму на пишущей машинѣ, телеграфному искусству и т. п.

Наглядность въ качествѣ важнѣйшаго средства примѣняется въ самомъ широкомъ объемѣ; книги и тетради по географіи и исторіи снабжены иллюстраціями, учитель раздаетъ картины, демонстрируетъ скелеты и восковые препараты, вскрываетъ при случаѣ животныхъ въ школѣ и т. п. Чтобы заключенный послѣ ученія могъ надъ чѣмъ подумать, во многихъ тюрьмахъ раздаютъ печатные и гектографированные обзоры преподаваемыхъ предметовъ. Для пробужденія

тщеславія часто производятся испытанія, выражаются похвалы и даются за успѣхи льготы, о чемъ потомъ объявляется въ газетѣ или инымъ какимъ нибудь путемъ. Обученіе ведется обыкновенно подъ руководствомъ тюремнаго священника.

Библіотеки въ тюрьмахъ въ большинствѣ случаевъ обставлены очень богато и содержатъ не только религіознонравственныя книги; заключенные пользуются библіотеками въ широкихъ размѣрахъ. Въ большихъ тюрьмахъ библіотекаремъ назначается обыкновенно лучшій заключенный.

Посѣщеніе богослуженій вполнѣ добровольно. Кромѣ указанныхъ во введеніи случаевъ посѣщенія богослуженій другого вѣроисповѣданія, достоинъ вниманія тотъ фактъ, что въ американскихъ тюремныхъ заведеніяхъ очень часто произносятъ проповѣди посторонніе священники. Въ тюремномъ заведеніи въ Huntingdon'ѣ въ Пенсильваніи напр. въ 1898 г. кромѣ тюремныхъ священниковъ произносили проповѣди еще 12 другихъ, не принадлежащихъ къ заведенію священниковъ.

О тюремной газетѣ уже говорилось. Полученіе газетъ заключенными допускается довольно свободно. Но старыя прочитанныя газеты обыкновенно изъ гигіеническихъ соображеній отбираются.

7. Веденіе записей и книгъ.

Не только веденіе книгъ по управленію заведеніемъ, но и веденіе личныхъ списковъ заключенныхъ проникнуто купеческимъ духомъ. Свѣдѣній о личности въ нашемъ смыслѣ въ американскихъ тюрьмахъ не существуетъ. Правда въ большинствѣ штатовъ секретарь суда, разсматривавшаго дѣло, посылаетъ директору тюремнаго заведенія краткое извлеченіе изъ приговора, содержащее существенныя обстоятельства дѣла и доказательство виновности, но этотъ документъ

очень скоро на всегда передается въ архивъ. Чаще всѣ необходимыя свѣдѣнія о личности записываются въ купеческія книги, которыя на столько велики по размѣру, что на одной страницѣ или листѣ можно помѣстить всѣ необходимыя данныя относительно каждаго заключеннаго. Въ каждомъ заведеніи ведутся по крайней мѣрѣ двѣ книги:

1) *Книга поступленій* или *личный списокъ.* Въ этой книгѣ, снабженной алфавитнымъ указателемъ, для каждаго заключеннаго отводятся двѣ страницы съ многочисленными рубриками, заполняемыми показаніями, данными на допросѣ при вступленіи въ заведеніе. Для иллюстраціи приведемъ здѣсь по порядкру отдѣльныя рубрики, существующія въ пріемной книгѣ Eastern Penitentiary въ Филадельфіи: №, имя, возрастъ, цвѣтъ кожи, преступленіе, день вступленія, день приговора, срокъ наказанія, прежняя судимость, занятіе до и во время совершенія дѣянія, примѣты, судъ, разсматривавшій дѣло, мѣсто рожденія, какія посѣщалъ школы, какая степень образованія, профессія или ремесло, гдѣ его изучалъ, семейное положеніе, дѣти, привычный ли алкоголикъ, есть ли родные въ тюрьмѣ, чѣмъ занимался въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, причина преступленія, адреса родственниковъ, имѣетъ ли средства и наконецъ разныя другія замѣчанія.

Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ существуютъ еще рубрики относительно характера, наслѣдственныхъ болѣзней, знакомствъ, свѣдѣнія о родителяхъ, въ какомъ возрастѣ заключенный лишился отца или матери и относительно предметовъ, переданныхъ заключеннымъ на храненіе.

2) *Книга освобожденій.* Въ послѣдней каждый мѣсяцъ имѣетъ свою страницу, на которой записываются освобожденные за этотъ мѣсяцъ (№, имя и день освобожденія). День освобожденія высчитывается слѣдующимъ образомъ: напр. относительно осужденнаго 20 Ноября 1898 г. къ $6^1/_2$ годамъ заключенія:

	Мѣсяцъ.	День.	Годъ.
Начало срока наказанія	11	20	1898
Срокъ наказанія:	6		6
День освобожденія:	5	20	1905

Кромѣ этихъ книгъ нѣкоторыя тюрьмы имѣютъ еще слѣдующія:

3) Книга поведенія или дисциплинарныхъ наказаній, тоже съ алфавитнымъ указателемъ, въ ней также для каждаго заключеннаго отведенъ отдѣльный листъ или часть листа. Записывается сюда слѣдующее: видъ, день и причина дисциплинарнаго наказанія, отличія въ школѣ и работахъ; если въ заведеніи существуетъ распредѣленіе по классамъ, то данныя, относящіяся къ этому распредѣленію.

4) Книга біографій. Въ послѣдней каждый служащій заведенія записываетъ сдѣлавшіеся ему извѣстными и имѣющіе важное значеніе отдѣльные факты изъ прошлой жизни заключеннаго.

5) Книга для записи посѣщеній и корреспонденцій, дающая бѣглыя заключенія о посѣщеніяхъ заключенныхъ и перепискѣ, которую они ведутъ.

Какъ уже было замѣчено, всѣ эти книги хранятся въ устроенномъ, на подобіе коммерческой конторы, кабинетѣ главнаго управленія (лежатъ большею частью на конторкахъ), гдѣ каждый тюремный служащій, не затрудняя другого, можетъ ими пользоваться.

Эта сторона тюремной организаціи заслуживаетъ вниманія.

8. Переписка и посѣщенія.

Наблюденіе за перепиской возлагается обыкновенно на тюремнаго священника, а въ болѣе крупныхъ тюрьмахъ это составляетъ обязанность отдѣльнаго служащаго. Послѣд-

ній ведетъ вышеупомянутую книгу корреспонденцій, въ которую онъ заноситъ адреса и проч. относительно тѣхъ лицъ, которымъ пишетъ заключенный, а также даты писемъ. Обыкновенно заключенному разрѣшается писать *одно* письмо въ мѣсяцъ. Право получать письма въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ предоставлено заключеннымъ въ очень широкихъ размѣрахъ, а въ нѣкоторыхъ оно очень ограничено.

Визиты родственниковъ къ заключеннымъ допускаются только одинъ разъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ.

Посѣтителямъ тюремъ почти безъ исключенія самымъ любезнымъ образомъ показываютъ тюрьму. Въ заведеніи въ Allegheny за это берется незначительная входная плата, представляющая собой довольно хорошій источникъ дохода для заведенія.

9. Заведенія для малолѣтнихъ.

Во всѣхъ штатахъ Союза судьи имѣютъ право лицъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ и до 18 лѣтъ, если даже они не совершили ничего уголовно наказуемаго, отправить въ государственныя или частныя пенитенціарныя, исправительныя заведенія или въ заведенія принудительнаго воспитанія, какъ скоро это представляется полезнымъ въ интересахъ ихъ воспитанія и благополучія. (Условное осужденіе примѣняется къ малолѣтнимъ въ широкихъ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ штатахъ примѣненіе его обязательно для всѣхъ лицъ моложе 14 лѣтъ, совершившихъ преступное дѣяніе впервые). Наиболѣе частыми причинами помѣщенія малолѣтнихъ въ эти заведенія, кромѣ случаевъ учиненія наказуемыхъ правонарушеній, являются постоянное уклоненіе отъ школьныхъ занятій и крайняя необузданность поведенія, съ которой родители не могутъ больше справиться. Иниціатива примѣненія такой мѣры часто исходитъ отъ са-

михъ родителей. Подобное поведеніе дѣтей вызываетъ со стороны американца, даже при свойственнномъ ему добромъ отношеніи къ дѣтямъ, особенную заботливость. Во многихъ штатахъ напр. въ Массачузетсѣ существуютъ особые органы, которые доводятъ до свѣдѣнія суда о каждомъ случаѣ правонарушенія, учиненнаго малолѣтнимъ, сообщаютъ судьѣ результаты своихъ разслѣдованій и предлагаютъ ему принять ту или друую мѣру. Они должны также слѣдить за тѣмъ, чтобы родители такимъ способомъ не уклонялись отъ обязанности содержать своихъ дѣтей. Благотворительныя общества, содержащія заведенія для малолѣтнихъ, часто посылаютъ въ судъ своихъ представителей. Выборъ заведенія опредѣляется свободнымъ усмотрѣніемъ судьи. Однако за учиненіе наказуемыхъ дѣяній приговоренные отправляются въ большинствѣ штатовъ въ государственныя заведенія для малолѣтнихъ.

Въ силу такого порядка въ заведеніяхъ для малолѣтнихъ на ряду съ преступниками въ собственномъ смыслѣ (т. е. учинившими то или другое правонарушеніе) находится много дѣтей непреступныхъ, а только обнаружившихъ дурныя наклонности.

Приговоръ о заключеніи или добровольное помѣщеніе малолѣтнихъ въ пенитенціарныя или исправительныя заведенія никогда не соединяется съ указаніемъ опредѣленнаго срока; обычнымъ предѣломъ заключенія является достиженіе совершеннолѣтія (21 года), а въ нѣкоторыхъ штатахъ—достиженіе 18 лѣтъ, послѣ чего заключенный долженъ быть освобожденъ. Слѣдовательно идея неопредѣленныхъ приговоровъ въ томъ видѣ, какъ она проведена въ Эльмирѣ, является только распространеніемъ давно уже примѣняемаго къ малолѣтнимъ способа наказанія. Заведенія для малолѣтнихъ имѣютъ характеръ болѣе исправительный, чѣмъ карательный. Во всѣхъ нихъ дѣйствуетъ марочная система, при которой заключенный не можетъ оставить заведеніе до тѣхъ поръ,

пока не обнаружитъ опредѣленныхъ, выраженныхъ извѣстнымъ количествомъ марокъ, успѣховъ. Поэтому питомцы этихъ заведеній также хорошо знаютъ число своихъ марокъ, какъ наши солдаты—число дней, остающихся до окончанія срока ихъ службы. Въ новѣйшихъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ обращается очень серьезное вниманіе на физическое здоровье и умственное развитіе питомцевъ и тратится много средствъ на школьное и ремесленное обученіе и на различныя воспомогательныя учебныя пособія. Нѣкоторыя заведенія обладаютъ коллекціями и препаратами по зоологіи; въ заведеніи въ Рочестерѣ (Нью-Іоркъ) напр. существуетъ кулинарная школа для дѣвочекъ, гдѣ каждая получаетъ особую газовую плиту и свою отдѣльную кухонную утварь.

Малолѣтніе не остаются обыкновенно въ заведеніи до конца указаннаго закономъ срока заключенія; какъ скоро они достаточно докажутъ свое исправленіе, они отдаются на попеченіе какой либо семьи. Эта семья получаетъ права воспитанія и обязана давать отчеты тюремному управленію о своихъ питомцахъ, пока послѣднее не освободитъ ихъ совершенно. Чтобы установить хотя бы поверхностный контроль, управленіе заведенія поручаетъ своимъ служащимъ навѣщать отданныхъ въ частныя семьи питомцевъ. Право такой отдачи малолѣтняго въ подходящую семью въ маловажныхъ случаяхъ предоставлено также судьѣ. Къ этой мѣрѣ прибѣгли по тому, что пребываніе въ карательномъ заведеніи для малолѣтнихъ нашли крайне тяжелымъ. Семьи, готовыя (разумѣется за плату) взять пансіонеровъ, всегда легко можно найти. По тѣмъ же причинамъ за послѣднее время нѣкоторые штаты, особенно Пенсильванія и Массачузетсъ, приняли для заведеній для малолѣтнихъ ниже 16 лѣтъ такъ называемую *семейную систему*.

Въ то время, какъ прежнія исправительныя заведенія для малолѣтнихъ всѣ безъ исключенія устроены по Обурн-

ской системѣ, новыя построены такимъ образомъ, что совсѣмъ не напоминаютъ собой тюрьмы. Заключенные размѣщены по 20—40 человѣкъ въ отдѣльно расположенныхъ домахъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ большею частью бездѣтныхъ супруговъ, на которыхъ какъ на родителей, возложены заботы по воспитанію, съ предоставленіемъ права въ незначительныхъ случаяхъ подвергать питомцевъ наказанію. Только школа, церковь, гимнастическій залъ и бассейны для плаванія устроены общіе. Въ этихъ заведеніяхъ, называемыхъ обыкновенно „рабочій домъ“ или „убѣжище“, или „рабочій пріютъ“ нѣтъ ни рѣшетокъ, ни ограды. Фермеры изъ ближайшихъ окрестностей этихъ заведеній, расположенныхъ большею частью на открытой, здоровой мѣстности, вдали отъ города, знаютъ, что за возвращеніе въ заведеніе бѣглецовъ они получатъ вознагражденіе въ размѣрѣ 10 долларовъ; мѣра—на практикѣ доказавшая безполезность всякихъ оградъ. Такое образцовое, поддерживаемое на частныя пожертвованія заведеніе находится, между прочимъ, въ штатѣ Пенсильванія, близъ Glen Mills. Въ виду того, что при такъ называемой семейной системѣ прежде всего имѣютъ значеніе свойства характера и способности супружеской четы, попеченію которой ввѣряются питомцы, это порученіе ей дается лишь послѣ долгаго періода испытанія.

V.

Попеченіе объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія.

Попеченіе объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія является не менѣе трудной задачей, чѣмъ организація тюремнаго режима. Что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Соединенныхъ штатахъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ краткихъ замѣчаній:

Законы всѣхъ штатовъ предписываютъ, чтобы заключенный выпускался изъ заведенія въ приличномъ платьѣ и съ небольшимъ запасомъ наличныхъ денегъ, и это предписаніе точно исполняется. Содержимыя на счетъ государства пенитенціарныя заведенія на столько богаты, что въ большинствѣ изъ нихъ вошло въ практику сжигать одежду, въ которой пришелъ заключенный, если она не отличается чистотой. Освобождаемому выдается отъ заведенія обыкновенное штатское платье, не похожее на то, которое онъ носитъ въ заведеніи. Оно заготовляется въ тюрьмѣ обыкновенно самими заключенными. Сумма, которую освобожденный получаетъ, равняется въ среднемъ 5 долларамъ *). Какія суммы расходуются на эти выдачи, показываютъ слѣдующія цифры: Заведеніе „Western Penitentiary“ въ Allegheny (при среднемъ числѣ заключенныхъ въ 950 человѣкъ) выдало въ 1898 году освобожденнымъ 3405 долларовъ; директоръ государственной тюрьмы въ Charlstown'ѣ въ Массачузетсѣ получаетъ для этой

*) **Примѣчаніе.** Около 10 руб.

цѣли ежегодную субсидію въ размѣрѣ 3000 долларовъ. Менѣе богаты средствами графскія тюрьмы. Для питомцевъ этихъ тюремъ очень большое значеніе имѣетъ поддержка со стороны частныхъ лицъ.

Въ штатѣ Нью-Іоркъ существуетъ законъ, имѣющій въ виду по возможности ограничить освобожденіе заключенныхъ изъ государственныхъ тюремъ въ зимнее время. Онъ вмѣняетъ поэтому судамъ въ обязанность при опредѣленіи срока наказанія принимать во вниманіе это обстоятельство. Въ случаяхъ, когда нельзя избѣжать освобожденія въ зимнее время, директоры пенитенціарныхъ заведеній обязаны снабжать заключеннаго зимней одеждой.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ достойномъ вниманія обстоятельствѣ, которое въ тоже время можетъ служить яркимъ доказательствомъ того, какъ много практичности и какъ мало принципіальности во взглядахъ американца. Въ старой графской тюрьмѣ въ Holmesbourg'ѣ въ Филадельфіи въ тюремныхъ книгахъ подъ особой рубрикой O. R. записаны заключенные; это—тѣ, которые по отбытіи назначеннаго имъ срока наказанія, по собственному ходатайству (own request) остались въ заведеніи, не найдя себѣ работы или случайно ея лишившись.

Въ штатѣ Массачузетсъ существуютъ два должностныхъ лица, подчиненныхъ тюремному управленію, исключительной обязанностью которыхъ является попеченіе объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія. Этимъ лицамъ предоставлены богатыя средства для достиженія ихъ цѣли. Одно изъ этихъ лицъ—женщина.

Кромѣ того многіе штаты или тюрьмы имѣютъ особыхъ должностныхъ лицъ, обязанностью которыхъ является объѣзжать досрочно освобожденныхъ, доставлять о нихъ отчеты, слѣдить за ними и приходить къ нимъ на помощь совѣтомъ и дѣломъ.

Штатъ Мичиганъ въ каждомъ графскомъ округѣ содержитъ одного такого чиновника. Особенное значеніе это учрежденіе имѣетъ для малолѣтнихъ заключенныхъ, отданныхъ на попеченіе въ частныя семьи. Такъ какъ малолѣтніе преступники помѣщаются въ заведеніе на срокъ неопредѣленный и не могутъ быть удержаны въ заведеніи дольше опредѣленнаго возраста, то большинство ихъ при хорошемъ поведеніи рано или поздно отдается на попеченіе въ частныя семейства, главнымъ образомъ фермерамъ, которымъ они помогаютъ въ хозяйственныхъ работахъ, какъ объ этомъ уже было упомянуто.

Въ тѣхъ штатахъ, гдѣ нѣтъ такихъ объѣзжающихъ должностныхъ лицъ, какъ напр. въ Нью-Іоркѣ, существуетъ правило, что условно или досрочно освобожденный долженъ разъ въ мѣсяцъ давать о себѣ знать директору заведенія.

Въ заведенія для малолѣтнихъ въ Glen Mills въ Пенсильваніи заключенные при освобожденіи получаютъ для этой цѣли бланки съ напечатаннымъ адресомъ. Недоставленіе свѣдѣній является основаніемъ для возвращенія обратно въ заведеніе.

Дѣятельность частныхъ лицъ и попечительныхъ обществъ проявляется уже въ самой тюрьмѣ. Они снабжаютъ заключенныхъ брошюрами религіознаго содержанія, доставляютъ имъ объявленія о мѣстахъ, указываютъ, гдѣ они, послѣ своего освобожденія, могутъ найти пріютъ и работу; священники, учителя, даже профессоры университетовъ и члены попечительныхъ обществъ читаютъ по воскресеньямъ доклады религіознаго, нравственнаго и общеобразовательнаго содержанія. Тюремное богослуженіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Эльмирѣ (Нью-Іоркъ) дѣлается болѣе привлекательнымъ, благодаря содѣйствію церковнаго хора изъ города, о чемъ уже упоминалось выше. Тюремныя библіотеки и школы тоже поддерживаются благодаря частной помощи; даже цѣлыя заве-

денія, какъ напр. заведеніе для малолѣтнихъ въ Glen Mills являются учрежденіями исключительно частными.

Общества попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, если они учреждены не при заведеніи и не имѣютъ при немъ своего отдѣленія, то содержатъ тамъ, по крайней мѣрѣ, агента. Въ началѣ каждаго мѣсяца директоръ заведенія посылаетъ такому представителю общества списокъ заключенныхъ, которые должны быть освобождены въ теченіе мѣсяца, съ указаніемъ дня и часа освобожденія каждаго. Представитель общества передъ освобожденіемъ отправляется въ тюрьму, чтобы переговорить съ директоромъ и заключеннымъ о его дальнѣйшей судьбѣ послѣ освобожденія. Особенно энергичнымъ показался мнѣ агентъ общества попеченія объ освобождаемыхъ изъ тюрьмы въ Auburn'ѣ, мѣстѣ нахожденія извѣстной Нью-Іоркской тюрьмы, отъ которой получило свое начало такъ называемая „система молчанія". Послѣдній встрѣчалъ освобождаемыхъ при выходѣ ихъ изъ тюрьмы и самъ шелъ съ ними въ трактиръ для того, чтобы напомнить трактирщику о законѣ, запрещающемъ продавать спиртные напитки освобождаемымъ изъ тюрьмы.

Въ послѣднемъ годовомъ отчетѣ западной тюрьмы въ штатѣ Пенсильванія въ Allegheny съ особенной благодарностью говорится о желѣзно-дорожныхъ обществахъ, предоставлявшихъ освобожденнымъ изъ тюремъ какъ раньше, такъ и въ текущемъ году удешевленный тарифъ.

Среди американскихъ обществъ попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія особенно выдѣляется по своей дѣятельности Нью-Іоркское. Это общество, поддерживаемое богатыми, добровольными пожертвованіями имѣетъ большія заслуги не только въ дѣлѣ попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, но и вообще въ тюремномъ дѣлѣ. Оно поручаетъ своимъ служащимъ время отъ времени посѣщать тюрьмы и о результатахъ ежегодно представлять отчеты;

въ своемъ помѣщеніи въ Нью-Іоркѣ оно имѣетъ богатую библіотеку по тюрьмовѣдѣнію, причемъ нѣтъ недостатка даже въ нѣмецкихъ книгахъ. Въ 1895 г. общество издало обзоръ существующихъ въ штатѣ Нью-Іоркъ законовъ, касающихся исполненія приговоровъ о наказаніи. Въ своихъ годовыхъ отчетахъ оно помѣщаетъ важнѣйшіе законы и реформы изъ области тюремной жизни другихъ штатовъ Союза, а также сообщенія по вопросамъ тюрьмовѣдѣнія собственныхъ многочисленныхъ корреспондентовъ, изъ всѣхъ частей свѣта. Два года тому назадъ общество устроило выставку предметовъ, выработанныхъ въ тюрьмахъ штата Нью-Іоркъ, съ цѣлой серіей докладовъ по наиболѣе интереснымъ вопросамъ тюрьмовѣдѣнія. Помимо всего этого, оно съ чрезвычайнымъ успѣхомъ развиваетъ свою дѣятельность по отношенію къ освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія. Въ Февралѣ 1899 г. общество изъ 46 заключенныхъ, искавшихъ работы, 39 доставило постоянныя мѣста.

Хотя въ характерѣ американца протягивать руку падшему, „доставить ему случай“, какъ гласитъ часто употребляемое въ судахъ выраженіе, тѣмъ не менѣе существующее и въ Америкѣ предубѣжденіе противъ тюремныхъ сидѣльцевъ и постоянный притокъ дешевой рабочей силы изъ Европы заставляетъ признать вышеприведенные результаты въ высшей степени благопріятными. На мои вопросы, агентъ общества разъяснилъ, что на основаніи опыта они пришли къ убѣжденію, что путемъ переписки очень рѣдко и медленно можно получить свѣдѣнія о работахъ. Поэтому онъ ввелъ обычай самому ходить вмѣстѣ съ освобожденнымъ къ работодателямъ и увѣщаніями, и просьбами побуждать послѣднихъ, хотя бы одинъ разъ, попытаться имѣть дѣло съ освобожденнымъ изъ тюрьмы. Часть такихъ попытокъ увѣнчалась успѣхомъ; работодатели эти нѣсколько преодолѣли свое предубѣжденіе противъ выпущенныхъ изъ мѣстъ заключенія. Съ

ихъ согласія онъ записывалъ у себя имена этихъ лицъ, въ тотъ моментъ ихъ насчитывалось около 400 человѣкъ; къ этимъ то людямъ въ случаѣ нужды онъ обращался за содѣйствіемъ и большею частью съ успѣхомъ.

Общество обладаетъ большими запасами одежды и рабочихъ орудій. Собираніе ихъ оно производитъ такимъ образомъ, что послѣ предварительной просьбы, къ которой обыкновенно уже приложенъ бланкъ для отвѣта, общество посылаетъ къ жертвователямъ за предоставленными въ его распоряженіе предметами.

Что общество не преслѣдуетъ никакихъ сантиментальныхъ цѣлей, показываетъ основной его принципъ: ничего не давать безъ труда; въ принадлежащемъ обществу помѣщеніи всегда находится работа. Въ послѣднемъ годовомъ отчетѣ общества высказанъ чисто-американскій взглядъ:

„Опытъ научилъ насъ, что единственный путь успѣшнаго попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія — это содѣйствовать ихъ самопомощи“.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Введеніе.
II. Заведеніе въ Эльмирѣ и неопредѣленные приговоры.
1. Эльмира.
2. Примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ внѣ Эльмиры.
III. Условное осужденіе въ штатѣ Массачузетсъ.
IV. Отдѣльныя стороны тюремной организаціи.
1. Тюремная постройка.
2. Внутренній распорядокъ и дисциплина.
3. Дисциплинарныя наказанія и ихъ примѣненіе.
4. Производство работъ.
5. Попеченіе о здоровьѣ.
6. Попеченіе объ умственномъ развитіи.
7. Веденіе записей и книгъ.
8. Переписка и посѣщеніе.
9. Заведенія для малолѣтнихъ.
V. Попеченіе объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія.

ИСТОРІЯ

Демидовскаго Юридическаго Лицея

въ Ярославлѣ,

(1803—1899 г.г.)

Изданіе второе исправленное и дополненное.

Составилъ Секретарь Лицея

К. Д. Головщиковъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея 24 Февраля 1899 года.

Директоръ *С. Шпилевскій.*

I.

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ.

„Можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было“, такъ писалъ, въ 1801 г., Императору Александру I одинъ изъ видныхъ сподвижниковъ славнаго его царствованія гр. Александръ Романовичъ Воронцовъ. „Помышленія“ эти, съ вступленіемъ на престолъ Александра I, возобновились въ широкихъ размѣрахъ, и первыя пять лѣтъ мирнаго царствованія его ознаменованы были началомъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія, предпринятымъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, съ пылкимъ желаніемъ водворить въ Россіи порядокъ, правосудіе, просвѣщеніе. Починъ положенъ былъ изданіемъ, 8 сентября 1802 г., манифеста объ учрежденіи министерствъ. Манифестъ этотъ начинался *признаніемъ*, что до сихъ поръ управленіе имѣло болѣе возможности пресѣкать открывшееся зло, нежели предупреждать его; у правительства недоставало, говорится далѣе, „спасительныхъ средствъ“ для открытія нуждъ народа, для утвержденія необходимаго во всемъ порядка и развитія народныхъ силъ. Этими-то „спасительными средствами“ и должны была сдѣлаться, по мнѣнію законодателя, учреждаемыя министерства, которыхъ и создано было тогда восемь: 1) военныхъ сухопутныхъ и 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія. Министру народнаго просвѣщенія (первымъ министромъ былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій) ввѣрялось „воспитаніе

юношества и распространеніе наукъ". Царствованіе Императора Александра, по словамъ покойнаго петербургскаго профессора И. П. Шульгина (актовая рѣчь его— 25 марта 1838 г.), „полное дивными событіями и составляющее собою періодъ во всемірной исторіи, есть великое время и въ исторіи нашего образованія. Здѣсь краснорѣчію цифръ должно уступить всякое краснорѣчіе слова: въ концѣ царствованія Екатерины II было учебныхъ заведеній общаго образованія до 250; въ концѣ царствованія Императора Александра до 1200; учащихъ въ первую эпоху было съ небольшимъ 500, во вторую—около 3500; учащихся въ то время до 12.000, а въ это—до 60.000".

24 января 1803 г. Высочайше утверждены были предварительныя правила народнаго просвѣщенія. Вся имперія раздѣлена на учебные округа, и сенату данъ того же числа именный указъ объ устройствѣ училищъ. Эти предварительныя правила заключались обращеніемъ „къ патріотамъ" содѣйствовать благу отечественнаго просвѣщенія. Въ нихъ говорилось: „*Всѣ благонамеренные граждане, при устроеніи училищъ, вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ нынѣ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее, и утвердить на предбудущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества*".

Въ средѣ крупныхъ ярославскихъ землевладѣльцевъ нашелся тогда человѣкъ, глубоко вѣровавшій въ силу науки, испытавшій по себѣ ея чарующую прелесть и желавшій создать источникъ чистаго знанія, человѣкъ, родъ котораго славенъ былъ и прежде ревностью къ отечественному просвѣщенію. Это, первый отозвавшійся на призывъ правительства, былъ *Павелъ Григорьевичъ Демидовъ*.

Родился *Павелъ Григорьевичъ* 29 декабря 1738 года, и въ воспитаніи своемъ представляетъ, по словамъ покойнаго московскаго профессора С. П. Шевырева, зрѣлые плоды того просвѣщенія, которое смѣло сѣялъ преобразователь самодержавною рукою своею по лицу всей Россіи. „Грамотному чтенію“ Павла Григорьевича начали учить дома съ трехъ лѣтъ. Въ лѣта же своей юности онъ воспитывался въ Ревелѣ у профессора *Сигизмунди*, подъ руководствомъ котораго находился 1748—1751 г.г. Получивъ нужныя свѣдѣнія въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, Павелъ Григорьевичъ, для продолженія наукъ, отправленъ былъ родителями въ Германію, гдѣ и слушалъ лекціи сперва (до мая 1755 года) въ Геттингенскомъ университетѣ, а потомъ въ академіи въ Фрейбергѣ. Предметами занятій молодаго Демидова были преимущественно, особенно любимыя имъ, науки естественныя и металлургія, и онъ въ Геттингенѣ слушалъ лекціи великихъ свѣтилъ этихъ наукъ—*Галлера*, *Геснера*, *Зегнера*, *Тобіаса Мейера* и другихъ извѣстныхъ профессоровъ. Въ Фрейбергѣ Демидовъ пробылъ цѣлый годъ, гдѣ изучалъ практически искусства добыванія рудъ и плавильное, а вмѣстѣ съ тѣмъ слушалъ лекціи металлургіи у *Гофмана* и минералогіи и химіи у *Геллерта*. Отсюда молодой ученый предпринялъ путешествіе по Европѣ, куда влекло его желаніе видѣть важнѣйшіе достопамятности природы, наукъ и художествъ. Путешествуя такимъ образомъ 6 лѣтъ, онъ посѣтилъ Богемію, Венгрію, разныя земли Австрійскія и большую часть Германіи; сдѣлалъ ученыя наблюденія въ Швейцаріи; обозрѣлъ потомъ Римъ, Неаполь и другіе города Италіи, отсюда проѣхалъ во Францію, Голландію, Англію и Шотландію, гдѣ отъ города Гласгова получилъ право гражданства[1]).

---

[1]) Объ этомъ проф. Демидовскаго училища Покровскій въ рѣчи, въ собраніи училища по случаю смерти Павла Григорьевича, выражается

Изъ Великобританіи Демидовъ направился въ Данію, откуда проѣхалъ въ Швецію и Норвегію, гдѣ изучалъ на мѣстѣ серебряные, желѣзные и мѣдные рудники[1]). Въ Швеціи Демидовъ свелъ знакомство съ знаменитымъ, пользующимся и до настоящаго времени большимъ въ наукѣ авторитетомъ, ботаникомъ *Линнеемъ*, сдѣлавшимся впослѣдствіи другомъ его, лекціи котораго и слушалъ Демидовъ въ Упсалѣ, и здѣсь же онъ слушалъ лекціи химіи и минерологіи у Валерія[2]).

Возвратясь затѣмъ, вскорѣ послѣ смерти своего отца, въ началѣ 1762 года, въ Россію, Павелъ Григорьевичъ зна-

---

такъ: «Великая слава Демидову, но не меньшая честь намъ, что столь гордые, столь многоуважающіе права свои остравитяне почтили чужеземца титломъ гражданина, къ ихъ сословію принадлежащаго! Великая слава Демидову тѣмъ болѣе, что не ораторъ перламентскій въ народномъ сеймѣ говорилъ въ пользу его, дабы принятъ въ число своихъ согражданъ; за нашего мецената говорили краснорѣчивѣйшимъ языкомъ сами его дарованія, его природныя и пріобрѣтенныя душевныя способности, его глубокія познанія Божескихъ и человѣческихъ вещей, за него говорили его личныя достоинства, и личныя достоинства украсили его столь лестнымъ и столь великимъ отличіемъ между иноплеменнымъ народомъ!»

[1]) «Лично спускаясь въ глубину, гдѣ они разработываются рачительными руками трудолюбивой промышленности», прибавляетъ тотъ же проф. Покровскій.

[2]) «Не было, говоритъ проф. Покровскій, ни одного города, ни одной столицы, славной учеными заведеніями и мануфактурами, которыя бы не останавливали на себѣ взоровъ или любопытства Демидова». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же проф. говоритъ: «Римскій ораторъ говоритъ о Цицеронѣ, что никакой путникъ не можетъ пройти столь отдаленныхъ странъ, сколько его герой протекъ, ознаменовавъ оныя не стонами, но побѣдами. Я скажу о своемъ героѣ, что ни одинъ ученый путешествователь не возвращался въ свое отечество съ столь богатою и съ столь обильною жатвою, какую чрезъ 11 лѣтъ нашъ Демидовъ собралъ на чуждыхъ поляхъ, у чуждыхъ народовъ».

чительную часть изъ наслѣдственнаго имѣнія своего передалъ въ распоряженіе братьевъ—Александра (старшаго) и Петра (меньшаго) Григорьевичей, а самъ посвятилъ себя исключительно наукамъ, обозрѣвъ при этомъ всѣ достопримѣчательности своей родины[1]); при чемъ главное вниманіе обращалъ на рудники и горные заводы.

Въ тотъ же періодъ времени (1762—1772 г.г.) Павелъ Григорьевичъ состоялъ на государственной службѣ и удостоился Высочайшаго вниманія Императрицы Екатерины II, получивъ въ 1762 г., „за обширныя познанія въ натуральной исторіи и минерологіи", чинъ совѣтника бергъ-коллегіи, а при выходѣ въ отставку чинъ статскаго совѣтника. Жилъ Демидовъ въ это время постоянно зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ или въ Нижегородскомъ имѣніи, или больше и чаще, въ подмосковскомъ своемъ селѣ Леоновѣ, верстахъ въ 6 отъ Ярославской заставы, влѣво отъ шоссе, на Яузѣ.

Въ 1772 г. Павелъ Григорьевичъ вторично отправился за границу, для поправленія здоровья, въ Спа. Въ эту же поѣздку онъ побывалъ въ Германіи, Франціи и Голландіи. Въ Россію возвратился, чрезъ Стокгольмъ, въ 1773 году.

Съ этого времени Павелъ Григорьевичъ всю жизнь свою посвятилъ „философскому уединенію, разсматриванію природы и ученымъ созерцаніямъ". Въ это же время Демидовъ находился въ постоянной перепискѣ со многими европейскими учеными: съ *Бюффономъ*, *Галлертомъ*, *Валеріемъ* и особенно съ *Линнеемъ*. Цѣлью этой переписки были разныя ученыя открытія, дѣлаемыя Павломъ Григорьевичемъ по части естественной исторіи. Такъ онъ сообщилъ *Линнею* описаніе *корсака*—животнаго, обитающаго въ Киргизскихъ степяхъ

---

[1]) Въ эти поѣздки Павелъ Григор. посѣтилъ всѣ казенные и частные Екатеринбургскіе заводы; былъ въ 1763 г. въ Тулѣ, Петербургѣ, Шлиссельбургѣ и Ладогѣ.

между Яикомъ, Эмбою и Иртышомъ. Описаніе это вошло въ систему зоологіи и помѣщено Линнеемъ въ его сочиненіяхъ (Linnaei System Naturae), съ благодарностью Демидову. Демидовъ первый также сдѣлалъ описаніе *кобеца* (Falco vespertinus, родъ ястреба) *и красной утки астраханской* (Casarca); и эти описанія также помѣщены Линнеемъ въ его сочиненіяхъ.

Во время же своихъ путешествій заграничныхъ и по Россіи, Павелъ Григорьевичъ пріобрѣлъ рѣдкія коллекціи по части естественныхъ наукъ, собраніе медалей, монетъ, художественныхъ рѣдкостей и библіотеку[1]).

Составленіе библіотеки также было предметомъ постоянныхъ заботъ и удовольствія Павла Григорьевича. Повсюду скупалъ онъ самыя дорогія и рѣдкія изданія на всѣхъ языкахъ и по всѣмъ отраслямъ знанія, преимущественно же по наукамъ естественнымъ. Множество весьма рѣдкихъ и замѣчательныхъ рукописей латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ украшали библіотеку его. Въ числѣ этихъ рукописей находились любопытныя собственноручныя, на нѣ-

---

[1]) Начало своимъ собраніямъ Павелъ Григорьевичъ положилъ покупкою за 65,979 франк. въ Парижѣ одного изъ первоклассныхъ кабинетовъ, который принадлежалъ знаменитой того времени актрисѣ парижскаго театра дѣвицѣ *Клеронъ*. Къ этому онъ присоединилъ за 1,236 франк. коллекцію Кайэнскихъ птицъ, которую *Пуасоньеръ* и *Бовиль* дополнили разными рѣдкими животными, большею частію пресмыкающимися, что стоило 2,184 фр. Все это въ 1773 г. перевезено было въ Москву; при чемъ одна укладка этихъ драгоцѣнностей стоила 200 луидоровъ. Но Демидовъ не остановился на этомъ въ увеличеніи своихъ кабинетовъ. Онъ пріобрѣлъ еще Вейнгардово собраніе минералловъ, состоявшее изъ 200 штуфовъ разныхъ странъ и особенно богатое золотою рудою, венгерскими опалами, агатами и т. под. Потомъ онъ купилъ оригностическое собраніе Войта, Вейнерово—геогностическое, и множество Гарцскихъ рудъ. У Вейса купилъ онъ еще другую коллекцію за 6,000 руб. и потомъ пріобрѣлъ за 2,000 руб. сибирскіе штуфы.

мецкомъ языкѣ, записки его о всѣхъ сдѣланныхъ имъ путешествіяхъ и замѣчанія о слышанныхъ имъ лекціяхъ. Все это—и музеи и библіотека, къ великому сожалѣнію, погибло въ Москвѣ въ достопамятный 1812 годъ.

При постоянныхъ занятіяхъ науками, Павелъ Григорьевичъ находилъ еще время собственноручно составить каталогъ своей библіотеки *по системѣ, имъ самимъ изобрѣтенной*, которая доказываетъ его рѣдкое знаніе литературы и библіографіи [1]). Вотъ подлинное заглавіе этого каталога: „Каталогъ россійскимъ книгамъ библіотеки Павла Демидова. Библіографическая система, или методическое распредѣленіе книгъ, расположенное по порядку матерій, т. е. основанное на разныхъ источникахъ, откуду разумъ человѣческій почерпаетъ свои познанія—(*единыя истинныя черты, могущія постановить основаніе естественнаго распредѣленія*); съ постепеннымъ порядкомъ ихъ связи, или наиболѣе натуральнаго расположенія ихъ родовъ и видовъ, или классовъ и порядковъ“.

При разнообразныхъ своихъ занятіяхъ, не опускалъ Павелъ Григорьевичъ изъ виду подвиговъ благотворительности, подвиговъ, не менѣе какъ и научные, прочныхъ и богатыхъ, по своимъ послѣдствіямъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ русскомъ обществѣ живо почувствовалась, какъ мы знаемъ, потребность образованія. Воодушевленное примѣромъ молодаго монарха, общество, необманчивымъ чутьемъ и смысломъ, возлагало на науку

---

[1]) Каталогъ этотъ изданъ былъ, по порученію и просьбѣ Демидова, Московскимъ профессоромъ Фишеромъ, подъ такимъ заглавіемъ: Museum Demidoff. Tom I, contenant le catalogue systematique des livres de la Ribliotheque de Paul Demidoff, public par le Profess. Fischer, a Moscou, 1806. Описаніе же принадлежавшаго Демидову кабинета естественной исторіи, составило II и III томы помянутой книги проф. Фишера.

надежды своего нравственнаго возрожденія; въ ней оно видѣло силу, которая способна поднять и двинуть Россію на пути, указанномъ ей исторіею. Всѣ сознавали, что къ великимъ преданіямъ, завѣщаннымъ предками, нужно было присоединить еще силу знанія, и что этотъ новый двигатель, при бережномъ сохраненіи прежнихъ, придастъ отечеству нашему новое прочное могущество.

На сколько дѣятельно проявилось это сознаніе въ обществѣ и правительствѣ, можно видѣть уже изъ того, что къ началу нынѣшняго столѣтія относится учрежденіе у насъ четырехъ университетовъ, изъ которыхъ одинъ, Харьковскій, много обязанъ своимъ возникновеніемъ усиліямъ одного лица— извѣстнаго Василія Назаровича Каразина.

И внукъ кузнеца крестьянина изъ деревни Павшиной (Тульской губ.) Никиты Демидыча Антуфьева, котораго еще Петръ Великій, за его заслуги въ ружейномъ искусствѣ, возвелъ въ потомственное дворянство, давъ ему и новую фамилію—Демидовъ, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, находилъ, что лучшею службою его отечеству будетъ основаніе высшаго учебнаго заведенія. Дѣло это устроилось такъ.—Рѣшившись вполнѣ обезпечить имѣющую открыться тогда въ Ярославлѣ гимназію, Павелъ Григорьевичъ отправилъ, 21 марта 1803 г., съ учителемъ Московскаго главнаго народнаго училища (нынѣшняя 1-я гимназія) П. М. Дружининымъ письмо бывшему тогда Министру Народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому[1]). Въ письмѣ этомъ Павелъ Григорьевичъ сообщаетъ свое рѣшеніе отдать состоявшую за нимъ Романовскую вотчину съ 1330 муж. пола душами въ пользу назначенной къ открытію въ Ярославлѣ гимназіи. При этомъ Павелъ Григорьевичъ рѣшилъ „употребить 200.000 руб. въ пользу существовавшаго уже Московскаго и предназначен-

[1]) Письмо это помѣщается вполнѣ въ приложеніи подъ № 1-мъ.

ныхъ Кіевскаго и Тобольскаго университетовъ". Сверхъ того библіотеку, кабинетъ натуральной исторіи и минцъ-кабинетъ, стоющіе по крайней мѣрѣ 250.000 руб., назначалъ университету Московскому. Изложивъ въ письмѣ эти свои предположенія, Демидовъ уполномочилъ Дружинина вести съ министромъ переговоры и объ открытіи *университета* въ Ярославлѣ[1]). Въ случаѣ же успѣха въ этомъ дѣлѣ, Демидовъ обѣщаетъ, передавъ Романовскую вотчину „въ пользу онаго (университета въ Ярославлѣ), присоединить и Угличскія свои деревни съ 2240 душами и выдать еще на заведеніе 100.000 руб.

Дружининъ миссію свою исполнилъ, а графъ Заводовскій, доложивъ о переговорахъ съ нимъ Императору, извѣстилъ Демидова письмомъ[2]) отъ 8 апрѣля 1803 г.—какъ приступить къ исполненію задуманнаго имъ добраго намѣренія, а 4-го апрѣля же послѣдовалъ на имя Демидова слѣдующій Высочайшій рескриптъ: „Господинъ статскій совѣтникъ Демидовъ! Министръ народнаго просвѣщенія докладывалъ мнѣ вашъ отзывъ къ нему, въ которомъ предлагаете отъ своего имущества знаменитые дары въ пользу народныхъ училищъ. Принявъ съ отличнымъ благоволеніемъ столь чувствительный доводъ вашей ревности и усердія ко благу отечества, обнадеживая васъ моимъ Императорскимъ словомъ, что всѣ распоряженія ваши, которыя вы сдѣлаете въ помощь училищамъ, я утвержу точно по вашей волѣ и въ память имени благодѣтельнаго онымъ. Пребудьте не меньше увѣрены и въ томъ, что отличную добродѣтель отлично уважаетъ вамъ благосклонный Александръ".

Ободренный такимъ Высочайшимъ словомъ въ своихъ

---

[1]) Это уполномочіе дано Дружинину Демидовымъ письменно. Письмо это помѣщается въ приложеніи подъ № 2.

[2]) Письмо Министра Демидову въ приложеніи № 3.

начинаніяхъ, Павелъ Григорьевичъ обратился тогда съ слѣдующимъ, отъ 29 того же апрѣля, прошеніемъ на Высочайшее имя:

„Всемилостивѣйшій Государь! Удостоясь получить отличное благоволеніе, какое Вашему Императорскому Величеству, по благости своей, угодно было изъявить мнѣ Высочайшимъ рескриптомъ своимъ, спѣшу принести наичувствительнѣйшую благодарность всещедрому монарху, столь милостиво воззрѣвшему на усердіе своего подданнаго, и въ полной надеждѣ на совершенное благоволеніе, принимаю смѣлость повергнуть къ престолу Вашего Императорскаго Величества слѣдующую просьбу мою.

Съ давнихъ лѣтъ помышлялъ я удѣлить часть отъ избытковъ имущества своего на какое нибудь человѣколюбивое заведеніе; а, любя науки и почитая просвѣщеніе первымъ основаніемъ благосостоянія государства, сильнѣйшее мое желаніе всегда было споспѣшествовать распространенію оныхъ. Величайшій и несравненный примѣръ Вашего Императорскаго Величества, открывающій путь ко всеобщему просвѣщенію въ Россіи [1]), возбудилъ во мнѣ непреодолимое жела-

---

[1]) 18 марта 1802 г. состоялось Высоч. повелѣн. объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія уставовъ академіи наукъ, академіи россійской и Московск. универс.; 25 марта того же года—объ отпускѣ ежегодно въ Россійскую академію по 3,000 руб. на изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій и на печатаніе переводовъ классическихъ авторовъ; 26 мая того же года подписанъ указъ объ открытіи Дерптскаго университета; по указу 24 іюня повелѣно ввести въ семинаріяхъ обученіе медицинскимъ наукамъ: 14 сентября преобразованъ пажескій корпусъ; 22 октября утверждены дополнительныя статьи къ уставу С.-Петербургской академіи художествъ, открытой въ 1764 году; по указу 29 ноября преобразована С.-Петерб. медико-хирург. академія, носившая прежде (съ 1783 г.) названіе медико-хирургическаго института; 26 января 1803 г. послѣдовалъ указъ объ устройствѣ училищъ и распространеніи наукъ въ имперіи, а 24 января же—объ учрежденіи учебныхъ округовъ; 4 марта подписанъ

ніе произвести въ самое дѣйствіе то, о чемъ помышлялъ я нѣсколько лѣтъ. 3,578 душъ, въ Ярославской губерніи за мной состоящія и самимъ мною пріобрѣтенныя, и 300,000 денегъ есть приношеніе назначенное мною при жизни моей въ пособіе на заведеніе училищъ. Вашему Императорскому Величеству угодно уже было одобрить мои намѣренія, и я, будучи ободренъ Императорскимъ словомъ, принимаю смѣлость повергнуть на Высочайшую конфирмацію слѣдующее распоряженіе мое:

Извѣстно мнѣ, сколь великое число неимущаго дворянства въ губерніи Ярославской имѣетъ нужду въ такомъ заведеніи, въ которомъ бы оно, съ малыми средствами, могло пріобрѣсть всѣ тѣ познанія, кои образуютъ разумъ и сердце. Принимаю смѣлость просить Ваше Императорское Величество, дабы Высочайшимъ указомъ Вашимъ повелѣно было назначенную въ Ярославлѣ гимназію возвысить въ такое училище, которое бы имѣло одинаковую степень съ университетами, и всѣ преимущества онаго, заведя въ немъ классъ наукъ университетскихъ [1]). И если сія всеподданнѣйшая просьба моя удостоится Высочайшаго благоволенія, отдаю я, въ пособіе оному, нынѣ же, какъ на содержаніе профессоровъ, такъ и другія по училищу надобности, за исключеніемъ

уставъ училища корабельной архитектуры; 17 марта же утвержденъ докладъ министра народнаго просвѣщенія съ примѣрнымъ исчисленіемъ суммъ на содержаніе университетовъ, гимназій и уѣздныхъ училищъ; 18 числа утвержденъ указъ о порядкѣ преподаванія въ духовныхъ училищахъ; 4 апрѣля утвержденъ актъ о Виленскомъ универс., а 18 мая самый уставъ его; 19 мая состоялся указъ объ учрежденіи приктическаго лѣснаго училища. См. Полн. Собр. Зак. т. XXVII.

[1]) Историкъ русскаго просвѣщенія отдастъ должную дань справедливости графу Дмитрію Андреевичу Толстому, который, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, сохранилъ для Ярославля хотя одинъ факультетъ университета-юридическій.

нѣкотораго числа дворовыхъ, всѣ помянутыя 3,578 душъ[1]), на такомъ же основаніи, какое съ волею Вашего Императорскаго Величества и выгодами училища можетъ быть согласно, прося утвердить оныя Высочайшимъ Вашимъ указомъ *въ вѣчную и неподвижную пользу онаго* и сверхъ того 100,000 денегъ, *желая, чтобы сумма сія*, будучи положена въ какое нибудь государственное мѣсто, *осталась вѣчнымъ* для него *капиталомъ*, и училище пользовалось одними доходами, употребляя ихъ не иначе, какъ на содержаніе неимущихъ той губерніи дворянъ и другаго состоянія людей. Если же между ими встрѣтятся такіе, кои рѣдкими своими дарованіями обратятъ особливое на себя вниманіе, таковыхъ благоволено бъ было отправлять и въ чужіе краи.

Остальные 200,000 желалъ бы я распредѣлить такимъ образомъ, чтобъ 100,000 употреблены были въ пособіе существующему уже университету Московскому, а другіе— Кіевскому и Тобольскому.

Но пока приспѣетъ время образованію сихъ послѣднихъ, (говорится далѣе въ прошеніи), Демидовъ проситъ капиталъ этотъ приращать изъ процентовъ въ пользу тѣхъ же университетовъ, „предоставляя дальнѣйшее распоряженіе онымъ благоразумію министра просвѣщенія.

Всемилостивѣйшій Государь! (такъ заключаетъ свое прошеніе Демидовъ). Се—жертва усердія моего ко благу общему! Милостивое воззрѣніе Ваше на усердное приношеніе мое есть единая награда, которой ожидаю отъ престола Вашего Императорскаго Величества“.

Приведенное прошеніе вполнѣ характеризуетъ то время, къ которому оно относится и отъ котораго начинаютъ свою исторію нѣсколько высшихъ и много другихъ учебныхъ за-

---

[1]) Платившихъ оброку по 10 р. въ годъ,

веденій въ Россіи. Взаимная вѣра въ науку и знаніе соединяла тогда и Государя и подданныхъ; уваженіе къ наукѣ было обоюдное, и Государь, желая показать какъ высоко ставитъ онъ дѣло совершенное Демидовымъ, 6 іюня, на прошеніи его, начерталъ „Быть по сему", и тогда же далъ слѣдующій указъ сенату:

„Отличные подвиги гражданъ, содѣйствующихъ великому благу отечества, должны пребыть незабвенны отъ рода въ родъ. Потому, утвердивъ благотворительное распоряженіе статскаго совѣтника Демидова, который приноситъ въ даръ училищамъ отъ своего имущества деревни въ 3,578 душъ, денежный наличный капиталъ въ 300,000 рубляхъ, знатную библіотеку и кабинеты натуральныхъ художественныхъ рѣдкостей, также медалей, собранные большимъ иждивеніемъ [1]), повелѣваемъ:

„1) Выбить золотую медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица Демидова, а на другой поставить приличную надпись, означающую его дѣйствіе. И таковую медаль, какъ залогъ общей признательности, вручить ему, Демидову, въ Москвѣ, въ общемъ правительствующаго сената собраніи [2]).

„2) Предавъ тисненію прилагаемое при семъ прошеніе, издать оное во всенародное извѣстіе, дабы добродѣтель, достойная почтительнаго вниманія, явлена была предъ лицемъ отечества.

---

[1]) «Библіотеку, кабинетъ натуральной исторіи, минцъ-кабинетъ, содержащій въ себѣ медали почти всѣхъ европейскихъ государствъ, и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, кои собиралъ я (такъ сказано въ прошеніи Демидова) около 40 лѣтъ, предоставляю въ пользу Московскаго университета».

[2]) На правой сторонѣ медали выбитъ поясной портретъ Демидова и вокругъ надпись: *Павелъ Григорьевичъ Демидовъ.* На оборотной сторонѣ, въ лавровомъ вѣнкѣ, связанномъ внизу Владимірской лентой, на которой еще ниже изображенъ и самый орденъ, слова: *за благотвореніе наукамъ.* 1803.

„3) Привести къ исполненію всѣ распоряженія, самимъ благотворителемъ учиненныя, *въ точной сообразности съ его волею*, возложить на министра народнаго просвѣщенія“.

Такъ совершилось П. Г. Демидовымъ великое дѣло благотворенія современникамъ и далекимъ будущимъ поколѣніямъ!

Одновременно съ принятіемъ пожертвованій на учрежденіе въ Ярославлѣ училища, т. е. 6-же іюня 1803 г., Павелъ Григорьевичъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра большаго креста первой степени, при слѣдующемъ рескриптѣ:

„Нашему статскому совѣтнику Демидову!

Утвердивъ по волѣ вашей представленное намъ отъ васъ распоряженіе о имѣніи вашемъ на пользу училищъ, за что возблагословятъ васъ призрѣнные вашею щедротою и всѣ чтущіе усердіе къ отечеству, мы признали справедливымъ пожаловать васъ кавалеромъ ордена Св. равноапостольнаго князя Владиміра большаго креста, первой степени, установленнаго въ награду изящныхъ гражданскихъ дѣяній, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить оные на себя и носить по установленію. Пребываемъ вамъ доброжелательны. Александръ“.

Вскорѣ затѣмъ—25 марта 1805 года—Павелъ Григорьевичъ произведенъ былъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, о чемъ сенату данъ былъ слѣдующій высочайшій указъ:

„Внемля новымъ благотвореніямъ, которыя въ пользу народнаго просвѣщенія оказываетъ статскій совѣтникъ Демидовъ, Всемилостивѣйше жалуемъ его дѣйствительными статскимъ совѣтникомъ. *Александръ*“.

Благотворенія Павла Григорьевича училищу неограничились только изложеннымъ выше. Такъ на перестройку дома для училища онъ далъ 20,000 р. и за тѣмъ выслалъ свой портретъ и бюстъ, а 14 марта 1811 года училище получило

отъ него, „для храненія на вѣчныя времена“, золотую медаль, выбитую и поднесенную ему по Высочайшему повелѣнію въ общемъ собраніи правительствующаго сената Московскихъ департаментовъ, а серебряную съ этой медали копію онъ вручилъ лично бывшему тогда проректоромъ училища, профессору *Шмидту*, „за отличное исправленіе возложенной на него должности“. Затѣмъ, въ томъ же 1811 году, онъ выслалъ училищу 263 на разныхъ языкахъ книги, въ которыхъ, какъ видно изъ дѣлъ лицея, „находилось самое рѣдкое и драгоцѣнное собраніе эстамповъ, картинъ и перспективныхъ видовъ“. При этомъ, до такой степени Павелъ Григорьевичъ былъ увѣренъ въ учрежденіи въ Ярославлѣ *университета*, что на многихъ изъ книгъ, которыя хранятся и теперь въ лицейской библіотекѣ, собственноручно надписалъ: *Демидовскому университету*. Тогда же выслалъ онъ большую акроматическую зрительную трубу въ футлярѣ краснаго дерева и вообще снабжалъ, въ разное время, свое заведеніе „библіотекою, кабинетомъ физическихъ машинъ, химическихъ приборовъ и собраніемъ разнаго рода камней и минералловъ“. Однимъ словомъ, Павелъ Григорьевичъ во всю свою жизнь постоянно благодѣтельствовалъ основанному имъ заведенію и заботливо пекся о благосостояніи и преуспѣяніи его. Ничего не дѣлалось безъ его вѣдома. Всякія предположенія совѣта училища приводились въ исполненіе не иначе какъ съ его разрѣшенія.

Одновременно съ пожертвованіемъ на учрежденіе училища въ Ярославлѣ, Павелъ Григорьевичъ, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше Всеподданнѣйшаго прошенія его, сдѣлалъ еще ради науки вкладъ 200.000 рублей: изъ нихъ 100.000 назначались имъ по равной части для будущихъ университетовъ — Кіевскаго, который и открытъ 15 іюля 1834 года, и Тобольскаго, а другія 100.000 Московскому университету, съ тѣмъ чтобы часть процентовъ съ этой по-

слѣдней суммы употреблялась на содержаніе студентовъ. часть на отправленіе достойнѣйшаго изъ нихъ въ иностранные университеты и часть на содержаніе каѳедры натуральной исторіи, съ порученіемъ ея „иностранному профессору, пока эта важная часть наукъ дойдетъ у насъ до большаго совершенства". 5 ноября 1804 г. Высочайше утвержденъ былъ новый уставъ Московскаго университета, по которому (§ 25) въ отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ и учреждена особая каѳедра натуральной исторіи подъ названіемъ *Демидовской* [1]) съ тѣмъ „чтобы на содержаніе оной употребляема была часть доходовъ съ капитала, принесеннаго въ пользу Московскаго университета П. Г. Демидовымъ".

Давняя мысль и правительства (въ Высочайшемъ указѣ сенату отъ 24 января 1803 г. высказывалось, какъ мы знаемъ, намѣреніе открыть университетъ между прочимъ въ Тобольскѣ) и частныхъ лицъ (П. Г. Демидовъ) объ учрежденіи университета на дальнемъ востокѣ нашего отечества, получила наконецъ осуществленіе уже въ наши дни, и исторія наша обогатилась новой страницей — объ „*Открытіи Сибирскаго университета въ Томскѣ*". Закладка зданія Сибирскаго университета состоялась въ 1880 г. въ священный для того времени русскимъ день—26 августа. Профессоръ В. М. Флоринскій, въ рѣчи при закладкѣ этого зданія, въ перечнѣ пожертвованій на университетъ первое мѣсто отвелъ пожертвованію Павла Григорьевича, капиталъ котораго (50.000 р.), при нарощеніи процентами, составилъ, по его словамъ, къ этому времени около 150 т. р. За это давнее пожертвованіе, 10 января 1879 г., Высочайше повелѣно поставить въ актовомъ залѣ Сибирскаго университета портретъ *извѣстнаго*, какъ сказано въ помянутомъ Высо-

---

[1]) На каѳедру эту приглашенъ былъ тогда же Московскимъ университетомъ извѣстный Майнцскій профессоръ *Фишеръ*.

чайшемъ повелѣніи, *благотворителя общественнаго просвѣщенія*—П. Г. Демидова.

Кромѣ денегъ подарилъ Павелъ Григорьевичъ Московскому университету, собранную имъ въ теченіи многихъ лѣтъ, библіотеку. О числѣ вообще находившихся у него иностранныхъ книгъ неизвѣстно; русскихъ же въ библіотекѣ его было 529 названій и 158 рукописей, изъ коихъ многія, по свидѣтельству *В. Ундольскаго*, (чтенія въ общ. истор. 1846 г. № 2), „заслуживали вниманія ученаго и по краткому описанію (каталогу); потеря ихъ (онѣ сгорѣли въ 1812 г.) совершенно—дополняетъ онъ—невознаградима". Кромѣ библіотеки Московскому же университету подарены Демидовымъ: кабинетъ натуральной исторіи, собранный подъ руководствомъ профессоровъ *Добантона* и *Лесседа*, минцъ-кабинетъ съ медалями и монетами почти всѣхъ европейскихъ государствъ, травникъ (herbarium) и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей (антики, картины). Все это вмѣстѣ цѣнилось тогда знатоками въ 300.000 руб. Пожертвованіямъ Павла Григорьевича университетъ отвелъ у себя три отдѣльные зала, которые и назывались „Демидовскими". „Я почелъ долгомъ своимъ принести лично признательность университета почтенному его благотворителю г. статскому совѣтнику Демидову",—говорилъ попечитель Московскаго университета М. Н. Муравьевъ въ отчетѣ своемъ министру за 1803 годъ.

Въ маѣ 1805 года Павелъ Григорьевичъ подарилъ для университетской обсерваторіи превосходный астрономическій экваторіалъ—работы извѣстнаго англійскаго художника Шорта и органъ „для употребленія при торжественныхъ случаяхъ", цѣнившійся тогда въ 10.000 руб. „Во вниманіе къ продолжаемымъ пожертвованіямъ сего любителя наукъ", Павелъ Григорьевичъ получилъ тогда Высочайшее благоволеніе.

Въ маѣ 1806 г. университетъ объявилъ о новомъ пожертвованіи Павла Григорьевича. Это былъ минцъ-кабинетъ

изъ нѣсколькихъ тысячъ древнихъ монетъ и медалей золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, оловянныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ и съ величайшимъ стараніемъ собиралъ Павелъ Григорьевичъ этотъ кабинетъ по разнымъ странамъ Европы. Особенное же вниманіе заслуживалъ этотъ кабинетъ рѣдкимъ собраніемъ монетъ шведскихъ, расположенныхъ хронологически съ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ. Подобнаго собранія, говоритъ Шевыревъ [1]), не было и въ самой Швеціи и шведскіе нумизматы завидовали ему [2]).

Для покупки дома института благородныхъ дѣвицъ въ Харьковѣ Павелъ Григорьевичъ пожертвовалъ 22.000 руб., а въ 1812 г. выслалъ онъ 1000 руб. въ существующій и нынѣ, открытый въ Ярославлѣ въ 1786 г., домъ призрѣнія ближняго.

Послѣдніе дни жизни Павелъ Григорьевичъ провелъ въ любимомъ своемъ Леоновѣ, или, какъ онъ называлъ обыкновенно въ своихъ письмахъ „Левоновѣ", гдѣ и скончался 1 іюля 1821 г. на 83 году отъ рожденія и погребенъ въ Московскомъ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ. Овдовѣлъ онъ еще молодымъ; дѣтей у него не было; кто была его жена—неизвѣстно.

Основанное Павломъ Григорьевичемъ въ Ярославлѣ училище, имѣло, по случаю кончины его, торжественное 10 ноября 1821 года собраніе, на которомъ произнесены были профессорами рѣчи: *Ф. А. Шмидтомъ* (латинская), *Г. Ѳ.*

---

[1]) Истор. Моск. унив. М. 1855 г. стр. 371.

[2]) Изъ всѣхъ пожертвованій П. Г. Демидова Моск. университету спасены были отъ пожара 1812 года (вывезены изъ Москвы): собранія раковинъ и полиповъ; штуфы систематическаго собранія; драгоцѣнные камни, между которыми особенно отличался значительной величины и чистой воды изумрудъ.

Покровскимъ (русская), *М. И. Ханенко* (стихи) [1]) и студентами: Николаемъ *Фарфоровскимъ* (французская рѣчь) и Николаемъ *Колюбакинымъ* (нѣмецкая). Тогда же совѣтомъ училища постановлено было: такъ какъ день смерти Павла Григорьевича палъ на каникулярное время, то ежегодно отправлять панихиду по почившемъ — въ день его имянинъ — 15 января. Это постановленіе совѣта училища свято исполняется до настоящаго времени.

Московскій университетъ также почтилъ своего благотворителя особымъ собраніемъ, посвященнымъ его памяти — 30 декабря того же 1821 г. проф. естеств. исторіи *Фишеръ* читалъ латинскую рѣчь; *Мерзляковъ* — стихи; студентъ *Іовскій*, воспитывавшійся на счетъ Демидова — рѣчь русскую. Портретъ Павла Григорьевича поставленъ въ университетскомъ музеѣ; на второй изъ двухъ досокъ [2]) записано имя его.

Нравственная сторона жизни Павла Григорьевича достойна подражанія. Былъ онъ всегда тихъ, кротокъ, честенъ, прямодушенъ, справедливъ и во всемъ чрезвычайно умѣренъ. „*Его строгая жизнь и его умѣренность при тягости лѣтъ маститыхъ, сохранивъ ему дѣятельность и живость ума, зрѣніе не поврежденное и мужественнѣйшее терпѣніе, борющееся съ мученіями болѣзни, пробавили для него дни жизни*“ [3]). Изрѣченія его показываютъ, что *онъ*, какъ свидѣтельствуетъ покойный проф. Шевыревъ, *любилъ трудъ и ненавидѣлъ праздность*, а проф. Покровскій отзывается о Павлѣ Григорьевичѣ въ такихъ выраженіяхъ: „*Нашъ патріотъ былъ славный испытатель натуры; онъ зналъ въ совершенствѣ математику, физику,*

---

[1]) Стихи эти помѣщены въ приложеніи къ моей книгѣ „Родъ дворянъ Демидовыхъ“ на стр. 66.

[2]) Съ именами благотворителей университета.

[3]) Слова проф. Покровскаго.

минералогію, металлургію, искусство литейное, и не только былъ знаменитый физикъ и наблюдатель, но и глубокій философъ, искуснѣйшій литераторъ и справедливый цѣнитель всякаго рода въ области словесности. Умалчиваю о многихъ его сочиненіяхъ, которыя ясно свидѣтельствуютъ сію истину".

Кромѣ занятій науками большое доставляла Павлу Григорьевичу удовольствіе музыка, которую онъ, какъ свидѣтельствуютъ его современники, любилъ „страстно", и самъ ежедневно игралъ на фортепіано и скрипкѣ; кромѣ того онъ всегда имѣлъ еще у себя въ домѣ хорошіе и цѣнные органы.

На столъ Павла Григорьевича, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы жизни его, выходило не болѣе 6, 7 руб. въ мѣсяцъ, и вообще онъ велъ жизнь вполнѣ воздержную: по утру обыкновенно онъ пилъ чашку кофе или шоколаду; обѣдъ его состоялъ изъ самаго тонкаго бульона и одной котлетки, изъ которой онъ высасывалъ только сокъ. Послѣ обѣда выпивалъ зимою чашку чая съ молокомъ, а лѣтомъ кислаго молока по 5, 6 ложекъ; хлѣба употреблялъ не болѣе 1/4 ф. въ сутки. За то весьма любилъ онъ свѣжіе фрукты, которыми и снабжала его собственная оранжерея. Въ знакомствѣ Павелъ Григорьевичъ былъ очень разборчивъ и уважалъ людей не по чинамъ, не по богатству, а по уму, по ихъ знаніямъ и честнымъ правиламъ въ жизни, которыя онъ самъ соблюдалъ всегда строго. Въ разговорахъ былъ медлителенъ и сущность дѣла понималъ не скоро; но что одинъ разъ понялъ, того не забывалъ никогда. Современники называли его скупымъ, потому что онъ не давалъ обѣдовъ, былъ врагъ роскоши, носилъ по нѣскольку лѣтъ одинъ кафтанъ, дворовымъ людямъ давалъ малое содержаніе, *чтобы они*, какъ онъ выражался, *трудились для себя, не предаваясь гибельной праздности. Всякій*, благоразумно говаривалъ онъ, *долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ кого Богъ благословилъ*; съ

крестьянъ же бралъ онъ сравнительно малый оброкъ—только по 5 р. въ годъ, съ подмосковныхъ же — ихъ въ Леоновѣ было 44 души—ничего не бралъ.

Въ Москвѣ, въ Спасоандроніевомъ монастырѣ, надъ прахомъ Павла Григорьевича стоитъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, на верху котораго—ваза съ теплющимся огнемъ. По сторонамъ надписи: 1) „Павелъ Григорьевичъ Демидовъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ св. Владиміра 1-й степени". 2) „Famam extendit factis". 3) „Родился 29 декабря 1738 года, скончался 1 іюля 1821 г." 4) „Universitis Caesareae Moscov... et scienciae natur... Benefitior. Athenaee Jaroslav. Fundator".

Именемъ преселившагося къ блаженной вѣчности, такъ говорится въ некрологѣ Павла Григорьевича [1]), *украшаются—Демидовская каѳедра естественной исторіи, студенты на Демидовскомъ иждивеніи содержимые при Московскомъ университетѣ и Демидовское высшихъ наукъ училище*—нынѣ Демидовскій Юридическій Лицей—*въ Ярославлѣ.*

Ярославское дворянство, движимое чувствомъ признательности къ сочлену своему П. Г. Демидову, по свидѣтельству читанной при открытіи памятника Демидову записки, „съ первыхъ лѣтъ открытія училища предполагало ознаменовать предъ потомствомъ благодарность свою къ пожертвованіямъ сего безпримѣрнаго благодѣтеля и покровителя просвѣщенія". Ярославскій того времени губернаторъ А. М. Безобразовъ,—который послѣ смерти Павла Григорьича былъ и почетнымъ попечителемъ училища,—снесясь съ бывшимъ тогда Ярославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства В. И. Филатьевымъ и уѣздными предводителями, и составивъ предположенія о сооруженіи въ Ярославлѣ основателю училища памятника, планъ и рисунокъ его представилъ, чрезъ Министра Внутреннихъ дѣлъ, на Высочайшее усмотрѣніе.

---

[1]) Журналъ департ. Народн. Просв. 1822 г. ч. I, стр. 127 и 128.

Отъ 11 мая 1822 года послѣдовалъ слѣдующій на имя Ярославскаго губернатора Безобразова Высочайшій рескриптъ: „Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, по представленію вашему, довелъ до свѣдѣнія моего, о изъявленномъ дворянствомъ Ярославской губерніи желаніи, воздвигнуть покойному дѣйствительному статскому совѣтнику Демидову памятникъ, въ ознаменованіе признательности своей къ пожертвованіямъ его на заведеніе въ Ярославлѣ училища высшихъ наукъ.

Признавая намѣреніе дворянства заслуживающимъ всякое съ моей стороны одобреніе, яко движеніе чувствованій благодарности столько же благородной какъ и самый подвигъ, къ коему онъ обращается, я съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю согласіе мое на предположенія о семъ дворянства, повелѣвая:

1) Согласно съ представленіемъ вашимъ, памятникъ соорудить посреди избранной для сего вами парадной площади, по рисунку и плану, вами представленнымъ.

2) Открыть для составленія на сооруженіе онаго суммы подписку, въ которой всѣ дворяне Ярославской губерніи какъ присутствующіе, такъ и отсутствующіе могли бы участвовать.

3) Суммы, какія посредствомъ сихъ добровольныхъ подписокъ собраны будутъ, по мѣрѣ поступленія ихъ, обращать въ приказъ общественнаго призрѣнія.

4) Сборъ и употребленіе сихъ суммъ на самое сооруженіе памятника, производить подъ надзоромъ и распоряженіемъ вашимъ и губернскаго дворянства Предводителя“.

Получивъ рескриптъ и увѣдомивъ объ этомъ совѣтъ училища, губернаторъ, при участіи губернскаго предводителя, немедленно приступилъ къ исполненію Высочайше одобреннаго предположенія. Подписка для составленія суммы на памятникъ открыта была чрезъ оффиціальныя къ тому приглашенія дворянъ, посланныя губернаторомъ и предводителемъ.

Собранной на этотъ предметъ суммы къ 1824 году составилось до 60.000 руб. ас., и тогда заказана была Ярославскому купцу и колокольныхъ дѣлъ мастеру Ивану Чарышникову, для отливки, бронзовая колонна, вышиною 17 арш., а въ 1826 году поставлена она на привезенный изъ Петербурга гранитный пьедесталъ: бронзовая же сфера [1]) и на ней вызолоченный парящій орелъ, за позолоту которыхъ заплачено изъ суммъ училища 2460 р., поставлены на верху колонны въ ноябрѣ 1828 года. Сфера и орелъ, исполненные по рисунку художника Крылова, отлиты въ Петербургѣ въ мастерской Рейхенберга.

Открытіе памятника послѣдовало 6-го марта 1829 года, и къ этому торжеству директоромъ училища *А. Ф. Клименко* приглашено было „чрезъ почетныя повѣстки", дворянство Ярославской губерніи. По окончаніи церемоніи освященія памятника и литургіи въ лицейской церкви, въ актовомъ залѣ прочитанъ былъ директоромъ Клименко Высочайшій на имя губернатора Безобразова рескриптъ о сооруженіи памятника; затѣмъ „похвальныя" Ярославскому дворянству рѣчи и стихи произнесены были: латинская рѣчь проф. философіи *Ф. А. Шмидтомъ*, русскіе стихи проф. политической экономіи *Ѳ. А. Бекетовымъ* и русская рѣчь проф. естественнаго и народнаго правъ *Д. М. Семеновскимъ*.

Монументъ, стоящій на Ильинской площади [2]), географически между лицеемъ и городомъ, служитъ какъ-бы символомъ прочности ихъ взаимныхъ отношеній. На пьедесталѣ монумента, согласно Высочайше одобренному рисунку, бронзовыя надписи: на западной сторонѣ—*Ярославское дворян-*

---

[1]) На эклиптикѣ сферы находится, чего съ земли простымъ глазомъ совсѣмъ невидно, 12 вызолоченныхъ небесныхъ знаковъ и между ними 12 вызолоченныхъ звѣздочекъ.

[2]) Отъ лицейскаго зданія около 200 саж.

ство Павлу Григорьевичу Демидову; на восточной—*Покровителю просвѣщенія и основателю Демидовскаго высшихъ наукъ училища*; на южной — *1824 годъ*; на сѣверной—бронзовый вызолоченный гербъ фамиліи Демидовыхъ [1].

Рукою времени, а еще болѣе руками человѣческими [2], какъ справедливо замѣтилъ еще въ 1871 году въ актовомъ отчетѣ своемъ бывшій Директоромъ Лицея М. Н. Капустинъ, уничтожены всѣ признаки, по которымъ можно было бы распознать, что этотъ „мѣдный столбъ", какъ называли его Ярославцы, воздвигнутъ ярославскимъ дворянствомъ одному изъ своихъ собратовъ, давшему благородное назначеніе своимъ денежнымъ средствамъ.

Но по мысли одного изъ бывшихъ питомцевъ Демидовскаго Лицея выпуска 1852 года (П. В. Домерникова — въ послѣднее время былъ товарищемъ Оберъ-Прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената) предприняты были хлопоты о сборѣ съ бывшихъ студентовъ Лицея суммы для возобновленія приходившаго къ разрушенію памятника основателю воспитавшаго ихъ учебнаго заведенія. 6 декабря 1868 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе объ открытіи съ этой цѣлью подписки; хлопоты же по возобновленію памятника

---

[1]) Этотъ родовой гербъ Демидовыхъ, въ «Общемъ гербовникѣ дворянскихъ родовъ всероссійскія имперіи» (ч. II, отд. 2, стр. 135) описанъ такъ: „Щитъ горизонтально въ половинѣ раздѣленъ; верхняя часть: въ полѣ серебряномъ три лозы рудоискательныя, зеленая, въ знакъ ихъ любопытства въ пріисканіи металловъ; нижняя часть: въ полѣ черномъ молотъ серебряный, въ знакъ произведенія ихъ трудомъ и коштомъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ; по срединѣ чрезъ весь щитъ полоса золотая—въ знакъ ихъ дворянскаго достоинства; надъ щитомъ шишакъ желѣзнаго вида, отъ верху его и по обѣимъ сторонамъ щита украшенъ лаврами".

[2]) Надписи на памятникѣ П. Г. Демидову были вставныя бронзовыя теперь онѣ на томъ же пьедесталѣ вырѣзаны и отбронзированы.

возложены на ярославскаго губернатора. Къ 1885 году собранной такимъ образомъ суммы составилось 1380 р. 74 к. Приведеніе въ исполненіе Высочайшей воли о возобновленіи памятника предоставлено было Губернатору В. Д. Левшину. И памятникъ этотъ наконецъ въ 1897 г. возобновленъ при дѣятельномъ участіи и собственныхъ не малыхъ затратахъ ярославскаго городскаго головы И. А. Вахромѣева. Около памятника разбитъ прекрасный скверъ, справедливо носящій названіе „Вахрамѣевскаго“, и имя Павла Григорьевича Демидова снова и прочно красуется на пьедесталѣ памятника его.

II.

Высшее учебное заведеніе въ Ярославлѣ. 1803—1870 г.г.

Еще „радѣтель“ земли русской по возвращеніи изъ перваго своего путешествія по Европѣ, въ первый разъ высказался за необходимость *распространенія* въ Россіи знаній, и въ бесѣдѣ своей съ патріархомъ, въ послѣдній годъ XVII столѣтія, говорилъ: „И здѣ (въ Москвѣ) порадѣть мощно, но мало которые учатся, что ни кто школы, какъ подобаетъ, не назираетъ“. Петръ разсуждалъ съ патріархомъ, а потому прежде всего высказывалъ: „евангельское ученіе и свѣтъ его, сіе есть знаніе Божеское человѣкомъ паче всего въ жизни сей надобно“, и потомъ уже прибавлялъ: „и изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство“ [1]).

Въ меморіалѣ [2]) Генриха Фика, поданномъ царю 11 іюня 1718 г., этотъ иноземецъ упоминалъ между прочимъ, что онъ составилъ,—нельзя не сказать, что весьма смѣлую,—записку „о нетрудномъ (будто-бы) обученіи и воспитаніи россійскихъ младыхъ людей, чтобъ оныхъ въ малое время въ такое совершенство поставить, дабы Ваше Величество всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ, магистратахъ и прочая своими природными подданными наполнить, такожъ и собственной своей земли, изъ дѣтей искусныхъ купеческихъ людей, художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матросовъ получить могли“. На этомъ докладѣ наложена былъ Петромъ такая резолюція:

---

[1]) Устряловъ. Исторія Петра Великаго Т. III. стр. 511, 512.

[2]) Полн. собр. зак. т. V, № 3208.

„Сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ, и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія“ [1]).

Послѣ Петра Великаго, который въ мудрыхъ своихъ бесѣдахъ съ Лейбницомъ мечталъ потомъ объ учрежденіи въ своемъ отечествѣ *многихъ* университетовъ. [2]) просвѣщеніе Россіи было какъ будто забыто. Ближайшіе пріемники Петра не отличались административною мудростью. Къ тому же, ихъ шаткое, не всегда прочное положеніе не давало возможности внимательно всматриваться въ потребности Россіи и предугадывать эти потребности. Въ царствованіе дочери Петра — Елизаветы просвѣщенный русскій вельможа И. И. Шуваловъ, разумѣвшій, что науками „всѣ образованные народы превознесены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія“, первый вспомнилъ о просвѣщеніи и воздвигъ себѣ вѣчный памятникъ учрежденіемъ университета въ Москвѣ [3]). „Хранить небесный огнь науки и проливать благотворный свѣтъ ея въ отечественномъ словѣ“ — таково было призваніе перваго русскаго университета. И Московскій университетъ, второе уже столѣтіе, достойно исполняетъ свое назначеніе!

Но съ той достопамятной поры (1755 г.) прошло полустолѣтіе и въ огромной Россіи, какъ слабый свѣтъ въ темную ночь въ одинокомъ окнѣ, свѣтился единственный только университетъ въ Москвѣ. Въ этомъ отношеніи нельзя, конечно, видѣть холодность правительства Екатерины II, — талантливой продолжательности многаго начатаго Петромъ. Оно,

---

[1]) П. С. З. т. V. № 3208.

[2]) Нѣмецкій философъ прежде всего обращалъ вниманіе Петра на Москву, а потомъ на Астрахань, Кіевъ и Петербургъ, какъ на точки, гдѣ *преимущественно* должны быть учреждены разсадники просвѣщенія.

[3]) Проектъ объ учрежденіи московскаго университета Высочайше утвержденъ былъ 12 января 1755 года.

имѣя нѣсколько иной взглядъ на просвѣщеніе, находило, что для Россіи нужнѣе народныя школы, и сотрудники царицы,— любившей и покровительствовавшей [1]) просвѣщенію,—много трудились надъ приведеніемъ въ исполненіе этого важнаго и великаго дѣла. Коммиссія объ учрежденіи училищъ [2]), подъ предсѣдательствомъ сенатора Завадовскаго, весьма естественно пришла тогда къ заключенію, что для просвѣщенія народа въ низшихъ слояхъ его, необходимы училища высшія, которыя бы приготовляли способныхъ людей не только для низшихъ и высшихъ служебныхъ должностей, но и для самого просвѣщенія. Поэтому, указомъ 29-го Января 1786 г. [3]), коммиссіи этой Высочайше повелѣно было заняться *сочиненіемъ* плана учрежденія въ Россіи университетовъ и гимназій, и на первый случай признано было достаточнымъ имѣть, кромѣ существовавшаго уже тогда въ Москвѣ, еще три университета — въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Выборъ этихъ пунктовъ, по этнографіи того времени, былъ весьма удачный и, при осуществленіи этого плана, имѣли бы мы университеты—центральный, западный, восточный и южный. На первое время, какъ сказано было и въ указѣ, „этого было бы весьма достаточно". Найдены были и средства: именно указомъ 16 октября 1786 г. обращено было собственно въ университетскую сумму 568.687 р. 37³/₄ к. Но Екатерина сошла въ вѣчность, не открывъ ни одного университета. На этомъ замерло и погасло XVIII столѣтіе, предоставивъ нашему уже вѣку болѣе серьезно заняться и наукой и образованіемъ. Правда, и въ царствованіе Екатерины II явился въ Россіи университетъ въ Вильно, но онъ перешелъ къ

---

[1]) Въ наказѣ своемъ Екатерина говоритъ: „Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми".

[2]) Указъ 7 сентября 1782 г.

[3]) П. С. З. т. XXII, № 16. 315.

намъ вмѣстѣ съ Литовскими провинціями и на просвѣщеніе собственно русской молодежи едва ли имѣлъ онъ, какое вліяніе. А между тѣмъ со времени бесѣды Петра съ Патріархомъ прошло уже болѣе 100 лѣтъ.

Начало девятнадцатаго столѣтія, съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра, ознаменовано было для Россіи учрежденіемъ университетовъ, въ которыхъ лучшіе умы того времени видѣли прочный залогъ и наиболѣе вѣрное средство для распространенія знаній среди русскаго общества, на благо роднаго народа. Идя въ этомъ отношеніи впереди своихъ подданныхъ, правительство предупредило его развивавшіяся умственныя потребности: съ января 1803 г. управленіе народнымъ просвѣщеніемъ получило особое устройство и поставлено въ самостоятельное положеніе въ составѣ общаго государственнаго организма—учрежденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Тогда же опредѣлилась точно и постепенность учебныхъ заведеній отъ училищъ приходскихъ до университетовъ. Итакъ внуку Екатерины суждено было въ первые же годы царствованія своего заняться и открытіемъ въ нашемъ отечествѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Мысль государя устремлялась все болѣе и болѣе на Университеты. 18-го марта 1802 г. [1]) повелѣно было двумъ сенаторамъ М. Н. Муравьеву и Графу Потоцкому и при нихъ Академику Фузу составить новый комитетъ для разсмотрѣнія новыхъ уставовъ Академіи наукъ, Академіи россійской и Московскаго Университета. Комитету повелѣвалось, „сообразивъ ихъ съ намѣреніемъ сихъ учрежденій и съ истиннымъ средствомъ расширенія пользы ихъ и дѣйствія на народное просвѣщеніе, сравнить съ лучшими въ семъ родѣ иностранными заведеніями, и по сему сравненію сдѣлать надлежащія перемѣны или дополненія, какія къ лучшему ихъ

---

[1]) П. С. З. № 20.187.

устройству могутъ быть нужными". Дѣлопроизводителемъ этого комитета назначенъ былъ извѣстный того времени любитель просвѣщенія—В. И. Каразинъ.

Обращая особенное вниманіе на университетъ Московскій, который, „чрезъ цѣлые полъ-вѣка имѣлъ столь великое участіе въ образованіи людей способныхъ для государственной службы, въ распространеніи знаній и въ усовершенствованіи отечественнаго языка", Государь императоръ, „во изъявленіе торжественной признательности первому въ Россіи Университету", даровалъ ему, въ концѣ 1804 г., новыя права и преимущества [1]). Тогда же учреждены университеты: Харьковскій (вѣроятно вмѣсто предполагавшагося въ Черниговѣ), Казанскій (вмѣсто Пензенскаго) и Петербургскій, хотя открытіе послѣдняго оттянулось до 1819 года. Но еще раньше этого, указомъ 17 марта 1803 г. утверждено было исчисленіе суммъ на ежегодное содержаніе всѣхъ училищъ въ Имперіи. Оно простиралось до 2,149,213 руб. Еще раньше—21 апрѣля 1802 г.—открытъ Университетъ въ Дерптѣ [2]), а въ 1808 г. присоединенъ къ Россіи городъ Або съ университетомъ, существующимъ съ 1640 года.

Просвѣщеніе Россіи, въ первые годы царствованія Александра I сдѣлалось почти исключительною мыслію и прави-

---

[1]) Грамота Императорскому Московскому Университету отъ 5-го ноября 1804 года.

[2]) Мысль объ учрежденіи Университета въ Дерптѣ, (Юрьевѣ), основанномъ вел. кн. Ярославомъ, приведенная въ исполненіе также Александромъ I, принадлежитъ къ времени царствованія Павла Петровича. Правительство, учреждая этотъ университетъ, имѣло цѣлію дать возможность Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому дворянствамъ образовывать своихъ дѣтей у себя, не прибѣгая къ университетамъ заграничнымъ (Указъ 9-го апрѣля 1798 г. и 4-го мая 1799 г.). Впрочемъ первоначальное учрежденіе Университета въ Дерптѣ относится еще ко времени Густава-Адольфа Шведскаго (1632 г.), но этотъ университетъ просуществовалъ тогда не долго и въ 1656 г. былъ закрытъ.

тельства и общества. Наступило, какъ едва ли вѣрно замѣчаетъ Н. Кукольникъ [1]) „на ученье и подвиги по этой части—мода; вельможи наши, точно какъ теперь въ италіанскую оперу или въ блистательный концертъ, съѣзжались, говоритъ онъ, на экзамены въ гимназіи, или въ другія еще менѣе важныя училища слушать — какъ ребятишки читали твердо заученные стихи Ломоносова и Державина, или рѣшали заблаговременно подготовленныя ариѳметическія задачи". Какъ бы то ни было, но эта благодѣтельная *мода* принесла неизмѣримые плоды, и такимъ образомъ съ начала нынѣшняго столѣтія начинается, повторяю, новый періодъ въ исторіи просвѣщенія Россіи. Въ русскомъ обществѣ живо почувствовалась тогда не „мода", а настоятельная потребность образованія.

Закономъ 8 сентября 1802 г. [2]) Министру Народнаго Просвѣщенія ввѣрялось „воспитаніе юношества и распространеніе наукъ". Главной заботой, находившейся тогда при министерствѣ, коммиссіи объ училищахъ было учрежденіе университетовъ, и на членовъ ея академиковъ—Озерецковскаго и Фусса, возложено было „сдѣлать начертаніе, въ которыхъ городахъ россійской имперіи выгоднѣе и удобнѣе завести университеты, съ назначеніемъ въ зависимость ихъ училищъ, состоящихъ въ прилежащихъ къ нимъ губерніяхъ". Озерецковскій признавалъ необходимымъ существованіе въ Россіи шести университетовъ [3]) и, сверхъ московскаго и дерптскаго, предлагалъ учредить таковые въ Харьковѣ, Казани, Воронежѣ и Устюгѣ-Великомъ [4]). 24 января 1803 года Высочайше

---

[1]) Въ статьѣ «Лицей Князя Безбородко». Спб. 1859 г. стр. 12.

[2]) П. С. З. № 20.406.

[3]) *Сухомлиновъ*. Исторія россійской академіи. Спб. 1875 г. вып. 2-й стр. 371.

[4]) Журналъ коммиссіи объ училищахъ 20 сент. 1802 г.

утверждены предварительныя правила народнаго образованія. Вся имперія раздѣлена на учебные округа и сенату данъ того же числа именной указъ объ устройствѣ училищъ. Въ предварительныхъ правилахъ [1]) говорилось между прочимъ: „Въ округахъ учреждаются университеты для преподаванія наукъ въ высшей степени. Нынѣ назначается ихъ шесть, а именно, кромѣ существующихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, учредятся въ округѣ санктпетербургскомъ [2]), въ Казани и Харьковѣ въ уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи [3]). Затѣмъ предназначаются для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ — великій и другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными“.

А между тѣмъ тамъ, гдѣ вовсе не предполагалось открытіе высшаго учебнаго заведенія—въ Ярославлѣ, Демидовское высшихъ наукъ училище получаетъ свое начало непосредственно за принятіемъ приношенія Демидова и утвержденіемъ Высочайшей властью устава и штата. Ближайшее попеченіе объ осуществленіи цѣли пожертвованія Демидова возложено было на попечителя московскаго университета— М. Н. Муравьева и на директора ярославскихъ училищъ— А. Н. Хомутова. На имя послѣдняго присылались и всѣ распоряженія высшаго начальства, касавшіяся перво-

---

[1]) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія № 1, стран. 7.

[2]) По этому предположенію можно думать, что имѣлось въ виду устроить университетъ не въ самомъ Петербургѣ, а только въ его «округѣ». Не отъ этого ли и отложилось на нѣкоторое время открытіе Петербургскаго университета?

[3]) Харьковское дворянство пожертвовало на открытіе въ Харьковѣ Университета 400,000 руб.

начальнаго устройства училища; онъ же завѣдывалъ въ началѣ и хозяйственной частью. Въ письмѣ къ нему попечителя московскаго университета, отъ 1-го августа 1804 г., высказано было и направленіе, которому должно слѣдовать училище. „Надобно, говорится въ этомъ письмѣ, избыткомъ и устройствомъ всего нужнаго для наукъ и ревностью гг. профессоровъ стараться разрушить предразсудки. Истиннымъ сынамъ отечества надлежитъ съ благодарностью пользоваться плодами щедротъ Монарха и патріотовъ, и помышлять только о пользѣ общей". Должно быть наши дѣды не особенно дружелюбно смотрѣли на открытіе въ Ярославлѣ высшаго училища: въ только что приведенномъ письмѣ говорится о какихъ-то *предразсудкахъ*, которые нужно было еще *стараться разрушить*.

Для помѣщенія училища Всемилостивѣйше пожалованъ былъ, „въ маломъ и не устроенномъ видѣ", старый архіерейскій домъ, извѣстный тогда подъ названіемъ *новаго* [1]), построенный между 1776 и 1783 гг. ростовскимъ архіеп. Самуиломъ, и мѣсто [2]), находящееся, какъ и самый домъ, то самое, на которомъ стоитъ лицей и теперь, на мысу, при сліяніи Которости съ Волгой, въ томъ не большемъ уголкѣ города, называемаго *рубленымъ*, гдѣ за 18 вѣковъ до описываемаго событія, между 1025 и 1036 гг., положено было великимъ кн. Ярославомъ начало городу Ярославлю [3]).

---

[1]) Домъ этотъ выстроенъ былъ на случай пріѣздовъ ростовскихъ архіепископовъ въ Ярославль. Стѣны этого двухъэтажнаго дома не тронуты по настоящее время, такъ что въ трети теперешняго лицейскаго дома, прилегающей ближе къ берегу Которости, въ нижнемъ этажѣ остаются и теперь еще прежніе своды. Домъ этотъ назывался *новымъ*, потому что былъ еще *старый*, гораздо раньше построенный архіерейскій домъ, въ которомъ нынѣ помѣщается причтъ собора.

[2]) Проток. сов. 18 сентября 1807 г.

[3]) Ист. Карамз., т. II, гл. 2, стр. 12 и 13.

Но какъ пожалованный училищу домъ, по не устроенности своей, не удовлетворялъ новому для него назначенію, то на первое время и помѣстили училище въ наемномъ домѣ купчихи Васюхновой; домъ этотъ оказался неудобнымъ, поэтому вскорѣ подысканъ былъ болѣе удобный домъ у коллежскаго секретаря Смирнова; арендованъ онъ былъ на два года, съ 15 апрѣля 1805 г., за 1,500 руб. въ годъ, и потомъ срокъ этотъ продолженъ былъ до времени окончанія перестройки принадлежащаго училищу дома [1].) Въ этомъ-то наемномъ домѣ училище праздновало и свое открытіе, 29 апрѣля 1805 г.

О совершившемся въ Ярославлѣ открытіи высшаго учебнаго заведенія совѣтъ училища такъ доносилъ Попечителю московскаго Университета: „Въ ближайшей къ нанимаемому дому для сего училища церкви Бориса и Глѣба [2]) начался благовѣстъ въ половинѣ осьмаго часа, воспитанники училища по два въ рядъ пошли въ церковь, за ними слѣдовали профессора, изъ коихъ двое старшихъ несли уставъ Высочайше утвержденный собственноручнымъ подписаніемъ, на бархатной подушкѣ, за всѣми шелъ проректоръ. Литургію отправлялъ ректоръ семинаріи архимандритъ Іоасафъ съ двумя священниками. Проповѣдь говорилъ соборный протоіерей Матѳей о томъ, что при просвѣщеніи разума нужно есть благочестіе. По окончаніи литургіи было молебствіе о многолѣтнемъ здравіи Его Императорскаго Величества и всей Высо-

---

[1]) Проток. сов. 2 января 1807 г. Отъ помнившихъ это время приводилось слышать, что домъ этотъ тотъ самый, который находится въ приходѣ Косьмы и Доміана, рядомъ съ церковью, угловой, противъ воздвигнутаго потомъ монумента Н. Г. Демидову. Принадлежитъ онъ нынѣ купцу И. А. Вахромѣеву.

[2]) Церкви этой нынѣ нѣтъ уже. Она, за ветхостью, сломана въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

чайшей фамиліи, при которомъ было 20 приходскихъ священниковъ. Пропѣвъ Тебе Бога хвалимъ и многолѣтіе, святой животворящій Крестъ и Евангеліе несены были въ домъ училищный духовенствомъ въ облаченіяхъ, за которыми слѣдовали тѣмъ же порядкомъ весь корпусъ училища; въ продолженіи шествія архіерейскіе пѣвчіе пѣли пасхальныя стихиры. По внесеніи въ домъ Высочайше утвержденнаго устава, архіепископъ Павелъ исправлялъ водоосвященіе, по окончаніи котораго провозглашено было Его Величеству и всей Высочайшей фамиліи многолѣтіе. Послѣ сего Его Высокопреосвященство, окропивъ св. водою уставъ училища и домъ, говорилъ воспитанникамъ нравоученіе и пожелалъ благополучнаго успѣха въ трудахъ для пользы отечества. Училищу подарилъ онъ образъ Спасителя несущаго крестъ и славянскую библію въ пяти частяхъ хорошаго изданія 1). Засимъ пропѣто было многолѣтіе великодушному основателю училища Павлу Григорьевичу Демидову. Во время прохожденія почтенныхъ посѣтителей въ авдиторіи пѣвчіе пѣли первую часть кантаты, на сей случай сочиненной по приказанію Его Высокопреосвященства. Проректоръ К. И. Яниниъ открылъ академическій актъ привѣтствіемъ публики и краткимъ повѣствованіемъ объ основаніи сего училища, послѣ чего онъ же прочелъ уставъ. За нимъ профессоръ Срезневскій говорилъ рѣчь о любви къ отечеству. Профессоръ Шишацкій заключилъ актъ изъявленіемъ благодарности почтеннымъ посѣтителямъ, послѣ чего пѣвчіе пѣли вторую часть

---

1) На оборотѣ иконы, которая, украшенная въ серебряную вызолоченную ризу и нынѣ находится въ актовомъ залѣ лицея, надписано: «Симъ образомъ благословилъ высокопреосвященный Павелъ архіепископъ ярославскій и ростовскій при открытіи Димидовскаго высшихъ наукъ училищъ 1805 года апрѣля 29-го».

кантаты. При церемоніи и актѣ присутствовали: Его Высокопреосвященство Павелъ архіепископъ ярославскій и ростовскій съ духовенствомъ бывшимъ при совершеніи священнослуженія; губернаторъ дѣйст. ст. сов. кн. Мих. Ник. Голицынъ; генералъ-лейтенантъ шефъ Тамбовскаго мушкетерскаго полку и разныхъ орденовъ кавалеръ князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ; губернскій предвод. дворянства д. ст. сов. и кавалеръ Николай Александровичъ Майковъ; генералъ-маіоръ морской службы Петръ Савостьяновичъ Бровцынъ; вице-губернаторъ д. ст сов. князь Ив. Юрьевичъ Урусовъ; многочисленное собраніе военныхъ и статскихъ чиновниковъ, которые послѣ того угощаемы были завтракомъ. Вечеромъ домъ училища былъ освѣщенъ".

Такъ Ярославлю суждено было выдвинуться изъ ряда другихъ губернскихъ городовъ открытіемъ въ немъ высшей школы. Въ научномъ и учебномъ отношеніи онъ получилъ особое значеніе и сдѣлался средоточіемъ, къ которому начали стремиться молодые люди ради науки и расходиться потомъ изъ него на дѣло служенія, въ разные концы обширной родины.

Павелъ Григорьевичъ не былъ, почему-то, въ Ярославлѣ при открытіи созданнаго имъ училища. Проректоръ Янишъ извѣстилъ только его объ открытіи также, какъ отъ совѣта извѣщенъ былъ Попечитель московскаго Университета, и проректоръ получилъ въ отвѣтъ на это извѣщеніе отъ Павла Григорьевича слѣдующее письмо: „Милостивый государь мой Карлъ Ивановичъ! Примите искреннюю благодарность мою за увѣдомленіе объ открытіи ярославскаго высшихъ наукъ училища. Мнѣ всегда пріятно слышать о произшествіяхъ, до благосостоянія его касающихся. Прошу объявить также чистѣйшую признательность мою и всему совѣту онаго за тѣ благородныя чувствованія, съ каковыми принялъ онъ извѣс-

тіе о новомъ моемъ приношеніи [1]) на пользу училища. Я увѣренъ, что стараніемъ его возрастетъ оно въ скоромъ времени до нарочитой степени совершенства. Въ какихъ мысляхъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть покорнѣйшимъ слугою—Павелъ Демидовъ".

Но еще прежде открытія въ Ярославлѣ самаго училища высшихъ наукъ, началось здѣсь чтеніе публичныхъ лекцій по натуральной исторіи, физикѣ и химіи раньше другихъ прибывшимъ въ Ярославль профессоромъ Янишемъ.

Предъ открытіемъ курса этихъ лекцій разосланы были такія предварительныя, печатавшіяся въ Москвѣ, объявленія: „Императорскій Московскій Университетъ, желая ревностно содѣйствовать распространенію наукъ и просвѣщенія, чрезъ сіе объявить честь имѣетъ, что онъ поручилъ адъюнкту своему, доктору медицины г. Іенишу открыть въ Ярославлѣ публичный курсъ физики, естественной исторіи и химіи".

„Благородное дворянство, купечество и гражданство симъ почтеннѣйше приглашаются посѣщеніемъ своимъ, а наипаче приведеніемъ дѣтей своихъ юношескаго возраста удостоить лекціи помянутаго члена Университета, который употребитъ все свое тщаніе легкимъ и яснымъ слогомъ предложить на россійскомъ языкѣ начальныя основанія сихъ общеполезныхъ и занимательныхъ наукъ, и силою опытовъ подтвердить умозрительныя истины. Съ особеннымъ усердіемъ постарается онъ удовлетворить вопросы присутствующихъ, и не оставитъ неиспытаннымъ ни единаго способа, могущаго послужить къ распространенію полезныхъ знаній".

„Лекціи преподаваться будутъ въ назначенной залѣ въ домѣ призрѣнія сиротъ. Г. Директоръ училищъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Хомутовъ, съ

---

[1]) 20.000 руб. на отстройку зданія училища.

позволенія г. гражданскаго губернатора, извѣститъ почтенное общество о времени открытія сихъ лекцій".

„Университетъ сими лекціями полагаетъ первое основаніе ярославскаго училища вышнихъ наукъ, новаго храма учености, котораго единое наименованіе достаточно къ воспоминанію блистательнаго дѣйствія патріотизма, отличающаго сочлена благороднаго дворянства ярославскаго, г. статскаго совѣтника и кавалера Павла Григорьевича Демидова".

„Въ непродолжительномъ времени надѣется Университетъ проводить въ Ярославль еще нѣсколько ученыхъ по части исторіи, словесности и другихъ отраслей человѣческаго знанія, дабы нечувствительнымъ образомъ обнять весь кругъ наукъ, приближающійся къ университетскому ученію".

Такія объявленія „въ пристойномъ числѣ экземпляровъ", разосланы были ярославскимъ губернаторомъ кн. Голицынымъ „для распубликованія въ городахъ и уѣздахъ ярославской губерніи, въ ярославскую и ростовскую градскія полиціи, равно къ городничимъ и въ земскіе суды".

Лекціи эти начались съ 26 марта 1804 года и продолжались потомъ еженедѣльно по средамъ и субботамъ съ 4 часовъ пополудни.

Охотно ли посѣщались эти лекціи ярославцами—объ этомъ архивъ молчитъ. Но первая лекція привлекла посѣтителей весьма не мало. Вотъ что и какъ доносилъ Директоръ Хомутовъ по этому поводу Попечителю Университета: „Публичныя физическія лекціи начало свое воспріяли 26 го числа сего мѣсяца (марта 1804 года) пополудни въ 4 часа предварительною рѣчью и разсужденіемъ о матеріи теплотворной съ приличнымъ экспериментомъ. Сіе открытіе удостоили своимъ присутствіемъ его высокопреосвященство Павелъ архіепископъ ярославскій, его сіятельство гражданскій губернаторъ князь Михайло Николаевичъ Голицынъ,

гг. чиновники разныхъ мѣстъ и живущіе въ городѣ дворяня; также градской голова, съ лучшимъ купечествомъ и мѣщанствомъ, о числѣ коихъ и кто именно изъ прилагаемаго реестра [1]) усмотрѣть изволите; сверхъ сего учениковъ семинаріи при префектѣ и двухъ учителяхъ 30 и учениковъ главнаго училища 3 и 4-го классовъ 20 человѣкъ, разныхъ присутственныхъ мѣстъ секретарей и приказныхъ служителей 43, купечества и посадскихъ 67. Изъ числа посѣтителей дѣйствит. стат. сов. Н. А. Майковъ и совѣтникъ казенной палаты П. И. Руновъ были съ сыновьями; прочихъ же дѣти, по малолѣтству, при сихъ лекціяхъ быть не могли". Женщинъ, о которыхъ въ донесеніи неупоминается, очевидно, вовсе на 1-й лекціи не было. На 2-й же лекціи 30 марта „о способахъ умножать теплотворную матерію" записана присутствовавшей княгиня Наталья Ивановна Голицына. Третья лекція была 6 апрѣля о воздухѣ, 4-я 9 апрѣля о воздухѣ же, 5-я 13 апрѣля незаписано о чемъ; о дальнѣйшихъ лекціяхъ, и продолжались ли онѣ документы умалчиваютъ.

Между тѣмъ такъ-какъ получаемые съ пожертвованныхъ училищу деревень и со стотысячнаго капитала доходы должны были расходоваться, съ небольшими только остатками, на жалованье чиновникамъ, служителямъ и на содержаніе учащихся, то Павелъ Григорьевичъ снова является на помощь училищу, выславъ въ началѣ 1805 г. на „распространеніе училища" 20,000 р. ас. [2]) и, „судя по нуждамъ", прибавилъ къ нимъ въ 1806 г. еще 10,000 руб. [3]). На эти то средства домъ возобновленъ, устроенъ и расширенъ. Наконецъ 16 октября 1808 г. училище переведено съ квартиры въ свой отстроенный для него домъ [4]).

---

[1]) Въ поименномъ спискѣ значится 40 человѣкъ.

[2]) Проток. сов. 22 марта 1805 года.

[3]) Проток. сов. 16 марта 1806 г.

[4]) Проток. сов. 10 октября 1808 г.

Но тѣснота и неудобства размѣщенія и въ новомъ домѣ вскорѣ дали себя почувствовать тѣмъ болѣе, что отведенный къ училищу участокъ земли былъ слишкомъ малъ, и вотъ въ 1811 г. училищу прирѣзанъ уже большой участокъ между старымъ архіерейскимъ домомъ (занимаемымъ нынѣ причтомъ Собора) вплоть до Волги и мыса, образуемаго отъ сліянія Котороcти съ Волгой [1]), а въ 1813—1816 гг. въ училищномъ домѣ снова начались перестройки и надстроенъ надъ главнымъ корпусомъ 3-й этажъ. На дворѣ же построены тогда: каменный одноэтажный флигиль на 12 саж. въ длину и на 3 въ ширину (теперь его нѣтъ), вмѣщавшій въ себѣ погребъ, кухню, прачешную и „присѣшную избу", и особо каменная баня (ея также нѣтъ теперь) на 6 саж. въ длину и на 3 въ ширину. На всѣ эти постройки, по составленной въ 1811 году смѣтѣ, исчислено было 87,207 р.; израсходовано же 89,156 р. 71 3/4 к. [2]). Расходы эти произведены были большею частью изъ экономическихъ отъ предъидущихъ лѣтъ сбереженій.

Затѣмъ, уже послѣ смерти Павла Григорьевича, (1825—1827 гг.) училищный корпусъ увеличенъ былъ еще двумя большими пристройками: въ центральной пристройкѣ сооруженъ храмъ, во фланговой, прилегающей къ Волгѣ—тамъ гдѣ теперь квартира Директора—залъ для торжественныхъ собраній, въ видѣ амфитеатра, въ два свѣта,—и къ 1831 году училищное зданіе имѣло уже 62 саж. въ длину и 7 саж. 2 арш. поперечнику. Одновременно съ этимъ, вмѣсто снесенныхъ службъ, разбитъ былъ садъ.

Пристройка церкви къ главному корпусу училища началась, по заботамъ бывшаго тогда почетнаго попечителя училища, ярославскаго губернатора Алек. Михайл. Безобра-

---

[1]) Проток. сов. 27 сентября 1811 года.

[2]) Проток. сов. 23 марта 1817 г.

зова, въ 1425 г.; освящена же она, во имя св. благовѣрнаго кн. Александра Невскаго, архіепископомъ яросл. и ростов. Авраамомъ 29 января 1828 г. Тогда же опредѣленъ былъ и особый священникъ Александръ Діевъ, съ жалованьемъ въ годъ по 300 руб., и причетникъ по 200 р.; тому и другому назначены готовыя квартиры и отопленіе [1]) Живопись на церковномъ потолкѣ и въ алтарѣ, сохранившаяся и до насъ, работы извѣстнаго художника изъ крестьянъ села Тейкова, Шуйскаго уѣзда, Тимоѳея Медвѣдева [2]). На потолкѣ изображено видѣніе Пророка Іезекіиля; оригиналъ этой картины, работы Рафаэля, находится въ парижскомъ музеѣ; въ алтарѣ въ нишѣ—тайная вечеря; за престоломъ помѣщенъ большой образъ Божіей Матери, окруженной ангелами „старинной высокой работы", писанный на холстѣ и вставленный въ рѣзную золоченую раму. Это даръ П. Г. Демидова [3]), бывшаго въ 50-хъ годахъ почетнымъ попечителемъ лицея. 1891—1894 гг. былъ при Лицейской церкви старостой ярославской купецъ Ал. Аѳ. Бѣловъ, заботами котораго и на его средства—стѣны храма покрыты масляной краской съ лѣпными украшеніями, къ существовавшему иконостасу придѣланъ верхній ярусъ, въ которомъ помѣщены новыя образа, увеличена и исправлена ризница, устроены новые клиросы и хоры. За эти жертвы Бѣловъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ 4 марта 1894 г. золотой медалью съ надписью „за усердіе" на Аннинской лентѣ, для ношенія на шеѣ. Ризница лицейскаго храма увеличились еще облаченіями, пожертвованными въ 1892 г. супругой дѣйств. ст. сов. Софьей Николаевной Ковалевской—матерью одного изъ бывшихъ тогда въ Лицеѣ студентовъ. Она же, по случаю спасенія ея сына отъ потопленія,

---

1) Проток. сов. 21 и 26 января и 1 февраля 1828 года.

2) Проток. сов. 26 ноября 1826 года.

3) Проток. сов. 28 мая 1853 г.

пожертвовала большихъ размѣровъ, прекраснаго письма, образъ Николая чудотворца, въ золотой рамѣ.

Здѣсь умѣстно остановить вниманіе на томъ, что св. благовѣрный князь Александръ Невскій, имени котораго посвященъ лицейскій храмъ, во время жизни своей, именно въ 1249 году, т. е. 650 лѣтъ тому назадъ, былъ въ Ярославлѣ [1]) и жилъ конечно не въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, какъ въ княжескомъ дворцѣ, а слѣдовательно именно тутъ, гдѣ стоитъ теперь зданіе лицея.

Капитальныя перестройки лицейскаго зданія производились затѣмъ съ 1832 года и продолжались, особенно послѣ второго преобразованія лицея 1845 года, почти безпрерывно до 1853 года, такъ что въ этомъ году, 6 іюня, лицей праздновалъ свой 50-ти лѣтній юбилей въ обновленномъ уже зданіи. Въ 1844 году отпущено было, по Высочайшему повелѣнію, на постройки по лицею слишкомъ 20,000 руб. изъ государственнаго казначейства. На эту высочайшую милость лицей повидимому не имѣлъ и права, такъ-какъ не состоялъ тогда въ ряду заведеній, содержимыхъ казною.

Ко времени празднованія 50 лѣтняго юбилея Демидовскаго заведенія, къ 1853 году, лицейское зданіе приняло тотъ наружный видъ, который остается до сихъ поръ; прежняя деревянная крутая, парадная, полутемная лѣстница сломана и устроена новая каменная съ чугунными ступенями, площадками и перилами (на перилахъ отлитъ гербъ Демидова); устроены: новый, въ самой ерединѣ дома, актовый въ два свѣта залъ, къ сожалѣнію тѣсноватый и мрачный (окна только съ одной стороны), весьма удобныя аудиторіи, библіотека, и отдѣльно—службы.

Существующая нынѣ (на 275 саж.) въ 2½ арш. вышины, вокругъ лицейской земли, глухая каменная ограда, вмѣсто

---

[1]) Истор. Ярославля протоіер. І. Троицкаго, стр. 15.

бывшей рѣшетчатой желѣзной, поставлена въ 1835 г. по личному приказанію Императора Николая I, нашедшаго [1]) неудобнымъ въ саду при учебномъ заведеніи имѣть рѣшетчатую ограду, чрезъ которую стороння публика можетъ видѣть гуляющихъ молодыхъ людей [2]).

При производимой къ 1853 году, перестройкѣ, лицей задолжалъ разнымъ училищамъ Ярославской губерніи до 20,000 р., которые, по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1858 году, прощены были лицею и изъ недоимки исключены [3]).

По преобразованіи лицея въ юридическій также произведены были не малыя исправленія, передѣлки и приспособленія: во всѣхъ помѣщеніяхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ квартиръ, устроены дубовые паркетные полы; измѣнено отопленіе лицейскаго зданія на духовое; проведена въ зданіе вода, устроены ватеръ-клозеты и пожарные краны.

Уставы Демидовскаго заведенія, до окончательнаго преобразованія въ юридическій лицей, мѣнялись, сообразно требованіями времени и общественный жизни, трижды.

Первый уставъ, „Уставъ Ярославскаго Демидовскаго вышнихъ наукъ училища“, подписанный императоромъ Александромъ I въ Петербургѣ 28 января 1805 года, [4]) полученъ былъ въ Ярославлѣ, при бумагѣ (отъ 8 февраля) Попечителя Московскаго Университета, 22 февраля 1805 г.

---

[1]) Императоръ Николай Павловичъ былъ въ Ярославлѣ и Лицеѣ въ октябрѣ 1834 года.

[2]) Протокол. сов, 25 января 1833 г. и 25 ноября 1834 г.

[3]) Архивн. дѣло 1858 г., № 69.

[4]) Уставъ см. въ П. С. З. т. XXVIII № 21.606.

Такъ долго, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія былъ онъ въ пути, не смотря на то, что отправленъ былъ съ нарочнымъ—флота капитаномъ 1 ранга Муравьевымъ. Въ бумагѣ Попечителя говорилось, что уставъ посылается въ училище „для приличнаго всегдашняго храненія", и онъ хранится нынѣ въ особомъ помѣщеніи въ библіотекѣ. Заключительныя слова этого устава таковы: „*Въ удостовѣреніе же о силѣ и дѣйствіи сего устава, Всемилостивѣйше соблаговолили Мы оный собственноручно подписать, повелѣвъ утвердить государственною печатью, и отдать въ сохраненіе совѣту Ярославскаго вышнихъ наукъ училища*".

По уставу этому училище занимало (§ 3 устава) первую степень непосредственно послѣ центральныхъ университетовъ, состоя изъ семи профессоровъ. Здѣсь преподавалось (§ 4): 1) словесность древнихъ языковъ и россійское краснорѣчіе, 2) философія, 3) право естественное и народное, 4) чистая и смѣшанная математика, 5) естественная исторія, химія и технологія, 6) политическая исторія со вспомогательными науками и 7) политическая экономія и наука финансовъ.

Кромѣ того, по постановленію совѣта 23 августа 1805 г., введено преподаваніе закона Божія; преподающій его получалъ въ годъ, за 4 часа въ недѣлю, по 120 р. и назывался катихизаторомъ. Первымъ катихизаторомъ до 1809 года былъ преподаватель ярославской семинаріи, соборный іеромонахъ Іустинъ. Съ $18^{19}/_{20}$ уч. года учреждена каѳедра богословія, при чемъ читалась и исторія русской церкви. До $18^{19}/_{20}$ уч. года воспитанники обучались, частнымъ образомъ, и новымъ языкамъ; французскій языкъ преподавался нѣкіимъ Карломъ *Нюнюель*—прапорщикомъ ярославскаго гарнизона, а нѣмецкій Готфридомъ *Вернеръ*—сыномъ купца изъ Берлина, нѣмецкой націи, лютеранскаго закона, какъ говорится въ его формулярѣ. Въ 1819 г. назначены уже были для новыхъ языковъ штатные преподаватели.

Рисованіе и танцы также входили въ кругъ занятій студентовъ, а съ 1819 г. прибавлено еще фехтованіе и музыка. Первымъ учителемъ рисованія былъ Василій *Смирновъ*, имѣвшій аттестатъ отъ академіи художествъ; танцамъ обучалъ Иванъ Петровичъ *Кусковъ*, бывшей прежде танцмейстеромъ въ шляхетскомъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ.

Училище управлялось (§ 6 устава) проректоромъ и совѣтомъ, которые въ важныхъ дѣлахъ должны были относиться въ совѣтъ московскаго университета. Проректоръ избирался (§ 7) ежегодно изъ наличныхъ профессоровъ. Совѣту же предоставлено было (§ 11) право производить въ студенты кандидаты 12 класса.

На иждивеніи училища назначено было (§ 18) содержать 20 студентовъ, окончившихъ науки въ *нижнихъ* училищахъ. Приниматься они должны были изъ недостаточныхъ дворянъ и другого состоянія людей Ярославской губерніи, коихъ списокъ, въ продолженіи жизни основателя училища, представлялся ему для выбора изъ нихъ, кого пожелаетъ. Впрочемъ всякій (§ 19) могъ быть принятъ на своемъ содержаніи въ студенты училища, по предъявленіи проректору свидѣтельства о своихъ занятіяхъ, или по испытанію. Студенты получившіе свидѣтельства отъ училища о совершенномъ окончаніи наукъ, принимались въ службу съ XIV классовъ (§ 20). Въ Высочайшихъ же указахъ, данныхъ впослѣдствіи: министру народнаго просвѣщенія 14 января 1811 года (пунк. 5) сказано: „аттестаты Ярославскаго училища вышнихъ наукъ имѣютъ ровную силу съ аттестатами университетовъ“, а 14 февраля 1818 г. на имя начальника главнаго штаба говорилось: „студенты ярославскаго Демидовскаго вышнихъ наукъ училища, вступивъ въ военную службу, находятся первые 6 мѣсяцевъ въ нижнихъ

---

[1]) Журн. Д-та Нар. Просв. 1821 г., іюль, стр. 298.

чинахъ, а потомъ производятся въ офицеры, хотя бы въ полкахъ, куда они приняты, на тотъ разъ не было вакансій [1]).

Одинъ изъ профессоровъ по выбору совѣта былъ (§ 22) инспекторомъ надъ студентами.

Главныя занятія совѣта уставомъ (§ 9) опредѣлялись такія: изысканіе способовъ къ возвышенію успѣховъ учащихся, соблюденіе устройства въ училищѣ и управленіе имуществомъ, на пользу училища дарованнымъ.

По пенсіи профессора и ихъ семейства уравнены были (§ 5) съ профессорами университетовъ.

По утвержденному, одновременно съ уставомъ, штату, назначено было:

Жалованья семи профессорамъ по 1.200 р. .	8.400 р.
Проректору и инспектору добавочныхъ по 300 р.	600 —
Секретарю совѣта изъ профессоровъ, добавочныхъ	150 —
На содержаніе 20 студентовъ, по 155 р. . .	3.100 —
Жалованье: эконому	300 —
кассиру	500 —
писцацъ [2]) и на канцелярскіе расходы	600 —
На библіотеку, кабинеты физическій и натуральный и химическую лабораторію по 500 р. .	2.000 —
На выписку иностранныхъ журналовъ . . .	400 —
На содержаніе 10 служителей	880 —
На содержаніе строеній, отопленіе, освѣщеніе и проч.	2.600 —

---

1) Журн. Деп. нар. просв. 1821 г. іюль, стр. 298.

2) Письмоводствомъ въ канцеляріи училища занимались, въ свободные, отъ занятій часы, воспитанники училища, съ платой по 100 р. въ годъ. Проток. сов. 19 января 1810 года.

На содержаніе типографіи [1]. . . . . 500 р.
Вычеты съ жалованья къ пенсіи . . . . . 1.500 —

Итого. 21.530 р.

Въ іюнѣ 1805 г. Высочайше утвержденъ былъ слѣдующій рисунокъ печати училища: „обыкновенный государственный гербъ, подъ нимъ фамильный гербъ Демидова съ эмблематическими знаками наукъ. и подпись: *Печать Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища*".

Но еще прежде чѣмъ утвержденъ былъ уставъ училища, въ началѣ 1804 года, назначены были, или, какъ выражался бывшій тогда Попечитель московскаго Университета М. Н. Муравьевъ въ отчетѣ своемъ Министру за 1804 годъ, *отряжены* въ Демидовское училище профессорами: естественной исторіи. химіи и технологіи *Карлъ Ивановичъ Яншъ*, который былъ и первымъ проректоромъ; словесности, древнихъ языковъ и россійскаго краснорѣчія — магистръ *Иванъ Евсевьевичъ Срезневскій*. избранный первымъ инспекторомъ; математики—*Василій Осиповичъ Шпилецкій*— первый секретарь совѣта; правъ естественнаго и народнаго— кандидатъ *Иванъ Давидовичъ Вильне* и философіи— магистръ *Фридрихъ Андреевичъ Шмидтъ*. Вскорѣ замѣщены были и остальныя кафедры. Профессоромъ политической экономіи и науки о финансахъ назначенъ былъ 4 іюля 1807 г. *Эммануилъ Ивановичъ Турнейзенъ* и политической исторіи и географіи 13 мая 1809 г.—*Степанъ Алексѣевичъ Вилинскій*.

Къ началу открытія Демидовскаго училища для слушанія въ немъ лекцій поименованныхъ выше первыхъ пяти про-

[2]) Типографія, впрочемъ, никогда открыта не была.

фессоровъ (Яниша, Срезневскаго. Шишацкаго, Вильке и Шмидта) *приглашено* было изъ воспитанниковъ Московскаго Университета пять же студентовъ. Собственно Ярославль не могъ дать тогда своихъ, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ, слушателей. Эти завербованные изъ Москвы студенты *получены* были, такъ сказать, училищемъ при слѣдующемъ письмѣ бывшаго тогда ректора Университета Харитона Андреевича Чебатарева къ директору ярославскихъ училищъ А. Н. Хомутову: „Милостивый государь, Александръ Николаевичъ! По приказанью Его Превосходительства г. Попечителя московскаго учебнаго округа отправлены съ симъ къ вашему высокородію пятеро университетскихъ воспитанниковъ для распредѣленія ихъ къ находящимся при ярославскомъ вышнихъ наукъ училищѣ въ званіи профессоровъ, къ каждому по одному. Поручая ихъ въ особенную вашу благосклонность, съ истиннымъ къ вамъ почитаніемъ и преданностію есмь навсегда, милостивый государь, вашего высокородія покорнѣйшій слуга Харитонъ Чеботаревъ. 14 іюля 1804 г. Москва“.

Назовемъ и этихъ первыхъ студентовъ училища: *Васюхновъ Петръ* — сынъ сотеннаго хорунжаго, *Постьловъ Андрей*—сынъ губернскаго секретаря, *Симонтовскій Алексѣй*—сынъ унтеръ-цолнера десятаго класса, *Соцъ Василій* и *Чановъ Ѳедоръ*—сынъ паручика. Всѣ эти студенты имѣли такіе отъ московскаго Университета аттестаты: „По указу Его Императорскаго Величества, отъ Императорскаго московскаго Университета, ученику (такому-то) въ томъ, что онъ записанъ будучи въ университетскую гимназію (тогда-то), обучался: 1) въ классѣ логики и правоученія; 2) въ вышнемъ латинскомъ; 3) въ синтаксическомъ французскомъ (у иныхъ нѣмецкомъ); 4) въ геометрическомъ; 5) въ вышнемъ историческомъ и географическомъ; 6) въ фехтовальномъ (у нѣкоторыхъ музыкальномъ) классѣ съ

похвальнымъ прилежаніемъ, поступая добропорядочно; почему и заслуживаетъ произведенъ быть въ студенты. Нынѣ же, по предписанію Его Превосходительства господина тайнаго совѣтника московскаго университета попечителя и кавалера Михайлы Никитича Муравьева, для продолженія наукъ отправленъ въ ярославское вышнихъ наукъ училище". Изъ нихъ *Соцъ*, въ 1805 году, получилъ за разсужденіе „о физическихъ и химическихъ свойствахъ воздуха" степень кандидата и, утвержденный 26 декабря 1805 г. въ этой степени попечителемъ московскаго университета, оставленъ былъ при пансіонѣ училища для преподаванія чистой математики, русскаго и латинскаго языковъ; *Чановъ* окончилъ курсъ тоже въ 1805 году съ правомъ на полученіе XIV класса и съ 16 марта до 12 сентября 1806 года служилъ (незавидное мѣсто) въ ярославской полиціи, а съ 12 сентября назначенъ учителемъ при пансіонѣ Демидовскаго училища; *Васюхновъ* окончилъ курсъ въ 1807 г.; *Постьловъ* въ 1807 г. перешелъ снова въ московскій университетъ; *Симонтовскій* же въ апрѣлѣ 1805 г. вышелъ вовсе изъ училища.

Отправленнымъ такимъ образомъ отъ московскаго университета въ Демидовское училище, „питомцамъ" даны университетомъ каждому слѣдующія вещи: „1) мундиръ съ худымъ нижнимъ платьемъ, 2) три ветхія рубашки и одно полотенце крѣпкое, 3) шляпа треугольная, 4) халатъ новый, затрапезный, 5) картузъ и 6) сапоги". По прибытіи же ихъ въ Ярославль, сдѣланы были для нихъ новые „мундиры синіе съ малиновыми воротниками". Столъ въ училищѣ полагался для нихъ также готовый, на который, какъ видно изъ рапорта Директора Хомутова Попечителю московскаго университета Муравьеву, по „существующимъ здѣсь въ городѣ цѣнамъ съѣстныхъ припасовъ менѣе положить не можно на пищу ихъ, состоящую изъ щей, жаркаго и крутой

каши, съ прибавленіемъ по воскреснымъ днямъ пироговъ, для каждаго въ день съ хлѣбомъ и квасомъ по 15 к.". О чаѣ же, составляющемъ въ наше время потребность необходимую, вовсе умалчивалось.

Наука того времени не знала иного языка кромѣ латинскаго.—И въ Демидовскомъ училищѣ чтеніе лекцій, начавшееся съ 1-го августа 1804 г., шло также на латинскомъ языкѣ. Вотъ росписаніе часовъ, расположенныхъ профессорами училища для ихъ лекцій: Срезневскій отъ 8 до 10 ч. понед., среду и пятницу; Шмидтъ отъ 8 до 10 ч. вторникъ, четвергъ и суббота; Шишацкій отъ 10 до 12 ч. вторникъ, четвергъ и суббота; Вильке отъ 10 до 12 ч. понед. и пятница, а въ среду лѣтомъ отъ 3 до 5. а зимой отъ 2 до 4 ч.; Янишъ отъ 5 до 7 лѣтомъ въ понед., среду и пятницу, а зимой въ тѣже дни отъ 4 до 6 часовъ. Не легко было, думается, и самымъ лучшимъ педагогамъ, справляться съ той пестрой смѣсью предметовъ, которая назначена была по уставу училища. При томъ же это было не среднее учебное заведеніе, въ которыхъ и до сихъ поръ еще встрѣчаются преподаватели новыхъ языковъ незнающіе русскаго языка, а заведеніе стоящее въ рангѣ высшихъ—въ миніатюрѣ университетъ. Вильке, Турнейзенъ и Шмидтъ явились въ Ярославль совсѣмъ не зная русскаго языка.

Таково было скромное, при пяти профессорахъ и пяти же слушателяхъ, начало нынѣшняго лицея. Казалось, мысль Демидова была преждевременна. Воспитанниковъ нужно было искать, выписывать. Ярославская гимназія, находясь въ то время и сама въ зародышѣ, была еще весьма малочисленна и потому не могла доставить училищу надлежаще подготовленныхъ слушателей и при томъ въ достаточномъ количествѣ. По всему этому и число окончившихъ курсъ въ училищѣ, въ первые годы по открытіи его, было весьма не значительно. Такъ въ 1805 г. окончило курсъ только 2,

въ 1806 г. ни одного, въ 1807—3, въ 1808—1, въ 1809—3, въ 1810—опять ни одного [1]). Такое малое въ первое время число окончившихъ курсъ и вообще небольшое число студентовъ во всемъ училищѣ нельзя считать явленіемъ не нормальнымъ. Удивительнаго ничего нѣтъ, если Ярославль въ первые годы нынѣшняго столѣтія не могъ дать ни одного студента для высшаго учебнаго заведенія. Тотъ же Ярославль, — когда, по мысли ярославскаго и вологодскаго генералъ-губернатора А. Н. Мельгунова, открытъ былъ въ 1786 г. домъ призрѣнія ближняго, т. е. домъ для призрѣнія и обученія сиротъ, — съ большими затрудненіями и неохотой доставилъ сюда по нѣскольку мальчиковъ и дѣвочекъ. Потребовался тогда весь авторитетъ власти, чтобы не оставить уже готоваго и при томъ безплатнаго дома безъ обитателей. Заботы генералъ-губернатора о пріисканіи дѣтей, требовавшихъ призрѣнія, начались съ того, что всѣмъ сиротскимъ судамъ губерніи и городничимъ предписано было доставить списки малолѣтнихъ дѣтей, не имѣющихъ отцовъ и по бѣдности не имѣющихъ возможности учиться. Но и послѣ этого только два города [2]) доставили сюда дѣтей—Ярославль и Ростовъ, такъ что въ іюлѣ 1786 г. находилось уже въ домѣ призрѣнія живущихъ и учащихся 18 мальчиковъ и 21 дѣвочка [3]). Нормальность отсутствія желающихъ учиться въ Ярославлѣ

---

[1]) Въ 1820 г. число всѣхъ студентовъ Демидовскаго училища дошло до 67 и въ пансіонѣ при немъ (о пансіонѣ ниже) было 47 воспитанниковъ. Въ томъ же году студентовъ было: въ московскомъ университетѣ 483 и въ пансіонѣ 262; въ петербургскомъ университетѣ 85, въ пансіонѣ 105; въ дерптскомъ 260, въ виленскомъ 703, харьковскомъ 254 и казанскомъ 86. Въ 1833 г. число студентовъ Демидовскаго лицея дошло до 91, а нѣсколько раньше—въ 1822 г. до 109.

[2]) Историческій очеркъ столѣтія существованія дома призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ, *Скульскаго*. Ярослав. 1886, 19.

[3]) Тамъ же стр. 22.

около 100 лѣтъ тому назадъ, опять повторяю, нисколько неудивительна: въ 1725 г. во всей Россіи не нашлось охотниковъ поступить въ учрежденный тогда въ Петербургѣ при Академіи Наукъ университетъ. Выписаны были изъ за границы и профессора; но слушателей не находилось. Тогда, какъ говоритъ гр. Д. А. Толстой [1]), и слушателей выписали изъ за границы. Нѣкоторые же изъ профессоровъ, напр. Бильфингеръ, по заключенному съ нимъ контракту, долженъ былъ привести съ собой одного или двухъ студентовъ. Демидовское же училище, въ виду малаго числа желающихъ поступать въ него воспитанниковъ, нашло нужнымъ само приготовлять для себя студентовъ и съ этой цѣлью еще въ 1805 году 17 августа озаботилось учрежденіемъ пансіона [2]), соотвѣтствующаго по преподаванію тогдашней гимназіи.

Слова Ломоносова въ письмѣ къ Шувалову о московскомъ университетѣ: „при университетѣ необходимо должна быть, какъ разсадникъ, гимназія, безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ“ оправдались вполнѣ какъ тамъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь въ Ярославлѣ. Учрежденіе этого пансіона доставило училищу двѣ важныя выгоды: во-первыхъ, оно, по свидѣтельству записки, читанной въ торжественномъ собраніи училища 1830 года [3]), привлекло значительное число учениковъ изъ другихъ губерній и тѣмъ увеличило число студентовъ въ самомъ училищѣ; до учрежденія его и даже при первомъ его началѣ, до 1810 года, общее число учащихся не восходило выше 49, между тѣмъ какъ

---

[1]) Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи. Спб. 1885 г. стр. 3 и 4.

[2]) Планъ (уставъ) этого пансіона помѣщенъ въ періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія 1806 г. № XIV, стр. 145—161.

[3]) Краткое обозрѣніе важнѣйшихъ происшествій за 25-лѣтіе училища. 1830 г. стр. 39.

въ 1822 году студентовъ было уже 109,—и во-вторыхъ, учрежденіе пансіона, помѣщавшагося въ самомъ домѣ училища, послужило значительнымъ подспорьемъ къ поддержанію его въ экономическомъ отношеніи.

Устройство этого пансіона, по утвержденному, 17 августа 1805 года, министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Завадовскимъ, плану было слѣдующее: [1]) Въ число пансіонеровъ принимались дѣти дворянъ всѣхъ губерній отъ 9 до 13 лѣтъ, умѣющіе читать и писать по-русски, съ платой въ годъ за ученье и содержаніе по 275 р. ас., съ своей одеждой.— эти назывались полными *пансіонерами*; но былъ и другой разрядъ воспитанниковъ *полупансіонеры*, являвшіеся только для ученья, которые съ 8 часовъ утра оставались въ пансіонѣ цѣлый день и пользовались обѣденнымъ столомъ; за нихъ платилось въ годъ 180 р. ас. Тѣ и другіе, при поступленіи въ пансіонъ, должны были внести двѣ салфетки, ножъ съ вилкой, по столовой и чайной серебряной ложкѣ, которые при выходѣ оставались въ пользу пансіона, дабы, какъ сказано въ положеніи объ этомъ пансіонѣ, современемъ можно было сдѣлать изъ серебра приличное употребленіе. Кромѣ того полные пансіонеры вносили „кровать съ ящикомъ".

Пансіонъ состоялъ въ непосредственномъ вѣдѣніи совѣта училища, который назначалъ для надзора одного изъ профессоровъ своихъ, носившаго въ этомъ случаѣ званіе главнаго смотрителя [2]) и завѣдывавшаго пріемомъ, размѣщеніемъ пансіонеровъ и вообще учебной и хозяйственной частями, отдавая совѣту во всемъ этомъ отчетъ. Такимъ образомъ Демидовское училище и пансіонъ при немъ составляли какъ бы одно недѣлимое цѣлое.

---

[1]) Сборн. расп. по министер. нар. просвѣщ., т. I, стр. 62—68.

[2]) Первымъ былъ проф. математики Шишацкій.

Самыя занятія пансіонеровъ, потому же плану, распредѣлены были такъ: понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятница, *низшій классъ* съ 8 до 10 часовъ утра—первыя четыре дѣйствія ариѳметики, дроби, первыя 4 дѣйствія алгебры, уравненіе съ двумя неизвѣстными; съ 10 до 12 часовъ—чистописаніе, правописаніе, первыя начала русской граматики; послѣ обѣда отъ 2 до 4 час.—чистописаніе, правописаніе и первыя правила нѣмецкой граматики; съ 4 до 6 часовъ—чистописаніе, правописаніе и первыя правила французской граматики; *высшій классъ*: съ 8 до 10 часовъ геометрія, тригонометрія, уравненія второй степени и далѣе; съ 10 до 12 часовъ—усовершенствованіе въ русской граматикѣ, риторика, правила стихотворенія, переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій, чтеніе лучшихъ сочинителей, отъ 2 до 4 часовъ—усовершенствованіе въ нѣмецкой граматикѣ, о слогѣ языка, чтеніе лучшихъ сочинителей, сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ и переводы; съ 4 до 6 часовъ—такое же изученіе французскаго языка. Среда и суббота: *низшій классъ* отъ 2 до 10 часовъ—краткая исторія и географія русская и всеобщая; отъ 10 до 12 часовъ—катихизисъ и краткая св. исторія; *высшій классъ* отъ 8 до 10 часовъ—тоже что и въ низшемъ классѣ въ эти же часы, и математическая географія; съ 10 до 12 ч. артиллерія, фортификація, военная и гражданская архитектура; *въ обоихъ классахъ* отъ 2 до 5 (для желающихъ, за особую плату) рисованіе, латинскій языкъ, танцы, музыка и фехтованіе; отъ 5 до $7^1/_2$ часовъ—гимнастика (для всѣхъ). Преподавателями были частію нѣкоторые профессора училища, частію особые учителя и надзиратели. Экзамены производились дважды въ годъ, „приватный въ іюнѣ и публичный въ декабрѣ". Въ экзаменаціонныхъ спискахъ находимъ такія отмѣтки: „прилежанія и успѣховъ похвальныхъ; прилежанія и успѣховъ хорошихъ; прилежанія и успѣховъ не худыхъ; успѣховъ не худыхъ,

а прилежанія средственнаго; старателенъ съ изрядными успѣхами; малоуспѣшенъ и малоприлеженъ; нехудъ; прилежанія и успѣховъ мало показалъ; нѣсколько лѣнивъ". Такія отмѣтки, между которыми, очевидно, есть неособенно удовлетворительныя, незадерживали однако воспитанниковъ въ томъ же классѣ еще на годъ; всѣ они свободно переходили въ классъ слѣдующій, если только ихъ родители не заявляли о желаніи оставить пансіонера еще на годъ въ томъ же классѣ.

Обыденная жизнь пансіонеровъ распредѣлялась такимъ образомъ: вставали они по звонку въ 6 часовъ; къ чаю (двѣ чашки) въ 8 час. подавался бѣлый хлѣбъ; обѣдъ съ 12½ ч. состоялъ изъ пяти „вкусныхъ и здоровыхъ" блюдъ, ужинъ въ 8½ч.—изъ четырехъ; спать расходились пансіонеры въ 9 часовъ. При пансіонерахъ надзиратели должны были находиться „неотлучно". Окончившіе въ пансіонѣ курсъ успѣшно, производились въ студенты и принимались къ слушанію лекцій въ Демидовское высшихъ наукъ училище.

Одновременно съ уставомъ утверждено было и примѣрное такое исчисленіе прихода и расхода суммъ пансіона:

ПРИХОДЪ.

40 воспитанниковъ, съ каждаго по 275 р.
въ годъ . . . . . 12.000 р.

Итого. 12.000 р.

РАСХОДЪ.

Домъ и содержаніе онаго . . . . . 2000 р.
Учителямъ: нижняго ариѳметическаго класса 200
Высшаго геометрическаго и проч. . . . . 300 или 350

Нижняго россійскаго	200 р.
Вышняго россійскаго	300 или 350
Нижняго нѣмецкаго, онъ же и надзиратель надъ дѣтьми	500 или 600
Вышняго нѣмецкаго	300 или 350
Нижн. франц., онъ же и надзиратель . .	600 или 700
Вышняго французскаго	400
Нижняго историческаго	120
Вышняго историческаго.	200 или 250
Катихизисъ, свящ. истор., онъ же и лат. яз.	180 или 200
Артиллеріи, фортификаціи и архитектуры .	250 или 300
Рисовальный утитель	200
На содержаніе питомцевъ по 100 р. въ годъ на каждаго	4000
Писцу	150 или 200
Тафельдекеру	150 или 180
На жалованье людямъ 6 чел. по 5 руб. въ мѣсяцъ	240
Итого .	10.290 или 10.840 р.

Пансіонъ этотъ, приготовивъ для училища многихъ студентовъ, по Высочайшему указу 2 августа 1833 г., отчисленъ [1]), одновременно съ переименованіемъ училища въ лицей, къ ярославской гимназіи.

Еще въ проектѣ объ учрежденіи московскаго университета (ст. 26) говорилось: „науки не терпятъ принужденія и между благороднѣйшими учрежденіями человѣческими справедливо считаются“. Этого правила долго держался московскій университетъ; пансіонъ при Демидовскомъ училищѣ, о которомъ говорено выше, и самое училище руководились этимъ же

[1]) П. С. З, т. VIII, № 6370.

правиломъ. Въ нихъ не было назначено курсовъ и срочнаго времени для ученья; всякій могъ учиться въ каждомъ классѣ столько, сколько дозволяли ему средства, обстоятельства и способности [1]).

---

[1]) Для образца приводимъ здѣсь весьма характерное прошеніе о выходѣ изъ студентовъ училища одного изъ присланныхъ въ оное московскимъ университетомъ и, для образца же, списокъ съ выданнаго ему училищемъ аттестата.—(Орфографія по оригиналу): **Прошеніе:** «Почтеннѣйшіе мужи! Милостивые государи! Отеческое ваше расположеніе ко всѣмъ, которые имѣютъ счастіе находиться подъ вашимъ покровительствомъ, всегдашняя готовность помогать несчастному подаетъ и мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ вамъ со всенижайшею прозьбою, и заставляетъ льститься надѣждою что и я удостоюсь того благосклоннаго вниманія, которымъ столь многіе уже осчасливлены.—Не имѣя отца, не имѣя ближнихъ родственниковъ, которымъ бы счастіе мое или несчастіе было близко къ сердцу, по особенному нѣкоторому благопріятному случаю вступилъ я въ императорской московской университетъ.—Мать моя осталась въ самомъ бѣдномъ состояніи. Принося Богу и Государю сердечную благодарность за то, что призрѣніемъ сына облегчилось нѣсколько ея состояніе, заклинала меня при разставаніи исполнить надѣжду ее возвратиться къ ней достойнымъ сыномъ и извлечъ изъ бѣдственнаго положенія. Почтеннѣйшіе мужи! Каждую минуту гремѣлъ во мнѣ родительскій гласъ: не покинь своей матери! Сей гласъ былъ лучшимъ моимъ учителемъ, моимъ наставникомъ; былъ утреннею и вечернею моею молитвою! Семь лѣтъ пользовался я щедротами Монарха въ упомянутомъ университетѣ и при отправленіи въ Ярославское вышнихъ наукъ училище, основанное благодѣтелемъ сиротъ Демидовымъ, былъ удостоенъ произведеніемъ въ студенты. Это награжденіе ободрило меня и лучъ утѣшающей надѣжды блеснулъ въ сердце моемъ. Я благословлялъ милости Государя на меня изливаемыя и посвятилъ себя мѣсту меня воспитывающему.—Нынѣ же обстоятельства матери моей такъ растроились, что она не можетъ иначе содержать себя, какъ подаяніемъ добрыхъ сострадательныхъ людей! Я сынъ почтеннѣйшіе мужи! Эта вѣсть, собственною рукою матери меня призывающей изображенная, поразила сердце мое! и все то, что прежде подкрѣпляло меня въ ученіи теперь совершенно разстроено. Случай доставляетъ нынѣ мнѣ мѣсто, соотвѣственное моимъ свѣдѣніямъ и способности. Сколь ни тягостно для меня оставить то мѣсто, которому обязанъ я

По окончаніи каждаго учебнаго года въ училищѣ происходилъ актъ, приглашенія на который печатались на латинскомъ и русскомъ языкахъ, актъ, совершавшійся съ обычною торжественностью, которая была въ духѣ и нравахъ того вре-

---

всѣмъ своимъ счастіемъ; но долгъ сыновній повѣлеваетъ мнѣ облегчить участь несчастной моей матери. Почему и прошу всепокорнѣйше, почтеннѣйшіе мужи, войти въ бѣдное теперешнее мое положеніе и уволить меня изъ сего училища съ приличнымъ ученію моему и поведенію аттестатомъ. Принося искреннѣйшую благодарность за ваши попеченія и образованіе, за счастіе почитаю именоваться вашимъ, почтеннѣйшіе мужи, милостивые государи, покорнѣйшимъ слугою, студентъ Ѳедоръ Чановъ. 1805 г. марта 22 дня».—**Аттестатъ:** «По указу Его Императорскаго Величества изъ совѣта Ярославскаго Демидовскаго вышнихъ наукъ училища данъ сей аттестатъ студенту Ѳедору Чанову, поручика Ѳедора Чанова сыну, въ томъ что онъ, обучавшись прежде съ октября 15 дня 1795 года въ университетской гимназіи: 1) въ классѣ логики и правоученія, 2) въ вышнемъ латинскомъ, 3) въ синтаксическомъ французскомъ, 4) въ геометрическомъ, 5) въ вышнемъ историческомъ и географическомъ и 6) въ фехтовальномъ классахъ съ похвальнымъ прилежаніемъ, поступая добропорядочно; въ іюлѣ мѣсяцѣ 1804 г., по предписанію Его Превосходительства, господина тайнаго совѣтника и кавалера Михайлы Никитича Муравьева, для продолженія наукъ былъ отправленъ въ Ярославское Демидовское вышнихъ наукъ училище. 1804 г. августа 31 дня Императорскимъ московскимъ университетомъ произведенъ въ студенты. Съ 1 августа тогожъ года по 15 число апрѣля 1805 года обучался въ вышеозначенномъ училищѣ слѣдующимъ наукамъ: 1) въ классѣ исторіи философіи, логики, правоученія и греческаго языка, 2) въ классѣ права естественнаго и народнаго, 3) въ классѣ россійскаго краснорѣчія и россійской исторіи, 4) въ классѣ геометрическомъ и алгебраическомъ, 5) въ классѣ опытной физики, былъ прилѣженъ, въ поведеніи своемъ всегда добропорядоченъ, почему и заслуживаетъ, въ силу утвержденнаго собственноручнымъ подписаніемъ Его Императорскаго Величества, 1805 года генваря 28 дня устава Ярославскаго Демидовскаго вышнихъ наукъ училища, 20 пункта, быть принятъ въ службу четырнадцатымъ классомъ. Нынѣ же, по прошенію его, изъ Ярославскаго Демидовскаго вышнихъ наукъ училища съ симъ уволенъ. Данъ въ Ярославлѣ за подписаніемъ проректора шестаго класса и профессоровъ. Апрѣля 22 дня 1805 года».

мени. Устами всѣхъ профессоровъ, поочередно, во вступленіяхъ и заключеніяхъ ихъ рѣчей, краснорѣчіе того времени единогласно славило мудрыя учрежденія Александра I и восхваляло учредителя заведенія П. Г. Демидова, который въ такихъ случаяхъ всегда бывалъ центромъ овацій и героемъ дня. Студентами училища и пансіонерами произносились рѣчи и стихи, рѣдко на русскомъ, большею частію на французскомъ или латинскомъ языкѣ. Удостоеннымъ, по успѣхамъ, званія студента пансіонерамъ, торжественно вручалась шпага; лучшихъ награждали книгами.

Для руководства инспекціи училища утверждены были 23 іюля 1805 г. Попечителемъ московскаго университета особыя правила, присланныя въ совѣтъ съ предложеніемъ ему „принять попеченіе о соблюденіи ихъ въ точности". Озаглавлены были эти правила такъ: „Правила для физическаго образованія воспитанниковъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ". Самыя же правила, (правила для студентовъ высшаго учебнаго заведенія, имѣющихъ отъ роду около 20 лѣтъ). были таковы: „Г. инспекторъ, имѣя въ вѣдѣніи своемъ воспитанниковъ и комнатныхъ надзирателей онаго училища, долженъ наблюдать слѣдующее: 1) Обязанъ имѣть вообще наблюденіе за чистотою воздуха въ спальняхъ дѣтей, такъ какъ и за порядкомъ оныхъ. 2) Обязанъ быть какъ можно чаще при репетиціяхъ и при пріуготовленіяхъ дѣтей къ классамъ, какъ по утру, такъ и послѣ обѣда, и помогать своими свѣдѣніями въ ихъ упражненіяхъ; также при утренней и вечерней молитвѣ. 3) Послѣ нравственнаго дѣтей воспитанія и образованія характера ихъ долженъ онъ смотрѣть и за физическимъ ихъ состояніемъ, наблюдая всякій разъ, чтобы не было неопрятныхъ или больныхъ; сихъ послѣднихъ посылаетъ немедленно въ больницу, если безъ того обойтися не можно, и тотчасъ даетъ знать о томъ проректору. 4) Смотритъ при столѣ за добротою кушанья и за тѣмъ, чтобы ни въ чемъ

не было недостатка; въ противномъ случаѣ относится къ проректору или совѣту. 5) Наблюдаетъ, чтобы служители не приносили дѣтямъ лакомствъ и прочихъ покупокъ, также чтобы не ходили къ нимъ разнощики и продавцы. 6) Онъ бываетъ въ церкви, когда воспитанники слушаютъ литургію. Въ лѣтнее время можетъ отпускать ихъ прогуливаться подъ присмотромъ комнатнаго надзирателя. 7) Отпускаетъ въ праздники къ родственникамъ тѣхъ только воспитанниковъ, за которыми будетъ прислано, не позволяя отлучаться однимъ. 8) Долженъ наблюдать, чтобы о всѣхъ посѣтителяхъ, приходящихъ къ воспитанникамъ, ему сказывали немедленно, и никого безъ позволенія его къ нимъ не допускали. 9) Онъ бываетъ при встрѣчѣ знаменитыхъ посѣтителей, и ведетъ записку оныхъ, которую представляетъ совѣту. 10) Нерадивыхъ воспитанниковъ инспекторъ исправляетъ увѣщаніями, выговорами. Въ случаѣ же повторенія проступковъ оныхъ, можетъ онъ запретить имъ обѣдать, гдѣ таковымъ, сидящимъ съ прочими вмѣстѣ, или особо въ столовой, подается по приказанію его хлѣбъ и вода; въ важнѣйшихъ преступленіяхъ относится къ проректору. 11) Вообще проректоръ и инспекторъ воспитанниковъ Демидовскаго училища вышнихъ наукъ, что касается до воспитанія юношества, руководствуются правилами, предписанными уставомъ московскаго императорскаго университета г-ну ректору сего университета и инспектору казенныхъ студентовъ".

Управленіе училищемъ по уставу 1805 года, о чемъ говорилось выше, ввѣрено было проректору, избираемому изъ профессоровъ на одинъ годъ, и совѣту, который подчиненъ былъ совѣту московскаго университета. По распоряженію же попечителя московскаго университета, въ засѣданія совѣта по хозяйственной части приглашался въ первое время и директоръ училищъ ярославской губерніи (А. Н. Хомутовъ). Такъ было до смерти Павла Григорьевича

(Онъ скончался 1 іюля 1821 г.). Но вскорѣ послѣ посѣщенія Ярославля (съ 20 по 23 августа 1823 г.) и училища (21 августа) Императоромъ Александромъ Павловичемъ, ярославскій губернаторъ Безобразовъ, увѣдомивъ совѣтъ училища, что Его Величество лично поручилъ ему „отобрать мнѣніе и предположить мѣры, относящіяся до устройства училища, повелѣвъ представить Ему о соображеніяхъ немедленно въ Москву, въ собственныя Его руки“, просилъ доставить къ нему: 1) уставъ училища; 2) штатъ онаго; 3) дополнительныя правила до учрежденія его относящіяся, и 4) всѣ тѣ свѣдѣнія, кои могутъ раскрыть настоящій ходъ управленія училища [1]), что тогда же и было совѣтомъ исполнено.

Ровно затѣмъ черезъ полгода, 26 февраля 1824 года, Александръ Михайловичъ Безобразовъ увѣдомилъ училище, что „Государю Императору благоугодно было повелѣть: 1) ярославскаго губернатора Безобразова опредѣлить въ званіе почетнаго попечителя училища; 2) учредить при училищѣ званіе директора, [2]) съ приличнымъ жалованьемъ и помѣщеніемъ въ домѣ училища, и 3) возложить на губернатора, какъ на попечителя училища, во всѣхъ нуждахъ онаго относиться въ министерство народнаго просвѣщенія“ [3]). Затѣмъ, указомъ сената, первымъ директоромъ Демидовскаго училища опредѣленъ, 15 марта того же года, статскій совѣтникъ Майковъ, съ жалованьемъ по 3,000 руб. въ годъ [4]).

---

[1]) Протоколъ сов. 26 августа 1823 г.

[2]) До сихъ поръ въ главѣ заведенія стоялъ, какъ извѣстно, проректоръ, избиравшійся изъ профессоровъ. Изъ совѣтскихъ протоколовъ узнаемъ, что со времени открытія училища до описываемаго времени проректорами въ разное время и по нѣскольку разъ были профессоры: *К. И. Янишъ*, *И. Е. Срезневскій*, *Ф. А. Шмидтъ*, *Г. Ѳ. Покровскій*, *М. И. Ханенко*, *С. А. Вилинскій* и *Ѳ. А. Бекетовъ*.

[3]) Протоколъ сов. 26 февраля 1824 г.

[4]) Протоколъ сов. 2 и 26 мая и 2 іюня 1824 г.

Въ это время Демидовское училище вовсе отпало отъ вліянія на него московскаго университета. Почетный попечитель Безобразовъ препроводилъ въ совѣтъ училища копію съ Высочайшаго указа, даннаго министру народнаго просвѣщенія (адмиралу А. С. Шишкову), коимъ повелѣвалось: „изъявъ Демидовское училище изъ вѣдомства московскаго университета, поручить въ непосредственное вѣдѣніе почетнаго попечителя Безобразова“, который, въ свою очередь, не замедлилъ предложить совѣту „прекратить дальнѣйшія свои сношенія съ московскимъ университетомъ и попечителемъ округа“ [1]).

Въ концѣ 1827 г. А. М. Безобразовъ назначенъ былъ сенаторомъ, и 21 мая 1829 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи его отъ должности почетнаго попечителя училища и соединеніи этого званія съ званіемъ ярославскаго губернскаго предводителя дворянства, а равно и о подчиненіи, какъ и прежде, совѣта Демидовскаго училища московскому университету [2]). Губернскимъ предводителемъ былъ въ это время Павелъ Аполоновичъ Соколовъ.

По уставу 2 августа 1833 года, лицей былъ подчиненъ вѣдѣнію попечителя московскаго учебнаго округа; званіе же почетнаго попечителя оставлено (§ 5) за ярославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Но въ 24-й день августа 1848 года [3]) состоялось Высочайшее повелѣніе, не отмѣненное и по настоящее время, по которому „должность почетнаго попечителя Демидовскаго лицея предоставлена, какъ потомственное званіе, въ родъ незабвеннаго основателя

---

[1]) Протоколъ сов. 23 декабря 1824 г.

[2]) Сборн. пост. по министерству народ. просвѣщ., т. II. отд. 1, № 27, стр. 238.

[3]) Сборн. пост. по министерству нар. просвѣщ., т. II, отд. 2, № 1065.

училища". Первымъ такимъ почетнымъ попечителемъ лицея былъ внукъ Павла Григорьевича, штабсъ-ротмистръ Павелъ же Григорьевичъ Демидовъ, бывшій потомъ и попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Послѣ него былъ сынъ предъидущаго,—камеръ-юнкеръ, Александръ Павловичъ, опредѣленный въ это званіе Высочайшимъ приказомъ отъ 31 января 1866 г. Нынѣ, съ 29 мая 1893 г. почетнымъ попечителемъ лицея состоитъ кременецкій уѣздный предводитель дворянства Павелъ Александровичъ Демидовъ.

Управленіе демидовскими крестьянами, платившими ежегодно оброку по 5 руб. ас. съ души, ввѣрено было съ самаго начала директору училищъ Ярославской губерніи Хомутову, а по распоряженію попечителя московскаго учебнаго округа гр. Разумовскаго 18 мая 1809 года—совѣту Демидовскаго училища, такъ что въ вакаціонное время профессора ѣздили, какъ помѣщики, въ Демидовскіе, приписанные къ училищу вотчины, для собиранія оброка и для управленія. Вотчины эти находились въ уѣздахъ угличскомъ, пошехонскомъ и главнымъ образомъ въ романовъ-борисоглѣбскомъ. Владѣя крестьянами, училище принимало и хлопоты и отвѣтственность по поставкѣ рекрутъ, по разнымъ требованіямъ полиціи, по составленію и доставленію ревизскихъ сказокъ; оно же давало разрѣшенія на вступленія крестьянъ въ браки, отпускало на волю. Возбуждались иногда противъ демидовскихъ крестьянъ уголовныя преслѣдованія, и въ такихъ случаяхъ училище, въ лицѣ своихъ профессоровъ, обязывалось слѣдить за ходомъ производившихся такихъ дѣлъ. Съ 1810 года оброкъ съ демидовскихъ крестьянъ, по Высочайшему указу, увеличенъ до 8 руб. ас. [1]) и, по Высочайшему повелѣнію 7 декабря 1816 года, управленіе вот-

---

[1]) Протоколъ сов. 1 сентября 1810 г.

чинами предоставлено мѣстному гражданскому начальству на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ управлялись крестьяне государственные, съ тѣмъ чтобы, какъ сказано въ самомъ указѣ [1]), „крестьяне эти оставались навсегда подъ именемъ крестьянъ Демидовскаго училища и оброкъ вносили бы въ казенную палату". Съ начала 1819 года лицейскіе крестьяне сравнены въ оброкѣ съ государственными же, начавъ платить съ этого времени по 10 рублей ас. съ души [2]).

Такъ-какъ оброкъ училищными крестьянами уплачивался не всегда аккуратно, а это отзывалось на хозяйствѣ заведенія, то совѣтъ училища, въ 1825 году, предполагалъ передать всѣ бывшія въ то время 3,617 ревизскихъ душъ въ казну, взявши съ оной за каждую душу по 350 руб. ас., что и составило бы капиталъ въ 1,265,950 р., съ котораго процентовъ имѣлось-бы, по тогдашнему разсчету, въ годъ 63,297 р. 50 коп. [3]), то-есть 18,085 руб. сер. Эти предположенія представлены были совѣтомъ на усмотрѣніе бывшему тогда почетному попечителю Безобразову, но остались безъ дальнѣйшаго движенія.

Нынѣшній оброкъ крестьянъ въ пользу лицея, 4 р. сер. съ души въ годъ, взимается съ 1834 года, по Высочайшему повелѣнію отъ 2 августа 1833 г. [4]), а съ 1842 года лицейскіе крестьяне перешли въ завѣдываніе ярославской палаты государственныхъ имуществъ, которая вѣдала и оброки съ крестьянъ. При такомъ устройствѣ постоянно слышались жалобы на неаккуратную уплату крестьянами оброка и на увеличеніе съ каждымъ годомъ оброчныхъ недоимокъ. Это обстоятельство весьма невыгодно отзывалось на матеріаль-

---

[1]) Полн. собр. зак., т. XXXII, № 26540.
[2]) Протоколъ сов. 1 и 23 апрѣля 1819 г.
[3]) Протоколъ сов. 29 іюля 1825 г.
[4]) Полн. собр. зак., т. VIII, № 6371.

ныхъ средствахъ лицея, не имѣвшаго возможности, при возроставшихъ недоимкахъ, держаться въ предѣлахъ своей смѣты. Для выхода изъ этого затруднительнаго положенія предлагались различныя мѣры. По мнѣнію однихъ, считалось полезнымъ предложеніе министерству государственныхъ имуществъ пріобрѣсть покупкою имѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, или, при содѣйствіи этого же министерства, понудить самихъ крестьянъ къ выкупу. По мнѣнію другихъ, слѣдовало бы обратиться съ просьбой къ потомкамъ Павла Григорьевича— взять помѣстья въ свое обладаніе, съ уплатой за нихъ причитающагося, по разсчету доходовъ, капитала. Въ общемъ мнѣнія по этому вопросу всѣ сводились къ выраженію настоятельной необходимости избавить лицей отъ нескончаемыхъ сношеній съ посторонним вѣдомствомъ. сдѣлать доходъ его постояннымъ и вѣрнымъ, не зависящимъ отъ неурожаевъ и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ 1852 г. министерство народнаго просвѣщенія вступило по этому поводу въ переписку съ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Стоявшій тогда во главѣ этого министерства графъ Киселевъ не призналъ „удобоисполнимыми“ сдѣланныя ему по этому предмету предположенія, и предложилъ съ своей стороны другія мѣры, осуществленіе которыхъ, по его мнѣнію, не могло встрѣтить значительныхъ препятствій. Мѣры эти состояли въ томъ, чтобы окончательно „приписать крестьянъ къ вѣдомству казенныхъ, и сумму, причитающуюся въ пользу лицея, отпускать ему изъ государственнаго казначейства, или же, напротивъ, выплатить лицею единовременно такой капиталъ, который могъ бы быть возмѣщенъ, на 37 лѣтнихъ банковыхъ правилахъ, оброкомъ съ крестьянъ, а самый оброкъ согласить предварительно съ средствами плательщиковъ, уменьшивъ его на сумму, какая составится сложностью накопившихся за послѣдніе 10 лѣтъ недоимокъ“. Между тѣмъ положеніе лицея было таково, что онъ, нуж-

даясь, при неаккуратныхъ платежахъ оброковъ, въ необходимомъ, задолжалъ, о чемъ говорилось и раньше (стр. 45) училищамъ своего округа до 20.000 руб.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло до тѣхъ поръ, пока вопросъ о передачѣ лицейскихъ помѣстій не поступилъ на разсмотрѣніе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Согласно Высочайше утвержденному 12 мая 1859 г. мнѣнію этого комитета, демидовскіе крестьяне обращены были въ государственные, съ освобожденіемъ ихъ на будущее время, при выходѣ въ купечество или мѣщанство, отъ единовременныхъ взносовъ (выкуповъ) въ пользу лицея, практиковавшихся до этой поры согласно Высочайшему указу 1833 г. Вмѣстѣ съ симъ повелѣвалось „доходы съ лицейскихъ имѣній отпускать впредь лицею въ томъ количествѣ, въ какомъ они до тѣхъ поръ ему уплачивались; излишніе же затѣмъ доходы вносить въ уѣздныя казначейства, для причисленія къ общимъ доходамъ съ казенныхъ имѣній". Вслѣдствіе этого денежныя средства Лицея не могли превысить на будущее время суммы, исчисленной къ поступленію на 1862 годъ (15.329 р.);— другими словами, лицей въ отношеніи способовъ содержанія оставленъ былъ въ прежнемъ положеніи. Выгода же лицея отъ этого новаго закона состояла лишь въ томъ, что онъ безъ всякихъ задержекъ могъ выбирать эту сумму въ каждомъ данномъ году на свои расходы изъ казначейства, ни сколько не завися отъ поступленій или непоступленій оброковъ съ крестьянъ.

Достигало ли однако Демидовское училище главной своей цѣли? Не намъ, не жившимъ еще въ это время, заниматься разрѣшеніемъ такого вопроса. Послушаемъ объ этомъ современниковъ. Путешествовавшій по Россіи съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ Григорій Андреевичъ Глинка, отъ 24 августа 1817 г. такъ доносилъ изъ Нижняго-Новгорода Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: [1]) „Демидовское высшихъ

1) Рус. Арх. 1877 г. кн. 2 стр. 244.

наукъ училище, по мнѣнію знающихъ людей, не совсѣмъ выполнило благотворную цѣль основателя его и отнюдь не оправдало высокихъ о немъ чаяній просвѣщенной публики. Демидовъ пожертвовалъ съ безпримѣрнымъ великодушіемъ для заведенія и содержанія училища сего помѣстьями своими въ Ярославской губерніи, въ коихъ по послѣдней ревизіи имѣется всего 3620 душъ муж. п. и кои платятъ по 8 р. съ души въ пользу этого заведенія. Сверхъ того училище получаетъ каждогодно по 5000 р. съ денежнаго стотысячнаго капитала, принесеннаго ему въ даръ тѣмъ же благотворителемъ Демидовымъ; 325 руб. съ водяныхъ мельницъ, находящихся въ одной изъ училищныхъ вотчинъ, и 2000 р. съ пансіона, помѣщеннаго въ училищномъ домѣ. *По несчастію*, основатель не далъ надлежащихъ предписаній въ разсужденіи управленія училищныхъ вотчинъ, и по сему доходы съ нихъ были собираемы и издерживаемы какъ ни попало. Выборъ учителей сего учебнаго мѣста не удаченъ, а надзоръ за учителями и того еще плоше. Здѣсь обучается нынѣ 22 казенныхъ и 23 своекоштныхъ студентовъ, большею частью бѣдныхъ родителей дѣти; люди же достаточные и образованнаго вкуса посылаютъ для обученія дѣтей своихъ, либо въ пансіонъ московскаго университета, либо въ другія извѣстнѣйшія въ Россіи училища". Таковъ отзывъ современника о демидовскомъ училищѣ во второй десятокъ лѣтъ его существованія.

Только что приведенныя данныя, вмѣстѣ съ воспоминаніями бывшихъ воспитанниковъ Демидовскаго училища того времени, которыя пишущему приводилось слышать, свидѣтельствуютъ, что уровень тогдашняго преподаванія находился на весьма незавидной высотѣ. При отсутствіи надлежащей подготовки профессоровъ того времени, здѣсь царствовало полное поклоненіе тому или другому, и притомъ не собственнаго мастерства, а чужому тощему учебнику, въ которомъ заключалось почти все сокровище и самихъ преподающихъ

и за предѣлы котораго не заходилось. Отъ студентовъ не требовалось ничего самостоятельнаго, ничего, кромѣ заучиванья данныхъ имъ учебниковъ *наизусть*. Считалось даже дурнымъ направленіемъ къ вредному свободомыслію, если какой либо студентъ дерзалъ отвѣчать на экземенѣ „своими словами". Впрочемъ, какъ замѣчаетъ проф. В. Григорьевъ [1]), наука считалась тогда (такъ онъ говорилъ даже о времени позднѣйшемъ—1822—1832 гг.), „не только у огромнаго большинства адептовъ ея повсюду въ Россіи, но и въ нѣкоторыхъ отсталыхъ странахъ запада за нѣчто прочное и мало подверженное измѣненіямъ, за капиталъ, который одно поколѣніе могло передавать другому почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получило его отъ своихъ наставниковъ. Отъ профессора требовалось не историческаго знанія своего предмета, не критическаго къ нему отношенія, не собственныхъ изслѣдованій въ его области, а одушевленной и занимательной передачи научнаго матеріала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ считался установившимся трудами знаменитѣйшихъ писателей".

---

[1]) Въ исторической запискѣ къ 50-лѣтію Петербурскаго университета. Спб. 1870 г. стр. 68.

Утвержденный для училища 28 января 1805 г. штатъ дѣйствовалъ 17 лѣтъ и затѣмъ, „въ виду увеличившихся средствъ училища отъ увеличеній оброка съ крестьянъ“ и, какъ сказано въ докладѣ Министра, „по причинѣ возвысившихся на всѣ вещи цѣнъ“, признано было возможнымъ увеличить штатное содержаніе по училищу. Высочайшее утвержденіе новаго штата для училища, по докладу министра, послѣдовало въ 9 день мая 1823 г. Уставъ оставленъ прежній.

По этому новому штату назначено было:

Семи профессорамъ, каждому по 1400 р. .	9800 р.
Проректору, изъ профессоровъ, прибавочнаго	400 „
Инспектору изъ профессоровъ же	360 „
Секретарю совѣта изъ профессоровъ же . .	200 „
Библіотекарю изъ профессоровъ же	120 „
Учителю Закона Божія.	400 „
„ Французскаго языка	500 „
„ Нѣмецкаго языка	500 „
„ Рисованія	300 „
„ Музыки.	300 „
„ Танцованія	360 „
„ Фехтованія	500 „
На содержаніе 40 студентовъ по 280 р. .	11.200 „
Двумъ надзирателямъ по 250 р.	500 „
Кассиру	500 „
Эконому	550 „
Доктору при больницѣ	250 „
На канцелярію.	700 „
„ библіотеку.	500 „
„ физическій кабинетъ	500 „
„ натуральный кабинетъ	500 „
„ химическую лабораторію . . .	500 „
„ иностранные журналы	400 „

На покупку учебныхъ книгъ для казенныхъ студентовъ	150	р.
„ медали для награды студентамъ.	120	„
„ больницу и лѣкарства	320	„
„ содержаніе 14 служителей . .	1.664	„
„ содержаніе строеній, отопленіе, освѣщеніе и проч.	4.500	„
„ содержаніе типографіи	500	„
„ пенсіонъ	1.500	„
„ непредвидимые расходы. . . .	3.001	„
Всего . .	41.495	р.
Противъ прежняго штата болѣе на	19.965	„

Для полученія понятія о состояніи преподававшихся въ училищѣ наукъ въ послѣдній годъ его существованія предъ преобразованіемъ по новому уставу въ лицей, приведемъ здѣсь извлеченіе изъ отчета за 183²/₃ академическій годъ, съ означеніемъ преподавателей каждаго предмета.

Богословіе: протоіерей **Александръ Николаевичъ Головщиковъ**—въ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіи (курсъ) догматическое Богословіе, въ 3-мъ—нравственное (4¹/₂ ч. въ недѣлю), по руководству Макарія. *Философія*: проф. **Герасимъ Ѳедоровичъ Покровскій**—въ 1-мъ отдѣленіи логику по руководству Ватса; во 2-мъ—методологію и психологію по руководству Бити и нѣкоторыя главы изъ нравственной философіи по Рели; въ 3-мъ—нравственную политическую философію и исторію философіи, первую по руководству Рели и Бити, а послѣднюю по Теннеману, (всего 9 час. въ недѣлю. *Права*: проф. **Дмитрій Михайловичъ Семеновскій**—въ 1-мъ отд. право естественное частное по руков. Цейлера; въ 2-мъ право естественное публичное по сочин. Лодія; въ 3-мъ право естественное народное по руководству Клюбера и

Мартенса 9 часовъ. *Политическія науки*: проф. **Ѳедоръ Андреевичъ Бекетовъ** для всѣхъ трехъ отдѣленій читалъ политическую экономію и науку о финансахъ 9 час. по руководствамъ Шторха, Шлецера, Сея и Сисмонди. *Математика:* за болѣзнію проф. этой науки **Михаила Ивановича Морошкина** временно преподавалъ проф. **Василій Саввичъ Смирновъ** 9 час. въ 1-мъ отд. аналитическую геометрію по Біоту и Франкеру; во 2-мъ—высшую алгебру по Франкеру и Бурдону; въ 3-мъ—высшія исчисленія по руководству Котн. *Физика и Химія:* проф. **В. С. Смирновъ** преподавалъ въ 3-мъ отд. физику по собственному конспекту, избранному изъ сочиненій Біота, Пулье и Перевощикова. *Естественная исторія*: проф. **В. С. Смирновъ** (вмѣстѣ съ физикой 9 ч.) въ 1-мъ отд. минералогію по Гаю, Бедану и Соколову; во 2-мъ—ботанику по Максимовичу; въ 3-мъ зоологію по сочиненіямъ Кювье. *Исторія и Статистика:* проф. **Николай Алексѣевичъ Рудневъ** преподавалъ по собственному конспекту 9 час., руководствуясь сочиненіями Милота, Миллера, Коха, Кайданова, Карамзина, Германа, Гейма, Забловскаго, Арсеньева, Шлецера и Штарха—въ 1-мъ отд. всеобщую исторію древнихъ царствъ и народовъ и географію россійской имперіи; въ 2-мъ—исторію среднихъ вѣковъ, теорію статистики и литературу оной; въ 3-мъ—всеобщую исторію послѣднихъ столѣтій, исторію Россіи и статистику оной. *Русская словесность*: проф. **Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ** (9 час. вмѣстѣ съ древней словесностью) по собственному конспекту, одобренному совѣтомъ моск. университета читалъ—въ 1-мъ отд. о свойствахъ русскаго языка; во 2-мъ—правила стихосложенія и піитику; въ 3-мъ—исторію словесности, руководствуясь отдѣльными трактатами, помѣщенными въ трудахъ ученыхъ обществъ. Для исторіи словесности пользовался собственнымъ собраніемъ историческихъ замѣчаній изъ Карамзина и друг. *Древняя словесность*: проф. **А. З. Зиновьевъ**—словесность

древнихъ языковъ (9 ч. вмѣстѣ съ русской словесностью), по собственному конспекту, руководствуясь въ объясненіи сочиненіями Ауербаха, Блера, Мааса, Шотта, Мейера и Шлегеля; въ 1-мъ отд. проходилъ предварительныя логико-риторическія понятія, краткое понятіе объ эстетикѣ, общую и частную риторику, правила латинскаго стиля и важнѣйшія замѣчанія изъ римскихъ древностей; во 2-мъ отд. чтеніе и переводъ IX книги Квинтиліана, съ надлежащими объясненіями; въ 3-мъ—исторію древней словесности и краткое начертаніе древней и новой, Гораціево посланіе къ Пизонамъ de arte poëtica.—Кромѣ означеннаго времени проф. Зиновьевъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы по 3 ч. въ недѣлю занимался со студентами всѣхъ трехъ отдѣленій переводомъ избранныхъ мѣстъ изъ греческикъ писателей, руководствуясь учебною книгою Якобса. *Новѣйшіе языки:* франц. языкъ учит. **К. К. Турне**; нѣмецкій—**Борхертъ**. *Рисованіе* **Д. Д. Кореневъ**, танцы—**Ришаръ**, *музыка*—**Журавлевъ**, *фехтованіе*—**Белли.**

Начальство заведенія, стремясь къ водворенію въ училищной средѣ началъ строгой нравственности, зорко слѣдило за образомъ жизни и воспитаніемъ какъ студентовъ, такъ и пансіонеровъ; при чемъ имѣлись въ виду и условія общежитія. Такъ требовалось „имѣть между собою обхожденіе вѣжливое и дружелюбное и не учинять никакихъ ссоръ, называя другъ друга по фамиліи, съ прибавленіемъ слова—господинъ"; пансіонеры же должны были называть студентовъ по имени и отчеству. Надзирателямъ предписывалось „наблюдать, чтобы въ жилые покои и даже близко оныхъ ничего съѣстнаго, что лакомству служить можетъ, для продажи не приносилось".

Добрая слава Демидовскаго училища пошла далеко, и между студентами, въ періодъ 1805—1833 гг., мы видимъ урожденцевъ 26-ти губерній: Виленской, Витебской, Влади-

мірской, Вологодской, Воронежской, Казанской, Калужской, Кіевской, Костромской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Полтавской, Рязанской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской и значительное большинство изъ губерніи Ярославской.

Открытое такимъ образомъ въ 1805 г. въ Ярославлѣ высшее учебное заведеніе, носившее по первому уставу своему наименованіе „Демидовскаго вышнихъ наукъ училища", руководствовалось этимъ уставомъ до 1834 г. и имѣло 27 выпусковъ. Въ этотъ періодъ (1805—1833 гг.) всего окончило курсъ 327, которые по годамъ распредѣляются такъ: въ 1805 г. 2, 1807—3, 1808—1, 1809—3, 1811—4, 1812—21, 1813—6, 1814—9, 1815—9, 1816—4, 1817—10, 1818—13, 1819—11, 1820—14, 1821—10, 1822—19, 1823—20, 1824—8, 1825—17, 1826—18, 1827—5, 1828—22, 1829—28, 1830—28, 1831—12, 1832—13, 1833—17 [1]).

---

[1]) Списокъ окончавшихъ курсъ съ ихъ фамиліями и именами помѣщенъ въ моей книгѣ «Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища». Яросл. 1887, стр. 201—205.

2-го августа 1833 года, вскорѣ послѣ посѣщенія Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Ярославля и Демидовскаго училища [1]), утвержденъ былъ для этого заведенія новый уставъ.

Уставъ этотъ препровожденъ былъ въ сенатъ при слѣдующемъ имянномъ указѣ:

„Утвердивъ разсмотрѣнные въ государственномъ совѣтѣ уставъ и штатъ для Демидовскаго высшихъ наукъ училища, составленные особымъ для устройства учебныхъ заведеній комитетомъ, и соизволяя, чтобы сіе училище въ новомъ его составѣ именовалось Демидовскимъ Лицеемъ, повелѣваемъ:

1) Уставъ и штатъ Демидовскаго лицея ввести въ дѣйствіе съ 1-го января 1834 года.

2) Существующій при училищѣ благородный пансіонъ отчислить къ ярославской гимназіи“ [2]).

Главныя положенія этого устава заключались въ слѣдующихъ §§ [3]):

„1) Въ память учиненнаго покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Демидовымъ пожертвованія на учрежденіе и содержаніе въ Ярославлѣ училища, заведеніе сіе именуется Демидовскимъ лицеемъ“.

„2) Лицей состоитъ въ вѣдѣніи московскаго университета“.

„3) Для управленія лицеемъ и преподаванія въ ономъ, назначаются: директоръ, законоучитель, восемь профессоровъ и два лектора“.

„*Примѣч.* Директоръ лицея есть въ тоже время и директоръ ярославскихъ училищъ“.

---

[1]) Онъ былъ въ училищѣ 17 ноября 1831 г.

[2]) Въ пансіонѣ этомъ, пока онъ находился при Демидовскомъ училищѣ, воспиталось до 450 молодыхъ людей.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. III, № 6,370.

„4) Ярославскій дворянскій предводитель соединяетъ съ сею должностью званіе почетнаго попечителя Димидовскаго лицея“.

„5) Директоръ избирается университетомъ и чрезъ попечителя московскаго округа представляется на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія“.

„6) Въ профессоры избираются московскимъ университетомъ доктора, или, по крайней мѣрѣ, магистры тѣхъ наукъ, къ преподаванію коихъ они назначаются, и, по представленію попечителя, утверждаются министромъ. Законоучитель и лекторы опредѣляются университетомъ съ согласія попечителя“.

„7) Лицей управляется совѣтомъ, который, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ всѣ профессора“.

Разнохарактерность предметовъ по новому уставу противъ прежняго увеличилась еще болѣе Къ преподаванію въ немъ было (§ 9) назначено: „1) законъ Божій (краткая богословія, церковная исторія и изъясненіе св. писанія), 2) математика, 3) физика, химія и технологія, 4) россійская и латинская словесность, 5) философія (логика, психологія, нравственная философія и исторія философіи), 6) естественная исторія, 7) русское публичное, гражданское и уголовное право, съ ихъ судопроизводствами, финансы и политическая экономія, 8) всеобщая и россійская исторія и статистика, 9) нѣмецкій и 10) французскій языкъ и словесность“.

„*Примѣч.* По 7-му пункту назначаются два профессора. Языкамъ и словесности обучаютъ лекторы“.

9-го того же августа Высочайше утверждено было мнѣніе государственнаго совѣта, по которому начальству лицея вмѣнено въ обязанность при преподаваніи обращать особенное вниманіе на науки юридическія и камеральныя, прочія же считать второстепенными.

Съ 1832 года введено было, по Высочайшему повелѣнію, обученіе студентовъ фронтовой службѣ [1]).

„12) Для окончанія преподаваемыхъ въ лицеѣ наукъ назначаются три года".

„13) Къ слушанію лекцій въ лицеѣ допускаются кончившіе съ успѣхомъ гимназическій курсъ, а изъ получившихъ домашнее воспитаніе—доказавшіе на испытаніи въ лицеѣ, что они имѣютъ тѣ же основательныя свѣдѣнія въ предметахъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ". По прежнему же уставу, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, въ Демидовское училище принимались и окончившіе курсъ въ народныхъ училищахъ.

„24) На иждивеніи лицея содержатся 40 студентовъ".

„*Примѣчаніе* къ § 28. Пенсіи и единовременныя пособія производятся изъ процентовъ съ особаго существующаго на сей конецъ при лицеѣ капитала". Но по Высочайше утвержденному, 12 апрѣля 1834 г., мнѣнію государственнаго совѣта, накопившіяся въ лицеяхъ Демидовскомъ и Безбородко суммы на пенсіи переданы были въ государственное казначейство. Суммъ этихъ по Демидовскому лицею образовалось къ 1834 году съ процентами 71,834 руб. 82 ½ к. [2]); съ этого времени пенсіи начали производиться всѣмъ служившимъ въ лицеѣ изъ суммъ государственнаго казначейства.

„29) Студентамъ, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ ученія и удостоеннымъ похвальнымъ аттестатовъ, предоставляется, при вступленіи въ гражданскую службу, XIV-й классъ, а при опредѣленіи въ военную службу имѣютъ на полученіе перваго офицерскаго чина одинаковое право съ студентами университетовъ, ежели познаніемъ службы достойны будутъ производства".

---

[1]) Проток. сов. 2 дек. 1834 г.

[2]) Проток. сов. 1834 г. 15 и 28 іюня, 20 іюля и 2 октября.

Въ одинъ день съ утвержденіемъ устава и штата Демидовскаго лицея состоялся Высочайшій указъ, въ силу котораго оброкъ съ демидовскихъ крестьянъ 10 р. съ души въ годъ, платившійся въ пользу заведенія, возвышенъ до 14-ти рублей [1]), и въ виду увеличенія средствъ по новому лицейскому штату было назначено:

Жалованье директору, въ добавокъ къ жалованью, положенному по ярославской гимназіи . .	1,750 р.
Законоучителю	1,000 „
Осьми профессорамъ, по 3,000 рублей . . .	24,000 „
Двумъ лекторамъ, по 1,200 рублей	2,400 „
Секретарю	1,000 „
Кассиру	800 „
Эконому и врачу при студентской больницѣ по 500 руб.	1,000 „
На содержаніе 40 студентовъ, по 290 р. .	11,000 „
Двумъ надзирателямъ, по 500 рублей . . .	1,000 „
Двумъ канцелярскимъ служителямъ 400 и 300 руб.	700 „
На канцелярскіе расходы	200 „
На библіотеку	1,000 „
На физическій и технологическій кабинеты и химическую лабораторію	1,000 „
На пенсіи вычетъ	2,000 „
На содержаніе дома, служителей, отопленіе, освѣщеніе и прочіе расходы	5,278 „
Итого. . .	54,738 р.

Цифры, по внѣшнему виду, крупныя, но то были цифры ассигнаціонныя.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. III, 2 августа 1833, № 6,371.

Открытіе Демидовскаго лицея, послѣ преобразованія его изъ высшихъ наукъ училища, совершилось 15 января 1834 г. [1]). Послѣ литургіи въ лицейской церкви, въ актовомъ залѣ, директоромъ лицея Клименко прочитанъ былъ новый уставъ, а профессоромъ Покровскимъ произнесена рѣчь о томъ, „на что особенно должно обращать вниманіе въ дѣлѣ воспитанія юношества“ [2]).

Для надзора за студентами (§ 23), состоящими на содержаніи лицея, по уставу 1833 г. полагалось имѣть двухъ комнатныхъ надзирателей, назначаемыхъ (§ 27) „изъ свободнаго состоянія“; инспектора же не было назначено. Поэтому совѣтъ, „имѣя въ виду, что директоръ лицея есть вмѣстѣ и директоръ гимназіи и подвѣдомыхъ оной всѣхъ училищъ Ярославской губерніи, что онъ обязанъ, по своему положенію, дѣлать дважды въ годъ поѣздки по губерніи для осмотра училищъ и что хотя въ отсутствіе его и будетъ исправляться должность директора старшинъ профессоромъ; но, такъ какъ желателенъ постоянный за студентами и домомъ надзоръ лица вліятельнаго“, просилъ у совѣта московскаго университета разрѣшенія имѣть постояннаго инспектора изъ профессоровъ, давъ ему квартиру и добавочное въ размѣрѣ 500 руб. жалованье изъ экономическихъ суммъ.

---

[1]) Бывшій тогда министръ народнаго просвѣщенія, во всеподданѣйшемъ своемъ отчетѣ за 1834-й годъ, писалъ: «На основаніи Высочайше утвержденнаго во 2-й день августа 1833 г. устава и штата, Димидовское высшихъ наукъ училище преобразовано въ лицей, который открытъ торжественно 15 генваря прошлаго года, и бывшій при первомъ благородный пансіонъ присоединенъ къ ярославской гимназіи.—Библіотека состоитъ изъ 3279 томовъ; въ физическомъ кабинетѣ содержится инструментовъ 75; въ кабинетѣ естественной исторіи 2636 предметовъ, медалей и монетъ 248. Въ немъ учащихся нынѣ 80». Журн. мин. нар. просв. 1835 г. ч. VI, офф. отд. стр. LI.

[2]) Протоколъ совѣта 10 и 18 января 1834.

Это ходатайство совѣта министерствомъ въ февралѣ 1834 г. было уважено и на должность инспектора избранъ былъ проф. Зиновьевъ. Но порядокъ этотъ продержался не долго. По Высочайше утвержденному мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, съ 1835 года, повелѣно было имѣть особаго инспектора, не изъ профессоровъ уже, а „изъ уволенныхъ изъ военной службы штабъ-офицеровъ, съ тѣмъ, чтобы имъ поручить надзоръ за порядкомъ и нравственностью обучающагося юношества и наружную выправку". Жалованья такимъ инспекторамъ назначено было въ годъ, при готовой квартирѣ, 2.000 руб.[1]).

Всѣ такіе изъ военныхъ разныхъ родовъ оружія инспекторы, назначаемые на эту должность не столько ради самой должности, сколько изъ цѣлей древле-русскаго кормленія, равно какъ и помощники ихъ—комнатные надзиратели, назначаемые „изъ свободнаго состоянія", не принадлежа къ высшему учебному сословію, а иногда и вовсе лишенные какого бы то ни было образованія, едва ли могли пользоваться въ глазахъ студентовъ какимъ либо авторитетомъ, кромѣ авторитета власти. Дѣлаемыя ими студентамъ внушенія, если и принимались, то принимались не по силѣ ихъ моральнаго достоинства, а вѣроятно лишь только по тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, которыми могли они сопровождаться.

Первымъ такимъ инспекторомъ былъ нѣкто Александръ Яковлевичъ *Дуссетъ*, значущійся по формулярному его списку по происхожденію сыномъ иностранца-русскаго подданнаго. Школьнаго образованія маіоръ Дуссетъ вовсе не имѣлъ. Прежняя же его дѣятельность была такова: въ 1797 году, 13 лѣтъ, поступивъ въ штатъ межевой канцеляріи, въ 1820 г. онъ назначенъ былъ „землемѣрнымъ помощникомъ"

---

[1]) Протоколъ совѣта 10 января 1835 г.

и вскорѣ затѣмъ перемѣщенъ фейерверкеромъ въ артиллерійскій баталіонъ. Въ 1812 г. онъ произведенъ былъ въ прапорщики и, служа въ фанагорійскомъ гренадерскомъ полку, въ 1820 г. получилъ уже чинъ капитана, а въ 1823 г., „за ранами", уволенъ, въ чинѣ маіора въ отставку. Съ 1827 г. Дуссетъ служилъ экономомъ при благородномъ пансіонѣ московскаго университета, съ 1832 г.—городничимъ въ Верхнеуральскѣ и затѣмъ 24 декабря 1834 г. явился на должности инспектора студентовъ Демидовскаго лицея, въ которой и состоялъ до 16 мая 1841 года. Дуссета смѣнилъ *Василій Яковлевичъ Буланинъ*, воспитывавшійся въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и съ 1823 по 1838 г. находившійся въ морской службѣ. Предъ назначеніемъ на должность инспектора въ лицей, Буланинъ состоялъ дворянскимъ засѣдателемъ совѣстнаго суда въ Вологдѣ.

При такихъ наличныхъ средствахъ весь надзоръ сводился конечно только на внѣшне-полицейскій: охранялся, и весьма строго, лишь наружный порядокъ. Сущность же надзора опредѣлялась инструкціею инспектору, выработанною совѣтомъ лецея и утвержденною въ 1835 г. Попечителемъ московскаго учебнаго округа. Инспектору, по этой инструкціи, ставилось „въ главнѣйшій долгъ" надзирать (§ 2), чтобы студенты нимало не уклонялись отъ христіанскихъ обязанностей и исполняли оныя съ благоговѣйными чувствами. Въ отношеніи къ правительству, инспекторъ требовалъ (§ 3) отъ учащихся безусловнаго повиновенія законамъ, полнаго уваженія начальникамъ и властямъ и, стараясь вникнуть въ образъ мыслей каждаго студента, обязывался давать оному и направленіе. Инспекторъ наблюдаетъ, говорится далѣе, чтобы студенты читали (§ 5) только печатныя книги, и при томъ съ позволенія кого либо изъ профессоровъ; онъ же обязанъ былъ (§ 6) поселять между студентами благородное обращеніе, не допуская между ними отношеній вольныхъ, грубыхъ и предосудительныхъ. Собственно

въ учебномъ отношеніи, инструкція эта возлагала (§ 7—12) на инспектора обязанность слѣдить за аккуратнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій. Инспекторъ далѣе (§ 19) наблюдаетъ за чистотой и опрятностью студентовъ и ихъ бѣлья, назначаетъ имъ извѣстные дни для бани, куда они ходятъ подъ присмотромъ надзирателя. Курить табакъ и покупать (§ 21) съѣстные припасы студентамъ строго воспрещалось; запрещалось даже имѣть имъ у себя деньги, не доведя о томъ предварительно до свѣдѣнія инспектора. Чистота (§ 24) и опрятность комнатъ, умѣренная теплота и чистый воздухъ должна была поддерживаться служителями, подъ надзоромъ того же инспектора. Такъ какъ безъ позволенія инспектора своекоштные студенты не могли являться ни въ какія публичныя собранія, то увольняя ихъ, инспекторъ же долженъ былъ (§ 29) принимать мѣры для надзора за ихъ тамъ поведеніемъ. Инспекторъ въ инструкціи (§ 38) названъ „судіей" студентовъ. Ему дано право наказывать студентовъ за проступки лишеніемъ стола и арестомъ отъ нѣсколькихъ часовъ до (§ 39) 5 дней. Ему предоставлено даже (§ 43) право присутствовать на экзаменахъ, „для полнаго и основательнаго соображенія о достоинствахъ студентовъ".

Преподаваніе при дѣйствіи устава 1833 года, шло по такому плану. Беремъ для образца 184⁰/₁ уч. годъ: Законоучитель протоіерей **Иванъ Дмитріевичъ Троицкій** преподавалъ студентамъ 1-го курса 2 ч. въ недѣлю церковную ветхозавѣтную исторію—по церковно-библейской исторіи митрополита *Филарета* и аббата *Филасье* и исторію новозавѣтной церкви по тѣмъ же руководствамъ и по церковной исторіи епископа *Иннокентія;* студентамъ же 2-го курса тоже 2 ч. въ недѣлю—догматическое и нравственное Богословіе по руководствамъ русскихъ и греческихъ богослововъ. Проф. **Дмитрій Михайловичъ Семеновскій** читалъ студентамъ 2-го курса 2 ч. въ недѣлю „исторію россійскаго законодательства,

о коренныхъ законахъ русскаго государства, объ учрежденіяхъ и состояніяхъ людей въ государствѣ", а студентамъ 3-го курса, тоже 2 ч. въ недѣлю, гражданское право и гражданское судопроизводство и по 2 же ч. въ недѣлю уголовное право и уголовное судопроизводство. Главнымъ руководствомъ при преподаваніи „права россійскаго служилъ сводъ законовъ россійской имперіи, а для дальнѣйшихъ объясненій сочиненія *Фалька, Ганса, Генке, Росси, Эверса и Рейца*". Проф. **Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ** преподавалъ студентамъ 1-го курса 2 ч. въ недѣлю „введеніе въ науку словесности, общую и частную риторику и теорію русскаго слова, руководствуясь риторическими сочиненіями *Цицерона, Квинтиліана, Маасса*, чтеніями о словесности проф. *Давыдова* и собственными замѣчаніями", а также общую и частную піитику, теорію русскаго стопосложенія и обозрѣніе исторіи русской литературы, и по 3 ч. въ недѣлю „посвящалъ на объясненіе изъ Юлія Цезаря—de bello Gallico, присовокупляя краткое обозрѣніе римскихъ древностей по руководствамъ *Адамса* и *Фусса* и на объясненія изъ рѣчей Цицерона pro Ligario и pro Archia poëta". На 2-мъ курсѣ читалъ онъ по 2 ч. въ недѣлю избранныя мѣста изъ Теренціевыхъ комедій и изъ Энеиды Виргилія. Практическія упражненія студентовъ у Зиновьева состояли въ сочиненіяхъ, практическихъ разборахъ и переводахъ. Проф. **Яковъ Афанасьевичъ Лукьяновъ** студентамъ 1-го курса преподавалъ 4 ч. въ недѣлю прямолинейную аналитическую геометрію, а изъ криволинейной—коническія сѣченія; изъ высшей алгебры—о свойствахъ и способахъ рѣшенія уравненій высшихъ степеней и теорію рядовъ; студентамъ 2-го курса 2 ч. въ недѣлю—дифференціальное и интегральное исчисленія; на 3-мъ курсѣ по часу въ недѣлю—начальныя основанія общей геодезіи и изъ частной—главныя правила нивеллированія и топографической съемки. Руководными, какъ онъ выражался, началами

преподаванія служили ему: по чистой математикѣ—энциклопедическій курсъ *Перевощикова* съ пополненіями изъ сочиненій *Лагранжа*, *Коши*, *Біота*, *Лакруа*, *Франкера*, *Остроградскаго* и *Брашмана*, а по геодезіи—курсъ *Болотова*, съ прибавленіемъ изъ сочиненій *Пюиссана* и *Франкера*. Проф. **Алексѣй Ѳедотовичъ Ѳедотовъ** читалъ на 1-мъ курсѣ по 2. ч. въ недѣлю всеобщую исторію, на 2-мъ по 2 ч. русскую исторію и на 3-мъ по 2 ч. русскую статистику (государствовѣдѣніе и народовѣдѣніе). Руководствами служили ему по всеобщей исторіи сочиненія *Герена* и *Шульгина*, по русской исторіи—*Устрялова*, по статистикѣ—*Зябловскаго*. Проф. **Андрей Петровичъ Аристовъ** на 1-мъ курсѣ читалъ 2 ч. логику (по *Бахману*) и психологію (по *Карусу*, *Вейссу* и *Шульцу*) и на 2-мъ курсѣ два же часа—исторію философіи (по *Риттеру* и *Теннеманну*) и нравственную философію (по *Шлейермахеру* и *Зайлеру*). Проф. **Дмитрій Тихоновичъ Воздвиженскій** на 1-мъ курсѣ читалъ 2 ч. въ недѣлю ботанику, на 2-мъ два же часа зоогнозію и на 3-мъ 1 ч. минералогію (соли, классы горючихъ и металлическихъ тѣлъ). Руководствами были: по ботаникѣ—*Линней*, *Альфонсъ*, *Декандель* и *Ришаръ*, по зоогнозіи—*Ловецкій* и *Эдварсъ*; по минералогіи—книга, изданная проф. *Соколовымъ*. Въ лѣтнее время студенты 1-го курса занимались опредѣленіемъ туземныхъ растеній. И. д. профессора **Петръ Васильевичъ Ѳедоровъ** читалъ по два часа въ недѣлю: на 1-мъ курсѣ физику (по *Баумгартнеру*, *Пулье* и *Ламе*); на 2-мъ курсѣ—химію тѣлъ неорганическихъ (по *Гессе*, съ пополненіями изъ курсовъ *Берцеліуса*, *Мечерлиха*, *Дюма* и *Гмелина*); на 3-мъ курсѣ—главнѣйшія понятія изъ химіи тѣлъ органическихъ, руководствуясь курсами *Дюма*, *Гмелина* и *Гессе*, и важнѣйшія статьи изъ технологіи, руководствуясь сочиненіями *Поппе*, съ пополненіями изъ технологическаго словаря, изданнаго *Фринкеромъ*, *Пайеномъ*, *Робике* и *Пелузомъ*.

Лекторъ нѣмецкаго языка **Александръ Павловичъ Борхертъ** занимался съ студентами 1-го курса по 3 ч. въ недѣлю повтореніемъ синтаксиса и переводами съ нѣмецкаго на русскій языкъ по христоматіи *Геранга* и съ русскаго на нѣмецкій—изъ писемъ русскаго путешественника. Лекторъ французскаго языка **Викторъ Андреевичъ Баронъ** занимался 3 ч. въ недѣлю съ студентами 2 курса, проходя грамматики *Ноэля* и *Шапсаля* и переводя съ русскаго на французскій языкъ и наоборотъ. Наконецъ „рисовальному искусству" обучалъ **Д. Д. Кореневъ** два часа въ недѣлю и два же часа танцамъ—**Соломони.** Кромѣ того, по часу въ недѣлю, студенты обучались первоначальному фронтовому порядку.

При дѣйствіи устава лицея 1833 г. выпусковъ было 12; окончило курсъ 188, изъ которыхъ съ серебряными медалями 28; именно въ 1835 г.—24, съ медалью 5, въ 1836—22 съ мед. 2, въ 1837—16, мед. 4, 1838—27, мед. 5, 1839—17, мед. 2, 1840—15, мед. 3, 1841—13, мед. 2, 1842—12, мед. 2, 1843—16, мед. 1, 1844—12, мед. 2, 1845—5 и 1846—7 [1]).

---

[1]) Списокъ съ фамиліями и именами окончившихъ курсъ напечатать въ моей книгѣ „П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища". Ярославль. 1887, стр. 205—208.

По уставу 1833 г. Лицей жилъ 12 лѣтъ, и 22 ноября 1845 г. Высочайше утвержденъ былъ уставъ новый, введенный въ дѣйствіе съ 1-го января 1847 года и дѣйствовавшій до преобразованія лицея въ юридическій. 1-й § этого устава редактированъ такъ же, какъ и 1-й § устава 1833 г.; главнѣйшія же положенія устава 1845 г. значатся въ слѣдующихъ §§:

„2) Главною цѣлью Демидовскаго лицея есть распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ въ связи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ".

„3) Демидовскій лицей состоитъ въ вѣдѣніи попечителя московскаго учебнаго округа".

„4) Для управленія лицеемъ и преподаванія въ немъ назначаются: директоръ, инспекторъ, законоучитель, шесть профессоровъ и два лектора".

„*Примѣч.* Директоръ Демидовскаго лицея есть вмѣстѣ и директоръ училищъ Ярославской губерніи".

„5) Ярославскій губернскій предводитель дворянства соединяетъ съ сею должностью званіе почетнаго попечителя Демидовскаго лицея". Но по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 24 августа 1848 г. § этотъ отмѣненъ, и званіе почетнаго попечителя лицея предоставлено, о чемъ говорено было выше (стр. 64,65), старшему въ родѣ Демидовыхъ.

Преподавались въ лицеѣ (по § 6) слѣдующіе предметы: „1) богословіе и церковная исторія, 2) русская словесность (преимущественно практическія упражненія), 3) чистая математика, политическая ариѳметика, бухгалтерія, 4) физика и химія, 5) зоологія, ботаника и минералогія, 6) политическая экономія, статистика, наука о торговлѣ, 7) технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство, землемѣріе, 8) энциклопедія законовѣдѣнія, государственные законы и учрежденія, 9) законы государственнаго благоустройства и благочинія, 10)

законы казеннаго управленія—финансы, 11) гражданскіе и уголовные законы съ судопроизводствомъ, 12) языки нѣмецкій и французскій".

При такой пестротѣ состава естественно-историческихъ, технологическихъ, сельско-хозяйственныхъ, юридическихъ и филологическихъ наукъ могла явиться широкая, но только мелкая полуобразованность. Да иначе и быть не могло, такъ какъ общей объединяющей системы образованія такая пестрота предметовъ, проходимыхъ къ тому же (§ 60) только въ 3 года, естественно дать не могла.

„7) Совѣтъ лицея, подъ предсѣдательствомъ директора, состоитъ изъ профессоровъ".

„8) Въ правленіи лицея предсѣдательствуетъ директоръ и присутствуютъ инспекторъ и совѣтникъ изъ профессоровъ".

„10) Предметы засѣданій совѣта суть: 1) избраніе профессоровъ по конкурсу; 2) сужденіе о мѣрахъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ въ лицеѣ; 3) распредѣленіе курсовъ и времени преподаванія; 4) разсмотрѣніе методъ преподаванія и руководствъ, избираемыхъ профессорами и лекторами; 5) испытаніе желающихъ вступить въ лицей и студентовъ, какъ въ продолженіе, такъ и по окончаніи курса ученія; 6) распоряженіе учебными и вспомогательными пособіями; 7) сужденіе о сочиненіяхъ и переводахъ, предполагаемыхъ къ произнесенію въ торжественныхъ собраніяхъ лицея".

„20) Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи части хозяйственную и полицейскую".

Директоръ (§ 31) и инспекторъ, который могъ быть изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ (§ 41), утверждались министромъ народнаго просвѣщенія. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія Директора мѣсто его занималъ (§ 40) старшій изъ профессоровъ.

„45) Никто не можетъ быть опредѣленъ профессоромъ, не имѣя степени магистра".

Избирались профессора (§ 46) совѣтомъ лицея или попечителемъ московскаго учебнаго округа и утверждались министромъ народнаго просвѣщенія.

„48) Они обязаны были преподавать свои предметы не менѣе 8 часовъ въ недѣлю“. Законоучитель избирался (§ 52) совѣтомъ и опредѣлялся попечителемъ округа.

Къ слушанію лекцій допускались (§ 48) кончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ гимназіяхъ, равно и получившіе домашнее воспитаніе, но доказавшіе на испытаніи въ лицеѣ, что они имѣютъ основательныя свѣдѣнія въ гимназическихъ предметахъ. Съ 186⁵/₆ учебнаго года, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду, съ званіемъ студента, по постановленію лицейскаго совѣта, утвержденному попечителемъ округа, начали приниматься въ лицей безъ экзаменовъ.

„Совѣтъ предлагаетъ ежегодно студентамъ (§ 64) задачу изъ предметовъ, входящихъ въ курсъ лицейскаго преподаванія, съ назначеніемъ за удовлетворительныя сочиненія одной золотой и одной серебряной медали“.

На иждивеніи лицея назначено было содержать (§ 65) 20 студентовъ.

Лицей могъ имѣть (§ 73) собственную типографію и книжную лавку.

Студентамъ, съ успѣхомъ окончившимъ полный курсъ ученія и удостоеннымъ похвальныхъ аттестатовъ, предоставлялся (§ 77) при вступленіи въ гражданскую службу XIV, а отличнѣйшимъ—XII классъ. При опредѣленіи же въ военную службу, имѣли они одинаковое право съ дѣйствительными студентами университетовъ на полученіе перваго офицерскаго чина, „если познаніемъ службы достойны были производства“.

31 іюля 1846 г. Высочайше утверждена для студентовъ Демидовскаго лицея форма: мундиръ чернаго сукна съ

голубымъ воротникомъ и серебряными петлицами изъ галуна и бѣлыя металлическія пуговицы съ гербомъ Ярославля (медвѣдь); къ мундиру даны трехугольная шляпа и шпага. Форма эта сохранялась до преобразованія лицея въ юридическій.

По лицейскому штату 1845 года назначено было:

Жалованья директору, въ добавокъ къ жалованью, положенному по гимназіи . .	500 р.	— к.
Инспектору	271 „	84 „
Законоучителю	285 „	90 „
Шести профессорамъ по 856 р. 78 к.	5,140 „	68 „
Двумъ лекторамъ по 428 р. 88 к. . .	857 „	76 „
Двумъ стороннимъ преподавателямъ (въ видѣ платы) по 343 р. 10 к.	686 „	20 „
Двумъ надзирателямъ по 285 р. 92 к.	571 „	84 „
Секретарю, онъ же и кассиръ	285 „	92 „
Эконому, онъ же и экзекуторъ . . .	200 „	5 „
Врачу студентской больницы	142 „	88 „
На канцелярскихъ служителей	357 „	46 „
Прибавочнаго жалованья профессорамъ:		
По званію совѣтника правленія и завѣдывающему библіотекою по 100 р. 6 к.	200 „	12 „
На содержаніе студентовъ	2,285 „	— „
На библіотеку и физическій кабинетъ съ химическою лабораторіею по 285 р. 70 коп.	571 „	40 „
На канцелярскіе расходы, на кабинеты: зоологическій съ минералогическимъ и технологическій съ сельско-хозяйственнымъ, и на выписку журналовъ по 100 рублей . .	400 „	— „
На напечатаніе рѣчей, медали и расходы на актѣ	115 „	— „
На содержаніе церкви и причетника .	157 „	85 „

На содержаніе дома, служителей, отопленіе, освѣщеніе и прочіе расходы. . . . 3,043 р. 63 к.

Итого. 16,373 р. 43 к.

На основаніи послѣдовавшаго въ 31-й день декабря 1848 г. Высочайшаго повелѣнія установленъ былъ въ лицеѣ денежный сборъ за слушаніе лекцій съ своекоштныхъ студентовъ по 30 р. съ каждаго въ годъ, исключая дѣтей священно и церковно-служителей православнаго исповѣданія; плата эта должна была вноситься по полугодно впередъ. Отъ платы освобождаются, говорилось въ правилахъ, тѣ изъ студентовъ, которые предъявятъ свидѣтельства о недостаточномъ состояніи. Собранная же сумма преимущественно опредѣляется на вспоможеніе бѣдныхъ изъ своекоштныхъ студентовъ.

Въ 1849 г. изданы были для студентовъ лицея обязательныя правила, экземпляръ которыхъ, за подписью инспектора, вручался каждому при поступленіи въ лицей студенту. Вотъ эти правила, рѣзко отличающіяся отъ современныхъ:

„§ 1. Студенты, какъ находящіеся на иждивеніи лицея, такъ равно и своекоштные, православнаго и другихъ исповѣданій, должны говѣть и пріобщаться св. таинъ ежегодно, и объ исполненіи этой важнѣйшей обязанности представлять своевременно инспектору данныя, отъ кого слѣдуетъ, письменныя свидѣтельства.

§ 2. Являться на лекціи гг. преподавателей, назначенныя въ выдаваемыхъ имъ табеляхъ, которыя они должны имѣть всегда при себѣ; не являющіеся на лекціи по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, или по болѣзни, должны немедленно давать знать о томъ г. инспектору; при малѣйшемъ же сомнѣніи, инспекторъ удостовѣряется въ истинѣ сихъ случаевъ самъ, или чрезъ надзирателей, или же чрезъ медика

лицейской больницы, не ограничиваясь свидѣтельствами о болѣзни, выдаваемыми отъ постороннихъ медиковъ.

Примѣчаніе. Исправное посѣщеніе класса начальнаго фронтоваго порядка также вмѣняется въ непремѣнную обязанность.

§ 3. Не входить въ аудиторіи послѣ начала лекцій, а во время лекцій сохранять все должное уваженіе къ мѣсту и дѣлу.

§ 4. Каждый студентъ обязанъ быть на производимыхъ преподавателями репетиціяхъ и на установленныхъ годичныхъ и полугодичныхъ экзаменахъ. Никакія отговорки о болѣзни или другія причины не будутъ принимаемы въ уваженіе, если не было своевременно донесено инспектору, такъ, чтобы онъ могъ, на основаніи общихъ законовъ, удостовѣриться о болѣзни и времени выздоровленія, и потому студенты, получившіе и на годичныхъ испытаніяхъ неудовлетворительные баллы, равно совсѣмъ не явившіеся на оныя къ кому-либо изъ гг. профессоровъ, если они не исполнили вышеизложеннаго правила, относительно увѣдомленія инспектора о болѣзни, ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ допускаемы къ новымъ экзаменамъ послѣ вакаціи.

§ 5. Студентъ, пробывшій на одномъ и томъ же курсѣ два года и не удостоенный по экзамену къ переводу въ высшій курсъ, увольняется изъ Лицея. Этому же условію подвергается и неявившійся на вторичный экзаменъ безъ представленія законныхъ доказательствъ о причинѣ своего отсутствія.

§ 6. Для перевода на высшіе курсы студентъ долженъ имѣть въ общемъ выводѣ балловъ не менѣе 3 по главнымъ предметамъ и $2^1/_2$ по пріуготовительнымъ, если при этомъ случаѣ инспекторъ, на основаніи примѣчанія къ § 7 Высочайше утвержденнаго устава лицея, засвидѣтельствуетъ въ совѣтѣ о хорошемъ поведеніи, и если не будетъ 1 въ

какомъ-либо предметѣ. Изъ сего послѣдняго правила исключаются языки: Французскій и Нѣмецкій, въ которыхъ получившій 1 и оказавшій хорошія познанія во всѣхъ другихъ предметахъ, можетъ быть удостоенъ перевода, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы при выходѣ изъ лицея пріобрѣтенныя имъ потомъ знанія въ этихъ языкахъ доказалъ онъ въ присутствіи совѣта.

Примѣчаніе. Впрочемъ получившій на испытаніи 1 въ какомъ бы то ни было предметѣ тогда только можетъ быть допущенъ къ новому изъ этого предмета испытанію, когда оказанные имъ во всѣхъ другихъ предметахъ успѣхи будутъ не менѣе отличныхъ.

§ 7. На иждивеніе лицея принимаются преимущественно ученики гимназіи, получившіе лучшіе аттестаты. Студенты, находящіеся уже на иждивеніи лицея и неудостоенные перевода въ высшій курсъ по прошествіи одного года, лишаются лицейскаго содержанія.

§ 8. Воспрещается, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, употребленіе партикулярнаго платья и всякая перемѣна въ цвѣтѣ и покроѣ форменной одежды. Всѣ студенты должны имѣть при мундирахъ и мундирныхъ сюртукахъ шпаги и трехъ-угольныя шляпы. Шпага безъ темляка носится при мундирѣ прямо въ портупеѣ, а при мундирномъ сюртукѣ въ разрѣзѣ онаго, трехъ-угольная шляпа носится съ поля. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, по утрамъ въ праздничные дни, и вообще въ публичныхъ собраніяхъ студенты должны быть въ мундирахъ, при шпагахъ и въ трехъ-угольныхъ шляпахъ; на гуляньяхъ же внутри города и за городомъ, равно какъ въ театрахъ могутъ быть въ мундирныхъ сюртукахъ при шпагѣ и въ трехъ-угольной шляпѣ. Для слушанія лекцій студенты могутъ являться въ лицей въ мундирныхъ сюртукахъ и фуражкахъ. Мундиры и мундирные сюртуки должны быть застегнуты на всѣ

пуговицы, даже и подъ шинелью; воспрещается также носить палки, зонтики и вообще все, что не сообразно съ военною формою. Усы, бороды и длинные волосы на головѣ также строго воспрещаются, равно какъ и куреніе въ публичныхъ мѣстахъ и собраніяхъ табаку и сигаръ.

Примѣчаніе: Лѣтомъ, въ праздничные дни, при мундирахъ со шпагою и трехъ-угольною шляпою носятся бѣлыя форменныя брюки; въ прочіе дни подъ мундирнымъ сюртукомъ дозволяются темнозеленыя подъ цвѣтъ мундира, а сѣрыя можно носить токмо въ лѣтнее вакаціонное время; шинели лѣтнія и зимнія непремѣнно должны быть форменныя.

§ 9. При встрѣчѣ съ генералами студенты должны отдавать имъ честь, прикладывая правую руку къ шляпѣ, по примѣру офицеровъ, а при встрѣчѣ съ особами Императорской фамиліи становиться во фрунтъ и отдавать честь.

§ 10. Во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ студенты обязаны оказывать надлежащее уваженіе къ мѣсту и чинамъ, чѣмъ соблюдается честь носимаго мундира и главнѣйшій наружный признакъ благовоспитанности.

Примѣчаніе: Всѣ означенныя въ 8, 9 и 10 статьяхъ правила, студенты должны исполнять какъ въ Ярославлѣ, такъ и въ другихъ городахъ въ вакаціонное время и во время бытности въ отпуску.

§ 11. Студенты при полученіи табели обязаны въ тоже время подавать инспектору записки о мѣстѣ жительства, и о каждой перемѣнѣ онаго доносить, подъ строгою за несоблюденіе сего, отвѣтственностію; табели и увольнительные на вакаціонное время билеты выдаются инспекторомъ. Отпуски въ учебное время могутъ быть только по особенно уважительнымъ причинамъ.

§ 12. Строго запрещается входъ въ трактиры; по сему предмету градская полиція будетъ имѣть надлежащее съ своей стороны наблюденіе.

§ 13. Чиновники и всѣ лица, имѣющія дозволеніе посѣщать лекціи, обязаны на оныя являться не иначе, какъ во фракахъ и сохранять всю должную пристойность.

§ 14. Поступающій въ студенты, или получившій дозволеніе посѣщать профессорскія лекціи, обязанъ въ тоже время явиться къ г. инспектору.

§ 15. Студентъ, имѣющій пребываніе по билету въ вакаціонное или учебное время въ другомъ какомъ либо городѣ, въ которомъ находится университетъ или лицей, по прибытіи, въ то же время долженъ явиться къ тамошнему инспектору студентовъ".

Ознакомивъ въ своемъ мѣстѣ читателей съ планами преподаванія въ Демидовскомъ училищѣ и лицеѣ по уставу 1833 г., извлекаемъ изъ отчета лицея за 1848 г. учебный планъ за 184⁷/₈ академическій годъ, т. е. за время дѣйствія устава 1845 года.

По закону Божію протоіер. **И. Д. Троицкій** на 1-мъ курсѣ 4 часа въ недѣлю читалъ церковную исторію ветхаго и новаго завѣта по руководствамъ митроп. *Филарета* и архіеп. *Иннокентія* и богословіе догматическое и нравственное по руководствамъ православныхъ богослововъ. По русской словесности преподаватель Ярославской гимназіи **Козловъ** [1]) читалъ на 1-мъ курсѣ 3 ч. общую риторику и исторію русскаго языка, по памятникамъ, въ связи съ исторіей словесности. Кромѣ слушанія лекцій студентамъ давались упражненія, состоявшія въ извлеченіи изъ сочиненій образцовыхъ русскихъ писателей, преимущественно же изъ послѣднихъ томовъ исторіи государства россійскаго (вѣроятно-Карамзина), въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ и съ церковно-славянскаго, въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ и разборахъ лучшихъ писателей. Чистую математику,

---

[1]) Въ гимназіи онъ преподавалъ 1847—1849 гг. греческій языкъ.

политическую ариѳметику и бухгалтерію преподаватель ярославской гимназіи **Анцифировъ** [1]) читалъ на 1-мъ к. 4 час. по руководствамъ *Лакруа*, *Франкера*, *Фурси*, *Перевощикова*, *Гетингера*, *Бруно*, *Мудрова* и *Кларка*. И. д. проф. **П. В. Ѳедоровъ** читалъ на 1-мъ к. 3 ч. въ недѣлю физику по руководству *Пулье;* на 2-мъ к. 4 ч. въ недѣлю химію тѣлъ неорганическихъ по руководству *Отто;* на 3-мъ к. по 2 ч. въ недѣлю химію тѣлъ органическихъ (главнѣйшія понятія) по руководствамъ *Либиха* и *Берцеліуса*. Профессоръ **Д. А. Байковъ** читалъ на 1-мъ к. 3 ч. въ недѣлю зоологію по *Вигману*; на 2-мъ к. 3 ч. ботанику по руководству *Альфонса-де-Кандоля* и на 3-мъ к. 2 ч. минералогію по *Соколову*, *Бедану* и *Эйхвальду*. И. д. проф. **С. И. Львовскій** на 2-мъ курсѣ читалъ 4 ч. въ недѣлю политическую экономію, а на 3-мъ 3 ч. статистику первенствующихъ державъ Европы—Россіи, Австріи, Пруссіи и Франціи, съ указаніемъ на состояніе и другихъ европейскихъ государствъ, и по 1 ч. въ недѣлю науку о торговлѣ. При составленіи лекцій приняты были имъ въ пособіе: для политической экономіи сочиненія: *Смита*, *Мальтуса*, *Сея*, *Шторха*, *Рикардо* и *Росси;* для статистики сочиненія *Шуберта*, *Моро-де-Жоннеса* и *Поссарта;* для науки о торговлѣ—сводъ законовъ, торговые кодексы Франціи и Австріи и сочиненіе *Небольсина*. И. д. проф. **Я. Н. Калиновскій** читалъ на 3-мъ к. сельское хозяйство 4 ч. въ недѣлю, лѣсоводство 3 часа и технологію съ землемѣріемъ по часу. Въ пособіе приняты были сочиненія: для технологіи *Кнаппа*, *Прехтля*, *Отто* и *Гартмана*; для землемѣрія *Болотова*; для сельскаго хозяйства *Тэера*, *Коппе*, *Пабста*, *Шверца* и *Бургера*; для лѣсоводства *Пфейля*, *Котты*, *Гартига* и *Семенова*. И. д. проф. **К. Д. Ушинскій** на 1-мъ к. читалъ

---

[1]) Въ гимназіи онъ преподавалъ 1844—1848 гг. математику же.

3 ч. въ недѣлю энциклопедію законовѣдѣнія; на 2-мъ 3 ч. государственныя и губернскія учрежденія и законы о состояніяхъ; на 3-мъ 2 ч. науку о финансахъ. Въ руководство при преподаваніи приняты были для энциклопедіи законовѣдѣнія сочиненія: *Фалька*, *Паттера*, *Неволина* и друг.; для государственнаго права—Сводъ законовъ, полное собраніе законовъ, лѣтописи, акты и др. источники русской исторіи; для науки финансовъ—*Рау*, *Якобъ*, *Мальтусъ*, *Горловъ* и др. И. д. проф. **В. И. Татариновъ** на 2-мъ курсѣ читалъ по 2 часа гражданское и уголовное право, на 3-мъ к. 2 же часа гражданское и уголовное судопроизводство и законы государственнаго благоустройства и благочинія. Лекторъ нѣмецкаго языка **А. П. Борхертъ** на 1-мъ к. 5 часовъ въ недѣлю занимался чтеніемъ и переводомъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ съ грамматическимъ разборомъ. Лекторъ французскаго языка **Ю. И. Перо** 5 ч. въ недѣлю упражнялъ студентовъ 2-го курса изустными и письменными переводами описательной, повѣствовательной и прочихъ родовъ прозы съ французскаго на русскій языкъ и на оборотъ.

Къ 1851 г. выработана была въ министерствѣ народнаго просвѣщенія особая „инструкція директору Демидовскаго лицея“, которая 23 января 1851 г. удостоилась Высочайшаго утвержденія. Инструкція эта, какъ говорится въ 1 § ея, имѣла исключительною цѣлью усилить надзоръ за преподаваніемъ, а наблюденіе за лицейскими курсами и за точнымъ исполненіемъ преподавателями своихъ обязанностей возложена (§ 2) на директора. Каждый профессоръ обязанъ былъ (§ 3) предъ началомъ годичныхъ лекцій представить директору подробную программу своего предмета, объяснивъ въ ней объемъ послѣдовательность и способъ преподаванія и опредѣленно указавъ на сочиненія, предполагаемыя вполнѣ или отчасти къ руководству. Составленная такимъ образомъ программа разсматривалась и утверждалась совѣтомъ „при совокупномъ

всѣхъ членовъ его составѣ, какъ долженствующая служить главнымъ основаніемъ лекцій профессора". Чтеніе лекцій, прежде утвержденія программы совѣтомъ лицея, безусловно (§ 4) запрещалось. При разсмотрѣніи же программъ предписывалось (§ 8) имѣть въ виду: „а) чтобы предметъ изложенъ былъ въ полнотѣ; б) чтобы какъ общія начертанія, такъ и отдѣльныя статьи программъ строго соотвѣтствовали и ученой и нравственной цѣли". На директора возлагалась обязанность (§ 9) наблюдать за точнымъ выполненіемъ программъ профессорами, присутствуя для того ежедневно[1]) на ихъ лекціяхъ, находиться (§ 12) и на всѣхъ экзаменахъ. Директоръ могъ (§ 13) потребовать отъ профессора во всякое время рукописныя его лекціи, для ближайшей повѣрки преподаванія съ программой. По окончаніи учебнаго года директоръ „требуетъ (§ 14) отъ профессоровъ отчетовъ о пройденныхъ каждымъ изъ нихъ частяхъ или отдѣленіяхъ науки, и эти отчеты предлагаетъ на обсужденіе совѣта, обращая вниманіе членовъ, какъ на полноту и постепенность, такъ въ особенности на соотвѣтственность преподаванія съ утвержденными программами. Мнѣніе совѣта директоръ представляетъ попечителю округа, который доводитъ оное до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія. Директоръ (§ 15) изъ общаго соображенія отвѣтовъ воспитанниковъ на испытаніяхъ, изъ собственныхъ наблюденій за чтеніемъ лекцій и изъ профессорскихъ годичныхъ отчетовъ выводитъ заключеніе о духѣ и направленіи преподаванія каждаго предмета и представляетъ оное попечителю округа, а сей послѣдній министру народнаго просвѣщенія". Всѣ эти совокупныя мѣры надзора за духомъ и направленіемъ преподаванія, говорится въ послѣднемъ заключительномъ (16)

[1]) Директоръ лицея былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ Ярославской гимназіи, которая помѣщалась не въ томъ же зданіи гдѣ лицей и даже не въ сосѣдствѣ.

параграфѣ инструкціи, „если онѣ будутъ приводимы въ исполненіе съ усердіемъ и благоразуміемъ, которыхъ нельзя не ожидать отъ высшаго въ лицеѣ чиновника, облеченнаго особенною довѣренностью правительства, конечно будутъ достаточны къ предупрежденію зла, а если оно возникнетъ— къ прекращенію его въ самомъ началѣ, и потому за всякое не открытое благовременно предосудительное чтеніе лекцій, отвѣчаетъ Директоръ лицея".

Вотъ что и какъ доносилъ, въ августѣ 1851 г. на основаніи § 15 только что приведеной инструкціи, директоръ лицея Н. М. Коншинъ попечителю московскаго учебнаго округа:

„Назначенный для распространенія юридико-камеральнаго образованія Демидовскій лицей вмѣщаетъ въ своемъ составѣ науки: 1) общія, 2) пріуготовительныя, 3) промышленныя, 4) административныя и 5) юридическія. Въ разсужденіи преподаванія наукъ общихъ, во главѣ которыхъ представляется законъ Божій, какъ начало и вѣнецъ всякаго знанія, я долженъ сказать къ чести законоучителя, что онъ заботился о томъ, чтобы догматы вѣры и событія случившіяся въ церкви Божіей, принимались не однимъ холоднымъ умомъ, но чтобы отпечатлѣвались въ юношескомъ сердцѣ. Я считалъ весьма умѣстными осторожные намеки со стороны законоучителя на какой нибудь проступокъ юноши, сдѣланный имъ когда либо въ домашнемъ кругу или въ обществѣ, намеки, заставлявшіе юношу стыдиться своего заблужденія, а въ товарищѣ поддерживавшіе чувство долга и заботливость о собственномъ поведеніи. За подобные деликатные и дружескіе совѣты студентамъ я обязанъ благодарить и прочихъ наставниковъ, которые брали на себя этотъ трудъ.—Профессора наукъ естественныхъ, уклоняясь отъ натур-философскихъ идей, передавали студентамъ фактическую часть своихъ наукъ, и преимущественно тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ найти приложеніе въ общежитіи и въ наукахъ техниче-

скихъ.—Съ своей стороны профессора наукъ промышленныхъ, на основаніи познанія тѣлъ и законовъ природы, излагали наукообразно различные способы добыванія естественныхъ произведеній, ихъ переработку и употребленіе на пользу человѣка, общества и государства. Пріятно было видѣть то краснорѣчивое убѣжденіе, съ которымъ преподаватели представляли своимъ слушателямъ созданный Богомъ міръ какъ необъятое, нескудѣющее хранилище всякаго рода естественныхъ богатствъ, собираемыхъ природою таинственными путями по предначертаннымъ отъ Всевышняго законамъ, а человѣческую промышленность, какъ обширную мастерскую, въ которой произведенія природы добываются, перерабатываются и распредѣляются для удовлетворенія нуждъ каждой семьи въ частности и всего государства въ цѣлости.—Въ наукахъ административныхъ я внушалъ преподавателямъ, чтобы они особливое вниманіе слушателей обращали на то, какими мѣрами въ нашемъ именно отечествѣ поддерживается и зиждется безопасность извнѣ, благоденствіе и народное богатство внутри, и какъ заботливое око государево, все объемлющее, все проницающее и оживляющее, хочетъ всюду проникнуть, во всякой нуждѣ подать благовременную помощь. Усиленное мое наблюденіе за лекціями этихъ важнѣйшихъ въ лицеѣ предметовъ показало, что моимъ наставленіямъ преподаватели слѣдовали съ тѣмъ большею готовностью, что внушенія мои согласны съ собственными ихъ убѣжденіями.—Въ наукахъ юридическихъ, по сжатости ихъ преподаванія въ лицейскомъ курсѣ, изложены были, послѣ краткой энциклопедіи законовѣдѣнія и коренныхъ государственныхъ законовъ, прямо положительные гражданскіе и уголовные законы съ судопроизводствомъ.—Хотя не дано вдругъ достигнуть совершенства, но если заслуга человѣка состоитъ въ его стремленіи къ улучшенію, то могу увѣрить, что искреннее и единственное стремленіе профессоровъ и преподавателей къ

тому, чтобъ лицей приносилъ всю желаемую пользу, несомнѣнно.—Бдительный мой надзоръ за лекціями, чтеніе сихъ послѣднихъ и отвѣты студентовъ при испытаніяхъ, вполнѣ меня убѣдили, что для нихъ ясно и положительно выражена была истина, что въ наукахъ естественныхъ развязка непостижимаго умомъ скрывается въ небѣ, и лишь объясняется священными вѣрованіями христіанина, что земное благоденствіе есть даръ Божій, а не созданіе усилій человѣческихъ и что благосостояніе нашего могучаго отечества можетъ только блюсти самодержавіе, этотъ земной образъ Божій извнѣ грозный и мощный, для насъ же опора и надежда незамѣнимая".

Таковъ былъ отзывъ директора Лицея своему начальству о ввѣренномъ ему заведеніи. Но находившіеся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія три лицея Нѣжинскій, Одесскій и Ярославскій не заключали въ себѣ условій жизненности. Не много прошло времени послѣ ихъ созданія, какъ и правительство и общественное мнѣніе пришли къ убѣжденію, что они страдаютъ какимъ то неподдающимся врачеванію недугомъ. Въ самомъ устройствѣ этихъ заведеній таились причины ихъ недолговѣчности и паденія, такъ какъ мало имѣли они значенія и научнаго, и практическаго. Считаясь de jure высшими учебными заведеніями, они были въ тоже время нѣчто среднее между университетами и гимназіями и de facto не принадлежали вполнѣ ни къ разряду среднихъ, ни къ составу высшихъ. Правительство вполнѣ сознало это, и одинъ изъ лицеевъ—одесскій—преобразованъ былъ въ 1863 г. въ полный университетъ; нѣжинскій за тѣмъ—въ институтъ историко-филологическій, Ярославскому же, судьба котораго занимаетъ насъ, суждено было преобразоваться въ школу чисто юридическую.

Болѣе 20 лѣтъ прожилъ лицей при дѣйствіи устава 1845 г., но онъ мало привлекалъ въ свои стѣны молодыхъ

людей, жаждущихъ окончить въ немъ свое образованіе и еще менѣе ученыхъ, которые соглашались бы посвящать ему свою профессорскую дѣятельность. Молодежь, на вступительныхъ въ лицей экзаменахъ которымъ предъявлялись тѣ же требованія, что и поступающимъ въ университетъ, естественно, предпочитала университетъ, такъ какъ и права, предоставляемыя тамъ окончившимъ полный курсъ студентамъ, были выше правъ, даруемыхъ при выпускѣ студентамъ лицея. Сюда же шли по большей части тѣ молодые люди, которые не въ состояніи были содержать себя въ университетскомъ городѣ, или же, не чувствуя себя достаточно подготовленными, не надѣялись осилить и окончить съ успѣхомъ курсъ университетскій. Понятно послѣ этого, что, если уже молодежь мало обнаруживала рвеній воспользоваться лицейскимъ образованіемъ, то еще труднѣе было привлечь сюда хорошихъ профессоровъ и привлечь въ необходимомъ количествѣ. Отъ этого нѣкоторыя каѳедры оставались незамѣщенными въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и, если замѣщались, то лицами не съ высшими учеными степенями, что требовалось уставомъ, а только кандидатами, которые и именовались по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ исправляющими должность профессора. Если же и появлялись иногда преподаватели талантливые (напр. Никольскій, Окатовъ, Цепковскій, Чебышевъ—Дмитріевъ), то единственная цѣль ихъ помысловъ и стремленій была уйти скорѣе изъ Ярославля въ какой либо университетъ, и переходъ ихъ не замедлялся. Да и что могло привлекать сюда хорошихъ профессоровъ? Положеніе ихъ не было соединено ни съ какими выгодами: жалованье, получаемое ими по штату 1845 года, было 856 р. 78 к. въ годъ. На это скудное содержаніе профессоръ долженъ былъ не только жить, иногда съ семействомъ, но еще и пріобрѣтать необходимыя учебныя пособія и книги, такъ какъ казенныя библіотечныя средства, которыми располагалъ

тогда лицей, были крайне скудны: на пополненіе библіотеки отпускалось въ годъ только 285 р. 70 к. Раздѣливъ эту сумму на 12 показанныхъ въ уставѣ предметовъ, получалась ничтожная по 23 р. 80 к. сумма на годъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ былъ въ Ярославлѣ посланный московскимъ университетомъ для экзаменовъ въ гимназію, какъ это практиковалось въ то время, извѣстный проф. моск. универ. Н. И. Крыловъ. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ бывшихъ молодыхъ профессоровъ лицея, при которой привелось быть и пишущему, откровенный заслуженный профессоръ, на слова юнаго профессора, недавняго своего слушателя по университету, о недостаточности получаемаго имъ въ лицеѣ жалованья, отвѣтилъ: „да начитываешь ли ты, любезный другъ, и на эти-то деньги“?

Безспорно, прежнее студенчество лицея не теряло даромъ въ стѣнахъ его трехъ лѣтъ. Здѣсь они, послѣ гимназіи, продолжали развиваться и оставляли стѣны лицея съ непремѣнною необходимостью доразвиться еще собственнымъ трудомъ въ жизни, въ которую вступали. Иначе и быть не могло: въ программу лицейскаго преподаванія входили почти всѣ науки, изучаемыя на юридическихъ факультетахъ университетовъ, и, сверхъ того, науки камеральныя. Всю эту массу свѣдѣній лицеисты должны были усвоить въ три года, тогда какъ для университетовъ на каждомъ изъ факультетовъ полагалось пробыть minimum по 4 года.

Совокупность всего только что сказаннаго многихъ навело на мысль о необходимости преобразовать и Демидовскій лицей. Еще въ 1849 г. почетный попечитель лицея П. Г. Демидовъ представилъ [1]) по этому поводу подробную записку бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія графу

---

[1]) Заимствую изъ «Записки и необходимости преобразованія лицеевъ Демидовскаго и князя Безбородко». Спб. 1863 г.

С. С. Уварову, обращая особенное вниманіе на недостатки учебнаго курса. Жалуясь на невозможность осилить студентамъ программу лицейскаго курса въ теченіи трехъ лѣтъ. Демидовъ прибавлялъ, что сами професора поставлены въ необходимость излагать предметы свои поверхностно, не давая наукѣ надлежащаго развитія. Сказавъ далѣе, что смѣшеніе камеральныхъ и юридическихъ наукъ приноситъ только вредъ, авторъ записки находилъ необходимымъ дать предпочтеніе однимъ наукамъ камеральнымъ, ибо въ такомъ только случаѣ лицей „въ состояніи будетъ выдержать соперничество московскаго университета, гдѣ не существуетъ особаго камеральнаго отдѣленія". Срокъ обученія въ лицеѣ Демидовъ предполагалъ въ 4 года, а для „желающихъ изучить земледѣліе въ связи съ практическими упражненіями— пять лѣтъ".

Эти предположенія Демидова препровождены были министерствомъ на разсмотрѣніе попечителя московскаго учебнаго округа, и бывшій тогда попечитель генералъ-адъютантъ Назимовъ, въ отзывѣ своемъ отъ 26 мая 1850 года, въ виду, главнымъ образомъ, недавняго (въ 1845 году) введенія для лицея новаго устава, нашелъ тогда какое либо коренное преобразованіе лицея и неумѣстнымъ и преждевременнымъ.

Но справедливость мнѣнія, что лицей не могъ оставаться въ тогдашнемъ своемъ положеніи, доказывалась уже тѣмъ, что не переставали все-таки раздаваться голоса, предполагавшіе разныя измѣненія въ его устройствѣ. Въ 1856 г. бывшій тогда попечитель московскаго округа Ковалевскій писалъ въ министерство: „Существенная причина упадка Демидовскаго лицея зависитъ не отъ учащихъ и учащихся, но скажу по совѣсти, отъ органическаго недостатка внутренняго его устройства". Попечитель утверждалъ, что злу можно помочь раздѣленіемъ наукъ положенныхъ по уставу лицея на „главныя или факультетскія и вспомогательныя".

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ

ЛИЦЕЕМЪ.

№ 57.

ЯРОСЛАВЛЬ
Типо-литографія Э. Г. ФАНЬКЪ, Духовская ул., соб. д.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 57 Юридической Библіографіи.

1. Обезпеченіе обязанности по проекту обязательственной части гражданскаго уложенія *С. П. Никоновъ* . . . . . 1—15

2. Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Подъ редакціей профессора Ю. С. Гамбарова. Выпускъ первый. СПБ. 1899. 192 стр. *В. Г. Щегловъ* . . . 15—48

1. Обезпеченіе обязанности по проекту обязательственной части гражданскаго уложенія.

Обязательственное отношеніе даетъ вѣрителю право требовать отъ должника исполненія того, что составляетъ содержаніе принятаго имъ на себя обязательства. Однако, должникъ воленъ и не исполнить обязательства, и принудить его къ исполненію кредиторъ на основаніи своего права требованія не можетъ. Поэтому при заключеніи обязательства всегда является для вѣрителя рискъ и возможность случайности, которыя въ минуту исполненія могутъ обезсилить его, равно какъ почти постоянно приходится ему имѣть въ виду наклонность лица избѣжать исполненія или обезсилить его, когда придетъ время исполненія и повинность эта окажется тяжкой. Разъ при обязательствѣ не можетъ быть никогда твердой увѣренности въ благополучномъ исходѣ его, въ смыслѣ полнаго и своевременнаго по нему удовлетворенія, вѣритель можетъ позаботиться объ обезпеченіи для себя если не исполненія, то, по крайней мѣрѣ, возможности полученія того интереса, который онъ получилъ бы при исполненіи обязательства, и убытковъ, отъ неисполненія происшедшихъ.

Способами такого обезпеченія обязательствъ редакторы проекта (Объяснительная записка т. I, стр. 135) называютъ — неустойку, задатокъ, отступное и поручительство. Однако, сюда же слѣдуетъ причислить еще право содержанія (ср. ст. 104 проекта: „въ видѣ обезпеченія") и круговую поруку (ст. 179 сод.). Залогъ, очевидно, разсматриваютъ редакторы въ другомъ мѣстѣ проекта гражданскаго уложенія.

1) *Задатокъ.*

Какъ извѣстно, установленіе задатка можетъ быть совершаемо съ двоякой цѣлью:

а) задатокъ можетъ служить признакомъ заключенія договора, моментомъ, съ котораго опредѣляется начало установленія между

сторонами обязательственнаго отношенія (arrha confirmatoria), при чемъ самый задатокъ не является однимъ изъ способовъ обезпеченія обязательствъ и

b) установляемый задатокъ можетъ имѣть штрафной характеръ (arrha poenalis). Въ отдѣльныхъ случаяхъ обѣ означенныя цѣля установленія задатка могутъ быть на лицо одновременно, но этого можетъ и не быть (вполнѣ возможно добавленіе задатка (arrha poenalis) въ качествѣ обезпеченія соглашенія, уже существующаго между контрагентами).

Разсматривая статьи проекта, касающіяся задатка, изъ сопоставленія статьи ст. 49, 50, 55 и 56, становится очевиднымъ, что редакторы желали придать задатку штрафной характеръ (ср. объяснит. зап. I, стр. 124). При такомъ взглядѣ на него нельзя считать удачною редакцію ст. 49 („Денежная сумма, выданная одной изъ договорившихся сторонъ другой въ доказательство заключенія договора *и* въ обезпеченіе его исполненія, признается задаткомъ"), изъ смысла которой неизбѣжно придется вывести положеніе о допустимости заключенія соглашенія о задаткѣ *только* одновременно съ главнымъ обязательствомъ: денежная сумма, выданная одною изъ договаривающихся сторонъ въ обезпеченіе исполненія, *но тоже* заключенія главнаго обязательства (а не „въ доказательство заключенія договора *и* въ обезпеченіе его исполненія!") слѣдовательно, будетъ уже сдѣлкою sui generis, не подходя подъ понятіе задатка, какое дали ему въ ст. 49 редакторы.

Равнымъ образомъ является здѣсь неудачнымъ выраженіе „денежная сумма". Не говоря уже о томъ, что трудно себѣ представить не „денежную" сумму, такое ограниченіе предмета задатка только деньгами, не правильно; тѣмъ болѣе что, сами редакторы заявляютъ, что лишь „*въ значительномъ большинствѣ случаевъ* (слѣдовательно, не всегда) задатокъ заключается въ деньгахъ" (стр. 123). Выраженіе это можно было бы съ успѣхомъ замѣнить болѣе общимъ терминомъ—„цѣнность" (тоже ср. стр. 57).

Относительно правилъ объ *отступномъ* (ст. 52, 53 и 54)

проектъ въ общемъ содержитъ желательное въ каждомъ законодательствѣ ясно и положительнымъ образомъ выраженное различіе въ юридическихъ послѣдствіяхъ установленія стороною права отступиться отъ договора по своему произволу отъ соглашенія контрагентовъ о задаткѣ. И совершенно справедливо замѣчаютъ редакторы въ этомъ отношеніи (т. I, стр. 126), что „прочность отношеній требуетъ, чтобы отступленіе отъ договора было вполнѣ опредѣлительно, чтобы сторона, изъявившая намѣреніе воспользоваться этимъ правомъ, не могла уже потомъ измѣнить свое рѣшеніе, и, взявъ обратно свое заявленіе, требовать исполненія договора. Возстановленіе отмѣненнаго такимъ образомъ договора не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ съ согласія другой стороны".

Что касается ст. 55 („Если по предварительному договору данъ задатокъ въ обезпеченіе заключенія въ будущемъ продажи, займа или иного договора, то въ случаѣ незаключенія сего договора по винѣ давшаго задатокъ, таковой теряется; въ случаѣ же незаключенія договора по винѣ получившаго задатокъ, таковой возвращается вдвойнѣ"),—то помѣщеніе ея, при существованіи ст. 49 и 50, основано на недоразумѣніи: въ виду того, что и здѣсь (ст. 55) задатокъ дается въ обезпеченіе исполненія *договора*, именно, предварительнаго договора о заключеніи въ будущемъ продажи, займа и т. п. (pactum de pacto contragendo), и *послѣдствія неисполненія* тѣ же, что указаны въ ст. 49 и 50, представляется прямо желательнымъ ст. 55 выпустить за излишествомъ.

Слѣдующая ст. 56 содержитъ опредѣленія, примѣненіе которыхъ, дѣйствительно, полезно въ отношеніи къ случаямъ *отступного*, но никакъ не относительно случаевъ обезпеченія задаткомъ исправного выполненія предварительнаго договора. („Сторона, которая въ предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 53 и 55 случаяхъ теряетъ задатокъ или возвращаетъ его вдвойнѣ, не обязана вознаграждать другую сторону за убытки"). Отказъ свой—вознаграждать за убытки сторону, потерпѣвшую отъ неисправности контрагента,—редакторы мотивируютъ тѣмъ, что, во-первыхъ, „зада-

токъ въ этихъ случаяхъ составляетъ видъ договорной неустойки, впередъ выданной, почему потерпѣвшій не можетъ требовать дополнительнаго вознагражденія за убытки", а во-вторыхъ тѣмъ, что, „опредѣленіе въ исковомъ порядкѣ размѣра убытковъ, возникающихъ вслѣдствіе отказа одной стороны заключить договоръ или отступленія ея отъ договора, соединено съ большими затрудненіями, такъ какъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно нѣтъ положительныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы установить размѣръ убытковъ съ надлежащею точностью"... (стр. 127, 128)— Съ этими воззрѣніями нельзя согласиться. Редакторы сами въ ст. 61 и 62 говорятъ относительно договорной неустойки (которой уподобляютъ задатокъ въ ст. 56), что потерпѣвшая сторона *можетъ* требовать дополнительнаго вознагражденія за убытки. Равнымъ образомъ и второе основаніе, именно, что трудно будетъ потерпѣвшему опредѣлять въ исковомъ порядкѣ размѣръ своихъ убытковъ,—является непрошенной и нежелательной со стороны законодателя опекой и контролемъ надъ дѣйствіями частныхъ лицъ. Не говоря уже о томъ, что очень часто трудности никакой въ такихъ случаяхъ опредѣлить размѣръ убытка не бываетъ (напримѣръ, запроданный съ задаткомъ купцу хлѣбъ онъ уже обязался самъ *съ неустойкой* поставить третьему лицу къ извѣстному сроку, и теперь, по винѣ запродавшаго, выполнить поставки не можетъ), самое соображеніе это противорѣчитъ высказаннымъ редакторами же правиламъ въ ст. 116, 117 и 119 о порядкѣ и способахъ вознагражденія за убытки, гдѣ *суду* предоставляется, по соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, установлять размѣръ вознагражденія *по своему усмотрѣнію* (ср. т. I. стр. 264 объяснит. зап.).

2) *Неустойка.*

Неустойкой называется присоединенное къ обязательству опредѣленіе о выдачѣ должникомъ вѣрителю извѣстной цѣнности на случай неисправности въ исполненіи.

Признавая за неустойкой значеніе штрафа, законодательство наше искони и согласно съ обычаями (ст. I, стр. 129 объясн. записк.) допускаетъ взысканіе съ неисправнаго должника куму-

лятивно и неустоичной суммы, и исполненія самого обязательства, или вознагражденія за убытки (ст. 1585, т. X, ч. 1). Самый размѣръ неустойки предоставленъ неограниченному произволу сторонъ (ст. 1583, т. X, ч. I). Только для губерній Черниговской и Полтавской сказано, что неустойка не можетъ превышать суммы самаго обязательства, обезпеченнаго неустойкой (ст. 1584 т, X, ч. 1). Кромѣ того, законъ нашъ признаетъ два вида неустойки: a) *законную*, примѣняемую въ платежѣ по заемнымъ обязательствамъ между частными лицами и въ исполненіи по обязательствамъ съ казною и b) договорную, опредѣляемую личнымъ усмотрѣніемъ контрагентовъ (ст. 1573, 1574 сод.).

Всѣ означенныя основныя правила нашего гражданскаго законодательства являются отмѣненными редакторами проекта, которые въ ст. 57—64 переносятъ къ намъ постановленія о неустойкѣ, цѣликомъ заимствованныя изъ §§ 339—345 новаго Германскаго гражданскаго уложенія. Неупоминаніе или, правильнѣе, неуказаніе подъ ст. 63 проекта § 343 Германскаго гражданскаго уложенія, какъ ея источника, вѣроятно, основано на недоразумѣніи, ибо статья эта не болѣе, какъ переводъ § 343 cit („Ist eine verwircte Strafe unverhältnismässig hoch. so kann sie auf Antrag des Schuldners durch Urtheil auf den angemessenen Betrag herabgesetzt werden. Bei der Beurteilung der Angemessenheit ist jedes berechtigte Interesse des Gläubigers, nicht bloss das Vermögensinteresse. in Betracht zu ziehen"). Въ то же время указаніе подъ ст. 58 проекта на ст. 1583 и 1585 т. X, ч. 1, какъ на ея источникъ, совершенно излишне, такъ какъ въ нихъ нѣтъ даже намека на содержаніе ст. 58 cit.; именно, ст. 1583, т. X, ч. 1, говоритъ, какъ извѣстно, лишь о допустимости добровольной неустойки на случаи, гдѣ установлена неустойка законная, а ст. 1585 содержитъ правило о кумулятивности договорной неустойки.

Въ отмѣну указанныхъ нами выше положеній дѣйствующаго права редакторами вводится слѣдующее. Прежде всего самая неустойка, по общему правилу, признается имѣющей характеръ не штрафной, а таксаціи убытковъ отъ неисправности, почему и

взысканіе ея допускается редакторами лишь альтернативно съ требованіемъ возмѣщенія убытковъ, если противное не выговорено сторонами особымъ соглашеніемъ. Кумулятивное взысканіе неустойки и убытковъ допускается въ томъ лишь случаѣ, когда неустойка назначена „за несвоевременное либо вообще за ненадлежащее исполненіе обязательства“ (ст. 61). Опредѣленіе размѣра неустойки предоставляется сторонамъ; однако, судъ можетъ, по просьбѣ должника, уменьшить размѣръ неустойки, если она представляется чрезмѣрною, будучи обязанъ во всякомъ случаѣ принимать при этомъ въ соображеніе не только имущественные, но и „другіе справедливые“ интересы вѣрителя (ст. 63). Правило, дающее суду въ руки сильное оружіе въ борьбѣ съ ростовщичествомъ.

Относительно законной неустойки проектъ не говоритъ ни слова, „въ томъ соображеніи, что установленіе неустойки, какъ и всякаго иного способа обезпеченія договоровъ, должно быть предоставлено свободному усмотрѣнію сторонъ“ (стр. 134, т. I объяснит. зап.).

Признавая безспорныя научныя достоинства всѣхъ этихъ выработанныхъ германской наукой и жизнью правилъ о неустойкѣ сравнительно съ нормами, имѣющимися ad hoc въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ (Ср. *М. Я. Пергаментъ.*—Договорная неустойка по проекту гражданскаго уложенія—„Право“ 1900 года, №№ 22—24), я считаю умѣстнымъ указать здѣсь лишь на нѣкоторыя редакціонныя ошибки въ текстѣ разсматриваемыхъ статей „Проекта“, трактующихъ о неустойкѣ.

Прежде всего, ст. 57-я; она гласитъ:

„Денежная сумма, которую одна изъ договаривающихся сторонъ обязывается уплатить другой въ случаѣ неисполненія или ненадлежащаго исполненія принятаго на себя обязательства, признается неустойкой“.

Изъ буквальнаго смысла этой статьи выходитъ, такимъ образомъ, что неустойкой можетъ быть лишь *денежная сумма*. Между тѣмъ изъ ст. 64-й мы узнаемъ, что по договору можетъ

быть „условлено, въ видѣ неустойки, доставленіе какихъ-либо вещей или исполненіе какой-либо работы". Очевидно, такимъ образомъ, что сами же редакторы, вопреки прямому смыслу ст. 57, признаютъ возможнымъ объектомъ неустойки не только денежную сумму, но и вещи, даже работу, слѣдовательно, всякую цѣнность вообще. При такомъ положеніи дѣлъ было бы проще редакторамъ, выпустивъ, за излишествомъ, ст. 64-ю, редактировать ст. 57-ю нѣсколько иначе; напримѣръ, какъ это было уже предложено М. Я. Пергаментомъ — „Договоромъ о неустойкѣ признается такой придаточный договоръ, которымъ одна сторона обѣщаетъ что-либо дать или сдѣлать на случай неисполненія или ненадлежащаго исполненія принятаго на себя обязательства". Равнымъ образомъ неудачной представляется п. 2-го ст. 61 проекта, въ которомъ содержится правило, что „требовать и неустойку, и исполненія обязательства вѣритель можетъ лишь въ томъ случаѣ, если это постановлено въ договорѣ, или, если неустойка назначена за несвоевременное либо вообще ненадлежащее исполненіе обязательства".

Здѣсь редакторами проекта смѣшаны въ одной статьѣ два разныхъ случая установленія неустойки, именно, когда послѣдняя назначается *кумулятивно* и *альтернативно* съ отвѣтственностью по главному обязательству. Когда производится взысканіе и исполненіе по главному обязательству, и неустойки, назначенной за неисполненіе, очевидно на лицо случай *кумулятивнаго* примѣненія неустойки; тогда какъ, по справедливому замѣчанію М. Я. Пергамента, при взысканіи, сверхъ требованія объ исполненіи неустойки, условленной на случай несвоевременнаго или ненадлежащаго исполненія, — предъ нами начало все же *альтернативное*. Подобное смѣшеніе тѣмъ болѣе нежелательно, что сами же редакторы (стр. 142 сл. объяснит. записки) признаютъ такое различіе въ условіяхъ примѣненія неустойки.

Въ заключеніе еще одна замѣтка: Постановленіе ст. 59 о томъ, что неустойка не можетъ быть требуема, если обязательство не исполнено не по винѣ должника, — заключаетъ въ себѣ очевидный пропускъ. Именно здѣсь не упомянуто о тѣхъ послѣд-

ствіяхъ, какія влечетъ неисполненіе обязательства по винѣ довѣренныхъ или служащихъ должника.

3) *Право удержанія.*

Этотъ „своеобразный способъ обезпеченія требованій“ (стран. 220 объяснительной записки, т. I) т. X ч. 1 неизвѣстенъ, хотя вообще о немъ имѣются правила въ дѣйствующемъ положительномъ правѣ (такъ, напримѣръ, въ ст. 85 общ. уст. россійск. жел. дорогъ).

Рядомъ съ общимъ правомъ удержанія, указаннымъ въ ст. 104, ст. 105 проектъ вводитъ спеціальное для сдѣлокъ „между торговцами“. Однако установленныя здѣсь опредѣленія обоихъ видовъ права удержанія страдаютъ неясностью. Какъ справедливо замѣтилъ Г. Ф. Шершеневичъ (Право 1899 № 41), не смотря на огромный объемъ ст. 105 и 106, дѣло нисколько не выясняется, и можно быть увѣреннымъ, что практика была бы поставлена въ большое затрудненіе необходимостью рѣшить этотъ вопросъ. Очевидно, различіе не въ томъ, что въ ст. 104 говорится о „движимомъ имуществѣ, а въ ст. 105—о товарахъ и цѣнныхъ бумагахъ, потому что послѣдніе объекты только видъ первой категоріи. Различіе и не въ томъ, что ст. 104 говоритъ объ „опредѣленномъ“ имуществѣ, а ст. 105 о товарахъ и цѣнныхъ бумагахъ, и. ч. предметомъ права удержанія можетъ быть только опредѣленное имущество, напримѣръ, такое-то число пудовъ муки, принадлежащей такому-то должнику и попавшей въ руки вѣрителя при такихъ-то условіяхъ. Значитъ, дѣло въ условіяхъ установленія права. Ст. 104 имѣетъ въ виду, что между удерживаемымъ объектомъ и обезпечиваемою имъ сдѣлкой есть связь, а ст. 105 считаетъ это не существеннымъ; были бы вообще дѣловыя сношенія. Но почему должно быть проведено такое различіе, почему для торговаго оборота излишне то условіе, которое необходимо для общегражданскаго или, напротивъ, почему это условіе не слѣдуетъ распространить на торговый оборотъ,—этого изъ записки не видно; такъ что и самая попытка установленія такого разрѣшенія обоихъ видовъ права удержанія является актомъ произвола редакторовъ, ничѣмъ немотивированнаго.

Редакторы проекта, по поводу права удержанія пишутъ, между прочимъ, слѣдующее (т. I, стр. 224 объяснит. записк.): „Право удержанія не вмѣщаетъ въ себѣ ни непризнанія обязательства,—напротивъ того, обязательство признается въ силѣ и только его исполненіе отдаляется (exceptio dilatoria) впредь до того времени, когда будетъ доставлено обязанному лицу причитающееся ему вознагражденіе,—ни даже притязанія на погашеніе обязательства въ цѣломъ или въ части, какъ то имѣетъ мѣсто при возраженіи о зачетѣ. Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо положительномъ дѣйствіи со стороны обязаннаго лица по осуществленію права удержанія. Удерживающій имущество не вправѣ продать имущество съ цѣлью выручить слѣдующее ему, а лишь вправѣ не возвращать, пока не получитъ удовлетворенія отъ противной стороны".

Пояснимъ эти правила редакторовъ на примѣрѣ.

Я нанялъ ломовика перевезти мнѣ со станціи желѣзной дороги ящикъ съ яйцами; желая привезти кладь въ большей сохранности, извощикъ подложилъ подъ ящикъ свой новый суконный армякъ, который оказался, по привозкѣ ящика, испачканнымъ: не смотря на прочность наружной упаковки (ср. ст. 476 проекта) часть яицъ по дорогѣ разбилась. Вознаградить извощика за порчу армяка я отказался, и онъ, по рецепту редакторовъ, пользуется правомъ удержанія ящика съ яйцами до уплаты мною понесенныхъ убытковъ. А я не плачу.

Проходитъ годъ, другой, десятокъ лѣтъ—роковой ящикъ съ загадочнымъ содержаніемъ превращается, наконецъ, въ фамильную реликвію въ извощичьей семьѣ, освободиться отъ которой она не имѣетъ права, ибо ящикъ продолжаетъ числиться моей собственностью. Чѣмъ дѣло кончится, трудно себѣ представить; вѣроятно и редакторы, создавшіе такія печальныя послѣдствія права удержанія, тоже этого разрѣшить не могутъ по тѣмъ правиламъ, какія ad hoc имѣются въ проектѣ.

4) *Поручительство.*

Поручительствомъ называется такое договорное обязательство, въ силу котораго одно лицо, называемое поручителемъ, обезпечи-

ваетъ другому обязательства его должника, принимая на себя хотя и совмѣстную съ нимъ, но лишь придаточную отвѣтственность по означенному главному обязательству, при чемъ отвѣтственность эта не должна превышать отвѣтственности должника по главному обязательству.

Поручаться по обязательству можно двояко—или въ *исполненіи* обязательства должникомъ, или же въ *дѣйствительности* главнаго обязательства. При этомъ, въ случаѣ признанія главнаго обязательства недѣйствительнымъ, напримѣръ, вслѣдствіе недѣеспособности главнаго обязаннаго, поручитель, ручавшійся въ исполненіи, но не въ дѣйствительности обязательства, не подлежитъ отвѣтственности. Но разъ онъ принимаетъ на себя отвѣтственность, положительно высказанную, за *дѣйствительность* и *законность договора*, какъ напримѣръ, въ случаѣ ручательства, что должникъ должникъ достигъ уже совѣршеннолѣтія и т. п., онъ подлежитъ отвѣтственности передъ вѣрителемъ въ томъ случаѣ, если обязательство главнаго должника будетъ признано ничтожнымъ за отсутствіемъ именно тѣхъ законныхъ условій, необходимыхъ для его существованія, въ наличности которыхъ поручитель ручался (рѣшен. гражд. кассац. 1892 года, № 67; 1873 года, № 595 и др.).

Взамѣнъ установленія этого основного различія въ содержаніи поручительства, проектъ разсматриваетъ одинъ лишь казустическій вопросъ, отвѣчаетъ-ли тотъ, кто ручается, по обязательству, для него завѣдомо недѣйствительному вслѣдствіе несовершеннолѣтія должника, и разрѣшаетъ его утвердительно (ст. 1011), замѣчая, что „правда, съ юридической стороны, отвѣтственность ручающаго не будетъ поручительствомъ, а ея правовой характеръ опредѣлится сдѣлкой, изъ которой она вытекаетъ, будетъ дареніемъ, безъименнымъ договоромъ въ современномъ (?) смыслѣ слова и т. п., но тѣмъ не менѣе отвѣтственность должна быть признана обязательною; причемъ невѣрная классификація сторонами своего договора не можетъ играть никакой роли“.—Редакторы, очевидно, забываютъ при этомъ, что „невѣрная классификація“ допущена здѣсь ими самими въ предполагаемомъ текстѣ закона,

а не сторонами въ сдѣлкѣ (т. V, стр. 271 объяснительной записки).

Кромѣ того, изъ общаго смысла ст. 1010 и 1011 легко можно вывести нежелательный смыслъ, что всякаго рода обязательство, хотя бы завѣдомо для поручителя недѣйствительное, можетъ быть обезпечиваемо поручительствомъ. Ссылка редакторовъ на §§ 765 и 770 новаго германск. гражданск. уложенія, какъ на одинъ изъ источниковъ ст. 1010 и 1011 cit., не вѣрна: § 765 говоритъ лишь о допустимости поручительства по условнымъ и будущимъ (а не „по всякаго рода") обязательствамъ; § же 770-й говоритъ о правѣ поручителя отказывать вѣрителю въ уплатѣ, пока главный должникъ имѣетъ право оспорить дѣйствительность принятаго имъ на себя обязательства.

Переходя къ разсмотрѣнію постановленій проекта относительно правъ и обязанностей поручителя, мы не можемъ считать правильными тѣ соображенія редакторовъ, которыми они объясняютъ содержаніе ст. 1016. Установляя совершенно справедливо, въ началѣ ст. 1016, общимъ правиломъ, что поручитель отвѣчаетъ по главному обязательству въ той же мѣрѣ, какъ и самъ должникъ, редакторы нашли нужнымъ однако закономъ ограничить его отвѣтственность по процентамъ лишь въ размѣрѣ „за текущій и прошедшій годы", мотивируя послѣднее ограниченіе тѣмъ, что „для поручителя обременительно отвѣтствовать за уплату всѣхъ вообще просроченныхъ процентовъ" (стр. 281, т. V объяснит. записки). Но, вѣдь, еще болѣе обременительнымъ для поручителя является удовлетворять вѣрителя по всему главному обязательству; почему тогда не освободить его „по обременительности" и отъ этой отвѣтственности?...

Такое ограниченіе отвѣтственности поручителя въ платежѣ процентовъ не соотвѣтствуетъ его праву регресса съ главнаго должника, при чемъ, въ силу п. 2 ст. 1026 редакторы признаютъ за поручителемъ право требовать съ должника процентовъ по капитальной суммѣ долга, безъ какого-либо ограниченія.

Извѣстно, какъ много справедливыхъ жалобъ и нареканій высказано было по поводу ст. 1558, т. X, ч. 1, въ силу

которой отвѣтственность простого поручителя наступаетъ лишь по ликвидаціи всѣхъ дѣлъ признаннаго несостоятельнымъ должника и только въ недополученной суммѣ. Это правило ставитъ осуществленіе права вѣрителя на взысканіе съ поручителя въ зависимость не только отъ учрежденія надъ имуществомъ должника конкурса, но и отъ окончанія производства о несостоятельности. Кромѣ того, въ силу ст. 479 уст. торг. судопр. (ср. рѣшен. гражд. касс. деп. 1892 года, № 87), объявленіе несостоятельности не можетъ имѣть мѣста, если сумма долговъ не превышаетъ 1500 рублей. Восполняя дѣйствующій законъ, кассаціонная практика установила, что для наступленія отвѣтственности поручителя въ этомъ случаѣ достаточно фактической несостоятельности главнаго должника (рѣшен. гражд. касс. деп. 1880 г., № 121; 1879 г., № 41 и пр.). In tanto discrimine rerum нельзя не привѣтствовать постановленія проекта (ст. 1018), по которому отвѣтственность простого поручителя наступаетъ въ случаѣ объявленія главнаго должника несостоятельнымъ или безуспѣшности обращеннаго вѣрителемъ на имущество должника взысканія (ср. т. V объясн. зап., стр. 283 и 284).

Указаніе на ст. 1558, т. X, ч. 1, какъ на источникъ ст. 1018 проекта, не вѣрно. Равнымъ образомъ намъ представляется непонятнымъ, зачѣмъ редакторамъ понадобилось ссылаться на ст. 1558 п. 1, какъ на источникъ ст. 1024 проекта, хотя содержаніемъ своимъ они не схожи, а тѣмъ болѣе ошибочной является подобная ссылка подъ ст. 1022 проекта на ст. 1558 п. 5 т. X, ч. 1, когда на самомъ дѣлѣ эта ст. 1022 есть точный переводъ § 769 германск. гражд. улож. (Verbürgen sich mehrere für dieselbe Verbindlichkeit, so haften sie als Gesammtschuldner, auch wenn sie die Bürgschaft nicht gemeinschaftlich übernehmen".

5) *Круговая порука.*

Какъ извѣстно, круговою порукою называется такое правоотношеніе, по которому нѣсколько лицъ принимаютъ на себя отвѣтственность передъ третьимъ лицомъ въ исправномъ исполненіи своего общаго обязательства, отвѣчая одинъ за всѣхъ и всѣ за

одного (случай пассивнаго солидарнаго обязательства; см. *Побѣдоносцевъ*—Курсъ русскаго гражданскаго права, ч. III, 1890 года, стр. 101—107, 308, 316; *Никоновъ*—Круговая порука, какъ обезпеченіе обязательствъ, 1896 г.).

Вступая въ круговую поруку, нѣсколько лицъ принимаютъ на себя каждый отвѣтственность по всему обязательству; всѣ они служатъ представителями другъ друга. При этомъ не существуетъ какого-либо порядка или постепенности въ отвѣтственности ихъ по общему обязательству. Кредиторъ можетъ, по желанію, или взыскать все съ любого, какъ будто онъ одинъ ему долженъ, или же можетъ требовать удовлетворенія со всѣхъ совокупно. Какъ при этомъ происходитъ самое взысканіе—со всѣхъ вмѣстѣ или же сперва съ одного должника и потомъ уже (недополученное) съ другого,—это безразлично. Въ качествѣ лица, отвѣчающаго по всему обязательству, ни одинъ должникъ при круговой порукѣ въ томъ случаѣ, когда кредиторомъ предъявлено къ нему лично взысканіе по всему обязательству, не въ правѣ требовать раздѣленія суммы иска пропорціонально количеству обязанныхъ. Допущеніе beneficii divisionis при круговой порукѣ явилось бы прямо противорѣчащимъ цѣли установленія самого института круговой поруки съ отвѣтственностью каждаго должника именно in solidum—въ объемѣ всего обязательства (*Demolombe*—Traité des contrats, стр. 249—254).

Цѣлью установленія круговой поруки является большее обезпеченіе вѣрителя и облегченіе ему взысканія, которое, при отвѣтственности содолжниковъ каждаго лишь въ части обязательства, раздробилось бы по числу ихъ. Разъ эта цѣль круговой поруки выполнена, послѣдняя сама теряетъ всякое значеніе. Другими словами, кругова порука при обыкновенномъ порядкѣ вещей, создаетъ и существуетъ лишь въ качествѣ мѣры обезпеченія обязательственныхъ отношеній содолжниковъ съ *третьими* лицами; во взаимныхъ же отношеніяхъ содолжниковъ не существуетъ. Въ настоящее время въ наукѣ права повсемѣстно господствуетъ теорія, гласящая, что вопросъ о регрессѣ не стоитъ въ зависимости отъ солидарной отвѣтственности должниковъ передъ третьими ли-

цами (*Savigny*—Obligationenrecht S. 237 - 238; *Unger*—Passive Correalität und Solidarität (Ihering's Archiv B. XXII, S. 272 ss. *Ryck*—Die Lehre v. d. Schuldverhältnissen I S. 80 ss.). Основаніемъ права регресса можетъ являться не круговая порука сама по себѣ, а извѣстныя особыя отношенія, въ которыхъ находятся между собою содолжники, связанные круговою порукою передъ третьими лицами (договоръ товарищества, велѣніе закона ets.).

Совершенно понятно, почему редакторы проекта признали круговою порукою извѣстное давно уже и римскому праву, и новѣйшимъ законодательствамъ, и нашему т. X, ч. 1, правоотношеніе иного рода, которому теорія права присвоила названіе beneffici divisonis.

Именно въ ст. 179 проекта читаемъ мы слѣдующее: „Если по договору установлена отвѣтственность нѣсколькихъ должниковъ другъ за друга на случай безуспѣшности взысканія съ кого-либо изъ нихъ слѣдующей съ него части долга (круговая отвѣтственность), то невзысканная вѣрителемъ съ кого-либо изъ должниковъ сумма разлагается на остальныхъ должниковъ по соразмѣрности съ долями ихъ участія въ обязательствѣ. Уплатившій за неисправнаго должника имѣетъ право обратнаго къ нему требованія“ (ст. т. I, стр. 374, 375 объясн. зап.).

Проведеніе этихъ правилъ въ жизни, подъ фирмою круговой поруки поведетъ за собою много печальныхъ послѣдствій.

Разсмотримъ для примѣра хотя бы случай отвѣтственности артели по круговой порукѣ передъ третьими лицами.

Положимъ, артельщикъ биржевой артели растратилъ довѣренные ему „хозяиномъ“ 10.000 рублей. По правилу ст. 922 проекта, потерпѣвшій имѣетъ право обратить взысканіе свое на артельное имущество; если таковаго мало или вовсе нѣтъ, онъ долженъ просить судъ о признаніи несостоятельности артели и обратить взысканіе противъ артельщиковъ; при чемъ (ст. 922 и 906) конкурсное управленіе по артельному имуществу должно опредѣлить, какую сумму каждый отдѣльный артельщикъ обязанъ внести въ уплату долговъ товарищества, и если артельщики этой

суммы добровольно не взносятъ, то представить расчетъ на утвержденіе суда, которымъ артель объявлена несостоятельной (ст. 908). Лишь послѣ такой процедуры и постановленія судомъ опредѣленія „хозяинъ“ можетъ обратить взысканіе долей своихъ съ каждаго артельщика въ отдѣльности. Если которые изъ нихъ своей доли не заплатятъ или уплатятъ не всю сполна, недостающее снова распредѣляется между остальными артельщиками (ст. 922 и 907) и снова „хозяину“ предоставляется право дополнительно взыскивать эту дополнительную раскладку съ каждаго артельщика въ отдѣльности, и т. д. до безконечности.

Конечно, „хозяинъ“ взыщетъ свой убытокъ... ко второму пришествію и Страшному Суду; но если онъ благоразуменъ, то броситъ это печальное занятіе и проученный горькимъ опытомъ, навѣрное дастъ себѣ зарокъ никогда больше не связываться съ артелями съ такою, созданною редакторами проблематичной отвѣтственностью по „круговой порукѣ“, а брать себѣ служащихъ каждаго „самого по себѣ“, зато съ надежнымъ залогомъ.

Лично мы считаемъ злополучную ст. 179 простою ошибкою редакторовъ, смѣшавшихъ круговую поруку съ beneficium'омъ divisionis. Нельзя же думать, что они умышленно ввели новый институтъ вмѣсто стараго, прикрывъ его лишь именемъ послѣдняго. Такой реформаторскій пріемъ въ правѣ былъ бы ужь слишкомъ не эстетиченъ...

С. П. Никоновъ.

---

2. Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Подъ редакціей профессора Ю. С. Гамбарова. Выпускъ первый. СПБ. 1899. 192 стр.

Настоящей книжкой было открыто два года тому назадъ обширное изданіе, задуманное нѣкоторыми изъ лицъ, которыя принимали участіе въ составленіи программъ московской „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія“. Этимъ изданіемъ имѣлось въ виду пополнить оригинальными сочиненіями русскихъ авторовъ

чувствуемый давно въ русской литературѣ недостатокъ сочиненій по общественно-юридическимъ наукамъ. Составители „Сборника“ думали такимъ путемъ замѣнить переводы соотвѣтствующихъ произведеній иностранной литературы, которыя не отвѣчаютъ запросамъ и потребностямъ современнаго русскаго читателя. Но предпринятое изданіе не должно представлять, по мысли его редакторовъ, простого собранія монографій, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Редакція „Сборника“ признала необходимымъ сохранить въ издаваемыхъ книжкахъ единство научнаго направленія, хотя оно не исключаетъ извѣстныхъ разногласій между авторами отдѣльныхъ статей. Объясненіе различій въ ихъ взглядахъ кроется, съ одной стороны, въ переживаемой въ настоящее время общественными науками стадіи критической повѣрки, а съ другой — въ желаніи редакціи освѣтить съ различныхъ точекъ зрѣнія наиболѣе интересные для русской читающей публики, научные вопросы. Редакція выставляетъ въ качествѣ руководящаго принципа установленный въ настоящее время взглядъ на право, какъ на явленіе, исключительно историческое и общественное: редакція „Сборника“ считаетъ необходимымъ изученіе права не въ одной связи съ общественными явленіями, но и соціологіей. Отсюда же слѣдуетъ само собою, что какъ юристамъ, такъ и соціологамъ нужно покинуть навсегда путь самоуглубленія или чисто спеціальной работы съ цѣлью разысканія послѣднихъ основъ права и общества, бросить окончательно пониманіе права, въ смыслѣ индивидуальнаго явленія, которое образуется изъ чувства права или принциповъ невѣдомо кѣмъ, какъ и когда заложенныхъ въ сознаніе человѣка.

Къ этому обстоятельному выясненію мотивовъ предпринятаго „Сборника общихъ юридическихъ знаній“ и принципіальныхъ взглядовъ, положенныхъ въ основаніе его изданія, редакція „Сборника“ присоединяетъ перечень статей по разнообразнымъ вопросамъ общество и правовѣдѣнія, одно заглавіе которыхъ представляетъ большой интересъ: „Право и государство“, „Гражданское и публичное право“, „Обычное право“, „Право личности“, „Творческая сила юриспруденціи“ и проч.

Можно только одобрить мысль редакціи „Сборника“ начать изданіе ряда выпусковъ, въ которыхъ помѣщались бы отдѣльныя статьи по различнымъ вопросамъ изъ общественныхъ и юридическихъ наукъ. Нужда въ такого рода произведеніяхъ для читающей русской публики, интересующейся общественными вопросами, слишкомъ велика, такъ что всякая попытка удовлетворить этой все болѣе и болѣе увеличивающейся потребности заслуживаетъ полнаго признанія. Редакція „Сборника“, составленная изъ компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ, идетъ на встрѣчу стремленію нашего общества къ самообразованію, пріобрѣтенію знаній о предметахъ, наиболѣе важныхъ въ жизни общества и обыкновенно мало или совсѣмъ неизвѣстныхъ. Это все таже идея „Распространеннаго университета“, которая такъ сильно распространена и дала уже замѣтные, плодотворные результаты на Западѣ Европы и въ Сѣверной Америкѣ, и съ недавняго времени начала прививаться и въ нашемъ отечествѣ въ видѣ общихъ, систематическихъ курсовъ по разнымъ отраслямъ знаній, изданій „Программъ для домашняго чтенія“ и проч. Недаромъ въ „Сборникѣ“ принимаютъ участіе тѣ же лица, которыя составляли программы въ Московской „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія“. Противъ всего предпріятія нельзя дѣлать какихъ-либо возраженій. Но противъ предположенія наполнить выпуски отдѣльными статьями съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, заключающимъ въ себѣ тѣ или другіе вопросы общественныхъ и юридическихъ наукъ, можно сдѣлать нѣсколько возраженій. Намъ кажется, трудно будетъ сохранить то „единство научнаго направленія“ при такомъ характерѣ содержанія отдѣльныхъ выпусковъ, какой намѣрена придать имъ редакція “Сборника“. Хотя она и высказываетъ свою опредѣленную точку зрѣнія на право и отношеніе правовѣдѣнія къ соціологіи, въ то-же время она сама считаетъ себя вынужденною замѣтить „кое-какія разногласія между авторами статей, помѣщенныхъ уже въ первомъ выпускѣ „Сборника“. Сама же его редакція вполнѣ вѣрно объясняетъ и источникъ этихъ разногласій, даже неизбѣжныхъ при современномъ состояніи общественныхъ и юридическихъ знаній, помимо желанія редакціи освѣтить затрогиваемые въ „Сборникѣ“

вопросы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Мы полагаемъ, что для цѣлей самообразованія русской публики гораздо лучше дать ей статьи по общественнымъ и юридическимъ вопросамъ разнообразнаго направленія, чѣмъ подносить ей изложеніе тѣхъ или другихъ темъ общественнаго характера непремѣнно въ одномъ, заранѣе намѣченномъ направленіи. Пусть читатели сами научатся при знакомствѣ съ разнообразными взглядами авторовъ статей критически относиться къ ихъ воззрѣніямъ, сравнивать противоположныя точки зрѣнія, на которыхъ стоятъ эти авторы, и выводить собственныя заключенія на основаніи своихъ о нихъ сужденій! Тогда цѣли самообразованія могутъ достигаться скорѣе и оно будетъ полнѣй, чѣмъ при усвоеніи уже готоваго содержанія тѣхъ или другихъ статей. Но обратимся къ содержанію самого перваго выпуска „Сборника".

Въ немъ помѣщено пять статей, изъ которыхъ три первыя принадлежатъ перу извѣстныхъ въ русской ученой литературѣ ученыхъ. Это *М. М. Ковалевскій*, *Ю. С. Гамбаровъ*, —имя котораго, какъ редактора „Сборника", поставлено на обложкѣ перваго выпуска, и *П. Новгородцевъ*. Остальные два автора: *С. Булгаковъ* и *А. Горбуновъ*. Каждая изъ отдѣльныхъ статей всѣхъ авторовъ представляютъ собою самостоятельное цѣлое съ чрезвычайно интереснымъ, строго научнымъ содержаніемъ. М. М. Ковалевскій далъ „Сборнику" статью по сравнительному правовѣдѣнію; „Сравнительно—историческое правовѣдѣніе и его отношеніе къ соціологіи. Методы сравнительнаго изученія права". Особенно интересною представляется первая половина этой статьи, гдѣ затрогивается важнѣйшій вопросъ правовѣдѣнія. Ковалевскій сначала говоритъ о томъ недовольствѣ, которое обнаруживается въ германской юридической литературѣ по отношенію къ современной постановкѣ вопроса о научныхъ задачахъ правовѣдѣнія. Ковалевскій указываетъ, какъ на одну изъ причинъ этого недовольства, на утрату нѣмецкими юристами сознанія той связи, въ какой стоитъ право съ ростомъ культуры и гражданственности. Пренебреженіе исторіей редакторами проекта новаго гражданскаго кодекса для Германіи, изданнаго въ 1888 году, привело также

къ важному пробѣлу въ трудахъ законодателя, въ которыхъ не нашли выраженія общественныя тенденціи современности. Нашъ русскій ученый справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что только при помощи исторіи можно отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ данное право является продуктомъ всего предшествующаго наслоенія юридическихъ нормъ, и что въ немъ продолжаетъ стоять въ согласіи или противорѣчіи съ намѣченными жизнью рѣшеніями. Ковалевскій также вооружается противъ мнѣнія, что масштабъ для оцѣнки дѣйствующаго законодательства можно искать въ какомъ-то метафизическомъ представленіи объ абсолютной справедливости и прирожденныхъ людямъ „естественныхъ правахъ". Если природа обучила чему всѣхъ живущихъ, то отнюдь не праву и безправію, состоящему въ томъ, чтобы жертвовать ближними въ интересахъ самосохраненія. Борьба за существованіе содѣйствовала образованію права только потому, что инстинктъ самосохраненія подсказалъ участникамъ этой борьбы необходимость организовываться въ группы для болѣе успѣшнаго ея веденія. Право съ религіозной окраской возникаетъ на почвѣ солидарности интересовъ человѣческихъ группъ. Ковалевскій повторяетъ извѣстное въ наукѣ права опроверженіе теоріи о прирожденныхъ людямъ правахъ: юридическія идеи постоянно измѣняются вмѣстѣ съ ростомъ человѣческой культуры, такъ что позднѣе взамѣнъ прежняго воззрѣнія на чужеземца, какъ на врага, противъ котораго все дозволено, развивается постепенно отвлеченное представленіе о человѣкѣ вообще и его неотъемлемыхъ правахъ. Это представленіе большинство людей долго еще связываетъ съ принадлежностью къ одной расѣ и религіи.

Крайне медленно вырабатывается понятіе о всечеловѣкѣ, братъ не по Христу и Магомету, а по принадлежности къ числу мыслящихъ и чувствующихъ существъ. Послѣдовательныя стадіи въ развитіи чувства солидарности — сознаніе родоваго единства, патріотизмъ, космополитизмъ.

Юридическія понятія переходили извѣстныя стадіи развитія, смотря по формамъ союзовъ, въ которыхъ жили люди въ исторіи. Такія положенія въ правѣ, какъ устраненіе чужеземца отъ обще-

нія съ членами общины или цеха, запрещеніе браковъ между лицами разныхъ кастъ, религій, народностей дѣлались анахронизмами. Ковалевскій, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ юристовъ (А. Меркеля, Нейкампфа и др.), утверждаетъ, что существующее право не въ состояніи само дать критерій для своей оцѣнки, какъ и образцы дальнѣйшихъ реформъ въ правѣ. Оно развивается только въ связи съ развитіемъ всей гражданственности. Въ доказательство этой своей, конечно, не новой для всякаго спеціалиста мысли Ковалевскій ссылается на „своего собрата соціолога", Тарда, который намѣтилъ законы поступательнаго развитія общества,— открытія и подражанія. Нашъ русскій соціологъ показываетъ на примѣрахъ, какъ то и другое вліяютъ на появленіе новыхъ правовыхъ институтовъ въ области частнаго или публичнаго права, какимъ образомъ открытія и подражанія принимаютъ форму приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ. Поступательный ходъ положительнаго права зависитъ не отъ проникновенія его догмами метафизики естестзеннаго права, а обусловлено всецѣло ростомъ гражданственности, знаніе которой можетъ дать намъ только соціологія или точнѣе соціальная динамика, а не одна сравнительная исторія права. Соціальная динамика даетъ намъ только общую формулу прогресса, т. е. законы, управляющіе ростомъ человѣческой солидарности. Выводами и методами соціальной динамики должны руководиться исторіи религіи, искусства, науки, морали, права, экономическая и политическая исторія.

Ковалевскій касается очень интереснаго вопроса объ отношеніи сравнительной юриспруденціи къ соціологіи, которымъ опредѣляется вся необыкновенная важность первой науки въ ряду другихъ юридическихъ наукъ. Ни нравственная метафизика въ формѣ „естественнаго закона", ни общая теорія права, которая ставитъ своей задачей философское обоснованіе дѣйствующаго законодательства не могутъ дать руководящую нить при установленіи сравнительной исторіей права различныхъ стадій его развитія. Ковалевскій отвергаетъ и самопроизвольное развитіе права внѣ всякихъ постороннихъ вліяній. Справедливо замѣчаетъ Іерингъ о необходимости отрѣшиться сравнительному правовѣдѣнію отъ

химеры самопроизвольнаго развитія, какъ это уже сдѣлали естествознаніе и медицина. Право не развивается само изъ себя. Какъ отраженіе стадіи, достигнутой обществомъ солидарности, оно измѣняется вмѣстѣ съ расширеніемъ ея основъ, вызывая прежде всего въ отдѣльныхъ выдающихся личностяхъ сознаніе неудовлетворительности и новые запросы. Послѣдніе переходятъ силой подражанія сперва въ общественное мнѣніе, юридическое сознаніе массъ, а затѣмъ — въ обычай и законъ.

Признавая тѣсную связь и зависимость историко-сравнительной юриспруденціи отъ соціологіи, Ковалевскій указываетъ и на самостоятельное поле для изслѣдованій историка, занимающагося сравненіемъ юридическихъ учрежденій у разныхъ народовъ: сравнительная юриспруденція владѣетъ методами и пріемами, общими всѣмъ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ. Соціологія даетъ историку права знанія только тѣхъ послѣдовательныхъ стадій общественности, въ которыхъ слагается и совершенствуется система юридическихъ нормъ, составляющихъ предметъ его изученія. Нашъ историкъ права ждетъ отъ сравнительной исторіи права отвѣта на вопросы относительно соотвѣтствія юридическихъ порядковъ родовымъ, государственнымъ или міровымъ стадіямъ общественнаго развитія, внутренней связи между собою юридическихъ нормъ въ каждый изъ указанныхъ періодовъ, а также и того, что является переживаніемъ въ правѣ, что задаткомъ будущаго, что вымираетъ и что зарождается и что поэтому должно быть устранено со временемъ и что восполнено и усовершенствовано.

Мы присоединяемся къ Ковалевскому въ выраженномъ имъ мнѣніи объ отношеніи сравнительнаго правовѣдѣнія къ соціологіи, но только думаемъ, что его взглядъ не вполнѣ послѣдователенъ и даже одностороненъ. Разъ Ковалевскій считаетъ сравнительное правовѣдѣніе частью соціологіи, онъ долженъ допустить и примѣненіе всѣхъ соціальныхъ законовъ при изученіи историкомъ юридическихъ явленій. А Ковалевскій довольствуется указаніемъ на одинъ изъ соціальныхъ законовъ — и забываетъ о двухъ остальныхъ, не менѣе важныхъ соціальныхъ законахъ для изслѣдованія — солидарности соціальныхъ явленій и ихъ національнаго характера. Безъ пред-

варительнаго или же, по крайней мѣрѣ, совмѣстнаго изученія соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія обоихъ послѣднихъ законовъ нельзя выяснить и третій законъ — порядокъ поступательнаго развитія общества. Это развитіе начинается не вдругъ и не съ перваго момента общественной жизни. Первые ея моменты выражаются въ немногихъ простыхъ и поразительно однообразныхъ, сходныхъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ явленіяхъ религіозно-моральной, экономической, юридической и политической жизни. Какого рода всѣ эти явленія, какую они имѣютъ форму у первобытныхъ народовъ и какой однообразный и сходный характеръ получаютъ они у всѣхъ примитивныхъ племенъ, это извѣстно всякому, кто занимается вопросами сравнительнаго правовѣдѣнія, особенно же первоначальною, примитивною эпохой въ жизни всякаго общества. Здѣсь достаточно только замѣтить, что всѣ воззрѣнія первобытныхъ народностей, всѣ ихъ религіозныя, моральныя, экономическія и юридическія понятія и учрежденія, весь складъ ихъ отношеній въ семьѣ, хозяйственный бытъ, юридическій строй общественной жизни дикарей—все это у нихъ одинаково, проникнуто однимъ и тѣмъ же общимъ духомъ, имѣетъ одинъ и тотъ же своеобразный типъ. Такимъ образомъ, въ примитивной жизни общества наглядно выражается законъ солидарности соціальныхъ явленій, который и состоитъ въ ихъ взаимодѣйствіи, вліяніи другъ на друга и, какъ результатѣ этого взаимодѣйствія, общемъ духѣ всѣхъ соціальныхъ явленій. Тотъ же основной ихъ характеръ замѣчается и въ каждую изъ послѣдующихъ, историческихъ ступеней развитія общества. То, что Ковалевскій называетъ переживаніемъ въ его юридическомъ быту, на самомъ дѣлѣ итогъ солидарности всѣхъ общественныхъ явленій въ ту или другую эпоху общественной жизни, пріобрѣтаемой каждымъ изъ нихъ въ силу неразрывной связи съ остальными, крѣпости, прочности и долгой живучести даже при новыхъ условіяхъ общественнаго быта. На почвѣ той же солидарности, гармоніи, единства всѣхъ общественныхъ явленій въ примитивной, какъ и исторической жизни общества создается прочный общественный, юридическій и политическій союзъ въ исторіи, гдѣ онъ растетъ, развивается, переходитъ извѣстныя, поступа-

тельныя ступени въ своемъ развитіи. Но въ первые же моменты этой исторической жизни общества у каждаго народа появляются особыя, своеобразныя черты всѣхъ ихъ общественныхъ учрежденій, а въ томъ числѣ и юридическихъ. Эти особенныя, типическія черты всего общественнаго быта возникаютъ у каждаго народа изъ всей совокупности условій, среди которыхъ начинается его историческая жизнь. Если бы историкъ права не обратилъ вниманія на національныя, свойственныя только тому или другому народу учрежденія, для него осталась бы совершенно непонятною масса явленій въ теченіе исторической жизни народа, которыя имѣютъ свой источникъ въ національности. Ея понятіе было сначала въ древности (на Востокѣ и въ античномъ мірѣ) очень узкимъ, одностороннимъ; въ новое время рѣзкая національная обособленность отдѣльныхъ народовъ сглаживается вслѣдствіе цѣлаго рядя событій новой и особенно новѣйшей исторіи. Но націи существуютъ со всѣми формами, въ которыхъ выражается національность у того или другого народа (языкомъ, нравами, религіей, правомъ и др.) и въ новѣйшее время, и безъ пониманія особенностей въ исторической жизни каждаго народа нельзя придти къ какимъ-либо выводамъ и относительно формъ и поступательнаго его развитія.

Такимъ образомъ, сравнительная исторія права находится по отношенію къ соціологіи въ болѣе тѣсной и неразрывной связи, чѣмъ какъ представляетъ ее Ковалевскій. Послѣдній косвенно и самъ признаетъ необходимость внести въ сравнительное изученіе права всѣ законы соціальной жизни, когда онъ начинаетъ говорить о методѣ сравнительной юриспруденціи. Именно Ковалевскій настаиваетъ на сравненіи однородныхъ юридическихъ учрежденій у народовъ, которые стоятъ на одинаковой ступени развитія, и, прежде всего, у народовъ первобытныхъ. Значитъ, онъ принимаетъ и мысль о результатѣ такого сравненія—изученія сходствъ въ такого рода юридическихъ учрежденіяхъ, общаго и основнаго ихъ характера у всѣхъ изучаемыхъ народовъ. Мы не будемъ излагать всѣхъ методологическихъ воззрѣній Ковалевскаго, давно извѣстныхъ изъ прежнихъ его трудовъ о сравнительно-историческомъ

методѣ и вообще сравнительной исторіи права. Въ настоящей своей статьѣ Ковалевскій особенно долго останавливается на выясненіи значенія при изученіи соціальныхъ учрежденій сравнительно лингвистическаго пріема, къ которому Ковалевскій относится довольно скептически, приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія, между прочимъ, однородныя воззрѣнія западно европейскихъ ученыхъ лингвистовъ—Шлейхера, Куна, Гена, Шрадера. Поэтому Ковалевскій настаиваетъ на необходимой провѣркѣ выводовъ сравнительнаго языкознанія другими данными—археологіи, сравнительной этнографіи и этнологіи. Наконецъ, Ковалевскій выясняетъ и роль переживаній, миѳологическаго пріема и др. при изученіи исторіи разнообразныхъ общественныхъ учрежденій, а также и юридическихъ.

Редакторъ „Сборника", профессоръ Ю. С. Гамбаровъ далъ ему обширную статью подъ заглавіемъ: „Право въ его основныхъ моментахъ". Авторъ задался цѣлью дать читателямъ „Сборника" полное и вмѣстѣ съ тѣмъ строго научное изложеніе этого главнаго вопроса въ юридическихъ наукахъ. Едва ли что можно возразить противъ намѣренія почтеннаго профессора дать читателямъ „Сборника" такого рода серьезную и обстоятельную статью, какую они найдутъ въ „Сборникѣ". Только одно можетъ оказаться неудобство, особенно чувствительное въ книжкѣ, предназначенной для обширнаго круга читателей, необладающихъ высшимъ, юридическимъ образованіемъ. Мы говоримъ именно о слишкомъ отвлеченномъ, сухомъ характерѣ изложенія во всей статьѣ Гамбарова, которая поэтому читается съ большимъ трудомъ и требуетъ усиленнаго вниманія даже со стороны спеціалиста-юриста. Для него статья Гамбарова представляетъ особенный интересъ въ виду ея вполнѣ научнаго изложенія на уровнѣ современныхъ воззрѣній въ наукѣ права. Гамбаровъ даетъ критически провѣренный данными дѣйствительной жизни общества очеркъ всего общаго ученія о правѣ. Поэтому-то мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей вкратцѣ съ содержаніемъ статьи Ю. С. Гамбарова. Она начинается вопросомъ о томъ, что такое право, который авторъ разрѣшаетъ примѣромъ, заимствованнымъ у Меркеля. Вѣрнѣе,

впрочемъ, сказать, что Гамбаровъ приходитъ пока къ опредѣленію права въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ, представляетъ первое въ видѣ активной, уполномочивающей стороны права, а объективное право, какъ пассивную, обязывающую сторону. Гамбаровъ противъ мнѣнія, что право въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ слова—покрывающія другъ друга понятія, указываетъ такіе случаи, какъ самоуправство и компромиссъ, когда судьба спорнаго отношенія опредѣляется одной или обѣими спорящими сторонами безъ участія третьяго, незаинтересованнаго въ спорѣ лица или судьи. Самоуправство и компромиссъ Гамбаровъ относитъ къ формамъ неорганизованнаго осуществленія права, которыя исторически предшествуютъ организованнымъ формамъ установленія права. Въ этихъ послѣднихъ споръ рѣшается судьею или органомъ общественной власти. Изъ противоположенія Гамбаровымъ неорганизованныхъ формъ права организованнымъ можно заключить, что онъ раздѣляетъ взглядъ на право Р. Ф. Іеринга въ толкованіи, приданномъ воззрѣніямъ послѣдняго на право Муромцевымъ. Было бы большимъ отклоненіемъ отъ изложенія статьи Гамбарова разбирать ученіе Іеринга о правѣ и взгляды его сторонниковъ—русскихъ ученыхъ—Муромцева и Гамбарова. Достаточно на этотъ разъ лишь замѣтить, что трудно провести границу между неорганизованными и организованными формами права въ исторической жизни общества и точно установить опредѣленные признаки тѣхъ и другихъ. Самоуправство встрѣчается и при самомъ развитомъ правѣ, въ обществѣ, гдѣ оно встрѣчаетъ противовѣсъ въ лицѣ судьи, какъ органа государственной власти. Съ другой стороны, всякое юридическое отношеніе въ культурныхъ обществахъ непремѣнно получаетъ видъ компромисса между сторонами и нарушеніе одной изъ нихъ принятаго на себя обязательства влечетъ за собою неизбѣжное вмѣшательство судьи же. Такимъ образомъ, примѣры неорганизованныхъ формъ права у Гамбарова не представляются убѣдительными. Неясно и отношеніе ихъ къ понятію права въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ слова: на самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ самъ Гамбаровъ, субъективное и объективное право не болѣе. Какъ двѣ стороны одного и того

же понятія о правѣ. Субъективное право, т. е. тѣ права, которыя принадлежатъ каждому человѣку, какъ физическому лицу или субъекту, основывается на объективномъ, положительномъ правѣ даннаго общества. Какъ бы ни было несовершенно общество, право существуетъ въ немъ въ первое время обыкновенно, въ формѣ обычнаго, которое и является источникомъ правъ каждаго члена общества.

Болѣе удачно и правильно опредѣленіе у Гамбарова двухъ элементовъ въ правѣ—теоретическаго и практическаго. Оба они присущи праву, но въ теоретическомъ элементѣ оно является *ученіемъ*, состоящимъ изъ ряда сужденій, основанныхъ на тѣхъ или другихъ данныхъ, въ практическомъ право выступаетъ *властью*, извѣстной организаціей общественныхъ силъ, характеризующейся обнаруженіями воли. Ученіе о правѣ знакомитъ насъ съ тѣмъ, что происходитъ или должно происходить въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ общественной жизни. Въ практикѣ права мы повинуемся нормамъ, имѣющихъ цѣлью регулировать наше поведеніе. Не смотря на тѣсную связь теоретическаго и практическаго элемента въ правѣ, оба эти элемента необходимо различать другъ отъ друга во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Гамбаровъ приводитъ нѣсколько ихъ примѣровъ. Такъ можно говорить о нарушеніи права въ смыслѣ не отвлеченнаго его понятія или научнаго положенія, а лишь въ смыслѣ дѣйствующей среди людей силы, нормы общественныхъ отношеній. Стремленіе нѣкоторыхъ изъ современныхъ ученыхъ выдвинуть въ понятіи права начала цѣлесообразности и справедливости относится къ изученію теоретическаго элемента въ правѣ. Господствующее же направленіе въ современной юридической литературѣ наоборотъ обращаетъ все вниманіе на начало власти въ понятіи права и исключаетъ изъ этого понятія почти все, что имѣетъ отношеніе къ его содержанію. Это направленіе имѣетъ въ виду одну только практическую функцію права.

Отъ теоретическаго и практическаго элемента въ правѣ Гамбаровъ отличаетъ формальный и матеріальный моменты въ понятіи права: первый изъ нихъ состоитъ въ формальномъ дѣйствіи на-

личныхъ юридическихъ нормъ, которымъ подчиняется воля отдѣльныхъ лицъ. Матеріальный моментъ въ правѣ составляетъ содержаніе тѣхъ же приказовъ и нормъ вмѣстѣ съ содержаніемъ регулируемыхъ ими отношеній. Теоретическое изученіе права имѣетъ дѣло съ правомъ во всей его цѣлости, обнимаетъ собою формальный и матеріальный моменты, къ которымъ одинаково близко стоитъ и практика права. Оба указанныхъ момента въ правѣ отдѣляются другъ отъ друга только логически, въ дѣйствительности же они тѣсно соединены.

Обращаясь къ формальному моменту права, Гамбаровъ указываетъ, какъ на формальную основу права, на идею правила или нормы, обязательной для подчиненныхъ ей лицъ и предписанной властью. Право является въ формальномъ смыслѣ необходимо обнаруженіемъ воли, такъ какъ только воля можетъ приказывать и запрещать, связывать и предоставлять. Но эта воля ни общая, народная или государственная воля. Право возникаетъ не только въ народѣ или государствѣ, но и въ автономныхъ общинахъ, въ церкви, въ семейныхъ союзахъ, корпораціяхъ и другихъ общественныхъ аггрегаціяхъ. Въ государствѣ, которое возникаетъ въ нихъ, оно не единственный также источникъ права. Правовое общеніе составляется изъ массы его членовъ, достаточно сильной для того, чтобы создать своими нормами рѣшающіе мотивы для поведенія всѣхъ лицъ, которыя входятъ въ его составъ. Гамбаровъ вооружается противъ отождествленія воли съ правомъ; противъ него говорятъ многочисленныя всюду нормы, устанавливаемыя въ интересахъ одного класса противъ другого, на мѣстные обычаи, право юристовъ и другіе источники права. Въ государственной волѣ иногда выражаются такія дѣйствія, которыя мало имѣютъ общаго съ правомъ; таковы: объявленіе войны, фабрикація государствомъ спирту, табаку и проч. Русскій профессоръ хорошо выясняетъ принятое современной юридической наукой воззрѣніе о самоограниченіи воли, создающей правовыя нормы. Всякое обязываніе есть подчиненіе воли того или другого лица извѣстнымъ мотивамъ въ большей степени, чѣмъ всѣмъ остальнымъ. Для акта обязыванія безразлично, отъ кого бы не исходили опредѣляющіе

волю мотивы, отъ посторонняго ли лица или отъ самого обязывающаго. Отрицать возможность наложенія на себя обязанности государственною властью, которая устанавливаетъ право, значитъ въ сущности отрицать опредѣляемость воли ея мотивами.

Кромѣ этихъ логическихъ доказательствъ правильности положенія о самоограниченіи воли, творящей право, Гамбаровъ приводитъ рядъ не менѣе убѣдительныхъ историческихъ доказательствъ, явленій права, заключающихъ въ себѣ несомнѣнное *самоограниченіе* государственной власти. Таковы случаи призыва абсолютнымъ монархомъ своего народа къ участію въ законодательствѣ, когда монархъ самъ ограничиваетъ свою власть въ пользу народа. Самоограниченіе государственной власти выражается въ индивидуальныхъ правахъ личности, признаваемыхъ государствомъ, положеніи о согласномъ съ конституціей государства изданіи законовъ, о недопустимости ихъ обратнаго дѣйствія, о ненарушимости такъ называемыхъ пріобрѣтенныхъ правъ, о несмѣняемости судей. Такъ называемое vacatio legis въ изданіи законовъ лежитъ между моментомъ подписанія закона, обязательнаго въ это время только для законодателя, и обнародованіемъ закона, который становится съ этого момента обязательнымъ для всѣхъ гражданъ. Все понятіе конституціоннаго, государственнаго права, какъ и самое понятіе „правоваго государства“ основывается на убѣжденіи, что власть дѣйствуетъ въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ правомъ границахъ.

Воля, устанавливающая право, принимаетъ въ исторіи самыя разнообразныя формы. Есть, однако, возможность въ ихъ многообразіи подмѣтить два типическихъ способа обнаруженія правообразующей воли. Первый состоитъ въ творческомъ судебномъ рѣшеніи, не только примѣняющемъ, но и создающемъ право въ то время, когда судебное рѣшеніе примѣняетъ его. Гамбаровъ вмѣстѣ съ многими другими учеными утверждаетъ, что судебныя рѣшенія представляютъ собою первую, наиболѣе раннюю форму права сравнительно съ общими нормами закона. Едва ли, однако, это мнѣніе можетъ быть признано основательнымъ, въ виду того факта, что право въ смыслѣ общеобязательнаго правила обще-

ственныхъ отношеній появляется въ обществѣ въ первый же моментъ его возникновенія и несомнѣнно ранѣе нарушеній права и разбора споровъ судьями. Если же судьи у древнихъ, напримѣръ, грековъ и римлянъ и имѣли такое выдающееся значеніе въ дѣлѣ созданія права, то это объясняется особенною нуждою первоначальнаго общества въ безопасности для каждаго его члена и защитѣ отъ нападеній на него, нарушеній неприкосновенности личности и имущества. На раннее появленіе законовъ въ обществѣ указываютъ общеизвѣстныя имена законодателей въ каждомъ изъ восточныхъ и античныхъ государствъ, какъ и въ первоначальныхъ германскихъ и славянскихъ законодательствахъ. Только въ болѣе позднюю историческую эпоху мы встрѣчаемся съ фактами, указываемыми и Гамбаровымъ, наиболѣе цѣлесообразнаго, взаимнаго отношенія между закономъ и судебными рѣшеніями: послѣднія являются примѣненіемъ закона къ жизни, хотя попрежнему въ рѣшеніяхъ судьи остается извѣстная доля участія въ образованіи права. Мы можемъ указать въ этомъ случаѣ не столько на упоминаемое Гамбаровымъ обычное подведеніе судьею извѣстнаго спорнаго случая подъ норму закона и авторитетнаго отсюда установленія субъективнаго права или отказа въ немъ, которое на самомъ дѣлѣ было или нѣтъ ранѣе судебнаго рѣшенія: въ нашихъ глазахъ болѣе рѣшающее значеніе имѣетъ роль судьи въ такъ называемомъ толкованіи судьей законовъ, особенно же по аналогіи, когда судья прямо играетъ роль творческаго фактора въ образованіи права. Мы не можемъ также согласиться съ Гамбаровымъ, что въ первомъ, указанномъ имъ случаѣ примѣненія закона судебное рѣшеніе выше закона въ смыслѣ практическаго регулированія жизни, которое, по его словамъ, обходится долго въ исторіи безъ закона, но не обходится безъ судебнаго рѣшенія. Вѣдь, нужно же возникнуть праву прежде, чѣмъ о немъ начнется споръ между двумя заинтересованными лицами, кто бы они ни были. А что такое предварительное возникновеніе права предшествовало судебному рѣшенію всякихъ о немъ судебныхъ споровъ и рѣшеній, это доказывается древнѣйшими памятниками законодательства въ глубокой древности, гдѣ опредѣленія права были неразрывно свя-

заны съ религіозно-нравственными воззрѣніями восточныхъ и античныхъ народовъ.

Гамбаровъ дѣлаетъ два важныхъ вывода изъ всего, что онъ сказалъ пока о формальномъ элементѣ въ правѣ: 1) что обнаруженія воли въ формѣ права исходятъ отъ внѣшней власти и 2) опредѣляютъ дѣйствія людей независимо отъ согласія тѣхъ, кто имъ подчиняется въ качествѣ ихъ мотива. Первая черта права выражается въ отличіи права отъ нравственности и религіи, второй чертой право отличается отъ условныхъ или конвенціональныхъ нормъ. Обращаясь къ первому вопросу, который имѣетъ такое большое значеніе въ общей теоріи права, Гамбаровъ замѣчаетъ, что религіозныя и нравственныя нормы опираются на авторитетѣ внутренняго убѣжденія лицъ, имъ слѣдующихъ, въ истинности ученій религіозныхъ и нравственныхъ и что отъ нормъ того и другого рода образуются и соотвѣтствующія чувства, религіозныя и нравственныя, вытекающія исторически изъ религіознаго и нравственнаго порядковъ жизни. Критерій религіи и нравственности лежитъ въ внутреннемъ согласіи и убѣжденномъ слѣдованіи религіознымъ и нравственнымъ нормамъ. Напротивъ, нормы права не предъявляютъ къ людямъ такихъ высокихъ требованій. Ихъ осуществленіе не зависитъ отъ внутреннихъ побужденій лицъ, можетъ обусловливаться и своекорыстными мотивами, личной выгодой, страхомъ наказанія и проч. Центръ тяжести права—внѣшній авторитетъ власти, требующей внѣшняго повиновенія независимо отъ его мотивовъ. Къ этому отличію права отъ религіи и морали Гамбаровъ присоединяетъ разборъ возраженія, что право отличается характеромъ организованной, а нравственность неорганизованной защиты.

Въ разборѣ этого возраженія Гамбаровымъ характерно то, что опровергая его профессоръ тѣмъ самымъ опровергаетъ и свой собственный взглядъ на право, какъ организованную защиту отношеній. Теперь Гамбаровъ самъ замѣчаетъ, что признакъ организованной защиты не составляетъ особенности права: организовывать значитъ объединять многихъ въ подчиненіи извѣстнымъ общимъ правиламъ; а съ такого рода правилами мы встрѣчаемся

одинаково въ области какъ права, такъ и религіи, нравственности и нравовъ. Таковы посты, религіозные обряды, обязательный "на чаекъ", дуэли, общества разбойниковъ и, прибавимъ мы, особенно предписанія моды, которымъ обыкновенно слѣдуютъ рабски цѣлые классы общества. Во всѣхъ такого рода опредѣленныхъ и строго обязательныхъ правилахъ нѣтъ, однако, элементовъ права, хотя во многихъ случаяхъ первыя дѣйствуютъ много энергичнѣе юридическихъ нормъ. Такъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ строго осуждаются браки между бѣлыми и неграми, въ Индіи—англичанами и туземцами, въ Европѣ, прибавимъ мы, такъ называемые мезальянсы,—браки между членами аристократическаго класса и крестьянами. Можно было бы къ этимъ примѣрамъ присоединить десятки другихъ фактовъ изъ области обычаевъ, которымъ люди подчиняются больше, чѣмъ правовымъ нормамъ. Но изъ уже приведенныхъ примѣровъ можно вывести заключеніе, подтверждающее наши соображенія (см. выше) о неопредѣленности и неправильности присвоенія праву въ качествѣ его общаго признака организованной защиты. Опредѣленіе права въ этомъ видѣ, усердно распространяемое въ русской литературѣ профессорами Муромцевымъ и Гамбаровымъ, не выигрываетъ въ своей основательности оттого, что послѣдній хочетъ поправить явную неправильность такого опредѣленія особой оговоркой и добавленіемъ. Гамбаровъ замѣчаетъ именно, что праву, въ его современномъ, развитомъ состояніи свойственна *особая форма организаціи,* которую мы не находимъ ни въ области нравственныхъ и религіозныхъ явленій, ни въ области нравовъ. Она состоитъ въ установленномъ напередъ порядкѣ участія строго опредѣленныхъ органовъ общественной власти въ созданіи и примѣненіи права. Къ этимъ своимъ словамъ Гамбаровъ спѣшитъ прибавить, что подобная форма организаціи свойственна лишь высшимъ ступенямъ развитія, такъ что значитъ для низшихъ его ступеней этотъ признакъ права непригоденъ и поэтому долженъ быть совсѣмъ выброшенъ изъ общихъ признаковъ права, одинаковыхъ для всѣхъ ступеней его развитія. Болѣе подробное разсмотрѣніе отношенія права къ религіи и морали Гамбаровъ откладываетъ до

изложенія вопроса о матеріальномъ моментѣ права. Отложимъ пока и мы свои соображенія по поводу высказанныхъ редакторомъ „Сборника“ воззрѣній на этотъ вопросъ.

Гамбаровъ, слѣдуя Штаммлеру, называетъ конвенціональными нормами тѣ, которыхъ обязательная сила коренится въ *согласіи* съ нимъ каждаго, кто ихъ исполняетъ. Таковы, напримѣръ, требованія приличія, этикета, различныя формы общественнаго обихода, моды, правила чести и т. д. Конвенціональныя нормы, подобно юридическимъ, представляютъ собою только внѣшнее регулированіе человѣческихъ дѣйствій, основанное на авторитетѣ внѣшней для подчиняющихся имъ власти. Условныя требованія приличія независимы отъ внутренняго настроенія или убѣжденія лица, которое имъ подчиняется. Конвенціональныя нормы на столько сходны съ юридическими касательно общаго содержанія, дѣйствія и признака принужденія у источника власти, что трудно отличить ихъ другъ отъ друга. Различіе между ними можетъ быть установлено лишь такимъ образомъ, что юридическія нормы имѣютъ силу обязательныхъ приказовъ, которые стоятъ независимо отъ согласія или признанія лица, которое подчиняется имъ. Конвенціональныя нормы дѣйствуютъ только при согласіи на нихъ или признаніи ихъ со стороны лица, имъ подчиняющагося. Ослушаніе имъ прекращаетъ обязательность конвенціональныхъ нормъ. Наоборотъ, юридическія нормы предписываютъ намъ правила поведенія, независимо отъ нашей воли. И послѣ ихъ нарушенія обязательность юридическихъ нормъ для насъ не прекращается. Поэтому-то и нельзя сводить право на „признаніе“ его со стороны подчиненныхъ ему лицъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, Бирлингъ, Биндингъ, Тонъ и др.

Гамбаровъ старается установить довольно трудно проводимое различіе между правомъ и произволомъ, вслѣдствіе постоянной измѣнчивости содержанія нормъ, одинаковаго источника происхожденія и послѣдствій того и другого. По взгляду профессора, норма носитъ форму произвола, когда она связываетъ только тѣхъ, кто ей долженъ повиноваться, но необязательна для власти, которая устанавливаетъ. Право же, наоборотъ, связываетъ оди-

наково обѣ стороны; его обязательность одна и таже для той и другой. Отсюда юридическія нормы Гамбаровъ называетъ двухсторонними, нормы же произвола—односторонними. Первыя неприкосновенны для власти и лицъ, для которыхъ онѣ установлены, впредь до замѣны ихъ другими. Нормы произвола могутъ быть нарушены постоянно властью, отъ которой онѣ исходятъ.

Установленное Гамбаровымъ разграниченіе понятія права съ религіозными, нравственными, конвенціональными нормами, а также и нормами произвола даетъ ему основаніе установить формальное понятіе права въ смыслѣ совокупности нормъ, признанныхъ обязательными для власти, которая ихъ издаетъ. Оставляя пока въ сторонѣ это формальное понятіе права, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу воззрѣнія Гамбарова на отличіе нормъ юридическихъ отъ конвенціональныхъ, особенно же отъ нормъ произвола. Согласіе или несогласіе лицъ, къ которымъ примѣняются конвенціональныя нормы, не можетъ служить отличительнымъ признакомъ, достаточнымъ для выдѣленія ихъ въ особую, самостоятельную группу общественныхъ правилъ. Дѣло въ томъ, что обычаи, требованія приличія, чести, особенно же мода такъ властно господствуютъ надъ всѣми людьми, что рѣдкіе изъ нихъ позволяютъ себѣ уклоняться отъ подчиненія всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ такого рода правилъ. Ослушаніе обычаямъ, требованіямъ приличія, правиламъ чести обыкновенно влечетъ за собою для неповинующихся имъ послѣдствія, не менѣе тяжкія, какъ и нарушеніе многихъ юридическихъ нормъ. Какъ, напримѣръ, мы не относились бы презрительно къ общественному мнѣнію, которое выражаетъ взглядъ на наше поведеніе извѣстнаго круга лицъ, даже недостойныхъ уваженія, все-таки, мы не въ состояніи совершенно бравировать ими и вести себя наперекоръ согласно выражаемому мнѣнію людей своего или даже чужого круга. Конечно, насъ не могутъ принудить сообразоваться съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ не принуждаютъ непремѣнно выполнить всѣ нормы права. Но въ то же время требованія общественнаго мнѣнія не менѣе повелительны, какъ и многія нормы права. Справедливо поэтому замѣчаетъ самъ Гамбаровъ, что къ

конвенціональнымъ нормамъ примѣнимы также особыя мѣры принужденія (осужденіе, остракизмъ и т. п.), которое въ то же время не составляетъ существенной черты права. Мы думаемъ, что признаніе или согласіе также мало служитъ общею, главною чертою нормъ конвенціональныхъ, какъ и юридическихъ. Происхожденіе обоего рода правилъ лежитъ въ условіяхъ, лежащихъ внѣ нашей воли, и обыкновенно конвенціональныя нормы переходятъ въ юридическія и наоборотъ возможны случаи, когда устарѣвшія нормы права, выходя изъ употребленія, оставляютъ послѣ себя долго сохранающійся обычай.

Трудно также согласиться съ взглядомъ Гамбарова на отличіе нормъ права отъ нормъ произвола. Прежде всего, намъ кажется неподходящимъ примѣненіе къ понятію произвола названія нормы: произволъ—ничѣмъ не мотивированный, случайный, прихотливый актъ человѣческой дѣятельности—исключаетъ понятіе обязательности не только для власти, но и подчиненныхъ ей въ данномъ случаѣ лицъ. По крайней мѣрѣ, послѣднія повинуются произвольнымъ распоряженіямъ деспота изъ-за убѣжденія въ божественномъ происхожденіи его власти или же страха предъ насиліемъ. Въ первомъ случаѣ скорѣе даже можно говорить о религіозно-моральныхъ нормахъ, которыя по Гамбарову сходны съ нормами произвола: религіозныя предписанія также связываютъ только подчиненныхъ имъ лицъ, но не власть (Божество), ихъ устанавливающую. Поэтому религіозно-моральныя правила носятъ, какъ и нормы произвола у Гамбарова, односторонній характеръ въ отличіе отъ юридическихъ нормъ съ ихъ двухстороннимъ характеромъ. Такимъ образомъ, нормы произвола въ опредѣленіи Гамбарова ничѣмъ не отличаются отъ религіозно-нравственныхъ предписаній, не смотря на то, что послѣднія всегда характеризуются ихъ безусловною, непоколебимой авторитетностью, исключающею всякое сомнѣніе въ произволѣ.

Теперь Гамбаровъ переходитъ къ послѣднему признаку въ формальномъ понятіи права—принужденію. Надо отдать честь почетному профессору за то, что онъ въ этомъ вопросѣ рѣзко расходится съ господствующими до сихъ поръ въ наукѣ права

взглядами на принужденіе, какъ существенный элементъ въ понятіи права: Гамбаровъ идетъ въ этомъ случаѣ противъ ученія Іеринга, къ которому онъ примыкаетъ во многихъ случаяхъ, и даетъ обстоятельный разборъ взгляда на принужденіе въ правѣ. Отвергая совершенно мысль о психическомъ и наличномъ принужденіи во всякой нормѣ права, Гамбаровъ говоритъ только о возможности принужденія, которое проявляется въ тяжелыхъ юридическихъ послѣдствіяхъ правонарушеній. Гамбаровъ приводитъ вѣскія возраженія противъ включенія въ понятіе права принужденія, которое, между прочимъ, совершенно отсутствуетъ въ цѣломъ рядѣ юридическихъ нормъ. Таковы, напримѣръ, нормы международнаго права, правила монетнаго обращенія, почтовыхъ сношеній, избирательныя права, индивидуальныя права свободы, октроированныя монархомъ гражданамъ права и всѣ вообще нормы, заключающія въ себѣ самоограниченіе государственной власти.

Отрицательное отношеніе Гамбарова къ ученію о принудительности въ правѣ даетъ ему основаніе для различія въ области юридической жизни общества между санкціонированнымъ принужденіемъ правомъ и несанкціонированнымъ. Сущность юридической нормы по Гамбарову заключается въ ея способности дѣйствовать, въ качествѣ мотива, на человѣческую волю. Но и всякая другая норма человѣческаго поведенія, помимо права, тоже предполагаетъ мотивацію, такъ что не въ ней надо искать отличительный признакъ права въ формальномъ смыслѣ. Болѣе правильной его чертою въ этомъ отношеніи нужно считать внѣшнюю обязательность нормъ права для обѣихъ сторонъ—власти, источника права—и гражданъ, которые подчиняются юридическимъ нормамъ. Такой обязательный характеръ право имѣетъ независимо отъ принужденія, которое усиливаетъ мотивацію человѣческихъ дѣйствій въ правѣ. Принужденіе соединяется съ правомъ преимущественно въ областяхъ гражданскаго и уголовнаго права и, прибавимъ мы, также процессуальнаго права, чѣмъ и объясняется заблужденіе юристовъ, что принужденіе—существенный элементъ въ понятіи права. Отъ это рода права, которое Гамбаровъ называетъ принудительно—

санкціонированнымъ правомъ отличается право, въ которомъ нѣтъ санкціи-принужденія; это—естественное, раціональное, идеальное право—названія, котораго Гамбаровъ совершенно правильно отвергаетъ вслѣдствіе ихъ неточности, неопредѣленности и утопичности.

Теперь Гамбаровъ переходитъ къ вопросу о матеріальномъ моментѣ права, его содержаніи въ отличіе отъ формальнаго момента—приказа, отличнаго отъ санкціи закона. Только въ абсолютныхъ монархіяхъ и демократіяхъ оба элемента—приказъ и содержаніе соединены въ одномъ и томъ же актѣ неограниченной власти. Приказъ и содержаніе на самомъ дѣлѣ составляютъ двѣ стороны одного и того же нераздѣльнаго понятія, въ которомъ приказъ отвѣчаетъ на вопросъ—какъ,—а содержаніе на вопросъ—что и почему. Гамбаровъ отмѣчаетъ всю односторонность господствующаго въ современномъ правовѣдѣніи формальнаго направленія, которое крайне съуживаетъ изученіе содержанія въ правѣ. Указывая на неустранимыя возраженія, вытекающія изъ сосредоточенія юридической мысли на формѣ права, Гамбаровъ замѣчаетъ, что здѣсь нужно искать причину отсталости современной науки права, особенно въ Германіи; формальное направленіе не считается вовсе съ фактическими отношеніями жизни, которыя и составляютъ содержаніе права. Потребности и интересы даннаго мѣста и времени объясняютъ тотъ фактъ, что тѣ или другіе институты права въ обществѣ носятъ тотъ или другой характеръ. Вполнѣ присоединяемся къ вѣрному замѣчанію Гамбарова на опасность культа логики въ правѣ, которымъ подмѣниваются реальныя силы, управляющія правомъ. Въ существѣ права, какъ историческаго образованія, лежатъ разнообразіе, подвижность и измѣнчивость. Право—продуктъ исторіи; природа не даетъ человѣку понятій о бракѣ, собственности, государствѣ. Практическому и историческому характеру юридическихъ понятій и нормъ противорѣчитъ теорія о врожденныхъ человѣческой природѣ правахъ. Гамбаровъ думаетъ, что ссылка на природу человѣка приводитъ или къ ея элементарнымъ свойствамъ и общимъ мѣстамъ, въ родѣ указаній на эгоизмъ, альтруизмъ и другія качества, немогущія сами по себѣ служить основаніемъ ни для какого права, или же

къ столь колеблющимся и измѣняющимся въ исторіи положеніямъ, какъ и всѣ остальныя нормы права. Очевидно, что почтенный профессоръ имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду теорію врожденныхъ правъ, выводимую изъ единства природы у всѣхъ людей: это единство, однако, заставляетъ ученыхъ признавать извѣстныя общія всѣмъ людямъ, основныя наклонности—эгоистическую и альтруистическую—источникомъ не только права, но еще и морали и всей общественной жизни людей. Но это необходимое признаніе общности ихъ природныхъ свойствъ нисколько не мѣшаетъ разнообразію общественныхъ формъ, въ которыхъ они проявляются у людей, также какъ и такому же разнообразію юридическихъ учрежденій у разныхъ народовъ въ различныя историческія эпохи ихъ жизни. Гамбаровъ критически относится и къ опредѣленію Іерингомъ права, какъ совокупности жизненныхъ условій, обезпеченныхъ внѣшнимъ принужденіемъ: право—обезпеченіе этихъ жизненныхъ условій. Жизненныя условія измѣняются въ условіяхъ времени и мѣста и мы не имѣемъ здѣсь объективнаго примѣра для опредѣленія этихъ условій. Нерѣдко интересы отдѣльныхъ лицъ и классовъ нарушаются для удовлетворенія какой-либо мимолетной потребности. Исторія доказываетъ, что обезпечиваются интересы не всего общества, а классовъ, которые распоряжаются его законодательными функціями. Этотъ взглядъ на право, какъ на продуктъ опыта, исторіи и окружающей среды пользуется теперь общимъ признаніемъ и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ теоріей эволюціи, освященной въ области права Савиньи. Тѣмъ поразительнѣе господствующій еще въ современной юриспруденціи формализмъ, освобожденіе отъ котораго предпринято Іерингомъ и проникаетъ въ самыя закоренѣлыя въ формализмѣ области, какъ напримѣръ, ученіе о толкованіи закона.

Отношенія, регулируемыя правомъ, не принадлежатъ, продолжаетъ авторъ, только къ области права. Они опредѣляются также религіозными, нравственными и конвенціональными нормами. Гамбаровъ отказывается различать право, нравственность и религію на основанія содержанія ихъ нормъ и приводитъ длинный рядъ примѣровъ измѣнчивости содержанія права въ исторіи съ перемѣ-

ной мѣста, времени. Содержаніе права устанавливается не a priori, а опытнымъ путемъ. Отъ всѣхъ другихъ способовъ регулированія общественныхъ отношеній право отличается одними формальными признаками. Но право не можетъ быть правильно понято и оцѣнено, если оно не разсматривается въ постоянной связи со всѣми культурными и хозяйственными отношеніями того или другого времени. Право не есть что-либо отличное отъ соціальной жизни, отъ которой оно не отдѣлимо. Отсюда объясняется тѣсная связь и зависимость правовѣдѣнія отъ соціологіи вообще и другихъ спеціальныхъ общественныхъ наукъ.

Въ послѣднихъ трехъ §§ второго отдѣла своей статьи Гамбуровъ касается также нѣкоторыхъ важныхъ въ современной юриспруденціи вопросовъ, относительно рѣшенія которыхъ высказываетъ вѣскіе и основательные соображенія и выводы. Такъ сначала Гамбаровъ подводитъ итогъ разсужденіямъ о формальномъ и матеріальномъ элементѣ въ правѣ, говоритъ о выраженіи права въ жизни въ формахъ примитивныхъ организацій закона, санкціи общественнаго сознанія и санкція принужденія. Опредѣляя право въ субъективномъ смыслѣ, авторъ касается отношенія его къ объективному праву, разсматриваетъ интересный вопросъ объ отношеніи права и обязанности въ правѣ, вооружается противъ господствующаго взгляда, выводящаго субъективныя права изъ обязанностей. Гамбаровъ дѣлаетъ по этому поводу прекрасное замѣчаніе, что подобное представленіе о правѣ обращаетъ его въ какой-то рядъ каторги, гдѣ все основано на принужденіи. Если всякій законъ приноситъ съ собой на первомъ планѣ обязанности, то гдѣ, спрашиваетъ авторъ, дышать человѣку въ области права? Если всегда царитъ обязанность, то гдѣ же будетъ право? Слѣдуетъ полагать, что времена, въ которыя обязанности преобладали надъ правами, предшествовали у здоровыхъ народовъ взрывамъ революціи. Право, состоящее изъ однихъ только императивовъ, можетъ повести къ отрицанію субъективнаго права. Неправильно и мнѣніе, по которому субъективное право, въ смыслѣ индивидуальной свободы, появилось ранѣе объективнаго права,—

взглядъ принадлежащій школѣ естественнаго права. Исторія доказываетъ одновременность установленія объективнаго и субъективнаго права. Для настоящаго же времени нужно утверждать пріоритетъ перваго предъ послѣднимъ: объективное право мыслимо безъ связи съ субъективнымъ правомъ, которое однако не мыслимо безъ отношенія къ праву въ объективномъ смыслѣ.

Обращаясь къ опредѣленію субъективнаго права, Гамбаровъ готовъ принять опредѣленіе Іерингомъ права въ смыслѣ юридически защищеннаго интереса, но только съ необходимою поправкою. Если вообще трудно опредѣлять право со стороны его содержанія, то опредѣленіе субъективнаго права въ смыслѣ Іеринга необходимо дополнить такимъ образомъ, чтобы инпціатива защиты была предоставлена самому защищенному субъекту. Признаніе въ этомъ случаѣ воли, имѣющей своимъ содержаніемъ извѣстный интересъ, можетъ вызвать то индивидуализированіе права и прикрѣпленіе его къ отдѣльному лицу, которое такъ характерно для субъективнаго права. Не всѣ интересы пользуются защитой и ведутъ къ праву, точно также, какъ не всѣ интересы, получающіе даже защиту права, представляютъ собою субъективныя права. По мнѣнію Гамбарова, интересъ превращается въ субъективное право только тогда, когда защита его опредѣляется индивидуальной волей, которая получаетъ въ свое распоряженіе необходимыя средства для осуществленія защиты. Мы думаемъ, что почтенный профессоръ упустилъ изъ виду еще одинъ моментъ, важный при превращеніи интереса въ субъективное право, — это общественное значеніе интереса, заставляющее признать необходимымъ юридическое его опредѣленіе и обезпечивающее защиту лицу, классу общества или всему обществу, интересы которыхъ сдѣлались субъективными ихъ правами.

Въ заключеніе своей статьи Гамбаровъ даетъ опредѣленіе права, въ которомъ заключаются формальный и матеріальный его элементы. „Правомъ, по его словамъ, будетъ практическое регулированіе общественной жизни съ цѣлью обезпеченнаго удовлетворенія человѣческихъ потребностей путемъ установленія и осуществленія внѣшне обязательныхъ, независящихъ отъ воли подчиненныхъ

лицъ и неприкосновенныхъ до своей отмѣны, нормъ человѣческаго поведенія". Въ этомъ слишкомъ длинномъ опредѣленіи права можно безъ всякаго ущерба для сущности самого опредѣленія выбросить всю вторую его половину, начиная съ слова „путемъ": и безъ того понятно, что право—правило человѣческаго поведенія въ обществѣ, почему оно и отличается общеобязательнымъ характеромъ. Включить это указаніе на право, какъ общеобязательную норму общественныхъ отношеній въ опредѣленіе права, можно только видоизмѣнивши нѣсколько опредѣленіе права у Гамбарова. Право—нормы, регулирующія внѣшнія, общественныя отношенія людей съ цѣлью удовлетворенія человѣческихъ потребностей.— Таково опредѣленіе права, въ которомъ находятся оба необходимые его элементы, формальный и матеріальный. Самъ Гамбаровъ спѣшитъ оговориться на счетъ сомнѣній, возможныхъ у читателя при названіи права нормами, независящими отъ волей отдѣльныхъ лицъ и неприкосновенными до своей отмѣны, доказываетъ неизбѣжность не только измѣненій, но и нарушеній въ правѣ. Послѣднія слова въ интересной статьѣ профессора Гамбарова относятся къ вопросу о гарантіяхъ права противъ нарушенія его со стороны законодателя и другихъ органовъ власти. Этими гарантіями служатъ индивидуальныя права свободы и обезпечивающее эти послѣднія общественное сознаніе о правѣ.

Мы остановились довольно долго на разборѣ статьи Гамбарова въ виду особеннаго ея научнаго интереса. Въ сборникѣ есть еще статьи проф. Новгородцева, Булгакова и Горбунова по общимъ вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. За невозможностью излагать и разбирать содержаніе этихъ статей, какъ это мы дѣлали съ статьями проф. Ковалевскаго и Гамбарова, мы ограничимся краткимъ изложеніемъ съ нѣкоторыми примѣчаніями по поводу тѣхъ или другихъ взглядовъ, которые высказываютъ названные авторы статей. Изъ нихъ проф. Новгородцевъ взялъ темой своей статьи одинъ изъ важныхъ вопросовъ въ общей теоріи права—о соотношеніи между правомъ и нравственностью новгородцевъ исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ элементарныхъ оксіомъ—потребности въ общеніи людей и противорѣчія ихъ частныхъ стрем-

леній. Право и мораль—силы, которыя предназначены умиротворять противорѣчивыя общественныя стремленія, поддерживать общеніе между людьми, вносить миръ и порядокъ въ ихъ взаимныя отношенія, противопоставлять эгоизму частныхъ стремленій интересы общаго блага и требованія справедливости. Новгородцевъ ставитъ задачей своей статьи указать причины обособленія права и нравственности и вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснить ихъ непрекращающуюся связь. Сначала онъ останавливается на чертахъ различія права отъ морали. Новгородцевъ принимаетъ взглядъ на право, какъ minimum требованій, предъявляемыхъ обществомъ къ лицу, интересамъ и стремленіяхъ котораго право даетъ извѣстный просторъ и даже въ ихъ эгоистическомъ и своекорыстномъ проявленіи. Нравственность представляетъ собою воплощеніе альтруистическихъ началъ. Отсюда авторъ выводитъ двѣ черты различія между правомъ и моралью, изъ которыхъ первое отличается точностью и ограниченностью своихъ предписаній, а вторая вмѣняетъ въ обязанность также и добрыя чувства, а не одни лишь внѣшнія дѣйствія. Послѣ этого общепризнаннаго замѣчанія о различіи между правомъ и моралью Новгородцевъ говоритъ, что право принимаетъ во вниманіе внутренніе мотивы не при исполненіи, а при нарушеніи закона. Очевидно, что молодой ученый разумѣетъ въ послѣднемъ случаѣ преступныя дѣйствія, правонарушенія въ частногражданской и публичной жизни; но онъ забываетъ, что и при нормальныхъ условіяхъ въ юридической жизни общества внутренніе мотивы тоже принимаются во вниманіе, являются даже необходимымъ условіемъ юридическаго характера извѣстныхъ дѣйствій. Такъ именно поступаютъ при совершеніи различныхъ юридическихъ сдѣлокъ (купли, продажи, займа, найма и проч.), для дѣйствительности которыхъ требуется наличность воли, свободной отъ воздѣйствія со внѣ разныхъ аффектовъ (гнѣва, страха, ошибки и др.).

Новгородцевъ указываетъ на свойственное примитивному быту общества сліяніе всѣхъ элементовъ его жизни и въ томъ числѣ и права съ моралью, но, объясняя этотъ фактъ, говоритъ лишь объ одной формѣ первобытнаго общества, гдѣ господствуютъ пат-

ріархальныя отношенія съ безграничною властью и произволомъ патріарховъ. Тѣ же формы первоначальной жизни, при которыхъ нѣтъ такой могущественной власти у главъ семей, гдѣ матери пользовались большимъ авторитетомъ и отношенія между членами семьи отличаются мягкостью, забыты авторомъ. Въ такого рода обществахъ нѣтъ и принудительнаго характера какъ у права, такъ и морали, какъ это утверждаетъ Новгородцевъ.

Авторъ указываетъ совершенно вѣрно на тѣ условія, которыя вызываютъ обособленіе другъ отъ друга нравственности и права, при которомъ они однако не утрачиваютъ необходимой связи. Изъ общей массы этическихъ нормъ одна часть ихъ, которая опредѣляетъ самыя основныя условія общежитія и требуетъ усиленнаго надзора со стороны общества, обособляется въ видѣ спеціально юридической области; другая же часть выдѣляется въ особую группу подъ именемъ нравственныхъ нормъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Обособленіе нравственности отъ права обусловливается развитіемъ личности, когда пробудившееся индивидуальное сознаніе отказывается слѣдовать во всемъ принудительному руководству общества и требуетъ для своей духовной жизни свободы убѣжденій и дѣйствій. Новгородцевъ указываетъ моментъ, когда право по необходимости становится въ извѣстное противорѣчіе съ началомъ нравственной свободы и способствуетъ его обособленію отъ морали. Первый шагъ къ этому установленіе правилъ, точно и подробно опредѣляющихъ отношенія отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу и обществу и устои всей общественной жизни. Нравственныя заповѣди не должны связывать свободы человѣка мелочными и подробными опредѣленіями его дѣйствій, ни тѣмъ болѣе навязываться ему при посредствѣ актовъ принужденія и насилія. Онѣ должны руководить лишь его свободной дѣятельностью. Право же, предназначенное для того, чтобы создавать надежную почву для разрѣшенія споровъ, должно установить опредѣленныя нормы и быть безспорнымъ. Государственная власть охраняетъ право силой организованнаго принужденія (угрозъ, содержащихся въ законахъ и наказаній за ихъ неисполненіе). Необходимость обособленія права отъ нравственности появляется съ пріобрѣтеніемъ имъ положитель-

наго и принудительнаго характера. Принужденіе въ области морали вызываетъ лицемѣріе для слабыхъ и мученичество для сильныхъ. Конечно, психическое принужденіе неизбѣжно и въ области нравственности: общественное мнѣніе воздѣйствуетъ, наприм., на нравственное настроеніе отдѣльныхъ лицъ съ неизбѣжной необходимостью. Но во всякомъ случаѣ важно, чтобы вліяніе общественнаго мнѣнія не принимало характера прямого принужденія къ исполненію нравственныхъ предписаній, для котораго требуется свобода личности. Новгородцевъ указываетъ общіе признаки различія права отъ морали. Къ праву относятся нормы, которыя запрещаютъ вторгаться въ сферу частныхъ правъ и нарушать частную свободу, къ области морали — высшія этическія требованія, которыя не являются необходимыми условіями сожитія лицъ, хотя они и необходимы для полноты ихъ нравственнаго общенія. Нравственность по сравненію съ правомъ, представляетъ собою высшій размѣръ требованій, предъявляемыхъ къ лицу. Поэтому она и должна быть свободнымъ идеаломъ человѣческой дѣятельности. Право, въ которомъ выражаются элементарныя и настоятельныя требованія общественной жизни, должно быть принудительной мѣрой, осуществляемой всѣми одинаково.

Въ заключеніе своей статьи Новгородцевъ выясняетъ естественную связь, взаимодѣйствіе права съ нравственностью. Право, говоритъ онъ, есть результатъ борьбы различныхъ общественныхъ силъ. Оно стремится примирить различные общественные элементы, вмѣстѣ съ государствомъ возобладать надъ противоборствомъ общественныхъ стремленій. Поэтому право вноситъ принципъ ограниченія и уравненія въ взаимныя отношенія общественныхъ классовъ и частныхъ лицъ. Осуществленіе нравственныхъ началъ составляетъ существенную принадлежность права. Его главный элементъ — справедливость, какъ жизненный принципъ необходимаго уравненія общественныхъ силъ, безъ котораго немыслимо самое общеніе. Справедливость даетъ праву нравственный авторитетъ и обусловливаетъ его прочность, которая не поддерживается исключительно однимъ принужденіемъ, Особенно это нужно сказать про область публичнаго права, гдѣ къ юридическому элементу необ-

ходимо присоединяется нравственный. Этотъ этическій духъ публичнаго права не можетъ быть вызванъ законодательными предписаніями и принудительными мѣрами, а обусловливается наличностью въ обществѣ сознанія обязанности и чувства преданности общему дѣлу. Въ поддержкѣ нравственнаго сознанія нуждается и частное право, такъ что можно сказать, что при нормальныхъ условіяхъ все право основывается на нравственныхъ началахъ. Въ примѣненіи права къ практикѣ сказывается тоже воздѣйствіе нравственности на право.

Въ свою очередь и право имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для развитія нравственности. Въ развитіи культуры право вноситъ въ общественныя отношенія твердость и устойчивость, чѣмъ создается лучшая почва и для развитія нравственныхъ отношеній. Такимъ образомъ, право и нравственность и при отдѣленіи другъ отъ друга не утрачиваютъ своего взаимодѣйствія, которое съ теченіемъ времени скорѣе крѣпнетъ, нежели ослабляется.

Булгаковъ въ своей статьѣ: „Хозяйство и право“ разсматриваетъ взятый имъ научный вопросъ съ широкой точки зрѣнія— соціологической. Авторъ считаетъ одностороннимъ, ненаучнымъ ученіе о взаимодѣйствіи хозяйства и права, потому что въ итогѣ такого сопоставленія этихъ отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни является совершенная его произвольность. Вопросъ о взаимномъ отношеніи права и хозяйства—это вопросъ не юриспруденціи и не политической экономіи, а соціологическій. Разсматривая это послѣднее понятіе, Булгаковъ находитъ неправильнымъ взглядъ Штаммлера, который видитъ признакъ этого понятія въ правовомъ регулированіи. По мнѣнію самого Булгакова всѣ соціальныя явленія связываются единствомъ закономѣрности, причемъ общая соціальная закономѣрность не можетъ быть получена сложеніемъ частныхъ выводовъ отдѣльныхъ наукъ. Такимъ образомъ, теорія соотношенія хозяйства и права можетъ быть, по мнѣнію автора, только общимъ ученіемъ о соціальной жизни въ цѣломъ. Уже изъ этихъ общихъ разсужденій Булгакова можно заключить, что онъ придаетъ ограниченное значеніе экономическому элементу въ соціальной жизни, готовъ отождествить ее съ нимъ, подвести всѣ соці-

альныя явленія къ одному экономическому базису. Дальнѣйшія разсужденія Булгакова доказываютъ эту нашу мысль, обнаруживаютъ въ авторѣ горячаго сторонника соціальнаго матеріализма. Именно на почвѣ матеріалистическаго пониманія исторіи, связаннаго съ именами Маркса и Энгельса, Булгаковъ даетъ опредѣленія хозяйства и права. Принимая опредѣленіе права Іерингомъ, какъ организованной защиты общественныхъ отношеній, нашъ авторъ разумѣетъ подъ хозяйствомъ совокупность отношеній, возникающихъ между производителями въ общественномъ процессѣ производства. Но если можно сдѣлать вѣскія возраженія противъ взгляда на право Іеринга, которымъ не исчерпываются существенныя черты права, какъ культурнаго явленія въ обществѣ, то еще больше односторонности въ ограниченномъ представленіи Булгакова о народномъ хозяйствѣ, которое заключаетъ въ себѣ, кромѣ производства благъ, еще ихъ распредѣленіе въ обществѣ и потребленіе его членами. Неправильность понятій хозяйства и права у Булгакова ведетъ и къ такому же невѣрному опредѣленію ихъ взаимныхъ отношеній. Хозяйство—рядъ отношеній между производителями нуждается въ охранѣ, защитѣ ихъ правомъ, которое въ такомъ смыслѣ есть форма даннаго способа производства. Значитъ право не защищаетъ тотъ родъ экономическихъ отношеній, которыя состоятъ въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ между членами общества. Иначе говоря, праву вмѣстѣ съ его органомъ—государствомъ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ распредѣляются денежные капиталы, земля и ея продукты, предметы промышленности между различными классами общества, на сколько отъ правильнаго, справедливаго распредѣленія и потребленія благъ зависитъ благосостояніе всего общества и отдѣльныхъ его классовъ. Laissez faire... говоритъ имъ Булгаковъ, отстраняющій отъ экономической жизни въ важной ея части право и государство вопреки дѣйствительному ихъ вмѣшательству въ экономическую жизнь современнаго европейскаго общества въ интересахъ различныхъ его классовъ.—Булгаковъ старается оправдать экономическій матеріализмъ Маркса, въ которомъ онъ видитъ „единственное ученіе, удовлетворяющее основнымъ требованіямъ соціологическаго

познанія, разборомъ возраженій противъ взглядовъ Маркса. Булгаковъ думаетъ, что всѣ эти возраженія падаютъ предъ положеніемъ, что теорія Маркса одна только отвѣчаетъ общему современному міросозерцанію детерминизма, дарвинизма и эволюціонизма, пытается установить дѣйствительную соціальную закономѣрность. Не останавливаясь на такомъ, поспѣшномъ и преувеличенномъ признаніи Булгаковымъ за теоріей Маркса безусловной истины, мы только замѣтимъ, что уже миновала пора ортодоксальнаго марксизма, слѣпой вѣры въ него, какъ какое-же евангеліе. Теперь достаточно выяснена основная ошибка въ ученіи Маркса, выдвигающаго на сцену одну только экономическую сторону соціальной жизни въ качествѣ единственнаго ея базиса.

Нашъ ученый авторъ не хочетъ знать никакихъ возраженій противъ своего излюбленнаго ученія и продолжаетъ объяснять въ его духѣ соотношенія хозяйства съ правомъ, впадая въ неизбѣжныя ошибки. Такъ Булгаковъ объявляетъ право внѣшней оболочкой соціальнаго способа производства. Отъ измѣненій въ послѣднемъ зависятъ и измѣненія въ правѣ. Общественные классы борются за право установленія тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ отношеній. Жизнь права борьба классовъ за свои экономическіе интересы. Государство—организація борьбы классовъ, орудіе господства въ обществѣ классовъ или класса—побѣдителя въ той борьбѣ, право не имѣетъ своей особой закономѣрности и подчинено въ своемъ развитіи хозяйству. Вся закономѣрность соціальной жизни сводится къ зависимости всѣхъ ея сторонъ отъ одной —соціальнаго хозяйства.

Такимъ общимъ выводомъ заканчиваются всѣ разсужденія Булгакова по вопросу объ отношеніи хозяйства къ праву. Всѣ они говорятъ сами за себя, достаточно выражаютъ односторонность воззрѣній автора на предметъ. Поэтому мы утверждаемъ, что статьѣ Булгакова не мѣсто въ сборникѣ общественно-юридическихъ наукъ, читатели котораго могутъ признать за истину парадоксальныя разсужденія автора въ ихъ видимой научной формѣ.

Болѣе невинна и даже шаблонна по своему содержанію послѣдняя статья сборника—Горбунова: „Развитіе государства въ

Западной Европѣ". Авторъ не задается никакими модными теоріями по данному вопросу, а излагаетъ общеизвѣстные факты относительно развитія средневѣковаго государства, а также и тѣхъ условій, среди котораго сложились форма и задачи дѣятельности современнаго государства. Горбуновъ даетъ довольно яркую и вѣрную картину этого его строя и дѣятельности въ западно-европейскомъ обществѣ, гдѣ она вызывается всѣми разнообразными и важными его отношеніями.

Введеніе представительныхъ учрежденій, уничтоженіе всѣхъ сословныхъ перегородокъ, признаніе за личностью субъективныхъ публичныхъ правъ, болѣе правильное разграниченіе функцій верховной власти съ подчиненіемъ исполнительной власти законодательной—все это разшатало устои полицейскаго государства и подготовило почву для современнаго правового государства. Горбуновъ указываетъ на причины демократизаціи западно-европейскаго государства въ прошломъ столѣтіи, возникновенія важнаго соціальнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ расширенія вмѣшательства государственной власти въ жизнь общества безъ нарушенія, однако, гражданской его свободы. Къ числу существенныхъ чертъ жизни западно-европейскихъ государствъ въ XIX столѣтіи относится развитіе между ними международнаго общенія, при посредствѣ котораго удовлетворяются общіе всѣмъ культурные интересы. Обширныя задачи дѣятельности современнаго государства не съузили частную иниціативу, которая получила въ настоящее время необычайное развитіе, отразившееся на дѣятельности самого государства.

Сравнивая въ заключеніе современную стадію общественнаго развитія съ предшествующимъ ей періодомъ, Горбуновъ приходитъ къ тому заключенію, что цѣли и формы общественной организаціи стали теперь гораздо шире, сложнѣе и болѣе отвѣчаютъ интересамъ и желаніямъ всего народа. Въ тоже время современная общественная организація болѣе согласуется съ вѣрованіями, убѣжденіями, человѣческимъ достоинствамъ индивида, его гражданской свободой.

Этому характеру современнаго общественнаго развитія не противорѣчитъ процессъ „обобществленія",—подчиненія отдѣльнаго индивидуума общественному благу. Этотъ процессъ—не можетъ вести человѣчество къ рабству, какъ это утверждаетъ Г. Спенсеръ.—Наоборотъ, массы народа выигрываетъ оттого, что имъ такимъ путемъ обезпечиваются условія существованія, болѣе достойныя человѣка и свободнаго гражданина. По отношенію къ высшимъ классамъ общества тотъ же процессъ обобществленія оставляетъ неприкосновенною область вѣрованій и убѣжденій каждаго индивида, которому чрезъ свободную печать, свободные собранія и союзы предоставляется полная возможность вліять на дѣятельность и организацію всего государства.

В. Г. Щегловъ

S0041284
СФ СПбГУ